

Patriot Games

Джек Райан #2

OCR: "Online-Library", <http://www.bestlibrary.ru/>

Посвящается Ванде

Глава 1

СОЛНЕЧНЫМ ДНЕМ В ЛОНДОНЕ

В течение получаса Райан дважды чуть не распрощался с жизнью. Он вышел из такси за несколько кварталов до места, куда направлялся. Был ясный день, солнце уже низко стояло в синем небе. Он не один час просидел на жестких стульях с прямыми спинками, и теперь ему хотелось пройтись, чтобы размяться. На проезжей части было относительно немного машин, на тротуарах - не так уж много пешеходов. Это его удивило. Впрочем, вечером тут точно будет столпотворение, решил он. Улицы этого города прокладывались еще тогда, когда никаких автомобилей и в помине не было, так что можно не сомневаться, что в часы пик здесь яблоку негде упасть. "И все-таки, - подумал Джек, - по Лондону можно преотлично ходить пешком". И он двинулся вперед своим обычным бодрым шагом, не изменившимся со времен, когда он был морским пехотинцем. Планшет похлопывал по бедру в такт его шагам, он механически фиксировал этот ритм.

Еще не дойдя до перекрестка и увидев, что машин нет, он решил перейти улицу. Автоматически взглянув сперва налево, потом направо и опять налево - как это было заучено с детства, - он ступил на мостовую... и едва не был раздавлен в лепешку двухэтажным красным автобусом, прогремевшим мимо него в каком-нибудь полуметре.

- Прошу прощения, сэр.

Райан обернулся и увидел полицейского, тут же вспомнив, что их здесь зовут констеблями.

- Будьте, пожалуйста, осторожны и переходите улицу только на перекрестке.

Обращайте также внимание на надпись на мостовой, куда смотреть. Это специально для туристов, а то из-за наших правил движения мы рискуем их потерять.

- Откуда вам известно, что я турист? Теперь американский выговор, бесспорно, выдавал его.

Полицейский снисходительно улыбнулся.

- По тому, как вы смотрели не туда, куда нужно. Да и одеты вы на американский манер. Будьте осторожны, сэр. Всего доброго. - Дружески кивнув, он отошел, а Райан озадачился: что уж такого американского было в его новой тройке?

Дойдя до перекрестка, он и в самом деле увидел, что на мостовой белой краской было написано: "Смотри направо", куда указывала и стрелка - для безграмотных. Дождавшись зеленого света, Райан двинулся через дорогу, стараясь не ступить на линии перехода. Когда он возьмет напрокат машину, надо будет быть особенно внимательным. Англия - одна из последних стран в мире, где люди ездят не по той стороне улицы. Необходимо время, чтобы привыкнуть к этому, подумал он.

"Но вообще-то мне здесь нравится", - с удовольствием заключил он, окинув мысленным взором свой первый день в Англии. Он привык наблюдать и умел делать обобщения на основе нескольких мимолетных штрихов. Райан шагал по деловой части Лондона. "Здесьняя деловая публика одета получше, чем американская, - подумал он. - Не считая, конечно, всех этих панков, с их стоящими дыбом оранжевыми и лиловыми волосами". В архитектуре, правда, всего намешано - от Октавиана Августа до Мис ван дер Роз, однако большинство зданий все же по-старомодному уютны - не то, что в Вашингтоне или Балтиморе, где давно уже прямые линии бездушных стеклянных коробок задавили город. Город был Джеку по душе, как и его вежливые обитатели. Райан приехал не столько в отпуск, сколько по делам и, судя по первым впечатлениям, его пребывание здесь обещало быть приятным.

Правда, кое-что вносило дисгармонию. Например, зонтики в руках почти всех пешеходов. Еще накануне Райан поинтересовался прогнозом - день обещали ясный.

Более того, он даже был за назван жарким, хотя речь шла о каких-нибудь шестидесяти восьми градусах по Фаренгейту. Теплый денек для этого времени года, что и говорить, но - "жаркий"?.. "Интересно, - подумал он, - у них это тоже называется "индейским летом"? Вряд ли. А зачем тогда зонтики? Что они здесь, не верят службе погоды? Не потому ли полицейский вычислил, что я американец?"

Вот чего он еще не учел, хотя и следовало бы, так это обилия "роллс-ройсов". За всю свою жизнь он видел их раз-два и обчелся, а тут их было не то чтобы на каждом шагу, но более чем достаточно. Сам-то он обычно ездил на стареньком "фольксвагене". Остановившись у газетного киоска, чтобы купить "Экономист", Райан долго путался в британских монетах - продавец взирал на него со снисходительным терпением, тоже, конечно, угадав в нем янки. На ходу Райан принялся проглядывать газету, как вдруг обнаружил, что забрел куда-то не туда.

Остановившись, он начал припоминать план города, который изучил прежде, чем покинуть гостиницу. Насчет того, чтобы помнить названия улиц, - с этим у Джека было плохо, зато у него была прекрасная зрительная память на карты. Пройдя до конца квартала, он повернул налево, прошел еще два квартала, потом - направо и вышел к парку Сент-Джеймс. Взглянув на часы, он убедился, что у него было в запасе еще пятнадцать минут. Дальше он зашагал под уклон, миновал памятник герцогу Йоркскому и перешел улицу возле длинного беломраморного здания эпохи классицизма.

Обилие зелени тоже было приятной особенностью Лондона. Парк был изрядных размеров, и трава аккуратно подстрижена. Похоже, что осень выдалась не по сезону теплой - листья еще не начали опадать. Однако не слишком много

народу вокруг. "Впрочем, - пожал плечами Джек, - ничего удивительного. Сегодня среда.

Среда недели. Детишки в школе, а прочий люд трудится. Тем лучше". Райан нарочно приехал после туристского сезона. Он не любил толпу. И это осталось тоже со времени службы в морской пехоте.

- Па-а-па-а!

Райан вздрогнул и увидел свою дочку - она неслась к нему со всех ног.

Салли, как обычно, со всего размаху налетела на отца. И тоже, как обычно, за Салли спешила Кэти Райан, не в силах угнаться за этим ураганом. Вот Кэти действительно выглядела настоящей туристкой. Через плечо у нее висел фотоаппарат, рядом болтался футляр от него.

- Ну, как дела, Джек?

Он поцеловал жену. "Наверное, британцы не ведут себя так на улице", подумал он.

- Прекрасно, детка. Со мной обращались, словно я важная шишка. Все мои записки здесь, - он похлопал по планшету. - Неужели ты ничего не купила?

Кэти улыбнулась.

- Тут все с доставкой на дом. - Ее улыбка означала, что она рассталась со значительной частью той суммы, которую они выделили на покупки. - И мы нашли кое-что действительно стоящее для Салли.

- Ого! - Джек наклонился, чтобы заглянуть дочке в глаза. - Что же это такое?

- Это сюрприз, - ответила она, вертась и повизгивая, как то и полагается детям ее возраста. - Пап, а у них тут пруд с лебедями и пекиланами!

- Пеликанами, - поправил Джек.

- Большие, белые! - Салли обожала пеликанов.

- Ага, - согласился Джек. Он взглянул на жену. - Сделала хорошие снимки?

Кэти похлопала по камере.

- Еще бы! Весь Лондон уже запечатлен. Или ты хотел, чтобы мы провели в магазинах весь день?

Она любила снимать и знала в этом толк.

- Вот это да! - сказал он, скользнув взглядом по вымощенной красными плитами улице, вдоль которой тянулись вязы. - Мол, наверное? - Точно он не помнил, как это называется, а жену, бывавшую в Лондоне много раз, спрашивать не хотел. Дворец - метрах в трехстах от них - оказался солиднее, чем он ожидал, но довольно скучного вида, к тому же его чуть ли не целиком скрывал какой-то мраморный монумент. Машин тут было больше и двигались они живее. - Где мы ужинаем сегодня?

- Может, поймем такси и махнем в отель? - Кэти взглянула на часы. - А то можно и пешочком.

- Там должен быть хороший ресторан. Но еще рано. Раз хороший ресторан, то уж непременно заставят ждать до восьми-девяти вечера.

"Еще один "роллс-ройс", - отметил про себя Джек. Они свернули к дворцу. Он предвкушал ужин, но, право, лучше бы без Салли. Малолетки и шикарные рестораны плохо сочетаются. Слева от него взвизгнули тормоза. "Интересно,

есть ли в отеле няньки для детей постояльцев?" - подумал он, и в тот же момент раздалось: .

ТР-РА-АХ!

При звуке взрыва Райан подпрыгнул. Взрыв раздался всего метрах в двадцати пяти от него. "Граната" - мелькнуло у него в голове. В воздухе просвистели осколки и тут же зачастил автомат. Обернувшись, он увидел покореженный "роллс-ройс", а перед ним перекрывший дорогу черный лимузин. Стоявший у правого крыла лимузина человек стрелял из АК-47, целясь в переднюю часть "роллс-ройса", другой бежал к левой задней его двери.

- Ложись! - Райан схватил Салли за плечо и прижал ее к земле. Резко дернув Кэти за руку, он уложил ее рядом с Салли. Метрах в пятнадцати от "роллс-ройса" в беспорядке сгрудилась дюжина машин, защищая Райанов от огня. Движение на дальнем конце улицы было блокировано лимузином. А человек с "Калашниковым" все поливал и поливал огнем "роллс-ройс".

- Сукины дети! - Райан смотрел, не веря собственным глазам. "Эта чертова Ирландская армия! Наверняка, убивают кого-нибудь стоящего", - пронеслось у него в голове. Он слегка подвинулся влево. Краем глаза ухватил лица тех, кто толпился на улице, - на каждом лице чернело полукружье перекошенного от ужаса рта. "Это правда! - подумал он. - Прямо передо мной, словно в кино про чикагских гангстеров. Два негодяя убивают в открытую. Запросто. Прямо так". Сукины дети! - снова выругался он.

Он сдвинулся еще чуть влево - под прикрытием переднего крыла одной из застрявших на улице машин. Теперь ему стал виден тот, что стоял у левой задней двери "роллс-ройса", - он стоял, вытянув руку с пистолетом, словно ожидая, что из двери машины вот-вот кто-то выскочит. Корпус "роллс-ройса" прикрывал Райана от автоматчика - он как раз присел, что-то там колдуя над своим "Калашниковым".

Тот, что с пистолетом, стоял спиной к Райану. В каких-нибудь пятнадцати метрах от него. Он не двигался, не спуская глаз с машины. Спиной к нему. Позже Райан не мог припомнить, как в тот момент работало его сознание.

Пригнувшись, он бросился вперед, все стремительнее набирая скорость и устремив глаза в одну точку - спину того, что стоял у машины. Точь-в-точь, как его учили на тренировках в футбольной команде, еще в школе. Он думал лишь об одном - чтобы тот так и стоял не двигаясь, хотя бы еще несколько секунд. За полтора метра до цели Райан пригнулся и прыгнул, оттолкнувшись от земли обеими ногами. Его тренер был бы доволен.

Результат оказался что надо - террорист был захвачен врасплох. Спина его изогнулась, как лук, и Райан сперва услышал, как хрустнули кости, когда тот рухнул лицом вперед, а потом - с удовлетворением, - звук тупого удара головы о бампер машины. Райан присел на корточки возле тела. Рядом валялся пистолет.

Райан схватил его. Марка была ему незнакома. Что-то вроде 9-миллиметрового "Макарова". Курок был на взводе, предохранитель спущен. Пистолет удобно лег в правую руку - левая почему-то не очень слушалась, но Райану было некогда об этом думать. Взглянув на распростертое перед ним тело, Райан выстрелил, целясь в бедро. Потом, держа пистолет на уровне глаз, он, пригнувшись как можно ниже, выглянул из-за кузова "роллс-ройса".

Второй террорист палил теперь по машине из пистолета;

"Калашников" валялся на мостовой. Райан набрал полную грудь воздуха и вывернулся из-за "роллс-ройса", целясь террористу в грудь. Тот оглянулся и тут же, слегка покачнувшись при развороте, навел пистолет на Райана. Они выстрелили одновременно. Райана сильно толкнуло в левое плечо, и в то же время он увидел, что попал в грудь террористу. Его откинуло назад, словно ему в грудь со всей силы заехали кулаком. Райан вновь прицелился и выстрелил. Пуля попала террористу под подбородок, и из его затылка вырвалось мокрое розовое облачко.

Он рухнул на мостовую, даже не дернувшись, словно марионетка, у которой враз обрезали все нити. Райан опять прицелился ему в грудь, но тут взгляд его упал на голову террориста.

- О Боже!

Адреналин стремительно улетучился из его крови. Бег времени замедлился, обретя нормальный темп. Кружилась голова. Он судорожно втягивал воздух ртом.

То, что двигало им мгновение назад - что бы это ни было, - теперь, казалось, испарилось, и он чувствовал, что вот-вот упадет. Черный лимузин попятился, а затем, набирая скорость, рванул по улице и вильнул в ближайший переулок, налево. Райану и в голову не пришлось запомнить его номер. Он был ошеломлен стремительным развитием событий, таким стремительным, что сознание за ними не поспевало.

Тот, в кого он всадил две пули, был мертв - глаза его были открыты, и в них застыло удивление. Из затылка его натекала лужица крови, сантиметров тридцать в ширину. Райан похолодел, увидев в его левой руке гранату. Он наклонился, чтобы убедиться, что чека на месте. Разогнуться стоило немалых усилий. Потом он повернулся к "роллс-ройсу".

Первая граната разворотила весь передок. Приплюснутые к земле колеса смотрели в разные стороны. Шофер был мертв. На переднем сиденье скорчилось тело другого человека. Переднее стекло разнесло вдребезги. Лица у водителя не было сплошная красная дырчатая масса. На стеклянной перегородке, отделяющей шофера от пассажиров, пятна крови. Джек обогнул машину и заглянул в заднее окно. На полу распростерся какой-то человек, а из-под него виднелся кончик женского платья. Райан постучал рукояткой пистолета по стеклу. Человек чуть шевельнулся, а потом вновь замер. По крайней мере, он был жив.

Райан взглянул на свой пистолет - магазин был пуст. Его дыхание было прерывистым, ноги подкашивались, руки тряслись, а раненое плечо то и дело заливали волны резкой боли. Он оглянулся по сторонам и увидел нечто, заставившее его забыть о боли...

По направлению к нему бежал солдат, а за ним - в нескольких метрах полицейский. "Из дворцового гарнизона", - подумал Джек про солдата. Он был без меховой форменной шапки, однако винтовки со стальным штыком не потерял.

"Интересно, заряжена ли винтовка?" - мелькнуло у Райана. И тут же пришла другая мысль, - что выяснять это было бы дорогим удовольствием. "Этот парень, - сказал он себе, - профессионал из ударных частей. Он научился заряжать винтовку настоящими пулями еще до того, как его отправили в школу, где муштруют дворцовую стражу, на которую всегда с таким любопытством глаза туристы. Не исключено, что он знает, как обращаться с оружием. Не

хуже морского пехотинца.

Как он так быстро оказался тут?"

Райан медленно вытянул руку с пистолетом, нажал на разрядник, и магазин со стуком упал на землю. Затем он повернул пистолет так, чтобы было видно, что он пуст, и, бросив его на мостовую, шагнул в сторону. Он попытался было поднять руки вверх, но левая не двигалась. Солдат бежал грамотно - голова чуть задрана вверх, глаза рыскают туда-сюда, но в то же время ни на секунду не упускают из виду Райана. Он остановился в трех метрах от Райана, нацелив штык прямо ему в горло, как то и требуется в инструкциях по рукопашному бою. Его грудь часто вздымалась, но лицо было, как безжизненная маска. Сзади трусил полицейский со своим радио - он что-то кричал в него, и лицо его было багровым.

- Вольно, солдат, - сказал Райан со всей возможной твердостью. Никакого впечатления. - Мы уложили парочку негодяев. А я не из их компании.

Лицо солдата не изменилось. Конечно, мальчик был профессионалом. Райан знал, о чем он думает, - о том, как потом выдернуть штык из тела своей жертвы.

Но у Джека не было сил уклониться.

- Папа-папа-папа!

Райан обернулся - к нему со всех ног неслась, огибая сгрудившиеся машины, Салли. В глазах девочки был ужас. На мгновение она замерла в нескольких метрах от него, но тут же ринулась вперед и, обхватив обеими руками ноги отца, крикнула солдату:

"Не трогай моего папу!"

Солдат еще изумленно переводил глаза с дочери на отца, как к ним осторожно приблизилась Кэти, выставив вперед и вверх ладони и таким образом показывая, что у нее нет оружия.

- Солдат, - сказала она голосом, привыкшим отдавать команды, - я - врач и должна осмотреть раненого. Опустите винтовку!.. Ну!..

Констебль, ухватив солдата за плечо, что-то сказал ему. Тот слегка расслабился, и штык чуть-чуть ушел в сторону. К месту действия спешили несколько полицейских, редела сирена санитарной машины. Ситуация, как бы там ни было, понемногу приходила в норму.

- Ты ненормальный, - сказала Кэти.

На рукаве нового пиджака Райана было темное пятно, перекрасившее серую шерсть в темно-малиновый цвет. Все его тело сотрясала дрожь. Он едва держался на ногах, а тут еще Салли, повисшая на нем... Он покачнулся, едва не упав. Кэти подхватила его под руку и помогла опуститься на землю, усадив его так, чтобы спина опиралась о машину. С профессиональным спокойствием Кэти осмотрела рану и пропальпировала ее. Отнюдь не нежно. Достав из его брючного кармана платок, прижала его к ране.

- Неважно, - сказала она, не обращая ни к кому.

- Папа, ты весь в крови!

Салли взмахивала руками, как птенец. Джек хотел было дотянуться до нее рукой, чтобы показать, что все в порядке, но тот метр, что их разделял, был все равно что тысяча километров.

Теперь вокруг толпилось с десятков полицейских, многие из них с трудом

переводили дыхание. Трое, с пистолетами в руках, обшаривали глазами собравшуюся вокруг толпу. Появились еще двое солдат в красных мундирах дворцового гарнизона. Потом - полицейский сержант. Но прежде чем он вымолвил хоть слово, Кэти отчеканила приказным тоном:

- Вызовите санитарную машину - да поскорей!

- Уже в пути, мэм, - ответил сержант с поразительной вежливостью.

Давайте-ка мы сами займемся раненым.

- Я - врач, - отрезала она. - Есть у вас нож?

Сержант снял штык с винтовки дворцового охранника и наклонился, чтобы помочь ей. Сперва они разрезали пиджак и жилет, а потом - рубашку, чтобы обнажить плечо Райана. Пропитавшийся кровью платок Кэти отшвырнула в сторону.

Джек запротестовал.

- Замолчи, Джек. - Взглянув на сержанта, она кивнула в сторону Салли:

Уведите ее отсюда.

Сержант жестом подозвал охранника. Тот сгреб Салли в охапку и, бережно прижав к груди, отошел с ней в сторону. Джек видел, что малышка заливается слезами, но все это было как бы очень далеко от него. Он почувствовал, что кожа его похолодела и, покрылась влагой. Шок, что ли?

- Черт, - мрачно выговорила Кэти.

Сержант протянул ей бинт. Она прижала его к ране, и он тут же стал красным. Она накладывала повязку, а Райан стонал. Болело, словно ему саданули топором по плечу.

- Джек, за каким чертом ты пытался влезть в это? - проговорила она сквозь зубы, путаясь с повязкой.

Райан вдруг разозлился и, на миг забыв о боли, прорычал:

- Я не пытался - я влез и уделал их! - Выпалив эти слова, он совсем обессилен.

- Ага, - процедила Кэти. - Из тебя кровь льется, как из поросенка.

Народ все прибывал с разных сторон. Казалось, воеет по крайней мере сотня сирен; из машин выскакивали люди - кто в форме, кто без. Какой-то полицейский чин - видать, старший - начал; отдавать распоряжения. Сцена была весьма впечатляющей. Райан фиксировал происходящее с отрешенностью постороннего, как бы со стороны. Вот он сидит, привалившись, к "роллс-ройсу", его рубашка пропиталась кровью, словно та выплеснулась из кувшина. А Кэти, чьи руки в крови мужа, все пытается получше приладить повязку. Его дочь заходится в рыданиях на руках дюжего солдата, который вроде бы что-то там напевает ей на каком-то непонятном языке. Салли не спускает с него расширенных глаз. Отрешенной части его сознания все это представлялось очень впечатляющим, но вот нахлынула очередная волна боли и вышвырнула его на берег реальности.

Подошел полицейский - тот самый, что был, судя по всему, старшим.

- Сержант, - скомандовал он, окинув взглядом "роллс-ройс" - а ну-ка, оттащите его в сторону. Кэти огрызнулась:

- Можете открыть машину с той стороны, черт побери! У меня тут раненый!

- Ее заклинило, мэм. Давайте я помогу.

Они склонились над Райаном, и тут он услышал звук другой сирены. Втроем

они подхватили его с земли и оттащили чуть-чуть в сторону, чтобы командир их смог открыть дверь машины. Оттащить-то оттащили, да недалеко - когда дверь открыли, она краем своим ударила его по плечу. Он заорал от боли, и это было последнее, что он услышал, теряя сознание.

В глазах все двоилось, сознание словно заволокло туманом, оно работало с перерывами, поставляя обрывочные, вырванные из временного контекста сведения о несвязанных между собой вещах. Вот он в какой-то машине. Его покачивает из стороны в сторону, и волны боли захлестывают грудь, а вдали какой-то кошмарный, атональный звук - впрочем, не так уж он и далеко... Два лица - вроде бы смутно знакомые. И Кэти, кажется, тоже тут. Хотя нет, это какие-то незнакомцы в зеленом. Все было в зыбком тумане, кроме жгучей боли в плече и груди. Он сомкнул глаза, и все исчезло. Он оказался совсем в другом месте.

Потолок был белым - глазу почти не за что уцепиться. Почему-то Райан знал, что он под воздействием лекарств. Он это чувствовал, но не мог понять, с какой стати его накачали лекарствами. Понадобилось несколько минут, чтобы сообразить, что потолок сделан из звукопоглощающих плиток, обрамленных металлическим каркасом. На некоторых из этих плиток были капли воды, и что-то такое они ему напоминали. Но что? Другие были из прозрачной пластмассы и излучали мягкий флюоресцирующий свет. Под носом у него было что-то прицеплено, и через какое-то мгновение он почувствовал, что в ноздри его втекает прохладный газ. Кислород?

Понемногу начали включаться в работу и другие органы чувств. С перебоями, с провалами они начали поставлять центру - голове - различного рода информацию. К груди были пластырем прикреплены какие-то штуковины, которые невозможно было разглядеть. Пластырь чувствительно прихватил волосы на груди - Кэти, подвыпив, так любила играть с ними... Давало о себе знать левое плечо... Хотя - нет, никаких признаков жизни в нем. Все тело словно свинцом налито - и на сантиметр не подвинуться.

"Больница, - решил он спустя несколько минут. - Почему я в больнице?"

Джек долго пытался сосредоточиться на этой мысли, пока наконец не вспомнил, почему он тут. А когда вспомнил, то происшедшее понемногу стало выплывать из лекарственного тумана.

"В меня, кажется, тоже стреляли?" - Райан медленно повернул голову направо. Возле кровати висела на металлической стойке бутылка с физиологическим раствором, резиновый шланг от нее шел под простыню, к его руке. Он напрягся, чтобы ощутить кончик катетера - где-то он должен был входить в локоть правой руки, - но так ничего и не уловил. Во рту было сухо до шершавости. "Мне ведь продырявили не правую руку..." - Затем он попытался повернуть голову налево. Но что-то мешало этому - что-то мягкое, однако неподатливое. Что именно - не так уж и важно. Даже собственное состояние его не очень-то занимало. То, что было вокруг, интересовало его больше. Взглянув чуть вверх, Райан увидел нечто вроде телеэкрана и еще какую-то непонятную электронику. "Экран ЭКГ, что ли? В общем что-то вроде этого", - заключил он. Судя по всему, он был в хирургической палате, весь обмотанный проводами, точно космонавт.

- Ага, мы проснулись, - откуда-то издали прозвучал голос. Райан упер

подбородок в грудь и только тогда увидел сестру лет пятидесяти. Лицом она была похожа на Бетти Дэвис, только вся в морщинах - должно быть, много лет то и дело что хмурилась. Он хотел сказать что-то, но рот был словно замазкой залеплен.

Получилось нечто среднее между хрипом и кваканьем. Пока он размышлял над тем, что же за звук вырвался из его рта, сестра исчезла.

Минуту спустя появился мужчина - тоже лет пятидесяти, высокий и худой, в зеленом одеянии хирурга. На шее у него висел стетоскоп. Что-то еще было у него в руках, но что именно Райан не мог понять. Он выглядел довольно усталым, но все же удовлетворенно улыбался.

- Ну-с, - сказал он, - мы проснулись. Как мы себя чувствуем?

На этот раз у него вырвался только хрип, но хотя бы без этого кваканья.

Врач - или кто он там был - жестом подозвал сестру. Она подошла к Райану со стаканом воды - на самом донышке. Он втянул ее через стеклянную трубочку, но этого было слишком мало для глотка - он впитал ее, как губка.

- Спасибо. - Где я?

- В хирургической палате для выздоравливающих. Это больница св. Томаса. Вы здесь после операции на левом предплечье и плече. Я ваш хирург. Мы трудились над вами часов шесть, и, похоже, - добавил он рассудительно, - вы будете жить.

Райан был для него прежде всего лишь частью удачно проделанной работы.

Райан лениво подумал, что английский юмор, столь восхитительный в иной ситуации, был слишком сух в данных обстоятельствах. Он начал было сочинять, что бы такое сказать врачу, но тут увидел Кэти. Сестра с лицом Бетти Дэвис двинулась к ней, чтобы выпроводить из палаты.

- Прошу прощения, миссис Райан, но только медицинскому персоналу...

- Я - врач, - сказала Кэти и вытащила из кармана удостоверение личности.

- Глазной институт Вилмера, больница Джонса Хопкинса, - прочитал хирург и, протянув ей руку, одарил дружелюбной улыбкой. - Приветствую вас, коллега. Меня зовут Чарлз Скотт.

- Это верно, - слабым голосом подтвердил Райан. - Она - хирург, доктор медицины, а я - историк, тоже доктор...

Но никто, вроде бы, не обратил внимания на его слова.

- Сэр Чарлз Скотт? Профессор Скотт?

- Он самый.

Приятная улыбка.

"Каждый любит, когда его узнают", - подумал Райан.

- Один из моих учителей, профессор Ноулис, - ваш знакомый.

- А-а, Деннис? Как он поживает?

- Прекрасно, доктор. Он сейчас ассистент профессора ортопедии, - сказала Кэти и перевела разговор на профессиональную почву. - А рентген вы делали?

- Вот он, - доктор Скотт извлек из просторного конверта снимок и поднес его к световой панели. - Он сделан до операции. Кэти сморщила нос.

- Черт побери. - Она надела небольшие полукруглые очки, которыми всегда пользовалась, когда надо было что-то попристальней разглядеть, и которые

Райан терпеть не мог. Он видел, как она слегка поворачивала голову из стороны в сторону, изучая снимок. - Я не знала, что это так плохо.

Профессор кивнул.

- Именно. Ключица, похоже, была сломана еще до выстрела. А пуля прошла вот тут - совсем рядом с плечевым сплетением, так что нерв почти не задет... И все же она понаделала дел... - Он скользнул карандашом по снимку - на что он там указывал, Райану не было видно. - Потом она развалила тут все в верхней части плечевой кости и застряла уже на выходе, как раз под кожей. Чертовски мощная штука, девятимиллиметровка. Так что, как видите, площадь поражения довольно значительна. Нам пришлось попотеть, пока мы собрали воедино все эти осколки. Но нам это удалось. - Теперь доктор Скотт пристроил рядом другой снимок. Кэти некоторое время молча изучала их.

- Прекрасная работа, доктор!

Сэр Чарлз улыбнулся чуть шире, чем прежде.

- Полагаю, что услышать такое из уст хирурга больницы Джонса Хопкинса комплимент. Эти металлические штифты, боюсь, навсегда тут, так же как и шуруп, но прочее заживет вполне нормально. Как видите, все большие осколки кости водворены на надлежащее место, и у нас есть все основания надеяться на полное выздоровление.

- Каковы будут последствия?

Вопрос был задан спокойным тоном. Кэти умела быть умопомрачительно бесстрашной, когда дело касалось ее работы.

- Трудно сказать, - задумчиво сказал доктор. - Похоже, что незначительные.

Но мы не можем гарантировать полное восстановление функций - площадь поражения была все-таки слишком большой.

- Не расскажете ли вы об этом и мне тоже? - сказал Райан, норовя прозвучать как можно более сурово, но это у него не вышло.

- Я имею в виду, мистер Райан, что подвижность вашей руки, по-видимому, будет ограниченной - пока трудно сказать, до какой степени. А кроме того, отныне у вас всегда будет собственный барометр. Перемену погоды вы будете чувствовать раньше всех.

- Сколько он пробудет в гипсе? - поинтересовалась Кэти.

- Месяц, по крайней мере, - сказал хирург, как бы извиняясь. - Это неудобно, я знаю, но плечо должно быть в полном покое, хотя бы в течение месяца. Потом мы изучим ситуацию и, возможно, перейдем к нормальному гипсу еще... ну, еще на месяц, полагаю. Пока все идет нормально, никаких аллергий - у него отличное здоровье, и вообще он в хорошей физической форме.

- Со здоровьем у Джека все в порядке, за исключением того, что у него в голове не хватает пары шариков, - сказала Кэти усталым голосом. - Он бегаёт трусцой. Никаких аллергий - если не считать аллергии на амброзию. И вообще он выздоравливает быстро.

- Точно, - подтвердил Райан. - Следы ее укусов проходят обычно через неделю. - Он думал, что это ужасно смешно, однако никто не засмеялся.

- Хорошо, - сказал сэр Чарлз. - Итак, доктор, вы видите, что ваш муж в надежных руках. Я оставлю вас наедине на пять минут. А потом ему надо отдохнуть, да и вам это, кажется, тоже не помешает. - И он ушел, а за ним и

Бетти Дэвис.

Кэти подошла к нему, превратившись из бесстрастного медика в озабоченную жену. Райан вновь подумал - в который раз - что с женой ему несказанно повезло.

У Каролины Райан было маленькое круглое личико, короткие светлые волосы и самые красивые в мире голубые глаза. Но помимо глаз, был еще и ум.

Каролина была личностью, и этой личностью он восхищался. Он никогда не мог понять, чем он покорила ее. Ему было больно сознавать, что даже в лучшие свои дни привлекательностью он не отличался. К тому же, когда они познакомились, он носил бороду. Тяжелая черная борода на вытянутой худосочной физиономии. Точно ворона. А она - кошечка. Райан попытался дотянуться до ее руки, но все эти повязки не пускали. Кэти взяла его руку в свои.

- Люблю тебя, детка, - сказал он мягко.

- О Джек. - Кэти попыталась обнять его, но это было невозможно из-за гипса. - Джек, какого черта ты полез в это дело? Он уже приготовил ответ.

- Все позади, и я остался жив, не правда ли? Как там Салли?

- Надеюсь, наконец заснула. Она внизу, с полицейским. Кэти и в самом деле выглядела усталой.

- Как ты думаешь, Джек, каково ей? Господи, ведь тебя чуть не убили у нее на глазах. Ты обеих нас напугал до смерти.

Веки ее были красными, волосы растрепаны. "Впрочем, - подумал Джек, прическа у нее никогда не держится. Особенно под докторской шапочкой".

- Да, я знаю. В любом случае, я вряд ли впутаюсь в такое дело в ближайшее время, - проворчал он. - Не говоря уже о том, что в ближайшее время я вообще ни на что не буду способен.

Она улыбнулась. Приятно было видеть, как она улыбается.

- Ну и хорошо. Тебе теперь надо беречь силы. Надеюсь, этот урок чему-то тебя научит. И не говори мне обо всех этих еще не опробованных гостиничных постелях, простаивающих впустую, - она сжала его руку и проказливо улыбнулась.

- Через несколько недель мы, похоже, что-нибудь придумаем. Как я выгляжу?

- Кошмарно, - рассмеялся он. - Я вижу, этот доктор - важная персона?

- В каком-то смысле. Сэр Чарлз Скотт - один из лучших в мире ортопедов. Он учитель профессора Ноулиса. Тебе просто повезло. Ты бы вообще мог без руки остаться. О Боже!..

- Полегче, детка. Все же в порядке, в конце концов.

- Слава Богу.

- Сильно болеть будет, да?

- Не слишком, - улыбнулась она. - Ну ладно, мне пора - Надо уложить Салли.

Приду завтра.

Она наклонилась и поцеловала его - со всеми лекарствами, которыми его накачали, с этим кислородным шлангом, пересохшим ртом и всем прочим. Это было здорово. "Господи, - подумал он, - Господи, до чего же я ее люблю". Кэти еще раз сжала его Руку и ушла.

Вместо нее явилась Бетти Дэвис. Замена была неравноценной.

- Нам еще нельзя двигаться, доктор Райан. Сейчас я вам подам судно.

Она исчезла прежде чем он нашелся, как возразить. Вильсон проводил ее оценивающим взглядом. "Полицейские и сестры", - подумал Райан. Его отец женился на медсестре - они встретились в неотложке, куда он доставил раненого.

Сестра по фамилии Киттивэйк - как сообщала бирка на ее груди - появилась вновь с "уткой" из нержавеющей стали, неся ее словно некий драгоценный дар, каковым она и была в данных обстоятельствах. Это Райан признал. Она подняла одеяло, и Райан внезапно понял, что больничный халат вовсе ничего не прикрывает и что, хуже того - сестра собирается помочь ему воспользоваться "уткой". Правая рука его нырнула под одеяло и завладела ,уткой".

Слава Богу, он мог справиться с этим делом сам.

- Не могли бы вы... в общем, выйти на минутку? Она ушла, прикрывая улыбкой разочарование. Он подождал, пока дверь полностью закроется и только тогда приступил к делу, облегченно вздохнув и не обращая внимания на Вильсона.

Досчитав до шестидесяти, Киттивэйк снова появилась в дверях.

- Спасибо, - сказал Райан и протянул ей сосуд. Она вышла, но тут же вернулась. Теперь она пристроила ему в рот градусник и, ухватив за запястье, проверила пульс. Градусник был электронным, так что она справилась секунд за пятнадцать. Райан спросил, какая у него температура, но в ответ получил только улыбку. Улыбка не сходила с ее лица и пока она вписывала показания градусника в его график. Потом она, не переставая сиять, поправила одеяло. "Маленькая госпожа Эффективность, - сказал Райан про себя. - Она еще надоест мне до зуда в заднице".

- Что-нибудь еще, доктор Райан? - спросила она, сияя карими глазами и излучая всем своим свежим, точно утренняя роса, обликом свет. Райан не мог долго злиться на хорошеньких женщин и ненавидел их за это. Особенно медсестер, свежих, словно утренняя роса.

- Кофе? - спросил он с надеждой.

- Завтрак только через час. Принести вам чашку чая?

- Прекрасно, - солгал он, чтобы избавиться от нее хоть ненадолго. Она выпорхнула из палаты, по-прежнему сияя.

- Больницы! - проворчал Райан, когда она скрылась.

- Ну, знаете ли... - сказал Вильсон, на которого сестра произвела сильное впечатление.

- Вам-то что - вам-то тут не будут менять пеленки, - угрюмо заметил Райан и откинулся на подушку. Он знал, что сопротивляться бесполезно. Сопротивляться бесполезно. Ему уже дважды приходилось лежать в больницах, и оба раза там были юные - хорошенькие сестрички. И чем больше он ворчал, тем сильнее они старались быть всепобедительно приятными - на их стороне было время, время и терпение, достаточные, чтобы любого подмять. Он вздохнул, сдавшись. Не стоит тратить силы на это.

- Так вы, значит, полицейский? Спецотдел?

- Никак нет, сэр. Си-13. Отдел борьбы с терроризмом.

- Сможете вы дополнить вчерашнюю картину? Я кое-что пропустил.

- Что именно вы помните, доктор? - Вильсон придвинул свой стул поближе к кровати. Райан отметил, что он не выпускал дверь из поля зрения, а правая рука его была наготове.

- Я видел... нет, слышал взрыв. Похоже на ручную гранату. Я повернулся, а там два парня поливают "роллс-ройс". ИРА, думаю. Я прикончил двоих, а третий бежал к машине. Тут набежала полиция, я потерял сознание и очнулся в больнице.

- Это не ИРА, это АОО - Армия освобождения Ольстера, маоисты. Те еще гады.

Один из тех, кого вы прикончили, был Джон Майкл Маккрори, тот еще тип, из Лондондерри - бежал в июле из тюрьмы. Это он в первый раз вынырнул на поверхность. В первый и последний, - холодно усмехнулся Вильсон. - А второй мы пока еще не разобрались, кто он. Так оно во всяком случае было три часа тому назад, когда я заступил сюда.

- Армия освобождения Ольстера? - удивился Райан. Вроде бы он это название слышал. - У того, которого я пристрелил... У него был автомат, а когда я наскочил на него, он уже был с пистолетом. Почему так?

- У него, дурака, заело. Он загнал два полных магазина - впритык, точно так, как показывают в кино. У нас в спецчастях специально учат этого не делать.

Похоже, он обо что-то шмякнул автомат, вероятно, когда выскакивал из машины. И второй магазин погнулся вверх - его и заело. Так что вам чертовски повезло. Вы знали, что у него был "Калашников"? - Вильсон в упор уставился на Райана.

Джек кивнул.

- Не слишком умно, а?

- Полный кретинизм, - сказал Вильсон как раз в тот момент, как в дверях появилась Киттивзйк с подносом, на котором стоял чайник.

Бросив на полицейского подчеркнуто неодобрительный взгляд, она поставила поднос на столик, подкатила его к кровати Райана и изящно наполнила чашку.

Вильсону пришлось самому позаботиться о себе.

- Ну, а кто же все-таки был в машине? - спросил Райан. Реакция была странной.

- Как, вы не знали? - поразились сестра.

- У меня не было времени, чтобы узнать.

Райан высыпал в чашку два пакетика коричневого сахара. Он было начал размешивать его, но замер, услышав слова Вильсона:

- Принц Уэльский с принцессой и ребенком.

- Что? - вскинул голову Райан.

- Вы в самом деле не знали? - допытывалась сестра.

- Вы это серьезно? - тихим голосом спросил Райан. "Впрочем, вряд ли они стали бы так шутить", - подумал он.

- Серьезней некуда, черт побери, - продолжал Вильсон. Голос его был слишком ровен для таких слов, которые как раз и свидетельствовали о том, как глубоко он был всем этим взволнован. - Когда бы не вы, они все погибли бы. Так что вы, доктор Райан, - герой, черт побери.

Он допил свой чай и потянулся за сигаретой. Райан поставил свою чашку на столик.

- А почему они ездят прямо так? - спросил он. - Без полиции, секретной охраны - или как она у вас там называется? Без сопровождения?

- Вероятно, это была незапланированная поездка. Трудно сказать.

Организация охраны королевской семьи - это не по моей части. Я полагаю, однако, что соответствующему отделу придется кое-что пересмотреть.

- Их не ранило?

- Нет. Но шофер убит. И - Чарли Уинстон, агент из ГДО - Группы дипломатической охраны. Я его знал. У него жена и четверо детей. Большие уже.

Райан сказал, что в том "роллс-ройсе" надо было бы поставить пуленепробиваемые стекла.

- Там были эти стекла, - ответил Вильсон. - Из пластика особого состава.

Но, к сожалению, никто не ознакомился с инструкцией. Гарантия только на год.

Выяснилось, что солнечный свет каким-то там образом снижает уровень сопротивляемости этого пластика. Так что в этом смысле стекла "роллс-ройса" мало чем отличались от обычных, и наш приятель Маккрори вlepил в них тридцать пуль, разнес стекло вдребезги и прикончив шофера. Но внутренняя перегородка была, слава Богу, вне досягаемости солнечного света и потому сохранила нужные качества. Последнее, что успел сделать Чарли, - нажать на кнопку и поднять перегородку. Это-то, вероятно, и спасло его хозяев, но не беднягу Чарли. Он успел выхватить пистолет, но вряд ли у него было время, чтобы выстрелить хоть раз.

И тут Райан вспомнил: пассажирское отделение "роллс-ройса" было испачкано не только кровью. Голову шофера разнесло на куски, и мозги забрызгали задние сиденья. Шофер, видимо, сперва поднял перегородку, не думая о самозащите...

"Что ж, - подумал Джек, - за это-то им и платят. Ну и работенка, черт побери!"

- К счастью тут появились вы - в очень подходящий момент.

У них ведь были гранаты, вы знаете?

- Да, я видел одну, - Райан допил свой чай. - О чем же я, черт подери, думал в тот момент?

"Ты ни о чем не думал. Вот об этом ты и думал", - мелькнуло у него.

Киттивэйк, заметив, что Райан побледнел, спросила:

- Как вы себя чувствуете?

- Ничего, - ответил он. - Раз я действовал не думая, следует считать, что сейчас мне вполне хорошо, - мне ведь положено было быть мертвым.

- Ну, могу вас заверить, что тут вам это не грозит, - она похлопала его по руке. - Позвоните мне, если что-нибудь понадобится, - и, сияя улыбкой, она вышла из палаты.

- А тот что, так и скрылся? - спросил Райан. Вильсон кивнул.

- Машину нашли у станции метро, за несколько кварталов отсюда. Машина краденая, конечно. Бесследно скрыться было нетрудно. Нырнул в метро и все.

Доехал до Хитроу, а там - самолетом... скажем, в Брюссель. А уж оттуда можно и в Ольстер лететь, а потом на машине - домой. Это один способ. Есть и другие, и все их перекрыть невозможно. Вчера он, вероятнее всего, потягивал пиво в своей любимой пивной и смотрел новости по телевизору.

Вам удалось его разглядеть?

- Нет, только силуэт. Я даже не сообразил запомнить его номер. Прямо сразу же этот, в красном мундире, ринулся на меня со штыком, - сказал Райан, передернувшись. - Клянусь Богом, я думал, он проткнет меня, как поросенка. У меня даже мелькнуло: вот я сделал нечто правильное и убит своим же.

Вильсон рассмеялся.

- Вы даже не представляете, как вам повезло. Теперь ведь дворец охраняют как раз ребята из Уэльской гвардии.

- Ну и что?

- Полк Его королевского высочества. И он у них командир. А тут вы с пистолетом - как же еще ему вести себя? - спросил Вильсон, вминая остаток сигареты в пепельницу. - Другая удача - ваша жена с дочерью. Они бросились к вам, и это немного охладило того парня, а тут как раз подоспел наш человек... А потом еще сотня моих парней - мы оцепили весь район. Я надеюсь, вы способны оценить это, доктор. Трое убитых, двое раненых, принц с Принцессой вроде как застрелены... Ваша жена, кстати, осмотрела их там же и сказала, что с ними все в порядке - еще до появления "скорой помощи"... Ребенок, сотня свидетелей, и каждый со своей версией случившегося. Проклятый янки - американский ирландец, конечно! А жена его утверждает, что он - прямо-таки ангел, - снова рассмеялся Вильсон. - Настоящий хаос! Прежде всего, - продолжал он, - надо было доставить королевскую семью в безопасное место. Этим занимались полиция и охрана, наверное, взывая к небесам, чтобы им теперь представился случай проявить храбрость. Они, говорят, до сих пор пребывают в мрачном состоянии духа. Их нетрудно понять. Далее, ваша жена категорически отказалась покинуть вас, пока вы не были доставлены сюда, под опеку врачей. Женщины, говорят, сильного характера.

- Она - хирург, - пояснил Райан, - и привыкла, чтобы все было, как она скажет. Все хирурги таковы.

- После того как она убедилась, что вы в надежных руках, мы отвезли ее в Скотленд-Ярд. А тут еще веселенькая работа по выяснению вашей личности.

Связались с юрисконсультлом американского посольства, и он стал наводить справки через ФБР, плюс запросил данные на вас в управлении морской пехоты.

Райан вытащил сигарету из пачки Вильсона, тот щелкнул зажигалкой. Райан всегда кашлял от дыма. Но сейчас ему надо было закурить. Кэти ему за это устроила бы веселую жизнь, но иногда сигарета стоит скандала.

- Понимаете, - продолжал Вильсон, - мы, собственно говоря, с самого начала не верили, что вы можете оказаться одним этих. Только маньяк мог взять с собой на такого рода дело жену ребенком. Но проверка-то все равно ведь нужна.

Райан кивал, соглашаясь. От сигареты у него кружилась голова. "Как это им пришлось в голову проверять через морское управление?.. Ах, да - моя карточка о членстве в Ассоциации морских пехотинцев..."

- Так или иначе, мы в конце концов во всем разобрались.

Ваше правительство выслало нам все, что нужно. Наверное, - Вильсон взглянул на часы, - все уже получено.

- С моей семьей все в порядке? Вильсон как-то странно ухмыльнулся.

- За ними очень неплохо ухаживают, доктор Райан. Даю вам слово.

- Меня зовут Джек.

- Хорошо. Друзья зовут меня Тони.

Они пожали друг другу руки.

- И как я уже говорил, вы - герой дня. Интересуетесь, что там в газетах? спросил он, протягивая Райану "Дейли миррор" и "Таймс".

- О Боже!

Чуть ли не всю первую страницу "Дейли миррор" занимала цветная фотография Райана - сидит, без сознания, привалившись спиной к "роллс-ройсу". Вся грудь залита кровью.

ПОКУШЕНИЕ НА ИХ КОРОЛЕВСКИЕ ВЫСОЧЕСТВА МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ СПАС ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО И ЕГО СЕМЬЮ

Дерзкая попытка убийства принца и принцессы Уэльских вблизи Букингемского дворца была предотвращена благодаря доблести американского туриста.

Джон Патрик Райан, историк, а в прошлом лейтенант морской пехоты США, буквально с голыми руками вмешался в побоище возле Мола, происходившее на глазах у сотен жителей Лондона, ошеломленных случившимся. Райан, тридцатидвухлетний житель Аннаполиса (Мэриленд), сумел обезвредить одного из нападавших и, завладев его оружием, застрелил второго. В завязавшейся перестрелке Райан был серьезно ранен. Его доставили в больницу св.Томаса.

Операция, сделанная хирургом сэром Чарлзом Скоттом, прошла успешно.

Третий террорист, как сообщают, успел скрыться.

Все эксперты едины во мнении, что, когда бы не героический поступок Райана, Их высочества были бы убиты.

Райан перевернул страницу и увидел еще одну свою фотографию, сделанную при более счастливых обстоятельствах. На ней он был запечатлен в день окончания училища в Куантико. Он не мог удержаться от улыбки при виде всего этого сверкающего великолепия: голубой мундир со стоячим воротничком, две золотые нашивки и кортик. Это был один из самых его удачных снимков.

- Как он к вам попал?

- Ну, ваши коллеги по службе помогли. Кстати, один из ваших кораблей авианосец или что-то в этом роде - как раз сейчас в Портсмуте, и ваши бывшие товарищи, небось, хлещут всюду пиво.

Райан рассмеялся. Затем он взялся за "Таймс" - там тон был поддержанней.

Сегодня днем принц и принцесса Уэльские едва избежали смерти. Три, а может, и четыре террориста, вооруженных гранатами и автоматом "Калашников", устроили засаду на их "роллс-ройс". Тщательно разработанный план провалился лишь благодаря смелому вмешательству Дж.П.Райана, бывшего лейтенанта морской

пехоты США, в данное время историка...

Райан перескочил на передовицу, под которой стояло имя издателя. Она взывала к мести, перевозносила Райана, Америку и морскую пехоту, а также словами, достойными папской энциклики, - воздавала должное Божественному Провидению.

- Читаете о себе?

Райан поднял глаза - возле него стоял, изучая прицепленный к кровати график, сэр Чарлз Скотт.

- Впервые в жизни попал в прессу, - сказал Райан и отложил газеты.

- По заслугам. Я вижу, вы выпались, и это пошло вам на пользу. Как самочувствие?

- Сравнительно неплохо. Как мои дела?

- Пульс и температура нормальные. Почти. Цвет лица неплохой. Если нам повезет, вы обойдетесь без послеоперационной инфекции, хотя я не стану вам этого обещать наверняка, - сказал доктор. - Сильно болит?

- Болит, но терпеть можно, - не очень уверенно ответил Райан.

- Последний раз вам ввели обезболивающие два часа назад.

Я надеюсь, вы не из числа тех пустоголовых, которые отказываются от болеутоляющих?

- Увы, я из их числа, - сказал Райан. - Я, доктор, - медленно продолжал он, - прошел через это дважды. В первый раз меня накачали ими до предела, и выйти из этого состояния... Мне бы не хотелось повторения этого. Вы понимаете, что я имею в виду?

Райан прослужил в морской пехоте всего три месяца - все кончилось после того как вертолет, на борту которого он находился, рухнул у берега Крита во время натовских учений. У него я была повреждена спина, и его направили в медицинский центр ВМС в Бетесде, возле Вашингтона. Тамошние врачи переборщили с болеутоляющими, и потом он недели две мучился. Ощущения я были не из приятных, и Райану не хотелось бы вновь испытать их.

- Ну, что же, - сэр Чарлз понимающе кивнул головой, - вам видней. Он что-то отметил в графике, а потом, увидев, что в палату вошла медсестра, сказал ей:

- Поднимите ему постель - чуть-чуть.

Сестра подняла головную часть кровати, рука Райана, подвешенная к раме, чуть опустилась, и он почувствовал себя удобнее.

Доктор взглянул на его пальцы.

- Пошевелите, пожалуйста... Так, хорошо, очень хорошо. Я полагаю, что нерв не поврежден. Я пропишу вам нечто очень слабенькое, только чтобы избавить вас от слишком сильных болей. И я буду настаивать на том, чтобы вы принимали то, что я вам назначу, - он, повернув голову, посмотрел Райану в глаза. - У меня пока еще не было пациентов, ставших наркоманами, и я не намерен начинать их счет с вас. Не надо упрячиться - боль, всяческое неудобство, напряжение задержат ваше выздоровление... Если, разумеется, вы сами не хотите проваливаться тут несколько месяцев.

- Понял вас, сэр Чарлз.

- Отлично, - улыбнулся тот. - Если вам понадобится что-нибудь посильнее, я весь день в больнице. Просто позвоните сестре Киттивэйк.

Сестра заулыбалась, предвкушая этот момент, и спросила:

- Как насчет того, чтобы немного подкрепиться?

- Как вы себя чувствуете? Можете что-нибудь съесть? "Если нет, то Киттивэйк с восторгом поможет мне все это выблевать", - подумал Райан.

- Доктор, за последние тридцать шесть часов я съел только завтрак да легкий ленч.

- Хорошо. Мы вам дадим что-нибудь жиденькое. - Он опять что-то отметил в графике и бросил на сестру быстрый взгляд, в котором читалось: "Следите за ним". Сестра кивнула в ответ. - Ваша очаровательная жена сказала, что вы довольно упрямы. Ну что же, посмотрим. Пока у вас все более или менее хорошо.

Надо благодарить ваш выносливый организм... ну и мое искусство как хирурга тоже, - усмехнулся он. - После завтрака санитар вам поможет умыться перед приходом так сказать более официальных визитеров. Нет, нет - я не имею в виду ваших близких. Не так скоро. Вчера они здорово намучились. Я дал вашей жене снотворное - надеюсь, она приняла его, - сэр Чарлз со всей серьезностью заглянул Райану в глаза. - То, что я вам сказал ранее - это не просто так.

Чувство неудобства, напряжение действительно замедлят ваше выздоровление.

Прислушайтесь к моим рекомендациям, и через неделю вы расстанетесь с постелью, а через пару - мы вас, возможно, и вовсе выпишем. Но вы должны точно выполнять мои предписания.

- Понятно. И спасибо. Кэти сказала, что вы отлично починили мое плечо.

Скотт попытался показать, что не придает значения этим словам, однако на губах его чуть обозначилась улыбка.

- Надо окружать своих гостей должной заботой. Вечером я загляну посмотреть, как у вас дела. - И он ушел, на ходу давая какие-то распоряжения сестре.

Полиция явилась в 8.30. К этому времени Райан уже управился с завтраком и умылся. Завтрак поверг Райана в уныние, и Вильсон покатывался со смеху от его комментариев по этому поводу. Но Киттивэйк была так удручена его недовольством, что он напрягся и съел все, включая и пареный чернослив, который ненавидел с детства. Только потом он сообразил, что ее огорчение было, вероятно, наигранным, чтобы заставить его проглотить эту пакость. "Сестры, - напомнил он себе, - они хитрые". В восемь пришел санитар и помог ему умыться, а потом подержал перед ним зеркало, пока он брился, вздрагивая при каждом порезе.

Четыре пореза. Он привык к электробритве и уже несколько лет как не держал в руках опасной бритвы. К половине девятого Райан снова почувствовал себя человеком. Киттивэйк принесла еще чашку кофе. Он был так себе, но все-таки кофе.

Полицейских было трое - видать, важные шишки, судя по тому как вскочил Вильсон и засуетился, предлагая им стулья, а потом, извинившись, скрылся в

коридоре.

Джеймс Оуинс - похоже, старший по рангу - вежливо осведомился о здоровье Райана. Он напомнил ему отца - кряжистый, широкоплечий человек. Судя по большим, грубым рукам, он был из тех, кто пробился в начальники после многих лет трудной службы простым полицейским, обеспечивающим закон и порядок на улицах.

Старший инспектор Уильям Тейлор был моложе своего коллеги из отдела борьбы с терроризмом. Ему было лет сорок и выглядел он поизысканней. Оба офицера были хорошо одеты, и у обоих глаза покраснели от усталости.

Но лучше всех был одет самый молодой из них - Дэвид Эшли. Он походил на Райана ростом и сложением, разве что был лет на пять старше. Он представился сотрудником министерства внутренних дел и держался спокойнее всех.

- Вы уверены, что вам это уже под силу? - спросил Тейлор.

Райан пожал плечами.

- Надеюсь... Да и незачем терять время.

Оуинс извлек из портфеля магнитофон и пристроил его на прикроватном столике. Воткнув в магнитофон два микрофона, он один нацелил на Райана, а другой - в сторону своих коллег. Нажав кнопку, он объявил, какой сегодня день-месяц-год, час и место записи.

- Доктор Райан, - спросил он официальным тоном, - известно ли вам, что эта беседа фиксируется?

- Да, сэр.

- Есть ли у вас возражения по этому поводу?

- Нет, сэр. Могу я задать вопрос?

- Конечно, - сказал Оуинс.

- Надеюсь, я ни в чем не обвиняюсь? Если я ошибаюсь, то мне надо связаться с моим посольством и попросить адво...

Став объектом внимания столь высокопоставленных полицейских чинов, Райан почувствовал изрядное беспокойство, но ему не удалось договорить до конца - его остановил смех м-ра Эшли. Он заметил, что оба других офицера смотрят на Эшли, как бы уступая ему право ответить на слова Райана.

- Доктор Райан, - начал тот, - вы все перепутали. Заявляю официально, что вы ни в чем не обвиняетесь. Вознамерься мы это сделать, нам пришлось бы уже сегодня вечером искать себе другое место службы.

Райан кивнул, пряча овладевшее им чувство облегчения. Он, конечно, знал, что его не в чем винить, но при всем том помнил, что закон - такая штука, в которой мало здравого смысла. Оуинс начал зачитывать вопросы из своего желтого блокнота.

- Сообщите, пожалуйста, ваше имя и адрес.

- Джон Патрик Райан. Мой почтовый адрес - Аннаполис, Мэриленд. Наш дом в Перегрин Клифф, милях в десяти к югу от Аннаполиса, на берегу Чесапикского залива.

- Вы где-то работаете? - спросил Оуинс и что-то черкнул в своем блокноте.

- Полагаю, вы можете записать, что я работаю в двух местах. Преподаю историю в Военно-морской академии в Аннаполисе, время от времени читаю лекции в Военно-морском колледже в Ньюпорте и иногда консультирую на

стороне.

- И это все? - спросил Эшли с дружеской улыбкой. "Дружеской ли?" - Джек размышлял о том, сколько они успели разузнать о его прошлом за эти пятнадцать или сколько там? - часов, и на что именно этот Эшли намекает. "Ты - не полицейский, - подумал он. - Но кто ты на самом деле?" В любом случае, ему надо было придерживаться легенды о том, что он время от времени был консультантом в "Майтек корпорейшн".

- Какова цель вашего визита в Англию? - продолжал Оуинс.

- Комбинация отпуска с исследовательской работой. Я собираю материал для новой книги, а Кэти нуждалась в некотором отдыхе. Наша дочь дошкольница, так что мы решили поехать именно сейчас, после туристского сезона.

Райан взял сигарету из пачки, оставленной Вильсоном. Эшли щелкнул золотой зажигалкой.

- У меня в пиджаке - правда, я не знаю, где он, - есть рекомендательные письма вашему Адмиралтейству и Королевскому военно-морскому колледжу в Дартмуте.

- Мы нашли эти письма, - сказал Оуинс. - Боюсь, их будет трудно прочесть, да и пиджаку вашему пришел полный конец. Что не сделала кровь, довершили ваша жена и наш сержант штыком. Так, когда вы оказались в Великобритании?

- Сегодня четверг, верно? Мы вылетели во вторник ночью из вашингтонского аэропорта Даллес. Прибыли где-то в полвосьмого утра, в отеле были в полдесятого или около того, позавтракали в номере и легли спать. Перелеты всегда выбивают меня из колеи - разница во времени... В общем, я тут же вырубился.

Это было не совсем так, но Райан считал, что им вовсе не обязательно знать все.

Оуинс кивнул. Они уже знали, почему Райан не любит летать.

- А вчера? - спросил он.

- Я проснулся около семи, кажется, позавтракал и просмотрел газету - все это в номере, - а потом просто валялся на кровати где-то до полдевятого. Я договорился с женой встретиться возле парка около четырех пополудни, а потом отправился на такси в Адмиралтейство - это оказалось недалеко, мог бы и пешком дойти. Как я уже сказал, у меня было рекомендательное письмо к адмиралу сэру Александру Вудсону, который заведует архивами ваших ВМС. Он уже в отставке, правда. С ним мы спустились в затхлый подвал. Он дал мне все материалы, которые мне были нужны, - подборку кое-каких радиодепеш, собственно, обмен депешами между Адмиралтейством и адмиралом Джемсом Сомервиллем. Он командовал вашим флотом в Индийском океане в начале сорок второго года, а это как раз тема моей книги. Так что я провел три часа, вчитываясь в поблекшие копии радиодепеш и делая всякие выписки из них.

- Пользуясь вот этим? - спросил Эшли, показывая Райану его планшет.

Джек прямо-таки выхватил его из рук Эшли.

- Слава Богу! - воскликнул он. - Я был уверен, что он потерялся.

Открыв планшет и положив на столик, он нажал несколько клавиш на электронной панели.

- Ага, работает!

- Что именно представляет из себя это устройство? - поинтересовался Эшли.

Все трое встали, чтобы посмотреть на планшет.

- Это моя любимая игрушка, - заулыбался Райан. Открыв планшет, он продемонстрировал клавиатуру, как на пишущей машинке, и крохотный, желтого цвета экран. Снаружи он выглядел всего лишь как обычный, хотя и дорогой, одетый в кожу планшет, около двух с половиной сантиметров толщиной. - Это портативный компьютер, "Модель-Си", выпускается в Кембридже. Один мой приятель мастерит их.

У него микропроцессор MC-68000, память - два мегабайта.

- Нельзя ли переложить это на понятный язык? - спросил Тейлор.

- Прошу прощения. Микропроцессор это то, что и делает всю работу. Два мегабайта значат, что компьютер способен запомнить до двух миллионов знаков достаточно для целой книги. И вот мой бывший школьный приятель теперь мастерит эти бесценные малютки. Он взял у меня взаймы, чтобы начать это дело. Дома-то я работаю с "Эппл", а этот беру с собой в поездки.

- Мы поняли, что это какой-то компьютер, но наши ребята так и не разобрались, как он работает, - сказал Эшли.

- Предохранитель. Вы вводите ваш личный код - без знания его все блокируется. И если вы приступите к нему без кода, он просто не работает точка.

- Вот оно что! - подал голос Эшли. - И надежно?

- Это вам надо спросить у Фреда. Не исключено, что как-то прочитать то, что хранится в памяти, все-таки можно. Сам-то я не очень знаю, как работают компьютеры, я просто пользуюсь ими, - пояснил Райан. - Так или иначе, вот мои выписки.

- Вернемся к вчерашнему дню, - сказал Оуинс, обдав Эшли холодным взглядом.

- Мы дошли до полудня.

- О'кей. Потом пришло время ленча. Какой-то человек на первом этаже посоветовал мне бар - в двух кварталах от архива. Названия я не помню. Я взял сандвич и пиво и во время еды все забавлялся со своей игрушкой. Что-то с полчаса. А потом еще с часок я проработал в Адмиралтействе. Ушел я оттуда около двух. Предварительно поблагодарив адмирала Вудсона - очень хороший человек.

Потом на такси отправился... я не помню адреса, он на конверте одного из моих рекомендательных писем. К северу от... от Риджент Парк, кажется. К адмиралу сэру Роджеру Де Виру, который служил под началом Сомервилля. Его не оказалось дома. Горничная сказала, что его нет в Лондоне - получил неожиданное сообщение о смерти кого-то из своих близких и уехал на похороны. Так что я оставил записку, поймал такси и поехал в центр, туда, где мы с женой договорились встретиться. Но остановил такси за несколько кварталов и решил пройти пешком...

- Почему? - спросил Тейлор.

- Главным образом потому, что я одеревенел от всех этих сидений - в Адмиралтействе, в самолете, в такси. Надо было подразмяться. Я обычно бегаю по утрам, и мне этого не хватает...

- Где вы вышли из такси? - спросил Оуинс.
- Названия улицы я не знаю. На карте, думаю, показал бы вам.

Оуинс кивнул, давая понять, что Райан может продолжать.

- Тут меня чуть не переехал двухэтажный автобус, и полицейский посоветовал мне не быть ротозеем.

Оуинс удивился этим словам и что-то записал в блокноте. Похоже, они об этом инциденте не знали.

- Я купил журнал и без двадцати четыре - или около того - мы встретились с Кэти. Они с Салли тоже пришли раньше времени.

- А как она провела день? - спросил Эшли. Райан был уверен, что они и так уже все знали.

- По магазинам, в основном. Кэти бывала здесь не раз и без ума от лондонских магазинов. Последний раз она была в Лондоне года три назад, на конференции хирургов. Я тогда не смог поехать с ней.

- Оставила вас с ребенком дома? - спросил Эшли с улыбкой, в которой была доля сарказма.

Райан почувствовал, что Оуинс раздражен.

- Нет, она была у бабушки с дедушкой. Тогда еще мать Кэти была жива. Сам я в то время готовился к докторской диссертации, в Джорджтауне, - занят был беспредельно. Чтобы получить степень, мне понадобилось два с половиной года, и в тот последний год я как угорелый метался между университетом и семинарами в Центре стратегических и международных исследований. Так что эта поездка рассматривалась как отпуск, - состроил гримасу Райан. - Первый настоящий отпуск со времен нашего медового месяца.

- Что вы делали в момент нападения на "роллс-ройс"? - вернулся к основной теме Оуинс.

Все трое, казалось, даже подались вперед, ожидая его ответа.

- Ничего особенного. Мы толковали о том, где бы нам поужинать. И тут я услышал взрыв гранаты.

- Вы сразу определили, что это граната? - спросил Тейлор.

- Да, - кивнул Райан. - У них очень специфический звук. Я терпеть не могу эти чертовы штуковины, но в морской пехоте, в Куантико, нас учили пользоваться ими. Как и стрельбе из пулемета. Там нам демонстрировали оружие стран Восточного блока. Так что я знаю АК-47. По звуку он отличается от наших автоматов, и это полезно знать в бою. Странно, что у них обоих не было "Калашниковых".

- Насколько нам известно, - сказал Оуинс, - тот, кого вы ранили, вывел машину из строя при помощи противотанковой винтовочной гранаты. Таковы результаты расследования. Так что, судя по всему, у него была новая модель "Калашникова" - АК-74. Калибр у него поменьше, и он может использоваться как гранатомет. По-видимому, у него не было времени отцепить гранатометное приспособление, и он продолжал стрельбу уже из пистолета. А кроме того, вы же знаете, у него была еще и ручная граната.

Райан не знал о винтовочной гранате, к тому же у него вдруг выпало из памяти, какие он вообще знает типы ручных гранат.

- Тоже противотанковая? - спросил он.

- Вы же в этом разбираетесь, не так ли? - заметил Эшли.

- Я ведь был в морской пехоте. Они называются, вроде бы, РКГ - или что-то в этом роде. Могут проделать дыру в легкой бронированной машине и подорвать грузовик, - ответил Райан и подумал: "Где они раздобыли эти штучки-дрючки и почему не пустили их в ход?.. Что-то ты упустил, Джек".

- А потом? - спросил Оуинс.

- Прежде всего я заставил лечь на землю жену и дочку. Уличное движение замерло почти сразу после того взрыва. Я, приподняв голову, пытался понять, что происходит.

- Зачем? - спросил Тейлор.

- Понятия не имею, - ответил Райан задумчиво. - Привычка может быть...

Желание узнать, что там, черт побери, делается...

Можете назвать это глупым любопытством. Я увидел, что один парень поливает огнем "роллс-ройс", а второй что-то там суетится позади машины, словно бы готовясь перехватить любого, кто вознамерится выскочить из нее. Я понял, что если двинусь влево, то смогу подобраться поближе к месту действия. Меня прикрывали машины на улице. И вот я вдруг оказался всего метрах в пяти оттуда.

Автоматчик был где-то за "роллс-ройсом", а другой, с пистолетом, стоял спиной ко мне. У меня был шанс, и я решил воспользоваться им.

- Почему? - опять прозвучал вопрос. На этот раз спрашивал Оуинс, очень тихо.

- Вопрос что надо. Я не знаю. В самом деле, - ответил Райан и замолчал на какое-то время. - Это меня взбесило. Все, кого я до того момента встречал в Лондоне, были симпатичными людьми, и вдруг два эти мудака убивают людей прямо у меня на глазах.

- Были ли у вас какие-то догадки насчет них? - спросил Тейлор.

- Разве трудно догадаться? И это бесило меня тоже. Гнев - наверное, как раз он и движет людьми в бою, - Райан задумался. - Надо будет обдумать это. Так или иначе, как я сказал, у меня был шанс, и я им воспользовался. Это оказалось легко. Конечно, мне повезло, - сказал Райан и остановился на миг, заметив, что при этих словах брови Оуинса поползли вверх. - Тот, с пистолетом, - дурак. Он даже не оглядывался проверить, что там сзади. Уставился в свою зону обстрела и все - дуб дубом. Надо же всегда смотреть, что по сторонам. Я застал его врасплох, - усмехнулся Райан. - Мой тренер по футболу был бы доволен - я, действительно, врезал ему как надо. Только надо было бы надеть щитки, а то вот доктор говорит, что я сломал себе ключицу. Он довольно сильно ляпнулся. Я схватил его пистолет и выстрелил в него. Вы хотите знать, почему?

- Да, - сказал Оуинс.

- Я не хотел, чтобы он поднялся.

- Он потерял сознание и пришел в себя только через два часа. У него сильнейшее сотрясение мозга.

"Знай я, что у него граната, я бы не в жопу ему стрелял!.." - подумал Райан.

- Откуда мне было это знать? Я должен был справиться еще с автоматчиком, и мне было вовсе ни к чему, чтобы у меня за спиной был этот гад. Поэтому я его и обезвредил. Я мог бы всадить пулю ему в затылок - в

Куантико, когда приказывают "обезвредить", то имеется в виду убить. Мой отец был полицейским. Но сам я в этом не разбираюсь. О том, как действует полиция, я в основном знаю из телевидения, а это, ясное дело, в основном чушь. Все, что я понимал в тот момент, это то, что нельзя, чтобы этот парень угрожал мне с тыла. Нельзя сказать, что это слишком оригинально, но в тот момент мысль эта казалась мне вполне толковой. Крадучись, я обошел машину сзади. Смотрю - тот парень ведет стрельбу из пистолета. Ваш Вильсон уже объяснил, что с этим мне просто повезло.

Впрочем, не такой уж я безумец, чтобы идти на автомат с крошечным пистолетом.

Он увидел меня. Мы выстрелили практически одновременно - просто я оказался более метким. - Райан замолчал. Это было не совсем то, что он хотел сказать.

"Разве так оно было на самом деле? - подумал он. - Но если ты сам не знаешь, то кто же знает?" Он на себе испытал, что в критические моменты время то сгущается, то растягивается - и при этом чуть ли не одновременно. "И это ведь тоже, наверное, искажает воспоминания? Что еще мог я тогда сделать?" Он покачал головой:

- Трудно сказать, - продолжал он вслух. - Возможно, мне надо было сделать что-то другое. Может, надо было крикнуть:

"Брось оружие!" или: "Ни с места!" - как в кино. Но на это просто не было времени. Это же один миг - или он или я... Понимаете, что я имею в виду? Вам... вам не до того, не до размышлений, когда у вас всего полсекунды, чтобы принять решение. Наверное, тут срабатывают тренаж и инстинкт. Сработал мой тренаж в морской пехоте. А там вас не учат, как арестовывать. Конечно, клянусь Всевышним, я не хотел кого бы то ни было убивать, у меня просто не было иного выхода. - Он снова умолк. - Почему он... не бросил оружие, не бежал? Он же видел, что я взял его на мушку. Он должен был понимать, что тут моя взяла, Райан откинулся на подушку. Собственный рассказ слишком ярко оживил в памяти случившееся. "Это ты ведь его убил, Джек, Он мертв, раз и навсегда. У него ведь тоже были инстинкты, не так ли? Но твои сработали лучше. Так почему же это не успокаивает тебя?"

- Доктор Райан, - спокойно произнес Оуинс, - мы опросили шесть свидетелей, которые видели все. Сравнивая их показания с вашими, следует сказать, что вы описали ситуацию с поразительной четкостью. Учитывая обстоятельства дела, я... мы не считаем, что у вас была какая-то возможность действовать иначе. Со всей определенностью, какая только возможна в такого рода обстоятельствах, можно утверждать, что вы действовали абсолютно верно. И если вас беспокоит то, что вы произвели второй выстрел, то забудьте об этом - это неважно. Ведь первая ваша пуля попала ему прямо в сердце.

- Да, - кивнул головой Джек, - я видел это. Второй раз я выстрелил чисто автоматически, рефлекторно. Пистолет сам пошел вниз и - бах! Без всякой мысли... Странно, как работает мозг в такие минуты. Словно одна часть вашего тела делает дело, а другая только наблюдает. "Наблюдающая часть" видела, что я влепил прямо в яблочко, а "действующая часть" продолжала свое дело, пока он не рухнул на землю. Вероятно, я еще и еще жал на курок, но там уже не было патронов.

- Вас в морской пехоте, в самом деле, хорошо научили стрелять, - заметил Тейлор.

Райан покачал головой.

- Это отец меня научил, когда я еще был пацаном. В морской пехоте теперь не очень то придают значение стрельбе из пистолетов - они больше для вида. Если уж неприятель на расстоянии пистолетного выстрела от тебя, то, значит, надо отходить. У меня там была винтовка. Так или иначе, тот парень был от меня всего метрах в пяти.

Оуинс опять что-то пометил в своем блокноте.

- Их машина рванула с места почти тут же. Мне было не до того, чтобы разглядывать водителя. Это мог быть мужчина, а может, и женщина. Единственное, в чем я уверен, это был белый. Машина газанула по улице и скрылась за углом.

- Это было такси. Вы заметили это? - спросил Тейлор.

- А ведь действительно! Мне как-то не пришло это в голову. Вот глупость!

Их же, этих такси, миллион. Так что ничего удивительного...

- Точнее - их восемь тысяч шестьсот семьдесят девять, - сказал Оуинс. Пять тысяч девятьсот девятнадцать из которых черного цвета.

И тут Райана озарило:

- Скажите, это была попытка убийства или похищение?

- Трудно сказать. Во всяком случае, политическое крыло ВГИРА - Временной группировки ИРА - "Шин Фейн" - выступило с заявлением, что не имеет никакого отношения к случившемуся.

- И вы верите этому? - спросил Райан. Все еще под воздействием болеутоляющих, он не заметил, как ловко Тейлор уклонился от прямого ответа.

- Да, мы склонны верить. Все-таки они не настолько безумны. Политическая цена за такие акции слишком высока. Они усвоили это после убийства лорда Маунтбеттена. Хотя это даже не ВГИРА сделала, а ИНАО - Ирландская национальная армия освобождения. Так или иначе, они на этом потеряли массу денег недополучили от тех, кто им симпатизирует в Америке, - сказал Тейлор.

- Судя по газетам, ваши сограждане...

- Подданные, - поправил Эшли.

- Неважно... Ваш народ довольно сильно взбудоражен этой историей.

- Это верно. Просто поразительно, как террористам всегда удается ошеломить нас. Всякий раз они придумают что-то новое, - заметил Оуинс. Несмотря на бесстрастность тона, приличествующую профессионалу, Райан почувствовал, что глава отдела борьбы с терроризмом готов собственными руками оторвать голову тому бандиту, что сумел скрыться. И руки его были достаточно сильными для такого дела. - Ну, а что дальше?

- Убедившись, что парень мертв - ну, этот, второй, - я посмотрел, что там в машине. Шофер... Ну, вы сами знаете, что с ними стало - с ним и с охранником.

Это был ваш человек, мистер Оуинс?

- Чарли - мой друг. Он прослужил в охране королевской семьи три года... сказал Оуинс так, словно Чарли был жив, и у Райана мелькнула догадка, что,

вероятно, когда-то они работали вместе. В полиции - он это знал - завязывается особенно прочная дружба.

- Ну, остальное вам известно. Надеюсь, кто-нибудь поблагодарит того, в красном мундире. Он, слава Богу, задумался хоть на мгновение, а тут как раз подоспел ваш человек и охладил его пыл. И мне, и вам было бы ни к чему, если бы он проткнул меня штыком.

- Это уж точно, - согласился Оуинс.

- Кстати, его винтовка была заряжена или как? - спросил Райан.

- Если была, - спросил Эшли, - то почему он не стрелял?

- Когда кругом толпа, не больно-то постреляешь, даже если и можешь как следует прицелиться, - сказал Райан. - Так была она заряжена или нет?

- Мы не можем обсуждать вопросы, связанные с охраной дворца, - сказал Оуинс.

"Я знал, что она заряжена", - сказал самому себе Райан.

- А откуда он прибежал? Дворец ведь от того места довольно далеко...

- Из Клеренс-хауз - такое, знаете, белое здание, оно примыкает к дворцу Сент-Джеймс. Для нападения террористы выбрали плохое время - или, может, плохое место. У юго-западного крыла этого здания - пост охраны. Во время атаки как раз шла смена караула - она там каждые два часа. А следовательно в тот момент там был не один солдат, а целых четверо. Полицейские во дворце услышали взрыв и стрельбу, и сержант, крикнув охраннику, чтобы тот следовал за ним, помчался к воротам выяснить, что там происходит.

- Он-то, верно, и поднял тревогу? Поэтому все остальные и примчались так быстро.

- Нет, это Чарли Уинстон, - сказал Оуинс. - В "роллс-ройсе" есть электронная сигнальная система... Рассказывать об этом кому-либо не обязательно. Она-то и подняла на ноги весь штаб. А сержант Прайс действовал исключительно по собственной инициативе. Но ему не повезло, так как охранник оказался спортсменом, так что ему все препятствия нипочем. Прайс попытался было угнаться за ним, но упал и сломал себе нос. И все-таки он примчался на место действия, да еще при этом успел передать по рации сигнал тревоги.

- И слава Богу, что он появился вовремя. Этот охранник напугал меня до чертиков. Надеюсь, что сержанта тоже как-то наградят.

- Для начала - медаль и личная благодарность Ее высочества, - сказал Эшли.

- Доктор Райан, нас смущает один момент. Вы оставили военную службу из-за травмы, однако врачебный осмотр ее признаков не обнаружил.

- Я, вы знаете, после военной службы занялся маклерским бизнесом. И когда кое-чего добился в этом деле, отец Кэти сделал мне одно деловое предложение.

Тогда-то я и познакомился с Кэти. Я отказался от приглашения перебраться в Нью-Йорк, зато с Кэти у нас пошло все лучше и лучше, и вскоре мы обручились. Я тогда носил корсет, так как спина время от времени давала о себе знать. И вот меня какого опять прихватило - уже после помолвки, - и Кэти заставила меня пройти проверку в больнице Джонса Хопкинса, у одного из ее учителей. Некий Стэнли Рабинович, профессор нейрохирургии. Он провозился со мной три дня всякие там тесты, знаете, - и сказал, что может полностью

починить меня, сделать как новеньким.

- Оказалось, что врачи в Бетесде опростоволосились с моим диагнозом. Я без претензий к ним. Они отличные врачи, но Стэн, конечно, лучше. И, как он сказал, так оно и есть. Он в ту же пятницу вскрыл меня, а два месяца спустя я уже был почти как новенький, - сказал Райан. - Так обстоят дела с моей спиной. Мне просто повезло влюбиться в прелестную девушку, которая к тому же училась на хирурга.

- Ваша жена, действительно, человек многообразных талантов, - согласился Оуинс.

- Однако вы сочли ее слишком настойчивой, - заметил Райан.

- Ну, не то чтобы... Просто в момент стресса люди поворачиваются не самой лучшей стороной. Зато ваша жена прямо там же обследовала Их высочества, чем сослужила нам немалую службу. Она отказалась оставить вас, пока вы не оказались под опекой врачей, но за это ее трудно винить. Наша процедура установления личности показалась ей, думаю, чересчур долгой, и, естественно, она начала беспокоиться за вас. Мы могли бы справиться с этим поживее...

- Не надо извиняться, сэр. Мой отец ведь тоже был полицейским, так что я знаю, как это бывает. Вполне понимаю, что установить мою личность было не так-то просто.

- На это ушло более трех часов, в частности из-за того, что время было неудачным. В пиджаке мы нашли ваш паспорт и права - к счастью, с фотографией.

Где-то около пяти мы связались с юрисконсультom вашего посольства - в Америке это полдень. Время ленча. Он позвонил в балтиморский отдел ФБР, а они в свой черед, - коллегам в Аннаполис. Процедура опознания личности довольно проста, но сначала им надо было разыскать кого-нибудь в вашей Военно-морской академии, кого-нибудь, кто знал вас там. Потом они нашли агента из бюро путешествий, который заказывал вам билеты и гостиницу. Ну и так далее. Но большинство всех этих людей были на ленче - так что мы потеряли добрый час. Одновременно американское посольство направило запрос по месту вашей былой службы в морской пехоте. В общем через три часа мы получили о вас довольно обширную информацию, включая и отпечатки пальцев. У нас были отпечатки, оставленные вами на самолетном билете и на регистрационной форме, которую вы заполнили в отеле, и они, разумеется, совпали с теми, что в вашем армейском деле.

- За три часа? Вот это да! - "Черт побери! - подумал он, - здесь вечер, там - полдень, и все-таки они провернули все это за три часа".

- Ну, и пока все это тянулось, нам пришлось несколько раз приступить с расспросами к вашей жене, пока мы не убедились, что она вспомнила все виденное...

- И она всякий раз твердила одно и то же, не так ли? - спросил Райан.

- Именно, - сказал Оуинс и улыбнулся. - Это, знаете ли, прямо из ряда вон выходящее что-то...

Райан усмехнулся.

- Из ряда вон, но не для Кэти. В некоторых вещах, особенно в медицине, она - настоящая машина. Я удивлен, что она не вручила вам еще и пленку со

снимками.

- Она тоже это сказала, - ответил Оуинс. - Снимки в газетах - это один японский турист сделал. Звучит, как выдумка романистов, не так ли?.. Кстати, возможно, вам интересно узнать, что в вашей армейской части о вас довольно высокого мнения, - сказал Оуинс и сверился со своими записями. - Вы были отличником на курсе, да и отчеты об уровне вашей подготовки весьма лестные.

- Итак, вы удовлетворены? Я оказался хорошим парнем.

- Мы не сомневались в этом с самого начала, - сказал Тейлор.

- Однако в случаях тяжких преступлений приходится быть особенно дотошным.

А этот случай - довольно запутанный.

- Меня тревожит одно обстоятельство, - сказал Джек. На самом деле, его тревожило еще и многое другое, но голова у него работала слишком вяло, чтобы свести все это воедино.

- Что именно? - спросил Оуинс.

- Какого черта ваши... Их высочества, так что ли?... Что они делали на улице? И при одном охраннике только... Погодите, - Райан склонил голову набок.

- Эта засада, - продолжал он медленно, чтобы справиться с напором мыслей, - она ведь была спланирована, это не случайное нападение. И они подстерегли их что надо. Ведь им надо было перехватить конкретную машину в конкретном месте.

Кто-то все это рассчитал для них. Так что в этом деле участвовало больше народу, не так ли? - спросил Райан. Гробовое молчание было ему ответом. Но в другом ответе он и не нуждался. - У кого-то была рация... их ведь надо было информировать о маршруте машины и о моменте, когда именно она оказалась в зоне атаки. Даже и это еще не все - ведь надо было еще учесть ситуацию с транспортом на улицах...

- Вы всего лишь историк, доктор Райан? - спросил Эшли.

- В морской пехоте учат, как устраивать засаду. Если вам надо устроить засаду на конкретный объект... то прежде всего вам нужна разведывательная информация, во-вторых, надо правильно выбрать место, а в-третьих, вы расставляете дозорных, чтобы те дали знать о приближении объекта атаки... Это всего лишь азбука. Почему именно тут, почему именно Сент-Джеймс парк? Почему Мол? - "Террорист действует из политических побуждений. Объект атаки и место ее осуществления выбираются для достижения наибольшего политического эффекта", добавил он про себя. - Вы, - продолжал он вслух, - так и не ответили на мой вопрос: было ли это покушение на жизнь или попытка похищения?

- Мы и сами еще толком не знаем, - сказал Оуинс. Райан оглядел своих гостей. Своими словами он коснулся больного места. "Машину они вывели из строя при помощи противотанковой винтовочной гранаты, а кроме того, - размышлял Райан, - у них были еще и ручные гранаты. Если бы они просто хотели убить... эти гранаты сделали бы из машины лепешку, вместе со всей ее броней. Зачем тогда вообще пистолеты? Нет, если бы это было покушение на жизнь, они бы это провернули в два счета. Так что вы солгали мне, мистер Оуинс. Это была попытка похищения, и вы это знаете".

- А почему всего один охранник в машине? - "Что именно сказал Тони? рассуждал про себя Райан. - Незапланированная поездка? Первейшее условие успешности засады - добротные разведданные... Но нельзя же докапываться до этого тут, идиот!" - обругал он себя.

Положение спас Оуинс.

- Ну-с, мне кажется, мы все обсудили, - сказал он. - Мы, вероятно, еще навестим вас завтра.

- А что террористы?.. Я хочу сказать, тот, раненный?

- Он не больно-то разговорчив. То есть вообще не желает с нами общаться, даже имени своего не сообщил. Обычная история с этими типами. Мы всего лишь несколько часов назад выяснили, кто он. В полиции за ним ничего не числится.

Правда, он подозревался в участии в двух мелких делах, но не более того. Он быстро поправляется и недели через три, - холодно сказал Тейлор, - предстанет перед королевским судом. Суд присяжных, полагаю, приговорит его к заключению в надежной тюрьме до конца его дней.

- Всего через три недели? - удивился Райан.

- Дело-то яснее ясного, - сказал Оуинс. - У нас есть три фотографии, сделанные тем самым японцем. На них этот тип запечатлен возле машины с пистолетом в руке. А кроме того, у нас еще есть девять надежных свидетелей. Так что с ним не будет никакой возни.

- И мне предстоит увидеть все это собственными глазами, - констатировал Райан.

- Само собой! Вы - наш главный свидетель, доктор. Чистая формальность, но без нее никуда. И никаких попыток разыгрывать сумасшествие - не то, что у вас, - парень, который стрелял в вашего президент?. Этот с отличием окончил университет, из хорошей семьи.

Райан покачал головой.

- Ну, не жутко ли? Но ведь большинство подонков не из таких?

- Вы что-то знаете о террористах? - спросил Эшли.

- Только то, что читал о них, - быстро среагировал Райан. - "Это промах, Джек. Надо замазать его", - тут же подумал он.

- Ваш Вильсон сказал, что АОО - маоисты.

- Верно, - сказал Тейлор.

- Безумие какое-то! Даже китайцы уже перестал быть маоистами... Кстати, как там моя семья? Эшли рассмеялся.

- Наконец-то. Оставаться в отеле для них было бы не слишком уютно, не так ли? В общем, они в весьма безопасном месте.

- Можете о них не волноваться, - включился Оуинс. - Им ничего не грозит.

Даю вам слово.

- Ну а все-таки - где они? - не унимался Райан.

- Боюсь, мы не имеем права говорить это, - сказал Эшли. Они обменялись между собой каким-то загадочными взглядами. Оуинс взглянул на часы, потом обвел быстрым взглядом своих коллег.

- Ну-с, - сказал он, выключая магнитофон, - мы не станем больше надоедать вам, тем более, что вы только-только после операции. Позже мы

навестим вас, чтобы уточнить кое-какие детали. А пока, сэр, примите благодарность от всего Скотленд-Ярда за то, что проделали за нас нашу работу.

- Как долго еще мистер Вильсон останется со мной?

- Трудно сказать. Весьма возможно, что АОО вами не очень-то довольна, сказал Оуинс. - И мы будем в весьма неприятном положении, если они попытаются убить вас и окажется, что у вас нет никакой охраны. Мы не думаем, что это вероятно, но осторожность не помешает.

- Ну, что же, - согласился Райан. И подумал: "Я тут весьма удобная мишень.

Даже третьеклассник может проткнуть меня леденцом".

- С вами желает пообщаться пресса, - сказал Тейлор.

- Дрожу от нетерпения. - "Только этого мне не хватало", - добавил он мысленно. - Но нельзя ли это немного отложить?

- Проще простого, - сказал Оуинс. - Состояние вашего здоровья не позволяет... Но вам следует привыкнуть к этой мысли. Вы ведь теперь нечто вроде общественной фигуры.

- К чертям собачьим! - фыркнул Райан. - Я люблю жить незаметно. - "В таком случае надо было не высовываться из-за того дерева, тупица! - обругал он себя.

- Теперь расхлебывай!"

- Вы не можете отказывать им до бесконечности, - мягко заметил Тейлор.

Джек глубоко вздохнул.

- Вы правы, конечно. Но не сегодня. Да и завтра не слишком хотелось бы. "Пусть эта шумиха сперва уляжется", - мелькнула у него глупая мысль.

Они покинули палату - полицейские и Эшли, которого Райан определил как шпиона - то ли из разведки, то ли из контрразведки. Зато появились Вильсон с Киттивэйк.

- Они вас утомили? - спросила медсестра.

- Надеюсь, что выживу, - сказал Райан. Чтобы убедиться в этом, Киттивэйк сунула ему в рот градусник.

Через сорок минут после ухода полиции Райан с удовольствием засел за свой игрушечный компьютер, просмотрел старые заметки и принялся за новые. Кэти вечно (и справедливо) жаловалась, что когда ее муж читает или хуже того - пишет, мир может провалиться в тартарары, а он этого и не заметит. Это было не вполне так.

Краем глаза он заметил, что Вильсон вдруг вытянулся по стойке смирно, но не оторвался от компьютера пока не закончил абзац. Закончив же его, он увидел перед собой Ее величество - королеву Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии - и ее мужа герцога Эдинбургского. Едва его мысли приняли связный характер, он сперва проклял в душе тех, кто не предупредил его об этом визите, а потом подумал, что, вероятно, выглядит смешным - лежит, разинув рот...

- Здравствуйте, доктор Райан, - приятным голосом сказала королева. - Как вы себя чувствуете?

- Э-э, вполне ничего, спасибо, э-э... Ваше величество. Не присядете ли?..

В смысле - садитесь, пожалуйста, - промямлил он и попытался устроиться попрямее в постели, но вспышка боли в плече остановила его. Зато боль помогла ему собраться с мыслями, одновременно напомнив, что пора уже принять новую дозу обезболивающих.

- Мы не хотели бы вам мешать, - сказала королева. Однако Райан почувствовал, что она не намерена уйти прямо вот сейчас и тут же сформулировал ответ.

- Ваше величество, визит главы государства никак не может быть помехой чему бы то ни было. Я весьма польщен.

Вильсон бросился за стульями, а потом исчез за дверью. На королеве был персикового цвета костюм, чья элегантная простота, должно быть, проделала изрядную дыру даже в ее бюджете. На герцоге был костюм темно-синего цвета покроя его наконец-то заставил Райана понять, почему Кэти хотела, чтобы он купил кое-что из одежды именно в Лондоне.

- Доктор Райан, - сказал королева официальным тоном, - мы желаем выразить вам глубочайшую благодарность от нашего собственного имени и от имени нашего народа. Мы у вас в неоплатном долгу.

Райан слегка склонил голову в поклоне, более всего мучаясь мыслью, что выглядит он просто ужасно.

- Я был рад услужить вам, мадам. Но, по правде говоря, я ведь ничего такого не сделал. Любой на моем месте поступил бы так же. Просто я оказался ближе всех к месту происшествия.

- Полиция на этот счет иного мнения, - заметил герцог. - И после того как я побывал сам на месте происшествия и ознакомился со всеми обстоятельствами, я склонен согласиться с мнением полиции. Думаю, что вы - герой, хотите вы того или нет.

Джек вспомнил, что герцог был когда-то морским офицером - и, наверное, неплохим, судя по его виду.

- Что вас на это подвигло, доктор Райан? - спросила королева. Она не спускала внимательных глаз с его лица.

Джека осенила догадка.

- Простите, Ваше величество, вы спрашиваете, почему я сделал это или же зачем американцу ирландского происхождения надо было делать это? - Он все еще никак не мог разобраться в себе, все еще прокручивал в памяти события того дня.

"Почему ты это сделал? Поймешь ли ты это когда-нибудь?" Он заметил, что догадка его попала в самую точку и продолжал:

- Ваше величество, я не могу касаться проблемы Ирландии. Я - гражданин США, и нам не до чужих проблем, благо своих хватает. Выходцы из Ирландии неплохо преуспели в Америке. Нас везде полно - и в бизнесе и в политике, хотя более типична ситуация, когда ирландец - это либо полицейский, либо пожарный. Да и мой отец полжизни прослужил в полиции. Кстати, конница, покорившая Запад, на треть состояла из ирландцев, да и по сию пору многие из нас носят военную форму - особенно много ирландцев в морской пехоте.

У половины местного отдела ФБР - там, где я живу, - ирландские фамилии: кто Талли, кто Салливан, кто О'Коннор, кто Мэрфи. Я это к тому, Ваше высочество, что в Америке мы - силы порядка, цемент общества. И что же?

Сегодня самые прославленные в мире ирландцы - это маньяки, которые подкладывают взрывчатку в машины, убийцы, сеющие смерть ради каких-то политических соображений. Мне это не нравится, и мой отец тоже, уверен, был бы не в восторге от этого. Он всю жизнь очищал улицы от такого рода животных, помещая их в надлежащее место - в клетку. Сегодняшнего положения мы добились тяжким трудом - слишком тяжким, чтобы приходить в восторг от того, что теперь о нас думают как о народе террористов, - улыбнулся Джек. - Я думаю, мне понятны чувства итальянцев в связи с мафией. Конечно, я не хочу сказать, что все эти соображения в ясном виде наличествовали в моей голове вчера, но так или иначе они сыграли свою роль. Я просто не мог остаться в стороне, спокойно наблюдая за убийством и не пытаюсь сделать хоть что-то. И когда мне представился шанс, я воспользовался им.

Королева задумчиво кивнула. Некоторое время она смотрела на Райана с дружелюбной улыбкой, а затем обернулась к мужу. Они понимали друг друга без слов. Для этого, подумал Райан, они уже достаточно долго прожили вместе. Когда она вновь повернулась к нему, он понял, что какое-то решение уже принято.

- Итак, как нам следует вознаградить вас?

- Вознаграждение? - Райан покачал головой. - Большое спасибо, но это не нужно. Я рад, что что-то сделал для вас. И этого достаточно.

- Нет, доктор Райан, этого недостаточно. Одна из приятнейших особенностей моего сана в том, что я могу отдавать должное достойным. Корона не может предстать в глазах своих подданных неблагодарной. - В глазах королевы мелькнул веселый огонек, видимо, слова эти напомнили ей что-то забавное.

Райан был очарован простотой этой женщины. Ему случалось читать, что кое-кто считает ее не слишком умной, и теперь убедился, что это было не так. В этих глазах светился живой ум. И остроумие тоже.

- А посему, доктор Райан, - продолжала королева, - решено, что вы будете произведены в рыцари и кавалеры ордена Виктории.

- Как?.. Прошу прощения, мадам, - Райан заморгал, переваривая услышанное.

- Орден Виктории учрежден относительно недавно - как знак отличия для оказавших личную услугу короне. Вы, безусловно, относитесь к этой категории.

Впервые за много лет наследник престола был спасен от верной смерти. Как историку вам, возможно, интересно узнать, что наши ученые не могут прийти к единому мнению относительно аналогичного, последнего по времени, прецедента.

Так или иначе, отныне вы будете известны как сэр Джон Райан.

И снова у Райана мелькнула мысль, что он, верно, смешон со своей отвисшей челюстью.

- Ваше величество, законы Америки...

- Мы знаем, - мягко прервала она его. - Наш премьер-министр сегодня же обсудит этот вопрос с вашим президентом. Мы полагаем, что ввиду особенной природы данного случая и в интересах англо-американских отношений, этот вопрос будет решен благоприятно.

- Кроме того, уже были прецеденты, - вступил в разговор герцог. - После

второй мировой войны ряд американских офицеров был удостоен этой чести. К примеру, ваш адмирал Нимитц стал рыцарем и кавалером Ордена Бани. И генералы Эйзенхауэр, Брэдли, Паттон тоже.

- Дабы не нарушить американский закон, звание рыцаря будет, вероятно, рассматриваться как почетное, но для нас оно вполне реально.

- Хорошо, - выдал из себя Райан, подыскивая достойные случаю слова. Ваше величество, коль скоро это не противоречит законам моей страны, я сочту для себя большой честью принять эту награду.

Королева просияла.

- Значит, этот вопрос решен. А теперь: как вы себя чувствуете? На самом деле.

- Бывало и хуже, мадам. Я не жалуясь, хотя мне бы и хотелось выписаться отсюда поскорее.

Герцог улыбнулся.

- Ранение представляет вас в еще более героическом свете.

Немного драматизма никогда не мешает.

"Особенно, если это не ваше плечо, мой благородный герцог", - подумал Райан. Вдруг его поразила мысль...

- Простите, - сказал он, - это рыцарство... Это значит, что моя жена будет зваться?..

- Леди Райан, конечно, - снова одарила его рождественской улыбкой королева, Джек заулыбался во весь рот.

- Знаете, когда я женился на Кэти, отец ее был просто вне себя - он считал, что я своими книгами по истории никогда ничего не достигну. Может, теперь он изменит свое мнение. - Он был уверен, что Кэти не станет возражать против титула леди Райан. Нет, она не будет возражать, ничуть.

- В конце концов, не так уж и плохо?

- Совсем нет, сэр. И простите, если я вел себя так, словно не рад этому.

Просто все это, боюсь, несколько сбilo меня с толку. - Все это чертовое дело полностью сбilo меня с толку", - покачал он головой. - Могу я задать вам вопрос, сэр? - спросил он.

- Безусловно.

- Полиция скрывает от меня, где они держат мою семью. Они рассмеялись от всего сердца. Потом королева сказала:

- Полиция считает, что не исключена возможность мести. Поэтому было решено предоставить им более надежное место. В данных обстоятельствах мы решили, что лучше всего разместить их во дворце - это самое малое, что мы могли сделать для них. Когда мы отправлялись сюда, ваша жена и дочь крепко спали, и мы строжайше наказали, чтобы их не тревожили.

- Во дворце?

- Уверяю вас, мы вполне можем разместить гостей, - сказала королева.

- О Боже, - пробормотал Райан.

- У вас есть какие-то возражения? - спросил герцог.

- Моя дочка, она...

- Оливия? - удивилась королева. - Она - чудный ребенок. Когда мы впервые увидели ее прошлой ночью, она спала, как ангел.

Оливия - второе имя Салли, в память о ее бабушке - было уступкой семье Кэти, уступкой, которая не сработала и мира не принесла.

- Салли, - сказал Райан, - действительно ангел, когда спит. Но днем это ураган, и к тому же она большой мастер все ломать. В особенности ценные вещи.

- Как можно говорить такое о ребенке! - королева притворно ужаснулась. Это чудная девочка! Полиция говорит, что вчера она завоевала множество сердец в Скотленд-Ярде. Так что, боюсь, что вы преувеличиваете, сэр Джон.

- Да, мадам. Не стоило спорить с королевой.

Глава 2

ЦВЕТЫ И СЕМЬИ

Вильсон промахнулся в своей оценке. Побег продолжался куда дольше, чем предполагали в Скотленд-Ярде. Возле города Йорк, в шестистах милях от Лондона, на посадку шел самолет авиалинии "Сабена". Занимавший место 23-Д пассажир Боинга-737 был лицом внешне непримечательным. Его песочного цвета волосы были коротко подстрижены, костюм его - приличный, хотя и помятый - соответствовал облику средней руки служащего, который весь день-деньской проработал и не успел толком выспаться перед полетом. Наверняка, бывалый путешественник, судя по тому, что весь багаж его уместился в один саквояж. Если бы его спросили о том, чем он занимается, он бы - с акцентом жителя юго-западной Ирландии - довольно подробно поведал об оптовой рыботорговле. Акцент он умел менять с той же легкостью, с какой другие меняют рубашки. Полезный талант, поскольку, благодаря телевидению, местный говор Белфаста, откуда он был родом, узнавали во всем мире. В самолете он читал "Таймс", и темой, занимавшей всех пассажиров, было сообщение о покушении, которому была посвящена вся первая страница.

- Ужасно, - согласился он с соседом, занимавшим кресло 23-Е, бельгийским торговцем инструментами, которому было невдомек, что он-то подразумевал под "ужасным" нечто иное.

Все долгие месяцы разработки планов, кропотливый сбор информации, отработка операции прямо под носом у британцев, три маршрута отступления, радиосвязь - все насмарку из-за этого чертова американца. Он так и сяк изучал его фото на первой странице.

"Где ты теперь, янки? - думал он. - Джон Патрик Райан.

Историк! Говенный ученый! Бывший морской пехотинец - солдафон, сующий нос куда не надо! Джон Патрик Райан. Католик, небось, черт бы тебя драл? Да, Джонни чуть-чуть не заплатил тебе сполна... Жалко Джонни. Хороший был парень, надежный. Любил оружие и был предан Делу".

Самолет наконец замер. Стюардесса отворила дверь, и пассажиры поднялись с мест и потянулись за своими вещами на верхних полках. Он взял свой саквояж и медленно двинулся вместе со всеми вперед. Он старался настроиться на философский лад. Уже три года как он был "игроком", и насмотрелся, как операции бывало проваливались по самым смехотворным причинам. Но эта была особенно важной. И так ведь тщательно ее разработали. Он покачал головой и

сунул газету под мышку:

- "Надо еще раз попытаться, вот и все. Мы можем позволить себе быть терпеливыми. Один провал, - убеждал он себя, - мало что значит. На этот раз повезло тем. Нам бы чуть-чуть везенья - хотя бы разок. - В проходе образовалась пробка. - Что с Сином? Не надо было брать его с собой. Он участвовал в разработке операции с самого начала. Он знает слишком многое об Организации. Сойдя на землю, он перестал тревожиться. - Син никогда не расколется. Кто угодно, но не Син с его-то девчонкой, которая уже пять лет как в могиле от шальной пули десантника.

Его, конечно, никто не встречал. Все другие участники операции уже вернулись, снаряжение с уничтоженными отпечатками пальцев, выброшено на помойку. Только он и рисковал быть опознанным, однако он был уверен, что этот Райан не сумел толком рассмотреть его. На всякий случай он еще раз прокрутил в памяти события того дня. Нет. Только удивление да боль были на его лице.

Американец не мог ничего разглядеть, иначе его словесный портрет уже был бы в газетах - с описанием лохматых волос и очков - и то и другое фальшивое.

Закинув саквояж за плечо, он направился к месту парковки, шаря в кармане в поисках ключей. В Брюсселе эти ключи взбудоражили детектор металла в аэропорту - то-то смеху! Он улыбнулся впервые за весь день. А денек был ясный, солнечный - настоящая ирландская осень. У него был новенький BMW - отличная машина. Раз уж выступаешь в роли бизнесмена, то надо чтобы все ей соответствовало. И он выехал на дорогу, ведущую к убежищу - дому, где ему ничего не грозило. Голова его уже была занята разработкой следующих двух операций. Обе они потребуют массу времени, но время было единственным, чем он располагал в неограниченном количестве.

Было довольно легко угадать, когда приходило время для очередной порции обезболивающих. Райан бессознательно сгибал левую руку. Это не ослабляло боли, но вроде бы чуть-чуть перемещало ее куда-то в мышцы и сухожилия. Однако, как он ни старался, боль мешала ему думать. Он помнил всю эту телевизионную дребедень, где детектив или иной какой записной герой, будучи ранен в плечо, полностью выздоравливал к моменту, когда фильм прерывался ради очередной рекламы. Плечо во всяком случае, его, а не киногероя - это сложная конфигурация костей, которую пуля, всего лишь одна пуля слишком легко может разрушить. По мере приближения часа приема болеутоляющих он все отчетливее чувствовал, как кости зазубренными концами трутся друг о друга "при каждом его вздохе, и даже мягкое касание пальцами правой руки клавиатуры компьютера отдавало в плечо. Пришлось отказаться от компьютера. Райан лежал, уставясь глазами на настенные часы.

Впервые он с нетерпением ждал появления Киттивэйк, которая дарует ему химическое блаженство.

Но это лишь до момента, когда он вспомнил о своих страхах. Тогда, в Бетесде, спина у него так болела, что вся первая неделя была сущим адом. Он

понимал, что теперешняя рана не шла ни в какое сравнение с той, но тело ведь не помнит прошлой боли, оно ощущает теперешнюю - сейчас и тут. Он заставил себя вспомнить, что тогда болеутоляющие средства свели его муки к терпимому пределу... но только потому, что врачи там оказались слишком щедры на дозы.

Ведь отвыкание от морфина было куда страшнее самой боли. Это тянулось целую неделю, когда потребность в морфине, казалось, превратила все его тело в некую абсолютную пустоту, в глубине которой где-то там обреталось его "я", одинокое, покинутое и жаждущее... Райан встряхнул головой. Боль стрельнула в левую руку, и он заставил себя принять ее как должное. "Я не хочу повторения этого.

Никогда".

Дверь открылась. Но это была не Киттивэйк - до приема лекарств оставалось еще четырнадцать минут. Райану показалось, что там, за дверьми, кто-то в военной форме. И точно. В палату вошел офицер лет тридцати с корзиной цветов, за ним - другой, и тоже с цветами. Одну корзину украшали алые и золотистые ленты - дар морской пехоты, - другая была без лент - от посольства США.

- Это еще не все, - сказал один из офицеров.

- Тут не очень-то много места, - сказал Райан. - Может лучше дадите мне карточки, а цветы распределите по другим палатам? Я уверен, что тут полно любителей цветов. - "А зачем мне эти джунгли?" - добавил он про себя. Вскоре возле Райана высилась груда карточек, писем и телеграмм. И оказалось, что читая их, он почти забыл о боли.

Появилась Киттивэйк. Она дала ему лекарство и, скользнув взглядом по цветам, поспешила прочь, не вымолвив ни слова.

Через пять минут ее молчание разъяснилось.

Следующим визитером был принц Уэльский. Вильсон снова вскочил. Лекарство уже начало действовать. Плечо уплывало куда-то вдаль, но зато чуть кружилась голова, как от пары рюмок спиртного. Возможно, этим частично объяснялось то, что последовало далее.

- Привет, - сказал Джек. - Как поживаете, сэр?

- Спасибо, хорошо, - принц вымученно улыбнулся. Он выглядел предельно усталым, глаза были грустными. Плечи под серым пиджаком старомодного покроя поникли.

- Садитесь, сэр, - пригласил Райан. - Вы выглядите так, словно ночью вам досталось больше чем мне.

- Спасибо, доктор Райан, - он снова попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло. - А вы как себя чувствуете?

- Терпимо, Ваше высочество. А как ваша жена... Простите...

Как себя чувствует принцесса?

Слова давались принцу с трудом.

- Мы оба сожалеем, что она не смогла прийти вместе со мной.

Она еще не вполне пришла в себя - шок, вероятно. Это испытание... было очень тяжелым для нее.

"Мозги шофера забрызгали ей лицо. Что же, можно назвать это тяжелым испытанием", - подумал Райан.

- Я видел это. Насколько я понимаю, ни вы, ни она не были, слава Богу,

ранены. И ваш ребенок ведь тоже?

- Да. И все благодаря вам, доктор.

Джек попытался пожать одним плечом. Боли почти не было.

- Рад быть полезным, сэр. Жаль лишь, что меня самого подстрелили.

Попытка внести в разговор веселую ноту обернулась неловкостью - он поперхнулся. Не надо было этого говорить вообще и таким тоном в особенности.

Принц не без любопытства взглянул на Джека, но потом в глазах его снова обозначилось безразличие.

- Если бы не вы, мы бы все были убиты... И от имени нашей семьи и моего лично... в общем, мы благодарны вам. Я знаю, этих слов недостаточно... - он с трудом подыскивал нужные слова. - Но лучше у меня не выходит. Вчера я почти совсем не мог говорить, - закончил он, уставившись на ножку кровати.

„Ага!“ - подумал Райан. Принц поднялся со стула, намереваясь уйти. "А что мне теперь делать?" - напрягся Райан.

- Сэр, присядьте на минутку и давайте поговорим об этом еще чуть-чуть. Хорошо?

Принц повернулся к нему. Казалось, он вот-вот скажет что-то, но затем лицо его снова приняло отсутствующее выражение, и он шагнул к двери.

- Ваше высочество, я, право, думаю... Никакой реакции. "Нельзя, чтобы он ушел таким вот. Ладно, если хорошие манеры не помогают..."

- Стойте! - жестко сказал Джек. - Принц обернулся, крайне изумленный. Сядьте, черт побери! - указал Райан на стул. - "По меньшей мере, я завладел его вниманием. Интересно, лишат меня рыцарства или нет?.."

Принц слегка покраснел, что несколько оживило его лицо. Секунду колебавшись, он все-таки сел, хотя и с неохотой.

- А теперь слушайте, - горячо заговорил Райан. - Мне кажется, я знаю, что вас гложет, сэр. Вам плохо оттого, что вчера вы вели себя не как Джон Уэйн и не расправились с террористами собственными руками, не так ли?

Принц промолчал, но выражение его глаз красноречиво свидетельствовало, что Райан попал в самую точку.

- Какая чушь! - фыркнул Райан. Тони Вильсон, в углу палаты, стал бледным, как смерть. Райан его понимал.

- Вам бы следовало лучше в этом разбираться... сэр, - заспешил Райан. - Вы ведь были в военных училищах, не так ли? Вы ведь пилот, вы прыгали с парашютом и даже командовали кораблем?

Принц кивнул. "Самое время дожать его", - подумал Райан.

- Тогда кому-кому, а вам так думать непростительно. Ведь вы же не дурак, правда?

- Что именно вы имеете в виду?

"Намек на гнев, - отметил Райан. - Хорошо".

- Думайте головой. Ведь вас учили анализировать обстановку, не так ли?

Давайте разберемся. Рассмотрим вчерашнюю тактическую ситуацию. Вы оказались в ловушке - в машине, - а рядом двое или трое вооруженных до зубов негодяев.

Машина бронирована, но вам из нее не выскочить. Что вам делать? По-моему, у вас были три возможности. - Раз. Можно было просто сидеть там, окаменеть и обмочить штаны. Так случилось бы с большинством нормальных

людей, захваченных врасплох.

Это, вероятно, нормальная реакция. Но с вами этого не случилось. Два. Вы могли выбраться из машины и что-то предпринять, так?

- Да, должен был бы.

- Неверно! - Райан энергично замотал головой. - Прошу прощения, сэр, но это ошибочная идея. Тот, которого я приложил, ждал, что вы поступите именно так. Ваша нога и земли не успела бы коснуться, как он мог бы всадить вам в голову увесистый кусок свинца. Вы, судя по всему, в довольно хорошей форме.

Вероятно, у вас хорошая реакция, но пулю еще никто не сумел перегнуть, сэр! Это решение погубило бы и вас, и всю вашу семью. Три. Ваш последний шанс - держать оборону и молиться, чтобы вовремя прибыла помощь. Вы знаете, что вы рядом с домом. Вы знаете, что кругом полно полиции и войск. Так что вы знаете, что время на вашей стороне, если вы сумеете продержаться пару минут. В то же время надо сделать все, чтобы уберечь своих близких. Вы толкаете их на пол и прикрываете своим телом, так что террористам, чтобы убить их, надо сперва прикончить вас. Именно это вы и сделали, - закончил Райан и помолчал с минуту, чтобы дать собеседнику обдумать сказанное. - Вы поступили именно так, как следовало. Черт побери! - забывшись, Райан подался вперед всем телом, но плечо тут же дало о себе знать, и он снова откинулся на подушку. Видно, не так уж и много дали ему этих обезболивающих. - О Боже, - больно! Смотрите, сэр: вас прихватили там, и набор ваших возможностей был довольно вшивым. Но вы пораскинули мозгами и выбрали единственно верный путь. Лучшего в той ситуации просто не было. Поэтому вам не из-за чего пребывать в дурном расположении духа - повторяю: не из-за чего. Если не верите мне, спросите Вильсона. Он полицейский.

Принц взглянул на Вильсона, и тот откашлялся, прочищая горло.

- Простите, Ваше высочество, - сказал он, - но доктор Райан совершенно прав. Мы в Отделе борьбы с терроризмом вчера обсуждали это... эту проблему и пришли именно к этому выводу.

- И долго вы обсасывали этот вопрос, Тони? - обратился нему Райан.

- Минут десять, - ответил Вильсон.

- Это, Ваше высочество, целых шестьсот секунд. А вам на то, чтобы все обдумать и начать действовать было дано сколько?

Пять? Три? Не слишком много времени для решения, от которого зависит жизнь и смерть. Сэр, я вам скажу, что действовали вы чертовски верно. Вам пошло на пользу все то, чему вас кто-то учили. И если бы вы сейчас анализировали не свое поведение в тот день, а кого-нибудь другого в той же ситуации, вы пришли бы к тому же выводу. Как пришли к нему Тони и его коллеги.

- Но пресса...

- Да пошлите вы ее подальше. - Райан откинулся на подушку прикидывая, не слишком ли далеко он зашел. - Что газетчики вообще знают - о чем бы то ни было?

Сами они не делают ничего, достойного сообщений, они всего лишь пишут о том, что делают другие. Вы можете сесть за штурвал самолета, вы прыгали с парашютом... Я, к примеру, терпеть не могу летать, а о том, чтобы прыгать с парашютом, я даже и думать не хочу... Вы командовали кораблем. Плюс к этому

вы ездите на лошадях, то и дело рискуя свернуть себе шею, и, в конце концов, вы теперь еще и отец семейства, не так ли? Разве всего этого мало, чтобы доказать миру, что вы настоящий мужчина. Вы же не сопливый новичок, сэр. Вы профессионал. Ну так и действуйте соответственно.

Принц теперь сидел уже чуть поправее. Джек видел, что он обдумывал только что услышанное. Губы принца тронуло некое подобие улыбки - свидетельство, что слова Джека имели какое-то воздействие.

- Я не привык, чтобы со мной говорили так напористо.

- Ну, так велите отрубить мне голову, - усмехнулся Райан. - Мне казалось, что вам надо было кое-что объяснить, но прежде всего надо было заставить вас выслушать меня, не правда ли? Я не собираюсь извиняться, сэр. Вместо этого я предлагаю вам посмотреться вон в то зеркало. Бьюсь об заклад - тот, кого вы увидите там, выглядит лучше того, кого вы видели сегодня утром во время бритья.

- Вы в самом деле верите в то, что говорите?

- Безусловно. Все, что вам нужно, сэр, так это взглянуть на ситуацию со стороны. Положение ваше вчера было куда труднее всех ситуаций, которые мы разбирали в Куантико, и все же вы сумели выкарабкаться. Послушайте, я вам расскажу кое-что.

- Это был мой первый день в Куантико, первый день офицерских курсов. Нас выстроили, и вот появился инструктор строевой подготовки, сержант Вилли Кинг, громадных размеров негр - позже мы его прозвали Сын Конго. Он оглядел нас снизу доверху и сказал: "Девочки, у меня есть для вас хорошие вести, но есть и плохие. Начнем с хороших: если вы докажете, что способны пройти курсы, вам больше ничего в жизни доказывать не придется, - потом помолчал секунду-другую и продолжал:

- Плохая весть это то, что вам придется доказывать это мне!"

- Вы были в числе первых на этих курсах, - сказал принц. Его тоже проинформировали о прошлом Райана.

- Там я шел третьим. Первым я был позже, на офицерских курсах. Да, я был ничего. Курсы те, я вам скажу... Только сон нам давался там легко - к тому времени, как ты добирался до постели, ты уже с ног валился. Но, знаете. Сын Конго был почти прав. Коль скоро ты прошел через Куантико, ты знаешь, что кое-что ты уже сделал. С тех пор мне пришлось трудно только в одном случае, но никакая морская пехота тут ничем бы не помогла, - Райан выдержал паузу. - Имя этому случаю Салли. Но ваша семья и вы сами в порядке, сэр. Допустим, я помог этому, но и вы тоже. А если какой-нибудь газетчик считает иначе, у вас ведь есть Тауэр, не так ли? Я помню, что пресса писала о вашей супруге в прошлом году. Да если бы, черт побери, кто-нибудь осмелился так отозваться о Кэти, я бы заставил его запеть иначе.

- В каком смысле? - спросил принц.

- Ну, в смысле, не стал бы с ним церемониться, - засмеялся Райан. - Когда ты важная фигура, то проблема, полагаю, в том, что тебе не к лицу ввязываться в драку. Это хуже некуда. Этим газетчикам не мешало бы поучиться хорошим манерам.

Ведь люди вашего круга имеют, в конце концов, право на частную жизнь, как и все мы, простые смертные.

- А что вы скажете по поводу ваших манер, сэр Джон? - спросил принц, наконец-то по-настоящему улыбнувшись.

- Mea maxima culpa, мой принц! Тут вы правы.

- И все же - когда бы не вы, нас не было бы в живых.

- Просто я не мог остаться в стороне, когда убивают людей. Если бы вы оказались на моем месте, то, готов спорить, вы сделали бы то же самое.

- Вы в самом деле так думаете? - удивился принц.

- Вы шутите, сэр! Всякий, способный прыгнуть с парашютом, способен и на все прочее.

Принц встал со стула и подошел к настенному зеркалу. То, что он увидел там, ему явно пришлось по душе.

- Хорошо, - пробормотал он, обращаясь к зеркалу. И, вернувшись назад, высказал свое последнее сомнение:

- Ну, а если бы вы были на моем месте?

- Я, наверное, намочил бы в штаны, - ответил Райан. - Но вы ведь тут в лучшем положении, чем я, сэр. Вы ведь думали о возможности такой ситуации не один год, верно? Вы фактически выросли с этим. А кроме того, вас ведь и учили кое-чему. Может, тоже в морской пехоте?

- Да.

- Вот видите, - сказал Райан. - Так что вы как-то проигрывали в голове разные варианты такой ситуации. Конечно, они захватили вас врасплох, но тренаж все-таки сказался. Вы вели себя отлично. Честно говорю. Присядьте на минутку может, Тони нальет нам немного кофе.

Тони налил им кофе - чувствовалось, что он все еще не в себе от присутствия столь знатной персоны. Принц Уэльский отхлебнул глоток-другой, а Райан закурил очередную сигарету из пачки Вильсона.

- Это ведь вредно вам, - неодобрительно покачал головой принц.

Райан только рассмеялся.

- Ваше высочество, с первого дня пребывания в вашей стране со мной много чего случилось! Сперва меня чуть не раздавил автобус, потом едва не выпростал мне мозги этот чертов маоист, а затем чуть не насадил на шампур парень из дворцовой охраны. Так что, - помахал сигаретой Райан, - это самое безопасное из всего, что со мной случилось тут. Ну и отпуск у меня получился!

- Что же, в этом есть свой резон, - признал принц. - И чувство юмора тоже.

- Наверное, валиум - или что они тут дают - помогает. И зовите меня Джеком. - Он протянул руку. Принц пожал ее.

- Вчера я видел вашу жену и дочку - вы тогда были еще без сознания. Я слышал, ваша жена превосходный врач. А ваша дочка просто прелесть.

- Спасибо. А как вам нравится быть отцом?

- Когда впервые берешь в руки своего ребенка...

- Да. Вот в этом-то вся и штука, - сказал Райан и вдруг замолчал.

"Вот оно! - подумал он. - Четырехмесячный младенец. Если бы они похитили принца с принцессой, правительство не пошло бы на уступки террористам. Ведь у политиков и полиции, наверное, уже разработаны планы на такой случай. Они бы разобрали этот город по кирпичикам, но не стали бы - не

смогли бы - вступать в переговоры с террористами. Для взрослых это скверно, но младенец - дело другое... Тут, черт побери, есть о чем торговаться! Что за люди эти..."

- Сволочи, - прошептал Райан.

Вильсон побледнел, но принц догадался, о чем думал Джек.

- Простите?

- Они не собирались вас убивать. Я даже, черт побери, уверен, что не за вами они на самом деле охотились... - Райан задумался. Напрягшись, он пытался вспомнить все известное ему об Армии освобождения Ольстера. Не так уж и много это ведь в конце концов не его сфера. Всего несколько оперативных сводок разведслужбы вперемешку с чистой воды домыслами. - Готов спорить, они вас вовсе не собирались убивать. И прикрыв своим телом жену с ребенком, вы похерили их план... Может... может, вы сделали этот неожиданный ход и спутали им весь график.

- Что вы имеете в виду? - спросил принц.

- От этих чертовых лекарств так туго соображаешь! - сказал Райан - не столько принцу, сколько себе. - Сообщила ли вам полиция о намерениях террористов?

Принц выпрямился на стуле.

- Я не могу...

- И не надо, - обрезал его Райан. - Сказали вам, что это вы, именно вы спасли всю вашу семью?

- Нет, но...

- Тони?

- Меня предупредили, что вы очень умны, Джек, - сказал Вильсон. - Боюсь, большего я сказать не имею права. Ваше королевское высочество, возможно, доктор Райан прав в своей оценке.

- Какой оценке? - озадачился принц. Райан объяснил. На это потребовалось всего несколько минут.

- Как вы, Джек, пришли к этому выводу? Райан все еще так и сяк обкатывал эту гипотезу.

- Я - историк, сэр. Это моя работа - вычислять. А до того я был биржевым маклером - тоже все вычислял. Это не так уж и сложно, когда вы обдумаете это сами. Вы натываетесь на явные несоответствия, а потом стараетесь разобраться, в чем тут дело. Все это, - заключил он, - не более чем мои домыслы, но, готов биться об заклад, что коллеги Тони пришли к тому же выводу.

Вильсон промолчал. Он всего лишь откашлялся, что было вполне красноречивым ответом.

Принц замер, уставившись в свою чашку. На лице его уже не было следов страха и стыда. Теперь оно выражало холодный гнев.

- Да, у них был этот шанс, не так ли?

- Да, сэр. Думаю, если они это попробуют еще раз, им будет куда труднее.

Верно, Тони?

- Очень сомневаюсь, что они еще раз решатся на такое, - сказал Тони. - Мы после этого, конечно, усилим сбор разведданных... Армия освобождения

преступила некую красную черту. Успех усилил бы их политическую позицию, но они ведь провалились, не так ли? Это навредит им, подорвет "народную" поддержку. Кое-кто из знающих их начнет переговоры... не с нами, конечно, вы же понимаете, но кое-что из того, что они будут обсуждать, рано или поздно дойдет до нас. Они были отщепенцами и раньше, а теперь и подавно...

"Извлекут ли они из этого должный урок? - задумался Райан. - И если да, то какого рода урок? Вот в чем вопрос". Джек знал, что тут возможны лишь два взаимоисключающих ответа. Он взял это себе на заметку, чтобы обдумать позже, дома. Для него это не было всего лишь академическим интересом, его плечо было тому доказательством.

Принц поднялся.

- Вы должны извинить меня, Джек. Но у меня еще масса дел.

- Снова появитесь на людях?

- Если я буду прятаться - они выиграли. И теперь, после разговора с вами, мне это еще очевиднее. И вообще, мне есть за что быть благодарным вам. Я имею в виду не только вчерашнее.

- Вы бы и сами с этим разобрались рано или поздно. Но чем раньше, тем лучше, не так ли?

- Нам надо еще увидеться.

- С удовольствием, сэр. Хотя, боюсь, я тут надолго застряну.

- Мы скоро отправляемся за границу - послезавтра. Это официальный визит в Новую Зеландию и на Соломоновы острова. Возможно, вы уже уедете, когда мы вернемся.

- По силам ли вашей супруге такая поездка, Ваше высочество?

- Думаю, что да. Доктор сказал, что ей именно нужна перемена обстановки.

Вчера ей пришлось многое пережить, но, - улыбнулся он, - мне, полагаю, было куда тяжелее.

"Согласен, - подумал Райан. - Она молода и скоро полностью придет в себя.

По крайней мере, у нее будет о чем вспоминать. Прикрыть своим телом от пули это на пользу семейным отношениям".

- Она, конечно, знает, что вы от нее без ума, сэр.

- Это верно, я ее люблю, - сказал принц очень серьезно.

- Из-за этого обычно и женятся, сэр, - сказал Джек. - Даже и мы, простые люди.

- Вы поразительно непочтительны, Джек.

- Прошу прощения, - улыбнулся Райан. И принц улыбнулся тоже.

- Не стоит извиняться, - принц протянул Райану руку. - Спасибо вам, сэр Джек, за многое.

И он покинул палату, выпрямив спину и печатая шаг.

- Знаешь, Тони, разницу между им и мной? Я могу сказать, что был в морской пехоте, и этого достаточно. Но этот бедолага должен каждый Божий день доказывать это каждому встречному-поперечному. Наверное, это участь всех, кто вечно на виду у публики. Да я бы, - помотал он головой, - ни за какие коврижки не поменялся с ним.

- Он родился для этого, - возразил Вильсон.

- В этом, - сказал Джек, обдумав его слова, - и разница между вашей страной и моей. Вы считаете, что человек рожден для чего-то определенного. Мы же полагаем, что он должен сам дорасти до этого. Это совсем иное дело. Тони.

- Я думаю, мне надо пойти на это, - сказал Эшли, вновь пробегая глазами телекс. Вызывало тревогу то, что его называли по имени. Руководители Временной группировки ИРА знали не только то, кто он такой, но и то, что в службе безопасности именно он вел это дело. - Как, черт побери, они это пронюхали?

- Согласен, - сказал Джеймс Оуинс. - Раз они так жаждут побеседовать с нами, они, вероятно, намерены сообщить что-то важное. Конечно, тут есть элемент риска. Вам следует взять кого-нибудь с собой.

Эшли уже думал об этом. Конечно, не исключено, что его могут оставить заложником... Но, странное дело, ВГИРА вела себя, соблюдая определенный кодекс.

В рамках этого кодекса все было честно - в соответствии с их собственным представлением о честности, конечно. Наметив кого-то в качестве жертвы, они расправлялись с ним безжалостно, но вот с наркотиками они не связываются. Их бомбы убивали детей, но похищением детей они не занимались. Эшли покачал головой.

- Не стоит. Наши люди ведь уже встречались с ними, и никогда не было никаких проблем. Поеду один, - заключил он, направляясь к двери.

- Папа! - Салли ворвалась в палату и остановилась как вкопанная возле постели, норовя сообразить, как ей туда вскарабкаться, чтобы поцеловать отца.

Ухватившись за боковые прутья, она, поставив ногу на раму, подтянулась. Когда ее крохотное тельце перегнулось через край матраца, Райан помог ей сесть на постель.

- Привет, папа, - Салли поцеловала его в щеку.

- Ну, как ты сегодня?

- Хорошо. А что это такое?

- Это гипс, - ответила Кэти. - Я думаю, что тебе надо в уборную.

- О'кей, - согласилась Салли и спрыгнула с постели.

- Я думаю, уборная вон там, - сказал Джек. - Но я не уверен.

- А ну-ка, Салли, давай быстрее, - сказала Кэти. Позади Кэти стоял какой-то человек - лет под тридцать, атлетически сложенный и, разумеется, хорошо одетый. К тому же, как заметил Райан, довольно привлекательный.

- Добрый день, доктор Райан, - сказал он. - Меня зовут Уильям Гревилл.

- Какого полка?

- Двадцать второго, сэр.

- Специальная летная служба?

Гревилл кивнул и улыбнулся со сдержанной гордостью.

- Когда о вас заботятся, то посылают лучших, - пробормотал Джек. - Вы один?

- Еще шофер - сержант Михаэльсон из группы охраны дипкорпуса.

- Почему вы, а не кто-то другой?

- Ваша жена выразила желание осмотреть окрестности. Мой некотором роде присматривает за кое-какими замками, и потому Ее высочество подумала, что вашей жене хорошо бы иметь... эскорт, знакомый с предметом. Мой отец бывало брал меня с собой, так что я побывал чуть ли не во всех старинных домах Англии.

Эскорт. Это как раз то самое слово, - подумал Райан, припоминая, что это такое - "Специальная летная служба". Вся их связь с самолетами состояла в том, что они с них прыгали или подрывали их.

Гревилл продолжал:

- Кроме того, наш полковник просил меня пригласить вас на обед в нашей части.

Райан кивнул на свою руку.

- Спасибо, но с этим придется подождать.

- Мы понимаем. Ничего, сэр. Когда вы сможете, мы будем рады видеть вас.

Просто мы тут хотели обскакать пехоту, - улыбнулся Гревилл. - В конце концов, то, что вы сделали, больше по нашей части. Ну, ладно, я все равно должен был передать вам это приглашение.

Райан посмотрел в сторону уборной.

- Вы уж за ними получше присматривайте... Лейтенант?

- Капитан, - поправил Гревилл. - Будет сделано, сэр. Кэти с Салли вышли из уборной, и Гревилл удалился в коридор.

- Ну, как он тебе? - спросила Кэти.

- Его папа - граф! - объявила Салли. - Он симпатичный.

- Что?

- Его отец - виконт-чего-то-там, - объяснила Кэти, подходя к постели. - Ты выглядишь куда лучше.

- И ты, детка, - он потянулся навстречу ее поцелую.

- Джек, ты курил!

Еще до женитьбы она изводила его с этим куревом. "Вот чутье, черт побери!"

- подумал Джек.

- Не пили - у меня был трудный день.

- Слабак! - припечатала она с отвращением.

Райан уставился в потолок. "Для всего мира я - герой, а из-за одной-двух сигарет она считает меня слабаком". Приходится ему прийти к выводу, что нет в мире справедливости.

- Дай мне передохнуть, детка.

- Где ты их раздобыл?

- У меня тут сиделка - полицейский. Он куда-то вышел.

Кэти поискала глазами пачку сигарет, чтобы уничтожить ее.

Джек припрятал ее под подушкой. Наконец Кэти села, и Салли взобралась к ней на колени.

- Как ты себя чувствуешь?
- Болит, но терпеть можно. Как прошла ночь?
- Ты знаешь, где мы?
- Слышал.
- Я прямо Золушкой стала, - усмехнулась Кэти. Джек пошевелил пальцами левой руки.
- А я, кажется, тот, кто превратился в тыкву. Полагаю, тебе: удастся объездить тут все, что мы запланировали. Я рад.
- Ты, правда, не против?
- Одна из целей нашего отпуска была в том, чтобы оторвать тебя от всех этих больниц. Помнишь? И потом - зачем возвращаться домой с неиспользованной фотопленкой?
- Было бы куда приятней поездить с тобой.

Джек кивнул. Ему тоже очень хотелось побывать во всех этих замках. Как и для многих других американцев, сословная система Англии была неприемлема для Райана, но это не мешало ему восхищаться аристократическим стилем жизни со всеми его атрибутами. Теперь, правда, подумал он, когда он сам стал рыцарем, отношение его может ко всему этому измениться, если только он позволит себе отнестись к этому званию слишком серьезно.

- Не упускай из виду и хорошую сторону ситуации. У тебя есть гид, который расскажет тебе все о замке лорда Джонса на берегу моря или там реки. И кроме того, у тебя будет масса времени для всего этого.
- Да-а. Полиция говорит, что мы тут задержимся куда дольше, чем предполагали. Придется мне объясняться с профессором Левиндовским, - поежилась она. - Они должны понять.
- Ну и как тебе на новом месте? Лучше, чем в отеле?
- Тебе это нужно видеть самому. Нет, не видеть, а пожить там, рассмеялась Кэти. - По-моему, гостеприимство тут - национальный спорт. Им надо ввести этот предмет в школе и чтобы каждый квартал были экзамены. Догадайся, с кем мы обедаем сегодня?
- А мне и не надо догадываться.
- Джек, они такие милые.
- Я это заметил.
- А что это такое - "Специальная летная служба?" Это вроде десантника?
- Да, что-то вроде этого, - неуверенно ответил Джек. Кэти могла воспротивиться необходимости все время быть под надзором вооруженного человека.

К тому же человек этот был обучен пользоваться оружием без всяких угрызений совести, как не угрызается ею волк, пуская в ход зубы. - Почему ты не спрашиваешь меня о том, как я себя чувствую?

- Я еще по дороге в палату ознакомились с твоей историей болезни, объяснила Кэти.
- Ну и как?
- Отлично, Джек. Я вижу, ты можешь двигать пальцами. Я беспокоилась об этом.
- Почему?
- Плечевое сплетение - это узел нервов... Пуля прошла всего в трех

сантиметрах от нервного узла. Именно поэтому ты и можешь теперь шевелить пальцами. Кровотечение было таким сильным что я решила, что перебита плечевая артерия, - она совсем рядом. Это тебя парализовало бы надолго. Но, - улыбнулась она, - ты счастливчик. Только кости поломаны. Это больно, но они заживут.

"Врачи такие всегда объективные, - сказал Райан самому себе. - Даже те, на ком ты женат. Теперь она скажет, что боль мне на пользу".

- Боль хороша тем, - продолжала Кэти, - что она сигнализирует о сохранности нервов.

Джек закрыл глаза и покачал головой.

- Джек, я так горжусь тобой, - сказала она, взяв его за руку. Он открыл глаза.

- Хорошо быть замужем за героем, а?

- Ты всегда был для меня героем.

- В самом деле?

Раньше она такого никогда не говорила. Что уж такого героического в профессии историка? Кэти ничего не знала о других его делах - впрочем, в них тоже ничего особенно героического не было.

- Да. С того дня, как ты сказал моему отцу... ну, ты знаешь. А кроме того, я ведь тебя люблю, не забывай.

- Да-да, мне припоминается, как ты об этом говорила недавно.

Кэти состроила гримасу.

- Ты лучше пока об этом не думай.

- Ясно, - сгримасничал он в свой черед. - Больной должен беречь силы и так далее. А что случилось с теорией семейного счастья, которое помогает выздоровлению?

- Вот что я имею за то, что разрешаю тебе читать свои журналы. Терпение, Джек!

В палату вошла Киттивэйк, но, увидев всю семью в сборе, тут же ретировалась.

- Я попытаюсь быть терпеливым, - сказал Джек, с тоской глянув на дверь.

- Кобель ты, - заметила Кэти. - Я тебя наизусть знаю. Это правда. "Вот что имеешь, когда любишь свою жену". Кэти погладила его по лицу. - Чем ты сегодня брился? Ржавым напильником, что ли?

- Ах, да... принеси мне бритву. И, может, мои записи тоже?

- Принесу или передам через кого-нибудь, - сказала она подняла глаза на Вильсона, вошедшего в палату.

- Тони, это моя жена Кэти и дочка Салли. Кэти, это Тони Вильсон, моя сиделка-полицейский.

- Не видела ли я вас вчера?

Кэти никогда не забывала ни одного лица. Впрочем, полагал Джек, она вообще никогда ничего не забывала.

- Возможно. Но поговорить нам не удалось - слишком уж все мы были заняты.

Как вы себя чувствуете, леди Райан?

- Простите? - удивилась Кэти. - Леди?

- Они что же, не сказали тебе? - хмыкнул Джек.

- Не сказали что?
- Ну и как тебе нравится быть женой рыцаря? - спросил Джек, введя ее в курс дела.
- Значит, у тебя, папа, должна быть лошадь? - с надеждой поинтересовалась Салли. - Можно мне будет кататься на ней?
- Это вполне законно, Джек?
- Мне сказано, что их премьер-министр будет сегодня обсуждать этот вопрос с нашим президентом.
- О Боже, - вздохнула леди Райан. Но спустя мгновение она уже улыбалась.
- Держись за меня, детка, - расхохотался Джек.
- Ну, а что же про лошадь, папа? - приставала Салли.
- Я пока не знаю. Посмотрим, - сказал он и зевнул. Райан не видел практической пользы от лошадей - разве что скачки да, может, на предмет списаний с налогов. "Ну, зато я теперь обзавелся шпагой", - сказал он себе.
- Мне кажется, что папочке пора вздремнуть, - заметила Кэти. - А мне надо кое-что купить для сегодняшнего обеда.
- О, нет! - простонал Райан. - Опять целый гардероб!
- Кэти усмехнулась.
- А кто в этом виноват, сэр Джон?

Они встретились в Дублине на О'Коннел стрит, в ресторанчике "У Фланагана".

Это было неплохое заведение, хотя туристы порой пренебрегали им, благо поблизости был "Макдональд". Эшли уже сидел со стаканом виски, когда за стол к нему подсел человек. Второй и третий засели в кабинке на той стороне зала и вели наблюдение оттуда. Эшли пришел один. Это была не первая такого рода встреча, и Дублин считался более или менее нейтральной территорией для этих целей. Те двое были на страже на случай появления людей из республиканской полиции, которую звали "Гарда".

- Добро пожаловать в Дублин, мистер Эшли, - сказал представитель Временной группировки Ирландской освободительной армии.

- Благодарю, мистер Мэрфи, - ответил офицер контрразведки. - Фотография из вашего досье не очень-то соответствует оригиналу.

- Я тогда был молод и глуп. К тому же - тщеславен. Нельзя сказать, чтобы я в те времена слишком часто брился, - объяснил Мэрфи и принялся изучать меню. Мясо тут отличное, а овощи всегда свежие. Летом здесь полно этих чертовых туристов - из тех, что уже не хотят картошки во фритюре, - и цены из-за них, как всегда, взлетели вверх. Слава Богу, в это время года они уже у себя, в Америке, оставив этой бедной стране изрядное количество своих сбережений.

- Что вы хотели мне сообщить?

- Сообщить?

- Ведь это вы просили о данной встрече, - напомнил Эшли.

- Цель ее - заверить вас, что к вчерашней кровавой истории,

завершившейся провалом, мы никакого отношения не имеем.

- Это я мог вычитать и в газетах. Что я уже и сделал.

- Мы сочли, что личный контакт будет более убедительным, мистер Эшли.

- Почему мы должны верить вам? - спросил Эшли, потягивая виски.

Говорили они тихо-мирно, хотя и тот и другой прекрасно знали, что именно думает о нем собеседник.

- Потому что мы не настолько безумны, - сказал Мэрфи. Подошел официант и принял заказ. Вино выбрал Эшли - бордо. За обед платил он. И теперь Эшли находился всего в сорока минутах полета от Лондона. Просьба о встрече прозвучала по телефону еще на рассвете. Позвонили британскому послу в Дублине.

- Это точно? - дождавшись, когда официант ушел, спросил Эшли, вперясь в холодные голубые глаза по ту сторону стола.

- Королевское семейство решительно не для нас. Хотя с политической точки зрения они просто превосходны, - улыбнулся Мэрфи, - мы с некоторых пор усвоили, что нападение на них принесет нам больше вреда, нежели пользы.

- В самом деле? - Эшли выговорил это на сугубо английский манер. Мэрфи вспыхнул от злости; оскорбление было элегантным.

- Мы - враги, мистер Эшли. Я бы предпочел не обедать с вами, а прикончить вас. Но даже враги могут вступать в переговоры, не так ли?

- Продолжайте.

- Мы к этому не причастны. Даю вам слово.

- Слово марксиста-ленинца? - улыбнулся Эшли.

- Вы умеете провоцировать, мистер Эшли, - улыбнулся и Мэрфи. - Но сегодня это ни к чему. Я здесь с миссией мира и взаимопонимания.

Эшли чуть было не расхохотался, но сдержал себя, прикрыв усмешку стаканом.

- Мистер Мэрфи, я бы не стал плакать, если бы наши парни сцапали вас, но должен признать, что вы достойный противник. И не лишены обаяния.

"Ах уж эта английская учтивость, - подумал Мэрфи. - Именно поэтому мы и победим в конце концов, мистер Эшли".

"Нет, не выйдет", - подумал Эшли. Ему уже приходилось видеть такое выражение лица.

- Что мне сделать, чтобы вы поверили мне? - спросил Мэрфи.

- Имена и адреса, - тихо сказал Эшли.

- Нет. Это невозможно для нас, и вы это знаете.

- Если вы хотите достичь какого-то взаимопонимания, то надо начинать с этого. Мэрфи вздохнул.

- Вы, конечно, знаете, как мы организованы. Вы что же, думаете, мы можем нажать на кнопку какого-нибудь там вшивого компьютера, и он выдаст список имен?

Мы и сами-то толком не знаем, кто это сделал. Есть какие-то люди, которые от нас отпадают. Многие уезжают на юг и растворяются там, больше опасаясь нас, чем вас. И, - прибавил Мэрфи, - на то есть причины. Тот, которого вы поймали, Син Миллер, - мы даже и имени-то его никогда не слышали.

- А Кевин О'Доннелл?

- Этот да. Он, возможно, глава. Он как сквозь землю провалился четыре года тому назад - вы же отлично это знаете... После... э-э, ну, вы знаете эту историю не хуже меня.

"Кевин Джозеф О'Доннелл, - напомнил себе Эшли. - Тридцать четыре года.

Рост - шесть футов, вес - сто шестьдесят фунтов. Не женат. Впрочем, эти данные, возможно, устарели. Мастер добиваться своих целей у "Временных". Да и более безжалостного шефа безопасности "Временные" никогда не имели, но они его поперли, когда оказалось, что он пользовался своей властью для устранения из Организации нежелательных ему политических элементов. Сколько их было, прежде чем командующий бригадой узнал все это, - десять, пятнадцать? Убитых или изувеченных... Поразительно то, - подумал Эшли, - что ему вообще удалось бежать".

- Мне непонятно, почему вы считаете нужным защищать его и его группу. - Он знал, в чем тут дело, но почему бы и не прощупать почву, если есть хоть какой-то шанс на удачу.

- Если мы начнем капать, что станет с Организацией? - спросил Мэрфи.

- Это не моя проблема, мистер Мэрфи, но я вас понимаю. И все же, если вы хотите, чтобы мы поверили вам...

- Мистер Эшли, сейчас вы затронули самую суть проблемы. Если бы ваша страна когда-либо вела с Ирландией дела в духе взаимного уважения и доверия, нам бы сегодня не пришлось сидеть тут, не так ли?

Эшли задумался. Но всего лишь на секунду - он ведь уже столько раз раздумывал об исторической подоплеке Раздора. Кое-какие умышленные политические ходы вперемешку с историческими случайностями... Кто мог предугадать первую мировую войну? А она-то и блокировала решение вопроса о самоуправлении, а потом консерваторы использовали этот вопрос как сокрушающий молот для победы над лейбористами. И кого теперь за это проклинать? Все давно мертвы и забыты. Этим занимаются только замшелые академики, сами знающие, что их исследования ничего не дают. Слишком поздно теперь. Есть ли вообще выход из этой кровавой трясины?

- спросил он себя и отрицательно покачал головой. Это не его сфера. Это для политиков. Для той самой породы, что выстроила башню Раздора, кирпичик за кирпичиком.

- Я вам только одно скажу, мистер Эшли...

Появился официант. Они тут поразительно быстро обслуживали. Откупорив бутылку, он плеснул чуток в стакан Эшли - на пробу. Англичанин поразился - вино было превосходным.

- Вы мне только скажете... - напомнил Эшли, когда официант ушел.

- Сбор информации у них отличный. Настолько отличный, что невозможно в это поверить. И поступает она с вашей стороны Ирландского моря, мистер Эшли. Но мы не знаем, от кого и как. Был тут один парень, который узнал. Он, умер четыре года назад, - Мэрфи приступил к салату. - Ага, я же говорил вам - овощи тут свежие.

- Четыре года?

- Вы что же, не знаете этот случай? - Мэрфи поднял глаза на Эшли. - Это для меня сюрприз, мистер Эшли. Да. Его звали Мики Бэрд. Он работал с Кевином.

Он тот самый парень, который... в общем, можете сами догадаться. Мы как-то с ним побеседовали за стаканчиком, в Дерри, и он сказал, что у Кевина теперь чертовски хороший источник информации. А на следующий день он уже был мертв.

Еще через день от нас скрылся и Кевин. С тех пор мы его не видели. Если мы его найдем, мы возьмем на себя вашу работу - пусть тело подберут ваши убийцы из СЛС. Устраивает вас такая "игра по правилам"? Мы не можем, так уж помогать вам, но он тоже в списке наших врагов, и, если вы его найдете, но не захотите пачкаться сами, мы сделаем это для вас. При условии, конечно, что вы не станете мешать парням, которые будут этим заниматься. Согласны?

- Я передам ваши слова по назначению, - сказал Эшли. - если бы это зависело от меня, я бы согласился. В этом вопросе, мистер Мэрфи, думаю, мы можем вам верить.

- Благодарю вас, мистер Эшли. Ведь это было не страшно, не так ли?

Обед был превосходным.

Глава 3

ИГРОКИ

Телевизионная группа устанавливала освещение, а Райан все пытался отделаться от голубых точек, крутившихся перед глазами. Почему газетные фотографии не могли подождать, пока телевизионщики наладят свои мощные лампы?

Все интересуются, как он себя чувствует, но даже приступ удушья не выпроводил бы их отсюда.

Могло быть и хуже, конечно. Доктор Скотт довольно настойчиво заявил газетчикам, что его пациент нуждается в отдыхе, и сестра Китивэйк была тут как тут, сердито таращась на пришельцев. Так что репортеров было не больше, чем могла вместить палата. Включая и телевизионную группу. Это все, что Джеку удалось выторговать. Операторы и техники оккупировали пространство, которое в ином случае было бы заполнено куда более дотошными корреспондентами.

В утренних выпусках "Таймса" и "Дейли телеграф" сообщалось, что Райан был (а может, и есть) сотрудником ЦРУ. (Это было не совсем верно.) А потому ему не положено, мол, представлять перед публикой. Райан припомнил, что говорили в Лэнгли об утечке информации.

- Готово, - сказал осветитель. И минуту спустя доказал, что не обманывал, включив три "солнечных" прожектора.

Как Джек ни щурился, на глазах все равно выступили слезы.

- Ужасно яркие, - посочувствовал один из репортеров, пока прочие без передышки щелкали своими "Никонами".

- В каком-то смысле да, - ответил Джек. К его халату прицепили двухголовый микрофон.

- Скажите что-нибудь, - попросил звукооператор.

- Как вам нравится в Лондоне, доктор Райан?

- Ну, как вам сказать?.. Я не склонен верить жалобам о том, что американские туристы не хотят посетить Англию из-за страха перед

террористами.

- "Экий ты, однако, прохвост". - сказал он себе и усмехнулся.

- В самом деле! - рассмеялся репортер. - Все в порядке. спросил он оператора и звукотехника.

Райан глотнул чаю и отодвинул пепельницу, чтобы она не попала в кадр.

Народ был в основном английский, кроме телекорреспондента Эн-би-си да лондонского корреспондента "Вашингтон пост". Впрочем, как было условлено, материал будет предоставлен в распоряжение и всех прочих средств информации.

Для настоящей пресс-конференции просто-напросто не было места.

Заработала камера.

Они начали с обычных вопросов. Затем камера нацелилась на его руку.

Потом, подумал Джек, они этими кадрами будут иллюстрировать дикторский рассказ о том, как его подстрелили. Немного драматизма никогда не мешает, как ему уже раз было сказано. Он подвигал пальцами левой руки - для камеры.

- Доктор Райан, американская и британская пресса сообщают, что вы сотрудник ЦРУ.

- Я прочитал об этом сегодня утром. И удивился не менее других, - сказал Райан с улыбкой. - Это какая-то ошибка. Я недостаточно красив, чтобы быть шпионом.

- Итак, вы отвергаете это сообщение? - спросил корреспондент "Дэйли миррор".

- Да. Это не правда. Я преподаю историю в Военно-морской академии в Аннаполисе. Это легко проверить. На прошлой неделе я принимал экзамены. Можете спросить моих студентов, - сказал он и снова - ради камеры - подвигал левой рукой.

- Это сообщение поступило из неких высоких кругов, - заметил парень из "Вашингтон пост".

- Если вы немного займетесь историей, вы узнаете, что высокопоставленные лица тоже допускают ошибки. Полагаю, что именно это и имеет место в моем случае. Я преподаю. Я пишу книги. Я читаю лекции... Верно, как-то раз я читал лекцию и для ЦРУ, но это была та же лекция, что и в Военно-морском колледже.

Ничего секретного в ней не было. Возможно, отсюда и возникли эти слухи.

Проверьте, я вам говорю. Мой кабинет - в Лихихолл в Военно-морской академии.

Думаю, что тут кто-то попал пальцем в небо. - "Именно, что в небо", - подумал он и продолжал:

- Я могу разыскать вам текст той лекции - не так уж это и сложно.

- По душе ли вам то, что вы оказались в центре внимания? - спросил кто-то из британского телевидения.

"Спасибо за то, что сменили тему", - мысленно поблагодарил его Райан.

- Ничего, можно пережить и это. Хотя я и не кинозвезда, ибо, повторяю, внешностью не вышел.

- Вы слишком скромны, доктор Райан, - заметила женщина-репортер.

- Будьте осторожны - моя жена может неверно истолковать ваши слова, парировал он, вызвав общий смех. - Хоть внешностью я и не вышел, ей я вроде бы нравлюсь. И с меня этого довольно. Леди и джентльмены, при всем моем

уважении к вам, я вынужден признаться, что был бы рад вновь кануть в неизвестность.

- Думаете, вам это теперь удастся?

- Это зависит от удачи. И от того, позволит ли это мне ваша братия.

- Как, вы думаете, следует поступить с террористом Сино Миллером? - спросил корреспондент "Таймса".

- Это дело суда. Я вам для этого не нужен.

- Считаете ли вы, что нам нужна смертная казнь?

- У нас она есть. Что касается вашей страны, это должны решать те, кому народ отдал свои голоса. И вы, и мы ведь живем в демократических обществах, не так ли? Тем, кого вы избрали, надлежит выполнять волю избирателей. - "Это не совсем так на практике, но такова теория..." - подумал он.

- Так вы поддерживаете эту идею? - не унимался "Тайме".

- В определенных случаях, после всестороннего рассмотрения дела судом да. А теперь вы, разумеется, спросите меня об этом случае, так? Это спорное дело. И вообще, я не специалист. Вот отец мой - он был полицейским, а я всего лишь историк.

- А что вы как американец ирландского происхождения думаете о Раздоре? пожелал узнать "Дейли телеграф".

- У нас в Америке достаточно своих проблем - ваших нам не надо.

- Так вы считаете, что нам следует решить эту проблему?

- А как вы полагаете? Разве не для того и существуют проблемы?

- У вас наверняка есть предложение на этот счет. Большинство американцев напичканы предложениями.

- Мое дело - преподавать историю. А предложения - пусть этим занимаются другие. Я предпочитаю быть чем-то вроде репортера, - улыбнулся Райан. - Я критикую тех, кто когда-то давно принял те или иные решения. Но это вовсе не значит, что я знаю, как надо действовать сегодня.

- Однако во вторник вы знали, как действовать, - напомнил "Тайме". Райан пожал плечами.

- Да, думаю, что это так, - сказал Райан с телеэкрана.

- Умен мерзавец, - пробормотал себе под нос Кевин Джозеф О'Доннелл и отхлебнул из стакана пива. Его оперативная база располагалась куда дальше от границы, чем это кому-нибудь могло прийти в голову. Ирландия - маленькая страна, и расстояние там - понятие относительное, особенно для тех, у кого есть все им необходимое. У его бывших соратников из ВГИРА было множество надежных явок возле границы, откуда было удобно перебираться за кордон - хоть в ту, хоть в эту сторону. Но не для него. И тому была масса причин. Там было полным-полно стукачей и британских разведчиков, плюс еще диверсанты из СЛС, которые не брезгают ни похищениями, ни убийствами тех, кто сделал ошибку, став чересчур известным. Им ведь близость границы тоже на руку. Но более всего опасна сама ВГИРА, которая тоже не спускает глаз с границы. Хотя он изменил свой облик, претерпев небольшую пластическую операцию и перекрасив волосы, бывшие коллеги все же могли узнать его. Но не здесь. Да и

до границы, в конце концов, не так уж было далеко в стране длиной в какие-нибудь три сотни миль.

Он отвернулся от телевизора и уставился в окно - в морскую темь. Вот показались огни парома, идущего из Гавра. Море было прекрасно, как всегда. Даже во время шторма, когда видимость - хуже некуда, ощущаешь мощь стихии, мощь этих серых водяных валов, атакующих скалистый берег. Но сегодня было ясно, воздух прозрачен и студен. Вид открывался до самого горизонта очерченного звездами.

Вон еще судовые огни - какое-то торговое судно... спешит на восток. О'Доннеллу льстила мысль, что этот величественный дом некогда принадлежал английскому лорду. Еще более он был доволен тем, что покупку эту провернул через подставную корпорацию и что все вопросы удалось свести к минимуму благодаря наличным и респектабельному адвокату. До чего же податливо это общество - да и любое, если ты располагаешь хорошими средствами... и толковым советником. До чего все они мелки. Никакого политического кругозора. "Нужно знать своих врагов", повторял себе О'Коннелл десятки раз за день. Впрочем, врагом было не "демократическое" общество. Врагами были те, с кем приходилось иметь дело, идти на компромиссы, быть культурным, ходить застегнутым на все пуговицы, сотрудничать.

"Глупцы, самоубийственные, невежественные глупцы, заслуживающие смерти", вот что он думал о них.

Придет день, когда все они исчезнут, как то судно, соскользнувшее за горизонт. История - это наука, поступь неизбежности. О'Доннелл точно знал это.

Отвернувшись от окна, он принялся смотреть в огонь, жарко полыхавший в камине. Во время оно над ним висели олени рога и картины. С лошадьми.

О'Доннелл был уверен - именно лошади. Владелец этого дома, думал он, был существом, имевшим все, что желал. В его пустую голову никакая идеология никогда не проникала. Он себе посиживал на стуле, вроде вот этого, потягивал из стакана виски, таращился в огонь - любимая собака у ног - и болтал с соседом о сегодняшней охоте, договариваясь об охоте завтрашней. "Снова дичь или теперь лисица, Берти? Давно уже не охотились на лисиц, пора бы снова, как ты думаешь?"

Что-нибудь в таком духе. Интересно, охотился лорд только в сезон или ему было плевать - что настроение подскажет, то и делал? Теперешний владелец этого дома такой охотой не занимался. Какой прок убивать того, кто не вредит ни тебе, ни твоему делу? И потом, охота это для британцев да для местных джентри. За местными ирландскими джентри он не охотился, он даже не удостоивал их презрения, не говоря уж о каких-то акциях против них. Во всяком случае, пока.

"Деревья не ненавидишь, - говорил он себе. - Их просто игнорируешь, пока не приходит время срубить их". Он снова повернулся к телевизору.

Этот Райан все еще был на экране, дружески беседуя с идиотами из прессы.

Чертов герой. "Чего ты сунул свой нос куда не следует?" Это что-то вроде рефлекса, рассудил О'Доннелл. "Чертов кретин, лезущий не в свое дело. Наверняка ведь, даже и не знал, что там было. Да и никто не знал и не

знает".

Американцы. Эти дураки из "Временной" все еще обожают толковать с типами, вроде этого, пускать пыль в глаза и притворяться, будто они представляют Ирландию. Разве янки вообще хоть что-то понимают? Эти "Временные" твердят свое:

"Мы не можем позволить себе обижать американцев". Чертовы американцы, со всеми их деньгами и заносчивостью, со всеми их рассуждениями о том, что такое хорошо и что такое плохо, с их инфантильным представлением о судьбе Ирландии. Как детишки, принарядившиеся по случаю первого причастия. Такие чистенькие. Такие наивные. Толку от их жалких денежных подачек - ноль. Сколько бы по этому поводу ни плакались британцы, О'Доннелл знал, что за последние три года ВГИРА даже и миллиона не выудила из Америки. Все, что эти американцы знают об Ирландии, они почерпнули из фильмов да из полузабытых песенок, исполняемых в день святого Патрика. Ну и время от времени дуют ирландский виски - из патриотизма. Что они знают о жизни в Ольстере, о гнете империалистов, о том, как Ирландия порабощена загнивающей Британской империей, которая, в свой черед, порабощена Америкой?

Что они вообще знают? "Но мы не можем обижать американцев". Глава Армии освобождения Ольстера разделался со своим пивом и поставил стакан на край стола.

Для Дела, которому он себя посвятил, фактически не так уж много и надо было. Четко очерченная идеологическая цель. Несколько хороших людей. Друзья, хорошие друзья с доступом к хорошим ресурсам. Вот и все. Зачем путаться с американцами? А все эти политические игры - люди "Шин Фейн", баллотирующиеся в парламент!.. Экая чушь! Они ждут... Да что там - надеются дожидаться признания британских империалистов. И уже провозглашают, что важнейшие наши политические цели недостижимы. А после этого народ еще удивляется, почему "Временным" ничего не удастся. Их идеология обанкротилась, а в Бригаде слишком много народу.

Стоило британцам заловить кое-кого из них, как раскололись и позаложили всех своих товарищей. Для такой работы нужна особая преданность Делу, которая по плечу лишь элите а следовательно, единицам. Насчет такой элиты у О'Доннелла было все в порядке. "И еще нужен верный план, - сказал он сам себе, при этом тонко улыбнувшись. У него был такой план. - Из-за этого Райана, - напомнил он себе, - мой план не изменился".

- Смотри, этот сукин сын так и светится самодовольством! - обратился он к человеку, находившемуся в комнате, но все время молчавшему.

Откупорив еще одну бутылку пива, О'Доннелл наполнил стакан.

- Сину, - сказал он, - надо было поглядывать назад, и тогда этот поганый герой был бы трупом. А дело наше увенчалось бы успехом. Проклятье!

- Ничего, сэр, еще не все потеряно, - сказал его гость.

- На пустяки мы свою энергию не тратим, нет, - сказал О'Доннелл и покачал головой. - "Временные" уже десять лет только и занимаются, что ерундой. И вот до чего это их довело.

- А что если он из ЦРУ? Что если они проникли в наши ряды, и он был там, потому что?..

- Не будь дураком, - оборвал собеседника О'Доннелл. - Если бы они

пронюхали, то вся лондонская полиция, переодевшись в штатское, поджидала бы нас там. - "И я бы знал об этом заранее", - подумал он, не сказав этого вслух.

Об источнике его информации знал лишь еще один человек из Организации, и он был в Лондоне.

- Это просто вопрос удачи, - сказал О'Доннелл. - На этот раз она оказалась на их стороне. Зато нам повезло в твоём деле, не так ли, Майкл?

Как и всякий ирландец, он верил в удачу. Никакая идеология не способна была отменить этой веры. Никогда.

Собеседник О'Доннелла был моложе его. Он сидел и думал о восемнадцати месяцах, проведенных в блоке Эйч тюрьмы Лонг-Кеш. По телевизору уже тархтели о чём-то другом.

О'Доннелл пожал плечами. Везенье. Везенье и все. Этому богатому американцу с его длинным носом просто очень повезло. Операция могла бы провалиться и из-за любого другого непредвиденного обстоятельства - прокола шины, севшей батареи в радио или из-за внезапного ливня. Его преимущество в том, что тем Удача нужна всегда, а ему, О'Доннеллу, надо, чтобы повезло всего один раз. Обдумав только что виденное по телевизору, он пришел к выводу, что на Райана не стоит тратить силы. "Не надо обижать американцев, - снова вспомнил он, на этот раз с удивлением. - Почему? Разве они не враги? Святой Патрик, теперь и ты тоже думаешь, как те идиоты из ВГИРА. Терпение - самое важное качество подлинного революционера. Надо выждать нужный момент - и тогда ударить со всей решимостью".

Он ждал следующего сообщения своей разведки.

В Берлингтонском пассаже, в самой фешенебельной части Пикадилли, находился магазин редких книг. Он был зажат между ювелиром и портным - из тех, что обслуживают в основном туристов, прячущихся в пассаже от дождя. В магазине стоял запах, привлекавший книголюбов, как цветочный аромат - пчел: пыльный запах иссохшейся от времени бумаги и кожаных переплетов. Хозяин магазина - он же и продавец - был сравнительно молод. Пиджак его тут и там был испачкан пылью. День он начинал с того, что проходил по полкам метелочкой из перьев, но это не помогало - книги, казалось, только и делали, что выделяли из себя все новые порции пыли. Он так привык к ней, что она стала ему нравиться. Он любил все в этом магазине. Оборот тут был невелик, но все же прибыль магазин приносил, причем прибыль эта зависела не столько от туристов, сколько от небольшого числа постоянных покупателей из наиболее богатых слоев лондонского общества. Мистер Деннис Кули много разъезжал, порой ему приходилось вдруг бросать все и лететь на очередной аукцион, где распродавалась библиотека какого-нибудь усопшего джентльмена. В таких случаях он оставлял магазин на попечение одной юной леди, которую можно было бы назвать хорошенькой, если бы она чуть больше занималась своей внешностью. Сегодня у Беатрис был выходной.

У мистера Кули был старинный стол из тикового дерева - в тон общей атмосфере магазина - и даже дряхлый вращающийся стул с жестким сиденьем - в

качестве свидетельства, что ничего современного в этом магазине быть не может.

Даже бухгалтерские книги заполнялись от руки. Никаких электронных калькуляторов. В потрепанной временем конторской книге, начатой в тридцатых годах, были зафиксированы тысячи сделок, а книжный каталог наличествовал в виде карточек в деревянных ящичках. В одном каталоге книги значились по названиям, в другом - по авторам. Все записи производились авторучкой, кончик пера которой был золотым. Табличка со словами "Не курить" была единственной данью времени.

Запах табака мог испортить непередаваемый аромат книг. На бланках магазина значилось, что он поставляет книги членам королевского семейства. Пассаж был всего в десяти минутах ходьбы от Букингемского дворца. Над стеклянной дверью магазина висел серебряный колокольчик прошлого века. Он зазвенел.

- Доброе утро, мистер Кули.

- Доброе утро, сэр, - ответил Деннис и поднялся навстречу одному из своих завсегдатаев. У Денниса был такой нечетко выраженный акцент, что посетители не могли толком угадать, из какой части страны он родом. - У меня есть первое издание Дефо. То самое, насчет которого вы звонили в понедельник. Прибыло как раз вчера.

- То самое, из библиотеки в Корке, о которой вы говорили?

- Нет, сэр. Я думаю, оно прежде находилось в поместье сэра Джона Клаггетта. Я раскопал его в Кембридже.

- Первое издание?

- Никаких сомнений, сэр, - ответил Деннис, почти не интонируя фразу.

Шифрованные фразы были и постоянными, и изменяющимися в то же время. Кули часто бывал в Ирландии, как в Южной так и в Северной, скупая книги у наследников умерших коллекционеров или у перекупщиков. Когда посетитель упоминал какое-нибудь графство Ирландской республики, этим он указывал место, куда надо доставить информацию. Спрашивая о том, какое это издание - первое или второе, - он сигнализировал о важности этой информации. Кули достал книгу с полки и положил ее на свой стол. Покупатель бережно взял ее и пробежался пальцем по титульному листу.

- В век бумажных обложек...

- В самом деле, - поддакнул Кули. Любовь обоих к переплетному искусству была неподдельной. Со временем хороший переплет только хорошеет. - Кожа прекрасно сохранилась, - добавил он.

Посетитель хмыкнул в ответ, соглашаясь.

- Я возьму ее. Сколько?

Кули не ответил ничего. Вместо этого он достал из ящичка карточку с данными книги и протянул ее покупателю. Тот бросил на нее беглый взгляд.

- Идет, - сказал он, сел на стул и открыл портфель. - У меня для вас еще одно дело. Это раннее издание "Векфильдского священника". Я набрел на него прошлым месяцем в маленькой лавчонке в Корнуолле, - он протянул книгу Кули.

- Катастрофа, - сказал тот, с одного взгляда определив состояние книги.

- Сумеет ваш человек реставрировать ее?

- Трудно сказать... Кожа потрескалась, некоторые страницы загнулись, а переплет истрепался донельзя.

- Подозреваю, что на чердаке, где она валялась, текла крыша, - как бы между прочим заметил покупатель.

- Вот оно что! - "Настолько важна эта информация?", - спрашивал глазами Кули. - Преступная небрежность, - сказал он.

- Я не вижу другого объяснения, - пожал плечами покупатель.

- Посмотрим, что можно будет сделать. Он ведь не чудотворец, знаете ли. "Настолько это важно?" - Кули опять взглянул на покупателя.

- Я понимаю. И все же постарайтесь, - сказал тот. "Да, это очень важно" означал этот ответ.

- Конечно, сэр, - Кули открыл стол и вытащил ящичек с наличными.

Этот покупатель всегда платил наличными. Само собой. Он достал из кармана бумажник и отсчитал пятьдесят фунтов. Кули пересчитал деньги, потом положил книгу в картонную коробку и перевязал ее шпагатом. Никаких тебе целлофановых мешочков. Продавец и покупатель обменялись рукопожатием. Сделка состоялась.

Покупатель сперва направился к Пикадилли, потом свернул направо, по направлению к Грин-парку, а затем - к дворцу.

Кули вытащил из книги конверт и сунул его в ящик стола. Внеся соответствующую запись в конторскую книгу, он позвонил своему агенту в бюро путешествий и заказал билет, сказав, что ему нужно срочно в Корт, где у него встреча с перекупщиком редких книг. Ему и в голову не пришло заглянуть в конверт. Это его не касалось. Чем меньше знаешь, тем лучше - на случай ареста.

Кули натаскивали профессионалы, и прежде всего ему втолковали правило о том, что знать надо лишь то, что нужно. Он должен был передавать секретную информацию, и обязан был знать, как это надлежит делать. Но ему вовсе не нужно было знать, какого рода эта информация.

- Добрый день, доктор Райан.

Голос был типично американским, с бостонским выговором, вполне памятным Джеку еще со студенческих лет. Приятно было слышать этот выговор. Его обладателю было за сорок, он был атлетического сложения, с черными волосами, уже поредевшими. Под мышкой у него была коробка с цветами. Кто бы он ни был, дверь ему открыл стоявший в коридоре полицейский.

- Добрый день. С кем имею честь...

- Дэн Мюррей. Юрисконсульт при посольстве. ФБР, - объяснил он. - Прошу прощения за то, что не мог прийти раньше - слишком был занят.

Мюррей показал свое удостоверение полицейскому, замещавшему Тони Вильсона, у которого был выходной. Полицейский, извинившись, удалился. Мюррей уселся на его стул.

- Выглядите хорошо.

- Вы могли оставить цветы в проходной, - сказал Райан, рукой обведя палату. Как он ни отбрыкивался от цветов, их было полным-полно - из-за них

почти и стен не было видно.

- Ага, так я и предполагал. Как тут кормежка?

- Больница есть больница.

- Это я тоже предполагал, - Мюррей развязал красную ленту и открыл коробку. - Как насчет гамбургера с жареной картошкой?

Джек рассмеялся и тут же потянул к себе пластмассовую тарелку со всей этой вкуснятиной.

- Я тут уже три года, - сказал Мюррей. - Время от времени я заскакиваю в забегаловки, где тебя обслуживают сходу - чтобы напомнить себе, откуда я родом.

От баранины ведь устаешь. Хотя здешнее пиво вполне ничего. Я бы захватил с собой пивка, да... вы же знаете.

- Я вам обязан по гроб жизни, Мюррей. Даже и без пива.

- Дэн.

- Джек.

Джека одолевало искушение наброситься на гамбургер, как волк, пока не заявила медсестра и не учинила скандал.

- Местные говорят, что вы побили все рекорды скорости с выяснением моей личности.

- Ничего особенного. Между прочим, вам привет от посла. Он тоже хотел зайти, но у них сегодня вечером большой прием. И мои друзья из соседней комнаты тоже шлют вам привет.

- В каком смысле "из соседней комнаты"?

- Те, на кого вы никогда не работали, - агент ФБР поднял кверху брови.

- А-а, - Джек проглотил несколько ломтиков картофеля. - Откуда, черт побери, выплыла эта история?

- Из Вашингтона. Один репортер пригласил на ленч одного помощника одного деятеля - неважно какого. Они ведь все болтуны. Очевидно, он запомнил ваше имя по какому-то рапорту и не мог заткнуть свое поддувало. Из Лэнгли меня просили передать вам, что они извиняются. Я видел все это по телику. Вы неплохо отлаивались.

- Я говорил лишь правду. Почти. Все мои чеки шли через "Майте Корпорейшн".

- Однако, насколько я понимаю, рабочее время вы проводили в Лэнгли.

- Ну да, - уютная комнатка на третьем этаже: письменный стол, компьютер и грифельная доска. Вам приходилось бывать там?

- Разок-другой, - улыбнулся Мюррей. - Я тоже по части терроризма. Я, кстати, видел копию рапорта. Добротная работа. сколько из этого пришлось на вашу долю?

- В основном это моя работа. Но не так уж это и трудно было.

Просто я нащупал новый подход, и все теперь видится несколько иначе.

- Доклад мы передали британцам. Я имею в виду, что он поступил сюда пару месяцев назад, и мы дали его английской разведке. Насколько мне известно, он им понравился.

- Значит, их полиция знает это.

- В этом я не уверен. Впрочем, сегодня-то почти наверняка знают. Оуинс все время пытается докопаться.

- И Эшли тоже.

- Довольно противный парень, но чертовски умен. Он из "Пятерки".

- А что это? - поинтересовался Райан.

- Эм-ай-5 - военная разведка. Мы называем ее просто "Пятеркой". Так что он, - фыркнул Мюррей, - преисполнен чувства причастности к чему-то значительному.

- Я так и думал, что он что-то вроде этого. Двое других начинали как простые полицейские. Это бросается в глаза.

- Кое-кого отчасти удивило, что человек, написавший "Агенты и разведывательные органы", вдруг попал в террористическую заваруху. Поэтому Эшли и пришел.

- Что мы знаем об этих типах из АОО? - спросил Джек. - В Лэнгли я ничего особенного о них не видел.

- Не больно-то много. Их босса зовут Кевин О'Доннелл. Когда-то он был во Временной группировке Ирландской освободительной армии, сокращенно - ВГИРА.

Начинал с того, что бросал камни на улицах, а потом, как мы предполагаем, пробился в начальники контрразведки. Насчет этого дела ВГИРА на уровне. Без этого им никак. Британцы всегда норовили проникнуть в Организацию. Есть сведения, что он слишком увлекся чисткой собственных рядов, но все же успел смыться, прежде чем они ему дали "анальгин" - средство от головной боли за номером триста пятьдесят семь. Просто исчез, и с тех пор пребывает в нетях.

Все, что мы знаем, - это отрывочные сообщения о том, что вроде бы он был в Ливии, вроде бы, изменив внешность, вернулся в Ольстер, вроде бы швыряет налево-направо деньгами. Хотелось бы знать, откуда они у него?.. Единственное, что нам точно известно, это то, что он весьма вредоносная гадина. - Его организация? - продолжал Мэрфи. - Она, наверное, невелика, что-нибудь около тридцати человек. Похоже, он получил пополнение в результате побега из тюрьмы Лонг-Кеш этим летом. Бежали одиннадцать человек - матерые ребята, из "Временных". Двоих КПО - Королевская полиция Ольстера - поймала, и они сказали, что шестеро из одиннадцати двинулись на юг - вероятно, к Кевину. Это его отчасти огорошило. Они должны были бы вернуться к своим - во Временную группировку, - но кто-то уговорил их попробовать чего-нибудь новенького. Иные из них - настоящие подонки. В общей сложности на них висит пятнадцать убийств.

Тип, которого вы пристрелили, единственный, кто после побега всплыл на поверхность.

- Что, они настолько серьезны? - спросил Райан.

- Да ведь парни из ИРА - лучшие в мире террористы! За исключением этих ублюдков в Ливане. В общем, они отлично организованы, у них отличная выучка, а кроме того, они верят. Вам ясно, что я имею в виду? Они в самом деле болеют за свое дело. Степень их преданности Делу просто невероятна - пока сам не увидишь, не поверишь.

- Вы занимались ими?

- В некотором смысле. Я имел возможность присутствовать на кое-каких допросах, конечно, по ту сторону экрана, через который мне видно, а им нет.

Один из этих типов вообще отказывался говорить целую неделю, даже имени своего не называл. Просто сидел там, как сфинкс. Слушай, я охотился за взломщиками, похитителями детей, шпионами, гангстерами - за кем угодно. Но эти, из "Временной", - настоящие профессионалы. Хотя их всего-то человек пятьсот - не больше чем в каком-нибудь мафиозном семействе Нью-Йорка. И местная КПО, то есть полиция, считает, что ей ужасно повезло, если удастся предать суду хотя бы полдюжины в год. Право на месть ими блюдется с такой жесткостью, что и сицилийцы былых времен удивились бы. Но все же полиция кое-что знает о них. С Армией освобождения Ольстера - еще хуже. Мы располагаем всего несколькими снимками да парой имен - и это все. Почти как с исламским "Джихадом". Вы знаете лишь дела их, не более того.

- И что же они делают? - спросил Райан.

- Они, похоже, специализируются на самых рискованных операциях по самому высшему разряду. Почти год ушел только на то, чтобы установить, что они вообще существуют. Сперва мы полагали, что это спецгруппа ВГИРА. На самом деле они аномалия в террористическом сообществе. Они не делают сообщений для печати и не стремятся к завоеванию популярности. Они не размениваются на мелочи и невероятно искусно умеют замечать следы. Для этого нужны хорошие деньги, и кто-то им эти деньги дает. Нам известно, что по крайней мере девять крупных акций - дело их рук. Есть еще подозрения насчет парочки других дел - но это под вопросом. Только три их операции провалились - не так уж и много. Им не удалось убить судью в Лондодерри - ракета не сработала. В феврале этого года они попытались ударить по полицейским казармам, но кто-то заметил, как они закладывают взрывчатку и позвонил в полицию. Но эти сукины дети, похоже, прослушивали переговоры полиции по радио и успели вовремя смыться. Там нашли потом восьмидесятидвухмиллиметровый миномет и ящик мин. И третья неудачная операция - та, которую вы им провалили. Эти гады все более наглейт. Но зато теперь мы отловили одного.

- Мы? - удивился Райан. - Это не наша война.

- Мы говорим о терроризме, Джек. Все хотят покончить с ним. Мы каждый день обмениваемся информацией со Скотленд-Ярдом. Так или иначе, тот парень у них сейчас в клетке, и они будут пытаться его разговорить. Они его подцепили на один крючок. АОО - это группа отверженных. Так что ему уготована участь парии, и он это знает. Ему предстоит отсидка в тюрьме особо строгого режима вероятно, на острове Уайт, - а публика там, я вам скажу, та еще. И хотя к политике большинство из них равнодушно даже обычные грабители и убийцы будут, вероятно... В общем, все они такие патриоты, что диву даешься. Они терпеть не могут шпионов, как и совратителей малолетних. Этот тип посягнул на королевскую семью, то есть на нечто, что пользуется тут всеобщей любовью. Так что ему предстоят весьма тяжкие времена. Думаете, надзиратели оторвут лишний раз жопу от стула, чтобы с ним там чего-нибудь не сделали? Ему придется заняться новым видом спорта под названием выживание. Только после того как он вдоволь хлебнет, с ним начнут разговаривать. Рано или поздно ему придется решать, насколько он предан своему делу. Возможно, ему придется кое-чем поступиться. С некоторыми так уже бывало. Вот на это мы и делаем ставку. Инициатива у преступников, а у нас зато организация и система. Когда

они делают промах, инициатива оказывается в наших руках.

- Да, - кивнул Райан, - так все разведки работают.

- Именно. Без точной информации мы как без рук. Все, что мы можем, - это выжидать и надеяться на удачу. Но дайте нам хоть один стоящий факт, и мы перевернем весь мир. Это как разбирать каменную стену - труднее всего вытащить первый кирпич.

- Но откуда они получают информацию?

- Мне сказали, что вы этим вопросом сильно заинтересовались, - заметил Мюррей с улыбкой.

- Я не верю, что засада была устроена наудачу. Кто-то должен был подсказывать им, где и как. Та поездка была неожиданной, и все же они оказались в нужном месте и вовремя.

- Откуда, черт побери, вы все это узнали?

- Неважно откуда. Люди говорят.

- Кому было известно об этой поездке?

- С этим разбираются. Не менее интересно другое: зачем они ехали?

Конечно, может, это совпадение.. Принц, как и королева, получает информацию по политическим вопросам и вопросам национальной безопасности. И вот кое-что сдвинулось в ирландской ситуации, переговоры между Лондоном и Дублином... И он поехал, чтобы ознакомиться подробнее со всем этим. Это все, что я могу сказать вам по этому поводу.

- Ну, - фыркнул Райан, - вы же меня проверяли!.. Неужели не убедились, что я надежен?

- Неплохой заход, - усмехнулся Мюррей. - Если бы мы вас не пооверили, я бы не стал рассказывать вам так много. Мы еще сами пока многого не знаем. Как я сказал, это могло быть просто совпадением. Но вы верно нащупали самое важное звено. Это была незапланированная поездка, и кто-то все-таки капнул о ней, чтобы устроили засаду. Только так это и могло случиться. Считайте это секретной информацией, доктор Райан. Она не должна выйти за пределы этой палаты.

Мюррей был любезен. Но и очень серьезен, когда дело касалось службы.

Джек кивнул.

- Само собой разумеется. Но скажите, Дэн это была попытка похищения?

Мюррей состроил гримасу и затряс головой.

- Я занимался похищениями с полдюжины раз, и каждое дело довел до суда.

Только раз заложник погиб - это был ребенок. Они пристрелили его в первый же день. Похитителей приговорили к смертной казни. Я, кстати, присутствовал при казни, - холодно сказал Мюррей. - Похищение - крайне рискованное дело. Им ведь надо потом куда-то прийти, чтобы забрать деньги. Там-то их обычно и ловят.

Насчет слежки у нас обставлено - не поверите! И потом мы шлем туда своих людей - в то же мгновение. Но в этом случае... объект обмена весьма впечатляющ. Тут фигурировали бы не деньги, а... Наверняка, они потребовали бы освобождения кое-кого из "политических" заключенных. Некоторые материалы подтверждают такое предположение. А это невероятно усложняет для них проблему отхода, хотя, надо сказать, что эти типы из АОО всегда заранее подготавливают пути отступления. Я бы сказал, что вы, вероятно, правы, но

все же со всей определенностью это трудно утверждать. Оуинс и Тейлор не вполне уверены в этом, а наш друг молчит.

Это для нас большой сюрприз.

- Вы говорите, они никогда не делают публичных заявлений? Не может ли так быть, что как раз в этот раз они собирались сыграть иначе? И потому для первого своего заявления готовили нечто зрелищное, - задумчиво сказал Райан.

- Неплохая гипотеза, - кивнул Мюррей. - Это сослужило бы им хорошую службу. Но, как я уже сказал, разведданные у нас тощие. Почти все из вторых рук - из Временной группировки. Поэтому мы их и подозревали. Мы точно так и не знаем, чего эта АОО добивается. Каждая их операция имеет... как бы это сказать?

В общем, они действуют, как бы по определенному образцу. Но по какому именно, никто еще не сумел установить. Впечатление такое, что их действия политически вовсе не против нас нацелены, но тогда в этом нет никакого смысла. Если у них вообще можно отыскать какой-то смысл, - проворчал Мюррей.

- Трудно разобраться, как работают мозги у этих чертовых террористов.

- Есть какая-то вероятность, что они начнут охоту за мной или?..

Мюррей покачал головой.

- Маловероятно, да и охрана у вас весьма надежная. Вы знаете, с кем ваша жена и дочь ездят повсюду?

- СЛС. Я спросил.

- Этот малый входит в олимпийскую команду по стрельбе из пистолета, и я слышал, что у него есть и другого рода опыт, из тех, что никогда не попадают в газеты. Эскорт из службы охраны дипломатического персонала тоже на уровне, и куда бы они ни поехали, везде их будет сопровождать спецмашина. То, как вас охраняют, тоже вполне впечатляет. В вашей безопасности заинтересованы большие люди. Так что можете на этот счет не волноваться. А когда вернетесь домой, все это останется позади. Ни одна из этих групп никогда не действовала на территории США. Мы представляем для них слишком большую ценность. Помощь, поступающая им из Америки, имеет для них не столько финансовое, сколько психологическое значение. Когда они появляются в Бостоне, они словно вновь оказываются в материнском чреве - все это пиво, которое им все выставляют... И они чувствуют там себя хорошими ребятами. Нет, если они начнут безобразничать на нашей улице, думаю, в Бостоне они утратят статус достойных ребят. Это единственное действительно слабое место у "Временных" и прочих, но, к несчастью, мы мало что можем из этого выжать. Каналы поставок оружия из Америки мы почти перерезали, но они, черт возьми, почти все получают теперь с другой стороны. Или сами делают оружие. Взрывчатку, например. Все что нужно - это мешок удобрений с аммиаком, и вот уже у вас весьма приличная бомба. Вы же не можете арестовать фермера за то, что у него в грузовике удобрения, верно? Конечно, это пахнет не так элегантно, как пластиковая бомба, но зато такую бомбу куда легче сделать. Насчет же прочего - любой может раздобыть автоматы АК-47 и РПГ, их полно всюду. Нет, от Америки им нужна именно моральная поддержка, и кое-кто готов им ее оказывать, даже в конгрессе. Помните битву по поводу договора об экстрадиции? Поразительно! Ведь эти ублюдки убивают людей - Мюррей замолчал. И те, и другие, - сказал он минуту спустя. - Фанатики-протестанты ничуть не

лучше. "Временные" наносят удар, потом Ольстерские добровольческие силы отправляются на машине в ближайший католический квартал и обстреливают всякого, подвернувшегося под руку. Сейчас много убийств происходит именно по принципу наугад. Наверное, треть убитых - просто люди, случайно оказавшиеся не на той улице. Это порочный круг, и там почти уже не осталось нейтральных. Кроме полиции. Я знаю, что Королевская полиция Ольстера тоже вела себя скверно, но сейчас с этим почти покончено. Закон должен быть законом для всех, но порой это легко забывается, как это было в Миссисипи в шестидесятые годы. То же, в сущности, было и в Северной Ирландии. Сэр Джек Хермон старается преобразовать КПО в профессиональные полицейские силы. Там еще полно всякого отребья - еще с прежних времен, - но постепенно дело налаживается. Им позарез надо реорганизоваться. Полиция теряет людей на обоих фронтах. Недавно, к примеру, один погиб от рук протестантов. Они забросали его дом гранатами. Поразительно, - покачал он головой. - Я был там всего пару недель назад. Моральное состояние у них будь здоров - особенно среди новых ребят. Я не знаю, как это у них получается... Впрочем, нет - знаю. Это у них тоже миссия. Полиция и суды должны восстановить справедливость, и народ должен видеть, что они стремятся к этому.

На них там вся надежда. Они да кое-кто из церковных деятелей. Может, здравый смысл победит когда-нибудь. Но не больно-то обнадеживайся - на это потребуется много времени. Благослови Господи Томаса Джефферсона и Джима Медисона! Иногда я вздрагиваю от мысли, как порой мы бывали близки к таким же сектантским страстям. Это вроде войны между мафиями, в которой каждый может участвовать.

- Ну что, судья? - адмирал Джеймс Грир выключил телевизор, как только там заговорили о другом, и обратился к директору ЦРУ.

Судья Артур Мур, постучал сигарой по стеклянной пепельнице.

- Мы знаем, что он - парень сообразительный. И похоже, он знает, как вести себя с репортерами. Но он импульсивен, - сказал Мур.

- Ну-ну, Артур, он еще молод. Мне нужны тут люди с какими-то свежими идеями. Уж не скажете ли вы, что вам не понравился его доклад? Только-только включился в игру и уже выдал кое-что стоящее.

Судья Мур поднес сигару к губам и улыбнулся. За окном кабинета заместителя директора ЦРУ моросило. Из-за холмов Потомакской долины не было видно реки, но зато просматривался Дальний берег - тоже в холмах. Вид куда более приятный, чем асфальтовая площадка для парковки.

- Проверили прошлое? - спросил он.

- Мы не слишком копались, но ставлю бутылку вашего любимого виски - с ним все в порядке.

- Не бейтесь об заклад, Джеймс! - Мур уже ознакомился с бумагами на Джека, которые прислали из морской пехоты. Без этого он не прошел бы в ЦРУ. Они уже подступались к нему, но он отверг их предложение. - Думаете, он справится?

- Вам, судья, и в самом деле надо бы познакомиться с парнем. Я раскусил

его за первые десять минут, когда он был здесь в июле.

- Это вы устроили утечку информации?

- Я? Утечку? - усмехнулся адмирал Грир. - Однако смотреть, как он с этим справился, - одно удовольствие. И глазом не моргнул, когда они подкинули этот вопросец. Кстати, - адмирал взял со стола телекс из Лондона, - парень задает верные вопросы. Эмиль говорит, что на его человека, Меррея, он тоже произвел хорошее впечатление. Просто позор, если такой человек тратит время на преподавание истории.

- Даже в вашей альма-матер?

Грир улыбнулся.

- Да, это, конечно, жаль. Но так или иначе, а он мне нужен тут, Артур. Я хочу поднатаскать его, подготовить... Он нашей породы.

- Но, кажется, он много мнения.

- Он его изменит, - сказал Грир тоном, исполненным спокойной уверенности.

- О'кей, Джеймс. Как вы думаете подойти к нему?

- Никакой спешки. Прежде всего я хочу как следует покопаться в его прошлом. И кто знает? Может, он сам придет к нам.

- Это невозможно, - усмехнулся судья Мур.

- Он придет к нам за информацией об этой АОО, - сказал Грир.

Судья задумался на миг. Он знал умение Грира разбираться в людях, читать в них, как в открытой книге.

- Это вполне возможно, - сказал он наконец.

- Наверняка. Не сразу... Мюррей говорит, что ему придется остаться там, чтобы участвовать в суде. Но через две недели после возвращения он явится сюда с просьбой помочь ему разобраться с этой АОО. Если он придет, я обращусь к нему с предложением - если вы не возражаете, Артур. Кроме того, я хочу поговорить с Эмилем Джекобсом из ФБР и сравнить наши досье на этих типов из АОО.

- О'кей. И они перешли к другим вопросам..

Глава 4

ПРИВИЛЕГИИ И ПЛАНЫ

День, когда Райан вышел из госпиталя, был счастливейшим в его жизни, не считая дня рождения Салли, четыре года тому назад. В шесть вечера он кое-как оделся - что было нелегко с этим гипсом - и плюхнулся в кресло на колесах.

Кресло это раздражало его, но, как в американских больницах, так и в английских это было железным правилом: пациентам не разрешается ходить. А то кто-нибудь вообразит, что они уже вылечились. Полицейский выкатил его коляску в коридор.

Райан даже не оглянулся.

В коридоре толпился весь персонал этажа и кое-кто из больных, с которыми он познакомился за последние полторы недели, пока учился заново ходить с этой тяжелой гипсовой штуковиной. Раздались аплодисменты, вогнавшие Джека в краску. А когда к нему потянулись с рукопожатиями, он и

вовсе стал пунцовым. "Я же не космонавт с "Аполло", - мелькнуло у него. - Британцы вроде бы должны быть посдержанней".

Медсестра Киттивэйк произнесла небольшую речь о том, каким примерным пациентом он был. "Это было одно удовольствие и честь..." Джек снова залился краской, когда она, закончив речь, вручила ему цветы, сказав, что это для его очаровательной жены, и поцеловала его от имени всех. Джек тоже поцеловал ее. В конце концов, она была хорошая девушка. Киттивэйк обхватила его, вместе с гипсом и прочим, и слезы потекли из ее глаз. Тони Вильсон тоже оказался тут и подмигнул Джеку, имея в виду слезы Киттивэйк. Джек пожал не меньше десятка рук, и полицейский наконец вкатил коляску в лифт.

- В следующий раз, если ваши парни подберут меня раненным на улице, сказал Джек, - оставьте меня там умереть. Полицейский рассмеялся.

- Ну и неблагодарный же вы!

- Это верно.

Когда выехали в вестибюль, он обрадовался, что там не было никого, кроме герцога Эдинбургского и стайки людей из отдела безопасности.

- Добрый вечер, сэр, сказал Райан и попытался встать с "Росла, но его качнуло назад.

- Привет, Джек! Как вы?

Они пожали друг другу руки, и на какой-то момент Джек испугался, что герцог сейчас возьмется сам толкать его кресло.

Это бы не лезло уже ни в какие ворота... Но вот полицейский откатил его коляску, а герцог пристроился рядом.

- Сэр, мне станет вдвое лучше, - сказал Райан, указывая на дверь, - как только мы выберемся отсюда.

- Голодны?

- После больничной еды? Я могу съесть одну из ваших лошадей.

Герцог улыбнулся.

- Мы найдем для вас что-нибудь повкусней.

В холле Джек зафиксировал семерых охранников. На улице ждал "роллс-ройс"... и, по меньшей мере, еще четыре машины с группой людей, которые не выглядели как обычные прохожие. Было слишком темно, чтобы разглядеть, что делается на крышах, но там, конечно, тоже была охрана. "Ну, что же, - подумал Райан, - они усвоили урок обеспечения безопасности. И все равно - позор. Это ведь значит, что террористы одержали победу. Если они заставили общество измениться, даже чуть-чуть, значит, они кое-чего добились. Ублюдки".

Полицейский подкатил его прямо к "роллс-ройсу". "

- Могу я встать теперь?

Гипс был такой тяжелый, что Джек тут же потерял равновесие и чуть не шлепнулся прямо в машину, однако все же удержался на ногах и сердито замотал головой, когда кто-то бросился ему на помощь. Он постоял так секунду, вытянув руку, точно краб клешню, и прикидывая, как бы ему половчее усесться в машину.

Оказалось, что удобнее всего сперва просунуть туда руку в гипсе, а потом втиснуться и самому. Герцогу пришлось войти с другой стороны. Они оказались довольно тесно прижаты друг к другу. Райан никогда прежде не ездил

в "роллс-ройсе", и оказалось, что там не так уж и просторно.

- Вам удобно?

- Как бы мне этой штуковиной не высадить стекло, - ответил Райан и, откинувшись назад, закрыл глаза и заулыбался.

- Вы, я вижу, и в самом деле счастливы распрощаться с больницей.

- По этому поводу, сэр, можете держать пари на один из ваших замков. Это уже третий раз, как я оказался в такой ремонтной мастерской, и с меня хватит.

Герцог дал знак шоферу, и они двинулись - две машины впереди, две сзади.

- Сэр, могу я узнать, что намечается на сегодня? - спросил Райан.

- Право, ничего особенного. Небольшая вечеринка в вашу честь в кругу немногих близких друзей.

Джек подумал, что это может значить - "круг близких друзей"? Двадцать? Пятьдесят? Сотня? Он будет ужинать в... "О Боже, дай мне сил!"

- Сэр, вы, право, так добры к нам.

- Чепуха. Помимо того что мы в долгу перед вами - и в немалом долгу, Джек... Помимо этого, весьма приятно встречаться с новыми людьми. Я даже прочитал в воскресенье вашу книгу. Великолепная книга. Пришлите мне следующую.

А королева отлично сошлась с вашей женой. С женой вам очень повезло, как и этой маленькой проказницей. Она - прелесть, Джек. Просто прелесть.

Джек кивнул. Он часто задавался вопросом, за что ему так повезло.

- Кэти говорит, что побывала тут чуть ли не во всех замках и очень благодарна вам за тех людей, которых вы к ней приставили. Я тоже чувствовал себя лучше, зная, что она под охраной.

Герцог махнул рукой - не стоит, мол, об этом говорить.

- Как идет работа над вашей новой книгой? - спросил он.

- Вполне прилично, сэр.

Единственный плюс от пребывания в больнице состоял в том, что у него было время все подробно обдумать. Его компьютер пополнился теперь еще двумя сотнями страниц, и Райан нащупал еще один подход к оценке действий других людей.

- Я, кажется, усвоил одну штуку в результате этой эскапады. Сидеть перед компьютером - совсем не то, что смотреть в пистолетное дуло. Перед дулом решения принимаются несколько иначе.

Герцог похлопал его по колену.

- Не думаю, чтобы кто-нибудь усомнился в правоте ваших решений.

- Возможно. Все дело в том, что мной двигал инстинкт. Если бы я сознавал, что делаю?.. И потом, инстинкт ведь мог подсказать мне и что-то другое, - он посмотрел в окно. - Я считаю себя специалистом по военно-морскому флоту, в частности по вопросу о том, как принимаются решения в стрессовой ситуации.

Однако я вовсе не в восторге от собственных решений. Проклятье! - воскликнул он и, немного успокоившись, заключил:

- Сэр, невозможно забыть, когда убил кого-то. Это не забывается.

- Не надо сосредоточиваться на этом, Джек.

- Да, сэр, - Райан снова отвернулся к окну. Герцог смотрел на него так же, как отец когда-то. - Совесть - это цена, которую мы платим за нашу мораль, а мораль - это цена цивилизации. Мой отец бывало говаривал, что у многих уголовников не работает совесть. Наверное, это то, что отличает нас от них.

- Именно. Такого рода рефлексия - здоровая, в сущности, вещь, но не надо пережимать. Все это теперь позади, Джек. Я всегда полагал, что американцы предпочитают смотреть вперед, а не оглядываться назад. Если вы не можете позволить этого себе с профессиональной точки зрения, то хотя бы постарайтесь сделать это на личностном уровне.

- Понял, сэр. Спасибо.

"Если бы я мог сделать так, чтобы не было этих снов". Чуть ли не каждую ночь он вновь оказывался возле Мола. Почти три недели подряд. О таком они не рассказывают по телевизору. Человеческое сознание казнит само себя за убийство другого человека. Оно помнит обо всем, и снова и снова прокручивает то событие.

Райан надеялся, что когда-нибудь это все же прекратится.

Машина свернула налево, на Вестминстерский мост. Джек толком так и не знал, где именно находилась больница - где-то около вокзала, невдалеке от Вестминстера, судя по тому, что там был слышен Большой Бен.

- Знаете, - сказал он, - работа-то само собой, но мне еще хотелось и поездить по вашей стране. Теперь уже нет на это времени.

- Джек, вы что же - в самом деле думаете, что мы вас отпустим, не оказав вам гостеприимства? - удивился герцог. - Конечно, у нас замечательные больницы, но не для этого же приезжают сюда туристы. Мы для вас подготовили кое-что.

- Ого!

Райан попытался угадать, где именно они в данный момент были, припоминая карту Лондона. Ага - Бердкейдж-Уок! Это ведь совсем рядом с тем местом, где его подстрелили... Там и тот пруд, что так понравился Салли. Мимо головы сидевшего спереди офицера охраны проплыл Букингемский дворец. Одно дело знать, что ты направляешься туда, и совсем другое, когда дворец все ближе и ближе к тебе тут уж трудно справиться с эмоциями.

Они въехали на территорию дворца через северо-восточные ворота. Прежде Джек видел дворец лишь издалека. С улицы охрана дворца не очень-то впечатляла, но за оградой были такие пространства, что не вдруг скажешь, что именно там скрывается. Там запросто мог размещаться целый полк! Вероятнее всего, конечно, - обычная полиция и разная электроника, с сюрпризами, разумеется. Он решил, что, учитывая былой печальный опыт, да плюс еще последний по времени инцидент, дворец должен охраняться не хуже Белого Дома. А то и лучше, поскольку и здание самого дворца, и прилегающая к нему территория намного больше.

Было слишком темно, чтобы все рассмотреть как следует. Вот "роллс-ройс", скользнув под аркой, вкатил во внутренний двор и остановился возле входа.

Часовой четко вскинул винтовку на караул. Слуга в ливрее распахнул двери машины.

Райан вылез из машины задом. Слуга бросился ему помогать.

- Вам надо потренироваться, Джек, - заметил герцог.

- Боюсь, что вы правы, сэр, - согласился Джек и последовал за ним к дверям.

- Скажите, Джек, во время нашего первого визита присутствие королевы вас, кажется, смущало более, нежели мое. Почему?

- Вы ведь, сэр, были морским офицером, не так ли?

- Ну и что? - озадаченно повернулся к нему герцог.

- Сэр, - усмехнулся Райан, - я работаю в академии, в Аннаполисе, где морских офицеров полным-полно. И еще я ведь был в морской пехоте. Если я буду смущаться перед каждым офицером, у меня отнимут мой кортик.

- Ну и наглец!

Они расхохотались.

Райан ожидал, что дворец произведет на него большое впечатление. Но, как бы он ни готовился к этому, трудно было справиться с охватившим его волнением.

Когда-то владельцы этого дворца правили доброй половиной мира. Сюда стекались сокровища со всех концов света. Повсюду шедевры живописи и скульптуры. Стены обиты шелком цвета слоновой кости. Ковры, покрывавшие и мраморные полы и паркетные, конечно, имперского цвета - пурпурного. Умея считать деньги, Джек попытался было прикинуть, сколько все это может стоить, но вскоре отказался от этой задачи в силу ее невыполнимости. Одни только картины были столь бесценны, что продажа их вызвала бы переполох на мировом рынке произведений искусства.

Даже одни только рамы... Райан покачал головой, жалея, что нет времени постоять возле каждой картины. "Тут и пять лет проживи, всего толком не осмотришь", подумал он. Стараясь не слишком глазеть по сторонам, он спешил за герцогом.

Однако им все более овладевало замешательство. Для герцога это был его дом может быть, слишком большой, чтобы быть уютным, но все же тут он был дома, и все здесь было ему привычно, знакомо. Рубенс на стенах был частью интерьера, столь же привычной, как фотографии жены и детей у любого чиновника в конторе.

Глядя на все это невиданное богатство и имперский размах, хотелось съежиться, исчезнуть. Одно дело - не растеряться на улице... В морской пехоте его все-таки натаскивали на это... Но... здесь.

"Успокойся, Джек, - сказал он себе. - Да, это королевская резиденция. Но они англичане, а ты - американец". Не помогло. Это все же была королевская резиденция.

- Ну вот мы и пришли, - сказал герцог, повернув направо. - Это Музыкальная гостиная.

Размером она была с гостиную в доме Райана - это было единственное, чем она походила на его дом, обошедшийся ему в триста тысяч долларов. Потолок здесь был выше и отделан золотом. В гостиной собралось человек тридцать. Едва Райан и герцог вошли как разговоры смолкли, и все уставились на Райана и его руку.

Герцога они, судя по всему, уже и раньше не раз видели.

Джеку больше всего на свете захотелось улизнуть отсюда. Но. надо было хотя бы выпить чего-нибудь.

- Прошу прощения, Джек, но мне надо отлучиться. Я вернусь через несколько минут.

"Весьма благодарствую, - подумал Райан, вежливо кивнув головой. - А что теперь?"

- Добрый вечер, сэр Джон, - сказал человек в форме вице-адмирала королевского флота. Райан напрягся, чтобы не издать вздох облегчения. Слава Богу, его передали под опеку человека, знающего что тут и как. Вероятно, это было предусмотрено для новичков. Они пожали друг другу руки, и Райану почудилось что-то знакомое в лице вице-адмирала.

- Я - Безил Чарльстон. "Ага!" - подумал Джек.

- Добрый вечер, сэр. - Он видел его в Лэнгли и цэрэушники сказали, что это - глава британской разведки, некогда известной как Эм-ай-б.

- Не хотите ли промочить горло, сэр? - услышал Джек. - Приветствую вас.

Я - Билл Холмс. - И он протянул Джеку бокал шампанского.

- Вы вместе работаете? - спросил Райан отпив глоток.

- Судья Мур сказал, что вы - умный парень, - заметил Чарльстон.

- Судья - кто, простите?

- Хорошая работа, доктор Райан, - улыбнулся Холмс, прикончив свой бокал. Насколько мне известно, вы в свое время играли в футбол - американский, конечно. В юношеской университетской команде, не так ли?

- В юношеской университетской - да. Для основного состава я не дорос, сказал Райан, стараясь не показать охватившего его беспокойства. "Юношеский университет" было названием проекта, для работы над которым в качестве консультанта его пригласили в ЦРУ.

- И вы ничего не слыхали о парне, который написал "Агенты и разведывательные органы"? - улыбнулся Чарльстон. Райан оцепенел.

- Адмирал, я не могу говорить об этом без...

- Экземпляр этой книги за номером шестнадцать лежит на моем письменном столе. Судья просил меня передать вам, что вы можете говорить о "дымящемся компьютере".

Райан вздохнул. Слова эти принадлежали Джеймсу Гриру. Когда Райан представил проект под названием "Ловушка для канареек" замдиректору ЦРУ, адмирал Джеймс Грир в шутку назвал этот проект "дымящимся компьютером". "Вы можете говорить..." Возможно, что и так. Инструкции, полученные им в ЦРУ такой ситуации не предусматривали.

- Прошу прощения, сэр, но никто не давал мне разрешения говорить об этом.

Чарльстон вдруг стал серьезным.

Не извиняйтесь. Надо серьезно относиться к засекреченным материалам.

Написанная вами работа - великолепный образец исследовательского подхода к делу. Как вы, знаете, наша проблема в том, что у нас слишком много информации и извлечь из нее необходимое довольно трудно. Нелегко промывать всю эту руду, чтобы добыть из нее золото. Для человека нового в нашем деле ваш доклад первоклассная работа. Чего я не знал, так это проекта названного судьей "Ловушкой для канареек". Он сказал, что вы можете лучше него

объяснить, что это такое, - Чарльстон жестом подозвал слугу и взял с подноса еще бокал шампанского. - Вы, конечно, знаете, кто я?

- Так точно, адмирал. В июле я видел вас в Управлении. Вы как раз выходили из лифта на седьмом этаже, а я - из кабинета замдиректора, и мне сказали, кто вы.

- Хорошо. Теперь вы знаете, что все это сугубо между нами. Так что это такое "Ловушка для канареек"?

- Ну, вы ведь знаете обо всех этих проблемах в ЦРУ, связанных с утечкой информации. Когда я заканчивал черновой вариант своего доклада, меня осенило, как сделать каждый экземпляр доклада единственным в своем роде.

- Они это делают уже не первый год, - заметил Холмс. - Только и нужно, что тут и там передвинуть запятую. Нет ничего легче. Если газетчики свалют дурака и напечатают фотокопию документа, мы можем определить, через кого к ним попал материал.

- Все это так, сэр. Но репортеры - народ тоже ушлый. Они усвоили, что нельзя демонстрировать фотокопии такого рода материалов, дабы не подставить под удар свои источники. Не так ли, сэр? - спросил Райан. - Я нащупал новый подход к этому делу. В моих "Агентах и разведорганах" четыре раздела, в каждом разделе - заключительный параграф, написанный в довольно драматическом стиле.

- Да, я обратил на это внимание, - сказал Чарльстон. - Совсем не похоже на материалы ЦРУ. Больше на наши смахивают. У нас, видите ли, доклады пишут люди, а не компьютеры. Продолжайте.

- Есть шесть разных вариантов заключительного параграфа, и в каждом пронумерованном экземпляре моей работы сочетание этих параграфов уникально.

Существует свыше тысячи возможных комбинаций, но лишь девяносто шесть из них использованы в копиях моего доклада - и каждая копия пронумерована. Смысл в том, что заключительные параграфы столь... ну, цветисты, что ли, м, чтобы они служили приманкой репортеру, чтобы ему захотелось процитировать их. Стоит ему процитировать несколько строк из двух-трех параграфов, как мы вычислим, из какой именно это копии, и, следовательно, - через кого она к нему попала.

Теперь они используют даже более тонкий способ такого рода ловушки. Это можно сделать при помощи компьютера. Программа "Тезаурус" дает вам богатый набор синонимов, так что вы можете каждую копию документа сделать единственной в своем роде.

- Хоть раз эта ловушка сработала? Они вам говорили? - спросил Холмс.

- Нет, сэр, не говорили. Я не имею ничего общего с проблемами обеспечения безопасности. "И слава Богу", - подумал он.

- Да, она сработала, - сказал сэр Безил, помолчав минуту. - Идея чертовски проста... и чертовски блестяща! Но ведь в вашем рапорте было еще и некое содержание, не так ли? Сообщили ли вам, что ваш доклад чуть ли не во всех пунктах совпадает с проведенным нами в том году исследованием?

- Нет, сэр, не сообщили. И, насколько мне известно, документы, с которыми я работал, поступали только от наших людей.

- Значит, вы пришли к выводам совершенно самостоятельно? Фантастика!

- Ошибся ли я в чем-нибудь существенном? - спросил Райан адмирала.

- Вам следовало бы попристальней приглядеться к тому парню из Южной Африки. Конечно, это в основном наша сфера, и, возможно, вы не располагали достаточной информацией. В данное время мы очень внимательно приглядываем за ним.

Райан допил свой бокал и задумался. О мистере Мартенсе было много материалов... "Что же я пропустил?" Спросить об этом он не мог. Во всяком случае, не сейчас. Неприлично. Но можно было спросить так:

- Разве южно-африканцы?..

- Боюсь, уровень их сотрудничества теперь уже не тот, что был, и Эрик Мартенс для них - немалая ценность. Их трудно винить за это, знаете ли. Он умеет добывать для их военных то, что им нужно, и это ограничивает правительство в смысле оказания на него давления, - объяснил Холмс. - Нельзя упускать из виду и связи с Израилем. Время от времени они отклоняются от заданного пути, но у нас, как и у ЦРУ, слишком много общих интересов, чтобы раскачивать лодку чересчур сильно.

Райан кивнул понимающе. Оборонная промышленность Израиля старалась извлечь как можно больше доходов из продажи оружия, и это время от времени шло вразрез с интересами его союзников. "Я помню о связях Мартенса, но все же я упустил что-то важное... Но что?", - продолжал он размышлять.

- Не считайте, пожалуйста, это критикой, - сказал Чарльстон. - Это ведь первая ваша работа, и она просто великолепна. ЦРУ должно взять вас к себе. Это был один из редких докладов ЦРУ, от которого меня не клонило в сон. Вы, как минимум, могли бы, научить их аналитиков, как писать. Не сомневаюсь, что вам предложили остаться там, не так ли?

- Предлагали, сэр. Я решил, что для меня это не подходит.

- Подумайте еще раз, - сказал сэр Безил. - Идея "юношеского университета" очень хороша, не хуже "команды-Б" - программы семидесятых годов. Мы тоже делаем это - приглашаем ученых со стороны, чтобы они по-новому взглянули на все те данные, которые сыплются на нас со всех сторон. Судья Мур, новый директор ЦРУ, - просто струя свежего воздуха. Великолепный человек. Дело знает отлично, но он слишком долго был в стороне от этого, чтобы родить какие-то новые идеи. Вы - их породы, доктор Райан. Это ваше дело, мой дорогой.

- Я в этом вовсе не уверен, сэр. Моя научная степень по истории...

- Так же, как и моя, - сказал Билл Холмс. - Степени не имеют значения.

В разведке нас интересует подходящий склад ума. И вы, похоже, таковым обладаете.

Нет, мы вас вовсе не вербуем. Но я буду разочарован, если Артур и Джеймс вас упустят. Подумайте об этом.

"Я уже думал, - сказал сам себе Райан. Он кивнул в ответ на слова Холмса, а сам все думал про свое. - Но мне нравится преподавать историю".

- Вот он - герой дня! - присоединился к ним еще один человек.

- Добрый вечер, Джеффри, - сказал Чарльстон. - Доктор Райан, это - Джеффри Уоткинс из Иностранного отдела.

- Как Дэвид Эшли из министерства внутренних дел? - протянул руку Райан.

- На самом деле, я провожу большую часть своего времени именно тут, сказал Уоткинс.

- Джефф - офицер связи между Иностраннным отделом и королевским семейством.

Он организует брифинги, следит за протоколом и чинит всем всяческие препоны, объяснил, улыбаясь, Холмс. - И сколько лет уже, Джефф?

Уоткинс нахмурился, подсчитывая.

- Уже более четырех лет, вроде бы. А кажется, словно неделя прошла. И никакого блеска, на самом-то деле. В основном я таскаюсь тут с папкой, где всякие документы, да прячусь по углам.

Райан улыбнулся. Он понимал этого Джеффа.

- Чепуха, - возразил Чарльстон. - Одна из лучших голов в отделе. Иначе его не стали бы тут держать. Уоткинс смущенно отмахнулся.

- Я тут слишком занят.

- А как же иначе? - заметил Холмс. - Кстати, вас уже несколько месяцев не видно в теннисном клубе.

- Доктор Райан, служащие дворца просили меня выразить вам благодарность за ваш поступок, - сказал Уоткинс.

Джеффри Уоткинс был человеком лет сорока, ростом сантиметра на три ниже Райана. Его аккуратно подстриженные черные волосы уже начали сесть на висках, кожа была бледной, как у всякого, кто редко бывает на солнце. Более всего он походил на дипломата. Улыбка его была столь совершенной, что, казалось, он разучивал ее перед зеркалом. Такая улыбка могла выразить что угодно. Или - что более верно - ничего. Однако в его голубых глазах светилось любопытство попытка разгадать, из какого теста слеплен этот Джон Патрик Райан. Объект сего любопытства уже здорово устал от всех этих испытующих взглядов, но приходилось терпеть.

- Джефф в какой-то мере эксперт по Северной Ирландии, - сказал Холмс.

- В этих делах никто не эксперт, - покачал головой Уоткинс.

- Я был там вначале, еще в шестьдесят девятом году. Я тогда был в армии, младшим офицером... ну, это не важно. Как по-вашему, доктор Райан, мы должны подходить к этой проблеме?

- Мне вот уже три недели задают этот вопрос. Откуда же мне знать?

- Все еще в поисках новых идей, Джефф? - спросил Холмс.

- Должна же где-то наличествовать верная идея, - ответил тот, не спуская глаз с Райана.

- У меня таковой нет, - сказал Джек. - А если она у кого-то и есть, как вы об этом узнаете? Я преподаю историю - преподаю, а не творю ее.

- Просто учитель истории, и вдруг эти двое падают на вашу голову...

- Мы хотели проверить, правда ли, что он работает на ЦРУ, как о том сообщили газеты, - вклинился Чарльстон.

Джек понял намек. Уоткинсу вовсе не было положено знать все, тем более о былых контактах Райана с Управлением. Другое дело, если он сам об этом догадывался. Но - правила есть правила. "Вот поэтому-то я и отверг предложение Грира, - вспомнил Джек. - Из-за этих дурацких правил. Нельзя говорить ни с кем о том-то и о том-то. Даже с собственной женой. Безопасность. Безопасность.

Безопасность... Чушь! Ясно, что кое-что должно храниться в тайне, но если никому нет доступа к этой тайне, какой же от нее толк? Кому нужна

тайна, если вы не можете использовать ее?"

- Знаете, так хорошо было бы вернуться в Аннаполис. Курсанты, по крайней мере, не сомневаются в том, что я - преподаватель.

- Верно, - заметил Уоткинс и про себя подумал: "И глава "Интеллидженс сервис" интересуется вашим мнением о Трафальгарском сражении. Так кто же вы все-таки, доктор Райан?"

Оставив в 1972 году военную службу и поступив в Иностранный отдел, Уоткинс часто играл в популярную среди мидовских служащих игру под названием: "Кто шпион?" С этим Райаном он никак не мог понять что к чему, и это его интриговало. Уоткинс обожал игры. Всякие.

- Чем вы занимаетесь теперь, Джефф? - спросил Холмс.

- Вы имеете в виду - что я делаю после двенадцатичасового рабочего дня? Умудряюсь еще что-то читать. Сейчас вот перечитываю "Молль Флендерс".

- Серьезно? - спросил Холмс. - А я несколько дней тому назад взялся за "Робинзона Крузо". Если хочешь отключиться, нет лучшего способа, чем классики.

- А вы, что скажете о классиках, доктор Райан? - спросил Уоткинс.

- Читывал когда-то. Образование-то я получил у иезуитов, так что... Они без старья никуда. "Разве "Молль Флендерс" - классика? - мелькнуло у него. Это не латынь и не греческий. Да и не Шекспир..."

- "Старье". Что за непочтительность! - рассмеялся Уоткинс.

- Вы когда-нибудь пытались читать Вергилия в оригинале? - спросил Райан.

- *Arma virumque cano, trojae qui primus ab oris?..*

- Мы с Джеффом вместе учились в Винчестере, - пояснил Холмс. - *Contingere omnes, intenteque ara tenebant...* - И оба выпускника частных университетов залились смехом.

- У меня тоже был хороший балл по латыни, но сегодня, увы, я ничего не помню, - сказал Райан, как бы оправдываясь.

- Как всякий провинциальный человек, - сказал Уоткинс. Райан заключил, что Уоткинс ему не по душе. Он подначивал его, провоцируя на резкость. Райану эта игра уже давным-давно приелась. Он был вполне доволен тем, чем он был, и для выяснения своих индивидуальных особенностей не нуждался в такого рода любительских допросах.

- Прошу прощения, но у нас отчасти другая шкала ценностей.

- Ну, само собой, - ответил Уоткинс. Улыбка его оставалась в точности прежней. Это удивило Джека, хотя он и не мог понять почему.

- Вы ведь живете неподалеку от Военно-морской академии, не так ли? Там, кажется, был недавно какой-то инцидент? - спросил сэр Безил. - Я где-то читал об этом, но подробностей так и не уловил.

- Это не был акт терроризма - скорее, обычная уголовщина. Двум курсантам показалось, что они засекли торговцев наркотиками, и они вызвали полицию.

Арестованные оказались членами местной мотоциклетной банды. Неделий позже другие члены банды решили отомстить морякам. Где-то часа в три утра они прокрались мимо охраны - это были гражданские охранники - и проскользнули в Банкрофт-холл. Они, видно, считали, что там, как в

каком-нибудь студенческом общежитии. Однако курсанты, несшие ночную вахту, засекли их и подняли тревогу.

Ну, тут и началось. Они заблудились - там одних коридоров километра три, - и их загнали в угол. Поскольку это случилось на территории, принадлежащей государству, вмешалось ФБР, а оно не любит тех, кто пытается сводить счеты со свидетелями. Так что эти банды на какое-то время поутихнут. Хорошо, что в результате всего этого увеличили число морских пехотинцев в охране Академии.

Теперь вы можете легко туда войти и легко выйти.

- Легко? - спросил Уоткинс. - Но...

- Если морячки расставлены по внешнему обводу, то, значит, больше ворот остаются открытыми.

- Конечно. Я... - начал было Чарльстон, но что-то вдруг отвлекло его.

По комнате прошло какое-то движение. Чарльстон с Холмсом отвернулись от Райана, а Уоткинс и вовсе куда-то испарился. Райан обернулся - в дверях появилась королева. Возле нее был герцог. А вот показалась и Кэти, держа приличествующую дистанцию, она шла за королевой, чуть в стороне. Королева направилась к Райану.

- Вы теперь выглядите намного лучше.

Джек попытался отвесить поклон так, чтобы не задеть своей закованной в гипс рукой королеву. Труднее всего было, оказывается, хранить равновесие - эта штука сильно тянуло его влево.

- Благодарю вас, Ваше величество. Я чувствую себя намного лучше. Добрый вечер, сэр.

Стоило обменяться с герцогом рукопожатием, как сразу чувствовалось, что имеешь дело с мужчиной.

- Еще раз здравствуйте, Джек. Будьте как дома. Сегодня мы тут без всяких формальностей. Без приветствий, без протокола.

Так что можете расслабиться.

- Шампанское помогает мне в этом.

- Ну и чудесно, - заметила королева. - Я думаю, мы дадим вам возможность поговорить с Каролиной. И они с герцогом отошли в сторону.

- Полегче со спиртным, Джек.

Кэти было в белом платье - она прямо-таки сияла. Платье было таким великолепным, что Райан даже забыл спросить, во сколько оно обошлось. У нее была красивая прическа. Более того, сегодня она воспользовалась и косметикой, что как врач далеко не всегда могла себе позволить. Но главное было другое это была его Кэти. Не обращая внимания на присутствующих, он поцеловал ее.

- Джек, мы же не одни...

- Плевать, - тихонько шепнул он ей. - Ну, как ты, детка? В ее глазах прыгали чертики от желания выплеснуть новость, но тон был профессионально сух:

- Беременна.

- Ты уверена? Когда?

- Я уверена, дорогой, потому что, во-первых, я - врач, а во-вторых, у меня уже две недели нет месячных. А насчет "когда" - помнишь, мы приехали

сюда и уложили Салли спать?.. Все эти непривычные гостиничные кровати, Джек. С ними всегда так, - она взяла его за руку.

Ему нечего было сказать ей. Он обнял ее за плечи своей здоровой рукой и сжал их. "Если у нее задержка на две недели... А у нее ведь всегда точно, как швейцарские часы... значит, я снова буду отцом!"

- На этот раз я постараюсь мальчика, - сказала Кэти.

- Это не так уж и важно, детка.

- Я вижу - вы сказали ему, - королева подошла к ним по-кошачьи тихо.

Герцог, заметил Райан, беседовал с адмиралом Чарльстоном. О чем, интересно.

- Поздравляю, сэр Джон, - сказала королева.

- Благодарю вас, Ваше величество. И вообще - спасибо за все. Нам никогда не воздать вам должное за вашу доброту. Вновь - рождественская улыбка.

- Это мы пытаемся воздать вам должное. Судя по тому, что сказала мне Каролина, у вас будет хотя бы одно приятное воспоминание о нашей стране.

- Не только это, но и много других, мадам, - сказал Джек в духе принятой тут игры, с правилами которой он уже начал осваиваться.

- Каролина, ваш муж всегда так галантен?

- По совести говоря, нет, мадам. Вероятно, мы захватили его в момент слабости, - сказала Кэти. - Или это влияние здешней Цивилизации.

- Ну и слава Богу. А то, знаете, он наговорил мне таких ужасных слов об Оливии. Вы знаете, что сегодня она отказалась идти спать, не поцеловав меня?

Девочка прелестна, просто ангел! А ваш муж так плохо отзывался о ней...

Джек вздохнул. Он легко представил себе, как оно там все обстоит. За эти три недели Салли, вероятно, научилась делать грациознейшие книксены. Дворцовая прислуга, наверное, дерется за возможность услужить ей. Салли всегда была папиной дочкой. Она умеет командовать окружающими - натренировалась на папочке.

- Возможно, я преувеличил, мадам.

- Это была настоящая клевета, - в глазах королевы мелькнули веселые искры.

- Оливия ничего не сломала. Ничего. И я должна сказать вам, что она прекрасная наездница. На редкость.

- Простите?

- Уроки верховой езды, - объяснила Кэти.

- На лошади?

- А на чем же еще? - спросила королева.

- Салли - на лошади? - спросил Райан, взглянув на жену.

Ему это было отнюдь не по душе.

- И делает великолепные успехи, - поспешила на помощь Кэти королева. - Это вполне безопасно, сэр Джон. Верховая езда - для ребенка это прекрасно. Она приучает к дисциплине, координации и ответственности, "Не говоря уже о прекрасной возможности сломать шею, которая еще довольно хрупка, - подумал Райан. - Но, - вспомнил он, - с королевой не спорят. Тем более в ее же дворце".

- Вам сейчас, конечно, не до верховой езды, - сказала королева, - но

ваша жена чудесно выглядит на лошади.

- У нас теперь хватает земли, Джек, - сказала Кэти. - Тебе это понравится.

- Я упаду, - мрачно сказал Райан.

- Тогда вскарабкаетесь снова, пока не получится, - сказала королева, у которой был более чем пятидесятилетний стаж верховой езды.

"Это то же, что и на велосипеде, только с велосипеда не так высоко падать.

А Салли и на велосипед еще рано, - подумал Райан. Он нервничал, когда Салли ездила даже на трехколесном велосипеде. - Господи, она так мала, что лошадь и не почувствует, что у нее там что-то на спине".

Кэти прочла его мысли.

- Дети должны расти. Ты не можешь защитить ее от всего.

- Да, дорогая, я это знаю. - "Но защищать - это мой долг, черт подери!" подумал он.

Несколько минут спустя вся эта публика потянулась в Голубую гостиную прекрасный зал с колоннами, - а затем, через двойные зеркальные двери, - в столовую.

Контраст был потрясающим: после бледно-голубой гостиной - комната, где стены покрывал алый, как пламя, шелк. Сводчатый высокий потолок был цвета слоновой кости с золотом, а над камином белоснежного мрамора висел портрет...

Чей? Несомненно, короля. Вероятно, восемнадцатого или девятнадцатого века, судя по белым лосинам... или как их там называли? Над дверью красовалась монограмма королевы Виктории. "Чего только не видела эта комната", - подумал Райан.

- Вы, Джек, будете сидеть справа от меня, - сказала королева.

Райан окинул взглядом стол. Места было достаточно - можно не волноваться, что он толкнет королеву своей клешней. Это бы уж ни в какие ворота не лезло.

Позже он так никогда и не мог вспомнить, что там было на столе. А гордость не позволяла ему спросить об этом Кэти. Есть одной рукой ему было не привыкать, но он никогда еще не делал этого публично, и ему казалось, что все смотрят на него. В конце концов он - янки, диковинка для них всех даже и без своей клешни.

Он то и дело напоминал себе о необходимости быть осторожным, не налегать на вино и следить за своим языком. Временами он поглядывал на Кэти, сидевшую напротив, возле герцога - она явно была всем довольна. То, что она чувствовала себя непринужденнее, чем он, отчасти злило. "Я тут, как белая ворона, - подумал он. - Интересно, - мелькнуло у него, - оказался бы я тут, если б я был полицейским или рядовым солдатом? Вероятно, нет. А почему?" Он не знал. Ибо не признавал, что нечто в самом институте аристократии противоречило его американскому подходу к жизни. И в то же время ему льстило то, что теперь он рыцарь. Это противоречие вселяло в него какую-то неясную тревогу. "Все это внимание к твоей персоне действует развращающе, - подумал он, отпивая очередной глоток вина. - Хорошо бы от всего этого отделаться, наконец. Или нет? Я знаю, что это не мое. Но хотел бы я, чтобы это стало

моим?" В вине ответа не было.

Надо было искать его где-то в ином месте.

Райан глянул на жену - казалось, она чувствовала себя здесь превосходно.

Кэти выросла в богатой семье, в большом доме, где то и дело устраивались приемы, где все говорили друг другу о том, какие они важные люди. Это была жизнь, которую он отверг, и она вместе с ним. Они были счастливы тем, что имели. Но она была так весела сейчас - не значит ли это, что она тоскует по Другому образу жизни?.. Райан нахмурился.

- Все в порядке, Джек? - спросила королева.

- Да, мадам. Простите меня - боюсь, мне трудно привыкнуть ко всему этому сразу.

- Джек, - сказала она тихо, - мы все вас любим именно таким, какой вы есть. Постарайтесь не забывать этого.

Ничего добрее этих слов он в жизни не слышал. Возможно, аристократизм это в большей степени образ мыслей, нежели конституция. Его бы тестю поучиться этому, подумал он. Его тестю вообще многому тут надо было бы поучиться.

Три часа спустя он наконец оказался в комнате, отведенной им с женой.

Справа к спальне примыкала гостиная. Постель была уже постелена. Он распустил галстук, расстегнул пуговицы на воротнике рубашки и издал долгий вздох облегчения.

- А ты ведь не шутила насчет превращения тыквы в карету.

- Я знаю, - сказала Кэти.

Она погасила ночник. Только свет далеких уличных фонарей просачивался сквозь тяжелые оконные занавеси. В полумраке белело платье Кэти, но лица не было видно, угадывался лишь рот да блестели глаза. Все прочее было в его памяти. Он обнял ее здоровой рукой, проклиная гипсовую клешню, не дававшую ему обнять Кэти покрепче. Она положила голову ему на плечо, и щека его ощутила мягкость ее волос. Минуты две они стояли молча. Быть вместе в ночной тиши - это было так много.

- Люблю тебя, детка.

- Как ты себя чувствуешь, Джек? - в этом вопросе было нечто большее, чем обычно.

- Неплохо. Я вполне отдохнул. Плечо не так уж болит теперь.

Если что - аспирин помогает.

Это было оптимистическим преувеличением, но Джек уже притерпелся к боли.

Она сняла с него пиджак и взялась за рубашку.

- Я и сам могу.

- Замолчи, Джек. Я не намерена ждать всю ночь, пока ты разденешься.

Он услышал, как протяжно жикнула молния на ее платье.

- Помочь тебе? - спросил он. В темноте раздался смех.

- Мне это платье еще понадобится. И будь поосторожней со своей рукой.

- Я пока еще никого ею не пришиб.

- Ну и отлично. Так и впредь действуй. Шорох шелка. Она взяла его за руку.

- Иди сюда, сядь.

Он сел на край кровати - Кэти рядом. Он обнял ее за талию и скользнул дальше, к животу. "Да, - подумал он, - это тут. Растет прямо сейчас, пока мы сидим здесь. Поистине - есть Бог и есть чудеса на этом свете".

- Надо же, - нежно сказал он, - у нас будет ребенок.

Кэти провела рукой по его лицу.

- Да. Поэтому мне нельзя больше пить, особенно после сегодняшнего вечера.

Но сегодня мне хотелось попраздновать.

- Я правда люблю тебя.

- Я знаю, - сказала она. - Откинься назад.

Глава 5

СУДЫ И ТРЕВОГИ

Райан сидел на мраморной скамье возле судебного зала номер два в Олд Бейли. Предварительный опрос свидетелей шел уже два часа. Он пытался было поработать с компьютером, но не мог сосредоточиться и в какой-то момент обнаружил, что просто глазееет по сторонам.

Охрана в тот день была усилена. Снаружи у всех на виду было расставлено множество полицейских, другие - в форме и в штатском - расположились по ту сторону Ньюгейт-стрит на крышах домов, словно коршуны, высматривающие зайцев.

"С той разницей, что зайцы не бегают с автоматами и базуками", - подумал Райан.

Каждый, кто входил в здание суда, проверялся детектором, столь чувствительным, что он реагировал даже на фольгу в пачке сигарет. И чуть ли не всех обыскивали.

Не избежал этого и Райан, причем дотошная бесцеремонность всех этих касаний-похлопываний настолько его поразила, что он заметил шмональщику, что для первого свидания тот зашел слишком далеко. Посторонние допущены в Большой зал не были. Слушание менее важных дел перенесли в прочие залы заседаний, дабы ничто не мешало процессу: Корона против Миллера.

Раньше Райану не приходилось бывать в суде. Он усмехнулся при мысли, что даже ни разу не был оштрафован за превышение скорости - жизнь его была до сей поры столь скучной! Мраморные полы в этом здании, которому было уже сто шестьдесят лет, придавали ему сходство с кафедральным собором. На стенах красовались афоризмы, вроде:

"БЛАГОДЕНСТВИЕ НАРОДА - ВОТ ВЫСОЧАЙШИЙ ЗАКОН"

Цицерон.

"Вполне уместные слова для храма законности, - подумал Райан. - Интересно, - размышлял он далее, - что думает об этом Армия освобождения Ольстера? Они, небось, тоже оправдывают свою деятельность заботой о народном благоденствии. А кто не оправдывает? - спросил он себя. - Кто из тиранов не оправдывал таким образом свои преступления?"

В зале сидело еще с полдюжины свидетелей. Джек не вступал с ними в

разговоры. Инструкции были недвусмысленны: даже намек на беседу может дать защите повод заявить о наличии сговора между свидетелями. Обвинение делало все возможное, чтобы его позиция с процедурной точки зрения была образцово-показательной.

Однако в ведении этого дела были существенные противоречия. Нападение произошло всего четыре недели назад, и то, что процесс уже начался, было крайне быстро даже по британским стандартам. Меры безопасности были исключительно жесткими. Допуск на галерею для публики контролировался строжайшим образом. И в то же время дело рассматривалось как сугубо уголовное. Слова "Армия освобождения Ольстера" не произносились. Прокурор ни разу не употребил слово "террорист". Полиция откровенно игнорировала политический аспект этого дела.

Убиты двое, в суде слушается дело об убийстве первой степени. Точка. Даже пресса подыгрывала этому, исходя из теории, что нет для обвиняемого большего унижения, чем лишить его святости звания политического преступника и именовать обычным уголовником. Джек подозревал, что тут есть еще и какие-то другие соображения, связанные с политикой или разведкой, но об этом вообще никто не упоминал. Естественно, что защите, если бы она стала именовать подсудимого террористом, это никак не помогло бы. Одним словом, для прессы и суда это было дело об убийстве.

Однако правда была совершенно иной, и это не было секретом. Но настолько-то Райан знал юристов, чтобы понимать, что они редко интересуются правдой. Правила игры для них куда важнее. Поэтому они не будут выяснять мотивы преступления и королевскую семью не вызовут в суд. Все сведется к письменному свидетельству, что члены королевской семьи не могут опознать оставшегося в живых преступника.

Равным образом и Кэти не вызвали в качестве свидетеля. Всего обвинение располагало восьмью свидетелями, не считая судебных экспертов, допрошенных накануне. Райан был свидетелем номер два. Ожидалось, что суд продлится максимум четыре дня. Как Оуинс сказал ему в больнице, с этим парнем нянчиться не будут.

- Доктор Райан? Будьте любезны следовать за мной.

К нему и тут относились как к важной персоне. Судебный пристав в рубашке с короткими рукавами и при галстuke провел его через боковую дверь в зал заседаний. Полицейский, отворив дверь, отобрал у него компьютер. "Спектакль", пробормотал себе под нос Райан.

Зал номер два был отделан дубовыми панелями. На них пошло столько дубов, что, будь это в Америке, это вызвало бы протест защитников природы. Сам же зал оказался поразительно мал - не намного больше гостиной в доме Джека. Сходство дополнялось и столом, стоявшим посредине. Там, где размещался судья, было нечто вроде сооруженной из резного дерева крепости, которая примыкала к свидетельской трибуне. Достопочтенный судья Джастис Уиллер восседал на одном из пяти стульев с высокими спинками. Он был великолепен в своем багряном облачении и в парике из конского волоса, локоны которого ниспадали на его узкие плечи. Ложа присяжных заседателей была слева от Райана. Восемь женщин и четверо мужчин сидели там с напряженными лицами. Над ними - галерея для публики, высоко, словно хоры, и под таким углом, что

людей там почти невозможно было разглядеть.

Защитники находились справа от Райана - в черных мантиях и жабо. На головах тоже парики, но поменьше, чем у судьи. Все это создавало какую-то религиозную атмосферу, и Райан, произнося слова присяги, чувствовал себя не слишком спокойно.

Прокурор Вильям Ричардс был ровесником Райана, да и сложением походил на него. Он начал с обычных вопросов: имя, профессия, место жительства, когда прибыли в страну и с какой целью? Когда дошло дело до вопросов о стрельбе, Райан, не глядя, понял, что зал охватило общее волнение.

- Доктор Райан, можете вы описать то, что произошло потом? На это у Райана ушло минут десять. Он стоял лицом к присяжным и старался не смотреть на них.

Казалось бы, чего ему тут бояться, но именно это чувство он испытывал.

Рассказывая о событиях того дня, он смотрел поверх их голов - на деревянные панели. Он снова переживал все случившееся, и к концу рассказа сердце его колотилось быстрее обычного.

- Доктор Райан, можете вы опознать человека, которого вы сбили с ног? наконец спросил Ричарде.

- Да, сэр. Это подсудимый. Вот он, - указал Райан. Только теперь Райан действительно рассмотрел его. Его звали Син Миллер - не такое уж ирландское имя, с точки зрения Райана. Ему было двадцать шесть лет, он был невысок, худ, в аккуратном костюме и при галстук. Когда Райан указал на него, он как раз улыбался кому-то на галерее - какому-нибудь родственнику, вероятно. Все эти недели Райан думал о том, что же это за человек, задумавший и осуществивший такое преступление. Какие именно качества отличают его от большинства цивилизованных людей? Какие качества могут позволить совершить такое?

Художавое, в рытвинах от прыщей лицо, было совершенно нормальным. Он вполне мог сойти за мелкого служащего любой конторы. Отец Райана всю жизнь имел дело с преступниками, но для Райана они оставались загадочными существами. "Чем он отличаешься от других? Что делает его таким, какой он есть?" - снова и снова задавал себе эти вопросы Райан. Его так и тянуло спросить Миллера об этом, хотя он и знал, что, даже если и получит ответ, вопрос все равно останется неразрешенным. Тогда он посмотрел в глаза Миллера. Он хотел там найти... проблеск человечности что ли - нечто подтверждающее, что перед ним действительно человеческое существо, другое, отличное от него, но в сущности такое же. Прошло каких-то две секунды, но ему они показались долгими - он все смотрел и смотрел в эти блекло-серые глаза и увидел там... Пустоту. Абсолютную пустоту. И тогда Джек начал что-то понимать.

- Запишите, - обратился судья к стенографисту, - что свидетель опознал подсудимого Сина Миллера.

- Благодарю вас, сэр, - закончил свою часть допроса Ричарде.

Райан воспользовался моментом и высморкался. Он обзавелся насморком на прошлой неделе.

- Вам удобно, доктор Райан? - спросил судья. И Джек сообразил, что стоит, навалившись всем телом на кафедру.

- Простите, сэр. Этот гипс...

- Бейлиф - стул для свидетеля, - распорядился судья. Судебный пристав принес стул - самый обычный, деревянный, - и Райан сел. Чего ему действительно не хватало, так это крючка, чтобы подвесить левую руку. В общем, он более или менее уже привык к тяжести гипса, но постоянный зуд под этим панцирем просто сводил его с ума, и ничего нельзя было с этим поделать.

Со своего места поднялся адвокат - движения его были отработанно изящны.

Это был Чарльз Аткинсон, более известный как Красный Чарли, поскольку он любил выступать защитником по делам радикалов. Аткинсон был толстяком с маленькой головой, слишком маленькой для такого увесистого тела. Парик съезжал ему на лицо. "Защита террористов, должно быть, хорошо оплачивается, - подумал Райан. Вот чем следует заняться Оуинсу. Откуда ваши деньги, мистер Аткинсон?"

- Могу я начать, ваша светлость? - спросил адвокат, обращаясь к судье и присяжным, как того требовала форма, и направился к Райану. В руках у него была пачка бумаг.

- Доктор Райан... Или, может, лучше - сэр Джон?

- Как вам угодно, сэр, - махнул рукой Райан. Его предупредили насчет этого Аткинсона. "Очень умная сволочь", - так о нем было сказано. В маклерском деле Райану порой приходилось иметь дело с умными сволочами.

- Насколько известно, вы были лейтенантом американской морской пехоты?

- Да, сэр, это верно.

Аткинсон глянул в свои бумаги, потом - на присяжных.

- Кровожадная толпа, эти морские пехотинцы, - пробормотал он.

- Простите, сэр? Кровожадные? - спросил Райан. - Вы ошибаетесь.

Большинство тех, кого я знал, больше по пиву ударяют.

- С галереи донесся смех, и Аткинсон опять повернулся к Райану. Улыбка его была ядовитой. Райана предупреждали, чтобы он опасался софистики Аткинсона и умения ставить тактические ловушки. "К чертям собачьим! - сказал он себе. - Ну, давай, ты, мудила!"

- Простите меня, сэр Джон. Это фигурально. Я хотел сказать, что американские морские пехотинцы имеют репутацию людей агрессивных. Не так ли?

- Это легко оснащенные пехотные части, специализирующиеся на морских десантных операциях. Нас довольно хорошо натаскивали, но по существу мы ничем не отличаемся от любых других солдат. Морская пехота всего лишь обучается действовать в особо трудных условиях, - ответил Райан, надеясь хотя бы отчасти выбить Красного Чарли из равновесия. В фильмах морских пехотинцев изображали такими забияками. Но в Куантико им втолковывали, что, если ты действительно на уровне, тебе не надо рваться в драку - обычно достаточно сказать, что ты морской пехотинец.

- Штурмовые подразделения?

- Да, сэр. В сущности верно.

- Следовательно, вы были командиром штурмового подразделения?

- Да, сэр.

- Ну, не будьте так скромны, сэр Джон. Какого рода людей отбирают в командиры подобных подразделений? Агрессивных? Решительных? Храбрых? Эти

качества у такого командира наверняка должны быть развиты больше, чем у рядового, не так ли?

- Вообще-то, из всех качеств, которыми судя по "Руководству для офицера морской пехоты" должен обладать офицер, я более всего ценю честность, - сказал, улыбаясь, Райан.

Аткинсон к такому ходу не был готов.

- Это верно, - продолжал Райан, - я действительно командовал взводом, но мой капитан сразу же объяснил мне, что прежде всего я должен выполнять его приказы, а также полагаться на опыт взводного сержанта. Так что я не только и не столько командовал, сколько учился командовать. Так, собственно, в любом деле - вы ведь не лезете с нововведениями в первый день службы.

Аткинсон слегка нахмурился - все складывалось не совсем так, как он ожидал.

- Из ваших слов, сэр Джон, вытекает, что лейтенант морской пехоты - это всего лишь вожак бойскаутов. Но надеюсь, вы не это имели в виду? - спросил он с сарказмом.

- Нет, сэр. Извините. Я не намеревался произвести такое впечатление, но, право, мы и не банда сверхагрессивных варваров. Я должен был выполнять приказы, проявлять агрессивность лишь в той мере, в какой этого требует ситуация, и при этом уметь выносить самостоятельные суждения, как то и надлежит офицеру. Но я прослужил всего три месяца, а потом был ранен.

Морские пехотинцы следуют приказу. Разумеется, приказы отдают офицеры, но второй лейтенант - самый низший офицерский чин. Вы получаете больше приказов, нежели отдаете их. Я вижу, вы никогда не служили, - поддел его Райан.

- Так чему именно они там вас обучали? - спросил Аткинсон. Голос его стал злым - то ли он вправду вышел из себя, то ли прикидывался.

Ричардс взглянул на Райана - в глазах его была тревога. Он особенно настаивал, чтобы Райан не вступал в спор с Красным Чарли.

- Ну, основным командирским навыкам. Учили, как командовать людьми в полевых условиях, - ответил Райан. - Как реагировать в данной тактической ситуации. Как использовать вооружение, которое находится в распоряжении взвода.

Как организовать поддержку артиллерии и воздушных сил...

- Как реагировать?

- Да, сэр, это часть программы, - Райан старался отвечать как можно подробнее, следя за тем, чтобы голос его был ровен и дружелюбен - голос человека, всего лишь сообщающего некую информацию. - Я никогда не был в ситуации, хоть отчасти напоминающей боевую. Если не считать того, о чем мы тут говорим сегодня... Но наши инструкторы совершенно четко говорили нам, что, когда кругом свистят пули, там уже нет времени для раздумий. Вы должны знать, как действовать, и действовать быстро, иначе погибнут ваши солдаты.

- Отлично, сэр Джон. Итак, вас учили быстро и решительно реагировать на ситуацию?

- Да, сэр, - ответил Райан, чувствуя какую-то западню.

- Говоря о несчастном случае, который рассматривается в этом суде... Вы показали раньше, что, когда раздался взрыв, вы смотрели в другую сторону.

Это так?

- Да, сэр.

- И когда вы повернулись в сторону взрыва?

- Как я уже говорил, прежде всего я уложил жену и дочку на землю. Затем я посмотрел, что там произошло. Сколько это заняло?.. Не меньше одной секунды, от силы - три. Но, прошу прощения, такие подробности трудно запомнить в такой ситуации - у меня ведь не было секундомера.

- Итак, когда вы наконец посмотрели туда, вы не сразу увидели, что там произошло?

- Верно, сэр. - "Давай-давай, Чарли, задавай свой следующий вопрос", мысленно подначивал его Райан.

- Значит, вы не видели, чтобы мой подзащитный стрелял из пистолета или бросал гранату?

"И только-то? - подумал Райан, удивившись тому, что уловка столь незамысловата. - Но, может, он куда-то еще гнет?"

- Нет, сэр, не видел. Он в тот момент обегал машину. Потом он остановился около нее - возле задней правой двери, спиной ко мне. В руке у него был пистолет, нацеленный на дверь, словно бы он...

- Предположения - штука шаткая, - прервал его Аткинсон. - Словно бы он что? Это могло быть что угодно. Но - что именно? Как вы можете сказать, что он там делал? Вы ведь не видели, чтобы он вылез из машины, которая позже скрылась.

Исходя лишь из того, что вы видели, мой подзащитный, так же как и вы, мог оказаться случайный прохожим, поспешившим на выручку попавшим в беду, не так ли?

Видимо, предполагалось, что Джек этим должен быть озадачен.

- Предположение, сэр? Нет, я бы назвал это суждением. Если бы ваш подзащитный бежал на выручку, он бежал бы с другой стороны улицы. Я сомневаюсь в том, что это физически возможно - в смысле, так быстро. А кроме того, с той стороны находился человек с автоматом - так что не больно-то побежишь. И бежал ваш подзащитный именно с той стороны, где был тот, с автоматом. Если он стремился на выручку, то почему, имея пистолет, он не открыл стрельбу по автоматчику? Он тогда не показался мне "случайный прохожим", да и сейчас мне это представляется довольно маловероятным.

- Это опять ваше заключение, сэр Джон, - сказал Аткинсон, словно поучал недоразвитого ребенка.

- Сэр, вы задали мне вопрос, и я постарался ответить на него аргументированно.

- И вы хотите, чтобы мы поверили вам, что все это промелькнуло в вашем сознании за какие-то мгновения? - спросил Аткинсон, вновь обратив лицо к присяжным.

- Да, сэр, это так, - твердо выговорил Райан. - Так и не иначе.

- Вам, наверное, не сообщили, что мой подзащитный никогда, прежде не подвергался аресту и не обвинялся в каком-либо преступлении?

- Значит, насколько я понимаю, это его первое преступление.

- Оставьте это на усмотрение присяжных заседателей, - отрезал Аткинсон. Вы ведь не видели, чтобы он стрелял, не так ли?

- Нет, сэр. Но в магазине его пистолета должно было быть восемь патронов, а в нем оказалось лишь три. Я выстрелил из него три раза, и все - там было пусто.

- Ну и что же? Может, кто-то еще стрелял из этого пистолета. Итак, вы не видели, стрелял ли он?

- Нет, сэр, не видел.

- Значит, не исключено, что кто-то уронил или бросил этот пистолет, а мой подзащитный подобрал его и хотел сделать то же, что и вы, но вы об этом не знали и не могли знать, не так ли?

- Я не могу свидетельствовать о том, чего не видел. Однако я видел улицу, уличное движение и пешеходов. Если ваш подзащитный действовал так, как вы утверждаете, то откуда он появился?

- Именно! Следовательно, вы не знаете? - вскинулся Аткинсон.

- Когда я увидел вашего подзащитного, сэр, он обегал машину. Если он был на тротуаре, а потом успел подобрать пистолет и обежать машину... для этого ему надо было бы быть олимпийским чемпионом по спринту.

- Мы этого не можем знать. Это опять ваше предположение. Ведь сами вы реагировали на ситуацию молниеносно, не так ли? Вы реагировали так, как вас тому обучали в морской пехоте, ни на минуту не задумавшись, не дав себе труда оценить положение. Вы не задумываясь ринулись в битву, напали на моего подзащитного, сбили его с ног и затем пытались убить его.

- Нет, сэр, я не намеревался убивать вашего подзащитного. Я уже... "Тогда почему ты стрелял в беззащитного человека, уже лежавшего без сознания?"

- Ваша светлость, - встал прокурор, - этот вопрос уже задавался.

- Свидетель может ответить, предварительно обдумав свой ответ, - с нажимом сказал судья. Никто не сможет сказать, что суд шел не по правилам.

- Сэр, я не знал, что он был без сознания, и тем более не знал, когда он вскочит на ноги. Так что я выстрелил, чтобы обезвредить его.

- Я уверен, что так говорили и в той деревне во Вьетнаме, где...

- Я вас понял, сэр, но там морских пехотинцев не было, - отрезал Райан.

- Не нервничайте, - улыбнулся ему адвокат. - Я думаю, что вас там натаскивают умению хранить самообладание и спокойно реагировать на кровь. Наверное, и вас этому обучали...

- Нет, сэр, не обучали - "Он тебя нарочно драконит, Джек", - сказал себе Райан. Он достал носовой платок и высморкался. Два глубоких вдоха помогли успокоиться. - Прошу прощения, но местная погода наградила меня насморком. То, что вы только что сказали... Если бы в морской пехоте учили такого рода вещам, об этом уже давным-давно прокричали бы во всех газетах. Не говоря уже о моральной стороне дела, я скажу вам, мистер Аткинсон, что в морской пехоте понимают, что такое общественное мнение и как важно не уронить себя в его глазах.

- Неужели? - пожал плечами адвокат. - А как насчет Центрального разведывательного управления?

- В каком смысле?

- Как насчет сообщений газет, что вы работали на ЦРУ?

- Сэр, я получал деньги от правительства США, - сказал Джек, осторожно

выбирая слова, - только в военно-морском министерстве: когда служил в морской пехоте, и позже - собственно, теперь - за то, что преподаю в Военно-морской академии. Я никогда не состоял на службе ни в каком другом правительственном учреждении. Точка.

- Значит, вы не агент ЦРУ? Напоминаю, что вы тут принесли присягу.

- Нет, сэр, я никогда не был агентом. Я не работаю на ЦРУ.

- А что же газеты?

- Боюсь, что об этом вам надо спросить репортеров. Я не знаю, откуда они это взяли. Я преподаю историю. Мой кабинет расположен в Лихи Холл, на территории Военно-морской академии. Оттуда до Лэнгли далеко.

- Лэнгли? Значит, вы знаете, где находится ЦРУ?

- Да, сэр. Однажды я там даже читал лекцию. Ту же самую, что месяцем раньше прочел в военно-морском колледже в Ньюпорте, Род Айленд. Моей темой была природа принятия тактических решений. Я никогда не работал на Центральное разведывательное управление, но я действительно один раз был там с лекцией.

Возможно, что отсюда и пошли все эти сообщения.

- Я думаю, вы лжете, сэр Джон, - заметил Аткинсон. "Не полностью, Чарли", - мысленно парировал Райан.

- Что вы думаете, сэр, это ваше дело. Я же всего лишь правдиво отвечаю на ваши вопросы.

- И вы никогда не писали официального доклада под названием "Агенты и разведывательные органы"?

Райан заставил себя быть спокойным. "Откуда ты это раскопал, Чарли?" Он ответил, с величайшей осторожностью выбирая слова:

- В прошлом году, сэр... точнее - прошлым летом одна частная фирма, выполняющая правительственные заказы, предложила мне контракт на работу в качестве консультанта. Это "Майте корпорейшн". Работа носила секретный характер и никакого отношения к разбираемому здесь делу не имеет".

- Никакого? Почему бы этого не решить присяжным заседателям?

- Мистер Аткинсон, - устало спросил судья, - вы считаете, что работа, когда-то выполненная свидетелем, имеет прямое отношение к разбираемому в суде делу?

- Я думаю, ваша светлость, что, возможно, нам придется это установить. Я уверен, что свидетель вводит суд в заблуждение.

- Хорошо, - сказал судья и повернулся к Райану. - Доктор Райан, имеет ли выполненная вами работа какое-либо отношение к убийству в Лондоне или к каким-либо лицам, причастным к данному делу?

- Нет, сэр.

- Вы в этом полностью уверены?

- Да, сэр.

- Являетесь ли вы сейчас или были ли когда-нибудь служащим какого-либо американского разведывательного учреждения или агентства безопасности?

- Правительству США я служил только будучи в морской пехоте, сэр.

- Напоминаю вам, что вы дали присягу и должны говорить только правду.

Ввели ли вы суд в заблуждение в какой-то мере?

- Абсолютно ни в какой, сэр.

- Благодарю вас, доктор Райан. Я полагаю, что с этим вопросом теперь все ясно. Мистер Аткинсон - ваш следующий вопрос, - повернулся он к адвокату.

Аткинсон наверняка был разозлен, но - отметил Райан - и виду не показал.

"Интересно, - подумал Джек, - кто его консультировал насчет меня?"

- Вы сказали, что выстрелили в моего подзащитного только для того, чтобы он не встал с земли?

- Ваша светлость, - поднялся прокурор. - Свидетель уже...

- Если мне будет позволено задать следующий вопрос, - вежливо прервал его Аткинсон, - то все дело прояснится.

- Продолжайте, - сказал судья.

- Доктор Райан, вы сказали, что стреляли в моего подзащитного для того, чтобы он не поднялся с земли. В американской морской пехоте учат стрелять, чтобы обезвредить или чтобы убить?

- Чтобы убить, сэр.

- И вы утверждаете, следовательно, что поступили наперекор тому, чему вас учили?

- Да, сэр. Это же ясно - я ведь был не на поле боя, а на городской улице.

У меня и в мыслях не было убивать вашего подзащитного. - "Лучше бы было, тогда, вероятно, не пришлось бы мне здесь маяться", - подумал Райан, в то же время озадачась вопросом, действительно ли он этого бы хотел.

- Значит, сперва вы действовали в соответствии с тем, как вас учили, но потом, секунду-другую спустя, вы уже действовали вопреки тому, чему вас учили?

И вы полагаете, что мы тут должны поверить этому?

Аткинсону наконец удалось сбить с толку Райана. Джек теперь совершенно не понимал, куда тот гнет.

- Я не думал об этом в таком плане, сэр, но, пожалуй вы правы, согласился он. - Именно так оно все и было.

- А потом вы, подкравшись из-за машины ко второму человеку, пристрелили его без всяких размышлений. В этом случае ясно, что вы вновь действовали согласно усвоенным в морской пехоте навыкам - стрелять, чтобы убить. Не находите ли вы тут некое противоречие?

- Нисколько, сэр, - покачал Джек головой. - Всякий раз я действовал... действовал так, как мне представлялось необходимым применительно к конкретным обстоятельствам.

- Я думаю, вы, сэр Джон, заблуждаетесь. Я полагаю, что вы и в том, и в другом случае действовали так, как и свойственно действовать нерассуждающему офицеру американской морской пехоты. Вы сломя голову ринулись в ситуацию, о которой не имели никакого представления, напали на невинного человека, а затем пытались убить его, хотя он без сознания лежал на земле. Затем вы хладнокровно убили другого человека, даже не попытавшись обезоружить его. Вы и понятия не имели о том, что там на самом деле происходило, не так ли?

- Так как же я, по-вашему, должен был действовать... в случае того, второго?

Аткинсон тут же воспользовался его промахом.

- Вы только что сказали суду, что всего лишь хотели обезвредить моего подзащитного. Хотя на самом деле намеревались убить его. Как вы хотите, чтобы мы поверили вам, если ваш следующий шаг не имел ничего общего со столь миролюбивым намерением?

- Сэр, ведь у того человека, Маккрори, в руках был АК-47. Идти с пистолетом против автомата.

- Но когда вы на него пошли, у него уже не было "Калашникова", не так ли?

- Да, верно. Если бы он у него был... Не знаю, может, я бы не выскочил из-за укрытия, а стрелял бы в него оттуда. Из-за машины, я имею в виду.

- Ага, теперь понятно! - воскликнул Аткинсон, воздев руки вверх. - У него не было в руках автомата, и, следовательно, у вас появился шанс пристрелить его на ковбойский манер, учинить нечто в духе Дикого Запада на улицах Лондона!

- Интересно, что же я должен был, по-вашему, делать в той ситуации? устало спросил Джек.

- Для такого меткого стрелка, как вы, стрелка, который с первого раза попадает в сердце человека, почему бы вам было не выбить выстрелом пистолет из его рук?

- Ага, ясно, - улыбнулся Райан - теперь был его черед воспользоваться промахом Аткинсона. - Вам следует выбрать что-то одно, сэр.

- Как? - растерялся адвокат.

- Минуту назад вы заявили, что я пытался убить вашего подзащитного. Я был на расстоянии вытянутой руки от него, но не убил его. Это значит, что я мазила.

И при этом вы хотите, чтобы я попал в руку человека на расстоянии пяти-шести метров. Что-то тут не срабатывает, сэр. Или я плохой стрелок или хороший - одно из двух. И вообще, это только в кино выстрелом выбивают пистолет из рук. Это там, для киношных бравых ребят. Но кино - это не реальная жизнь. Из пистолета вам приходится стрелять в самый центр цели, что я и сделал. Я вышел из-за машины, чтобы получше прицелиться... Если бы Маккрори не вскинул пистолет, целясь в меня... Не могу утверждать наверняка, но, возможно, я бы не выстрелил.

Но он его вскинул и выстрелил... Вы видите мое плечо... И я выстрелил в ответ.

Возможно, мне следовало бы действовать иначе. Но я поступил, к сожалению, именно так. У меня не было времени для раздумий. Я действовал, как мог. Я сожалею, что убит человек, но и он ведь хотел убить меня - он выстрелил первым, сэр.

- Но вы даже слова ему не сказали, не так ли?

- Нет, по-моему, не сказал, - согласился Джек.

- Вы не жалеете, что все произошло именно так, а не иначе?

- Если вам, мистер Аткинсон, будет легче, скажу, что я то и дело возвращаюсь в мыслях к тому, что произошло. Будь у меня тогда больше времени на размышление, я, возможно, действовал бы иначе. Но этого мне знать не дано, поскольку размышлять мне было просто некогда, - сказал Джек и замолк

на секунду. - И вообще, было бы лучше, если бы всего этого и вовсе не случилось.

Но не я ведь все это заварил, а он, - Джек указал рукой на Миллера.

Миллер, скрестив руки на груди и слегка склонив голову набок, сидел на стуле с прямой спинкой. Он взглянул на Райана, и в углу его рта дрогнула ухмылка - едва приметная, одному Райану предназначавшаяся.

"А, может, не только мне", - подумал Джек. Серые глаза Сина Миллера смотрели, не моргая. Верно, он в этом практиковался. Райан скрестился с ним глазами, стараясь, чтобы взгляд его был максимально равнодушным, и пока секретарь суда записывал его показания, а публика на галерее шепотом обменивалась впечатлениями, они смотрели друг другу в глаза, испытывая, чья возьмет. "Что за этими глазами?" - снова подумалось Джеку. Он не слабак, это точно. Там была сила, но вроде той, что видна в глазах хищного зверя. И ничего, кроме силы. Ничего, смягчающего силу, - ни проблеска морали, совести...

Только сила и воля? С четырьмя полицейскими по бокам, Син Миллер, конечно, чувствовал себя, как волк в клетке. И смотрел на Райана, как смотрел бы волк из-за прутьев - как на нечто, до чего ему хотелось бы дотянуться зубами. Костюм и галстук - только маскировка, как и та его улыбка друзьям или родственникам на галерее. Сейчас он о них забыл. Не думал он и о том, чем кончится суд, как не думал и о тюрьме. Это было ясно Райану. Он думал только об одном - о человеке по имени Райан, о человеке, до которого пока не может добраться. Правая рука Райана инстинктивно сжалась, словно готовая вскинуться и схватить пистолет, лежавший на столе среди других вещественных доказательств, метрах в двух от него.

В конце-то концов, этот Миллер не был зверем. У него был интеллект и даже образование. Он мог думать и разрабатывать планы, как и всякий человек, но когда он принимал решение, человеческие чувства уже не влияли на его действия.

В исследовании, выполненном для ЦРУ, Джек подходил к террористам, как к некоей абстракции, как к роботам, которые что-то там делали и надо было их так или иначе нейтрализовать. Он никогда не думал, что ему придется встретиться с одним из них. И, что более важно, он не ожидал, что на него будут так смотреть. Он что не понимает, что это был всего лишь его гражданский долг?

"Тебе на это плевать. Я - только некая препона на твоём пути. Я ранил тебя, убил твоего друга и провалил твое дело, - размышлял Райан. - Ты хочешь посчитаться со мной, не так ли? Раненый зверь всегда рыщет в поисках того, кто его ранил, - сказал самому себе Джек. - А у этого раненого зверя есть мозги. У него есть память, - подумал Джек и тайком вытер вспотевшую руку о брюки. - Он сидит там и думает".

Райаном овладел страх. Такого страха он никогда прежде не испытывал. Но уже несколько секунд спустя он успокоился, напомним себе, что Миллер под стражей, что присяжные признают его виновным, что его приговорят к пожизненному заключению и что тюрьма изменит это существо или... что там скрывается за этими блекло-серыми глазами.

"Я ведь бывший морской пехотинец, - сказал он себе. - Я не боюсь тебя.

Я знаю, как с тобой, сопляком, быть. Один раз я тебя уже уделал, - он улыбнулся Сину Миллеру, тоже уголком рта. - Ты не волк, ты лиса. Противно, конечно, но нечего слишком-то беспокоиться, - сказал он себе и отвернулся от Миллера, как отворачиваются от очередной клетки в зоопарке. - "Интересно, - мелькнуло у него, - заметил ли Миллер, что я его не боюсь?"

- Вопросов больше нет, - сказал Аткинсон.

- Свидетель свободен, - произнес судья Уиллер. Джек поднялся, и глаза его вновь скользнули по лицу Миллера. Его взгляд не изменился, и улыбка в углу рта тоже была прежней.

В холле Райана поджидал Дэн Мюррей.

- Неплохо, - заметил он, - однако не следует скрещивать шпаги с адвокатами. Он чуть-чуть не загнал вас в угол.

- Вы думаете, это имеет значение?

Мюррей покачал головой.

Ни в коем разе. Суд - чистая формальность. Дело вполне ясное.

- Что он получит?

- Пожизненное. Обычно "пожизненное" здесь значит лет шесть-восемь, но для него это будет действительно пожизненное.

Ага, вот и Джимми!

По коридору к ним направлялся Оуинс.

- Ну, как? - спросил он, имея в виду Райана.

- Оскара не получит, но присяжным он понравился, - сказал Мюррей.

- Откуда это вам известно?

- Сразу видно, что вы никогда не были присяжным. Они же сидели совершенно неподвижно, едва дыша, когда вы говорили. Они поверили каждому вашему слову, особенно тому, что и как вы думали и по поводу чего волновались. Вы произвели впечатление честного человека.

- Я и есть честный человек, - сказал Райан. - Ну и что же?

- Не все таковы, - заметил Оуинс. - И присяжные - молодцы, умеют почувствовать. В этом плюс этой системы. Мюррей кивнул.

- У всех нас есть что сказать - и хорошего, и не очень хорошего - о суде присяжных. Но в основном система эта работает довольно хорошо. Мистер Оуинс, почему бы нам не угостить этого джентльмена пивом?

- Отличная идея, - ответил Оуинс и, подхватив Райана под руку, направился к лестнице.

- Этот парняга страшноват, а? - сказал Райан, чтобы услышать мнение профессионалов.

- Вы тоже заметили это? - спросил Мюррей. - Добро пожаловать в прекрасный мир международного терроризма. Да, этот сукин сын - крепкий орешек. Но большинство из них такие только поначалу.

- Через годик он немного изменится. Он из крепких, это так, но крепкие зачастую и ломкие, - сказал Оуинс. - Они порой дают трещину. Время очень даже на нашей стороне, Джек. А если даже он и не даст трещину, об этом тоже не следует волноваться.

- Очень уверенный в себе свидетель, - произнес телевизионный комментатор новостей. - Доктор Райан парировал выпад защитника Чарлза Аткинсона и совершенно недвусмысленно опознал подсудимого Сина Миллера во время слушания дела об убийстве на Могу.

В кадре появился Райан, выходявший из зала суда вместе с двумя мужчинами.

Американец что-то говорил, жестикулируя, а проходя мимо телекамеры, засмеялся.

- Наш старый приятель Оуинс. А кто второй? - спросил О'Доннелл.

- Дэниел Мюррей, представитель ФБР в американском посольстве, - ответил помощник О'Доннелла по разведке.

- Ага. Раньше мне его видеть не случалось. Так вот он каков. Идут выпить, видно. Герой и его шестерки. Жаль, что мы этого Оуинса не прикончили...

Какого раз они пытались выследить Оуинса, но за ним всегда следовала машина с охраной, и он никогда не ездил одной и той же дорогой. Возле его дома стояла охрана. Они могли бы убить его, но скрыться потом было бы слишком трудно, а О'Доннелл не хотел отправлять своих людей на явную смерть.

- Райан возвращается домой завтра или послезавтра, - сказал он.

- Вот оно что? - удивился разведчик, подумав про себя:

"Откуда только Кевин получает такую информацию?.."

- Очень жаль, не правда ли? Неплохо было бы отправить его домой в гробу, а, Майкл?

- Ты же сам говорил, что не стоит марать о него руки, - ответил Майкл Маккини.

- Верно. Но уж больно гордо он вышагивает. Скрестил шпаги с нашим другом Чарли и теперь гарцует себе за пинтой пива. Чертов америкашка, такая самоуверенность...

"Да, было бы неплохо...", - покачал головой Кевин О'Доннелл.

- Нам, - сказал он, - сейчас надо другое планировать. Сэр Джон может подождать, и мы тоже подождем.

- Я их вынудил к этому чуть ли не под дулом пистолета, - говорил Мюррей через плечо. Он сидел за рулем своей машины, слева от него размещался охранник, а сзади следовала машина с детективами из Си-13.

"Следи за этой чертовой дорогой", - твердил ему про себя Райан. Он все еще мало разбирался в том, как тут ездят, и только теперь начал понимать, что к указателям об ограничении скорости тут все относились с полным презрением. Да к тому же еще эта езда по левой стороне улицы!..

- Том Хьюс, начальник охраны, рассказал мне о своих планах, и я решил, что вам нужен сопровождающий, который знает что и как.

"И умеет нормально водить машину, - подумал Райан, когда они обогнали грузовик совсем не с той стороны. - Или как раз с той? Черт их разберет!" То, что они прошли в полуметре от грузовика, - это факт. Шириной своей английские дороги отнюдь не впечатляли.

- Стыдобушка, что вы так ничего толком и не посмотрели тут.
- Ничего. Зато Кэти насмотрелась, а я вдоволь поглазел на телевизор.
- И что же вы там смотрели?
- Они то и дело крутили куски из чемпионата по крикету, - рассмеялся

Джек.

- Разобрались в правилах? - спросил Мюррей, обернувшись к нему.
- А там есть правила? - недоверчиво поинтересовался Райан.
- Зачем портить игру правилами?
- Говорят, что правила там есть, но мне так и не удалось в них разобраться. Но теперь мы с ними сравнялись.
- То есть?
- Футбол тут становится популярным. Наш футбол, я имею в виду. И сколько я ни втолковывал Джимми Оуинсу что к чему, он так ничего и не понял.
- Значит, я мог бы смотреть по телику футбол... Почему же никто не сказал мне?

- Какая жалость, - заметила Кэти.
- Приехали, - сказал Мюррей, притормозил и свернул к реке. Дорога была узкой одноколейкой, но, отметил Джек, Мюррей по крайней мере сбросил скорость.

Машина наконец остановилась.

Темнело.

- Вот вам и ваш сюрприз, - сказал Мюррей, выпрыгнул из машины и открыл дверь. Райан, словно краб, выпростался следом.

- Эй, привет, Том! - крикнул кому-то Мюррей. К ним подошли двое мужчин в красно-голубых мундирах. Первый, лет пятидесяти, направился прямо к Райану.

- Сэр Джон, леди Райан, добро пожаловать в Лондонский Тауэр Ее величества.

Я - Томас Хьюс, а это - Джозеф Эванс. Я вижу, Дэну удалось доставить вас сюда вовремя.

- А могу я узнать, что за сюрприз поджидает нас?
- Тогда он уже не будет сюрпризом, - заметил Хьюс. - Я хотел сам провести вас по территории, но меня ждут в другом месте. Так что вами займется Джо, а попозже и я к вам присоединюсь.

И начальник охраны куда-то направился, Мюррей за ним.

- Вам уже приходилось бывать в Тауэре? - спросил Эванс.

Джек покачал головой.

- Я была, когда мне было девять лет, - сказала Кэти. - И мало что помню.

- Ну что же, - сказал Эванс, приглашая их следовать за ним, - на этот раз мы попытаемся сделать так, чтобы это запомнилось вам надолго.

- Вы тут все солдаты, не так ли?
- Фактически мы все, сэр Джон, в прошлом сержанты, хотя двое из нас даже и старшие офицеры. Я был сержантом первого парашютно-десантного полка. Мне пришлось ждать четыре года, прежде чем меня взяли сюда. Работа тут, как можно догадаться, интересная, так что конкуренция очень велика.

На кителе Эванса красовались несколько наград. Было ясно, каково рода

людей брали на эту работу. Эванс не шел, а вышагивал, как и положено человеку, отслужившему тридцать лет в армии.

- Как ваша рука, сэр?

- В порядке. Зовите меня Джек.

- Мне пришлось таскаться с таким же гипсом в шестьдесят восьмом, если не ошибаюсь. Несчастный случай во время учений, - сочувственно сказал Эванс. Приземлился на каменный забор. Болело дьявольски.

- Но вы продолжали прыгать. И отжиматься одной рукой от земли.

- Конечно, - подтвердил Эванс и остановился. - Перед нами здание Средней башни. Раньше тут было еще одно здание - вон там, где магазин сувениров. Оно звалось Львиной башней, потому что там был королевский зверинец - до восьмисот тридцать четвертого года. - Его речь текла плавно, благо он несколько раз на дню говорил все те же слова.

"Мой первый замок", - подумал Джек, разглядывая каменные стены.

- А ров был настоящий?

- О, да, и при том довольно неприятный. Проблема в том, что по проекту тут должна была быть проточная вода, из реки. К несчастью, инженер просчитался и вода оказалась стоячей. Что еще хуже - обитатели замка бросали все отбросы в воду. Так что тут все гнило. Впрочем, думаю, это преследовало также и тактическую цель. Одной этой вони было достаточно, чтобы все держались подальше от рва, за исключением разве что самых отчаянных храбрецов. Наконец, в восьмисот сорок третьем году его осушили, и теперь он по-настоящему полезен: дети могут гонять там в футбол. А вон там, подальше - качели и трапеции. У вас есть дети?

- Один, а второго ожидаем, - сказала Кэти.

- Правда? - Эванс заулыбался. - Чертовски здорово! Этот янки всегда будет британцем - хотя бы чуть-чуть. У нас с Мойрой двое, и оба родились за границей.

А это Башня Байуорд.

- У всех ведь башен были подъемные мосты, не так ли? - спросил Джек.

- Да. Львиная и Средняя башни были по сути островами, окруженными рвами с вонючей водой. Обратите внимание, что дорога к замку поворачивает под прямым углом. Это чтобы заставить попотеть тех, кто шел с тараном. Проследуем в Башню.

Джек, оценив ширину рва - порядка шести метров - и высоту башенных стен, спросил:

- И что же, никому никогда не удалось взять ее?

Эванс покачал головой.

- Никто на это всерьез не решался. И вряд ли этого следует ожидать в наши дни.

- Это верно, - согласился Райан. - Вы не боитесь, что кто-нибудь устроит тут взрыв?

- Это уже было. Лет десять тому назад - в Белой башне. Террористы. С тех пор усилили охрану, - сказал Эванс.

На территории самой Башни, помимо охраны Тауэра, были еще и гвардейцы в красных мундирах, в медвежьих шапках и с винтовками - как тот, на Молу.

- Вам, несомненно, известно, что это здание в разные времена

использовали для разных надобностей. Когда-то здесь была королевская тюрьма, а во время второй мировой войны тут держали Рудольфа Гесса. Знаете ли вы имя первой королевы Англии, казненной тут?

- Анна Болейн, - сказала Кэти.

- Отлично. Они там преподают в Америке нашу историю? - спросил Эванс.

- Это я почерпнула из телевизионной программы "Шедевры театра", объяснила Кэти.

- Ну, тогда вы знаете, что все казни осуществлялись при помощи топора.

Кроме этой. Для нее король Генрих вызвал палача из Франции - он пользовался мечом, а не топором.

- Он хотел, чтобы было не так больно? Это очень мило с его стороны, сказала Кэти, криво усмехнувшись.

- Да, он был человеком снисходительным, не так ли? А это Врата предателя.

Вам, быть может, небезынтересно узнать, что до того они назывались "Уотергейт".

Райан рассмеялся.

- Удачное название.

- Именно. Узников отправляли через эти ворота - на лодке - в Вестминстер, для суда.

- А потом назад - чтобы привести в порядок прическу?

- Только самых важных. Прочих казнили в Зеленой башне. Но это были казни без публики. Публичные казни производились в других местах.

Через ворота они вошли в Кровавую башню, и Эванс рассказал о ее прошлом.

Райан подумал, что, если бы написать историю всех этих Башен, это заняло бы множество томов.

Зеленая башня оказалась приятным местечком - как-то не укладывалось в голове, что тут кого-то казнили. С двух сторон ее окружали дома (конечно, времен Тюдоров), в северном конце площади было то самое место, где воздвигали эшафот. Эванс подробно объяснил процедуру, которая включала и плату палачу, приговоренный к казни платил палачу, чтобы тот делал свое дело получше.

- Последней женщиной, казненной здесь, - продолжал Эванс, - была Джейн, виконтесса Рошфор. Это было тринадцатого февраля пятьсот сорок второго года.

- Что она такое сделала? - спросила Кэти.

- Скорее, чего она не сделала. Она не сообщила королю Генриху Восьмому о том, что его пятая жена, Кэтрин Ховард, состояла, э-э, в романтических отношениях с кем-то другим, - деликатно объяснил Эванс.

- Это был действительно исторический случай, - хмыкнул Джек. - Женщину казнили за то, что она умела держать рот на замке.

Кэти улыбнулась.

- Джек, а как насчет того, чтобы сломать тебе вторую руку?

- А что скажет на это Салли?

- Она меня поймет, - заверила его жена.

- Ну, не поразительно ли, сержант, как женщины всегда стоят друг за друга?

- Я тридцать один год прослужил и не настолько глуп, чтобы оказаться впутанным в семейные споры, - разумно сказал Эванс.

"Один ноль в его пользу", - сказал себе Райан. После Зеленой башни Эванс провел их мимо Белой башни, а затем свернул налево, к пространству, огороженному веревками. Здесь Райан с женой поняли еще одну причину, почему желающих получить работу в Тауэре было хоть отбавляй.

В каменном строении четырнадцатого века была пивная для служащих Тауэра.

На стенах ее красовались бронзовые таблички с названиями всех полков британской армии.

В пивной оказался и Дэн Мюррей.

- Джек, Кэти, - это Боб Халлстон, - представил он им еще какого-то человека.

- Вы, должно быть, умираете от жажды, - сказал Боб.

- Я не против пива, - сказал Джек. - А ты, Кэти?

- Что-нибудь без алкоголя.

- Вы уверены? - спросил Халлстон.

- Я не из общества трезвости, просто я не пью во время беременности, объяснила Кэти.

- Поздравляю! - Халлстон направился к бару и вернулся со стаканом пива для Джека и с чем-то вроде кока-колы для Кэти. - За ваше здоровье, и за здоровье младенца.

Кэти просияла. "В беременных женщинах есть что-то особенное", - подумал Джек. Кэти уже не была просто хорошенькой, она вся светилась.

- Я слышал, что вы врач.

- Хирург.

- А вы, сэр, преподаете историю?

- Точно. А вы работаете здесь, как я понимаю.

- Верно. Нас тут тридцать девять. Мы - церемониальная гвардия короля. Мы пригласили вас, чтобы выразить вам благодарность за сделанное вами, а также для участия в нашей небольшой ежевечерней церемонии. Она называется "Церемония передачи ключей".

- Каждый вечер - с тысяча двести сорокового года, - сказал Мюррей.

- С двести сорокового? - спросила Кэти.

- Да. Это вам не стряпня для туристов. Это - настоящее, - сказал Мюррей. Верно, Боб?

- Самое настоящее. Когда мы запираем замки, эта музейная коллекция становится самым безопасным в Англии местом.

- Я верю этому, - сказал Джек, осушив половину своего стакана. - Ну, а если все-таки те негодяи проникнут сюда, вам ведь придется что-то делать, а?

- Куда же денешься? - улыбнулся Халлстон. - Кое-кому из нас пришлось бы вспомнить, чему нас обучали. Я ведь когда-то был в первых формированиях СЛС гонялся за Роммелем по пустыне. Ужасное это место - пустыня. С тех пор я вечно пребываю в состоянии жажды.

"Есть в них что-то специфическое, в настоящих профессионалах. Они никогда не утрачивают этого, - подумал Райан. - Они стареют, прибавляют в весе, немного смягчают, но за всем этим все равно ощущается дисциплина и

хребет. И в этом вся разница. И еще гордость, сдержанная уверенность в себе, потому что ты прошел через все это и не обязан говорить об этом каждому встречному-поперечному.

Только среди своих. Это никогда не уходит".

- Есть тут у вас парни из морской пехоты?

- Двое, - сказал Халлстон. - Мы стараемся не давать им пускать в ход кулаки.

- Правильно! Я сам был в морской пехоте.

- Никто не совершенен, - посочувствовал ему Халлстон.

- Так в чем же ваша церемония?

- В тысяча двести сороковом году стражник, в чью обязанность входило запираť все замки, подвергся нападению каких-то разбойников. После этого он отказался выполнять свои обязанности без военного сопровождения. С тех пор каждый вечер начальник стражи запирает главных входы, а затем относит ключи в Королевский дом в Зеленой башне. Это все сопровождается небольшой церемонией.

Мы думали, что вам с женой она может показаться интересной, - сказал Халлстон и опять приложился к своей кружке. - Вы ведь, насколько я знаю, были сегодня в суде. Ну и как там все шло?

- Я рад, что это уже позади. По мнению Дэна, я вел себя правильно, - Райан пожал плечами. - Когда мистер Эванс показал нам тюремную башню, я пожалел, что она теперь уже не используется по назначению, - добавил Райан, вспомнив выражение лица Миллера. "Интересно, где он сейчас? В своей камере? Думает обо мне? - Райан допил пиво. - Уверен, что так оно и есть".

- Простите?

- Этот Миллер. Жаль, что ему тут нельзя привести в порядок прическу.

Халлстон холодно усмехнулся.

- Вряд ли кто-нибудь тут не согласен с вами. Мы бы тут легко нашли добровольцев помахать топором.

- Можно было бы тащить жребий, Боб, - сказал Мюррей, протягивая Джеку очередную кружку пива. - Вы еще не выбросили его из головы, Джек?

- Мне никогда не приходилось встречать таких.

- Он в тюрьме, Джек, - сказала Кэти.

- Да, я знаю.

"Так почему он все не выходит у тебя из головы? - спросил себя Джек. - К черту его! К черту все это!"

- Отличное пиво, сержант.

- Из-за него они и рвутся на эту работу, - усмехнулся Мюррей.

- Это одна из причин, - Халлстон прикончил свою кружку. - Ну, что же почти пора.

Джек залпом проглотил свое пиво. Вновь появился Эванс, и они вышли на улицу - воздух был по-ночному свеж. Небо было ясным, луна светила вовсю. Там и сям поблескивали огни редких фонарей. Джек удивился тишине - в самом центре города, а тихо, как у него дома. Он взял Кэти под руку, и Эванс повел их по направлению к Кровавой башне. Возле Ворот предателя уже собралась небольшая толпа, и один из стражей Тауэра объяснял им, что они должны соблюдать тишину и ничего не фотографировать. Там стоял часовой и еще

четверо вооруженных гвардейцев - их дыхание клубилось, голубоватое от подсветки фонарей. И это был единственный признак того, что они живые существа. А то можно было бы подумать, что это каменные изваяния.

- Сейчас, - прошептал Мюррей.

Откуда-то спереди донесся звук запираемой двери. Трудно было что-то разглядеть - уже сгустилась тьма, а свет фонарей был слишком тусклым. Потом Джек услышал, как позвякивает связка ключей - словно колокольчики в такт чьим-то шагам. Потом появилась какая-то светящаяся точка. Она все росла и росла, пока не превратилась в квадратной формы фонарь, внутри которого горела свеча, - его нес Том Хьюс, начальник стражи. Звук его шагов был четок, как метроном, спина - прямо, как шомпол. Через минуту к нему, печатая шаг, примкнули четверо солдат. Торжественным маршем они направились дальше, в туннельную тьму. Звяканье ключей и клацанье кованых сапог по мостовой служило им аккомпанементом.

Как они запирали ворота, слышно не было, но через несколько минут снова послышалось звяканье ключей и запрыгал свет фонаря. От всего этого так и несло необъяснимым романтизмом. Джек обнял жену за талию и прижал к себе. Она подняла на него глаза.

- Люблю тебя, - прошептал он.

Звяканье ключей опять приближалось к ним.

Часовой, справа от них, вскинул ружье и крикнул:

- Стой! Кто идет?

Том Хьюс крикнул в ответ пароль:

- Ключи!

- Чьи ключи? - требовательно спросил часовой.

- Ключи королевы Анны!

- Дорогу несущим, ключи королевы Анны! - часовой вернул ружье в исходное положение.

Четверо стражей с Хьюсом посредине миновали пост и свернули налево, по направлению к Зеленой башне. Райан и Кэти последовали за ними. На вершине склона, возле Зеленой Башни, Хьюза и сопровождающих его гвардейцев встретил отряд стрелков и горнист. Хьюз и гвардейцы остановились. Отряд приставил ружья к ноге, а начальник стражи обнажил голову.

- Боже, храни королеву Анну!

- Аминь! - откликнулись гвардейцы и стрелки. Горнист протрубил отбой.

Эхо запрыгало по древним камням, извещая о конце дня. Как круги от брошенного в воду камня, последние печальные ноты поплыли куда-то вдаль и растворились там в безбрежье ночной тиши. Райан наклонился и поцеловал Кэти.

- Каждый вечер с двести сорокового года? - спросил Джек.

- С одним перерывом - во время войны с наци. Немецкая бомба попала прямо на территорию Тауэра во время этой церемонии. Начальника стражи отбросило взрывной волной, и свеча в фонаре потухла. Ему пришлось снова зажечь ее, чтобы довести церемонию до конца, - сказал Эванс. То, что начальник стражи был ранен, к делу не относилось. Есть вещи более важные, нежели это. - Ну, заглянем снова в пивную?

- У нас дома нет ничего похожего на это, - тихо сказала Кэти.

- Для этого Америка еще недостаточно стара, не так ли?

- Неплохо бы нам тоже обзавестись такого рода церемониями, - сказал Джек.

Мюррей кивнул, соглашаясь.

- Да, что-нибудь такое, что напоминало бы нам, зачем мы тут, на земле.

- Традиция - важная вещь, - сказал Эванс. - Солдату традиция порой помогает выстоять. Это больше, чем ты сам, больше, чем твои товарищи... Это то, что существует не только для солдат. Это для всех.

- Точно, - сказала Кэти. - Так же и в медицине.

- И в морской пехоте, - поддакнул Джек. - Но мы не нашли этому столь красочного выражения, как вы тут.

- У нас было больше практики, - Эванс открыл дверь в пивную. - А кроме того, тут помогает и наше пиво.

- Вам бы еще научиться должным образом готовить мясо... - сказал, обращаясь к Эвансу, Джек.

- А ну-ка Джек, врежьте им всю правду, - хмыкнул Мюррей.

- Еще пива моему собрату из морской пехоты, - кто-то протянул Райану кружку.

- Берт - один из морских пехотинцев, о которых я вам говорил, - пояснил Эванс.

- Я никогда не отзываюсь плохо о тех, ктоставляет мне пиво, - сказал Райан Берту.

- Невероятно разумно! Вы уверены, что были всего лишь лейтенантом?

- И всего три месяца, - сказал Джек и рассказал о вертолете.

- Это просто невезуха. Ох, уж эти несчастные случаи на ученьях! - сказал Эванс. - Опаснее, чем на фронте.

- Так вы что, ребята, вроде гидов тут?

- Это только часть нашей работы, - вступил в разговор еще один охранник. Это неплохой способ за всем тут наблюдать, а также просвещать приبلудных лейтенантов. Как раз на прошлой неделе я толковал тут с одним из Уэльской стражи - он не все понимал, как надо делать, и я дал ему одну идею.

- Очень даже верную, - согласился Эванс. - О том, что прежде чем стать офицером, надо побыть в солдатах. Кто сказал, что в Белом Доме самые лучшие дипломаты?

- Я никогда не чувствовал себя полностью бесполезным в качестве второго лейтенанта, - улыбнулся Джек.

- Все зависит от точки зрения, - вставил другой охранник Тауэра. - Судя по тому, как вы вели себя на Могу, вы в армии были бы на уровне.

- Не знаю, Берт. Лейтенант с героическим комплексом - не того сорта человек, с которым очень-то сладко. Он такое будет чудить!.. Но, думаю, что те, кому удастся выжить и что-то из этого извлечь, те бывают ничего ребята.

Скажите, лейтенант Райан, что вы извлекли? Какой урок? "

- Не быть подстреленным. В следующий раз я буду стрелять из укрытия.

- Отлично, - к ним присоединился Боб Халлстон. - И не оставляйте никого живым у себя в тылу.

За людьми СЛС не замечалось, чтобы они оставляли в такого рода случаях кого-то в живых. Кэти подобных разговоров терпеть не могла.

- Джентльмены, нельзя просто так убивать людей.

- Лейтенанту повезло, мэм, повезло на редкость. Но если с ним еще раз такое случится, то надо действовать или, как полицейский, или, как солдат, одно из двух. Вам, молодой человек, очень повезло - могли бы и не выжить. Пусть ваша рука напоминает вам о том, как вам повезло. Хорошо быть храбрым, лейтенант, но еще лучше быть сообразительным - оно и для ваших близких будет не так болезненно, - Эванс допил свое пиво. - Господи Боже, сколько раз я уже говорил это!

- Сколько раз мы все говорили это? - проговорил Берт. - Но, к сожалению, не все нас слушали. Ну, хватит. Прекрасная леди не желает слушать болтовню старых рубак. Боб сказал, что вы ожидаете ребенка. А я через два месяца стану дедушкой.

- Он никак не дождется, когда покажет нам фотографии, - рассмеялся Эванс.

- Кого хотите - мальчика или девочку?

- Все равно. Лишь бы был здоровым.

С этим все согласились. Райан прикончил вторую кружку.

Пиво было крепким, и голова пошла кругом.

- Джентльмены, - сказал он, - если кто-то из вас будет в Америке и окажется в районе Вашингтона, дайте нам знать.

- А когда вы снова будете в Лондоне, помните - наша пивная открыта для вас, - сказал Том Хьюс. Начальник стражи уже переоделся в гражданское, но на голове у него все еще была старинного покроя шляпа. Он снял ее и протянул Джеку. - Я надеюсь, в вашем доме найдется местечко вот для этого. Сэр Джон, примите с благодарностью от всех нас.

- Я буду хранить ее, - Райан взял шляпу, хотел было надеть ее, но решил, что не достоин такой чести.

- А теперь... Простите меня, но я должен сказать, что если вы не уйдете сейчас, вам придется провести тут всю ночь. В полночь все двери будут закрыты.

Джек и Кэти пожали всем руки и вышли на улицу вслед за Хьюсом и Мерреем.

Было свежо. "Интересно, как тут насчет призраков", - думал Джек.

- Что это? - показал он на стену. По ней расхаживала какая-то тень.

- Часовой, - сказал Хьюс.

Они прошли мимо часового возле Кровавой башни - теперь на нем был маскировочный халат, винтовка и прочая амуниция.

- Винтовки заряжены или как? - спросил Джек.

- А какой в них смысл иначе? Но тут совершенно безопасное место, - ответил Хьюс.

"Хорошо знать, что есть такие места, - мелькнуло у Райана. - Интересно, почему я об этом подумал?"

Глава 6

ДОМОЙ - НА БЫСТРОКРЫЛОЙ ПТИЦЕ

Зал ожидания четвертого терминала в Хитроу был спокойным местечком -

там вполне можно было бы расслабиться, если бы Джек, как обычно, не нервничал перед полетом. За стеклянной - от пола до потолка - стеной был виден "конкорд", на котором через несколько минут он должен был отправиться домой. Формой своей он напоминал гигантскую хищную птицу, чья красота внушала восхищение и страх. Она сидела там на бетонной дорожке, бесстрастно глядя на Райана поверх длинного, как кинжал, носа.

- Было бы хорошо, кабы Бюро разрешало мне летать туда-сюда на этой птишке, - сказал Мюррей.

- Красивая! - согласилась Салли.

"Всего лишь еще один самолет, - сказал самому себе Райан. - Что его держит в воздухе - не ясно". Он не помнил, был ли это принцип Бернулли или эффект Вентури, но знал, что это нечто незримое, основанное на умозаключении, и это дает самолету возможность держаться в воздухе. Над Критом что-то в этом принципе или эффекте не сработало, и он едва не погиб, а полтора года спустя из-за того же рода неполадки погибли его родители неподалеку от чикагского аэропорта. Разумом он понимал, что в его армейском вертолете случилась какая-то неполадка в механизме и что конструкция пассажирских самолетов проще и надежнее. Знал он и то, что в авиакатастрофе, в которой погибли его родители, повинны были прежде всего плохие погодные условия. Сейчас погода была отличной, и все же было в самом факте полета нечто крайне противоестественное.

"Ладно, Джек. Не возвращаться же в пещеру и к охоте на медведей с рогатиной. А что естественного в преподавании истории, в сидении перед телевизором или в езде на машине? Не будь идиотом. Но я ненавижу летать", снова напомнил он себе.

- С "конкордами" еще никогда ничего не случалось, - заметил Мюррей. - А ребята Джимми Оуинса все проверили у этой птички.

Вероятность, что эту прекрасную птицу могли начинить взрывчаткой, была вполне реальной. Утром эксперты из Си-13 потратили более часа на проверку "конкорда", а теперь полицейские, переодетые в комбинезоны авиамехаников, стояли возле самолета. Из-за бомб Джек не волновался. Бомбу собаки найдут.

- Я знаю, - устало улыбнулся Джек. - Просто тут у меня кишка тонка.

Меррея удивляла нервозность Райана, хотя он и отметил, что тот хорошо ее скрывал. Сам-то он любил летать. Еще когда он учился в колледже, вербовщик ВВС чуть-чуть не уговорил его пойти в летчики.

"Это будет верхом идиотизма, если я не полечу сегодня, - сказал Джек себе.

- Ты действительно слабак. Нечего сказать, морская пехота!"

- Ну, папа, когда же наконец мы взорвемся и взлетим? - спросила Салли.

- В час. Не приставай к папе, - велела Кэти.

"Взорвемся, - улыбнулся Джек. - Черт возьми, чего тут, в конце концов, бояться?"

В зале ожидания он насчитал четверых охранников, хотя они и прикидывались обычными пассажирами. Оуинс не хотел, чтобы с ним что-то случилось в последний день. Прочее - уже дело британской авиакомпании. С него даже не взяли дополнительной платы за полет на "конкорде". Интересно, подумал он, предвещает это удачу или наоборот?

Женский голос объявил о посадке. Джек поднялся.

- Спасибо за все, Дэн.

- Идем, папа? - радостно спросила Салли.

- Минутку! - Мюррей наклонился к Салли. - А поцелуй?

- Пожалуйста, - весело сказала Салли и поцеловала его. - До свиданья, мистер Мюррей. ?

- Берегите нашего героя, - сказал Мюррей Кэти.

- Все будет в порядке, - заверила она его.

- Вас ждет футбол по телику! - Мюррей чуть не раздавил руку Райана. -

Вот по чему я тут в самом деле скучаю.

- Могу прислать вам видеозаписи.

- Это не то. Снова преподавать историю, а?

- Это моя работа, - сказал Райан.

- Посмотрим, - загадочно заметил Мюррей. - И как вы только ходите с этой штуковиной?

- Едва-едва, - хмыкнул Райан. - Наверное, врач построил туда какую-то свинцовую штуку или, может, забыл там свои инструменты. Ну, вот мы и пришли.

- Ни пуха ни пера, - пожелал им Мюррей и ушел.

- Добро пожаловать, сэр Джон, - сказала стюардесса. - Ваше место 1-Д.

Вы летали раньше на "конкорде"?

- Нет, - с трудом выдавил из себя Джек.

- Это вам запомнится на всю жизнь, - пообещала стюардесса.

"Большое спасибо!" - чуть не задохнулся от злости Райан, и пожалел, что одной рукой придушить ее не сможет. От этой мысли ему стало смешно. Он хмыкнул.

Только это ему и оставалось.

Пришлось пригнуться, чтобы не стукнуться о дверную притолоку. Проходя мимо кабины, он заглянул туда - экипаж каким-то чудом умещался там в ужасной тесноте. Проход загрозила другая стюардесса - она пристраивала чье-то пальто на вешалку. Пришлось ждать, пока она, увидев Райана, не шагнула в сторону.

Джек занял свое место у окна, в первом ряду. Кэти и Салли уже сидели на своих местах - по другую сторону прохода. Клешня Джека занимала почти половину соседнего кресла - никто бы там не смог сидеть. Мало того, что с него не взяли дополнительную плату за "конкорд", с него не взяли денег и за второе место. Он попытался было пристегнуть ремень, но с одной рукой это оказалось не так просто. На помощь пришла стюардесса.

- Вам удобно?

- Да, - солгал Джек.

- Чудесно. Тут вся информация о "конкорде", - она указала на серого цвета пластиковый пакет. - Хотите какой-нибудь журнал?

- Нет, спасибо. У меня есть книга.

- Хорошо. Я вернусь после взлета. Если что, позвоните. Джек потуже затянул ремень. Дверь все еще была открыта - еще можно было бежать. Но он знал, что не сделает этого. Он откинулся назад. Сиденье было узковатым, но все же удобным.

И, благо он сидел в первом ряду, можно было вытянуть ноги. Оглянувшись,

он увидел, что самолет на три четверти уже заполнен. Это все были бывалые путешественники, и притом люди богатые. В основном - бизнесмены, угадал Джек, рассмотрев, что многие читали "Файнаншел таймс". И никто из них не боялся летать. Это ясно по выражению их лиц. Ему и в голову не пришло, что выражение его лица было таким же, как и у всех.

- Леди и джентльмены, капитан Найджел Хиггинс приветствует вас на борту "конкорда", рейс сто восемьдесят девять, Лондон - Вашингтон - Майами, Флорида.

Минут через пять мы взлетим. Погода в Вашингтоне отличная, температура пятьдесят шесть градусов по Фаренгейту. Полет займет три часа двадцать пять минут. Прошу воздержаться от курения, пока мы не взлетим. И - пристегните ремни. Спасибо за внимание.

Пока звучала по радио эта скороговорка, закрыли дверь. "Неплохо отвлекли внимание, отрезав единственный путь к бегству", - кисло отметил про себя Райан.

Он закрыл глаза, отдавшись в руки судьбы. Хорошо, что он сидел в первом ряду никто не видел его. Салли сидела у окна. Только Кэти могла его видеть, но она понимала его состояние или, по меньшей мере, притворялась, что понимает. "Ты жопа! - раздраженно сказал себе Райан, - если бы полет на "конкорде" был опасным, хоть один из них уже разбился бы".

Взвыли реактивные турбины, и в желудке у Райана что-то сжалось. Он закрыл глаза. "Бежать все равно некуда". Он уговаривал себя дышать ровнее и максимально расслабиться. И это ему удалось.

Мимо окна медленно поплыл громадный комплекс аэропорта.

Тут и там возле терминалов стояли самолеты, словно корабли в доке. "Лучше бы нам на пароходе..." - подумал он, забыв, что из всех морских пехотинцев на Гуаме он был единственным, кто страдал от морской болезни. "Конкорд" приостановился на несколько секунд и потом-снова покати. Голос капитана снова зазвучал по радио - он что-то объяснял насчет взлета, но что именно, Райан не уловил. Он в это время наблюдал за взлетом Пан-Ам-747. "Конкорд", - подумал Райан, - куда красивее". Он напоминал ему модели истребителей, которые он конструировал в детстве. "Наш - первоклассный".

Самолет сделал широкий разворот в конце дорожки и замер.

"Вот оно".

"Исходное положение", - прозвучало по радио, Джек вцепился в кресло, словно это был электрический стул, и вот-вот должны были включить ток.

Взревели моторы, и Райана вжало в кресло. "Черт!" - ругнулся он. Старт был мощным - такого ему еще не приходилось испытывать. Стюардесса была права такое не забывается! Вот нос самолета задрался вверх, еще раз дернуло, и "конкорд" взмыл под каким-то немыслимым углом. Он взглянул на Кэти - она на него. В глазах ее сиял восторг. Салли сидела, уткнувшись носом в окно.

Самолет чуть выровнялся, и вот уже стюардессы покатали по проходу коляски со всякими напитками. Джек взял себе шампанского. Настроение вовсе не было праздничным, но эта шипучка всегда ему помогала. Кэти как-то предложила ему, чтобы справляться с этими самолетными страхами, принимать какое-нибудь успокоительное. Но он терпеть не мог лекарств. Вино - другое дело. Он посмотрел в окно. Они все еще набирали высоту - вполне мягко,

отметил он.

Райан извлек из кармана книгу и раскрыл ее. Это было испытанное средство.

Устроившись поудобнее, он погрузился в чтение. Выбор оказался удачным - это была одна из работ Элистера Хорна о франко-германских конфликтах. Правда, с гипсом тяжело было переворачивать страницы.

На какой-то момент оторвавшись от книги, он взглянул в окно - под ними было водное пространство. Судя по часам, лететь оставалось менее трех часов.

"Ну, три-то часа можно вытерпеть. Как будто у тебя есть выбор. - Его взгляд остановился на лампочке. - Как это я раньше не заметил?" Оказывается, над головой у него был спидометр. 1024 мили в час значилось на нем, но при этом последние цифры росли прямо на глазах.

"Черт! Тысяча миль в час. Что сказал бы Робби об этом? Интересно, кстати, как у него дела... - Эти скользящие на спидометре цифры его завораживали. Вот уже перевалило за 1300. Через какое-то время на спидометре обозначилась цифра 1351 и уже больше не менялась. - Тысяча триста пятьдесят одна миля в час, значит, - прикинул он, - около двух тысяч футов в секунду. Это почти скорость пули, то есть двадцать миль в минуту. Ничего себе! - пробормотал он и снова посмотрел в окно. - Но почему такой шум? Если мы идем на сверхзвуковой скорости, почему же шум не остается позади нас? Надо спросить Робби. Он знает".

Где-то внизу кучерявились белые, пышные облака. Солнечные лучи отражались от океана, распространяя вокруг сияние. Раина раздражала эта двойственность: он боялся летать и в то же время был зачарован всеми этими красотами, открывавшимися взгляду сверху. Он заставил себя вновь приняться за книгу, в которой речь шла о временах, когда верхом технологического прогресса считался паровоз, скорость которого составляла тридцатую часть той, с которой он неся в данный момент. "Это, конечно, повергает в ужас, но зато ты раз-два и дома".

Пришло время обеда. С ним редко бывало, чтобы он ел в полете, но тут, видно, шампанское придало ему аппетита, и он с удовольствием принялся за еду.

За семгой, бифштексом, салатом и клубникой на десерт, запиваемых отличным портвейном, незаметно пролетели сорок минут. Лететь осталось менее двух часов.

- Леди и джентльмены, говорит капитан. Мы летим на высоте пятидесяти трех тысяч футов со скоростью тысяча триста пятьдесят пять миль в час. По мере использования топлива, мы будем забираться все выше, пока не достигнем высоты пятьдесят девять тысяч футов. Температура воздуха снаружи - шестьдесят градусов ниже нуля по Цельсию, а температура обшивки самолета - около ста градусов. Это результат преодоления сопротивления воздушной среды в ходе полета. В результате этого объем самолета увеличивается, он теперь где-то на одиннадцать дюймов длиннее...

"Усталость металла! - смутно припомнилось Райану. - Зачем ты сообщил мне все это?" Он коснулся окна. Оно было теплым, и он понял, что на наружной обшивке самолета можно было бы кипятить воду. Интересно, как все это сказывается на самолетной раме? "Назад в девятнадцатый век", - скомандовал

он себе. Салли спала, а Кэти сидела, уткнувшись в журнал.

Через какое-то время капитан сообщил, что внизу Новошотландский Галифакс.

Джек взглянул на часы - оставалось менее часа лету. На северном горизонте смутно темнела полоска земли. "Северная Америка - подлетаем, наконец". Как всегда, нервозность плюс узкое кресло привели к тому, что спина задеревенела.

Надо было бы встать, походить, размяться... Но именно этого он никогда не делал в самолете. Стюардесса подлила ему портвейна в стакан, и он снова устался в окно. Солнце стояло на той же высоте, что и при вылете из Лондона. Фактически они стояли на месте - самолет, устремляясь на запад, просто едва поспевал за скоростью вращения земли. В вашингтонский аэропорт Даллес, сообщил пилот, они прибудут в полдень. Джек снова взглянул на часы - оставалось сорок минут. Он поерзал в кресле и снова погрузился в книгу. Но ненадолго - стюардессы принялись раздавать анкеты, которые надо было заполнить для таможи и иммиграционной службы. Отложив книгу он принялся наблюдать за Кэти - она заполняла анкеты, подробно перечисляя все предметы гардероба, которыми она обзавелась в Лондоне. Салли все еще спала, свернувшись клубочком, и с чуть ли не ангельским выражением лица. Они стали снижаться где-то возле Нью-Джерси, целясь на запад, а возле Пенсильвании снова повернули на юг. Самолет теперь шел совсем низко. "Ну, что же, капитан Хиггинс, давайте посадим эту птичку в целости и сохранности. Надо будет, - решил Райан, - сохранить все бумажки - и багажную квитанцию, и билет, и посадочный талон... - Пусть хранится - как доказательство того, что он летал на "конкорде". - Я-таки ухитрился пройти через это - через "конкорд"... Зато, тупица ты такая, будь это Боинг-747, ты бы все еще тащился над океаном".

Теперь они летели так низко, что уже видны были дороги. Большинство авиакатастроф случается при посадке, но Райан об этом не думал. Они были почти дома - значит, конец всем этим страхам... И вот "конкорд" резко скользнул вниз, мелькнул парашют аэродрома, и почти сразу за этим он почувствовал толчок от соприкосновения с землей. Все. Они приземлились, и остались целы-невредимы.

Теперь ничего страшного впереди - от силы какая-нибудь там автокатастрофа - не сравнить же ее с авиакатастрофой!... В машине Райан всегда чувствовал себя уверенно, потому что сам контролировал ситуацию. "Ах, да, - вспомнил он, сегодня ведь машину ведет Кэти".

Самолет остановился и зажегся сигнал: отстегнуть ремни - можно было избавиться от них наконец. Открыли переднюю дверь. Райан поднялся с кресла и потянулся. Хорошо на твердой-то земле... Кэти щеткой расчесывала волосы. Салли та еще толком не проснулась и терла кулаками глаза.

- Все в порядке, Джек?

- Мы уже дома? - спросила Салли.

- Дома, - заверил ее Джек и двинулся к выходу. Стюардесса поинтересовалась, как понравился ему полет, и он искренне сказал, что полностью доволен. "Теперь-то - когда все это позади". Он нашел себе место в автобусе, а через секунду к нему присоединились и Салли с Кэти.

- В следующий раз надо будет тоже на "конкорде", - сказал он жене.

- Почему? Тебе понравилось? - удивилась она.

- В известном смысле. Ведь вдвое меньше в воздухе, - рассмеялся он - не над ней, над собой. Он чувствовал радостное возбуждение - как всегда после приземления. Он прошел через нечто неестественное и вот - жив-здоров, дома... И вообще, заметил он, пассажиры, покидающие самолет, выглядят радостнее тех, что еще только готовятся к отлету.

- Сколько у тебя ушло на платье? - поинтересовался Джек, когда автобус остановился. Кэти в ответ протянула ему таможенную декларацию. - Ого!

- А почему бы и нет? - усмехнулась Кэти. - Я заплатила из своего кармана.

Могу я или нет?

- Само собой, детка.

- И три костюма для тебя, Джек, - сказала она.

- Как? Зачем это?..

- Когда ты заказывал портному смокинг, я попросила его сшить тебе три костюма. Как только ты избавишься от этого гипса, сможешь носить их.

Что еще было удобно в "конкорде", так это то, что пассажиров было относительно немного, так что багаж практически не пришлось ждать. Кэти взяла тележку, и Салли, конечно, потребовала, чтобы именно она толкала ее. Последним препятствием была таможня, где им пришлось расстаться с тремя сотнями долларов в качестве налога за лондонские покупки. Не прошло и получаса после посадки самолета, а они уже оказались на улице.

- Джек! - раздалось, едва они вышли из аэропорта. Это был Оливер Вендел Тайлер - человек высокого роста и при этом весьма плечистый. Передвигался он плохо, так как вместо левой ноги у него был протез из алюминия - результат столкновения с машиной, водитель которой был пьян. Протез был просто уродлив, но Оливер был им вполне доволен. С руками у него было все в порядке - если не считать того, что они были чересчур велики. Он обхватил ими Райана и сжал до боли.

- С возвращением, дружище!

- Как дела, Слип? - Джек с трудом высвободился из его объятий. Слип Тайлер был их близким другом. Силушки он был необыкновенной, но не умел соразмерять ее.

- Отлично. Привет, Кэти, - сказал он и поцеловал ее. - А ты как, Салли?

- Хорошо, - откликнулась Салли и потянулась, чтобы ее взяли на руки. Но ненадолго - вскоре она вывернулась, чтобы вновь пристроиться к тележке с багажом.

- Ты как здесь оказался? - и подумал: "А-а, это, верно, Кэти позвонила ему..."

- Не беспокойся о машине, - сказал Тайлер. - Мы с Джин забрали ее со стоянки, и она ждет вас дома. Поедете на нашей - к тому же она попросторней.

Джин сейчас подкатит.

- Взял отпуск, а?

- Что-то вроде того. Черт возьми, Биллинг замещал тебя в классе две недели. Почему же я не могу отлучиться на полдня? К ним подошел носильщик, но Слип отмахнулся от него.

- Как Джин? - спросила Кэти.

- Еще шесть недель.

- А нам придется подольше подождать, - сообщила Кэти.

- Правда? - просветлел Тайлер. - Замечательно! Был прохладный, ясный осенний день. Едва они отошли от терминала, как к ним подкатила Джин Тайлер на громадном "шевроле". Джин была по-прежнему высокой, но уже не такой стройной, ибо ожидала двойню. Едва она выбралась из машины, как Кэти - уже что-то шептала ей на ухо. Что именно - нетрудно было догадаться, так как женщины тут же обнялись. Слип открыл багажник и закинул их чемоданы, словно это были перышки.

- Ты отлично все рассчитал, Джек. Прикатил прямо к Рождеству, - сказал Слип, когда все усаживались в машину.

- Так уж само получилось.

- Как плечо?

- Лучше, чем было вначале.

- Я этому верю, - расхохотался Слип и завел машину. Поразительно, что они дали вам "конкорд". Ну и как он тебе?

- Все кончилось намного быстрее.

- Да, все так говорят.

- Как дела в школе?

- Все по-старому. Ты слышал об игре?

- По правде говоря, нет. - "Как я мог забыть об этом?" - подумал он.

- Просто великолепно! Пять очков у них, и всего остается три минуты.

Томпсон наконец получает мяч и... бум, бум, бум - аж по восемь-десять ярдов каждый раз... Он делает ничью, и те уходят в защиту, так? Значит, нам надо нажать - мы рассеиваемся по бокам. Я - наверху, в ложе для прессы, и вижу, что защита у них что надо! Хоть часы останавливай! И вдруг - как во сне! Томпсон прямо чудо! Так подал!... Двадцать один - девятнадцать. Надо же - так закончить сезон!

Тайлер был выпускником Аннаполиса и играл даже в сборной Америки, пока не пошел служить на подлодках. Три года тому назад, как раз когда он уже начал сколачивать собственную футбольную команду, пьяный шофер оставил его без левой ноги. Но Слип не оглядывался назад. Защитив докторскую в Массачусетском технологическом институте, он получил место преподавателя в Аннаполисе и не только продолжал интересоваться футболом, но иногда и тренировал разные команды. "Интересно, - подумал Джек, - счастливее ли теперь Джин?" В свое время она здорово не любила, когда он уходил в море надолго. Теперь он все время был у нее под боком. Когда-то она была беззаботной, черноволосой девчонкой, работала секретаршей у адвоката, а сейчас, казалось, все время была на сносях.

И - счастлива. С мужем они почти не разлучались. Даже за покупками ходили, взявшись за руки.

- Что насчет рождественской елки, Джек?

- Я пока еще не думал об этом.

- Я нашел местечко, где можно срубить свеженькую. Еду туда завтра.

Хочешь со мной?

- Конечно. Но нам надо еще всякие закупки сделать.

- Ты, я вижу, совсем не в курсе дела. Кэти позвонила нам на прошлой неделе, так что мы с Джин постарались. Она что же, не сказала тебе?
- Нет, - Райан обернулся, и Кэти улыбнулась ему. - Спасибо, Скип.
- Брось, - махнул тот рукой. Они свернули на окружную дорогу. - Мы собираемся навестить родителей Джин - последняя для нее возможность попутешествовать перед появлением двойни. А профессор Биллингс говорит, что тебя ждет кое-какая работа.

"Кое-какая, - подумал Райан. - Похоже, месяца на два..."

- Когда ты сможешь выйти на работу?

- С этим придется подождать, пока он не отделается от гипса, - ответила вместо Джека Кэти. - Завтра мы едем в Балтимор, к профессору Хоули - на проверку.

- Да с такой травмой лучше не спешить, - согласился Скип, имея в виду собственный опыт того же рода. - Робби просил передать привет. Сам-то он не смог прийти - он в Пакс Ривер на летном тренажере. Они с Сисси в порядке, были у нас недавно. Ты выбрал хороший денек для возвращения. Почти всю прошлую неделю дождало.

"Я дома, - повторял себе Джек, слушая эту болтовню. - Снова повседневность, которая тяготит тебя, пока ты ее почему-либо не лишился. И как хорошо вернуться к обычному распорядку, где нет большей неприятности, нежели дождь, где все размеренно: подъем, работа, еда и снова в постель. Новости по телевизору и футбол. Комикс в газете. Помочь жене с посудой. Развалиться в кресле с книгой в руках и стаканом вина, когда Салли наконец уложена в постель". Теперь это уже не казалось ему скучным - и никогда таковым не будет казаться, пообещал он себе. Последнее время жизнь крутилась в слишком стремительном темпе, и он был рад, что все это осталось там, далеко отсюда, за три тысячи миль.

- Добрый вечер, мистер Кули, - сказал Кевин О'Доннелл, оторвав глаза от меню.

- Здравствуйте, мистер Джемисон. Рад вас видеть, - ответил книготорговец с хорошо сыгранным удивлением.

- Не присоединитесь ко мне?

- Почему бы и нет? Спасибо.

- Что привело вас сюда?

- Бизнес. На ночь я остановился у друзей в Кобе. Это было правдой. А кроме того, О'Доннелл, которого тут знали как Майкла Джемисона, понял, что у букиниста есть важное сообщение для него.

- Хотите взглянуть на меню?

Кули наскоро проглядел меню и вернул его О'Доннеллу.

Никто не мог бы заметить, как он вложил между страниц меню небольших размеров конверт. Джемисон тут же незаметно уронил его себе на колени. Потом, где-то с час, они болтали о всяких пустяках. Соседний столик был слишком близок к ним, чтобы говорить о чем-то ином, да и вообще Кули старался никогда не касаться опасных тем. Его дело было войти в контакт и

смыться. "Слабак", подумал о нем О'Доннелл. Но вслух он этого никому не стал бы говорить. У Кули не было необходимых качеств для участия в настоящем деле, но для разведки он подходил. На что и был соответственно натаскан. С идеологией у него тоже было все в порядке. И все-таки О'Доннелл угадывал в нем слабость характера, хотя и при хороших мозгах. Ничего. Зато Кули вне подозрений у полиции. Он никогда даже камней не швырял, не говоря уже о бутылках с зажигательной смесью. Он предпочитал наблюдать со стороны, и ненависть его зрела, не проявляясь в эмоциональных всплесках. Пусть он не мог пролить кровь, но зато не проливал и слезы. "Ты - серенький середнячок, ты можешь очень даже помочь в разведданных, и хотя ты слабак насчет мокрой работы, все же помог прикончить... десяток, а то и дюжину. Да есть ли у него вообще какие-то эмоции? Похоже, что нет, рассудил О'Доннелл. - Ну и отлично. Хорошо иметь своего собственного маленького Гиммлера, - сказал самому себе О'Доннелл. - Гиммлера или, может, Дзержинского.

Дзержинский - более подходящий образец. Вот именно - Железный Феликс - вот кто он. Маленький, дышащий ненавистью человечек. Только лицом, круглым и пухлым, он похож на Гиммлера, но внешность мы ведь себе не выбираем, не так ли? У Кули есть будущее в Организации. Когда придет время, нам понадобится свой Дзержинский".

Разделавшись с кофе, Кули выписал чек. Он настоял на этом - дела, в конце концов, шли отлично. О'Доннелл сунул конверт в карман и вышел из ресторана. Ему хотелось тут же вскрыть конверт, но он подавил в себе это желание. Терпение не было сильным качеством Кевина, и именно поэтому он принуждал себя к нему. Он знал, что куда больше операций погорело из-за нетерпения, чем из-за британской армии. Это был урок, усвоенный еще во времена, когда он сотрудничал с "Временными". Не превышая скорости, он вил на своем БМВ по узким улочкам, пока не выбрался на проселочную дорогу. Но и тут он не прямо устремился к дому и при этом то и дело поглядывал в зеркало заднего обзора. Он знал, что с безопасностью у него было все в порядке, но не менее отчетливо понимал, как необходимо всегда быть начеку. Машина, в которой он ехал, была зарегистрирована на имя головной конторы его корпорации в Дандолке. Это был настоящий бизнес девять траулеров бороздили холодные воды, омывавшие Британию. Заправлял корпорацией отличный менеджер, человек, никак не причастный к Раздору, чьи деловые таланты позволяли О'Доннеллу вести жизнь сельского дворянина далеко на юге страны. Традиция полагаться в бизнесе на управляющего была одной из самых старых в Ирландии - английское наследие, как и дом О'Доннелла.

Менее чем через час он уже был у въезда в свои владения, отмеченные двумя каменными столбами, а еще через пяток минут - в своем доме над морем. Как и водится в тех местах, машину он запарковал на улице и тут же прошел к себе в кабинет. Там его - с книжкой стихов Йитса в руках - поджидал Маккини. Еще один книголюб, хотя этот и не испытывал отвращения к крови. Под его внешним спокойствием пряталась взрывчатая готовность к действиям. Майкл был того же типа человеком, что и сам О'Доннелл. И подобно О'Доннеллу десять лет назад, его молодое нетерпение нуждалось в сдерживающем начале. Потому его и назначили шефом разведки, чтобы он научился терпеливо собирать нужную информацию, прежде чем действовать. „Временные“ фактически никогда этим не

занимались. Они ограничивались сбором разведданных тактического, а не стратегического значения.

Чем и объясняется общая безмозглость их стратегической линии, подумал О'Доннелл. Еще одна причина, по которой он расстался с "Временными". Хотя он все равно вернется в ту стаю. Или, точнее, стая вернется к нему. Тогда у него будет собственная армия. У Кевина уже был план на этот счет, хотя даже и ближайшие соратники не знали о нем - точнее, не знали всех деталей.

О'Доннелл расположился в кожаном кресле и извлек из кармана пиджака конверт. Маккини колдовал у бара в углу комнаты - готовил виски для босса. Со льдом - согласно привычке, которой Кевин обзавелся за годы жизни в жарких местах. Он поставил стакан на край письменного стола, и Кевин приложился к нему, по-прежнему не произнеся ни слова.

В документе было шесть страниц печатного текста - через один интервал, - и О'Доннелл читал его не менее вдумчиво, нежели Маккини - Йитса. Несмотря на репутацию человека, готового к молниеносным действиям, глава Армии освобождения Ольстера порой казался Маккини существом, вырубленным из камня - особенно когда тот собирал и обрабатывал разведданные. Как компьютер, - заряженный злой энергией компьютер. Ему понадобилось целых двадцать минут, чтобы изучить документ.

- Да-а, наш друг Райан уже в Америке, где ему и место. Прилетел на "конкорде", и, по просьбе его жены, их в аэропорту встретил друг. Наверное, на будущей неделе он уже вернется в эту свою Военно-морскую академию преподавать. Его высочество с очаровательной супругой придут домой через пару дней. Похоже, что в их самолете какие-то проблемы с электрической системой, и теперь для них перегонят новый самолет из Англии - так это, во всяком случае, будет представлено публике. На самом же деле, им так, похоже, понравилось в Новой Зеландии, что они решили остаться там еще на несколько дней. По возвращении в Англию, охрана их будет весьма впечатляющей. Можно сказать, что в ближайшие несколько месяцев через их охрану не прорваться.

Маккини фыркнул.

- Нет такой охраны, чтобы уж совсем нельзя было через нее прорваться. И мы уже доказывали это.

- Майкл, мы же не собираемся убивать их. Это-то любой дурак может сделать, - сказал Кевин тоном терпеливого наставника. - Наша цель - взять их живьем.

- Но...

"Неужели они никогда не усвоят?" - подумал О'Доннелл.

- Никаких "но", Майкл. Если бы я хотел их смерти, они уже были бы мертвы, а вместе с ними и этот ублюдок Райан. Убить легко, но тогда мы не получим того, чего хотим.

- Так точно, сэр, - кивнул Маккини. - А Син?

- Еще недели две он пробудет в брикстонской тюрьме - наши друзья из Си-13 пока хотят, чтобы он был у них под рукой.

- Означает ли это, что Син...

- Маловероятно, - перебил его О'Доннелл. - Так или иначе, я полагаю, что Организация сильнее с ним, нежели без него, не так ли?

- Но как мы узнаем?

- Нашим товарищем интересуются на очень высоком уровне, - сказал О'Доннелл многозначительно.

Маккини задумчиво кивнул, стараясь не показать раздражение тем, что командир не хочет сообщать ему, начальнику разведки, о том, кто его информирует. Он понимал всю важность поступающей информации, но что это за источник - было величайшим секретом АОО. Ну что же, справился он с раздражением, у него тоже есть свои источники информации, и он день ото дня все более овладевает искусством использования их. Необходимость слишком долго готовиться к действиям угнетала его, но он был вынужден признать - правда, сперва не очень охотно, - что успех ряда сложнейших операций был обеспечен именно тщательной подготовкой. Одна из операций, проведенная без соответствующей подготовки, закончилась для него пребыванием в блоке Эйтч тюрьмы в Лонг-Кеше. И он извлек из этого должный урок: революции нужны более умелые люди. И за неэффективность Временной группировки Ирландской освободительной армии он возненавидел ее руководство даже больше, чем британскую армию.

Революционеру сплошь и рядом приходится больше опасаться друзей, чем врагов.

- Есть что-нибудь новенькое о наших коллегах? - спросил его О'Доннелл.

- Кое-что есть, - ответил Маккини, просветлев. "Нашими коллегами" была Временная группировка Ирландской освободительной армии.

- Одна из ячеек белфастской бригады собирается послезавтра навестить одну пивную. Туда зачастили парни из Добровольческих сил Ольстера. Не шибко-то умно с их стороны...

- Полагаю, мы это можем пропустить, - рассудил О'Доннелл. Конечно, это будет бомба - погибнут несколько человек, в том числе и кто-то из Добровольческих сил. Эти силы он считал реакционной организацией правящей буржуазии, а в сущности - головорезами, поскольку у них не было никакой идеологии. Так что, если кое-кого из них убьют, это хорошо, но, право, достаточно было бы парочки-другой выстрелов, поскольку после этого парни из ДСО все равно прокрадутся в католические кварталы и пристрелят кого-нибудь на улице. И детективы из королевской полиции начнут следствие, но, как всегда, все будут утверждать, что ничего не видели, и в результате католические районы будут по-прежнему пребывать в состоянии революционного брожения. Ненависть это ценное достояние. Для Дела она даже важнее страха.

- Что-нибудь еще? - спросил он.

- Снова исчезла из поля зрения Двайер, специалистка по изготовлению бомб, - сказал Маккини.

- Последний раз это было... да, в Англии, не так ли? Другая компания?

- Этого наш человек не знает. Он этим занимается, но я предупредил, чтобы он был осторожнее.

- Очень хорошо.

О'Доннелл решил, что надо будет обдумать этот вопрос. У "Временных" Двайер была лучшим специалистом по бомбам, настоящий гений, особенно по бомбам замедленного действия. Парни из скотленд-ярдской Си-13 гонялись за ней настойчивей, чем за кем-либо еще. Ее поимка была бы тяжелейшим ударом по руководству "Временных"...

- Пусть наш парень блюдет осторожность, - сказал О'Доннелл, - но нам было бы очень полезно узнать, где Двайер.

Маккини понял, что к чему. Что же, жаль, конечно, ее, но она сама виновата, раз выбрала не ту сторону.

- А как насчет начальника белфастской бригады?

- Нет, - покачал головой шеф.

- Но тогда он снова ускользнет. В тот раз понадобился целый месяц...

- Нет, Майкл. Не тот момент. Помните всегда о верном моменте. Операция это единое целое, а не простое нагромождение событий.

За командиром белфастской бригады ВГИРА ("Бригада... Менее двух сотен человек", - криво усмехнулся О'Доннелл) очень даже охотились в Ольстере. Причем охотились не только британцы. Видно, поэтому он и был вынужден сделать так, что захватили его именно британцы. "Плохо. Я бы очень хотел, - думал О'Доннелл, чтобы ты лично заплатил мне за то, что выбросил меня, Джонни Доил, за то, что назначил цену за мою голову. Но и тут мне придется проявить терпение. В конце концов, я хочу большего, нежели всего лишь твоя голова".

- Кроме того, учтите; - сказал он, - что нашим ребятам надо позаботиться и о собственной шкуре. Причина, по которой так важно выбрать нужный момент, в том, что наш план может сработать всего лишь один раз. Вот почему мы должны быть терпеливы. Надо ждать нужного момента и не промахнуться с этим.

"Что значит "нужный момент"? Какой план?" - недоумевал Маккини. Несколько недель тому назад О'Доннелл заявил, - что "момент настал", а потом дал отбой после телефонного звонка из Лондона, прямо-таки в самую последнюю минуту. Син Миллер знал о плане, знали и еще один-два человека, но кто они, эти привилегированные, - этого Маккини не ведал. Если командир во что-то и верил, так это в секретность. Начальник разведки понимал значение секретности, но молодая кровь его пузырилась от раздражения - он знал о важности происходящего, не зная, что же именно происходит.

- Трудно, Майкл, а?

- Да, сэр, трудно, - признался тот с улыбкой.

- Просто-напросто помни, куда привело нас нетерпение, - сказал О'Доннелл.

Глава 7

ИНФОРМАЦИЯ

- Ну, я думаю, с этим почти все в порядке. Спасибо от имени Бюро за то, что вы выследили этого парня.

- Я, право, не думаю, что мы нуждаемся в такого сорта туристах, Дэн, ответил Оуинс. Житель Флориды, присвоивший в банке в Орландо три миллиона долларов, допустил ошибку, остановившись в Англии по пути в другую европейскую страну, - страну с отчасти иными банковскими законами. - Я думаю, что в следующий раз, прежде чем арестовать, надо дать ему возможность сделать покупки на Бонд-стрит. Можете назвать это побором - побором за

задержание.

- Ха! - гоготнул представитель ФБР и закрыл последнюю папку. Было шесть часов вечера.

Дэн Мюррей откинулся на спинку стула. За окном, по ту сторону улицы, серели в сумерках кирпичные постройки конца восемнадцатого века. На их крышах, как и на всех крышах домов в Гросвенор Скуэар, были тайные посты наблюдения.

Охрана американского посольства не была такой уж многочисленной, но зато были приняты дополнительные меры, поскольку за минувшие шесть лет американцам не раз угрожали террористы. Перед зданием посольства стояли полицейские, а сама улица была закрыта для движения. Тротуар украшали бетонные "цветочные горшки", которые и танку своротить было бы непросто. В проходной, за стойкой из пуленепробиваемого стекла стоял со "смитт-вессо-ном" на поясе капрал морской пехоты. "Чертовщина, - подумал Мюррей. - Чудесный мир международного терроризма". Мюррей терпеть не мог работать в здании, напоминавшем часть Линии Мажино, терпеть не мог остерегаться каждую минуту, как бы напротив его кабинета, на той стороне улицы, не оказался какой-нибудь иранец, палестинец, ливиец или еще какой-нибудь безумец с реактивным гранатометом. Это не был страх за собственную жизнь. Он рисковал своей жизнью не раз. Его выводила из себя сама чудовищность факта, что существуют люди, убивающие других людей для достижения каких-то там политических целей. "Но они вовсе не сумасшедшие.

Психологи утверждают, что они психически здоровы. Они, видите ли, романтики верующие, посвятившие себя служению некоему идеалу и готовые ради этого идеала на любое преступление. Романтики!"

- Джимми, помните старые добрые времена, когда мы охотились всего лишь за грабителями банков?

- Я такими делами никогда не занимался. Я чаще гонялся за обычными ворами, а потом меня послали заниматься убийцами.

Но терроризм заставляет с тоской вспоминать об обычном воровстве. Я даже помню дни, когда у воров были манеры вполне цивилизованных людей, - Оуинс подлил себе в стакан портвейна. Для полиции все большей проблемой становились участвовавшие случаи использования огнестрельного оружия, которое стало популярным благодаря теленовостям о терроризме в Ирландии. И хотя, в отличие от американских, лондонские парки и улицы были еще относительно безопасны, все же гулять в них было куда более рискованно, чем в совсем недавние времена. Новые веяния коснулись и Лондона, и Оуинс вовсе не был в восторге от этой новизны.

Зазвонил телефон. Мюррей поднял трубку.

- Алло. А-а, привет, Боб. Да, он как раз здесь. Джимми, это Боб Хайленд, он протянул трубку Оуинсу.

- Слушаю, - сказал Оуинс и отхлебнул из своего стакана, но тут же поспешно поставил его на стол и потянулся за блокнотом и ручкой. - Где именно? И вы уже... Хорошо, отлично. Я сейчас же иду.

- Что там? - тревожно спросил Мюррей.

- Только что поступили сведения о некоей Двайер. В квартире на Тули-стрит у нее мастерская по изготовлению бомб.

- Это прямо напротив Тауэра, через реку?

- Именно, черт побери. Я пошел, - Оуинс вскочил и схватил свое пальто.

- Не возражаете, если и я с вами?

- Дэн, вы должны помнить, что...

- Не надо вмешиваться, - закончил за него Мюррей и встал со стула. Рука бессознательно коснулась левого бедра, где надлежало быть револьверу - не будь он за рубежом. Оуинс же никогда не , носил с собой оружия. Мюррей поражался: как можно быть полицейским и при этом не носить оружия? Они вышли из кабинета и направились к лифту. Через несколько минут они были в подземной гараже посольства. Два охранника уже сидели в своей машине, и шофер Оуинса вырулил вслед за ними на улицу. Оуинс ту же включил свое радио.

- Люди уже в пути? - спросил Мюррей.

- Да. Боб будет там с командой через несколько минут. Двайер, о Боже!

Описание полностью совпадает, - Оуинс, как ни старался скрыть свои чувства, был взволнован, как мальчишка в рождественское утро.

- Кто вас навел?

- Аноним. Мужской голос, сообщил, что, выглянув из окна, увидел провода и что-то еще, упакованное в небольшого размера пакеты.

- Прелестно! Подсматривает за чужими окнами, а потом звонит в полицию...

Что же, берем то, что дают, - Мюррей усмехнулся.

Улицы, как обычно по вечерам, были забиты машинами, и полицейская сирена ничего поделать с этим не могла. До Тули-стрит было всего пять миль, но тащиться им пришлось двадцать минут - Оуинс все время принимал рапорты по радио, нервно постукивая кулаком по сиденью. Наконец машина стрелой метнулась по Тауэрскому мосту и свернула направо. Шофер припарковал ее у тротуара, возле двух полицейских машин.

Здание было трехэтажным, из старого, грязного кирпича. Рядом приткнулась крошечная пивнушка. На грифельной доске красовалось нацарапанное мелом меню.

Несколько завсегдатаев таращились на полицию , прихлебывая из кружек. На той стороне улицы уже собралась небольшая толпа. Оуинс ринулся к двери. Детектив в штатском уже поджидал его.

- Все в порядке, сэр. Подозреваемая задержана. Верхний этаж.

Оуинс затопал вверх, Мюррей - вслед за ним. На верхней площадке их встретил другой детектив. На лице Оуинса играла улыбка - жесткая, радостная.

- Все закончено, сэр, - сказал Хайленд. - Подозреваемая тут. Морин Двайер пластом лежала на полу - совершенно голая.

Вокруг нее натекла лужа, а чуть дальше были видны влажные следы, ведущие из ванной.

- Принимала ванну, - объяснил Хайленд. - А пистолет оставила в столе на кухне. Прошло без всяких осложнений.

- Вызвали кого-нибудь женского пола?

- Да, сэр. Странно, что ее еще нет.

- Движение просто кошмарное, - заметил Оуинс.

- Какие-либо признаки компаньона?

- Нет, сэр. Ничего, - ответил Хайленд.

В этой невзрачной квартирке был всего один стол, и содержимое его ящика лежало на полу. Там было несколько пакетов с веществом, напоминавшим взрывчатку, несколько капсюлей-детонаторов и радиотаймеров. Один детектив составлял опись, другой фотографировал комнату, а третий уже приступил к сбору улик: все в комнате надо было пронумеровать, уложить в пластиковый мешок и сохранить в целости до дня суда. Все были откровенно довольны - кроме лежавшей лицом вниз Морин Двайер, все еще голой и все еще в каплях воды. Над ней стояли два детектива - у каждого в кобуре револьвер, в глазах ни тени сочувствия.

Мюррей встал в дверном проеме, чтобы никому не мешать и в то же время ничего не упустить. Все шло, как по учебнику: подозреваемая обезврежена, охрана выставлена, сбор вещественных доказательств шел полным ходом. Вот-вот появится детектив женского пола, и Морин Двайер будет подвергнута обыску, в том числе и осмотру самых укромных мест - не сокрыто ли там чего-нибудь опасного? Это, конечно, нанесет ущерб скромности Морин Двайер, но суд вряд ли воспримет это как нарушение закона. Морин Двайер была известной специалисткой по изготовлению бомб и занималась этим по меньшей мере три года. Девять месяцев тому назад видели, как она удалялась от места, где - в Белфасте - вскоре взорвалась бомба, убившая четверых и искалечившая троих. Нет, симпатии к себе она на суде не вызовет. Наконец один из детективов догадался стащить с постели простыню и накрыть ею Морин Двайер. Она лежала неподвижно. Только судорожно дышала. И не издавала ни звука.

- Интересно, - сказал один из детективов, извлекая из-под кровати чемодан. Проверив, не заминирован ли он, детектив открыл его и обнаружил набор театрального грима и четыре парика.

- Ого, это и мне подошло бы, - сказала, протиснувшись мимо Мюррея, женщина. - Раньше не было никакой возможности, - объяснила она Оуинсу.

- Давайте к делу, - улыбнулся Оуинс. Он был слишком счастлив, чтобы раздражаться по пустякам.

- Раздвиньте, дорогуша. - Вы же знаете процедуру... Она натянула на руку резиновую перчатку. Мюррей отвернулся. Эта процедура всегда вызывала у него чувство брезгливости. Через какой-то момент он услышал как перчатку резко сдернули с руки. Один из детективов протянул Морин Двайер какую-то одежду. Она принялась одеваться - никаких эмоций, словно в комнате никого не было. "Хотя нет, - подумал Мюррей, - как раз, будь она одна, какие-то эмоции проявила бы".

Как только Морин оделась, офицер полиции защелкнул у нее на запястьях стальные наручники. Затем он сообщил Двайер о ее правах - почти так же, как это делается и в Америке. Морин Двайер молча оглядела полицейского с ног до головы - лицо ее не выражало ничего, даже гнева. И ее увели.

"Да, хладнокровное существо", - сказал самому себе Мюррей. :

Несмотря на мокрые волосы и отсутствие косметики, она была довольно хороша собой. Отлично сложена. Могла бы сбросить фунтов восемь-десять, но при хорошем платье и так неплохо. "Ты бы мог встретить ее на улице или, оказавшись рядом с ней в баре, предложить ей рюмку вина - тебе бы и в голову не пришло, что у нее в сумке пара фунтов взрывчатки. Такого у нас дома, слава Богу, еще не водится..." - думал Мюррей. Мелькнула мысль о том, как

Бюро справлялось бы с такими делами. Даже со всеми ресурсами, которыми оно располагало, со всеми научными и уголовными экспертами, помогающими оперативникам, с такого рода делами не так легко справиться. Тут любая полиция ведет игру под названием "Жди, когда преступник совершит ошибку". Проблема в том, что мошенники становятся все умнее, учась на своих ошибках. Тут как и во всяком соревновании - обе стороны становятся все изощреннее. И при этом инициатива всегда в руках у преступников. Полиции остается только поспевать за ними.

- Ну, Ден, есть какие-нибудь критические замечания? Как мы - по стандартам ФБР? - спросил Оуинс не без оттенка самодовольства.

- Оставьте вы это, Джимми, - усмехнулся Мюррей. Дело шло к концу, детективы во всю корпели над описью вещественных доказательств, ничуть не сомневаясь, что материала больше чем достаточно для суда. - Ваше счастье, что у вас нет этих наших правил насчет незаконного обыска и ареста. "Не говоря уже о некоторых наших судьях", - добавил он про себя.

- Кончено, - сказал фотограф.

- Отлично, - откликнулся сержант Боб Хайленд.

- Кстати, - спросил его Мюррей, - как вы ухитрились так быстро сюда добраться? На метро, что ли?

- Как это я не догадался поехать на метро? - расхохотался тот. - Нам, похоже, повезло с уличным движением. Мы были здесь через одиннадцать минут. Да и вы не то чтобы слишком запоздали. За пять секунд мы вышибли дверь и захватили Двайер. Ну не поразительно ли, как легко все это... когда у тебя есть вся нужная информация?

- Можно мне теперь войти? - спросил Мюррей.

- Конечно, - приглашающе махнул рукой Оуинс. Мюррей направился прямо к ящику стола, где лежала взрывчатка. Он был специалистом по этому делу.

- Похоже, что из Чехословакии, - пробормотал он.

- Да, - согласился один из детективов. - Со "Шкоды", судя по обертке. А вот эти американские - электронный детонатор, модель за номером тридцать один, - сказал он и подтолкнул пластиковый мешочек к Меррею.

- Вот черт! Они теперь повсюду всплывают - партия этих штуковин была похищена полтора года назад. Они шли на нефтеразработки в Венесуэлу, а их перехватили возле Каракаса, - объяснил Мюррей. - Нефтяники любят их. Надежные, безопасные и от нечего делать не взрываются. Не хуже, чем армейские. Классные штуковины.

- А где еще их засекли? - спросил Оуинс.

- Три-четыре места мы знаем наверняка. Проблема в том, что они столь малы, что трудно идентифицировать их по остаткам - в смысле, после взрыва. Банк в Пуэрто-Рико, полицейский участок в Перу - это были политические. Другие случаи связаны с наркотиками. До сего момента они встречались лишь по ту сторону Атлантического океана. Насколько мне известно, это первый случай, когда они обнаружили здесь. На этих детонаторах полно всяких номеров. Надо сверить по накладным - не из числа ли они тех, похищенных? Я могу послать телекс, и через часок у вас будет ответ.

- Спасибо, Дэн.

Мюррей насчитал пять килограммовых пакетов взрывчатки. У чешской

продукции была хорошая репутация. Она была не хуже той, что использовалась в американской армии. Один такой пакет, если его положить, куда надо, способен разрушить здание. Мисс Двайер могла заложить пять пакетов, установить там взрыватель замедленного действия - хоть на месяц вперед, - и в момент взрыва оказаться на другом краю света.

- Вы сегодня спасли немало жизней, джентльмены. И хороших, - сказал Мюррей, озираясь. В квартире было всего одно окно, выходившее во двор. Жалюзи были опущены, до пола свисали дешевенькие и к тому же грязные занавески.

"Интересно, - подумал Мюррей, - сколько стоит снимать такую квартиру? Немного, наверняка". Отопление было включено на всю мощность, и в комнате было душно. - Вы не против, если я открою окно? - спросил он.

- Отличная идея, Дэн, - сказал Оуинс.

- Позвольте мне, сэр, - сказал один из детективов и, подняв жалюзи, он открыл окно.

- Так-то лучше, - Мюррей сделал глубокий вдох, не обращая внимания на запах бензина, ворвавшийся в окно вместе с холодным воздухом.

Но что-то тут было не так...

Какое-то беспокойство вдруг овладело Мерреем. Что-то было не так. Но что?

Он выглянул в окно. Налево было что-то вроде склада - глухая высокая стена.

Направо от нее виднелись очертания Лондонского Тауэра, возвышавшегося над Темзой. И это было все. Он повернулся к Оуинсу, тоже смотревшему в окно.

Начальник Си-13 взглянул на него - в глазах его был вопрос.

- Да, - сказал Оуинс.

- Что сказал тот парень по телефону? - спросил Мюррей.

Оуинс крикнул:

- Сержант Хайленд!

- Да, командир?

- Голос по телефону. Что - точно - он сказал? И как он звучал?

- Голос... У него был, я бы сказал, акцент человека из центральных графств. Он сказал, что смотрел в окно и увидел взрывчатые вещества и провода.

Мы все это, конечно, записали на магнитофон.

Мюррей высунулся в окно и провел пальцем по внешней стороне стекла. Палец почернел от грязи. "Звонил явно не мойщик окон". Повертев туда-сюда головой, он установил, что пожарной лестницы там не было.

- Может, - сказал Оуинс, - кто-нибудь с крыши склада?.. Хотя нет - не тот угол. Разве что она разложила бы все материалы на полу... Довольно странно...

- Взлом? Может, кто-то вломился сюда, увидел все это хозяйство и решил позвонить в полицию как добропорядочный гражданин? - спросил Мюррей. - Однако это звучит не очень-то убедительно.

Оуинс пожал плечами.

- Трудно сказать. Может, брошенный любовник?.. Но пока нам придется удовлетвориться добычей, Дэн. Тут пять бомб, которые теперь никому уже не

опасны. Ну, ладно, пойдемте отсюда и - пошлите телекс в Вашингтон. Сержант Хайленд, джентельмены, спасибо за службу! Поздравляю вас всех с отлично выполненной работой. Продолжайте в том же духе.

Оуинс и Мюррей, выйдя на улицу, увидели небольшую толпу, которую сдерживал десяток полицейских. И телевизионщики были тут как тут со своими осветителями.

В этом квартале были три маленькие забегаловки. В дверях одной из них стоял человек с кружкой пива в руке. Он, казалось, не проявлял никакого любопытства просто смотрел себе на ту сторону улицы, вот и все. Но память его четко фиксировала все лица. Его звали Деннис Кули.

Мюррей с Оуинсом отправились в здание новой штаб-квартиры Скотленд-Ярда, откуда Мюррей и послал телекс в Вашингтон. Они больше не возвращались к той загадке, и вскоре Мюррей распрощался с Оуинсом. Си-13 вскрыла очередное дело, связанное с терроризмом, и провернула это блестяще, без единой жертвы. Это означало, что Оуинс и его люди проведут бессонную ночь, подготавливая всякие бумаги и рапорты для министерства внутренних дел, а также - сообщения для прессы. Но лучше уж эта возня с бумагами...

Первый день на работе оказался куда легче, чем Райан предполагал. Из-за того что он долго отсутствовал, его классы передали другим преподавателям, к тому же надвигались рождественские каникулы, и курсанты с нетерпением ждали возможности отправиться на побывку домой. Все это значило, что Райан мог посвятить день разбору скопившихся за время его отсутствия бумаг. В своем кабинете он был уже в полвосьмого утра, к пяти разделался почти со всеми бумагами и исполнился чувством гордости, что день прошел не впустую. Он уже заканчивал подготовку вопросов к экзаменам, которые должны были состояться в конце семестра, когда до него донесся запах дешевой сигары и знакомый голос.

- Хорошо провел отпуск? - спросил капитан-лейтенант Роберт Джефферсон Джексон - он стоял, привалившись к дверному косяку.

- Было кое-что интересное, Робби.

- Вот оно что, - Джексон положил свою белую фуражку на шкаф с папками и бесцеремонно плюхнулся на стул.

Райан закрыл папку и сунул ее в ящик стола. Открыв холодильник, он извлек оттуда двухлитровую бутылку содовой, а из стола - бутылку ирландского виски.

Робби дотянулся до стаканов на столике возле двери и передал их Джеку. Тот смешал виски с содовой до цвета, напоминавшего невинный лимонад. Распивать спиртное было против правил, что казалось смешным, учитывая морской профиль данного учреждения.

- С прибытием, дружище! - Робби поднял стакан.

- Хорошо вернуться домой, - сказал Райан, и они чокнулись.

- Я рад, что все обошлось, Джек. Мы волновались за тебя. Как рука?

- Сейчас лучше. Ты бы видел гипс в первые дни! В прошлую пятницу они сняли его в больнице Хопкинса. Однако сегодня я понял, что вести машину

одной рукой чертовски неудобно.

- Еще бы, - рассмеялся Робби. - Ты, парень, - безумец. Райан кивнул, соглашаясь. Он познакомился с Джексон в прошлом году. Робби носил золотые крылышки морского летчика. Он служил в испытательном центре морской авиации в Патуксент-ривер - был там инструктором в школе летчиков-испытателей до того дня, когда в результате какой-то неполадки в тренировочном самолете не был неожиданно катапультирован. Произошло это настолько неожиданно, что он сломал ногу. В результате его на шесть месяцев освободили от полетов и прикомандировали в качестве инструктора к Академии в Аннаполисе. Тут он работал в инженерном отделе. Это назначение Джексон считал немногим лучше, нежели отправку на галеры.

Джексон был пониже Джека и куда темней и цветом волос, и цветом кожи. Он был четвертым сыном баптистского проповедника из южной части Алабамы. Когда они только познакомились, Джексон еще ходил в гипсе, тем не менее он предложил Джеку попробовать силы в кендо. Это японский вид спорта, где вместо самурайских мечей пользуются бамбуковыми палками. В морской пехоте Райана обучали как орудовать палкой, и он решил, что кендо вряд ли чем-нибудь его удивит. Он принял приглашение, рассчитывая, что рука у него подлиннее, чем у Джексона, да к тому же у того ограничена подвижность, так что... Ему и в голову не пришло, что Джексон уже взял-несколько уроков кендо. А кроме того, у Джексона оказалась молниеносная реакция и способность делать убийственные выпады, как у гремучей змеи.

Райан, со своей стороны, научил Джексона любить настоящее ирландское виски, и у них появилась традиция пропускать после обеда стаканчик-другой в уединении райановского кабинета.

- Что тут нового? - спросил Джек.

- Ничего особенного. Учим молодежь.

- И тебе, я вижу, начинает это нравиться?

- Не совсем. Нога моя уже в норме, так что уикенды я провожу в Пакс-ривер, чтобы доказать, что еще не разучился летать. Знаешь, ты тут произвел фурор.

- Когда меня подстрелили?

- Ага. Я как раз был у начальника, когда позвонили из ФБР и спросили, нет ли у нас чокнутого преподавателя, который отправился в Лондон, чтобы поиграть в полицейских и воров? Я сказал, что да, я знаю этого чудака, но им нужен был кто-нибудь из исторического отдела, чтобы подтвердить мои слова. Но, полагаю, больше всего их интересовало имя агента, у которого ты заказывал билет. Ну, в общем, все были на ленче, и мне пришлось разыскивать профессора Биллингса, да и сам наш начальник побегал изрядно... Все было, как писали в газетах?

- Более или менее. Британцы все расписали довольно точно. Джексон щелкнул сигарой по краю пепельницы.

- Тебе повезло, что тебя не прислали домой по почте.

- Не надо, Робби. Только тебе еще не хватало называть меня героем. Только попробуй, и я размажу тебя по стенке...

- Герой? Ну, нет! - он энергично замотал головой. - Тебе никто не говорил, что рукопашная - опасная штука?

- Будь ты там, я уверен, что ты тоже влез бы в это.

- Ничего подобного! Святой Боже, есть ли кто-нибудь тупее морского пехотинца? Рукопашная? Боже, это же кровь на кителе, ботинки все в пыли!.. Нет, парень, никогда! Когда я сражаюсь, я делаю это при помощи шрапнельного снаряда или ракеты - культурненько, - усмехнулся Джексон. - И не так опасно.

- Пока не оказываешься в самолете, который катапультирует тебя без предупреждения, - съязвил Райан.

- Я немного повредил ногу, это верно, но когда я на своем истребителе, я звеню со скоростью свыше шестисот узлов. Тот, кто захочет всадить в меня пулю, он это сможет, конечно, но для этого ему придется попотеть.

Райан покачал головой. Ему читал наставления о необходимости быть осторожным человек, занятый самым опасным на свете делом, - летчик-испытатель.

- А как Кэти с Салли? - спросил Робби уже более серьезно. - Мы хотели заскочить к вам в воскресенье, но пришлось срочно ехать в Филадельфию.

- Все это было нелегко для них, но они справились.

- У тебя семья, ответственность, - заметил Джексон. - Оставь такого рода риск на долю профессионалов.

Джек знал об этой осторожности Робби. Будучи летчиком-испытателем, он никогда не рисковал без необходимости. Джек знал пилотов, которые рисковали без особой нужды. Многих из них уже не было в живых. Среди тех, кто носил золотые крылышки, не было ни одного, кто не потерял бы близкого друга, и Джек подумал о том, как, должно быть, сильно все это с годами сказалось на Робби. В одном он, однако, был уверен: как все удачливые игроки, Робби тщательно обдумывал каждый свой ход.

- С этим все, Роб. Все это позади, и другого такого случая не предвидится.

- Будем надеяться. А то с кем мне тогда пить? Ну и как тебе вообще там понравилось?

- Я там мало что видел. Но Кэти повеселилась будь здоров.

Она побывала, по-моему, во всех замках... Не говоря уже о том, что мы обзавелась новыми друзьями, как ты знаешь.

- Это, наверное, весьма интересно, - хмыкнул Робби и потушил сигару.

Сигары были дешевые, вонючие, тоненькие. Джеку казалось, что для Джексона они были всего лишь составной частью образа лихого пилота. - Немудрено, что ты им понравился.

- Салли тоже прилась им по душе. Они даже начали обучать ее верховой езде.

- Ого! Так каковы они на самом деле?

- Они бы тебе понравились, - заверил его Райан.

Джексон улыбнулся.

- Не исключено. Принц летал на "фантомах", так что он должен быть парень что надо, да и его отец знает, что такое штурвал самолета. Я слышал, ты вернулся домой на "конкорде". Понравилось?

- Я как раз хотел спросить тебя об одной штуке. Почему там такой шум? Если ты идешь быстрее скорости звука, разве шум не остается позади?

Джексон укоризненно покачал головой.

- Из чего сделан самолет?

- Из алюминия, полагаю.

- Ты, может, думаешь, что скорость звука в металле быстрее таковой в воздухе? - спросил Джексон.

- Ах, вот оно что. Звук идет через корпус самолета.

- Именно. Шум мотора, топливных насосов и так далее.

- Ясно, - сказал Райан.

- Так тебе не понравилось? - Робби забавляло отношение Джека к полетам.

- Почему все меня за это подначивают? - спросил Райан, обращаясь к потолку.

- Потому что это так смешно, Джек. Уж кому-кому, а тебе-то бояться этого не к лицу.

- Ладно, Роб, я ведь летаю все-таки. Вхожу в самолет, пристегиваюсь и лечу.

- Я знаю. Извини, - отступил Джексон. - Просто это такая тема, трудно удержаться, чтобы не поддеть тебя. По-дружески, конечно. Ты молодец, Джек. Мы все гордимся тобой. Но, ради Христа, будь осторожней, ладно? Весь этот дерьмовый героизм кончается смертью.

- Я тебя понял.

- Так Кэти, говоришь, ожидает?

- Ага. Врачи подтвердили.

- Молодцы, ребята! Надо это отметить. Налей-ка еще. - Роб протянул свой стакан, и Джек налил ему.

- Похоже, что бутылка-то того, - сказал Роб.

- Теперь мой черед купить новую, не так ли?

- Решительно не помню, это так давно уже было. Но, - милостиво согласился Роб, - я тебе верю.

- Так тебя вернули на самолеты?

- В следующее воскресенье я уже снова на "томкет". А летом я опять вернусь к работе, за которую мне платят.

- Уже получил приказ?

- Да, перед тобой будущий зам-ко-эс-и-6-41.

- Заместитель командира сорок первой эскадрильи истребителей-бомбардировщиков, - перевел Джек. - Отлично, Роб!

- Да, неплохо, особенно если учесть, что семь месяцев я был не у дел.

- На авианосцах?

- Нет. Какое-то время мы пробудем на берегу, в Ошеане, Вирджиния. Эскадрон размещен сейчас на "Нимитце". Когда он вернется на ремонт, истребители останутся на берегу на предмет тренажа. Потом нас, вероятно, прикомандируют к "Кеннеди". Они все время тасуют эскадры - то туда, то сюда... Да, Джек, вот бы здорово мне снова получить свой истребитель! Мне здесь надоело.

- Нам будет не доставать тебя и Сисси.

- Ну, мы тут все равно проторчим до лета - они требуют, чтобы я тут был до конца учебного года. А кроме того, Вирджиния-Оич не так уж и далеко отсюда.

Приезжай навестить. Тем более что туда можно и машиной добраться - не

обязательно лететь.

- А что у вас на Рождество?

- Пока не знаю.

- Ну, тогда приходите к нам на обед.

- А семья Кэти...

- Нет, - сказал Джек.

- Некоторые люди просто не подходят друг другу, - заключил Роб.

- Ну, ты знаешь... Я уже не прихожанин храма всемогущего доллара.

- Но ты ведь неплохо зарабатывал на бирже. Джек усмехнулся.

- Ну, в каком-то смысле...

- Кстати... Одно маленькое предприятие, около Бостона, скоро соберет хороший урожай.

- Да? - наострил Джек уши.

- Оно, кажется, зовется "Холловер". Они разработали новую программу для компьютеров на истребителях. Действительно стоящая штука - экономит треть времени на обработку данных, выдает, как волшебник, все варианты перехвата. На тренажере в Пакс-ривер они у нас уже есть, а скоро последуют и серьезные закупки.

- Кто об этом уже знает?

Джексон рассмеялся деловитости его тона.

- Сама компания еще не знает этого. Об этом только что узнал капитан Стивенс от ребят из Управления. Там есть такой Билл Мэй - я когда-то летал с ним. - Так вот, он проверял эту программу месяц назад, и она ему так понравилась, что он почти уговорил ребят из Пентагона обойти все это бюрократическое дерьмо и купить ее. Потом где-то заклинило, но теперь этим занялся замначальника летно-морских операций, и говорят, что адмирал Ренделл очень загорелся этим. Еще дней тридцать, и эта маленькая компания получит к Рождеству подарок. Немного поздно, - сказал Робби, - но зато большой рождественский чулок будет набит до отказа. Я посмотрел в газете сегодня просто ради любопытства, - и знаешь: они зарегистрированы на бирже. Можешь проверить.

- А ты?

Джексон покачал головой.

- Я не играю на бирже. Но ты-то ведь все еще поигрываешь, не так ли?

- Немного. Это засекречено или как?

- Понятия не имею. Засекречена сама программа - это факт. Никто не разберется. Разве что Слип Тайлер мог бы понять что к чему, но уж во всяком случае не я... Ну, ладно, - сказал он. - Мне пора бежать.

- Пока, Роб.

- Пспеши, Джек! - сказал он на прощанье и закрыл за собой дверь.

Джек с минуту посидел, откинувшись на спинку стула и улыбаясь собственным мыслям, потом сунул кое-какие бумаги в портфель и встал.

- Да, - сказал он вслух. - Просто доказать ему, что я еще не забыл, как это делается.

Надев пальто, он вышел на улицу. Машину он запарковал на Декатур-роад. У него был "фольксваген" пятилетней давности. Для узких улиц Аннаполиса практичней машины не придумать, так что он решительно отказывался от покупки

"порша" - вроде того, что у Кэти, на котором она гоняет в Балтимор. Он тысячу раз говорил ей, что иметь три машины на двоих глупо. Его "фольксваген", ее "порш-911" да еще фургон. И предложение Кэти продать "фольксваген" и ездить на фургоне тоже неприемлемо.

Мотор сразу завелся - с этим тут в порядке. Но тархтел он слишком уж сильно. Надо проверить глушитель. Выезжая через ворота номер три, Райан удивился, что часовой отдал ему честь - это было в новинку.

Вести машину было непросто. Тем более, что то и дело приходилось переключать скорости. Да и движение уже было будь здоров - тысячи служащих устремлялись по домам. Райану то и дело приходилось останавливаться и начинать все сначала, с первой скорости. У его "фольксвагена" было пять скоростей, не считая задней, и к тому времени как он добрался наконец до Сентрал-авеню, он уже десять раз спросил себя, почему он в свое время не купил "фольксваген" с автоматикой. Ответ был ясен: экономия бензина. "Стоит ли так потеть из-за двух миль на галлон?" Он свернул в сторону Чесапик-бей, а затем выехал на Дорогу Соколиного гнезда.

Тут движение было редким. Дорога Соколиного гнезда заканчивалась тупиком недалеко от его дома, а несколько ферм, расположившихся по ту сторону дороги, в начале зимы пребывали в спячке. На Перигрин-клифе у Райана было тридцать акров.

Ближайший сосед, инженер Арт Палмер, жил в полумиле от них - через лесистые склоны и угрюмый ручей. Скалы на западном берегу Чесапикского залива, где жил Джек, были почти пятнадцать метров высотой, а дальше, на юг, они были даже выше. Приманка для палеонтологов. То и дело сюда наезжали команды из местных колледжей или из музея и, глядишь, находили какой-нибудь зуб, принадлежавший когда-то созданию величиной с небольшую подлодку. Или кости еще более немислимых тварей, живших тут сто миллионов лет назад.

Скверным оказалось то, что скалы были подвержены эрозии. Их дом стоял в тридцати метрах от обрыва, и Салли было строжайше запрещено приближаться к нему. Запрет этот дважды пришлось подкреплять шлепками. Пытаясь сохранить облик скал, местные защитники окружающей среды убедили Райана и его соседей сажать здесь кудзу, плодovitый сорняк с юга Америки. Сорняк и в самом деле укрепил скалы, но потом начал теснить деревья, и, чтобы спасти их, Джеку приходилось время от времени прибегать к помощи химикалий. Впрочем, в это время года бороться с сорняками не было необходимости.

Участок Райана только наполовину был покрыт лесом. Землю возле дороги когда-то обрабатывали, но без особого успеха, поскольку трактору там негде было разгуляться из-за неровностей почвы. Чем ближе к дому, тем больше было деревьев - старые, корявые дубы и прочие лиственные, теперь обнаженные, тянущие 151 свои костистые ветви навстречу холодному воздуху. Подрулив к гаражу, он понял, что Кэти уже дома - ее "порш" стоял под навесом, рядом с фургоном.

Пришлось оставить "фольксваген на улице.

Салли выскочила навстречу ему с воплем:

- Папа!

- Тут холодно, - сказал он.

- И совсем нет, - ответила Салли, схватила его портфель и, пыхтя,

потащила его в дом.

Райан выбрался из пальто и повесил его в стенном шкафу. С одной рукой все становилось проблемой - даже пальто вот... То есть мало-помалу он уже включал левую руку в работу, но так, чтобы не растревожить плечо. Оно практически уже не болело, но он знал, что стоило сделать одно неосторожное движение, и оно даст о себе знать.

Кэти была на кухне - проверяла кладовку и хмурилась при этом.

- Привет, дорогая.

- Привет, Джек. Ты что-то поздно сегодня:

- Ты тоже.

Он поцеловал ее, и она, уловив исходящий от него запах, сморщила нос.

- Как Робби?

- Отлично. Я выпил только две маленьких... - Ясно, - сказала она и снова повернулась к кладовке. - Что тебе на ужин?

- А ты меня удиви чем-нибудь, - предложил он.

- Но от тебя же никакой помощи! Это ты должен меня удивить.

- Очередь не моя! Забыла?

- Не забыла, - вздохнула Кэти. - Надо было мне заскочить в супермаркет...

- Как на работе?

- Всего одна операция - помогала Верни в пересадке роговицы. А потом водила больных на прогулку. Скучный день. Завтра будет повеселей. Кстати, Верни передавал тебе привет. Как ты отнесешься к сосискам с фасолью?

Джек рассмеялся. С тех пор как они вернулись домой, их меню неизменно состояло из простейших блюд, и сегодня уже было поздновато для чего-нибудь особенного.

- Ладно. Я переоденусь и постучу малость на компьютере.

- Осторожно с рукой, Джек.

"По пять раз в день она меня предупреждает, - вздохнул Джек. - Никогда не женись на враче".

К гостиной примыкала смотревшая на залив просторная терраса. Потолок в гостиной был а-ля готика - уходил вверх углом: от его верхней точки до покрытого ковром пола было около пяти метров. Райан бодро взбежал по ступенькам на второй этаж, где была его с Кэти спальня, отыскал в одном из шкафов домашнюю одежду и приступил к нелегкому делу - переодеванию при помощи всего лишь одной руки. Потом, миновав гостиную, он спустился на этаж ниже - в библиотеку. Она была обширной. Райан много читал, а кроме того, покупал книги, на чтение которых у него не было времени, - покупал в надежде, что когда-нибудь это время у него появится. Возле выходившего на залив окна просторно раскинулся письменный стол, на котором стоял компьютер со всем хозяйством. Райан включил его, отстукал соответствующую команду и через секунду уже изучал данные об акциях компании Холловер за последние три года. Акции этой компании котировались весьма низко - от двух долларов до шести. Правда, это было два года тому назад. Какое-то время эта компания считалась многообещающей, но потом вкладчики почему-то утратили к ней доверие. Судя по последнему годовому отчету, компания получала все-таки прибыль, хотя и незначительную. Обычное дело с современной технологией:

вкладчики рассчитывают на очень быстрый оборот капитала, а когда этого не случается, ищут что-нибудь другое. Судя по всему, теперь компания нащупала какой-то смелый ход и собиралась сделать его. Райан прикинул, сколько может этой компании принести контракт с ВМС...

"Ладно!" - сказал он, выключив компьютер. Теперь надо было позвонить маклеру.

- Привет, Морт. Это Джек. Как семья?
- Добрый вечер, доктор Райан. Все в порядке. Чем могу служить?
- Компания Холловер, Хайвей сто двадцать восемь, в пригороде Бостона.
- Сейчас.

Райану было слышно, как тот застучал по клавиатуре компьютера. Везде компьютеры!

- Ага, вот она. Идет на четыре семьдесят восемь. Довольно вяло... до последнего времени. В последние месяцы признаки кое-какого оживления.

- Какого рода? - спросил Райан.

- Минутку... Ага, ясно. Они покупают свои акции. "Вот оно!" - усмехнулся Райан. - Спасибо, Робби. - Интересно, - задумался он, - не подпадает ли это под определение сделок, совершенных на основании внутренней информации? Первоначальную информацию, полученную им, можно было характеризовать подобным образом, но решение покупать акции зиждилось на сведениях, полученных законным образом, и на базе его личного опыта. - О'кей, это вполне законно", - сказал он себе.

- Сколько, думаете, вы могли бы купить для меня?
- Акции-то не больно впечатляющи...
- Как часто я ошибался, Морт?
- Сколько вы хотите?
- Как можно больше.

Все равно он не мог купить больше пятидесяти тысяч акций, но так или иначе он решил завладеть как можно большим числом их. Потеряет так потеряет... Но давно уже не охватывало его такое чувство уверенности в удаче. Если эта компания получит контракт с ВМС, акции подскочат в десятки раз. И сама компания о такой возможности уже знает. Скупка собственных акций при столь тощих ресурсах означает - если Райан верно понимает ситуацию, - что компания намерена резко расширить оперативную базу. Компания делала ставку на будущее, и ставка эта была высокой.

- Что вам известно, Джек? - спросил маклер после довольно продолжительного молчания.

- Я доверяю интуиции.
- О'кей... Я позвоню вам завтра в десять. Думаете, я?..
- Это риск. Но, полагаю, с хорошими шансами...
- Хорошо. Что-нибудь еще?
- Нет. Меня ждет ужин. Всего хорошего, Морт.

- Пока, - сказал маклер и, положив трубку, решил, что и для себя купит тысячу этих акций. Райану случалось ошибаться, но когда он был прав, он бывал очень даже прав.

- В Рождество, - тихо сказал О'Доннелл. - Превосходно.
- Они что, в этот день будут перевозить Сина? - спросил Маккини.
- Его повезут из Лондона в четыре утра, в фургоне. Это чертовски хорошие новости. Я боялся, что потащат его на вертолете. Какой дорогой они поедут, неизвестно, - читал он. - Но в восемь тридцать они погрузятся на паром в Лаймингтоне. Великолепное время, честно говоря. Большого движения еще нет. Все сидят по домам и открывают рождественские подарки или наряжаются перед походом в церковь. Может, этот фургон и вовсе будет без сопровождения... Ну кому придет в голову, что заключенного будут этапировать в Рождество?
- Значит, мы попытаемся освободить Сина?
- Майкл, когда наши люди под замком, от них мало пользы, не так ли? Мы вылетаем вместе завтра утром. Надо съездить в Лаймингтон и взглянуть на паром.

Глава 8

ПРАЗДНИК

- Боже, скорее бы уже моя рука пришла в норму, - сказал Райан.
- Еще две, от силы три недели. Только не вынимай руку из подвязки, напомнила Кэти.
- Слушаюсь, милая.
Было около двух часов ночи. Согласно семейной традиции - пусть и всего трехлетней давности, - надо было, дождавшись, когда Салли уснет, прокрасться в подвал, где хранились игрушки, притащить их наверх и украсить елку. В предыдущие два года эта операция сопровождалась шампанским. Украшать елку, будучи при этом изрядно навеселе, - лучшего праздника не придумать.
Сначала все шло отлично. К семи вечера Джек отвез Салли на мессу для детей в церковь Святой Марии, сразу после девяти он уложил ее в постель. Ее головка еще дважды высывалась из-за камина, но Джек самым решительным образом скомандовал:
"Марш в постель!" Салли ушла и вскоре заснула, прижимая к себе говорящего медведя. В полночь они решили, что она спит уже достаточно крепко, так что можно и пошуметь малость. Разувшись, чтобы не издавать лишнего шума, они отправились в подвал. Джек, само собой разумеется, забыл ключ от висячего замка - пришлось ему подниматься за ним в спальню. Наконец, дверь была отперта. Каждый из них спустился в подвал по четыре раза, и вскоре под елкой высилась груда разноцветных коробок. Потом Джек притащил ящик с инструментами.
- Знаешь два самых противных слова по-английски? - спросил Джек часа через два.
- Собери сам - ответила Кэти, смеясь. - Милый, я это сказала в прошлом году.
- Отвертку, - сказал Джек, протягивая руку. Кэти сунула в ладонь отвертку - как хирургический инструмент. Они сидели на ковре среди

разбросанных повсюду игрушек - часть из них уже была собрана, другую еще только предстояло собрать.

- Давай я буду собирать, - сказала Кэти, увидев, что Джек изрядно уже измучался.

- Это мужская работа, - ответил он и отхлебнул шампанского.

- Ты типичный шовинист, презирающий женщин! Без меня ты не кончишь и к Пасхе.

Она была права. Собрать все это, даже и в подпитии, - несложно. Сложность была в его руке. С одной рукой, да еще поддавши, - это... Проклятые шурупы не входили куда им было положено, и вообще инструкция могла бы быть и попроще составлена!

- Зачем куклам дом? - жалобно спросил Джек.

- Да, быть шовинистом трудно. Трудно обходиться без женщин. Вы ведь ничего не понимаете, - сочувственно сказал Кэти. - Мужчинам большего, нежели бейсбольные клюшки, не дано, благо клюшка - игрушка примитивная, из одного куска сделанная.

- Ну тогда хотя бы выпей еще стакан.

- Стакан в неделю - мой предел. И я уже его достигла.

- А мне пришлось выпить все остальное.

- Это ты ведь купил бутылку. И большую при этом. Райан повернулся спиной к дому для куклы по имени Барби. Ему казалось, что он помнил, когда именно эта треклятая Барби появилась в продаже - довольно примитивное существо, но все девочки от нее без ума. Ему тогда и в голову не приходило, что однажды у него тоже будет дочь. "Чего только не сделаешь для ребенка, - сказал он сам себе, усмехаясь. - Конечно, и себе в удовольствие тоже. Завтра все это станет всего лишь забавным воспоминанием, как и прошлогодняя рождественская ночь, когда я вот этой самой отверткой чуть не проткнул себе ладонь". Если он не призовет на помощь жену, подумал он, ему не кончить до следующего Рождества. Он вздохнул и, подавив гордость, сказал:

- На помощь!

Кэти взглянула на часы.

- Для этого тебе потребовалось на сорок минут больше, чем я предполагала.

- С годами, видно, труднее стал соображать.

- Бедняжке пришлось выдуть все шампанское, - она поцеловала его в лоб.

Отвертку.

Он протянул ей отвертку. Кэти окинула глазом чертеж.

- Не мудрено... Тут же нужен длинный винт, а не короткий.

- Я все время забываю, что женился на первоклассном механике. На хорошеньком, умненьком и крайне симпатичном механике, - он провел пальцем по ее шее.

- Вот это уже лучше.

- Который куда лучше управляется с инструментами, чем я, однорукий.

Она обернулась к нему с улыбкой.

- Дай мне еще один винт, и я тебя прощу.

- Ты не думаешь, что сперва надо достроить кукольный дом?

- Винт, черт побери! Он протянул ей винт.

- У тебя мозги работают лишь в одном направлении, - сказала она, - но я все равно, так и быть, прощу тебя.

- Спасибо. Если бы это не сработало, у меня все равно было еще кое-что запланировано.

- Ого, неужели Санта Клаус что-то и для меня принес?

- Я не уверен. Надо будет проверить.

- Ты не так уж и плохо справился, принимая во внимание... - сказала она, привинчивая оранжевую крышу. - Ну вот, все, кажется.

- Спасибо за помощь, детка, - сказал Джек.

- Рассказывала я тебе... Нет, не рассказывала. Одна фрейлина, графиня...

Ну, прямо из "Унесенных ветром", - хохотнула Кэти. Этим эпитетом она обозначала женщин, от которых нет никакой пользы. - Она спросила меня, вышиваю ли я по канве.

"Таких вопросов нельзя задавать моей жене", - ухмыльнулся Джек.

- Ну, и что ты ей ответила?

- Вышиваю, но только на глазных яблоках.

- И, конечно, с такой же, как сейчас, милой и дерзкой улыбкой...

Надеюсь, хотя бы не за столом ты ее поддела?

- Джек! Ты же меня знаешь. Она была вполне мила и хорошо играла на рояле.

- Так же хорошо, как ты?

- Нет, - улыбнулась Кэти.

Ухватив ее за кончик носа, он продекламировал:

- Каролина Райан, доктор, женщина свободных нравов, хирург-офтальмолог, пианистка с мировой известностью, жена и мать, спуску никому не дает.

- Кроме мужа.

- Когда это я в последний раз тягался с тобой?

- Но мы не соревнуемся. У нас с тобой любовь, - она прижалась к нему.

- Это верно, - сказал он, целуя ее. - Многие ли, по-твоему, способны пребывать в любви после стольких, как у нас, лет семейной жизни?

- Не многие, а только везунчики вроде тебя, старый ты болтун.

Подумаешь:

"После стольких лет семейной жизни". И не стыдно?

Поцеловав ее, он встал с пола. С оглядкой миновав всю грудку игрушек, он извлек из-под елки маленькую коробочку, завернутую в зеленую бумагу. Снова усевшись возле жены, он бросил коробку ей на колени.

- С Рождеством, Кэти.

Она набросилась на подарок с нетерпением ребенка и разорвала обертку. Там оказалась бархатная коробочка, а в ней золотое ожерелье - судя по всему, из дорогих. Джек затаил дыхание. Он не был силен в умении выбрать подарок. Но тут ему помогала Сисси Джексон.

- Да, - сказала она восхищенно. - В бассейне, я буду его снимать.

- Давай я застегну, - Джек с легкостью справился с замочком одной рукой.

- Ты, я вижу, тренировался... Чтобы самому надеть мне его на шею, да?

- Целую неделю. На работе.

- Оно просто великолепно, Джек! - воскликнула Кэти и поцеловала его.
- Оно попало мне на глаза случайно, - соврал он. На самом деле он искал его не меньше девяти часов и обошел семь магазинов.
- Джек, а я с подарком оказалась не на уровне...
- Брось. Ты мой самый лучший подарок.
- Ты сентиментальный чудаков, прямо из какой-то старой книжки. Но я не возражаю.
- Так тебе оно нравится"? - осторожно спросил он.
- Ты тупица! Я от него без ума! Они снова поцеловались. Родителей Джек потерял, сестра его жила в Сиэтле, прочие родичи - в Чикаго. Все, что он любил, было сосредоточено здесь, в этом доме: жена, ребенок и еще один, будущий. Ему удалось обрадовать жену на Рождество, - значит, в их семейной летописи этот год будет значиться как счастливый.

Примерно в то время, когда Райан принялся за сборку кукольного дома, четыре одинаковых голубых фургона выехали - с интервалом в пять минут - из ворот брикстонской тюрьмы. Все четыре полчаса кружили по окраинным улицам Лондона, а двое полицейских - в каждом из них - не отрывали глаз от маленького окошечка сзади, высматривая, не пристроится ли к ним какая-нибудь машина.

Для этапирования день был во всех смыслах удачный. Типичное английское зимнее утро. Фургоны продирались сквозь завесу тумана и дождя. На Ла-Манше был шторм, и даже здесь, у Лондоне, это чувствовалось. Но главное - было темно.

Солнце должно было взойти лишь через несколько часов, а пока голубого цвета фургоны были почти не видны в сумерках раннего утра.

Меры безопасности были настолько строгими, что сержант Боб Хайленд из Си-13 заранее даже не знал, что его фургон выедет из тюремных ворот третьим по счету. Не знал он и того, что будет всего в метре сидеть от Сина Миллера и что отправятся они в небольшой порт Лаймингтон. До острова Уайт они могли добраться из трех портов, причем на одном из трех видов паромов: обычном, на воздушной подушке или на подводных крыльях. Не исключено, что они воспользуются вертолетом... Но Хайленд только глянул на беззвездное небо и тут же отменил последний вариант.

"Это не то", - сказал он себе. А кроме того, меры безопасности были приняты чрезвычайные. Не более тридцати человек знали о том, что Миллера будут этим утром этапировать. Сам Миллер узнал об этапе только три часа назад. И он понятия не имеет, в какую тюрьму его везут. Об этом он узнает лишь когда окажется на острове.

С годами становилось все яснее, что британская тюремная система далеко не идеальна. Оказалось, что бежать из этих расположенных в уединенных местах Дортмуре или Корнуолле - старинных, внушающих страх стен, поразительно легко. И в результате, на острове Уайт воздвигли две новые тюрьмы особо строгого режима - Олбани и Паркхерст. В этом был свой смысл. Во-первых, на острове легче организовать охрану. А во-вторых, и это было важнее, Уайт был

довольно малонаселенным островом и любой незнакомец тут же привлек бы к себе внимание.

Новые тюрьмы в известном смысле были даже комфортабельнее, чем старые, вековой давности. Но зато вместе с улучшением условий содержания заключенных, здесь использовались все достижения современной техники, затрудняющие побег. Конечно, нет ничего в жизни невозможного, однако тут были установлены телевизионные камеры, благодаря которым просматривался каждый сантиметр тюремной стены, была введена в действие система электронной сигнализации, и охрана вооружена автоматами.

Хайленд потягивался и позевывал. Если повезет, он вернется домой где-то после обеда и проведет с семьей хотя бы часть Рождества.

- Пока не видать ничего, что могло бы нам помешать, - сказал другой констебль, уткнувшийся носом в дверное окошко. - На улицах машин - раз-два и обчелся, и ни одна не следует за нами.

- Тем лучше, - заметил Хайленд. Он обернулся - взглянуть, как там Миллер.

Тот сидел на левой скамейке. Его руки были в наручниках, и от них тянулась цепь к ножным кандалам. Если скованному так человеку помочь, то он мог бы не отстать от ползунка, но маловероятно, чтобы он был способен догнать двухгодовалого малыша. Миллер сидел, откинув голову к стене и закрыл глаза.

Голова его моталась туда-сюда, когда фургон подбрасывало на ходу. Казалось, он спал, но Хайленд знал, что это не так. Миллер просто снова ушел в себя.

"О чем ты думаешь, мистер Миллер?" - хотелось спросить Хайленду. Желание это вовсе не означало, что он был лишен возможности задавать вопросы Миллеру.

Чуть ли не каждый день после инцидента на Моу Хайленд и еще несколько детективов проводили по несколько часов за грубым деревянным столом, на Другом конце которого сидел вот этот молодой человек. Разговорить его было трудно.

Парень был крепким, признался самому себе Хайленд. За все время он произнес всего одно слово, и было это девять дней тому назад. Надзиратель, у которого эмоции возобладали над соображениями долга, под предлогом, что в камере Миллера испортился водопровод, временно перевел его в камеру, где сидели два "ОПП", то бишь "обычные порядочные преступники", как их звали в тюрьме в противовес политическим, с которыми имели дело сотрудники Си-13. Один из них ждал приговора по делу о серии уличных грабежей, другой - за убийство владельца магазина в Кенсингтоне. Оба знали, кем был Миллер, и, ненавидя его, усмотрели в нем возможность загладить содеянные ими преступления, в которых они на самом деле ничуть не раскаивались. Когда Хайленд пришел за ним, чтобы отвести на очередной бесполезный допрос, он увидел, что Миллер лежит на полу лицом вниз штаны его были спущены, а на нем возлежал грабитель. Зрелище было настолько ужасным, что Хайленд, по правде говоря, посочувствовал террористу. По команде Хайленда "ОПП" отошли в угол камеры, и, когда дверь была открыта, Хайленд помог Миллеру подняться с пола и отвел его в медпункт. И только там Миллер впервые заговорил с ним, словно

вдруг усмотрев в нем человеческое существо. "Спасибо", - выговорил он разбитыми, кровоточащими губами.

"Полицейский спасает террориста! Какой заголовочек для газет", - думал Хайленд. Надзиратель, конечно, заявил, что вины его тут нет. Водопровод в камере Миллера действительно был испорчен, а водопроводчик по каким-то причинам не спешил, самого же надзирателя в тот момент вызвали наводить порядок в какой-то другой камере. Он не слышал, чтобы из того блока доносился какой-либо шум. Ни звука. Лицо Миллера было сплошной кровавой массой. И хотя сочувствие к нему недолго жило в душе Хайленда, на надзирателя он был все еще зол. Содеянное тем было оскорблением чувства профессионализма Хайленда. Мало того, что это было нарушением правил, это потенциально было первым шагом назад - к дыбе и раскаленным щипцам. Закон ведь нацелен не столько на защиту общества от преступников, сколько на защиту общества от самого себя. Эту истину понимали далеко не все полицейские, но Хайленд хорошо усвоил ее за пять лет работы в Отделе борьбы с терроризмом. Истина была из трудных, особенно когда ты видишь, что творят террористы.

На лице Миллера еще были видны следы побоев, но он был молод, и все на нем заживало быстро. Только на несколько минут он предстал в облике жертвы человека, ставшего жертвой. Теперь он снова был всего лишь животным. Хайленду трудно было заставить себя смотреть на него как на человека, хотя именно этого требовала от него его профессия. "Считать человеком даже таких, как ты". Он отвернулся от Миллера, снова уставясь в заднее окошко.

Скучное это было дело - ни тебе радио, ни поболтать, знай лишь проявляй бдительность, хотя ясней ясного, что опасаться нечего. Хайленд пожалел, что налил в термос чай, а не кофе. Вот они миновали Уокинг, потом Олдершот и Фарнхэм. Теперь они были в Южной Англии, повсюду импозантные дома владельцев скаковых лошадей и менее солидные дома тех, кто на них работал. Жаль, что было темно, иначе можно было бы поглазеть по сторонам - все не так скучно. В долинах лежал туман, дождь молотил по крыше фургона, а извилистая дорога, характерная для сельских местностей Англии, была узка, так что шоферу надо было быть внимательным. Одно хорошо - дорога была почти пуста. Тут и там порой виднелся свет в каком-нибудь окне, но не более того.

Часом позже фургон, дабы объехать Саутгемптон, вышел на шоссе М-25, а потом свернул на проселочную дорогу - класса "А", - по направлению к Лаймингтону. Небольшие деревни встречались им каждые несколько миль. Уже тут и там видны были признаки жизни. Возле булочных стояли фуры - из них выгружали свежий, горячий еще хлеб. Уже шла в церквах заутреня, но настоящее движение начнется только с восходом солнца, до которого было еще часа два. Чем ближе к морю, тем хуже была погода, ветер все усиливался. Он разогнал туман, но зато пелена дождя стала плотней и порывы ветра неистовей - фургон раскачивало.

- Хреновый денек для морских путешествий, - сказал второй полицейский.

- Всего полчаса, - ответил Хайленд, но уже при одной лишь мысли о морской качке желудок его сжался. Несмотря на принадлежность к нации моряков, он терпеть не мог морской болтанки.

- В такой день? Не менее часа, - сказал тот и замурлыкал себе под нос

"Жизнь на качающейся волне".

Хайленду заранее стало жаль того обильного завтрака, с которым он управился сегодня дома перед поездкой. - "Ничего, - уговаривал он себя. Доставим мистера Миллера - и домой. Два дня отпуска. Я, черт побери, их заслужил". Через полчаса они прибыли в Лаймингтон.

Хайленду уже приходилось бывать тут, и хотя ничего почти не было видно, он более или менее помнил, как там все выглядит. Ветер с моря дул теперь со скоростью не менее сорока миль в час - настоящий шторм. Паром "Сенлэк" уже ждал их в доке. Только за полчаса до того капитану сообщили, что на борту будет "особый пассажир". Это объясняло наличие четверых вооруженных полицейских, разместившихся в разных концах парома. Операция эта не должна была привлекать к себе излишнего внимания, и уж ни в коем случае осложнять жизнь прочих пассажиров.

Паром отчалил ровно в половине девятого. Хайленд с другим констеблем остались в фургоне, тогда как шофер с офицером стояли снаружи. "Еще часок, сказал себе Хайленд, - потом еще минут десять до тюрьмы - а затем уже спокойненько назад, в Лондон. Можно будет даже вздремнуть". Рождественский обед планировался на четыре часа дня, и он представил себе...

Вдруг его мечтания были прерваны.

"Сенлэк" вошел в Солент, пролив, отделяющий английский материк от острова Уайт. Считалось, что это спокойные воды... Хайленду даже и думать не хотелось о том, что же тогда творится в открытом море. Паром был небольшой, так что его кренило теперь в обе стороны градусов на пятнадцать.

"Черт побери", - пробормотал сержант и бросил взгляд на Миллера. Выражение его лица не изменилось ни на йоту. Он сидел как истукан - голова откинута к стенке, глаза закрыты, руки на коленях. Хайленд решил тоже расслабиться. За дорогой теперь все равно ведь не надо было наблюдать. Он откинулся назад и вытянул ноги, пристроив их на скамью напротив. Где-то он вычитал, что с закрытыми глазами так укачивает. Миллера опасаться не приходилось. Оружия у Хайленда, конечно, не было, а ключ от наручников и кандалов находился в кармане у шофера. Он закрыл глаза. И правда - немного вроде бы полегчало. Желудок хотя и давал о себе знать, но терпимо. Хайленд лишь уповал, что не будет хуже, когда они выйдут в открытое море.

И тут голова его дернулась при звуке автоматных очередей. Заверещали голоса женщин и детей, им вторили хриплые мужские выкрики. Где-то заревел гудок машины, да так и не переставал реветь. Опять стрельба. Хайленд узнал отрывистый лай пистолетов, которыми были вооружены детективы, - в ответ им раздалось стаккато автомата. Вряд ли это длилось более минуты. Паром начал издавать короткие, громкие гудки, но потом замолк, и только та машина все гудела и гудела. Крики стихли. Уже не было взвизгов, теперь это скорее напоминало стон ужаса. Еще несколько автоматных очередей вспороли воздух, и наступило молчание.

Это молчание испугало Хайленда больше всего. Он выглянул в окно - только машина да темное море за ней. Это еще не все, он знал это. Рука его нырнула в карман, но пистолета там не было.

"Как они узнали... как эти гады узнали, что мы тут?" - спрашивал он себя.

Опять громкие выкрики, на этот раз в тоне приказов, которым не воспротивится никто, кто хочет пережить этот рождественский день. Хайленд сжал кулаки. Он взглянул на Миллера. Террорист смотрел на него. Лучше было бы увидеть выражение жестокости, чем ту пустоту, что была на этом молодом, безжалостном лице.

Металлическая дверь затряслась от толчка чьей-то руки.

- Открой или мы ее взорвем к чертовой матери!

- Что делать? - спросил второй полицейский.

- Придется открыть.

- Но...

- Что "но"? Ждать, когда они приставят револьвер к голове какого-нибудь ребенка? Они выиграли, - с этими словами Хайленд нажал на ручку, и обе дверцы распахнулись.

Их было трое. В лыжных масках и с автоматами.

- Оружие! - приказал высокий.

Хайленд отметил, что у него ирландский акцент, и это его ничуть не удивило.

- Мы не вооружены, - сказал сержант и поднял руки вверх.

- Выходи. По одному и - ничком на палубу. - Приказы отдавались властно, но голосом, в котором не было и тени угрозы. Он не утруждал себя ими.

Хайленд вылез из фургона и опустился на колени, но тут его пнули в спину, и он упал лицом вниз. Через секунду второй полицейский оказался рядом с ним.

- Привет, Син, - послышался голос. - Ты ведь не думал, что мы забудем тебя, а?

Миллер молчал, к удивлению Хайленда. Он услышал позвякивание цепи, потом увидел ноги того, кто подошел к фургону помочь Миллеру спуститься на палубу.

"Шофер, видно, убит", - подумал Хайленд. Ключи были у террористов. Он услышал позвякивание кандалов, потом пара рук подхватила Миллера и помогла ему подняться на ноги. Миллер начал растирать запястья и наконец улыбнулся, оглядывая палубу. Затем он посмотрел на Хайленда.

Ему го не было особого смысла таращиться на террориста. На палубе валялась по меньшей мере трое убитых. Одетый в черное бандит столкнул голову мертвого с руля машины, и гудок наконец смолк. В стороне, метрах в шести, стонал, схватившись за простреленный живот какой-то человек, а над ним склонилась женщина - видно, его жена. Остальные пассажиры сидели группами на палубе - у всех руки на затылке. Возле каждой группы стоял вооруженный террорист. Хайленд отметил, что террористы лишнего шума не производили. Тренированные парни. Шум исходил только от пассажиров. Дети плакали. И характерно, что их родители вели себя лучше, чем те, у кого не было детей. Родителям надо было проявлять выдержку, чтобы как-то защитить своих детей, тогда как одинокие дрожали лишь за свою жизнь. Кое-кто из них плакал, всхлипывая.

- Вы Роберт Хайленд, - спокойно сказал высокий. - Сержант Хайленд из знаменитого Си-13?

- Так точно, - ответил сержант. Он знал, что смерть близко. Жутко

умирать в день Рождества. Но коли так, ему нечего терять. Просить о пощаде он не будет.

- А вы кто такие?

- Друзья Сина, конечно. Неужели вы думали, мы его оставим в ваших руках? Судя по голосу, это был образованный человек. - Есть у вас что-то еще сказать?

- спросил он.

У Хайленда было что сказать, но он знал, что это уже никакого значения не имеет. Он даже не будет развлекать их проклятьями. Ему вдруг пришло в голову, что сейчас он отчасти понимает Миллера. И мысль эта пронзила его, вытеснив страх. Теперь он знал, почему Миллер молчал. "Что за чушь у меня в голове в такой момент!" - подумал он.

- Кончайте и - к делу, - раздался приказ.

Ему были видны только глаза высокого, а что тот делал, он не видел.

Хайленда это разозлило. Теперь, когда смерть была рядом, он почему-то злился на всякую ерунду. Высокий отстегнул от пояса пистолет и протянул Миллеру.

- Эта работка для тебя, Син.

Син сжал пистолет в левой руке и в последний раз взглянул на Хайленда.

"Этому пидару что меня убить, что кролика", - подумал Хайленд.

- Мне бы оставить тебя там, в той камере, - сказал Хайленд без всякого выражения.

Миллер подумал секунду, подыскивая подходящий ответ. Наконец он вспомнил слова Сталина и поднял пистолет.

- Благодарность, мистер Хайленд... это собачья болезнь. - И выстрелил дважды.

- Пошли, - сказал О'Доннелл.

Еще один человек в черном появился на палубе для машин и вприпрыжку подбежал к О'Доннеллу.

- Оба двигателя выведены из строя.

О'Доннелл посмотрел на часы. Все шло почти без сучка без задоринки. План был что надо, только вот погода подвела. Видимость была меньше мили и...

- Вот он, заходит с кормы, - крикнул кто-то.

- Терпение, ребята.

- Кто вы, черт побери? - спросил лежавший на палубе полицейский.

Это была оплошность, и О'Доннелл исправил ее, дав автоматную очередь.

Вновь взметнулись в небо крики, но тут же угасли в вое ветра. О'Доннелл достал из кармана свисток и дунул в него. Штурмовая группа выстроилась вокруг него. Их было семеро, плюс Син. "Не зря их натаскивали", - с удовлетворением отметил О'Доннелл. Они стояли, нацелив автоматы на этих запуганных до смерти пассажиров, готовые открыть стрельбу, если кто-то из них окажется настолько глуп, чтобы решиться на что-нибудь. Капитан стоял на мостике, более всего озабоченный тем, как ему далее быть с паромом - в такую погоду да еще без двигателя. О'Доннелл подумывал о том, чтобы перебить всех и затопить паром, однако отринул этот вариант, сочтя, что он принесет больше вреда, нежели пользы. Лучше оставить в живых свидетелей его победы, а то

британцы так и не узнают о ней.

- Готовы! - крикнул стоявший на корме.

Террористы двинулись цепочкой по направлению к корме. За бортом перекачивались трехметровые волны. О'Доннелл знал, что, когда их уже не будет прикрывать мыс Сконс Пойнт, дело будет еще хуже. Это был риск, но О'Доннелл шел на него с куда большей готовностью, нежели капитан парома.

Катер марки "Зодиак" - около десяти метров длиной - пришвартовался к парому с подветренной стороны, держась - при помощи двигателей - все же на некотором расстоянии.

- Пошли! - скомандовал О'Доннелл.

Первый террорист прыгнул на палубу катера и тут же откатился к правому борту, освобождая место следующему. За ним второй, третий... Они отработывали этот маневр в качку посерьезней нынешней, так что все шло как по маслу - и минуты не потребовалось. Последними были О'Доннелл и Миллер, и, едва они коснулись палубы, катер взревел моторами, отошел от парома и устремился в направлении Ла-Манша. О'Доннелл бросил последний взгляд на паром и прощально махнул рукой стоящим на палубе.

- Добро пожаловать к нам, Син, - прокричал он Миллеру.

- Я не сказал им ни слова, - ответил тот.

- Я знаю.

О'Доннелл протянул Миллеру фляжку с виски. Миллер сделал пару добрых глотков. Он совсем забыл вкус виски, а когда льет холодный дождь этот вкус еще прекрасней.

"Зодиак" скользил по верхушкам волн не хуже судна на подводных крыльях, продираясь сквозь завесу дождя и штормовые наскоки ветра. За штурвалом стоял опытный моряк - траулеры О'Доннелла давали ему возможность прибегать к услугам испытанных матросов, и эта операция была не первой, когда он воспользовался их помощью. Один из людей О'Доннелла начал раздавать всем спасательные жилеты. Если даже кто-то и увидит их - что было маловероятно, - они сойдут за Специальную службу королевского флота, вышедшую на маневры в рождественское утро. О'Доннелл всегда разрабатывал свои операции с особой тщательностью, стремясь предусмотреть каждую мелочь. Из всех его людей Миллер был первым, оказавшимся в плену, и вот теперь репутация О'Доннелла вновь безупречна. Его люди спрятали автоматы в пластиковые чехлы, чтобы уберечь оружие от ржавчины. Они о чем-то переговаривались, но ничего невозможно было разобрать из-за рева ветра и моторов.

Миллер, прыгая в катер, довольно сильно ушибся и теперь потирал спину.

- Пидары тухлые! - выругался он. Это было здорово - иметь возможность снова говорить.

- Что? - спросил О'Доннелл, стараясь перекрыть шум. Миллер в трех словах рассказал, что с ним было в тюрьме. Он был уверен, что все это подстроил сам Хайленд, чтобы размягчить его, заставить испытывать благодарность. Вот потому он обе пули всадил Хайленду в брюхо - пусть помучается перед смертью. Но этого Миллер боссу не стал говорить. Такие шутики, как ни верти, не к лицу профессионалу. Босс мог этого не одобрить.

- А где эта падла Райан? - спросил Миллер.

- Дома, в Америке, - О'Доннелл взглянул на часы и отсчитал назад

четверть суток. - Дрыхнет, небось, в своей постели.

- Он отодвинул нас на год назад! - крикнул Миллер. - На целый год!

- Я знал, что ты скажешь это. Но - потом, Син. Миллер кивнул и снова приложился к фляжке.

- Куда мы идем?

- Туда, где потеплее, чем здесь!

"Сенлэк" дрейфовал, гонимый ветром. Как только последний террорист покинул паром, капитан послал свою команду проверить, нет ли где бомб. Они ничего не нашли, но капитан знал, что бомбу могли подложить и в каком-нибудь укромном местечке, благо на пароме их было хоть отбавляй. Инженер вместе с еще одним матросом возились с дизелем. Ветер гнал паром к берегу. Там воды были поспокойней, но все равно - врезаться при такой погоде в берег, это смерть для всех. Он решил было спустить на воду одну из спасательных шлюпок, но это было слишком уж опасно.

Капитан стоял в рулевой будке и смотрел на свои радиопередатчики, разбитые вдребезги. Будь они в порядке, он бы позвал на помощь - буксир, пароход, все равно что, лишь бы его отбуксировали в гавань. Но террористы изрешетили автоматными очередями все три его передатчика.

"Почему эти ублюдки не убили нас?" - спрашивал он себя в бессильной ярости.

Прибежал инженер.

- Починить невозможно. У нас нет нужных инструментов. Эти гады знали, что именно ломать.

- Они отлично знали, что делали. Это уж верно, - согласился капитан.

- Мы опаздываем в Ярмут. Может быть...

- Они спишут это на погоду. Прежде чем они там спохватятся, мы уже сядем на камни, - сказал капитан и вытащил из ящика стола сигнальный пистолет и пластиковую коробку с осветительными ракетами. - Давайте через каждые две минуты.

Я пойду к пассажирам. Если ничего не случится через... сорок минут, мы спустим на воду шлюпки, - Но мы поубиваем раненых, спуская их в - А без этого все будут на дне!

Капитан сошел с мостика. Оказалось, что среди пассажиров был ветеринар.

Раненых было пятеро, и врач, которому помогал один из членов экипажа, хлопотал над ними. На палубе для машин было мокро и шумно. Паром кренило в обе стороны градусов на двадцать, а одно из окон высадили волны, и теперь палубный матрос пытался залатать эту дыру брезентом. Капитан хотел было помочь ему, но, убедившись, что тот, похоже, и сам справится, направился к раненым.

- Как они?

Лицо ветеринара перекосила боль. Один из его пациентов уже умирал, четверо других...

- Возможно, нам вскоре придется перенести их на спасательную шлюпку.

- Это убьет их. Я...

- Радио, - сквозь стиснутые зубы выговорил один из раненых.

- Лежите спокойно, - велел доктор.

- Радио, - упрямо повторил тот. Чтобы не вопить от боли, он с силой

прижимал бинты к животу.

- Эти ублюдки разбили передатчики, - сказал капитан. - Так что...

- Фургон... В фургоне...

- Что?

- Полиция, - выдохнул Хайленд. - Полицейский фургон-Радио...

- Боже мой! - капитан взглянул на фургон. Ему пришло в голову, что передатчик мог не сработать из трюма, и он бросился к рулевой будке за инженером. Надо было извлечь передатчик из фургона, и инженер тут же занялся этим. Потом он подсоединил его к одной из антенн парома, и через каких-нибудь пять минут капитан уже связался с диспетчером полиции.

- Кто это? - спросил тот.

- Это "Сенлэк", чтоб тебе провалиться! Наши передатчики разбиты. Машины не работают, мы дрейфуем. В трех милях от Лайсл-корта. Срочно помощь!

- Ясно. Ждите.

Сержант в Лаймингтоне был не новичком в морском деле. Он снял телефонную трубку и пробежал пальцем по списку номеров спасателей, пока не нашел нужный.

Две минуты спустя он уже связался с капитаном "Сенлэка":

- К вам направляется буксир. Подтвердите ваше положение. Три мили южнее Лайсл-корта?

- Верно, но мы дрейфуем на северо-восток. Наш радар в порядке. Мы можем ориентировать буксир. Скажите ему, ради Бога, чтобы поспешил. На борту раненые.

Сержант даже подпрыгнул на стуле.

- Повторите. Что вы сказали?

Капитан в двух словах описал случившееся. Сержант позвонил своему начальнику, тот связался с местным начальником морских перевозок, а последний начал названивать в Лондон. Через пятнадцать минут летный экипаж Королевского флота уже разогревал моторы вертолета спасательной службы. Сперва они приземлились в Портсмуте, где к ним присоединились врач военно-морского госпиталя и санитар, а затем вертолет устремился прямо в разверстую пасть шторма. Понадобилось двадцать кошмарных минут, прежде чем на экране их радара обозначился паром. И это была еще самая легкая часть дела.

Надо было сохранять скорость сорок узлов, чтобы только держаться над паромом, а ветер то и дело менялся, вихрясь и взбрыкивая. Командир группы сперва обвязал канатом врача, потом, по приказу пилота, начал потихоньку спускать его через открытую дверь. Слава Богу, палуба парома была довольно обширной. Двое матросов на верхней палубе приготовились принять врача в свои объятия. Раньше им такого никогда не случалось делать, но команда вертолета была в таких делах опытной - сперва врач спускался по направлению к палубе довольно быстро, но метра за три спуск стал плавным и медленным. Матросы подхватили врача и отвязали канат. Теперь был черед санитара - тот, спускаясь вниз, громко проклинал свою судьбу и это чертово море с его штормом. Едва санитара избавили от каната, как вертолет взмыл вверх - подальше от опасной пучины.

- лейтенант Дилк, хирург.

- Добро пожаловать. Мой опыт больше был связан с лошадьми и собаками, поспешил объяснить ветеринар. - Один ранен в грудь, трое - в живот. Один умер.

Я сделал все возможное, но... - он умолк. Что еще можно было сказать? - Ебаные убийцы!

Гудок возвестил о том, что буксир на подходе. Матросы, поймав брошенный с буксира трос, закрепили его за кнехты. Но Дилку было не до того - вместе с ветеринаром он принялся за работу.

Вертолет ушел на юго-запад. Миссия его на этот раз была более мрачного свойства. Другой вертолет, с морскими пехотинцами на борту, готовился к взлету с аэродрома Госпорт, пока первый обшаривал радаром морские просторы, выискивая черный катер, десяти метров в длину, типа "Зодиак". Приказ из министерства внутренних дел поступил с рекордной скоростью, и приказ этот был четким исполнить то, чему их обучали: "Обнаружить и уничтожить".

- От радара мало толку, - сказал второй пилот по переговорному устройству.

Первый кивнул в знак согласия. В спокойный день у них был бы неплохой шанс нащупать этот катер, но в такую погоду, как сегодня, от радара действительно было мало проку.

- Они не могли уйти слишком далеко, а видимость отсюда все-таки приличная.

Давай прочешем по квадратам.

- Откуда начнем?

- От Нидлс, потом зайдем в залив Крайстчерч, а затем, если понадобится, на запад. Мы этих гадов нащупаем прежде, чем они доберутся до берега, а там их встретит морская пехота. Ты ведь слышал приказ.

- Точно.

Второй пилот привел в действие тактический навигационный экран. Через полтора часа стало ясно, что они ищут не там. Озадаченные, они были вынуждены вернуться в Госпорт с пустыми руками. Пилот первого вертолета отправился на доклад в штаб. Там были два больших чина из полиции.

- Ну?

- Мы прочесали все от Нидлс до Пул Бей - ничего не пропустили, - доложил пилот, одновременно показав по карте маршрут полета. - В такую погоду этот тип катера может делать узлов двадцать - и то, если у них опытная команда. Мы не могли пропустить их, - отхлебнув из кружки чаю, он устался на карту, в недоумении покачивая головой. - Никак не могли мы их пропустить! Да еще с двумя вертолетами...

- А что, если они пошли в открытое море, на юг?

- Но куда? Даже если у них достаточно топлива, чтобы пересечь Ла-Манш, в чем я сомневаюсь, только сумасшедший решится на это. Там же шестиметровые волны, а ветер все крепчает. Самоубийство, - заключил пилот.

- Ну, мы знаем, что они не сумасшедшие, для этого они слишком умны.

Значит, они никак не могли проскочить мимо вас и незаметно высадиться на берег?

- Нет, это невозможно. Никак, - ответил пилот с нажимом.

- Тогда куда же, к дьяволу, они подевались?

- Прошу прощения, сэр, но я не имею ни малейшего представления. Может, они пошли ко дну.

- Вы верите в это? - требовательным тоном спросил один из полицейских.

- Нет, сэр.

Джеймс Оуинс отвернулся к окну. Пилт прав: шторм крепчал. Зазвонил телефон.

- Это вас, сэр, - передал Оуинсу трубку младший офицер.

- Оуинс. Да? - на лице его появилось выражение печали, потом гнева и снова печали. - Спасибо. Держите нас в курсе. Это из госпиталя. Еще один раненый скончался. Сержант Хайленд сейчас в операционной. Одна из пуль попала в позвоночник. Итого - убитых девять. Джентльмены, что вы можете нам предложить?

В этих обстоятельствах я готов даже обратиться к услугам цыганки.

- Может, от Нидлс они пошли на юг, затем повернули на восток и высадились на острове Уайт. Оуинс покачал головой.

- У нас там люди. Нет.

- Тогда, может, у них условлена встреча с каким-нибудь судном в море. В Ла-Манше все-таки большое движение.

- Можно ли проверить эту гипотезу? Пилот покачал головой.

- Нет. В Дувре есть радар слежения за движением судов, но здесь нет. Мы ведь не можем подниматься на борт каждого судна, не так ли?

- Ну что же, джентльмены, благодарю вас за помощь, и в особенности за быструю доставку хирурга. Мне сказали, что это спасло жизнь нескольким людям.

Оуинс вышел на улицу. Он глянул вверх, на затянутое свинцовым покровом небо и выругался про себя. Он привык скрывать и чувства и мысли. Он часто напоминал своим людям, что в работе полицейского нет места эмоциям. Безусловно, это была чушь, и, подобно другим полицейским, Оуинсу всего лишь удавалось прятать свои чувства. В результате, он вечно таскал с собой таблетки против повышенной кислотности, а дома не мог заснуть без успокаивающих пилюль, и его жена к этому давно уже притерпелась. Он полез в карман за сигаретами и, не найдя их, вспомнил, что бросил курить. "И как это тебе удалось, Джимми?" пробормотал он себе под нос. Какое-то время он постоял под открытым небом, словно надеясь, что холодный дождь немного остудит обуревавший его гнев. Но вместо этого почувствовал озноб. Вот это уж было решительно ни к чему. Ему придется отвечать за все это - отвечать перед комиссаром лондонской полиции, отвечать перед министерством внутренних дел. "А кому-то, слава Богу, не мне придется отвечать и перед короной", - подумал он.

Эта мысль доконала Оуинса. Он подвел их. Подвел уже дважды. Тогда он не сумел узнать о подготовке нападения возле Мола. Только невероятная удача с этим янки спасла положение. А потом, когда все уже вроде бы наладилось, - опять провал. Такого еще никогда не бывало. И ответственность за это лежала на Оуинсе. Он сам разрабатывал маршрут этапирования Миллера. И маршрут и способ этапирования, и организацию охраны. Это он выбрал день. Выбрал маршрут. Отобрал людей - теперь все они мертвы, кроме Боба Хайленда.

"Как они узнали? - спрашивал он себя. - Они знали где, они знали когда.

Как? Надо с этим разобраться". Он знал всех, кто располагал информацией об этапировании Миллера. Каким-то образом произошла утечка. Он вспомнил доклад Эшли по возвращении из Дублина. "Настолько хороший, что вы просто не поверите", - так отозвался этот ублюдок из ВГИРА об источнике информации О'Доннелла.

"Мэрфи ошибался, - подумал детектив. - Теперь этому всякий поверит".

- В Лондон, - сказал он шоферу.

- Чудесный денек, Джек, - заметил Робби, развалившись на диване.

- Неплохой, - согласился Райан. "Мой дом похож на магазин игрушек, в который угодила бомба", - подумал он.

На ковре перед ними Салли возилась со своими новыми игрушками. Более всего ей нравился кукольный дом, с удовлетворением отметил Джек. Салли вскочила с постели в семь утра, подняв и их с Кэти. Так что им удалось поспать всего пять часов. Для Кэти это было особенно тяжело, так что Джек с Робби сами собрали посуду со стола и запустили посудомойку. Теперь их жены болтали о своих делах на другом диване, а они тут потягивали бренди.

- Ты не летаешь завтра? Джексон покачал головой.

- Птичка лежит кверху лапками. Нужен день-другой для ремонта. К тому же, что за Рождество без хорошей выпивки? Завтра я снова на тренажере, ну а пока никто не запретит мне выпить от души. Вот завтра к трем часам мне надо уже быть трезвым.

- Соснуть бы часок.

- Во сколько вы вчера завалились?

- Что-то, думаю, после двух. Робби, убедившись, что Салли не до них, спросил:

"- Трудно быть Санта Клаусом, а? Если ты умудрился собрать все это, может, тебе стоит заняться починкой моего самолета?"

- Подожди пока у меня обе руки будут в порядке, - ответил Джек, жестом предлагая Робби последовать за ним в библиотеку. Едва они скрылись из поля зрения Кэти, Джек освободил руку из перевязи и принялся размахивать ею.

- А что Кэти говорит насчет этого?

- То, что врачи всегда говорят в таких случаях. Если ты поправляешься слишком быстро, это бьет им по карману! - он повертел туда-сюда запястьем. Срослось! Просто невероятно.

- Все еще болит?

- Уже нет. Надеюсь, она будет работать по-прежнему, - сказал Джек и взглянул на часы. - Посмотрим новости?

- Давай.

Райан включил портативный телевизор, стоявший на его столе. Кабельное телевидение уже добралось и до их глуши, так что можно было в любое время смотреть хоть американские, хоть международные новости. Джек плюхнулся в кресло посреди комнаты, а Робби выбрал то, что в углу. До программы новостей оставалось еще несколько минут.

- Как идет книга?

- Понемногу. Вся информация собрана, наконец. Надо написать еще четыре главы и кое-что перемарать наново. И тогда все.

- А почему надо переписывать?

- Оказалось, что у меня были неверные сведения. Ты был прав по поводу проблем с палубной посадкой самолетов у японских авианосцев.

- Да, мне тогда показалось это неверным, - ответил Робби. - Они были хороши, но все же не настолько. Мы будем посильней.

- А что на сегодня?

- Русские? Джек, если кто-то захочет потягаться со мной и моим "томкетом", пусть сперва дважды об этом подумает. Мне, парень, платят не за то, чтобы я проигрывал, - Джексон потянулся всем телом, словно лев, очнувшийся от сна.

- Приятно видеть такую уверенность в себе.

- Есть, конечно, пилоты и получше меня, - согласился Робби. - По правде говоря, трое. Давай поговорим об этом через год, когда я снова войду в форму.

- Ладно! - расхохотался Джек и взглянул на экран. Смех его мгновенно оборвался. - Это он... Но как?

Он увеличил громкость.

"...Убиты, включая пятерых полицейских. Продолжаются интенсивные поиски террористов, освободивших из-под стражи своего товарища во время этапирования последнего в тюрьму на острове Уайт. Син Миллер был всего три недели назад осужден за участие в дерзком нападении возле Букингемского дворца на принца и принцессу Уэльских. Два полицейских и один террорист погибли в ходе этого нападения. Покушение на королевских особ было сорвано благодаря вмешательству американского туриста Джека Райана из Аннаполиса, Мэриленд".

На экране появились бушующие воды Ла-Манша и рыскающий туда-сюда вертолет королевских ВМС. Затем показали кадр, заснятый после суда над Сином Миллером.

За секунду до того, как его усадили в полицейский фургон, Миллер повернулся лицом к камере - и теперь, столько недель спустя, глаза его опять впились в Райана.

- Боже мой... - пробормотал Джек.

Глава 9

ПЛАНЫ И УГРОЗЫ

- Не ругайте себя, Джимми, - сказал Мюррей. - Боб должен выздороветь. А это уже кое-что.

- Конечно, - сардонически ответил Оуинс. - Даже есть шанс, что он снова научится ходить. А другие, Дэн? Погибло пятеро хороших людей, а заодно и четверо гражданских.

- А, может, и террористы тоже, - заметил Мюррей.

- Вы верите этому не больше меня!

И все-таки слепая удача вселяла надежду: минный тральщик королевского

флота случайно обнаружил на дне Ла-Манша какой-то подозрительный объект.

Видеокамера зафиксировала остатки десятиметрового катера типа "Зодиак". Он, судя по всему, затонул в результате взрыва топливного бака. Однако не было ни трупов людей, ни их оружия. Капитан тральщика тут же понял всю важность этой находки и доложил о ней начальству. Команда спасателей уже готовилась к выходу в море, чтобы поднять на поверхность остатки катера.

- И все же это не исключено. Возможно, один из них оплошал, катер взлетел в воздух, и все они пошли ко дну...

- А тела?

- Рыбий корм, - ухмыльнулся Мюррей. - Приятная картина, а?

- Вы так любите понтировать, Дэн. Какой процент своего жалованья вы готовы поставить на эту гипотезу?

Оуинсу было не до шуток. Мюррей понимал, что начальник Си-13 считал случившееся ударом по себе лично.

- Не слишком большой, - сдался представитель ФБР. - Итак, вы считаете, что их подобрало какое-то судно?

- Только такое предположение имеет хоть каплю смысла. Поблизости находились девять торговых судов. У нас есть список.

Мюррей тоже считал эту версию наиболее вероятной. Свои соображения на этот счет он уже изложил Вашингтону, и ФБР с ЦРУ будут разрабатывать эту версию. "Но почему они тогда не подняли на борт и катер?"

- Это яснее ясного. А если бы один из наших вертолетов засек их за этим занятием? А может, это было слишком трудно в такую погоду. Или они не хотели лишних хлопот. Ведь с деньгами-то у них неплохо, не так ли?

- Когда поднимут этот катер?

- Если погода не улучшится, то послезавтра, - сказал Оуинс. Тогда хоть что-то будет в руках, какие-то вещественные доказательства. На всех вещах в этом мире стоят фабричные марки и серийные номера. Где-то должна быть накладная на их продажу. С этого начинались многие успешные расследования: единственный клочок бумаги, квитанция в каком-нибудь магазинчике, а в результате - поимка опаснейших преступников. Судя по видеозаписи, двигатели катера похожи на продукцию "Америкой Меркюри". Мюррей уже сообщил об этом в Бюро, и там были готовы действовать в нужном направлении, как только станут известны серийные номера двигателей. Со своей стороны Мюррей выяснил, что двигатели этой фирмы пользуются известностью во всем мире. Это, конечно, усложнит поиск, но все же это нечто, а нечто всегда лучше, чем ничего.

- Есть какие-нибудь сдвиги насчет утечки информации? - спросил Мюррей. Это был самый больной, но при этом и самый важный пункт.

- Пусть молится Богу, чтобы мы не нашли его, - тихо выговорил Оуинс.

Пока, правда, особой надежды, что это случится, не было. О маршруте этапирования Миллера знали тридцать один человек. Пятеро из них были мертвы.

Даже водитель фургона ничего не знал заранее. Итого остается двадцать шесть человек: несколько сотрудников Си-13, двое высокопоставленных чинов из лондонской полиции, десять человек из министерства внутренних дел, несколько из Эм-ай-5, из службы безопасности и еще двое-трое из других ведомств. У всех у них был допуск к государственным секретам. "Все эти проверки и допуски и гроша ломаного не стоят, - в который раз сказал себе Оуинс. -

Утечка информации - по определению - может быть устроена лишь сволочью, имеющей допуск к секретам".

Но в этом деле была своя специфика. Тут было предательство, даже нечто худшее, чем предательство. Ведь тот, кто сообщил эти сведения, причастен к нападению на королевскую семью. Выдать секреты государственного значения иностранной державе - дело настолько омерзительное, что Оуинс в таких случаях частенько давал волю эмоциям. Но сознательно поставить под удар королевскую семью - это вообще не укладывалось в его голове. Оуинс с трудом верил в возможность такого преступления. Тут речь не может идти о психически больном.

Это, безусловно, человек умный, прекрасно умеющий скрывать свои чувства.

Когда-то такие люди умирали под пыткой. Нельзя сказать, что Оуинс был в восторге от этого обычая, но теперь он вдруг понял, почему это делалось, почему иные люди с легкостью одобряли пытки. Народ Великобритании так любит королевское семейство. Тем не менее кто-то из королевского окружения связан с кучкой террористов. Оуинсу до зарезу нужно было найти его. Он хотел видеть его мертвым, видеть, как он умирает. Другого наказания за такое преступление не могло быть.

"Одного желания видеть его труп маловато, - охладил он себя. - Тут нужна работа и работа - осторожное, тщательное, скрупулезное расследование". Как это делается, Оуинс знал. Ни у него, ни у отборной команды следователей не будет отдыха, пока дело не увенчается успехом. А в том, что оно увенчается успехом, он не сомневался.

- У вас два хода, Джимми, - сказал Мюррей, угадав ход мыслей своего друга.

Это было нетрудно. У обоих бывали трудные случаи, а методы полиции во всем мире в сущности похожи.

- Именно, - сказал Оуинс, едва удержавшись от улыбки. - Они, наверняка, сделали все возможное, чтобы защитить свой источник информации от подозрений.

Мы можем сравнить список тех, кто знал о поездке Их высочеств в тот день, со списком знавших о маршруте Миллера.

- И не забудьте телефонных операторов, - напомнил Мюррей. - И секретарш, и прочих сотрудников, кто мог подслушать, а также любовниц и любовников, кто мог узнать об этом, пребывая в горизонтальном положении.

- Спасибо, Дэн. В такие минуты мы все нуждаемся в поддержке.

В углу кабинета Мюррея был шкаф, вот к нему-то и направился Оуинс - там стояла бутылка виски, его подарок к Рождеству. Теперь был уже канун Нового года, а бутылка все еще была непотачтой.

- Вы правы - они, конечно, всячески прикрыли свой источник информации. Но я уверен, что вы его найдете, Джимми. Готов поставить на это.

Оуинс налил виски в стаканы. Хорошо, что американец наконец приучился пить виски как следует. А то раньше все совал туда лед. Просто позор так портить настоящее шотландское виски. Он нахмурился: "Что нам все это говорит о Сине Миллере?" - подумал он.

- Думаете, он более важен, чем вы предполагали? А может, они просто

боялись, что он расколется? Или, может, они хотели и впредь считаться организацией, чьи члены никогда не оказываются в тюрьме? Или еще что-то?

Оуинс кивнул. Помимо тесных рабочих контактов между Скотленд-Ярдом и ФБР, он еще и просто ценил мнение своего коллеги. Хотя оба были опытными полицейскими, у Мюррея всегда был в запасе какой-нибудь неординарный подход к ситуации. В пользу их содружества Оуинс уже не раз убеждался. Мюррей же, хотя и не отдавал себе в этом отчета, тоже извлекал пользу из общения с Оуинсом.

- Так кем же может быть этот Син Миллер? - вслух спросил Оуинс.

- Как знать? Начальник операций? - Мюррей поднял свой стакан.

- Ужасно молод для этого.

- Джимми, парень, сбросивший бомбу на Хиросиму, был полковником ВВС, а лет ему было всего двадцать девять. Сколько лет этому чертову О'Доннеллу?

- Так же и Боб Хайленд думает, - хмуро сказал Оуинс, уставившись в свой стакан.

- Боб - толковый парень. Очень надеюсь, что через какое-то время он вернется в строй.

- Как минимум, будет сидеть в нашей конторе. У него отличные мозги, что для нашего дела важно. Ну, ладно - мне пора идти. С наступающим, Дэн. За что выпьем?

- Ясно, за что. За успешное расследование. За то, чтобы вы поскорее изловили этого информатора, а потом извлекли из него нужные данные, - Мюррей поднял свой стакан. - За то, чтобы поскорее закрыть это дело.

- Идет, - сказал Оуинс, и они враз опустошили свои стаканы.

- Джимми, проявите милосердие к самому себе - считайте, что вы эту ночь в отпуске. Выбросьте все из своей бедной головушки, и завтра она будет работать лучше.

- Попробую, - улыбнулся Оуинс и, надев пальто, направился к двери. - Да, еще одно. Это пришло мне в голову, когда я ехал сюда. Ведь эти парни из АОО они ведь нарушили все правила, не так ли?

- Верно, - сказал Мюррей, запирая в шкафу все свои папки.

- Они не нарушили лишь одно правило.

- Да? - обернулся Мюррей. - Какое же?

- Они никогда ничего не предпринимают в Америке.

- Не только они. И другие тоже.

- У других для этого пока не было особого резона. А вот у АОО такой резон теперь, возможно, есть. К тому же они никогда не стесняются нарушать свои же правила. У меня просто такое чувство, ничего более, - пожал он плечами. - Ну, всего хорошего, и счастливого Нового года, особый агент Мюррей.

Они пожали друг другу руки.

- И вас с наступающим, - сказал Мюррей, - Мои наилучшие пожелания Эмили.

Дэн проводил Оуинса до двери, запер ее, проверил, все ли ящики с документацией под замком. За окном было темным-темно - на часах без четверти шесть.

- Почему ты сказал это, Джимми? - спросил он, уставившись в законную

темь.

Ни одна из ирландских террористических групп никогда не оперировала на территории США. Конечно, они собирали там деньги, особенно в ирландских кварталах и салонах Бостона и Нью-Йорка. Произносили зажигательные речи о будущей свободной, объединенной Ирландии, при этом всегда забывая упомянуть, что как убежденные марксисты-ленинцы, они неизбежно превратят Ирландию в аналог Кубы. У них всегда хватало хитрости сообразить, что эта мелкая деталь может оказаться не по душе американцам ирландских кровей. Было и снабжение оружием из Америки. Но это почти полностью в прошлом. Временная группировка ИРА и Ирландская национально-освободительная армия теперь в основном закупают оружие в открытую на мировом рынке. Были также сообщения, что кое-кто из их людей прошел обучение в советских военных лагерях - хотя по снимкам, сделанным со спутника, не больно-то скажешь, кто какой национальности, да и черты лица трудно различить. Эти сообщения были настолько неубедительны, что даже не попали в печать. То же самое насчет лагерей в Ливии, Сирии и Ливане. Какие-то люди - судя по светлой коже, не местные - проходили там обучение. Но что это за люди? Тут у разведки не было полной уверенности. С европейцами вообще труднее, чем с арабами. Те, будучи схвачены, зачастую тут же начинали петь, как канарейки, тогда как из членов ВГИРА, ИНОА, Красных бригад и групп Прямого действия выцарапывать информацию весьма трудно. То ли особенность культурного фона, то ли уверенность, что следствие не будет - не имеет права - прибегать к таким средствам давления, которые все еще столь обычны на Ближнем Востоке. Всех их выпестовала демократия, и они отлично знают слабости общества, которое намерены ниспровергнуть. То, что они считали слабостями демократии, Мюррей полагал ее силой, хотя и признавал, что эта сила является изрядной помехой для тех, кто стоит на страже закона и порядка.

Так или иначе, ни ВГИРА, ни ИНОА никогда не совершали террористических акций в Америке. Никогда. Ни разу.

"Но Джимми прав, - рассуждал Мюррей, - Армия Освобождения Ольстера без колебаний шла на нарушение правил. Королевское семейство никогда не было чьей-либо мишенью, однако АОО замахнулась на него. ВГИРА и ИНОА всегда рекламируют свои акции. Как и все террористические группы. Но не АОО. - Мюррей покачал головой:

- Впрочем, пока нет доказательств, что они нарушили это правило. Быть может, они пока еще не выступили с заявлением? С такого рода предположениями расследование не начнешь, - подумал он и сказал вслух: "Но что у них на уме?"

Этого никто не знал. "Даже название их организации, продолжал размышлять Мюррей, - было аномалией. Почему они называли себя Армией освобождения Ольстера?"

Ирландские националисты всегда делают упор на слове "Ирландия", тогда как название АОО строится на слове "Ольстер" и его всегда используют реакционные протестантские группировки. Террористы вовсе не обязаны вносить полную ясность во все свои действия, но хоть какой-то смысл в каждом из этих действий все же должен быть. Все относящееся к АОО, - аномалия. Они делают то, что никто иной не стал бы делать, они называют себя так, как никто себя

не назвал бы. Они делают то, что никто другой не делает". Вот что, насколько понимал Мюррей, грызло Джимми. Почему они действуют столь странным образом? Должна тому быть какая-то причина. При всем своем безумии, террористы - в рамках собственных критериев - вполне рациональные люди. Сколь бы извращенной ни казалась их аргументация со стороны, она покоилась на своей внутренней логике. У "Временных" и Национальной армии была такая логика. Они заявили о своей цели, и действия их вполне соответствовали этой цели. Они собирались превратить Северную Ирландию в страну, которой невозможно управлять. Если им это удастся, британцам в конце концов надоеет все это, и они уйдут оттуда. Следовательно, их задачей является постоянно подогревать в стране конфликтные ситуации, вынуждая другую сторону к уходу.

Это все-таки некая концепция.

"Но АОО ни разу не заявляла о своих целях. Почему? Почему эти цели должны храниться в тайне? Почему вообще, черт побери, существование террористической группы должно быть тайной... если они осуществляют операции, то какой же тут секрет? И потом - почему они никогда не заявляли о создании своей группировки?"

Заявили об этом только в пределах самого сообщества террористов - ВГИРА - ИНОА.

Что-то за этим должно скрываться, - напомнил он себе. - Они слишком эффективны, чтобы предполагать, что в основе каждого их шага не лежит некий резон".

"Черт!" - выругался Мюррей. Ответ был где-то тут. Мюррей чувствовал, что ответ этот скользит где-то по краю сознания, и не было никакой возможности ухватить его. Мюррей вышел из своего кабинета. По коридору уже вышагивали два морских пехотинца, проверяя, все ли двери закрыты. Махнув им на прощанье рукой, он устремился к лифту. Голова его была занята все тем же - попыткой свести воедино обрывки сведений. Жаль, что Оуинс уже ушел. Хорошо бы еще раз потолковать обо всем этом с ним. Вдвоем, может быть, удалось бы разгадать эту загадку. Нет, не "может быть", а наверняка. Отгадка была где-то тут, рядом.

"Миллер, наверняка, знал", - подумал Мюррей.

- Что за кошмарное место, - сказал Син Миллер. Закат был величественным, почти как на море. Небо было чистым, не то что городское, и солнце медленно заваливалось за зубчатую линию дюн на горизонте. Непривычными были тут, конечно, и перепады температуры. Днем она достигала девяносто двух - для здешних это прохладный денек! - а после захода солнца подымается холодный ветер и начинается холодрыга. Песок не удерживает дневное тепло, и что ни ночь отдает его назад, звездам.

Миллер устал. Целый день ученья. Он не прикасался к оружию почти два месяца, так что надо было освежить в памяти навыки. Реакция стала хуже, сноровки как не бывало. Правда, физически он чувствовал себя неплохо. В тюрьме он даже, к удивлению своему, прибавил в весе. Но через недельку жирок этот уйдет. Пустыня для этого самое подходящее место. Подобно всем,

родившимся в северных широтах, ему трудно было привыкнуть к здешнему климату. Аппетит при такой жаре пропадал, зато все время хотелось пить. Так что он ограничивался лишь водой. Значит, он тут быстро спустит лишний вес и обретет хорошую физическую форму, - то, что ему и нужно. Но место это он все равно не мог полюбить.

Кроме него, тут еще были четверо их людей, а остальные члены спасательной группы тут же вылетели домой - через Рим и Брюссель.

- Это тебе не Ирландия, - согласился О'Доннелл. Его нос поморщился от запаха пыли и собственного пота. Не то что дома. Ни запаха тумана, ни запаха от угля, тлеющего в камине, ни запаха алкогольных испарений в местной пивнушке.

Что особенно раздражало, так это отсутствие выпивки. У здешних начался очередной приступ фанатизма, и они решили, что даже международная революционная община обязана соблюдать установления Аллаха. "Экая, черт бы их драл, досада!"

Нельзя сказать, что этот лагерь был типовым. Шесть строений, одно из которых - гараж. Площадка для вертолета, дорога, наполовину заметенная во время последнего шторма песком. Колодец. Стрельбище. И все. В былые времена через этот лагерь проходили за раз по пятьдесят человек. Но не теперь. Теперь это был собственный лагерь АОО - в стороне от лагерей, которые использовались другими группами. И каждый тут усвоил значение вопроса о маскировке. На доске в бараке номер один висел график, "на котором указывалось время, в которое над этими местами проходили американские спутники-шпионы. Так что каждый тут знал, когда надо было исчезнуть из поля зрения. Все машины тоже были под навесами.

На горизонте появился и начал приближаться свет фар. О'Доннелл заметил этот свет, но ничего не сказал. Горизонт был далеко. Не спуская глаз с этих пучков света, шаривших то справа, то слева, скользя по верхушкам дюн, - он засунул руки в рукава куртки, отгораживаясь от щупальцев вечернего холода.

Шофер не спешил. Здешний климат не располагал к спешке. Можно все сделать и завтра, если на то будет воля Аллаха. Один "коллега" из Латинской Америки как-то объяснил ему, что инш Алла значит "завтра", что в сущности было весьма необязательным понятием.

Это была "топота лэнд крузер", с четырьмя ведущими. Она почти везде уже вытеснила "лэнд-ровер". Водитель сразу вкатил в гараж. О'Доннелл взглянул на часы - очередной спутник появится тут через тридцать минут. Довольно скоро. Он встал и направился к барaku номер три. Миллер, приветственно махнув рукой новоприбывшему, последовал за ним. Не обращая на них внимания, солдат из состава охраны лагеря закрыл гараж.

- Рад тебя видеть, Син, - сказал тот, что приехал. В руках у него была небольшого объема сумка.

- Спасибо, Шамус.

О'Доннелл, открыв дверь, придержал ее - он не любил всяких таких церемоний.

- Спасибо, Кевин.

- Вы прямо к ужину, - сказал начальник АОО.

- Значит, в этот раз мне повезло, - сказал Шамус Падрэг Коннолли. Он

осмотрелся. - Этих, чернявеньких, тут, надеюсь, нет?

- Здесь нет, - заверил его О'Доннелл.

- Ну и слава Богу, - Коннолли открыл сумку и извлек оттуда две бутылки.

Я подумал, что вы не откажетесь от капли чистенького., - Как это тебе удалось одурачить этих ублюдков? - спросил Миллер.

- Я слышал об этом запрете. Конечно, я сказал им, что у меня в сумке револьвер.

Они рассмеялись. Потом Миллер принес стаканы и лед. В здешних местах без льда никак нельзя.

- Когда тебе надо быть в лагере? - спросил О'Доннелл, имея в виду лагерь ВГИРА, в сорока милях отсюда.

- У меня неполадки с машиной, и я вынужден провести ночь с нашими одетыми в форму друзьями. Жаль только, что они конфисковали мое виски.

- Чертовы дикари! - рассмеялся Миллер. Они подняли стаканы.

- Как было в тюрьме, Син? - спросил Коннолли.

- Могло быть и хуже. За неделю до того, как Кевин вызволил меня, ворье поизмывалось надо мной вволю - конечно, надзиратели подстроили... Уж ворье повеселилось тогда... Блядские пидеры. А так... Даже забавно сидеть там и смотреть, как они все говорят, говорят и говорят, как куча старых баб.

- Ты ведь не думал, что Син начнет болтать? - осуждающе спросил О'Доннелл.

И тут же успокоился, увидев улыбку Коннолли. Конечно, все они беспокоились об этом. А больше всего о том, что случилось бы, если бы в тюрьме до него добрались парни из ВГИРА или ИНОА.

- Ну, так что нового в Белфасте? - спросил О'Доннелл.

- Джонни Доил не в восторге от ареста Морин. Люди начинают беспокоиться.

Не очень, но все же. Разговорчики всякие... Во всех шести графствах, Син, люди - если ты этого еще не знаешь - немало выпили за твою операцию в Лондоне.

То, что большинство жителей Северной Ирландии - как протестанты, так и католики, - испытывали отвращение к этому террористическому акту, ничего не значило для Коннолли. Крохотная община революционеров была для него всем миром.

- Какой смысл пить за провал, - с горечью в голосе заметил Миллер. "Этот ублюдок Райан!" - подумал он.

- Но организовано было превосходно. Это была всего лишь невезуха, а все мы - рабы фортуны.

О'Доннелл нахмурился - слишком уж поэтично выражался этот Коннолли. Может, потому он и любил ссылаться на то, что сам Мао пишет стихи.

- Думаешь, они попытаются вытащить Морин? Коннолли рассмеялся.

- После того как вы освободили Сина? Маловероятно. Как вам это удалось, Кевин?

- Есть пути, - сказал О'Доннелл и замолчал. Его источнику информации было строжайшим образом приказано никак не проявляться в течение двух месяцев. Для него книжный магазин Денниса был закрыт. Решение использовать его для организации побега Миллера было принято не без внутренних борений.

Это вечная проблема, когда имеешь хороший источник разведданных. Именно это когда-то вдалбливали ему его наставники. Действительно ценный материал представляет опасность для самого источника. Просто парадокс. Самый ценный материал зачастую слишком рискованно использовать, а если его не использовать, то в нем никакого толку.

- В общем, вы сумели привлечь к себе всеобщее внимание. Я здесь для того, чтобы проинформировать наших парней о вашей операции.

- Вот оно что! - рассмеялся Кевин. - Ну и что же мистер Дойл думает о нас?

Коннолли соорудил комическую мину и нацелил на Кевина указательный палец:

- Ты - контрреволюционер, чья деятельность направлена на подрыв нашего движения. Операция на Могу серьезно сказалась по ту сторону Атлантического океана. Мы... Прошу прощения, они через месяц-другой направят своих людей в Бостон, чтобы все поставить на свое место, растолковать янки, что они никакого отношения к этому не имеют.

- Деньги!.. Нам не нужны их поганые деньги! - выкрикнул Миллер. - И пусть идут в жопу со своей "моральной поддержкой"...

- Нельзя раздражать американцев, - заметил Коннолли.

- О'Доннелл поднял стакан и провозгласил тост:

- К дьяволу проклятых американцев! Миллер приложился к стакану, а когда допил его, в глазах у него прорезалось некое сияние, словно его вдруг озарило.

- Кевин, мы ведь пока ничего не собираемся делать в Англии...

- Увы, - многозначительно сказал О'Доннелл. - Надо пока уйти на дно. Надо сосредоточиться на трениже и выждать подходящего момента.

- Шамус, насколько эффективны могут оказаться люди Доила в Бостоне?

Коннолли пожал плечами.

- Влей в них побольше спиртного, и они поверят всему, что им скажут, и начнут, как обычно, кидать деньги в шапку.

Миллер улыбнулся и снова наполнил свой стакан. Те двое о чем-то разговаривали, а у него в голове созрел некий план.

За долгие годы службы в ФБР Мюррею приходилось много чем заниматься. Был он и просто агентом, преследующим грабителей банков, и инструктором в Академии ФБР в Куантико (Вирджиния), где преподавал тонкости ведения следствия.

Слушателям Академии он не уставал говорить о значении интуиции. Охрана правопорядка - это не только наука, но и искусство. Бюро располагает колоссальными ресурсами для обработки различного рода улик, на все случаи жизни существуют писанные инструкции, но при всем том ничто не может заменить мозгов опытного агента. Прежде всего именно благодаря опыту вы так, а не иначе сопоставляете улики, именно благодаря опыту вы угадываете, что творится в голове противника, и стараетесь предугадать его следующий ход. Но еще важнее опыта интуиция. То и другое идут рука об руку и не надо давать им

разъединяться.

"Вот это-то и проблема, - размышлял Мюррей. Он уже был в машине и направлялся домой. - Потому что интуиция может завести черт знает куда, если у тебя нет достоверного материала, на который она могла бы опираться".

"Вам надо научиться доверять инстинкту", - сказал Мер-рей, обращаясь к проносящимся мимо машинам. Так он когда-то поучал слушателей Академии. Инстинкт это ни в коем случае не замена улик и дотошного исполнения всяких процедур, но он может оказаться весьма полезен при отборе нужных улик и отказе от лишних процедур. "Ого, Дэн, - ты прямо-таки настоящий иезуит, - расхохотался он, не обращая внимания на то, что на него таращились из соседней машины справа. - Если это так смешно, то почему это так тебя беспокоит?" - подумал он.

Его инстинкт посылал ему некий сигнал - неотчетливый, но непрерывный.

Почему Джимми сказал это? Это наверняка тоже беспокоит его. Но что именно, черт побери?

Проблема в том, что это не было что-то одно. Теперь-то он понимал это. Тут было несколько моментов, взаимосвязанных, как в кроссворде. Он не знал числа пустых квадратов, у него не было никакого ключа к нужным словам, но приблизительно он знал, что эти слова должны подойти друг к другу. Это уже было нечто. Для начала это уже неплохо, но...

"Черт!" Руки его сжали руль - хорошее настроение вновь сменилось раздражением. Он мог бы все это обговорить с Оуинсом завтра или послезавтра, но инстинкт подсказывал ему, что дело не терпит отлагательств.

"Почему такая срочность? Нет никаких признаков чего-то такого, из-за чего надо так уж нервничать", - говорил он сам себе.

Но тут Мюррей вспомнил свое первое дело, раскрытое им более или менее самостоятельно после десяти месяцев работы в качестве специального агента - все началось с такого же беспокойного чувства. Теперь, оглядываясь назад, казалось, что улики и без того были достаточно красноречивы, но это стало очевидным лишь когда он иначе их осмыслил. Этот иной смысл никому, кроме него, в голову тогда не пришел. И началось это тогда точно, как сейчас, - с этого внутреннего беспокойства.

Факт: АОО попрапа все нормы. Факт: ни одна ирландская террористическая организация никогда не осуществляла свои операции на территории США. И все других фактов нет. Если они задумают операцию против Райана... Они, конечно, с ума сходят от ненависти к нему, но они ничего не предприняли против него, пока он был в Англии, а это было бы куда легче, нежели в Америке. А что если Миллер в самом деле командует у них операциями? Хотя, нет - террористы обычно не сводят личные счеты. Это непрофессионально, а эти ублюдки весьма профессиональны. Для такой операции у них должна быть причина повесомей.

"Дэнни, - сказал он себе, - то, что ты не знаешь причины, еще не значит, что у них ее нет". На мгновение ему показалось, что с возрастом его интуиция превращается в паранойю. "А что если у них не одна причина, а несколько? Это мысль, - сказал он самому себе. Одна причина может служить оправданием для другой. Но что именно они хотят сделать?" Все инструкции по ведению следствия делают упор на поиск мотивов. Ключа к мотивам действий АОО у него не было. "Так и свихнуться можно", - подумал он.

Не доезжая до Кенсингтон-роуд, он свернул налево, к высоченным домам, в одном из которых была его квартира. Машину тут поставить почти невозможно. Даже когда он служил в нью-йоркском отделении контрразведки, проблема парковки не была столь кошмарной. Наконец он разыскал местечко, но оно было всего лишь на каких-нибудь полметра больше его машины, так что он убил минут пять, втискиваясь туда.

Повесив пальто на вешалку, Мюррей прошел прямо в гостиную. Жена, услышав его шаги, вышла из кухни, но он уже висел на телефоне, и лицо его было свирепым.

- Билл, это Дэн Мюррей... у нас все хорошо, - услышала его жена. - Я хочу, чтобы вы кое-что сделали. Вы знаете этого парня - Джека Райана? Да-да, он самый. Скажите ему... Черт, как бы это сказать? Скажите ему, что, может быть, ему следует быть осторожным. Я знаю это, Билл... Трудно сказать, но что-то меня тревожит, и я не могу... ага, вроде того... Я знаю, они этого никогда раньше не делали, Билл, но все равно что-то меня беспокоит... Нет, ничего конкретного, но Джимми Оуинс высказал такое же опасение, и я теперь тоже начал тревожиться.

А-а, вы уже получил рапорт? Ну, тогда вы знаете, что я имею в виду, откинувшись назад, Мюррей какое-то время созерцал потолок. - Назовите это чувством или инстинктом... как угодно, но это тревожит меня. Я хочу, чтобы кто-нибудь этим занялся... Ну и спасибо. Как семья? Вот оно что? Великолепно!

Уверен, что этот год будет хорошим для вас. О'кей. Будьте здоровы. Пока, Положив трубку, он сказал самому себе: "Ну, теперь немного полегче".

- Ты не забыл, что мы приглашены к девяти на прием? - сказала жена. Она привыкла к тому, что и дома он занимается служебными делами. А он привык к тому, что она напоминала ему об общественных обязательствах.

- Тогда надо переодеться, - Мюррей встал с кресла и поцеловал жену. Ему действительно чуть полегчало. Он был доволен, что хоть что-то сделал, хотя, вероятнее всего, его сослуживцы просто подумают: что это с ним там происходит?

Но это-то он переживает.

- Старшая дочь Билла обручилась. Он выдает ее за одного агента из вашингтонского офиса, - сказал он жене.

- Мы его знаем?

- Новый мальчик.

- Нам уже скоро пора.

- Хорошо, хорошо.

Он отправился в спальню, чтобы переодеться к новогоднему приему в посольстве.

Глава 10

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

- Как видите, леди и джентльмены, решение, принятое в данном случае Нельсоном, в перспективе привело к тому, что был положен конец парализующему

влиянию подчиненной разным формальностям тактике королевского флота, - сказал Райан, закрывая папку. - Нет ничего лучше, нежели решительная победа, из которой кто-то извлекает урок. Есть вопросы?

После долгого перерыва это была его первая лекция - введение в историю военно-морского флота. Студентов было сорок человек, в том числе шестеро женского пола. Вопросов не последовало. Это его удивило. Но вот поднялся один из студентов - Джордж Уинтон, футболист из Питтсбурга.

- Доктор Райан, - твердо выговорил он, - меня попросили сделать заявление от имени класса.

- Ого, - Райан отступил на полшага назад и театральным жестом прикрыл лицо.

Курсант Уинтон выступил вперед и извлек из-за спины маленькую коробку, к которой был прицеплен лист бумаги с печатным текстом.

- Зачитываю приказ: "За усердие, превышающее обязанности туриста - даже если это безмозглый морской пехотинец, - класс награждает доктора Джона Райана Орденом пурпурной мишени в надежде, что в следующий раз ему удастся увернуться от пули, дабы не стать всего лишь частью истории, вместо того чтобы учить нас таковой". - Уинтон открыл коробочку и извлек на свет Божий пурпурного цвета ленту сантиметров в семь шириной - на ней была надпись золотом:

СТРЕЛЯЙ В МЕНЯ Под надписью красовалось изображение "яблочка" мишени. Курсант пришил ленту к плечу Райана так, чтобы "яблочко" пришлось как раз на то место, куда его ранило. Райан пожал руку Уинтону, а курсанты встали и принялись аплодировать.

- Это моя жена посоветовала вам? - спросил Райан, поглаживая "награду".

Курсанты взвыли.

Райан, показывая, что сдается, поднял руки вверх. Рука все еще побаливала, когда приходилось вот так поднимать ее, но хирург из больницы Хопкинса сказал, что сустав постепенно разрабатается, и общая потеря подвижности плеча составит от силы пять процентов.

- Спасибо вам, но помните, что на следующей неделе экзамен!

Раздался всеобщий хохот, и класс опустел. Это была его последняя в тот день лекция. Он собрал свои бумаги и книги и вышел из аудитории. Чтобы добраться до своего кабинета в Лихи-холл, надо было прошагать довольно много метров, и все вверх, на вершину заснеженного холма.

Январский денек выдался холодноватым. Джек поглядывал под ноги, чтобы не поскользнуться. Мимо него сновали курсанты - слишком озабоченные и серьезные, с его точки зрения. Приберегали улыбки для тех закоулков, где посторонние не увидят их. Ботинки их сияли, спины у всех прямые, книги в левой руке, чтобы правой можно было отдавать честь. На вершине холма, у ворот номер три, на посту стояли морской пехотинец и охранник из гражданских. "Нормальный день", - сказал сам себе Джек. Ему нравилось тут работать. Курсантов легко было принять за студентов обычного учебного заведения с их вечной готовностью приставать с разными вопросами, с их любовью ко всяким хохмам, если вы завоюете их доверие.

Случайный посетитель не поверил бы этому, судя по тому, как серьезно они ведут себя на публике.

В кабинете его уже поджидал Робби.

- Это что за чертовщина? - спросил он, увидев на Райане ленту. Узнав, что это "награда", он зашелся смехом.

- Приятно, что парни умеют расслабляться даже перед экзаменами. Ну, что нового? - спросил Джек.

- А я опять на "томкете", - объявил Робби. - Четыре часа за уикенд.

Джек, клянусь - эта малышка разговаривала со мной. Вышел с ней над морем, заправился в воздухе, потом пару раз спикировал... это, дружище, так здорово! Еще два месяца, и я вернусь туда наконец.

- Так долго, Роб?

- Летать на этой птичке нелегко. Иначе им не нужны были бы пилоты моего калибра, - с серьезным видом сказал Джексон.

Раздался стук в дверь, а потом в кабинет просунулась голова и спросила:

- Доктор Райан?

- Да. Входите.

- Я Билл Шоу, ФБР, - представился вошедший и показал удостоверение.

Такого же примерно роста, что и Робби, он был худощав, лет сорока пяти, глаза у него сидели так глубоко, что он чем-то напоминал енота. Впрочем, такие глаза бывают у человека, работающего по шестнадцать часов в день. Отлично одетый, он производил впечатление очень серьезного человека.

- Ден Мюррей просил меня навестить вас.

Райан поднялся, чтобы пожать его руку и представил Робби:

- Это капитан-лейтенант Джексон.

- Здравствуйте, - протянул руку Робби.

- Надеюсь, не помешал?

- Ничуть. На сегодня мы закончили свои лекции. Садитесь. Чем могу служить?

Шоу взглянул на Джексона, однако ничего не сказал.

- Если вам надо поговорить, то я...

- Успокойся, Роб. Мистер Шоу, это мой друг. Хотите что-нибудь выпить?

- Нет, спасибо. Я, видите ли, работаю в отделе борьбы с терроризмом.

Дэн попросил меня... Ну, вы ведь знаете, что АОО освободила этого Миллера.

Райан стал серьезным.

- Да. Я видел по телевизору. Какие-нибудь сведения о том, куда он двинулся?

Шоу покачал головой.

- Они просто как в воду канули.

- Неплохая операция, - заметил Робби. - Ушли в сторону моря, не так ли?

А там, наверное, их подобрало какое-нибудь судно, - сказал он и, увидев, какой взгляд метнул на него Шоу, продолжал:

- Вы видите мою форму, мистер Шоу? Я получаю свое жалованье за то, что летаю над морем.

- Мы не уверены, но это не исключено.

- Чьи суда были там в море? - не отставал Джексон. Для него это был сугубо профессиональный вопрос.

- Это сейчас выясняют.

Джексон с Райаном переглянулись. Робби достал сигару и закурил.

- На прошлой неделе мне позвонил Дэн. Он немного - я хотел бы подчеркнуть: немного - озабочен тем, что АОО может... В общем, у них нет оснований любить вас, доктор Райан.

- Дэн говорил, что ни одна из этих групп никогда не предпринимала что-либо здесь, - сказал Райан.

- Совершенно верно, - кивнул Шоу. - Этого никогда не было. И, наверное, Дэн объяснил вам почему. Временная группировка ИРА продолжает получать отсюда деньги. Немного, но получают. Да и кое-какое оружие тоже. Есть основания предполагать, что они даже располагают несколькими ракетами "земля - воздух"...

- Черт возьми! - подскочил на стуле Джексон.

- Было несколько случаев похищения портативных ракет "редай", которые сейчас уже не используются армией. Их выкрали из арсенала Национальной гвардии.

Это не новость. Таким же образом, к примеру, в Ольстере оказались пулеметы М-60. Это оружие или похищается или покупается у интендантов, которые забыли, кому они служат. В прошлом году кое-кто из них предстал перед судом, и армия теперь вводит новую систему охраны арсеналов. Пока в дело пошла только одна ракета. Несколько месяцев назад ВГИРА попыталась сбить вертолет британских ВВС.

В газеты это не попало - в основном потому, что они промазали. Ну а британцы замяли это дело. Так или иначе, - продолжал Шоу, - если они попытаются что-то делать тут, они перестанут получать деньги и оружие. ВГИРА знает это, отсюда мы заключаем, что АОО тоже это понимает.

- О'кей, - сказал Джек. - Тут они ни разу не проявляли себя. И все же Мюррей попросил вас предупредить меня. Как же так?

- У нас нет ничего реального. Если бы это исходило от кого угодно другого, я бы не пришел, но Мюррей - очень опытный агент, и он малость встревожен... И хочет, чтобы вы знали о его... Это не значит, что вам надо всех подозревать, доктор Райан. Назовем это подстраховкой, вроде проверки шин перед дальней дорогой.

- Ну так что же, в конце концов, вы хотите мне сказать? - испытующе посмотрел на него Райан.

- АОО исчезла из поля зрения. Это, конечно, мало о чем говорит. Это нормально. Они провернули довольно дерзкую операцию и, - он щелкнул пальцами, забились в нору.

- Разведка, - пробормотал Райан.

- Что такое? - спросил Шоу.

- Опять то же самое. То покушение в Лондоне - результат хорошей работы их разведки. И с этим побегом Миллера тоже, не так ли? Ведь Миллера этапировали в полной тайне, и однако они в эту тайну проникли, а?

- Конкретных деталей я не знаю, но думаю, что вы правы, - согласился Шоу.

- Знаете ли вы хоть что-то определенное? С кем мы имеем дело? - спросил Джек.

- Они профессионалы. Это плохо и для британцев, и для ольстерской полиции, но для вас это хорошо.

- Как так? - удивился Робби.

- Их недовольство доктором Райаном носит, так сказать, личный характер. И предпринимать против него какие-то акции было бы делом, не достойным профессионалов.

- Другими словами, - спросил пилот, - говоря о том, что Джеку нечего на самом деле особенно беспокоиться, вы делаете ставку на "профессиональную этику" террористов?

- Можно и так сказать. Но можно и по-другому: у нас большой опыт работы с такого типа людьми.

- Ага, - Робби ткнул в воздух сигарой. - В математике это называется доказательством методом индукции. То бишь выводы ваши не покоятся на твердых доказательствах? В инженерном деле мы зовем это ДДМ.

- ДДМ? - удивился Шоу.

- Домыслы дикого мудака, - Джесон уставился в глаза Шоу. - Как почти всегда с оперативными разведданными, вы не можете знать, какие из них хороши, а какие нет, пока... пока уже не станет поздно. Извините меня, мистер Шоу, но мы, те, кто действует, далеко не всегда в восторге от того материала, который получаем от разведки.

- Я знал, что не следует мне приходить сюда, - заметил Шоу. - Слушайте, Дэн сказал мне по телефону, что у него нет никаких данных, чтобы предполагать, что может случиться что-то необычное. Я последние два дня потратил на то, чтобы просмотреть все материалы об этой организации, и ничего, за что можно было бы уцепиться, не нашел. Он ссылается на инстинкт. Будучи полицейским, вы начинаете доверять инстинкту.

Робби кивнул, соглашаясь. Летчики тоже доверяют инстинкту. Теперь хоть что-то прояснялось.

- Итак, - откинулся Джек на спинку стула, - что же мне надлежит делать?

- Лучший способ - отказаться от привычного распорядка. Ездите на работу каждый раз по-другому пути. Не возвращайтесь домой всегда в одно и то же время.

За рулем поглядывайте по сторонам и назад. Если более трех раз засечете поблизости от себя ту же машину, запомните номер и позвоните мне. Я наведу справки по компьютеру - это не проблема. Беспокоиться, по-видимому, нет оснований, но быть начеку не помешает. Надеюсь, что через несколько дней или, может, недель мы сможем сообщить вам, чтобы вы обо всем этом забыли. Я, вероятнее всего, напрасно встревожил вас, но вы же знаете, что лучше проявить излишнюю бдительность, нежели потом сожалеть о недосмотре, не так ли?

- А если вы получите информацию иного характера? - спросил Джек.

- Вы об этом узнаете на пять минут позже меня - я вам позвоню. Бюро не нравится сама мысль о том, что террористы могут начать действовать тут. Мы многое делаем, чтобы не допустить этого, и пока нам это вполне удавалось.

- Может, вам больше везло, чем?.. - спросил Робби.

- На везение мы ставки не делаем, - ответил Шоу. - Итак, доктор Райан, я еще раз прошу прощения за то, что побеспокоил вас. Вероятно, за всем этим ничего не стоит. Вот моя карточка. Если мы можем что-то сделать для вас, не стесняйтесь, звоните.

- Благодарю вас, мистер Шоу.

Джек взял карточку и проводил Шоу до двери. Молча постояв несколько секунд, он полистал телефонную книгу и набрал номер 011-44-1-499-9000.

- Американское посольство, - услышал он голос оператора.

- Мистера Мюррея, пожалуйста.

- Минуточку.

Через пятнадцать секунд Джек услышал:

- Не отвечает. Мистер Мюррей ушел домой... Хотя нет, извините, - его нет в городе, и не будет до конца недели. Что-то передать ему?

Джек нахмурился.

- Спасибо, ничего. Я позвоню на следующей неделе. Робби не спускал с него глаз. Джек барабанил пальцами по телефонной трубке - перед ним вновь стояло лицо Сина Миллера. "Он за три тысячи миль отсюда, Джек", - сказал он себе.

- Эй, - окликнул его Робби.

- Я, кажется, никогда не рассказывал тебе о том типе, которого я поймал?

- Которого они освободили? Который был по телевизору?

- Роб, ты встречал кого-нибудь?.. Как бы это сказать? Кого-нибудь, кого ты просто автоматически боишься?

- Мне кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду, - ответил Робби, чтобы избежать ответа. Он не знал, как ответить на такой вопрос. Будучи пилотом, он знал, что такое страх, но с ним можно было справиться, на то у него и был опыт.

В его мире страх не был связан с угрозой от людей.

- Во время суда я посмотрел на него и понял...

- Он - террорист, убийца. Это бы и меня вывело из себя, - Джексон встал со стула и выглянул в окно. - Боже, и таких-то они называют профессионалами? Вот я - да, профессионал. Я придерживаюсь правил поведения, я тренируюсь, я следую стандартам и правилам.

- Они действительно умеют делать то, что делают, - тихо выговорил Джек. Именно поэтому они опасны. А эта АОО непредсказуема. Дэн Мюррей так и сказал мне.

Джексон отошел от окна.

- Пойдем - я тебя познакомлю кое с кем.

- С кем?

- Пойдем. Не спрашивай, - в голосе Джексона прозвенели командирские нотки.

И жест, каким он надел свою офицерскую белую фуражку, тоже был по-военному четок.

Они спустились по лестнице и зашагали мимо часовни и массивного, как тюремный комплекс, здания Банкрофт-холл. Эта часть территории Академии не нравилась Райану. Они шли молча. Курсанты то и дело отдавали честь Джексону, и он отвечал им с некоторым шиком. Минут через пять они подошли к огромному зданию из мрамора и стекла - совершенно непохожему на Банкрофт-холл. Это здание называлось Ле-Жен. В вестибюле мимо них прошла ватага курсантов в спортивных костюмах. Вслед за Робби Джек спустился в подвальный этаж.

Покрутившись там, они в конце концов очутились в тускло освещенном коридоре - впереди был тупик.

Райану послышался пистолетный выстрел - так оно и оказалось, когда Джесон толкнул тяжелую металлическую дверь, и они вошли в зал для стрельбы. Там был только один человек - он стоял, вытянув вперед руку с пистолетом.

Сержант Ной Брекенридж был воплощением идеального сержанта морской пехоты.

Метр восемьдесят семь, восемьдесят килограммов, жиру ровно столько, сколько в тех двух сосисках, которые он умял на завтрак. На нем была безрукавка цвета хаки. Райану приходилось видеть Брекенриджа, человека известного в Академии, хотя знаком с ним он не был. За двадцать восемь лет службы Брекенридж был везде, где только мог быть морской пехотинец и участвовал во всем, в чем только мог участвовать морской пехотинец. Грудь его украшали пять рядов наград, почетнейшей из которых был Военно-морской крест, полученный им во Вьетнаме.

Кроме наградных ленточек, были у него и медали за мастерство в стрельбе, самой скромной из которых была Медаль Мастера. Каждый год он участвовал во всеамериканском чемпионате, и дважды выигрывал Кубок Президента по стрельбе из 45-миллиметрового кольта. Его ботинки ослепительно сияли. Волосы были коротко подстрижены; если в них и была седина, с первого взгляда ее не было видно. В Академии он был инструктором по стрельбе в звании дивизионного сержанта.

Говорили, что года через два, когда исполнится тридцать лет его службы, он станет начальником корпуса. Его присутствие в Аннаполисе не было случайным.

Даже то, как он шагал по территории Академии, было красноречивым вызовом любому курсанту, еще не определившему, какую карьеру ему избрать. Вся его манера вести себя как бы говорила: "И не думай стать офицером морской пехоты, если не сумеешь командовать таким человеком, как я". Это был вызов сильнейшего свойства, и мало кто из курсантов мог отмахнуться от него. Формально наряд морской пехоты, дежуривший на территории Академии вместе с гражданской охраной, был под командованием капитана. На деле же, как это частенько бывает в морской пехоте, капитан был достаточно умен, чтобы во всем полагаться на Брекенриджа.

Традиции морской пехоты хранятся и передаются молодежи не столько офицерским, сколько сержантским составом.

Райан с Джексоном смотрели, как сержант извлек из ящика очередной пистолет, всадил в него обойму, сделал два выстрела и приник к оптическому прибору, проверяя, что там с мишенью. Затем он, нахмурившись, вытащил из кармана рубашки крохотную отвертку и что-то там поковырялся с мушкой. Еще два выстрела, проверка, и снова - отвертка. Опять два выстрела. Теперь пистолет был пристрелян, и Брекенридж положил его назад, в ящик.

- Как дела, Пушка? - спросил Робби.

- Добрый день, лейтенант, - дружелюбно отозвался Брекенридж. Голос его, в котором ощущался акцент уроженца южной части Миссисипи, мягко пролился на холод цементного пола. - Как у вас?

- Жаловаться не на что. Я привел человека - хочу, чтобы вы

познакомились.

Это Джек Райан.

Они обменялись рукопожатием. В отличие от Скипа Тайлера, Брекенридж знал собственную силу и умел контролировать ее.

- Привет. Я знаю, вы тот, про кого писали в газетах, - Брекенридж изучающе уставился на Райана.

- Верно.

- Рад познакомиться, сэр. Я знаю парня, который муштровал вас в Куантико.

Райан рассмеялся.

- Как он поживает, Сын Конго?

- Теперь он в отставке. У него магазин спорттоваров в Роаноке. Он вас помнит. Говорит, что для студента колледжа вы были довольно толковым парнем.

Судя по газетам, вы помните кое-что из того, чему он вас натаскивал, - в глазах Брекенриджа светилось приятное удовлетворение, словно лондонское "приключение"

Райана было очередным доказательством, что морская пехота, которой он посвятил свою жизнь, - штука и в самом деле кое-что значащая. Он это и без того знал, но все же случаи, вроде этого, еще более укрепляли его приверженность службе. Если газеты ничего не переврали, вы, лейтенант, действовали как надо.

- Ну, не так уж и хорошо, сержант.

- Пушка, - поправил тот. - Все зовут меня Пушкой.

- Когда все кончилось, - продолжал Райан, - я дрожал, как детская погремушка.

Это Брекенриджу понравилось.

- Сэр, так со всеми, черт побери. Важно, чтобы дело было сделано. Что потом - не считается. Ну, так чем я могу быть вам полезен, джентльмены? Может, хотите - от нечего делать - пострелять для практики?

И тут Джексон пересказал ему то, что они узнали от агента ФБР. Лицо Брекенриджа потемнело, челюсти стиснулись. Потом он покачал головой.

- В холодный пот, небось, бросает, а? Я вас, лейтенант, не виню.

"Террористы!" - фыркнул он. - Террорист, - это панк с пулеметом. Вот и все.

Всего лишь хорошо вооруженный панк. Не велико дело выстрелить кому-нибудь в спину или полить огнем зал ожидания в аэропорту. Так вы, лейтенант, хотите обзавестись чем-нибудь для защиты, так? С собой носить и чтобы дома что-нибудь было?

- Я, право, не знаю... А как вы посоветуете. Райан вообще-то не думал об этом, хотя Робби, судя по всему, считал, что оружие ему нужно.

- Как у вас было со стрельбой в Куантико?

- Я в основном стрелял из кольта и винтовки М-16. Ничего особенного, но и неплохо.

- А сейчас? - нахмурившись спросил Брекенридж. "Неплохо" - мало что значило, с точки зрения профессионала.

- Во время охоты я свою норму по уткам и гусям выполняю. Хотя этот сезон я пропустил, - сказал Джек. - У меня "ремингтон-1100".

Брекенридж кивнул.

- Для начала неплохо. Это ваше оружие для дома. Нет ничего лучше короткостволки, когда стреляешь сблизи, - улыбнулся он.

- Есть у вас ствол на оленя? Нет? Ну, надо обзавестись. Он сантиметров пятьдесят, нарезка у него винтовочного типа. Вставляете магазин и пожалуйста пятизарядка. Вы ведь еще способны попасть в цель метров за семьдесят-восемьдесят? И это все, что вам нужно. Кстати, я могу раздобыть для вас подкалиберные патроны.

- Что это такое? - спросил Райан.

- Это экспериментальная штука, с которой они забавляются в Куантико - для полиции или для охраны посольств. Вместо свинцовой дроби там порядка шестидесяти дротиков, вроде крошечных стрел. Надо видеть, что они способны натворить, эти крохотульки. Кошмар. Итак, это у вас дома. А нужно ведь и что-то с собой носить?

"Это значит, - подумал Райан, - надо будет получить разрешение. Можно обратиться в местное отделение полиции... или даже, чтобы наверняка, - в ФБР".

- Так или иначе, он уже начал обдумывать этот вопрос.

- Может быть, - выговорил он наконец.

- О'кей. Давайте проведем небольшой опыт. Брекенридж удалился в свой кабинет и через минуту вернулся с картонной коробкой в руках.

- Это пистолет 22-го калибра, - сказал он, протягивая пистолет Райану.

Райан прежде всего проверил, заряжен ли пистолет. Брекенридж с удовлетворением наблюдал за тем, с какой сноровкой Райан это проделал. Как обращаться с пистолетом его обучал еще отец, двадцать лет тому назад.

- В руке лежит хорошо, - сказал Райан. - Хотя и малость полегче кольта, - Вот с этим он будет потяжелее, - Брекенридж протянул ему обойму. - Тут пять патронов. Вставьте обойму, но не загоняйте патрон в ствол, пока я вам не скажу, сэр. - Брекенридж привык отдавать приказы офицерам и умел делать это вежливо. - Примите исходную позицию. Расслабьтесь. Сегодня прекрасная погода, не так ли?

- Ага, - криво усмехнулся Райан.

Брекенридж выключил почти все лампы.

- О'кей, лейтенант, пусть ваш пистолет смотрит вниз, в пол. Теперь патрон в ствол. И расслабьтесь.

Джек приказал себе расслабиться и играть по всем правилам. Сзади раздался щелчок зажигалки - вероятно, Робби раскуривает свою сигару. Он не обернулся.

- В газетах я видел снимок вашей малышки, лейтенант. Очень хороша.

- Спасибо, Пушка. Я, кстати, тоже видел одну из ваших - тут, в Академии.

Тоже хороша, хотя и не малышка. Я слышал, что она помолвлена с курсантом.

- Да, сэр. Моя малышка уже помолвлена. - Это было сказано совсем другим тоном, с нежностью. - У меня их трое. Эта младшая. Вот выйдет замуж...

Райан аж подпрыгнул, когда у ног его начала взрываться цепочка хлопушек.

Он было начал разворачиваться к ним боком, как раздался рев Брекенриджа:

- Там, там, там ваша цель!

Тут же вспыхнула лампочка, обозначив цель - силуэт человека в пятнадцати метрах от него. Краем сознания Райан отдавал себе отчет, что это всего лишь тренаж, но только краем. Пистолет как бы сам собой нацелился в картонную мишень. Райан выпустил пять патронов менее чем за три секунды. Эхо еще не утихло, когда он дрожащей рукой положил пистолет на стол. Вспыхнули и остальные лампочки. В комнате пахло порохом. Робби спокойно стоял возле дверей кабинета Брекенриджа. Сам Брекенридж - за спиной Райана, готовый схватить его за руку с пистолетом, если бы он сделал что-то не то.

- Среди прочего я устраиваю и нечто вроде лунной ночи. Знаете, чертовски трудно создать стрессовую ситуацию, напоминающую боевую. Вы вот видели, что я придумал. Ладно, давайте взглянем на мишень.

- Черт, - проворчал Райан.

- Не так уж и плохо, - рассудил Брекенридж. - Четыре пули _ в мишени: две на белом поле, две - в черное. Обе в грудь. Ваш враг на земле и тяжело ранен.

- Две из пяти... Должно быть, две последние. Я чуть задержался и получше прицелился.

- Я это заметил, - кивнул Брекенридж. - Первая пуля пошла вверх и чуть влево - мимо мишени. Две следующие легли тут и тут. А последние две легли хорошо. Не так уж и плохо, лейтенант.

- В Лондоне я был куда лучше, - оправдывался Райан не очень уверенно. Две точки в белой части силуэта, а одна пуля и вовсе ушла за "молоко"...

- В Лондоне, если телик не соврал, у вас была секунда, а то и две, чтобы сообразить, как действовать, - сказал Брекенридж.

- Да, похоже на то, - согласился Райан.

- Видите? Вот это-то как раз и важно. Две-три секунды - большое дело, потому что у вас есть время обдумать ситуацию. Пусть даже две-три секунды...

Многие полицейские погибают именно потому, что у них нет в запасе этих секунд.

Эти секунды дают вам возможность сообразить, как обстоит дело и как вам надлежит действовать. Сейчас я вас заставил пройти через все эти ступени сразу.

Первая ваша пуля ушла за "молоко". Вторая и третья легли лучше, а последние две свалили вашего врага. Это, сынок, неплохо. Это почти на уровне вполне тренированного полицейского. Но вам нужно добиться большего.

- В каком смысле?

- Задача полицейского - охранять закон и порядок. Ваша задача - уцелеть. А это малость полегче. Это хорошо. Плохо же то, что те гады не намерены давать вам двух секунд, если вы не принудите их к тому или если вам сильно не повезет.

Пойдемте ко мне, - жестом пригласил он их к себе в кабинет, где тут же плюхнулся в кресло и закурил сигару - не такую дешевую, как у Робби, но тоже довольно вонючую.

- Вам надо сделать две вещи. Первое: я хочу видеть вас тут каждый день.

Каждый день в течение месяца, лейтенант. Вам надо научиться стрелять лучше.

Стрельба, как гольф: надо тренироваться каждый день. Вам надо поработать над этим, и надо, чтобы кто-то показал вам, как делать все правильно, - улыбнулся он. - Это не проблема. Я покажу вам что и как. Второе: если они придут по вашу душу, вы должны заручиться временем.

- Тот парень из ФБР сказал ему, что надо ездить, как посольские служащие, - сказал Джексон.

- Ну что же, для начала и это хорошо. Как во Вьетнаме - никаких устоявшихся привычек. А что если они попытаются напасть на вас дома?

- Его дом на отшибе. Пушка, - сказал Робби.

- Есть система сигнализации? - спросил Брекенридж Райана.

- Нет. Но я могу установить ее, - ответил Райан.

- Хорошая мысль. Я не знаю планировки вашего дома, но если вы обеспечите себе несколько секунд, и у вас есть короткостволка, то вы, лейтенант, заставите их пожалеть, что они явились к вам. По меньшей мере, вы сумеете продержаться, пока не подоспеет полиция. Как я уже сказал, игра эта называется: "Останемся в живых". А что насчет вашей семьи?

- Моя жена врач, и она в положении. Моя дочка... ну, вы сами видели ее по телевизору.

- Умеет ваша жена стрелять?

- Вряд ли она хоть раз в жизни держала в руках оружие.

- Я веду занятия по стрельбе с женщинами тоже - в рамках моей работы в местной полиции.

Райан подумал о том, как на все это отреагирует Кэти.

- Так какое оружие вы мне посоветуете приобрести? - спросил он.

- Приходите завтра, и мы чего-нибудь подберем для вас. Прежде всего это должно быть что-то, что вам кажется удобным. Но не покупайте "магнум". Вам надо что-то, из чего стрелять одно удовольствие, чтобы оно не отдавало в руку. Лично я люблю кольт, но я ведь стреляю из этой малютки уже двадцать с лишним лет, при этих словах Брекенридж взял руку Райана и так и сяк повертел ее, разглядывая ладонь. - Думаю, вам лучше начать с девятимиллиметрового браунинга. У вас достаточно большая рука, чтобы держать его как следует - у браунинга тринадцать патронов, и нужна довольна большая ладонь, чтобы он работал уверенно. И к тому же он хорош с точки зрения безопасности. Если у вас дома ребенок, то надо думать и насчет безопасности тоже. Ясно, лейтенант?

- Это несложно, - сказал Райан. - Я могу хранить его там, где она не найдет. У нас есть большой чулан, а там полка высокая - два метра от пола. Могу ли я попрактиковаться тут и с крупнокалиберным оружием?

Брекенридж рассмеялся.

- В принципе можно, конечно. Но скажу вам, что, когда у вас появится настоящая сноровка с пистолетом, у вас не будет никаких проблем с любым оружием. Поверьте мне. Этим я зарабатываю свой хлеб насущный.

- Во сколько мне прийти?

- Скажем, около четырех, каждый день. Райан кивнул.

- Насчет вашей жены. Просто приведите ее сюда как-нибудь - может, в

субботу. Я посижу с ней и потолкую. Многие женщины просто боятся самого звука выстрела. А тут еще эти страсти-мордасти по телевидению. Как минимум, научим ее стрелять из дробовика. Вы говорите, она врач? Значит, человек толковый.. А может, ей и вообще это понравится. Вы не поверите, сколько девочек, с которыми я занимаюсь, действительно полюбили это дело.

Райан покачал головой. Кэти не только ни разу не прикоснулась к его короткостволке, но стоило ему приняться за ее чистку, как она уводила подальше Салли. "Ремингтон" у него всегда был в разобранном виде и хранился в подвале.

Как отреагирует Кэти на то, что он будет держать заряженное ружье всегда под рукой?

"А как она отреагирует на то, что ты будешь повсюду ходить с пистолетом?"

- подумал Райан. И что если те сволочи начнут и за ними охоту?.."

- Я знаю, лейтенант, о чем вы сейчас думаете, - сказал Брекенридж. - Но ведь тот из ФБР сказал, что это вообще маловероятно, не так ли?

- Да.

- Так что все это не более чем страховка. Так к этому и относитесь, о'кей?

- Он это тоже говорил, - усмехнулся Райан.

- Слушайте, сэр, мы тут тоже получаем сообщения от разведки. Да-да, не удивляйтесь. С того дня, как эти мотобездельники ворвались сюда, мы получаем кое-что из полиции, ФБР и еще кое-откуда. Даже от Береговой охраны - их ребята приходят ко мне пострелять. Им это нужно - они же теперь с контрабандой наркотиков борются. Так что я тоже буду держать ухо востро, - пообещал Брекенридж.

"Информация... Все это - борьба за информацию, - думал Райан. Надо знать, что происходит, если ты намерен как-то защищаться".

- А что если вам сообщат, что те мотоциклисты опять намерены проникнуть сюда? - с улыбкой спросил Райан.

- Лучше бы им не делать этого, - серьезно ответил Брекенридж. - Это территория военно-морского флота США, охраняемая морской пехотой, сэр.

- Ну ладно. Спасибо, Пушка, - сказал Райан. - Мне пора. Брекенридж проводил их до двери.

- Шестнадцать ноль-ноль завтра, лейтенант. А вы не собираетесь потренироваться, лейтенант? - обратился он к Робби.

- Я привык к ракетам и пушкам. С ними безопасней. Всего хорошего. Пушка.

- Всего хорошего, джентльмены.

Робби проводил Джека до его кабинета и распрощался. Какое-то время Райан сидел, уставившись на телефон. Ему давно уже хотелось позвонить по этому номеру, хотя бы для того чтобы получить дополнительную информацию об АОО, но он все-таки по какой-то смутной причине избегал этого. Но теперь дело было уже не в удовлетворении любознательности. Перелистав телефонную книгу, он остановился на странице, где были фамилии на "Г". Уже набирая номер, он все еще колебался нужно ли это?

- Миссис Камингс, - услышал он в трубке.

- Приветствую вас, Нэнси, это доктор Райан. Босс у себя?

- Я проверю. Подождите секундочку.

- О'кей.

"Нужно ли все это?" - спросил он себя. И признался, что не знает.

- Джек? - раздался в трубке знакомый голос.

- Приветствую вас, адмирал.

- Как семья?

- Все в норме, сэр.

- Прошли через все это на уровне?

- Да, сэр.

- И, насколько мне известно, вы ждете пополнения. Примите мои поздравления.

"Откуда вы это узнали, адмирал?" - подумал он, но не спросил. Впрочем, замдиректору ЦРУ положено знать все.

- Спасибо, сэр.

- Так чем я могу быть вам полезен?

- Адмирал, я... - заколебался он. - Я бы хотел ознакомиться с материалами насчет этой АОО.

- Ага, мне приходила в голову мысль, что вам это может быть интересно.

У меня как раз тут доклад ФБР об этой группе, а в последнее время мы координируем свои действия также и с СЛС. Мне бы хотелось, Джек, чтобы вы снова поработали у нас. Может, даже на более постоянной основе. Думали ли вы о нашем предложении с тех пор, как мы последний раз с вами беседовали? - невинным голосом спросил Грир.

- Да, сэр, я думал, но... Я уже занят до конца учебного года, - увильнул Джек. Именно на этот вопрос ему не хотелось давать ответа. Если его припрут к стенке, он скажет "нет", и это закроет ему дорогу в Лэнгли.

- Я понимаю. Спешить некуда. Когда вы планируете заскочить к нам?

"С какой стати вы с такой готовностью откликаетесь на мою просьбу?"

- Завтра утром удобно? - спросил он. - У меня лекция только в два часа.

- Отлично. Будьте у главных ворот в восемь утра. Вас там встретят.

Пока.

- До свиданья, сэр.

"Все оказалось совсем просто. Слишком даже, - подумал Джек. - На что он рассчитывает?"

Ему хотелось ознакомиться с материалами ЦРУ. Не исключено, что у них было нечто, чем не располагало ФБР. И в любом случае, он почерпнет какие-то новые сведения.

Возвращаясь домой, Джек испытывал беспокойство. Он не спускал глаз с зеркала заднего обзора, поскольку вспомнил, что едет с работы обычной дорогой.

И в зеркало он, черт побери, видел знакомые машины. Это неизбежно, раз едешь по одной и той же дороге в одно и то же время. Он узнал по меньшей мере двадцать машин. Вон чья-то секретарша на "камаро зет-28". Наверняка, секретарша слишком хорошо одета, чтобы быть кем-то другим. Вон молодой адвокат в БМВ. Раз БМВ, то должен быть адвокатом, подумал Райан. "А что если появится какая-то новая машина? - спрашивал он себя. - Сможешь ли ты

определить, что в ней террорист?" Ответ он знал: вряд ли. Даже Миллер, несмотря на всю зловещность его физиономии, если будет в пиджаке и галстуке, вполне сойдет за обычного служащего...

- Паранойя, чистой воды паранойя, - пробормотал Джек. Скоро дойдет и до того, что он начнет, прежде чем сесть в машину, заглядывать на заднее сиденье не прячется ли там кто-то с пистолетом или удавкой, как то и дело видишь по телевизору. Не глупая ли все это трата времени и нервов? Мало ли какая блоха укусила Дэна Меррея? Или он вообще предупредил его из чистой перестраховки?

ФБР, конечно же, требует от своих людей, чтобы они проявляли особую осторожность в таких делах. Стоит ли пугать Кэти всем этим? Что если все это чушь? "А что если нет? Вот затем я и еду завтра в Лэнгли", - ответил он сам себе.

В половине девятого они втиснули Салли в пижаму-комбинезон и отправили в постель. Джек считал, что она уже достаточно большая, чтобы обходиться без этой пижамы, но Кэти не соглашалась с ним, поскольку ночью Салли сбрасывала одеяло на пол.

- Что было на работе? - спросила Кэти.

- Курсанты выдали мне награду, - похвалился он и, рассказав ей, как было дело, продемонстрировал Орден пурпурной мишени. Кэти посмеялась вместе с ним, но, когда он начал рассказывать о визитере из ФБР, она улыбаться перестала.

Джек постарался не упустить ничего из слов мистера Шоу.

- Так он, значит, не думает, что это может случиться в самом деле? - с надеждой спросила Кэти.

- Мы не можем полностью исключить возможность этого. Она отвернулась в сторону. Она не знала, как реагировать на все это. "Конечно, - подумал Джек. Я тоже не знаю".

- И что же ты намереваешься делать? - спросила наконец Кэти.

- Ну, прежде всего надо связаться с компанией по установке сигнализации.

Потом, я уже собрал свое ружье и зарядил его...

- Нет, Джек, - запротестовала Кэти, - только не дома. Тут же Салли...

- Оно на верхней полке в моем шкафу. Оно заряжено, но в стволе патрона нет. Ей до него не дотянуться даже со стула. Ружье должно быть заряжено, Кэти.

Кроме того, я собираюсь попрактиковаться в стрельбе и, может быть, куплю пистолет. Да... - заколебался он. - Было бы неплохо, если бы и ты научилась стрелять тоже.

- Нет! Я врач, Джек. Оружие не для меня.

- Оно не кусается, - терпеливо сказал он. - Я хочу только, чтобы ты встретила с человеком, который обучает женщин стрельбе. Тебе надо просто поговорить с ним.

- Нет, - отрезала она.

Джек вздохнул. Потребуется добрый час, чтобы убедить ее. Чтобы пробудить в ней здравый смысл, способный преодолеть ее предрассудки, ему обычно требовался час. Но сейчас ему не хотелось тратить время на все это.

- Так ты вызовешь монтера из компании по установке сигнализации уже завтра утром? - спросила она.

- Утром? Нет. Мне надо кое-где побывать.

- Куда это ты? У тебя ведь утром нет лекций. Райан набрал в грудь воздуха.

- Я еду в Лэнгли.

- И что там в Лэнгли?

- ЦРУ.

- Что?

- Помнишь, прошлым летом я получил деньги за консультацию из "Майте корпорейшн"?

- Ну?

- Я делал ту работу в штаб-квартире ЦРУ.

- Но... в Англии ты заявил, что никогда...

- Я работал на "Майте корпорейшн". Но сидел я в здании ЦРУ.

- Ты лгал? - Кэти была потрясена. - Ты лгал в суде?

- Ничего подобного. Я сказал, что никогда не состоял на службе в ЦРУ. И это правда.

- Но ты никогда не говорил мне об этом.

- Тебе ни к чему это было знать, - ответил Джек. - "Я же знал, что это неудачная идея..." - подумал он.

- Я твоя жена, черт возьми! И что ты там делал?

- Я был в составе группы академических работников. Каждые несколько лет они приглашают туда людей со стороны, чтобы ознакомиться с их материалами просто вид проверки работы их постоянных сотрудников. Я не агент или что там еще. Я сидел себе в крохотной комнатухе за маленьким столом на третьем этаже.

Я всего лишь написал доклад - и все.

Объяснять ей все остальное просто не имело смысла.

- И о чем был доклад?

- Я не могу этого говорить.

- Джек! - не на шутку разозлилась она.

- Слушай, детка, я подписал обязательство ни с кем, кто не получил на это специального разрешения, не обсуждать эту тему. Я дал слово, Кэти.

Это ее немного охладило. Она знала, что он всегда держит свое слово. И она очень любила это в нем. Ее раздражало, что он сейчас укрылся за этим, но в то же время она знала, что это та стена, которую ей не пробить. Тогда она прибегла к иной тактике.

- Так зачем ты теперь опять едешь туда?

- Я хочу ознакомиться с кое-какими данными у них. Ты понимаешь, какие данные я имею в виду.

- Насчет этих - из АОО?

- Ну, давай просто скажем, что на сегодня меня не волнуют китайцы.

- Ты в самом деле обеспокоен, не так ли? - спросила она, тоже начиная волноваться.

- Похоже, что да.

- Но почему? Ты же сказал, что ФБР говорит...

- Я не знаю... О черт, нет, я-таки знаю. Это все тот ублюдок Миллер. Он хочет убить меня, - сказал Райан, глядя вниз. Впервые он высказал это вслух.

- Откуда ты это знаешь?

- Я видел его лицо, Кэти. Я видел его, и я боюсь... Не только за себя.

- Но мы с Салли...

- Ты что, в самом деле думаешь, ему это важно? - гневно прервал он ее.

Эти ублюдки убивают людей, которых они и в глаза не видели. Для них это чуть ли не забава. Они хотят переделать мир по своему усмотрению, и им плевать на тех, кто у них на пути. Они просто плевали на это!

- Так зачем тебе идти в ЦРУ? Способны ли они защитить тебя... нас, я хочу сказать?

- Я хочу получше разобраться в этих людях.

- Но ведь ФБР знает их, не так ли?

- Я сам хочу проанализировать имеющуюся у них информацию. Я с этим неплохо справился, когда работал там, - объяснил Джек. - Они даже просили меня остаться там на постоянную работу. Но я отказался.

- Ты мне об этом никогда не говорил, - проворчала Кэти.

- Ну вот, теперь ты знаешь.

И он начал пересказывать ей советы Шоу насчет мер предосторожности. Когда он сказал, что ей надо быть начеку, когда она едет на работу и с работы, Кэти заулыбалась. Ее шестицилиндровый "порш-911" был как торпеда. Джек вечно удивлялся, почему ее еще ни разу не оштрафовали за превышение скорости. То ли она умудрялась очаровывать полицейских, то ли дурачила их своим удостоверением врача, плетя что-нибудь насчет того, что у нее срочный вызов к больному... Так или иначе, она гоняла со скоростью сто двадцать миль в час, и при этом машина ее обладала маневренностью шустрого зайца. Она водила "порш" с шестнадцати лет, и уж кто-кто, а Джек-то знал, как она умела гнать даже по проселочной дороге.

Возможно, что это умение - лучшая для нее защита, даже лучше, чем пистолет.

- Так ты запомнила? Будешь делать все это?

- Это действительно надо?

- Мне жаль, что я вовлек всех нас в эту историю. Я никогда, поверь, никогда не предполагал, что все так обернется. Может, мне надо было просто остаться тогда в стороне.

Кэти обняла его за шею.

- Теперь уже поздно говорить об этом. Может, они ошибаются. Может, как ты сказал, у них у всех приступ паранойи.

- О'кей.

Глава 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Райан выехал из дому задолго до семи. Выбравшись на пятидесятую дорогу, он устремился на запад, по направлению к округу Колумбия. Шоссе было, как обычно, забито машинами тех, кто ежедневно устремлялся на работу в различные

федеральные агентства, которые превратили округ Колумбия из некогда живописного местечка в некий город, на который ежедневно совершали нашествие полчища кочевников. Затем он выехал на окружную дорогу Ай-495 - там движение было еще плотнее. Интересно бы узнать, как это получается, что приходится ехать со скоростью пятнадцать миль в час по дороге, предназначенной для езды со скоростью семьдесят миль в час?

Он беспокоился о Кэти: будет ли она делать все, как положено? Проблема в том, что дорог до Балтимора не так уж и много - выбирать-то особенно не из чего. А кроме того, ей ведь надо отвезить Салли в детсад на шоссе Ритчи, а оттуда на Балтимор и вовсе всего одна дорога. Зато шоссе Ритчи никогда не бывает пустынным, и это скоростная дорога, так что перехватить ее там не так-то легко. В самом Балтиморе до больницы можно было добраться множеством разных дорог, и она обещала каждый раз менять их. Джек взглянул вперед - машины едва тащились. Он выругался. Вопреки сказанному Кэти, он не очень-то беспокоился о своей семье. Это ведь именно он стал на пути террористов, и если они движимы желанием личной мести, то объектом ее должен стать только он. Может быть.

Наконец, Райан пересек Потомак и выехал на шоссе Джорджа Вашингтона. Через четверть часа он подкатил к контрольно-пропускному пункту. Офицер охраны подошел к машине и спросил его имя, хотя уже и сверил номер его "фольксвагена" со списком в планшете. Райан протянул свои шоферские права, и тот внимательно сверил фотографию с лицом предъявителя.

- Сэр, парковка для посетителей налево, потом второй поворот направо.

- Спасибо. Я бывал тут.

- Отлично, сэр, - сказал офицер и махнул рукой на прощанье.

Деревья были голыми. Штаб-квартира ЦРУ находилась за первым рядом холмов, глядевших на Потомакскую долину. Когда-то тут был непроходимый лес. Впрочем, осталось еще довольно большое количество деревьев, так что из-за них не больно-то видно само здание ЦРУ. Возле стоянки для посетителей тоже был постовой - на этот раз женщина. Она махнула рукой, показывая, где есть свободное место, и записала номер его машины в журнал, а потом показала, как пройти до главного входа. Справа от него был "Пузырь" - аудитория, выстроенная в форме эскимосской хижины из замерзшего снега. Когда-то Райан читал тут лекцию о военно-морской стратегии. Прямо перед ним возвышалось здание самого ЦРУ семиэтажная громадина то ли из белого камня, то ли из бетона. Едва он вошел внутрь, как окунулся в специфическую атмосферу этого заведения, - весьма для него неприятную. В вестибюле крутились восемь офицеров из службы безопасности они были в штатском, пиджаки расстегнуты... Значит, револьверы на боку, решил Джек. Но тут же увидел, что это была рация. Все равно, подумал он, где-то поблизости должна быть и вооруженная охрана. На стенах висели телекамеры, но где был центральный наблюдательный пункт, Райан понятия не имел. На самом деле он знал лишь ту часть здания, где находился лифт, поднимавший его на третий этаж. где была его конура с письменным столом. Да еще знал коридор с мужской уборной и кафетерием на том же третьем этаже. Случалось ему бывать и на самом верхнем этаже, но всякий раз его кто-нибудь сопровождал туда, поскольку у него не было соответствующего пропуска.

К нему направился какой-то человек - Райан вроде бы знал его, однако не мог вспомнить имени.

- Доктор Райан, - окликнул его тот. - Я - Марти Кэнтор. Я работаю наверху.

Вот ваш пропуск.

Пожимая его руку, Райан вспомнил наконец, кто это такой. Кэнтор был помощником адмирала Гира.

- Мне не надо идти через проходную для посетителей?

- Все уже организовано. Идемте со мной.

Кэнтор направился к первому КПП. Сняв с висевшей на шее цепочки пропуск, он сунул его в нужную щель. Небольшие воротца с оранжевыми и желтыми полосами поднялись вверх. Но едва Кэнтор прошел в них, они тут же вернулись в исходное положение. Пришла очередь Райана - компьютер где-то там в подвале изучил его пропуск и решил, что его вполне можно допустить в здание. Воротца снова поползли вверх. Джеку здесь было не по себе. "Совсем как тогда, - подумал он. Как в тюрьме. Хотя тюрьма самого строгого режима - ничто по сравнению со здешними порядками". Что-то было тут такое, что вызывало в нем тревогу.

Джек, прежде чем опять пристроить пропуск себе на шею, взглянул на него - там была фотография, сделанная еще в прошлом году, и какой-то номер, имя не значилось. Он вспомнил, что на пропусках тут имен не ставили. Кэнтор энергично зашагал сперва направо, потом свернул налево - к лифту. Они миновали киоск, где можно было купить кока-колу, и бар, который обслуживали слепые. Еще одна странная и зловещая особенность этого учреждения под названием ЦРУ. Конечно, в смысле безопасности слепые надежнее зрячих, но как, подумал Райан, они каждый день приезжают на работу? Все тут было на удивление каким-то затасканным, пол отнюдь не сиял чистотой, стены - скучного желтовато-бежевого цвета. Многих удивляло, почему ЦРУ экономит на отделке интерьеров своей штаб-квартиры. Но прошлым летом Джек узнал, что здесь даже по-своему гордились этой запущенностью.

Все тут спешили как на пожар. На некоторых поворотах в коридоре даже висели зеркала, чтобы можно было, увидев, что творится за углом, избежать столкновения с коллегой-разведчиком... или предупредить вас о том, что за углом кто-то притаился и подслушивает.

"Зачем ты пришел сюда?" - спросил он себя.

Кэнтор нажал верхнюю кнопку. Через минуту они вышли на седьмом этаже - столь же скучном, как и первый. Кэнтор повернул налево, потом направо... Мимо них проносились всякие служащие - со скоростью, которая способна была впечатлить тренера, подыскивающего кандидатов в олимпийскую команду по спортивной ходьбе. Он было заулыбался этому сравнению, но тут же посерьезнел, сообразив, что улыбочное лицо здесь неуместно. Очень уж серьезная эта организация - ЦРУ.

Но вот они свернули в устланный ковром коридор, параллельный главному. Тут размещались кабинеты начальства. Офицер службы безопасности еще раз проверил пропуск Райана, и Кэнтор наконец подвел его к нужной двери и распахнул ее.

Адмирал Джеймс Гир был, как обычно, в штатском, сидел, как обычно, на

стуле с высокой спинкой, листал всегдашние свои бумаги, прихлебывая из чашки всегдашний свой кофе. Таким его всегда и видел Райан. Ему было сильно за шестьдесят, он был высокого роста, обладал аристократической внешностью, голос его был, когда надо, сердечен, когда надо, резок. У него был акцент уроженца штата Мэн, и Райан знал, что изысканность его манер благоприобретенная - отец его был фермером. Окончив Военно-морскую академию, Грир сорок лет прослужил во флоте - сперва офицером подводной лодки, а потом в разведке. Райану редко случалось встречать столь ярких людей. И столь непростых. Джек был убежден, что этот седовласый джентльмен умел читать чужие мысли. Наверняка, это входило в его обязанности в качестве замдиректора ЦРУ по разведке. Все данные, собранные агентурой, спутниками и Бог еще знает кем, оказывались здесь. Если Грир чего-то не знал, это значило, что сие не достойно того, чтобы его знать.

- Приветствую вас, доктор Райан, - оторвался он от своих бумаг и поднялся со стула. - Я вижу, вы не опоздали.

- Да, сэр. Я ведь помню, как трудно к вам добираться. Дороги забиты...

Они сели на стулья возле низкого стола, а Кэнтон принес кофе. С кофе у Грира всегда было отлично, вспомнил Джек. Высшего качества.

- Как рука, сынок? - спросил адмирал.

- Почти в норме, сэр. Хотя я могу теперь предсказывать дождливую погоду.

Врачи говорят, что это пройдет, но это, как артрит.

- А как ваша семья?

"Этот человек не упускает ни одной возможности", - подумал Джек. Но сегодня у Джека был припасен контрудар.

- В данный момент наличествует некоторое напряжение, сэр. Вчера я посвятил во все эти дела Кэти. Она не в большом восторге, как, впрочем, и я сам.

"Давайте перейдем к делу, адмирал", - мысленно сказал Джек.

- Так чем же конкретно мы можем вам помочь? - спросил Грир, но уже не тоном пожилого обаятельного джентльмена, а кадрового офицера разведки.

- Сэр, я знаю, что хочу слишком многого, но все же мне хотелось бы посмотреть, какими материалами располагает Управление об этих типах из Армии освобождения Ольстера.

- Не слишком многим, - сказал Кэнтон и хмыкнул. - Эти парни умеют маскироваться, как настоящие профессионалы. Они получают довольно большие деньги. Это, конечно, всего лишь умозаключение, но оно очень похоже на правду.

- Откуда у вас эти данные?

Кэнтон взглянул на Грира, и тот разрешающе кивнул.

- Доктор, давайте прежде решим вопрос о секретности.

- О'кей. Что я должен подписать?

- Мы этим займемся перед вашим уходом. Мы покажем вам почти все, чем располагаем. Но вам следует знать, что этот материал идет под грифом секретности "Эс-ай".

- Ничего удивительного, - вздохнул Райан. Гриф "Эс-ай" - "Специальная разведка" - означал более высокий уровень секретности, чем даже материалы с

грифом "Совершенно секретно". Допуск к такого рода материалам давался лишь единицам. Даже само название грифа хранилось в тайне. Райан лишь дважды в жизни знакомился с материалами этого уровня. "А теперь они выложат все это передо мной, - подумал он, глядя на Кэнтора. - Грир, должно быть, действительно хочет заполучить меня, раз так широко распахивает передо мной двери секретности".

- Кое-что от британцев... Точнее от ВГИРА через британцев.

Некоторые новые данные от итальянцев...

- Итальянцев? - изумился Райан. - А-а, ну, конечно... У них ведь полно своих людей в стране солнца и песка, не так ли?

- Один из них на прошлой неделе опознал вашего друга Сина Миллера. Он сходил с некоего судна, оказавшегося - прямо-таки чудом - в Ла-Манше в Рождество, - сказа Грир.

- Но известно ли, где он сейчас?

- Вместе с невыясненным числом сообщников он отправился на юг. Конечно, улыбнулся Кэнтор, - все, что ниже Средиземного моря, - юг. Так что толком мы пока не знаем, где именно он находится.

- ФБР располагает всем, что мы имеем, и британцы тоже, - сказал Грир. Это не так уж и много, но мы создали группу, которая анализирует все материалы.

- Спасибо, адмирал, за допуск.

- Мы, доктор Райан, это делаем не из филантропических побуждений, - сказал адмирал. - Я надеюсь, что вы сможете нащупать что-нибудь полезное и для себя, и для нас. А кроме того, если захотите, то уже к концу сегодняшнего дня вы будете служащим Управления. Мы даже сможем устроить вам разрешение на ношение оружия.

- Откуда вам известно, что я...

- Это моя работа, сынок, - зная, - усмехнулся Грир. Райану эта ситуация ничуть не казалась забавной, но пришлось признать, что адмирал был в этом смысле прав.

- Когда я могу приступить?

- Какое у вас расписание?

- Надо прикинуть, - осторожно сказал Райан. - Я могу быть здесь во вторник утром... Может, я смогу работать тут весь день раз в неделю, плюс дважды по полдню. По утрам. Большая часть моих лекций после обеда. К тому же надвигается конец семестра - каникулы. Значит, я смогу быть здесь целую неделю.

- Очень хорошо. Утрясите детали с Марти. Ну, ладно... Рад вас снова видеть у нас, Джек.

- Спасибо, сэр, - Джек протянул ему руку.

Грир выждал с минуту, чтобы Райан с Кэнтором не увидели его в коридоре, а потом отправился в кабинет директора ЦРУ.

- Ну? - спросил судья Артур Мур.

- Мы его заполучили, - доложил Грир.

- Что дала проверка?

- Чист. Несколько лет назад он оказался несколько чересчур проницательным в операциях на бирже, но он ведь, черт побери, и должен быть

проницательным.

- Ничего противозаконного? - спросил судья Мур.

Грир покачал головой.

- Нет. Просто очень хорошие мозги.

- Отлично. Но пока он не пройдет всю процедуру проверки, не показывайте ему ничего, кроме материалов об этих террористах.

- О'кей, Артур!

- И замдиректора не обязан сам заниматься вербовкой, - заметил судья Мур.

- Вы уж слишком близко к сердцу принимаете это. Неужели бутылка виски так уж скажется на вашем банковском счете?

Судья рассмеялся. В день побега Миллера, Грир предложил Муру пари насчет Райана. Мур не любил проигрывать ни в чем, но все же приятно было сознавать, что у его заместителя хорошая голова, способная прогнозировать события.

- Кроме того, я велел Кэнтору оформить Райану разрешение на ношение оружия.

- Вы уверены, что это правильно?

- Думаю, что да.

- Так решено, значит? - тихо спросил Миллер.

О'Доннелл знал, почему был разработан этот план. План, он это признавал, был отличный. Дерзкий, неординарный. Но Син поддался личным чувствам. А это было плохо.

Он повернулся к окну. Далеко внизу лежала Франция. Все эти обыватели спят в своих кроватях, в мире и покое. Они летели ночным рейсом, и самолет был почти пуст. В нескольких рядах от них дремала стюардесса. Подслушать их никто не мог.

Даже будь тут подслушивающая аппаратура, при таком шуме моторов от нее мало толку. Да и откуда ей быть? Они очень тщательно замели следы. Сперва они полетели в Бухарест, потом в Прагу, затем в Париж и теперь - домой, в Ирландию.

Причем в их паспортах стояли отметки лишь французского аэропорта. О'Доннелл был человеком предусмотрительным - вплоть до записок в записной книжке о якобы имевших место во Франции деловых встречах. В таможне, он был уверен, все пройдет нормально. Было уже поздно, и служащие в паспортном контроле ждут этого последнего рейса, чтобы поскорее смыться домой.

У Сина был совершенно новый паспорт - со всеми положенными печатями, конечно. Благодаря контактными линзам, глаза его теперь были карими, волосы другого цвета и подстрижены иначе, аккуратная бородка изменила форму лица. Син эту бороду терпеть не мог, потому что она чесалась. О'Доннелл усмехнулся в законную темь. Ну что же, придется ему к ней привыкнуть.

Син молчал. Откинувшись на спинку, он делал вид, что читает журнал, извлеченный из кармана в спинке переднего кресла. Это притворное терпение было по душе его шефу. Юноша с большой охотой прошел курс переподготовки

(О'Доннелл о такого рода вещах думал в военных терминах), сбросил лишний вес, восстановил навык обращения с оружием, встречался с офицерами разведки - да не с арабами, а из цивилизованных стран. И при этом выдержал их критические замечания относительно той операции в Лондоне. Эти "друзья" не признавали такую штуку, как удача, и утверждали, что для обеспечения успешности операции нужна была еще одна машина с вооруженными людьми. И Син выслушал все это молча и вежливо. А теперь он терпеливо ждал решения относительно предложенного им плана операции.

Видимо, этот юноша кое-чему научился в тюрьме.

- Да, решено, - выговорил наконец О'Доннелл.

Райан подписал соответствующую бумагу о получении секретных материалов.

Его снова поместили в том же закутке на третьем этаже - без окон, крохотном, как чулан. Меньших размеров стола в тюремной мастерской просто не делали, и стул его тоже был из самых дешевых. Таков был стиль ЦРУ.

Посыльный сложил всю гору документов на край стола и укатил свою тележку.

Сняв картонную крышку со стакана кофе, купленного в коридоре, он высыпал в него сахар и, благо тут не было Кэти, которая подняла бы крик, размешал его карандашом.

Груда материалов была высотой сантиметров в двадцать пять. Они были рассортированы по большим пакетам, на каждом из которых стоял кодовый номер. На самих папках были красные наклейки - издали видно было, что это нечто серьезное. Такие папки надлежало каждый вечер запирать в сейфы и никогда ни на минуту не оставлять на столе без присмотра, чтобы кто-нибудь не заглянул в них. Все страницы в папках были пронумерованы. На обложке первой папки было аккуратно отпечатано кодовое слово: "ВЕРНОСТЬ". Райан знал, что кодовые имена выбирались компьютером наугад. Прежде чем открыть папку, он помешкал с минуту словно, открыв ее, он бесповоротно обяжется стать сотрудником ЦРУ. Как будто первый шаг в этом направлении уже не был сделан им...

Мысленно одернув себя, он решительным жестом открыл папку. Это был первый официальный отчет ЦРУ об Армии освобождения Ольстера, составленный менее года тому назад.

"Армия освобождения Ольстера" - так был озаглавлен отчет.

"Происхождение аномалии" - стояло в подзаголовке.

"Аномалия". Райан вспомнил, что этим же словом пользовался Мюррей. В первом же параграфе с обезоруживающей честностью сообщалось, что изложенное далее на тридцати страницах - не столько факт, сколько домыслы, основанные прежде всего на показаниях, полученных от осужденных членов ВГИРА, в основном на их отрицаниях. Будучи арестованы, некоторые из них заявляли: "Это не наша операция". Райан нахмурился. Свидетельство не из самых надежных. Однако авторы отчета проделали огромную работу по сопоставлению источников. Самая невероятная история, если сведения о ней поступают из четырех разных источников, превращается уже в нечто не столь невероятное. Иным способом трудно было добыть информацию о такой высокопрофессиональной

организации, как ВГИРА. Джек знал, благо уже ранее занимался этим вопросом в том же ЦРУ, что Временная группировка Ирландской революционной армии была организована по классическому образцу отдельных ячеек. Она ни в чем не уступала любой разведывательной организации.

За исключением самого верхнего звена: конкретные детали той или иной операции доводились до сведения только тех, кому об этом было положено знать.

"Следовательно, - говорилось в отчете, - если детали какой-то операции широко известны, значит, ВГИРА к этой операции не имеет отношения. В ином случае о подробностях ее не знало бы так много людей, и они не обсуждали бы их даже в своей среде". "Это перевернутая логика, - подумал Джек. Но тем не менее вполне убедительная". Далее в отчете говорилось, что та же логика применима и к основному сопернику ВГИРА - Ирландской национально-освободительной армии, организации, ответственной за убийство лорда Луиса Маунтбеттена. Между ВГИРА и ИНОА существовало жесточайшее соперничество, и последняя, хуже организованная и раздираемая внутренними противоречиями, уступала ВГИРА.

Армия освобождения Ольстера всплыла на поверхность и обрела некую форму менее года тому назад. Сначала британцы считали ее всего лишь группой специального назначения ВГИРА, неким ударным отрядом. Но эта теория рухнула после того, как один из арестованных членов ВГИРА с негодованием отверг какую-либо причастность своей организации к убийству, совершенному АОО. Далее авторы отчета анализировали операции, осуществленные судя по всему АОО, пытаясь выявить их почерк. В частности, они отметили, что в операциях АОО участвует в среднем больше людей, чем в операциях такого же масштаба, подготовленных "Временными".

"Это интересно..." Райан вышел из кабинета и купил в киоске пачку сигарет.

Вернувшись, он не сразу попал к себе в кабинет - пришлось изрядно повозиться с замком, шифр которого он еще как следует не освоил.

"Больше людей в каждой операции", - задумался он, закури́в сигарету. Это ведь нарушение основных правил безопасности. Чем больше людей участвуют в операции, тем серьезнее риск ее провала. В чем же тут дело? Он решил повнимательней присмотреться к описанию самих операций АОО. Вскоре ему стало ясно, в чем тут дело. Армия освобождения Ольстера была в большей степени, нежели "Временные", организацией военизированного типа и опиралась не на малочисленные независимые группы, а действовала скорее в духе полноценной армейской единицы. ВГИРА зачастую действовала не силами групп специального назначения, а делала ставку на какого-нибудь одного "ковбоя" - убийцу. Райану было известно много случаев, когда какому-нибудь боевику выдавали оружие, и он, словно охотник на оленей, выжидал в засаде - порой несколько дней, подстерегая конкретного человека, намеченного к убийству руководством ВГИРА.

АОО действовала иначе. Во-первых, они обычно не полагались на действия одного-единственного боевика. Они, казалось, опирались на разведывательную и штурмовую группы, работающие в тесном контакте. Однако все это были выводы, основанные опять же не столько на фактах, весьма скудных, сколько на

умозаключениях. Так или иначе, АОО умела замечать следы. И значит, в основе ее действий лежало планирование и она располагала ресурсами.

Раз АОО действовала по образцу воинской единицы, следовательно, она верила в своих людей и в надежность предпринятых ею мер безопасности. Джек начал делать заметки. С фактами как таковыми в отчете было не густо. Райан насчитал шесть. Зато анализ их был любопытен. АОО отличалась высоким уровнем профессионализма в планировании и осуществлении операций - уровень этот был значительно выше такового ВГИРА, организации, которая на нехватку специалистов тоже не жаловалась. Вместо опоры на действия небольшого числа действительно толковых оперативников, в АОО ставка делалась, судя по всему, на то, чтобы все ее члены профессионально владели оружием. Это было интересным.

"Военное обучение? - записал Райан. - Насколько серьезное? Где осуществляется? Откуда деньги?"

Он принялся за следующий отчет, который был составлен несколько месяцев спустя после первого и посвящен личности Кевина О'Доннелла, предполагаемого шефа Армии освобождения Ольстера. На первой странице была фотография О'Доннелла, раздобытая британской разведкой. Единственная примечательная особенность О'Доннелла - высокий рост, все прочее было вполне ordinarily. Снимок был давнишний, и позже, прочитав Райан, О'Доннелл сделал пластическую операцию.

Но все равно Джек принялся внимательно разглядывать фотографию. Она была сделана во время похорон члена ВГИРА, убитого ольстерской - полицией. Лицо О'Доннелла было торжественным, в глазах угадывалась жестокость. Решив, что вряд ли он почерпнет многое из этого снимка, Райан отложил его в сторону и принялся за чтение биографии О'Доннелла.

Из рабочих. Отец - водитель грузовика. Мать умерла, когда ему было девять лет. Конечно, католическая школа. Копия диплома свидетельствует, что учился он отлично. Университет окончил с отличием, специализировался в изучении политологии. Посещал все университетские курсы по марксизму, в конце шестидесятых и начале семидесятых годов участвовал в деятельности различных групп, боровшихся за гражданские права. Это привлекло к нему внимание и Королевской полиции Ольстера, и британской разведки. После окончания университета он на год исчез из поля зрения. Вновь объявился в 1972 году, после "Кровавого воскресенья". В тот день британские парашютисты-десантники потеряли самообладание и открыли огонь по толпе демонстрантов, убив четырнадцать человек, никто из которых, как оказалось, не был вооружен. Парашютисты до сих пор утверждают, что по ним выстрелили из толпы, и они были вынуждены открыть огонь в целях самозащиты. Правительство Англии выступило с заявлением, подтверждающим эту позицию. А что еще им оставалось делать? А может, это даже и правда. Самая большая ошибка британцев - отправка войск в Северную Ирландию. На самом деле им для восстановления там закона и порядка нужна была хорошая полиция, а не армия. Но в те времена КПО действовала, фактически, бесконтрольно, так что выбора у британцев на самом деле не было. Поэтому послали солдат, и те оказались в ситуации, к которой не были подготовлены...

Отсюда и неумение не поддаваться на провокации.

Дойдя до этой мысли, Райан чуть-чуть насторожился. "Политолог, перегружен марксистскими идеями". О'Доннелл исчез из поля зрения, потом опять появился после "Кровавого воскресенья", и вскоре поступило новое донесение, что он - шеф службы безопасности ВГИРА. Должность эту ему дали не за успехи в университете.

Что-то такое особенное ему надо было сделать, чтобы получить ее. В терроризме, как и в любой профессии, надо пройти через стадию ученичества. Каким-то образом этот Кевин Джозеф О'Доннелл взлетел вверх. "Как ты этого добился? Может, ты был одним из тех, кто занимался провокациями? Если это так, то где ты этому научился, и не связан ли с этим тот год, когда тебя не было видно? Где ты обучался тактике партизанской войны в городе?.. Не в Крыму ли?.. Слишком много совпадений", - сказал самому себе Джек. Идея относительно советских тренировочных лагерей для наиболее преданных членов ВГИРА и ИНОА так часто муссировалась, что утратила доверие. К тому же, все это вообще могло быть намного проще. Они могли и сами разработать верную тактику или вычитать об этом в книгах. Книг о тактике ведения партизанских действий в городских условиях полным-полно. Джек и сам читал несколько таких книг.

Теперь Райан принялся за чтение сообщений о втором исчезновении О'Доннелла. Тут информация британских источников была довольно полной. Как начальник безопасности О'Доннелл был очень эффективен. Почти половина убитых им и в самом деле были информаторами того или иного толка. Неплохой процент в такого рода делах. В конце отчета были приведены сведения, собранные Дэвидом Эшли в результате его поездки в Дублин... "О'Доннелл малость увлекся..." Он использовал свое положение для того, чтобы разделаться с теми из ВГИРА, чья линия не совпадала с его. Это выплыло наружу, и тогда он опять исчез. Но куда?

Он, безусловно, убедил кого-то предоставить его только-только создававшейся организации поддержку - деньгами и возможностью тренажа. Но откуда, озадачился Райан, появилась эта новая организация? Между исчезновением О'Доннелла из Ольстера и первой операцией АОО прошло полных два года.

Британские разведывательные данные предполагают, что он сделал пластическую операцию. Где? Кто ее оплатил? "Конечно, он делал ее не в какой-нибудь замшелой стране "третьего мира", - решил Райан и подумал, что надо будет попросить Кэти разузнать у коллег в больнице Хопкинса, где есть хорошие специалисты по пластическим операциям. "Два года, чтобы изменить облик, получить финансовую поддержку, нанять бойцов, заложить оперативную базу и приступить к действиям... Неплохо", - подумал Райан с завистливым восхищением. Всего два года.

Кто-то завозился с замком его кабинета. Оказалось - Марти Кэнтор.

- Я думал, вы бросили курить, - сказал он, войдя в кабинет. Райан погасил сигарету.

- Моя жена тоже так думает. Вы видели все эти материалы?

- Да, - кивнул Марти. - Босс велел мне просмотреть их - весь уикенд убил на это. Ну, и что вы думаете об этом?

- Я думаю, что этот О'Доннелл - незаурядная сволочь. Он организовал и

обучил свою группу прямо-таки по армейскому образцу. Армия его невелика, зато он знает в ней всех. И, видать, он очень осторожен в вопросе вербовки. Отсюда его уверенность в своих людях. Он - политик, но при этом умеет мыслить и действовать, как солдат. Кто его обучал?

- Этого никто не знает, - ответил Кэнтор. - Не исключено, что вы переоцениваете это обстоятельство.

- Может быть, - согласился Райан. - Но я ищу... как бы это сказать?

Аромата, что ли. Я пытаюсь почувствовать, как он думает. Хорошо бы еще узнать, кто его финансирует, - он замолчал на секунду, и вдруг его осенила новая идея.

- А каковы шансы, что у него есть свои люди в ВГИРА?

- Что вы имеете в виду?

- Он успевает смяться, когда узнает, что руководство ВГИРА решило расправиться с ним. Два года спустя он опять в деле, уже со своей организацией.

Откуда он набрал бойцов?

- Некоторые наверняка ушли к нему из ВГИРА, - сказал Кэнтор.

- Конечно, - кивнул Райан. - Те, кому он доверял. Но мы ведь знаем, что он занимался контрразведкой, не так ли?

- Ну и что? - все никак не мог уловить Кэнтор.

- Кто основная угроза для О'Доннелла?

- За ним гоняются все...

- Кто хочет убить его? - переиначил свой вопрос Райан. - У британцев нет смертной казни. А вот у ВГИРА есть.

- Ну так что же?

- А то, что если бы вы были на месте О'Доннелла, то, вербуя людей во ВГИРА и зная при этом, что она хочет выставить вашу голову на городской стене, вы разве не захотели бы, чтобы внутри ВГИРА остались люди, которые сообщали бы вам что и как?

- В этом есть зерно, - задумчиво сказал Кэнтор.

- Потом - кто является политической мишенью АОО?

- Нам это неизвестно.

- Оставьте эту ерунду, - разозлился Райан. - Большая часть информации в этих материалах поступила от "Временных", не так ли? Откуда, черт побери, они знают о делах АОО? Как они получают эти данные?

- Вы переживаете, Джек! - предупредил Кэнтор. Я с этими данными тоже знаком. Они в основном носят негативный характер. Члены ВГИРА, из кого удалось выжать какую-то информацию, в основном говорили, что те или иные операции - не их рук дело. Так что вывод, что эти операции на совести АОО - спекулятивен. В отличие от вас, все это мне кажется не столь уж очевидным.

- Нет, вы ошибаетесь. Авторы отчета проделали отличную работу по выявлению почерка АОО. Во всех действиях АОО чувствуется свой стиль, Марти! И он поддается выявлению, не так ли?

- Ваша логика притянута за уши, - не соглашался Кэнтор. - О'Доннелл вышел из ВГИРА, следовательно, он вербует людей там, следовательно, у него есть там свои люди, и так далее. Ваши основные аргументы логичны, но не забывайте, что они покоятся на очень шатком основании. А что если АОО

все-таки спецгруппа ВГИРА? Разве они не заинтересованы в том, чтобы иметь нечто вроде этого?

Кэнтор был великолепен в роли "адвоката дьявола" - одна из причин, почему Грир взял его к себе в помощники.

- О'кей, в этом есть некая правда, - признал Райан. - И все же, если исходить из того, что АОО - независимая группа, в сказанном мною есть свой смысл.

- Согласен. Это логично. Но не доказано.

- Значит, это первая логическая цепочка, ведущая к объяснению действий этих типов. О чем еще нам говорят эти материалы?

Кэнтор ухмыльнулся.

- Дайте мне знать, когда докопаетесь до этого.

- Могу я с кем-нибудь обсуждать эти вопросы?

- Например? Мне надо знать, с кем... прежде чем я скажу "нет".

- Юрисконсульт нашего посольства в Лондоне - Дэн Мюррей, - сказал Райан. Он, я уверен, имеет доступ ко всем этим материалам. Я не ошибаюсь?

- Да... С доступом у него все в порядке. И вообще он сотрудничает с нашими людьми. О'кей, вы можете обсуждать с ним эти вопросы.

- Спасибо.

Через пять минут Кэнтор уже сидел в кабинете адмирала Грира.

- Он действительно знает, как ставить нужные вопросы.

- Так на чем он споткнулся? - спросил адмирал.

- Те же вопросы, что задавал Эмиль Джекобс и его команда: каковы цели О'Доннелла? Есть ли его люди во ВГИРА? И если да, то зачем?

- И что же Джек?

- Его мнение совпадает с мнением Джекобса и ФБР: О'Доннелл по нутру своему контрразведчик. ВГИРА хочет снять с него скальп, и лучший способ для него спасти свою шкуру - иметь своих людей в логове ВГИРА, чтобы вовремя предупреждали его об опасности.

Адмирал кивнул в знак согласия и задумался. Чутье подсказывало ему, что это еще не все.

- Что еще? - спросил он.

- Насчет тренажа. Он еще не ознакомился со всеми материалами. На это ему потребуется какое-то время. Но вы, сэр, были правы - он очень проницателен.

Мюррей поднял трубку и, не глядя, нажал кнопку справа.

- Да?

- Дэн? Это Джек Райан.

- Как дела, педагог?

- Ничего. Мне бы хотелось кое-что обсудить с вами.

- Валяйте.

- Я думаю, что у АОО есть свои люди во ВГИРА.

- Что? - подскочил на стуле Мюррей. - Эй, послушайте, я не могу... - он взглянул на телефон. - Как вы, черт побери, попали на особую линию?

- Допустим, я снова на государственной службе, - скромно сказал Джек.
- Мне об этом никто не сказал.
- Так что вы думаете?

- Я думаю, что это не исключено. Джимми пришел к этой идее три месяца тому назад. Бюро согласно, что в этом есть резон. У нас нет объективных доказательств, но все полагают, что это логично. Я имею в виду, что со стороны Кевина было бы неглупо это сделать, если он может, конечно. Но помните, Джек, что у ВГИРА очень хорошая служба безопасности.

- Вы сами говорили мне, что большая часть сведений, которыми мы располагаем, поступила из кругов ВГИРА. Откуда у них эта информация? - быстро спросил Джек.

- Что? Я вас не понял?
- Как ВГИРА узнает, чем занимается АОО?
- Ага... Этого мы не знаем.

Этим вопросом Мюррей с Оуинсом и сами задавались не раз. Впрочем, работникам полиции частенько приходилось иметь дело с анонимными источниками информации.

- С какой бы стати им делать это? - спросил Джек.
- Ставить ВГИРА в известность о своих делах? Не знаю. Если у вас есть какие-то идеи на этот счет, рад буду выслушать.

- А как насчет вербовки людей для своей команды?
- Почему бы вам сперва не обдумать эту идею как следует? Даю вам несколько секунд, - тут же среагировал Мюррей, дав понять Райану, что не в восторге от того, что тот набрел на идею о том, что земля плоская.

В трубке на какое-то мгновение воцарилось молчание.

- О'кей... Ну тогда, чтобы "Временные" сами не проникли к нему в организацию.

- Ну и ну!.. Если О'Доннелл проник в ряды ВГИРА для обеспечения своей безопасности, зачем ему допускать, чтобы члены организации, которая охотится за его головой, проникли в его стаю? Для самоубийства есть более легкие способы, рассмеялся Мюррей. Он слышал, как Джек тяжело вздохнул.

- О'кей, я догадывался, что тут какой-то прокол. Спасибо, - сказал Райан.

- Прошу прощения, за то, что испортил вам настроение, но мы эту идею похоронили уже месяца два назад.

- Но чтобы с чего-то начать, ему ведь надо было сперва нанять людей из ВГИРА, - спохватился Джек, обругав себя за несообразительность. Впрочем, Мюррей ведь специализировался на этом годы и годы.

- Это уже кое-что. Но число его людей очень невелико, - сказал Мюррей. Чем больше организация, тем больше риск, что "Временные" проникнут в нее и разделаются с ним. Помните, что они в самом деле хотят содрать с него шкуру.

Мюррей замолчал, чтобы не упомянуть ненароком о сделке Дэвида Эшли с ВГИРА. ЦРУ об этом еще не знало.

- Как семья? - сменил он тему.
- Все в порядке.
- Билл Шоу сказал, что говорил с вами на прошлой неделе...
- Ну да. Поэтому я тут и оказался. Вы заставили меня оглядываться, Дэн.

Есть какие-нибудь намеки, что мне надо быть настороже?

Настал черед Мюррея тяжело вздохнуть.

- Чем больше я об этом думаю, тем яснее вижу, что беспокоиться было не о чем. Никаких свидетельств. Джек. Это было просто чутье - знаете, как бывает у старух. Прошу прощения. Полагаю, что я слишком нервно отреагировал на слова Джимми. Надеюсь, что не причинил вам слишком много беспокойства.

- Не переживайте, - утешил его Джек. - Ну ладно, мне пора домой. Пока.

- До свиданья, Джек, - Мюррей положил трубку и вернулся к своим бумагам. "

Райан сделал то же самое. Ему пора было ехать, чтобы успеть на лекции.

Появился посыльный со своей тележкой и забрал все папки и записи Джека, которые теперь тоже стали секретным материалом. Несколько минут спустя он уже выходил из здания ЦРУ, все еще занятый тем, что узнал сегодня.

Джек не знал, что в новой пристройке к штаб-квартире ЦРУ располагается Национальное агентство военно-воздушной разведки - НАВВР. Это было объединенное агентство ЦРУ и ВВС, занимавшееся обработкой данных, полученных при помощи спутников и разведывательных самолетов. Новые спутники действовали уже не при помощи фотосъемок, а посредством сканирующих камер, типа телевизионных.

Благодаря этому, в частности, можно было не тратить время на обработку фотопленок, а непосредственно следить за тем, что происходит на территории СССР и его спутников. Это позволяло НАВВР собирать куда большее количество данных о том, что происходит в мире. Обработкой их и занимались сотни аналитиков, трудившихся в новой пристройке к штаб-квартире ЦРУ.

В задачу одного из младших аналитиков входила оценка данных о лагерях, относительно которых было подозрение, что они используются для обучения террористов. Ничего особенного. пока найдено не было, хотя так или иначе все данные по этой теме и фотографии были переданы Оперативной группе по борьбе с терроризмом. Там поахали и поохали по поводу четкости снимков, высказали сожаление в связи с тем, что все равно нельзя разглядеть номера машин, да тут же и забыли о них. Аналитическое прочтение данных фоторазведки всегда было делом лишь узких специалистов.

Младший же аналитик был на самом деле не столько аналитиком, сколько человеком, выполнявшим некую подготовительную работу. Он собирал и классифицировал данные, но не анализировал их. Этим должен был заняться кто-то другой - позже. В данном случае аналитик обрабатывал эти данные на предмет фиксации инфракрасного свечения. Лагерь, изучением которых он занимался, было более двухсот, и располагались они в основном в пустынях - что было большой удачей. Все знают, что днем в пустыне дикая жара, но мало кто принимает во внимание, что по ночам там холодно - зачастую даже ниже нуля. Таким образом аналитик был занят тем, что пытался выявить уровень активности лагерей по числу жилищ, которые отапливались по ночам. Этому весьма помогало инфракрасное свечение на снимках - ярко-белые шарики на холодном, черном фоне.

Аналитик набирал на компьютере цифровое обозначение очередного лагеря и вписывал в память число отапливаемых жилищ. Лагерь номер 11-5-18 с параметрами 28 градусов, 32 минуты, 47 секунд северной широты и 19 градусов,

7 минут, 52 секунды восточной долготы имел шесть зданий, одно из которых служило гаражом. В гараже было по меньшей мере две машины. Хотя это здание не отапливалось, тепло, исходившее от двух моторов, четко просвечивало даже сквозь железную крышу. Из других пяти зданий отапливалось одно. Аналитик проверил данные недельной давности - тогда отапливались три здания. Те же данные свидетельствовали о том, что в этом отапливаемом помещении располагалась охрана - немногочисленная - и группа по материально-техническому обеспечению - порядка пяти человек. Там, судя по всему, была кухня, так как одна часть здания всегда была теплее другой.

Другое здание было столовой. Она, как и спальни, была пустой теперь. Аналитик сделал соответствующие отметки, и компьютер вычертил некий график, пик которого приходился на время, когда в лагере кипела жизнь, а нижняя часть графика - на время, когда жизнь там замирала. Аналитик не располагал временем, чтобы изучить этот график, но он был уверен, что этим непременно займется кто-то другой. В этом он заблуждался.

Не забывайте, лейтенант, - сказал Брекенридж. - Глубокий вдох, потом полувыдох - и нажимайте плавно.

Райан навел девятимиллиметровый браунинг на круг мишени и плавно нажал на курок. Вспышка и звук выстрела... Браунинг выбросил гильзу и снова был готов к стрельбе. Джек прицелился... И так четыре раза. Потом он снял наушники. Уши его вспотели.

- Две девятки, три десятки, две из которых в кольце Икс, - сказал Брекенридж. - Хуже, чем в тот раз.

- Рука устала, - объяснил Райан. Браунинг весил более килограмма. Вроде бы не велика тяжесть, но попробуй-ка поддержи ее с часок в вытянутой руке.

- Подзаймитесь с легкими гантелями - вроде тех, знаете, какими бегуны пользуются. Это укрепит вашу кисть и предплечье. Брекенридж вогнал в обойму браунинга пять патронов и прицелился. Пять выстрелов прозвучали менее чем за три секунды. Райан прильнул к телескопу. В самой сердцевине мишени было пять дырочек - как пять лепестков цветка.

- Черт, - сказал главный сержант, - я совсем забыл, какое это удовольствие - хороший браунинг. Прицел тоже в порядке.

- Я это заметил, - запнувшись, сказал Джек.

- Не огорчайтесь, лейтенант. Я этим занимался, еще когда вы под стол пешком ходили.

Он снова загнал пять патронов. Пять выстрелов, и центр мишени, словно ножницами вырезанный, оказался на полу.

- Почему мы стреляем по круглым мишеням? - спросил Джек.

- Я хочу, чтобы вы привыкли попадать точно туда, куда хотите, - объяснил Брекенридж. - Над всякими хитроумными мишенями мы еще попотеем в свое время.

Сейчас нам надо овладеть основами. Вы, лейтенант, сегодня выглядите поспокойней.

- Ну... В общем, я имел разговор с агентом ФБР, который тогда

предупредил меня обо всем этом. Теперь он говорит, что, возможно, он к этому отнесся излишне серьезно. И я, наверное, тоже.

Брекенридж пожал плечами.

- Вы, лейтенант, никогда не были в бою. А я бывал. И извлек из этого один важный урок: первая реакция обычно самая верная. Помните об этом.

Джек кивнул, однако слова эти не принял всерьез. За сегодняшний день он многое успел. Изучение данных об АОО немало рассказало ему об этой организации, но там и намек не было на то, что они когда-либо предпринимали какие-либо действия в Америке. У "Временных" было полно всяких связей в Америке, но никто не верил, что подобными связями располагала и Армия освобождения Ольстера. Даже если они задумают что-то совершить тут, рассуждал Райан, им для этого понадобятся здешние связи. Конечно, О'Доннелл мог бы связаться с кем-то, кого знал в Америке еще будучи в рядах ВГИРА, но это было маловероятно. Он был опасным человеком, но лишь на своей территории. Америка его территорией не была. Таковы были данные. Джек знал, что после одного дня работы такого рода заключение слишком поспешно. Но он будет этим заниматься еще недели две-три.

Кроме всего прочего, ему хотелось разобраться в отношениях между О'Доннеллом и ВГИРА. У него было ощущение, что там было что-то странное, и он хотел все досконально проанализировать, чтобы прийти к какому-то правдоподобному заключению. Надо же было как-то отплатить ЦРУ за проявленную к нему любезность.

Шторм был великолепен. Миллер с О'Доннеллом стояли у окна и смотрели, как ураган швырял на утес гигантские волны, все в рваном кружеве пены. Удары волн рождали басовые ноты, а ветер в это время тонко завывал и свистел, и дождь барабанил по крыше дома, стоявшего на вершине утеса.

- В такой денек в море лучше не выходить, - сказал О'Доннелл, отхлебывая из стакана виски.

- Когда наши коллеги собираются в Америку?

- Через три недели. Не так уж и много времени. Ты все еще не отказался от своего намерения?

- Такую возможность упускать нельзя, Кевин, - ровным голосом ответил Миллер.

- Нет ли тут у тебя какого-то другого мотива? - спросил О'Доннелл, решив, что лучше играть в открытую.

- Я учел все последствия. "Временные" едут туда, чтобы заявить о своей непричастности и...

- Да, я знаю. Это прекрасная возможность. Очень даже. Когда ты намерен выехать?

- В среду утром. Нам надо спешить. Даже с нашими связями это будет нелегко.

ПОСЕТИТЕЛИ

Двое мужчин сгорбились над картой, вокруг которой лежало несколько фотографий.

- Это будет трудно, - сказал Алекс. - Тут я вам не смогу помочь.

- В чем проблема?

Син сам знал, в чем проблема, но ему хотелось прощупать своего партнера.

Ему никогда прежде не случалось работать вместе с неграми, и хотя он уже год как знал Алекса и его группу, в деле ему с ними бывать не случалось.

- Он всегда выезжает из ворот номер три, вот здесь. Эта улица, как видите, тупик. Ему надо ехать или прямо на запад или поворачивать на север. Он ездит и так и сяк. Вот эта улица достаточно широкая, чтобы сделать дело прямо из машины, но эта - чересчур узкая и ведет не туда. Так что единственное подходящее место вот тут, на углу. Светофоры здесь и здесь, - ткнул в карту пальцем Алекс. - Обе эти улицы узки, у тротуаров всегда с обеих сторон стоят машины. Тут жилой многоквартирный дом. А тут виллы. Пешеходов до странности мало. Один человек, может быть, еще и скроется, но двое-трое - никак, - он покачал головой. - И к тому же это район белых. Черный будет бросаться в глаза.

Вашему парню придется провернуть все это самому, причем без машины. Возможно, вот за этой дверью лучше всего, но ему надо быть наготове каждую секунду, а не то цель скроется.

- Как он сам оттуда смоется? - спросил Син.

- Я могу припарковать машину за этим углом. Или вот тут. Придется только подождать, чтобы освободилось место для машины. Но мы можем выехать сильно загодя. Насчет того, куда потом бежать - тоже не проблема. Тут большой выбор направлений. В часы пик улицы запружены. Это тоже работает на нас. Полиции трудно будет организовать слежку, а мы возьмем самую заурядную машину. Все машины-подряд они останавливать не могут. Так что отход будет легким. Проблема - это ваш человек. Он должен быть вот здесь.

- А почему бы ему не быть в своей машине? А потом он бы пересел в вашу.

Алекс покачал головой, - Это слишком трудно. Дороги слишком запружены - его легко потерять. Вы же видели, какое там движение, Син, а он никогда не ездит той же дорогой. Если хотите знать мое мнение, операцию надо разбить на две части - сначала сделать одно, а потом другое.

- Нет, - твердо заявил Миллер. - Мы сделаем так, как я наметил.

- Ладно, парень. Но предупреждаю, что вашего человека засекут.

Миллер на какой-то момент задумался, потом улыбнулся и сказал:

- У меня есть для этого самый подходящий человек. Что там со второй частью? - спросил он. Алекс достал другую карту.

- Это легко. Наш объект может выбрать любую дорогу, но все они сойдутся вот тут ровно в четыре сорок пять. За прошедшие две недели мы делали проверку шесть раз, и разница во времени никогда не превышала пяти минут. Надо провернуть это тут, возле моста. С этим любой справится в одиночку. Можно даже - специально для вас - устроить репетицию.

- Когда?

Сегодня после полудня - устраивает? - улыбнулся Алекс.

- Идет. Пути отхода?

- Мы вам покажем. Пусть уж будет настоящая репетиция.

- Отлично.

Миллер был доволен. Добраться сюда было сложно. Не трудно, но сложно.

Пришлось пять раз менять самолеты. Не обошлось и без юмористических моментов. В этот раз Син Миллер путешествовал с британским паспортом, и в Майами служащий паспортного контроля принял его белфастский выговор за шотландский. "Если таков уровень американских блюстителей порядка, - сказал себе Миллер, - эта операция пойдет у нас как по маслу".

Они отрепетируют это сегодня же. Если все пойдет нормально, он вызовет команду, и дня через четыре они будут тут. Оружие было уже на месте.

- Ваши выводы? - спросил Кэнтор.

Райан подцепил с края стола пачку листов.

- Вот мой анализ. Шестьдесят страниц. Есть ли в них какой прок - не уверен, - признался Джек. - Ничего нового я не открыл. Имеющиеся в вашем распоряжении отчеты - это хорошая работа, учитывая отсутствие серьезных фактов.

Армия освобождения Ольстера - действительно, организация странная. С одной стороны, их операции вроде бы не имеют реальных целей, поддающихся выявлению.

Но при этом такой высокий уровень профессионализма!.. Они слишком профессиональны, чтобы действовать бесцельно.

- Это верно, - сказал Кэнтор. Они сидели в его кабинете, напротив кабинета замначальника ЦРУ. Адмирала Грира не было в городе. - Пришли ли вы вообще к какому-то заключению?

- Я классифицировал их операции географически и по времени их осуществления. Никакой закономерности тут не усматривается. Единственная отличительная черта - в самом типе операций, в их исполнении, но это мало о чем говорит. Они любят выбрать цель большой значимости, но какой, черт побери, террорист не любит этого? Ведь в этом весь смысл терроризма - участвовать в большой игре, не так ли? Чаще всего они используют оружие из стран Восточного блока, но таким же оружием пользуется и большинство других групп. Напрашивается вывод, что их щедро финансируют. Это логично, судя по их активности, но реальных доказательств этого у нас опять же нет.

- У О'Доннелла подлинный талант исчезать из поля зрения. Мы ничего не знаем о трех годах его жизни: год до "Кровавого воскресенья" и два после того как "Временные" решили разделаться с ним. Оба этих периода - белые пятна. Я спрашивал жену о пластических операциях...

- Что? - реакция Кэнтора была негативной.

- Она не знает, зачем мне это. Я просто попросил ее разузнать у коллег, где в наше время можно обзавестись новым лицом. Я был удивлен, узнав, что таких мест не так уж и много. Два - за железным занавесом. Оказывается, первые работы в этом направлении осуществлялись в Москве еще до второй

мировой войны. Врачи из больницы Хопкинса были в этом институте - чьего-то там, не помню, имени, - и обнаружили там кое-что странное.

- Как, например? - спросил Кэнтор.

- Как, например, два этажа, куда невозможно попасть. Анетт Дисалви приятельница Кэти еще по колледжу - была там два года назад. На два верхних этажа можно попасть только специальным лифтом, а лестница, которая туда ведет, снабжена железными воротами. Странная штука для больницы. Я нашел эти сведения довольно курьезными. Может, они окажутся полезными для кого-то еще.

Кэнтор кивнул. Он кое-что знал об этой клинике, но сведения о закрытых этажах были новинкой для него. "Поразительно, - подумал он, - как случайно порой всплывают какие-то крохи информации". Удивился он и тому, что группе хирургов из больницы Хопкинса разрешили посетить ту клинику. Он взял это себе на заметку.

- Кэти говорит, что "обретение нового лица" - это не совсем то, что себе представляют по всяким сенсационным публикациям. Чаще всего это восстановительная хирургия, необходимая после какой-то травмы, ну, скажем, после автомобильной катастрофы. В таких случаях хирурги не столько что-то меняют, сколько восстанавливают. То есть они делают при этом и какие-то косметические манипуляции - я не имею в виду исправление формы носа, подтягивание кожи и тому подобное. В конце концов изменения внешности вы можете добиться, отпустив бороду или переменив прическу. Но хирурги-косметологи могут менять форму подбородка и скул, при этом частенько остаются шрамы. Анетт говорит, что московская клиника на уровне - почти не хуже больницы Хопкинса или Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. В Калифорнии вообще много отличных специалистов по пластическим операциям. Но мы ведь говорим не об изменении формы носа или подтягивании кожи. Чтобы значительно изменить лицо, нужно множество хирургических процедур, и на это уходит несколько месяцев. Из двух лет, что О'Доннелл отсутствовал, он значительную часть этого времени провел в такой больнице.

- Ага, - догадался Кэнтор. - Тогда, он и вправду шустрый.

Джек ухмыльнулся.

- Именно этим я и заинтересовался. Он находился вне поля зрения в течение двух лет. По меньшей мере полгода ему надо было провести в клинике. Значит, за оставшиеся полтора года он наберевал людей, создал оперативную базу, начал сбор разведданных и провернул первую свою операцию.

- Неплохо, - задумчиво сказал Кэнтор.

- Вот видите? Итак, ему надо было вербовать людей из рядов ВГИРА. Те должны были притащить с собой какой-то материал. Готов спорить, что первые его операции были когда-то подготовлены ВГИРА, но по той или иной причине они от них отказались. Вот почему британцы и решили сперва, что АОО - на самом деле, часть ВГИРА.

- Вы поскромничали, сказав, что ничего серьезного не нащупали, - заметил Кэнтор. - Ваши выводы представляются мне очень пронизательными.

- Может быть. Я всего лишь переорганизовал имеющийся в вашем распоряжении материал. Тут ничего нового, однако ответа на свой вопрос я не нашел. Мне так и неясно, какова их цель, - в голосе Райан заметно было разочарование. Он не привык к неудачам. - Мы до сих пор не знаем, откуда эти

ублюдки появились. Они что-то замышляют, но что именно?..

- Есть у них связи в Америке?

- Никаких. То есть - нам об этом ничего не известно. Мне от этого легче на душе. Нет никаких намеков на контакты с американскими организациями, и вместе с тем у АОО есть масса причин не вступать в такого рода контакты. О'Доннелл слишком хитер, чтобы пользоваться старыми связями, времен его пребывания во ВГИРА.

- Но он же вербует... - возразил Кэнтор.

- Я имею в виду здесь, в США, - прервал его Райан. - Как бывший шеф безопасности он знает кто есть кто в Белфасте и в Лондондерри. Тогда как американские контакты ВГИРА осуществляются через "Шин Фейн", политическое крыло "Временных". Он не сумасшедший, чтобы доверять им. Вспомните, что он ведь хотел сменить идеологическую базу ВГИРА и провалился с этим.

- О'кей. Я понимаю, что вы имеете в виду. А возможны его контакты с другими группами? Райан покачал головой.

- Никаких свидетельств. Я не стал бы зарекаться насчет контактов с какими-то европейскими группами или даже исламскими, но не со здешними.

О'Доннелл - еще та штучка. Появиться тут - слишком уж это сложно. О'кей, они не любят меня. Я их понимаю. Но ФБР право: мы имеем дело с профессионалами. А я с политической точки зрения никакой ценности не представляю. Охота за моей головой не представляет никакой политической ценности, а они люди политики. И слава Богу, - заключил Джек.

- Известно вам, что делегация ВГИРА - точнее, "Шин Фейн" - прибывает сюда послезавтра?

- Для чего?

- Та лондонская операция повредила им в Бостоне и Нью-Йорке. Они уже сотни раз заявляли о своей непричастности, а теперь эта группа приедет сюда на пару недель, чтобы лично заявить о том же местным ирландским общинам.

- О, черт! - выругался Райан. - Почему бы не запретить этим ублюдкам въезд сюда?

- Это не так-то просто. Те, которые едут сюда, не числятся в списке подозрительных. Они тут уже бывали и прежде. Формально они чисты. Мы живем в демократической стране, Джек. Еще Оливер Уэнделл Холмс сказал, что конституция написана для людей с кардинально различными убеждениями. Что-то в этом роде.

Короче говоря: свобода слова.

Райан не мог удержаться от улыбки. Многие считали сотрудников ЦРУ фашистами, людьми, представляющими угрозу для американских свобод, коррумпированными и некомпетентными приверженцами оторванных от жизни схем. Они же оказались на деле в политическом смысле весьма умеренными - даже более умеренными, чем он сам. Если эта правда выйдет наружу, пресса объявит ее очередным зловещим трюком ЦРУ. Даже ему самому это казалось довольно странным.

- Надеюсь, за ними будут присматривать, - заметил Джек.

- В каждом баре будут люди ФБР. Они вместе с ними будут пить пиво и распевать "Люди за колючей проволокой". И при этом не дремать. Бюро знает свое дело. Оно почти уже перекрыло источники снабжения оружием.

- Чудесно. Значит теперь плохие парни пользуются "Калашниковыми" и так далее, сделанными в Сингапуре.

- Это не наша ответственность, - сказал Кэнтор.

- Ну, ладно. Значит, тут все, до чего я сумел докопаться, Марти, - Джек положил свой отчет на колени Кэнтора.

- Я прочту и верну вам. Теперь снова преподавать историю?

- Ага, - Райан поднялся и снял свое пальто со спинки стула. - А что если что-нибудь об этих парнях всплывет где-то в другом месте?

- Джек, вы можете работать только в этой части здания...

- Я это знаю. Я имею в виду другое: как вы сопоставляете материалы из других отделов?

- Для этого у нас есть специальная группа и еще - компьютеры, - ответил Кэнтор, в то же время подумав про себе: "Не сказал бы, что это всегда продуктивно...", - Если обнаружится что-то новое...

- Взято на заметку, - сказал Кэнтор. - Как здесь, так и в ФБР. Если мы что-нибудь получим об этих парнях, вы будете знать об этом в тот же день.

- Идет, - сказал Райан. - Спасибо. И, пожалуйста, поблагодарите адмирала от моего имени. Вы не обязаны были делать это для меня. Я ваш должник.

- Мы будем держать вас в курсе дела, - пообещал Кэнтор.

Райан кивнул и, проверив, правильно ли висит пропуск на груди, вышел в коридор. Они будут поддерживать с ним контакт, о'кей. И снова сделают предложение, и он снова откажется от него. Не без больших колебаний, конечно.

Он изо всех сил старался быть скромным и вежливым с Кэнтором. На самом деле, он был довольно высокого мнения о своем отчете - особенно в смысле организации материала, которым они тут располагали. Так что, на самом деле, он им ничего не должен.

Жизнь Каролины Мюллер Райан была очень жестко расписана. И это ей нравилось. В больнице она всегда работала с одной и той же группой врачей, медсестер и технического персонала. Они знали ее стиль работы, где и как должны лежать ее инструменты. У большинства хирургов свои привычки, а офтальмологи к тому же славятся особой требовательностью. Работавшие с ней мирились с ее требовательностью не только потому, что она была лучшим в своей возрастной группе специалистом, но и потому, что испытывали к ней симпатию. Она редко срывалась и умела находить общий язык с медсестрами, что удавалось далеко не всем докторам. В связи с беременностью у нее возникли некоторые сложности. В частности, ей приходилось избегать долгого пребывания в операционной, если там шли в ход определенные химикалии. Живот мешал ей работать у стола.

Любовь к порядку распространялась также и на домашнюю жизнь. Кэти водила свой "порш" с точностью механизма, словно была образцовым водителем из учебника. Для нее повторять одни и те же движения было не скукой, а процессом совершенствования. Так же она и на рояле играла. Сисси Джексон,

пианистка по профессии, как-то заметила, что игра Кэти слишком безупречна, и в ней мало души. Кэти восприняла это как комплимент. У хирурга не должно быть собственного почерка в работе - он должен ее каждый раз делать правильно и точно.

Именно поэтому теперешняя ситуация ее раздражала. На самом деле необходимость каждый раз ездить на работу другой дорогой была мелочью, но эта мелочь раздражала, поскольку она внушила себе, что должна укладываться в обычное время. Обычно дорога занимала у нее не больше пятидесяти семи минут и не меньше сорока пяти (за исключением уикендов, когда движение спадало). Салли она всегда забирала из садика без четверти пять. Новые маршруты угрожали привычному расписанию, но не так уж и много было дорожных проблем, которые были бы не под силу "поршу".

Сегодня Кэти ехала по третьей дороге, а потом свернула на проселочную, которая вывела ее на скоростную дорогу Ричи, в шести милях от детсада "Гигантские шаги". Кэти проскочила светофор как раз вовремя, повернула на второй скорости и тут же газанула, чтобы перейти на третью, а потом и на четвертую. Шестицилиндровый мотор по кошачьи мягко урчал. Кэти любила свой "порш". До замужества она ни на чем другом не ездила - это теперь ей приходилось пользоваться фургоном, когда она ехала за покупками или они выбирались куда-нибудь всей семьей. Теперь она с некоторым беспокойством задумывалась, что будет, когда родится второй ребенок. Главное, удастся ли ей уговорить Джека взять няньку. В этом отношении Джек был немножко чересчур пуританином - ему не нравилась мысль о прислуге, даже на полдня. Это тем более идиотство, что сам-то Джек изрядный разгильдяй, даже повесить на место пальто не может. Теперь, когда у них есть горничная, положение чуть-чуть изменилось к лучшему - Джек перед ее приходом более или менее приводит дом в порядок, чтобы она не считала, что это семья нерях. "Да, - подумала Кэти, - мы все-таки заполучим няню. В конце концов, Джек ведь теперь рыцарь", - улыбнулась она. Так что подтолкнуть Джека в правильном направлении не составит особого труда. Она перешла в левый ряд и обогнала грузовик.

К детсаду Кэти подкатила всего на две минуты позже обычного.

- Мама! - бросилась к ней Салли.

Кэти наклонилась, чтобы взять ее на руки. С каждым днем становилось все труднее нагибаться, а уж поднимать Салли и того тяжелей. Она надеялась, что Салли не будет ревновать их с Джеком к новому малышу. У некоторых детей это бывает, но она уже рассказала Салли о том, что предстоит, и той вроде бы понравилось, что у нее будет маленький брат или сестричка.

- Ну, чем же сегодня занималась моя большая девочка? - спросила Кэти.

Салли любила, когда ее называли "большой девочкой", и это обнадеживало Кэти, что возможные осложнения в связи появлением малыша будут сведены к минимуму.

Салли выскользнула из ее объятий, и они вместе отправились забрать пальто Салли и коробку для завтрака. Кэти проверила, застегнула ли Салли пальто до самого верха, и они двинулись к машине. Кэти открыла ее, усадила Салли, пристегнула ее предохранительным поясом и направилась к своей дверце.

На той стороне скоростной дороги был небольшой супермаркет, магазин под названием "7-11", химчистка, магазин видеофильмов и лавка хозяйственных

принадлежностей. У магазина "7-11" опять стоял синий фургон. Она уже дважды видела его на прошлой неделе. Кэти пожала плечами, отбросив в сторону дурацкую мысль. "7-11" - магазин быстрого обслуживания, так что многие заскакивают туда по пути домой.

- Привет, леди Райан, - сказал сидевший в фургоне Миллер. В задних дверях были два окошка - как в том полицейском фургоне, улыбнулся Миллер. Сквозь них нельзя было разглядеть, что внутри фургона. Алекс был в магазине - закупал, как было заведено в последние две недели, батарею кока-колы.

Миллер засек время: она приехала в 4.46, уезжает в 4.52. Рядом с ним человек с фотоаппаратом фиксировал все на пленку. Миллер приткнулся к биноклю. За зеленым "поршем" легко будет следить, к тому же у него и номер персонализирован - КР-СРГН. Алекс объяснил, что любой человек может заказать номер со своими инициалами, и у Миллера мелькнул вопрос: кто будет пользоваться этим сочетанием букв в следующем году? Наверняка ведь есть тут люди с такими же инициалами.

Алекс вышел из магазина, сел за руль и завел машину. Фургон выехал со стоянки, как раз когда "порш" отъезжал от детсада. Сперва Алекс свернул на север по скоростной дороге Ричи, потом развернулся на ближайшем повороте и устремился на юг вдогонку за "поршем". Миллер сидел рядом с ним, справа.

- Она идет по этому шоссе до пятидесятой дороги, а потом переходит на двойку. Так вот, прежде чем она перейдет на двойку, мы и должны врезать ей.

Потом мы проскочим дальше, свернем и сменим машину - я покажу тебе где.

- Жалко, - сказал Алекс. - Жалко фургон - я уже полюбил его.

- За те деньги, что мы платим, ты можешь купить другой. Улыбка разрезала черное лицо надвое.

- Надеюсь. И выберу, чтобы интерьер был получше. - Он свернул вправо и вывернул на пятидесятую дорогу. Движение там было довольно интенсивным. Алекс объяснил, что в это время тут всегда так.

- Никаких проблем - сработаем чисто, - заверил он Миллера.

- Отлично, - похвалил его Миллер. - Подготовка на уровне, Алекс.

"Несмотря на то, что рот у тебя до ушей", - подумал он.

Когда Салли была с ней, Кэти вела машину аккуратней. Салли все тянула шею, высматривая что-то в окно, левая рука ее, как обычно, тербила пряжку ремня. На душе у Кэти наконец-то стало спокойно. После напряженного рабочего дня она всегда отходила примерно в это время. Сегодня, правда, день был не из самых тяжелых - всего две операции. И завтра так же. Она любила свое дело. Ко многим людям вернулось зрение благодаря ее искусству, и это приносило такое чувство удовлетворения, которое трудно было передать даже Джеку. Конечно, за удовлетворение приходилось платить - работа была порой очень тяжелой. Перед операцией она отказывала себе даже в кофе, чтобы никакого дрожания рук... В медицине были и потрудней профессии, но таких было мало. Вот поэтому-то она в основном и любила "порш". Он помогал ей расслабиться и успокоиться, словно вбирая в себя все ее дневное раздражение. Домой Кэти почти всегда приезжала в отличном настроении. А сегодня и вообще

хороший день, благо была очередь Джека готовить ужин. Будь машина живой, она бы заметила, что нога хозяйки уже не так жестко жала на педаль скорости, когда они выбрались на вторую дорогу. Машина была теперь обласкана, как верная скаковая лошадь, четко взявшая все барьеры.

- О'кей? - спросил Алекс, проскочив мимо поворота на вторую дорогу.

Другой парень, сидевший сзади, протянул Миллеру блокнот, где было зафиксировано время, когда и куда приезжала Кэти, во сколько уезжала и в какой момент миновала тот или иной пункт. Син отметил, что леди Райан точно придерживалась своего графика.

- Прекрасно, - сказал он.

- Я не могу точно-сказать, где нам надлежит врезать по ней - движение на дороге невозможно предугадать. Я бы сказал, что нам надо постараться сделать это на восточной стороне моста.

- Идет.

Кэти приехала домой на пятнадцать минут позже обычного. Она расстегнула молнию на пальто Салли и ее "большая девочка" начала выкручиваться из рукавов искусство, которому она еще только училась. Повесив ее пальто на вешалку и раздевшись сама, Кэти проследовала в кухню. Там такой шум стоял, что можно было безошибочно сказать, что Джек возится с ужином и в то же время смотрит телевизор.

- Привет, детка, - сказал Райан и поцеловал Кэти. - Как дела?

- Две пересадки роговицы. Берни помогал. Тебе от него привет, кстати, сказала Кэти, оглядывая кухню. Она частенько задавалась вопросом, стоит ли принуждать Джека возиться с обедом-ужином, если в результате такой хаос и бардак. Не то чтобы он плохо готовил, но он был так неаккуратен! Кухонная утварь у него всегда в полном беспорядке. А Кэти любила, чтобы на кухне была чистота и порядок, как в операционной. Джек же разбрасывал все как попало, а потом ничего не мог найти.

- Хорошие новости, - сказал Джек.

- Ого?

- Сегодня я разделался с ЦРУ.

- И чему же ты так радуешься?

- Я не обнаружил ничего подозрительного. Так что волноваться нам не из-за чего. Они никогда не действовали тут, - принялся он объяснять Кэти. - Нам не известно, чтобы у них тут были какие-то контакты. А главное - мы для них никакой реальной ценности не представляем.

- Почему?

- Мы не политики. Они охотятся за военными, политиками, судьями, мэрами и тому подобное.

- Не говоря уже о принцах, - заметила Кэти.

- Но мы ведь и не принцы тоже.

- Так что ты хочешь сказать?

- Народ они ужасный. Этот Миллер... О'кей, мы об этом уже говорили. У меня полегчает на душе, когда его наконец опять упрячут за решетку. Но они профессионалы. Они не попрутся за столько тысяч километров ради личной мести.

Кэти взяла его руку.

- Ты уверен?

- Вполне. Насколько вообще можно быть уверенным в таких вещах. Разведка не математика, но ты обретаешь возможность понять образ мыслей другого человека. Террорист убивает из политических соображений. И мы в этом смысле никакого интереса для них не представляем.

- Итак, - улыбнулась ему Кэти, - я могу успокоиться теперь?

- Думаю, что да. Но не забывай все же поглядывать в зеркало, когда едешь.

- И ты больше не будешь ходить с этим пистолетом? - с надеждой спросила она.

- Я люблю стрелять, детка. Я было совсем забыл, какое это удовольствие палить из пистолета. В Академии я буду ходить на стрельбище, но с собой я пистолет больше носить не буду.

- А ружье?

- Оно-то тут при чем?

- Мне это не нравится, Джек. По крайней мере, не держи его заряженным, ладно?

Она пошла в спальню переодеться.

"Ладно", - подумал он. Это было не так уж важно. Он будет держать коробку с патронами на той же верхней полке, чтобы Салли туда не добралась. Даже и Кэти трудно туда дотянуться. Джек окинул мысленным взором все, чем он занимался в последние три недели, и решил, что, как бы там ни было, он проделал полезную работу. Система сигнализации в доме - право, неплохая идея, да и браунинг был ему по душе. Он теперь уже куда лучше стрелял. Через год тренировок он мог бы потягаться с самим Бреккенриджем.

Он проверил духовку. Еще десять минут. Потом он переключил телевизор на новости.

- У нас в нашей бостонской студии, - сказал комментатор, - мистер Падрэг... Правильно я произношу?.. О'Нил, представитель "Шин Фейн", член британского парламента. Мистер О'Нил, с какой целью вы прибыли в Америку в этот раз?

- Я и многие из моих коллег часто бываем в Америке, чтобы рассказать американскому народу об угнетении, которому подвергается ирландский народ со стороны британского правительства, о том, что нас лишают возможности развивать экономику, лишают основных гражданских прав, рассказать о беспорядках, которые царят в судах, о том, как зверски британские солдафоны расправляются с народом Ирландии, - без запинки выговорил О'Нил. Он эти слова произносил далеко не в первый раз.

- Мистер О'Нил, - сказал сотрудник британского посольства в Вашингтоне, политический представитель Временной группировки так называемой Ирландской республиканской армии. Это террористическая организация, находящаяся вне

закона как в Северной Ирландии, так и в Ирландской республике. В США он, как обычно, приехал для сбора денег, чтобы его организация могла купить оружие и взрывчатку". Этот финансовый источник оказался под угрозой после подлого нападения на королевскую семью в Лондоне. Так что О'Нил попытается внушить американцам ирландского происхождения, что ИРА к этому не причастна.

- Мистер О'Нил, - спросил ведущий программы, - что вы скажете в ответ на это? Ирландец выдал благосклонную улыбку.

- Мистер Беннет, как обычно, забыл упомянуть о кое-каких политических проблемах. Лишены ли католики Северной Ирландии равных с англичанами экономических и политических возможностей? Да, лишены. Вмешивается ли - по политическим соображениям - британское правительство в работу судов в Северной Ирландии? Да, вмешивается. Приблизились ли мы к политическому урегулированию этого кризиса, современная фаза которого началась в 1969 году? Увы, нет. Если я террорист, то почему мне разрешили въезд в вашу страну? Я член британского парламента, избранный жителями моего округа.

- Но вы не участвуете в работе парламента - возразил ведущий.

- Участвовать?... Чтобы присоединиться к правительству, убивающему моих избирателей?

- О, Боже! - сказал Райан. - Что за белиберда. Он выключил телевизор.

- Какой умеренный человек, - сказал Миллер. Он сидел у Алекса дома и смотрел ту же программу новостей. - Расскажи своим здешним друзьям, Падди, какой ты умеренный человек. А вечером в пивной растолкуй всем, что ты никогда и пальцем не тронул никого, кто не имеет отношения к подлинным угнетателям ирландского народа.

Досмотрев программу до конца, Миллер выключил телевизор и набрал номер телефона-автомата, что возле одной пивной в Дублине.

Следующим утром из Дублина в Париж вылетели четверо. Аккуратно одетые, они походили на молодых служащих, отправившихся за границу по делам. В аэропорту Шарль де Голль они пересели на самолет, отправлявшийся в Каракас. Оттуда они долетели до Атланты, а потом - до Вашингтона. Все эти перелеты замучили их несказанно, а потому, взяв такси, они отправились в ближайший отель отсыпаться.

Утром следующего дня они покинули отель. На улице их поджидала машина.

Глава 13

ВТОРОЙ ШАНС

"Должен быть закон против понедельников", - думал Райан, глядя на то, что было бы плохим началом для любого дня недели - обрывок шнурка от ботинка. Где запасные? Он не знал. Кэти он тоже не мог спросить - вместе с Салли они уже уехали: одна в детсад, другая на работу. Проклятье! Он принялся рыться в ящиках. Бесплезно. На кухне. Пустой номер. Спустился вниз и начал рыться в чулане. Под какими-то блокнотами, ножницами и магнитами он

разыскал наконец один шнурок, но он был не того цвета. Райан уже вспотел. Еще несколько минут поисков, и он раскопал другой - под пару первому.

Теперь надо было выбрать галстук. Это было всегдашней его проблемой, но хорошо хоть не было под боком жены, которая непременно заявила бы, что у него плохой вкус. Костюм на нем был серый, так что он выбрал темно-синий галстук в красную полоску. Джек до сих пор носил белые, хлопчатобумажные сорочки с пуговицами сверху донизу. Старые привычки отмирают долго. Пиджак сидел хорошо.

Это был один из костюмов, которые Кэти купила ему в Лондоне. Не хотелось признаваться самому себе, что она разбиралась в одежде куда лучше его. Да и тот лондонский портной был тоже что надо. Он ухмыльнулся своему отражению в зеркале - "Дьявольски хорош!" - и направился к выходу. Его портфель стоял на столике в передней, набитый всякими лекционными бумагами. Надев пальто, Райан схватил портфель, вышел из Дому и запер за собой дверь.

- Опа! - вспомнил он. Пришлось снова отпереть дверь и включить сигнализацию.

Главный сержант Брекенридж шел вдоль двойной шеренги морских пехотинцев, и от опытного глаза его ничто не могло ускользнуть. У одного рядового к мундиру прицепилась нитка. Другому следовало бы получше надраить ботинки. Двоим надо было подстричься. Но вообще-то все было в порядке. Обычную проверку они бы прошли, но тут был не обычный пост, а потому и требования были особые.

Брекенридж не был придирой. Теперь это в прошлом. Он к своим подопечным ныне относился скорее по-отечески. При всем том приказы его должны были выполняться беспрекословно. По окончании проверки одни промаршировали к постам у ворот, другие погрузились на пикапы - им предстояло добраться до более отдаленных постов и сменить там караул ровно в восемь. У каждого был на поясе пистолет, но они были не заряжены, как того требовал мирный характер их служебных обязанностей в Академии. Однако обоймы с патронами всегда были под рукой этого требовала сама суть службы в морской пехоте.

"Ну, доволен своей формой?" Джек, казалось, израсходовал остаток энергии просто на то, чтобы всего лишь задать себе этот вопрос. Никаких оправданий больше не было. В Лондоне ему мешала рана. То же в течение первых недель по возвращении домой. Затем по утрам надо было ездить в ЦРУ. Это было последним оправданием. Больше их не было.

"Риквер-холл, - сказал он себе. - Там остановлюсь". В носоглотке было сухо, и сердце готово было выскочить из груди. Джек не бегал вот уже несколько месяцев и теперь расплачивался за свою лень.

До Риквер-холла было, казалось, тысячу миль, хотя на самом деле, он знал это, до него было еще всего лишь несколько сотен метров. Давно ли он запросто пробегал это расстояние? Теперь же он едва одолел половину, и при

этом смерть начала казаться ему упоительным отдыхом. Ноги были как резиновые, его даже покачивало от усталости - верный признак, что он перестарался.

"Еще сотню ярдов. Еще каких-нибудь пятнадцать секунд", - говорил он себе.

Теперь он расплачивался за все время, что провел в больничной постели, за все сигареты, выкуранные тайком в ЦРУ. А ведь в Куантико он бегал куда больше.

"Тогда ты был намного моложе", - усмехнулся он.

Повернув голову, он увидел, что поравнялся с восточной стеной Риквер-холла. Он перешел на шаг, держа руки на бедрах и ловя ртом воздух.

- У вас все в порядке, доктор? - приостановился курсант.

- Ага. Просто потерял форму, - едва выговорил Джек.

- Это дело постепенное, - сказал курсант и умчался.

Джек рассмеялся над собой, но тут же закашлялся. Затем мимо него пробежала девушка. От ее усмешки он почувствовал себя еще хуже.

"Только не садиться. Что угодно, но не садиться". Он повернулся и потихоньку побрел назад. Ноги не хотели слушаться. Сняв с шеи полотенце, он вытер пот с лица. Постепенно дыхание выравнивалось. Потом, он знал, перестанут подгибаться ноги. А через минут десять он и вовсе почувствует себя хорошо.

Завтра его пробежка будет немного подлиннее, пообещал он себе. К маю курсанты уже не будут так легко обгонять его - во всяком случае, не девчонки. Джеку было уже за тридцать. Следующая остановка - сорок.

Кэти Райан старательно мыла руки. Резинка ее форменных зеленых брюк сидела высоко, чтобы не давить на живот, и из-за этого брюки получались слишком короткими, как это было модно в годы ее юности.

"Пора приступать к игре", - сказала она себе и открыла дверь локтем, высоко держа руки. Сестра Бернис уже держала перчатки наготове, и они плотно охватили ее кисти. Из-за этого она редко когда могла носить обручальное кольцо.

- Спасибо.

- Как ребеночек, - спросила Бернис. У нее было трое.

- В данный момент он учится бегать, - улыбнулась Кэти, хотя улыбки ее не было видно из-за маски.

- Красивое ожерелье.

- Это все Джек. Рождественский подарок.

Терри Митчелл, анестезиолог, подключила пациентку к своей аппаратуре. Кэти бросила беглый взгляд на инструменты, уверенная, что у Лиз-Мэри, как всегда, все в порядке.

- О'кей, - сказала Кэти. - Давайте попробуем помочь этой леди, - она взглянула на часы. - Сейчас восемь сорок одна. Начинаем.

Миллер собирал автомат. Он не спешил - времени в запасе было много. Оружие было тщательно вычищено и смазано после того как его опробовали вчера в каменоломне, в двадцати милях к северу от Вашингтона. Автомат работал что надо.

Миллеру он был по душе. Весил он около пяти килограммов - лучше не бывает: не слишком легкий, но и не чересчур тяжелый. Миллер поставил его на предохранитель и вогнал в обойму тридцать девятимиллиметровых патронов. Потом он сложил приклад и опробовал, насколько удобно автомат прилегает к телу, когда цепляешь его за крючок, специально вшитый внутри его пальто. Прятать автомат, вероятно, не придется, но Миллер привык все предусматривать. Этот урок Дался ему нелегко.

- Нэд?

- Да, Син.

Имон Кларк, или Нэд, как его называли друзья, все еще изучал карты и фотографии. Этот симпатичный молодой человек был одним из самых бывалых террористов Ирландии, он был одним из тех, кого в прошлом году АОО освободила из тюрьмы в Лонг-Кеш. Весь предыдущий день Кларк провел, шатаясь по территории Военно-морской академии с фотоаппаратом и снимая всякие достопримечательности... На самом же деле его более всего интересовали ворота за номером три. Райан поедет вверх, на холм, так что у него в запасе примерно пятнадцать секунд. Надо быть наготове. Главное - они знали расписание своей жертвы. Последняя его лекция кончается в три, и он выедет из ворот в обычное время. Алекс уже припарковал машину на Кинг Джордж-стрит - так что для отхода все готово. У Кларка были какие-то дурные предчувствия, но он их не высказывал.

В конце концов, именно Син Миллер организовал побег из тюрьмы, и теперь он свободный человек. Это была его первая операция в рядах АОО. Кларк полагал, что кое-чем обязан им, а потому решил быть лояльным по отношению к АОО. Кроме того, охрана Академии оказалась, с его точки зрения, несерьезной. Нэд знал, что он тут не из самых умных, но им нужен был человек, способный проверить такое дело в одиночку. А он уже семь раз доказывал, что знает, как это делать.

Возле дома стояли три машины, включая фургон. Фургон они используют для второй части операции, а на двух машинах ринутся, когда все будет кончено, в аэропорт.

Миллер поудобнее устроился в кресле и мысленно заново прошелся по всем деталям операции. "А что если движение на дорогах будет слишком большим? начал он задавать себе разные вопросы, чтобы предусмотреть все варианты. - А что если..."

В комнату вошел один из людей Алекса. В руке у него была фотография.

- Точно по расписанию?

- Точняк, парень.

На фотографии была Кэти Райан - она шла, держа за руку дочь... Как зовется это место? Ах, да - "Гигантские шаги". Миллер улыбнулся этому названию.

Сегодня, действительно, будет сделан гигантский шаг. Миллер опять

откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и принялся заново просчитывать все варианты.

- Но ведь угрозы не было, - возразил курсант.

- Верно. То есть мы знаем это теперь. Но как это представлялось тогда Спруансу? Он знал, сколько кораблей было у японцев. А что если они пришли с востока, что если их так и не отозвали? - спросил Джек, тыча указкой в диаграмму на доске. - Примерно через триста часов произойдет столкновение. Кто, по-вашему, выиграет это сражение?

- Но у него же еще есть шанс нанести удар с воздуха, - не сдавался курсант.

- Атаковать? А чем? Давайте посмотрим на потери в авиации. После потери всех бомбардировщиков, какого удара вы от него еще ожидаете?

- Но...

- Вы же должны помнить слова из песни Кении Роджерса:

"Надо знать, когда уйти, а когда бежать стремглав". Охотничья лихорадка не к лицу настоящему охотнику. Для адмирала, командующего флотом, она может обернуться катастрофой. Спруанс изучил имеющуюся в его распоряжении информацию, проверил наличные средства и решил, что день настал. Что он еще имел в виду?

- Прикрыть Мидуэй? - спросил другой курсант.

- Верно. Что если они решатся на вторжение? Однажды это разыграли в Ньюпорте, и вторжение было успешным. Пожалуйста, обратите внимание на то, что это пример ситуации, когда логика оказывается сильнее реальности. Такова была раскладка, и Спруанс не мог позволить себе проигнорировать ее. Его первейшая задача состояла в том, чтобы нанести как можно больший урон японскому флоту.

Второй его задачей было предотвратить оккупацию Мидуэя. Он тут нащупал баланс, который можно назвать шедевром оперативного искусства...

Райан запнулся на мгновение. Как он только что сказал? Логика сильнее реальности. Разве не на основании всего лишь логики заключил он, что АОО не станет... Нет, тут совсем другая ситуация. Он отогнал от себя эту мысль и вернулся к урокам, которые можно было извлечь из битвы за Мидуэй. Курсантов удалось увлечь, и идеи вспыхивали одна за другой, как зарницы.

- Великолепно, - сказала Кэти, стягивая с лица маску. Она встала со стула и вытянула занемевшие руки. - Отлично сделано, ребята.

Пациентку укатали в палату, а Лиз-Мэри принялась проверять свою аппаратуру. Кэти прижала руку к животу - ребеночек всю брыкался там.

- Футболист? - спросила Бернис.

- Наверное, центральный нападающий. Салли не была такой активной. Так что похоже, что мальчик, - заключила Кэти, хотя отлично знала, что это вовсе не обязательно. В любом случае хорошо, что ребенок проявляет такую

активность. Она улыбнулась его нетерпению, такому страстному желанию поскорее появиться на свет Божий. - Ну ладно, мне надо пообщаться с семьей.

Она вышла из операционной. Комната ожидания была всего метрах в пятнадцати оттуда. Муж ее пациентки, Джефферс, и ее дочь сидели на диване с неизбежными журналами в руках. Едва увидев Кэти, они вскочили на ноги. Она улыбнулась им, чтобы сразу сказать, что все в порядке.

- О'кей? - спросил отец, совершенно измотанный ожиданием.

- Все прошло прекрасно, - сказала Кэти.

- Когда она сможет?..

- Через неделю. С этим нужно терпение. Через полтора часа вас пустят к ней. Почему бы вам пока не перекусить чего-нибудь? Когда пациент в порядке, а семья его падает с ног...

- Доктор Райан. Доктор Каролина Райан, - раздалось по радио.

- Одну минуту, - сказала Кэти Джефферсу и, направившись к столику дежурной сестры, сняла телефонную трубку. - Доктор Райан у телефона.

- Кэти, это Джин из неотложки. У меня серьезная глазная травма.

Десятилетний мальчик, негр, врезался на велосипеде в витрину магазина, торопливо выговорил женский голос. - Левый глаз сильно поврежден.

- Пришлите его в шестую.

Кэти положила трубку и вернулась к Джефферсам.

- Мне надо бежать, - сказала она. - Неотложный случай. С вашей женой все будет в порядке. Я вас увижу завтра. - И поспешила в операционную. "Выше голову - срочная операция. Серьезная травма глаза, мальчик десяти лет", - повторяла она себе.

Лиз-Мэри тут же принялась за работу. Кэти набрала номер комнаты отдыха.

- Это Райан из шестой. Где Берни?

- Сейчас, - ответила секретарша. И минуту спустя:

- Доктор Кац слушает.

- Берни, у меня серьезная травма глаза - в шестой. Джин из неотложки говорит, что очень плохая.

- Иду.

- Терри? - обернулась Кэти к анестезиологу.

- Все готово, - ответила та.

- Мне надо еще пару минут, - сказала Лиз-Мэри. Кэти отправилась опять мыть руки. Тут появился Берни Кац. У него была решительно нереспектабельная внешность, он был чуть выше Кэти, носил длинные волосы и бисмарковские усы.

Вместе с тем он был одним из лучших хирургов в клинике.

- Лучше, если вы будете вести операцию, - сказала Кэти. - У меня уже давно не было серьезных травм.

- О'кей. Как ваш малыш?

- Отлично.

До них донесся крик боли - тонкий мальчишеский голос... Они вошли в палату, где санитары привязывали мальчика к операционному столу. "Почему ты не был в школе?" - беззвучно спросила его Кэти. Левая сторона его лица была сплошным месивом. Позже этим займутся специалисты по восстановительной хирургии. Прежде всего - глаза. Мальчик уже чуть-чуть пришел в себя и начал храбриться, но боль была слишком сильной. Терри сделала укол. Секунду спустя

Кэти и Берни склонились над его лицом.

- Плохо, - сказал доктор Кац. - У меня, - взглянул он на сестру, - на час назначена процедура. Придется отложить. Здесь надо изрядно потрудиться.

- С этой стороны все готово, - сказала сестра.

- Еще две минуты, - попросила анестезиолог. Когда наркоз даешь ребенку, приходится быть особенно осторожным.

- Перчатки, - сказала Кэти.

- Как это его угораздило? - спросил Берни.

- Ехал на велосипеде по Монумент-стрит, - сказал санитар. - Ударился обо что-то и влетел в витрину магазина.

- Почему он не в школе? - спросила Кэти, внимательно рассматривая левый глаз пациента. Ей было ясно, что проработать придется не один час, а результат был сомнителен.

- День Президента, - пояснил санитар.

- Ах, да.

- Я не знаю, Кэти, - сказал Берни, изучавший глаз через увеличительные линзы. - Должно быть, дешевое стекло - масса осколков. Я насчитал пять проникающих ранений. Вот смотрите, как этот вошел в роговицу... Ну ладно, начнем.

"Чеви" вкатил на одну из многоэтажных стоянок для машин больницы Хопкинса.

Сверху открывался отличный обзор - главный вход самой больницы был как на ладони. При гараже была, конечно, охрана, но машины тут то и дело въезжали-выезжали и к тому же не было ничего необычного, когда кто-то сидит в машине, ожидая возвращения родственников или знакомых, отправившихся навестить больного. Он откинулся назад и закурил сигарету, потом включил радио послушать музыку.

Райан положил на поднос ростбиф, кусок булки и холодный чай. В Клубе офицеров была странная манера оплаты: поднос ставили на весы и кассир взимал с вас по весу. Джек заплатил два десяти. Для ленча это недорого. Удивляло другое - эта вот метода оценки по весу. Он подсел к столику Робби Джексона.

- Ох уж эти понедельники! - заметил он, обращаясь к Робби.

- Шутишь? Я вот отдыхаю сегодня. Летал всю субботу и воскресенье.

- Мне казалось, что ты это дело любишь.

- Это уж точно, - заверил его Робби. - Но в оба эти дня я освободился только в семь вечера. Как семья?

- Хорошо. У Кэти сегодня тяжелый день, так что она уехала раньше обычного.

Плохо быть женатым на хирурге - они всегда начинают работу слишком рано утром.

Для Салли это не всегда легко.

- Да, рано ложиться, рано вставать... Уж лучше быть покойником, согласился Робби. - Как ребеночек?

- Супермен, - заулыбался Джек. - Активный тип. Я никак не могу взять в

толк, как женщины справляются с этим - все эти толчки, брыканья изнутри, повороты-развороты...

- Можно присоединиться? - подошел к ним Слип Тайлер.

- Как близнецы? - тут же поинтересовался Джек. В ответ раздалось лишь мучительное мычанье. А под глазами у Тайлера были круги - красноречивей всяких слов.

- Главное, никак их спать не уложить. Только успокоишь одного, другой вдруг начинает, как пожарная сирена. Не знаю, как Джин ухитрится все-таки их убаюкать. Конечно, - усмехнулся Тайлер, - она может с ними ходить туда-сюда. А когда я их ношу, то получается хруп-хруп, хруп-хруп.

Все трое рассмеялись. Слип Тайлер вечно первым начинал подшучивать над своей одноногостью.

- Значит, Джин все же справляется? - спросил Робби.

- Еще как!.. Она спит, когда они спят... А вся работа по хозяйству на мне.

- Так тебе и надо, котяра, - заметил Джек. - Почему бы тебе не сделать передышку с детками?

- Что же я должен делать, если я такой темпераментный? - парировал Слип.

- Так не подряд же... Надо же с перерывом, - сказал Робби.

- У меня все прекрасно рассчитано, - заверил его Слип.

- Тогда не жалуйся, - поддел его Джек.

- Я слышал, ты сегодня бегал, - переменял тему Тайлер.

- И я слышал об этом, - рассмеялся Робби.

- Как видите, жив, - отшутился Джек.

- Один из моих курсантов говорит, что завтра они будут сопровождать тебя с каретой скорой помощи. Просто на всякий случай, - хмыкнул Слип. - Пусть тебя утешит мысль, что ребята знают, как оказывать первую помощь.

- Ну почему все понедельники такие? - спросил Джек.

Алекс с Миллером сделали финальный прогон по пятидесятой дороге. Они внимательно следили за тем, чтобы не превышать скорость. По какой-то причине всюду было полно полицейских машин с радаром. Алекс заверил Миллера, что к половине пятого ситуация изменится - движение станет слишком интенсивным, так что полиции будет трудно следить за нарушением правил. Сзади в фургоне сидели еще двое, оба с оружием.

- Где-то здесь, думаю, - сказал Миллер.

- Да, тут лучше всего, - согласился Алекс.

- Маршрут отхода, - Син щелкнул кнопкой секундомера.

- О'кей, - Алекс тут же вырулил в другой ряд и надал. - Но не забывай, что к вечеру тут скорость будет меньше.

Миллер кивнул. В желудке у него что-то трепыхалось, как всегда перед операцией. Он еще раз мысленно проверил все детали плана, обдумывая возможные осложнения. В общем, дороги тут были куда лучше, чем в Ирландии, но движение, черт их побери, правостороннее. Зато водят здесь культурнее,

если сравнить с Европой, особенно с Францией и Италией... Он отбросил эти не относящиеся к делу мысли и вновь сосредоточился на предстоящей задаче.

После атаки им потребуется менее десяти минут, чтобы добраться до того места, где надо будет пересест на другие машины. Нэд Кларк будет уже ждать их там. Судя по всему, план был что надо - Миллер удовлетворенно вздохнул.

- Вы сегодня рано, - сказал Брекенридж.

- Дело в том, что после обеда мне надо будет помочь двум курсантам. Я не нарушил ваших планов?

Сержант взял со стола коробку с 9-миллиметровыми патронами.

- Нет. Все в порядке.

Райан вынул из кобуры пистолет и, проделав все необходимые манипуляции, доложил:

- О'кей, Пушка, - я готов.

- Думаю, попробуем сегодня скоростную стрельбу. Райан вставил в обойму пять патронов.

- Прикройте уши, лейтенант, - протянул ему Брекенридж защитные наушники.

Райан надел их, вставил обойму в пистолет и спустил предохранитель. Оружие было готово к бою. Он опустил пистолет дулом к полу и ждал. Через секунду над мишенью вспыхнула лампочка. Джек вскинул пистолет, поймал черный кружок в прорезь мушки и нажал на курок. Согласно правилам скоростной стрельбы, на каждый выстрел ему давалась одна секунда. С первым он чуть затянул, но так почти у всех получается. Далее пошло побыстрей.

- Неплохо, лейтенант, - сказал Брекенридж. - Все в черном: одна девятка, четыре десятки, одна из них в кольце Икс. Еще раз.

Райан заулыбался. Он совсем было забыл, какое это развлечение - стрельба из пистолета. Тут проверялась твоя сноровка, и удовлетворение от удачного выстрела было не меньшим, чем при удачном ударе в гольфе. Это не совсем то, что ружье. Из пистолета стрелять куда труднее, и когда попадаешь в цель - это такое удовольствие, которое трудно передать словами тому, кто его никогда не испытывал. Райан перезарядил пистолет. Теперь все пять пуль легли в десятку.

Потом он попробовал стрелять из двуручной позиции Уивера, и вlepил четыре пули из пяти в кольцо Икс - кружок, диаметром вдвое меньше "десятки".

- Неплохо для штатского, - сказал Брекенридж. - Кофе?

- Спасибо, Пушка, - сказал Райан, принимая от того чашку.

- Больше обращайтесь внимания на второй выстрел. Вы с ним слишком спешите, и он у вас уходит чуть вправо.

Речь, собственно, шла об отклонении на пять сантиметров - при расстоянии в пятнадцать метров это не так уж и много, но Брекенридж непреклонно стремился к полному совершенству. Джеку пришло в голову, что в этом Брекенридж похож на Кэти: или то, что вы делаете, совершенно правильно, или полностью неверно.

- Просто стыд, доктор, что вы вышли из строя из-за той аварии, - сказал

Брекенридж. - Вы могли бы стать отличным офицером. При хорошем сержанте, конечно. Без хорошего сержанта никто не обходится.

- Этот Райан - довольно умный парень, а? - Оуинс протянул бумаги Мюррею.

- Здесь на самом деле нет ничего нового, но материал, по крайней мере, хорошо классифицирован, - сказал Мюррей. - А вот тут, посмотрите, - кое-что другое.

- А-а, наши друзья в Бостоне. Как там Пэдди О'Нил? Оуинса эта публика более чем раздражала. Падрэг О'Нил, этот рупор ВГИРА, был оскорблением британской парламентарной системы. Однако за целых десять лет ни его отдел по борьбе с терроризмом, ни Королевская полиция Ольстера ни разу не сумели установить его причастности к каким-то незаконным действиям.

- Поглощает много пива, много толкует с массой людей и в результате, как всегда, соберет немного денег, - Меррей отхлебнул портвейна из стакана. - Наши люди ходят за ним по пятам. Он, конечно, об этом знает. Стоит ему только плюнуть на тротуар, мы его отправим домой следующим же самолетом. И это он знает тоже. Знает, и ни одного закона не нарушает. Даже его шофер ни капли в рот не берет. Вынужден, увь, признать, что этот подлец умеет не подставляться.

- О, да, он просто очарователен, этот Пэдди, - сказал Оуинс, пролистав папку. - Кстати, дайте-ка мне еще раз взглянуть на отчет вашего Райана.

Оуинс наскоро пролистал отчет и наконец дошел до заключительной части.

- Вот оно! - воскликнул он минуту-другую спустя. - Боже Всемогущий!

- Что? - подался вперед Мюррей.

- Связь! Эта чертова связь. Вот же она!

- О чем вы, Джимми? Я читал это дважды.

- Тот факт, что АОО, судя по всему, в основном вербует своих людей из "экстремистских элементов" ВГИРА, - начал читать вслух Оуинс, - означает нечто большее, чем явствует из наличных материалов. Представляется вероятным, что кое-кто из "внутренних эмигрантов", оставшихся по заданию АОО в рядах ВГИРА, поставляют нужную информацию своему подлинному хозяину. Из этого следует, что такого рода информация может служить не только контрразведывательным целям, но и оперативным". Оперативным, - тихо произнес Оуинс. - Мы же всегда исходили из мнения, что О'Доннелл просто стремится к тому, чтобы обезопасить себя... А он, возможно, играет совсем в другую игру.

- Я все еще никак не могу ухватить вашу мысль, Джимми, - Мюррей поставил стакан на стол и нахмурился, задумавшись. - А-а, Морин Двайер... Вы ведь так и не узнали, кто вам на нее стукнул, не так ли?

Оуинс думал совсем о другом случае, но слова Меррея словно вдруг зажгли какую-то лампочку у него в голове. Он молча смотрел на своего коллегу, а в голове у него одна за другой мелькали догадки.

- Но зачем? - спросил Мюррей. - Что они этим выигрывают?

- Они могут создать массу препятствий руководству ВГИРА, срывать их операции.

- Но зачем это АОО? О'Доннелл слишком профессионален, чтобы стараться поиметь своих бывших коллег просто так, ради удовольствия. ИНОА могла бы пойти на это, но они всего лишь шайка глупых ковбоев. АОО же слишком изощрена, чтобы заниматься такой ерундой.

- Да-а... Мы, едва одолев одну стену, тут же утыкаемся в другую. Но так или иначе - одну стену мы все же одолели. Это дает нам кое-что, о чем надо будет порасспрашивать юную мисс Двайер.

- Да, это неплохая идея. Итак, АОО имеет своих людей во ВГИРА и время от времени подкидывает вам информацию, чтобы насолить "Временным".

- Выходит, - покачал головой Мюррей, - одна террористическая организация старается подорвать другую? - Есть у вас какие-то доказательства в защиту этой гипотезы? - спросил он.

- В прошлом году нам трижды анонимно сообщали сведения о членах ВГИРА, за которыми мы более всего гонялись. И ни разу мы не дознались, откуда эта информация.

- Но если "Временные" дознаются... Впрочем, оставим это. Они в любом случае мечтают добраться до О'Доннелла, чтобы отомстить за всех их людей, с которыми он в свое время расправился. О'кей, создание затруднений для руководства ВГИРА может быть самоцелью...

Оуинс выругался про себя. Расследование преступления, частенько говорил он, подобно возне с головоломкой-мозаикой, когда у вас не хватает массы частей и к тому же вы не знаете, какой они формы. Но одно дело говорить это своим подчиненным, а другое - самому возиться с этой головоломкой. Если бы только они не потеряли Сина Миллера!.. Может, теперь бы они что-нибудь вытащили из него.

Чутье подсказывало ему, что какой-то один самый маленький, но критический факт прояснил бы всю картину. А без такого факта все его догадки - всего лишь спекуляция. И все же одна из этих догадок была особенно навязчивой.

- Дэн, - спросил он, - если бы вы хотели испортить жизнь руководству "Временных", как и где бы вы этим занимались?

- Да, доктор Райан слушает.

- Это Бернис Вильсон из больницы Хопкинса. Ваша жена просила передать, что у нее срочная операция, и она будет дома на полчаса позже.

- О'кей. Спасибо.

"Ох уж, эти понедельники", - сказал он себе и снова принялся обсуждать с курсантами контрольные работы в связи с окончанием семестра. Часы на столе показывали четыре. Но ведь спешить было некуда, не так ли?

У ворот номер три произошла смена караула. Гражданского охранника звали Боб Риггс. Раньше он служил во флоте, но теперь, когда ему перевалило за пятьдесят, он отрастил брюхо, из-за которого с трудом мог разглядеть свои ботинки. Его донимал насморк и большую часть времени он скрывался в будке. Он не заметил, как какой-то молодой человек на той стороне улицы подошел к дверям жилого дома. Не заметил его и морской пехотинец сержант Том Каммингс,

который, заступив на вахту, просматривал в будке журнал дежурств. Для сержантского состава служба при Академии открывала хорошие возможности. Поблизости было много приличных питейных заведений, полным-полно доступных женщин, хотя сама по себе служба в Аннаполисе была довольно скучной. Каммингс же был молод и жаждал каких-то событий. Это был типичный понедельник, и он уже заранее позевывал.

Напротив, в пятнадцати метрах от него, пожилая дама подошла к дверям жилого дома и удивилась, увидев там привлекательного молодого человека. Она полезла в карман за ключами и уронила сумку.

- Могу я вам помочь? - вежливо спросил молодой человек. Дама отметила его странный выговор, но голос был добрым. Он поднял ее сумку и держал ее, пока она отпирала дверь.

- Я, видите ли, жду свою даму, но, кажется, пришел слишком рано, объяснил он, очаровательно улыбаясь. - Извините, если я напугал вас. Просто прячусь от этого дикого ветра.

- Хотите подождать в парадном? - предложила она.

- Вы очень добры, но, право, не стоит. Спасибо. Я могу пропустить ее, а у меня, знаете ли, есть для нее маленький сюрприз. Всего доброго. - И рука его в кармане пальто расслабилась на рукоятке ножа.

Сержант Каммингс, закончив просмотр журнала дежурств, вышел из будки и заметил какого-то человека в дверях дома напротив. Похоже, что тот ждал кого-то. Прячется от ветра, решил сержант. Это понятно. Сержант взглянул на часы. Четверть пятого.

- Это все, полагаю, - сказал Берни Кац.

- Все-таки сумели, - поддакнула Кэти. Все в операционной улыбались.

Операция длилась более пяти часов, но все-таки они собрали глаз этого мальчишки. Ему, вероятно, понадобится еще операция и, конечно, - очки на всю жизнь, но все равно это лучше, чем остаться без глаза.

- Неплохо, Кэти. Тем более, что вы не занимались этим добрых четыре месяца. Мальчишка будет с двумя глазами. Хотите сообщить это его родным? Мне надо в уборную.

Мать мальчика сидела точно там же, где утром сидели Джефферсы, и выражение беспокойства на ее лице было точно таким же. Рядом с ней сидел какой-то человек с фотоаппаратом.

- Мы спасли его глаз, - сказала Кэти и села рядом с ней на диван.

Фотограф - по его словам, из "Балтимор сан" - несколько раз щелкнул своим "Никоном". Кэти объяснила матери мальчика в чем был смысл операции и попыталась как-то успокоить ее. Это было нелегко, но тут у Кэти был большой

опыт.

Наконец подросел кто-то из Общественной службы, и Кэти отправилась в раздевалку. Она стянула с себя форменные брюки и швырнула их в ящик для стирки.

На скамейке сидел Берни и растирал себе шею.

- Растем в объеме, - сказал он, увидев Кэти, которая стояла в проходе - в нижнем белье - и потягивалась, разминая спину. - Как спина?

- Немеет. Так же, как было с Салли. Отвернитесь доктор. Вы же женатый человек.

- Что же мне делать, если беременные женщины так привлекательны?

- Рада это слышать, хотя в данный момент и не чувствую, что могу быть привлекательной, - она опустилась на скамейку перед своим шкафчиком. - Мне не верилось, что мы справимся с этим, Берни.

- Нам повезло, - согласился Берни. К счастью, Бог милостив к дуракам, пьяным и детям. По крайней мере, иногда.

Кэти отперла свой шкафчик и взглянув в зеркальце, увидела, что волосы у ней всклоочены, как у Медузы Горгоны. Она недовольно сморщилась.

- Мне нужен еще отпуск.

- У вас же только что был, - заметил Берни.

- Верно, - фыркнула в ответ Кэти. Она просунула ноги в брюки и потянулась за блузкой.

- А когда ваш плод решит наконец стать ребенком, вы получите еще один отпуск. Теперь черед жакета.

- Берни, если бы вы работали в роддоме, ваши пациенты прикончили бы вас за такие разговорчики.

- Это была бы страшная потеря для медицины, - сказал Берни.

Кэти рассмеялась.

- Сегодня вы отлично поработали, Берни. Поцелуйте Энни за меня.

- Спасибо. А вы полегче теперь, знаете... А то я настучу Мадж Норт, чтобы она присматривала за вами.

- Я увижу ее в пятницу. Она говорит, что у меня все в порядке, - с этими словами Кэти выпорхнула в дверь. Помахав рукой медсестрам и на ходу похвалив их за сегодняшнюю работу, она устремилась к лифту. Ключи от машины были уже у нее в руке - наготове.

Зеленый "порш" ждал ее. Она отперла дверь и, прежде чем сесть за руль, швырнула сумку на заднее сиденье. Шестицилиндровый мотор тут же заработал. Она дала чуть-чуть прогреться мотору, пока пристегивала ремень, а потом отпустила ручной тормоз. Горловое рычание мотора отдавалось эхом от бетонных стен гаража.

Выехав на улицу, она взглянула на часы и скисла. А надо было еще заехать в магазин и кое-что купить. О'кей, ее "порш" может поиграть сегодня в догонялки.

- Цель двинулась, - сказал голос по радио. Об этом тут же передали по телефону Алексу.

- Какого черта так поздно? - пробурчал Миллер. Последний час вымотал ему все нервы. Первые полчаса он еще надеялся, что она появится вовремя, а потом потерял было всякую надежду. Он приказал себе успокоиться. Все равно она должна заехать в детсад забрать ребенка.

- Она врач. Это бывает, парень, - сказал Алекс. - Двинулись. Сначала снялся с места пикап, за ним - фургон. "Форд" должен был быть у магазина "7-11" ровно через тридцать минут.

- Наверное, какую-нибудь красавицу ждет, - сказал Риггс, вернувшись в будку.

- Все еще там? - удивился Каммингс. Три недели тому назад Брекенридж предупредил всю охранную службу о возможности покушения на доктора Райана.

Каммингс знал, что преподаватель истории всегда выезжает через эти ворота.

Сегодня он запаздывал. Из будки были видны окна его кабинета - там все еще горел свет. Хотя постовая служба была штукой унылой, Каммингс к своим обязанностям относился серьезно. Три месяца службы в Бейруте научили его многому. Он вышел из будки и остановился возле дороги, почти напротив того жилого дома, наблюдая за выезжающими из ворот машинами. В большей части из них были штатские, но, когда ему случалось видеть морского офицера, он отдавал честь. Ветер становился все холоднее. Хорошо, что под форменной блузой у него был свитер. Но рукам в белых перчатках было холодно - от этих перчаток почти никакого проку. Он старался не смотреть на тот дом, старался показать, что не знает, что там кто-то есть. Темнело и все равно невозможно было ничего разглядеть. Но кто-то там был.

- Шустро она, - сказал человек в пикапе. Он взглянул на часы - сэкономила пять минут на этой скорости. "Черт, - подумал он, - хорошо бы заиметь такой "порш". Он еще раз всмотрелся в номер ее машины: КР-СРГН. Да, тот что нужно.

- Привет, мам, я дома, - сказа он по радио.

- Будь готов, - ответил мужской голос. Фургон был в полумиле оттуда - на Джойс Лейн, к западу от скоростной дороги Ричи.

Две минуты спустя женщина вышла из детсада. Она явно спешила.

- Едем, - сказал он по радио.

- О'кей, - раздалось в ответ.

- Давай скорее, Салли, мы опаздываем. Застегни ремень. Кэти терпеть не могла опаздывать. Она завела машину. Уже более месяца как она не приезжала домой так поздно, но если она поднажмет, то, может, еще опередит Джека.

Был самый час пик, но "порш" мал, мощен и увертлив. Уже через какую-то минуту на спидометре было шестьдесят пять миль.

Несмотря на все приготовления, Алекс чуть не упустил ее. Фургон пыхтел на подъеме в правом ряду, когда рядом с ним вдруг возник "порш". Алекс

газанул изо всех сил и стрелой вывернул в левый ряд перед носом у какой-то машины водитель ее нажал на тормоза и одновременно дал гневный сигнал. Алекс не обернулся. Миллер с переднего сиденья перебрался на заднее - к дверным окнам.

- Ого, дамочка торопится сегодня!
- Можешь догнать ее? - спросил Миллер. Алекс ухмыльнулся в ответ.
- Смотри.

- Проклятье! Ты только глянь на этот "порш"! - воскликнул полицейский Сэм Веверли. Он сидел за рулем полицейской машины Джей-30. Позади было дежурство на пятидесятке, а теперь они с Ларри Фонтана - тот на Джей-19 - возвращались в свой участок в Аннаполисе. Вот тут-то они и заметили эту зеленую спортивную машину, вывернувшуюся со скоростной дороги Ричи. Обе полицейских машины гнали на скорости шестьдесят пять миль в час, что было привилегией, дарованной их профессией. На их машинах не было опознавательных знаков, так что нарушители слишком поздно обнаруживали, что это именно полицейские машины. Они обычно работали в паре - один засекал при помощи радара нарушителя правил движения, а второй - на полмили впереди - уже поджидал его с квитанцией о штрафе.

- Еще один! - сказал Фонтана по радио. Фургон вывернул в левый ряд так неожиданно, что шедший там "пontiак" вынужден был резко затормозить. - Давай-ка прихватим их.

Они были молодыми парнями, и хотя, вопреки легенде, в полиции не существует нормы на штрафы, каждый знал, что, чем больше их выпишешь, тем лучше твои шансы на продвижение по службе. А кроме того, это сделает движение на дорогах более безопасным, а именно в этом и состояла их миссия. Никто из полицейских не в восторге от необходимости штрафовать, но они еще в меньшем восторге от необходимости расследовать случаи автомобильных катастроф.

- О'кей, я беру "порш".
- Давай, - сказал Фонтана.

Это было не так-то легко. Прежде всего надо было засечь скорость, ибо чем больше превышение скорости, тем значительнее сумма штрафа. Потом надо было догнать нарушителей - а те шли метров на двести впереди, - пристроиться им в хвост и помогать фарами, давая знать, чтобы они свернули на обочину.

Кэти опять взглянула на часы. Она уже наверстала почти десять минут. Потом она посмотрела в зеркало заднего обзора: нет ли поблизости полицейской машины?

Ей вовсе не хотелось быть оштрафованной. Никакого намека на полицейских кругом обычные легковушки да грузовики. Ей пришлось сбросить скорость, так как на подходе к мосту Северн-ривер поток машин значительно уплотнился. Она было хотела нырнуть в правый ряд, но передумала - скоро надо было съезжать на вторую дорогу, а пристроиться потом в свой ряд будет трудно. Салли, как обычно, глазела по сторонам, теребя пряжку пристяжного ремня.

Миллер сантиметра на два приоткрыл боковую дверь фургона. Другой человек придерживал дверь, пока он пристраивался у щели с автоматом.

Теперь, кисло признался себе Вевирли, он не мог оштрафовать ее - она сбросила скорость, прежде чем он успел засечь ее радаром. Он отставал от нее на сто метров. Однако Фонтана мог оштрафовать фургон за нарушение правил при смене рядов. Поймать одного из двух нарушителей - не так уж и плохо. Вевирли взглянул в зеркало - Джей-19 нагоняла его. Что-то необычное было с этим фургоном...

Боковая дверь была приоткрыта.

- Давай! - сказал Алекс.

Кэти заметила, что слева с ней поравнялся фургон. Чуть скосив глаза, она увидела приоткрытую боковую дверь и человека, стоящего на одном колене. В руках у него была какая-то штуковина. Холодок пробежал по спине Кэти - мелькнула страшная догадка. За мгновение до того, как она увидела белую вспышку, она успела нажать на тормоз.

- Что?! - изумился Вевирли, увидев язычок огня, выплеснувшийся из боковой двери фургона.

Ветровое стекло "порша" разлетелось тучей брызг, машина вильнула влево, потом вправо и - на скорости пятьдесят миль в час врезалась в цементный парапет моста. Тут же начали тормозить все машины на дороге. Кроме фургона. Он мчался на полной скорости.

- Ларри, выстрелы!.. Выстрелы из фургона. Попали в "порш"! - Вевирли нажал на тормоза, и машина его пошла юзом и чуть не врезалась в "порш". - Гони за фургоном! За фургоном!..

- Иду, - ответил Фонтана. Он вдруг понял, что пламя, которое он видел, значило, что кто-то стрелял из автомата. - Вот блядь! - выругался он.

Из мотора "порша" валил пар.

- Джей-30 докладывает, - закричал он по радио, - была стрельба... похоже на автомат... и еще тут машина разбилась - дорога номер пятьдесят, мост Северн-ривер. Похоже, что дело серьезное. Джей-19 преследует вторую машину.

Следите.

- Слежу, - ответил диспетчер. - Что за чертовщина!.. Вевирли схватил свой огнетушитель и ринулся к "поршу". Все вокруг было усеяно осколками стекла и обломками искореженного металла. Мотор, слава Богу, не загорелся. Он заглянул в машину, ахнул и бегом вернулся к своей.

- Джей-30. Давайте вертолет, срочно! Серьезное дело! Две жертвы - женщина и девочка, белые. Повторяю: серьезная катастрофа, дорога номер пятьдесят, мост Северн-ривер, восточная сторона. Из фургона открыли

стрельбу. Нужна срочная помощь.

- Джей-19, - докладывал в свою очередь Фонтана. - Я преследую темного цвета фургон с номером: Генри-6772. Иду по пятидесятой дороге, на запад от моста Северн-ривер. Из фургона стреляли. Нужна помощь, - сказал он хладнокровно. "Вот блядство..."

- Попал? - обернулся назад Алекс.

Миллер тяжело дышал. Он не был уверен. Как раз когда он нажал на курок, "порш" вдруг затормозил. Но потом он видел, как "порш" врезался в парапет и подскочил вверх, как пластмассовая игрушка. После такого удара не выживают - в этом он был уверен.

- Попал.

- О'кей. Тогда - драпать.

Алекс не позволял, чтобы эмоции примешивались к делу. А дело это означало оружие и деньги для его движения. Конечно, жалко эту женщину и ребенка, но не его вина, что они выбрали себе таких врагов.

Диспетчер в Аннаполисе уже связался по радио с полицейским вертолетом Труппер-1, и тот тут же поднялся в воздух с заправочной площадки аэропорта Балтимор - Вашингтон.

- Вас понял, - сказал пилот, нацелившись на юг и включив полную скорость.

Рядом с ним, слева, сидел врач скорой помощи.

- Трупер-1, - сказал пилот. - Джей-30, иду к вашей позиции. Буду через четыре минуты.

Вевирли не ответил. Вместе с двумя подроспевшими на помощь гражданскими он пытался открыть дверь "порша". Женщина и ребенок были без сознания, все кругом залито кровью. "Наверное, была хорошенькой", - подумал Вевирли. Все лицо в крови - толком не разглядеть. Девочка лежала наполовину на сиденье, наполовину на полу, точно сломанная кукла. Сердце у Вевирли колотилось как бешеное, и к горлу подкатывала тошнота. "Еще один ребенок погиб, - подумал он. О Господи..."

- Трупер-2, Аннаполис, - вызывали диспетчера.

- Аннаполис, Трупер-2, где вы?

- Мы над Мэй-бич, к северу. Принял ваш вызов. У меня на борту губернатор и главный прокурор штата. Нужна помощь?

Диспетчер быстро прикинул ситуацию. Трупер-1 будет на месте катастрофы минуты через три. Джей-19 нужна срочная подмога. Это прямо-таки удача. К району действий уже стягивались шесть машин, плюс еще три с полицейского участка в Эджвотере.

- О'кей, - сказал он. - Трупер-2, свяжитесь с Джей-19.

- Я - Трупер-2. Джей-19, сообщите ваше местонахождение.

- Дорога номер пятьдесят, к западу, только что миновал бульвар Роу.

Преследую темного цвета фургон. С Джей-30 мы засекли стрельбу из этого фургона.

Повторяю: стрельба из автомата. Мне нужна помощь.

Засечь их было нетрудно: над местом катастрофы кружился вертолет, а далее - по направлению к бульвару Роу - шоссе было почти свободно от машин, так что пилот Трупера-2 сразу разглядел полицейскую машину и тот самый фургон. "О'кей, суки!" - угрожающе сказал пилот.

- Что там? - спросил сидевший сзади губернатор, и фельдшер, слева от пилота, наскоро объяснил ему ситуацию.

- Джей-19, я - Трупер-2. Вижу вас и фургон, - сказал он по радио и пошел на снижение. - Трупер-2, Аннаполис, я нащупал их. Темный или, может, синий фургон идет на запад по дороге номер пятьдесят. За ним полицейская машина без опознавательных знаков.

Алекс все не мог понять, что это за машина пристроилась за ними. Судя по виду, не из дорогих.

- Ага-а!.. - вдруг дошло до него. - Полиция за нами! - закричал он.

Один из людей Миллера высунулся в окно. Полицейские машины без опознавательных знаков не были новинкой для той страны, откуда он прибыл.

- Убери его! - прорычал Алекс.

Фонтана держался в метрах сорока пяти от них. Этого было достаточно, полагал он, для безопасности. По радио то и дело сообщали, что на подмогу ему идут все новые и новые машины. Из-за радио-то он и упустил момент, когда распахнулась задняя дверь фургона. Фонтана побледнел и вдавил в пол педаль тормоза.

Как только дверь распахнулась, Миллер прицелился и выпустил очередь по полицейской машине - десять пуль. Он видел, как машина клюнула носом, когда полицейский в панике ударил по тормозу, затем ее занесло в сторону, и она перевернулась. Все в Миллере запело от восторга. Дверь снова захлопнулась.

Фонтана сперва почувствовал удар пули в грудь, а уж потом увидел, как вдребезги разлетелось ветровое стекло. Его правая рука дернулась вниз, слишком резко развернув машину вправо. Она пошла юзом, покрышка правого заднего колеса лопнула, и машина перевернулась. Как большинство полицейских. Фонтана не пристегивался ремнем - он врезался головой в крышу, а та, прогнувшись от удара об землю, сломала ему шею. Но это уже было не важно - шедшая сзади машина врезалась в него, dokonчив дело, начатое Миллером.

- Блядство! - рявкнул пилот Трупера-2. - Трупер-2, Аннаполис, Джей-19 перевернулся, на пятидесятке, к западу от съезда на двойку. Где же, черт подери, другие машины?

- Трупер-2, сообщите о состоянии Джей-19.
- Он мертв, парень... Я иду за этим ебаным фургоном. Где эта говеная подмога?
- Трупер-2, туда идут одиннадцать машин. Мы блокируем дорогу у Саут Хэвн.

Две машины на пятидесятке, в полумиле от вас и еще две подходят к съезду на шоссе Генерала.

- Вас понял. Иду за фургоном, - ответил пилот.

- Алекс, жми! - закричал Миллер.
- Почти на месте, парень, - ответил тот, выруливая в правый ряд к съезду.

Где-то в полумиле впереди мелькали красно-синие огни двух полицейских машин, но они шли в восточном направлении, по той стороне дороги, и съезда там не было.

"Так вам и надо, свиньи!" Насчет "порша" он не был в большом восторге, зато полицейского замочить - всегда приятно. - Вот он - съезд!

- Аннаполис. я - Трупер-2. Фургон свернул на север с пятидесятой дороги.

- Вот гады, - откликнулся диспетчер. Он тут же отдал соответствующее распоряжение. Полицейские машины, шедшие в восточном направлении, притормозили и потом ринулись через заросшую болотистой травой полосу, разделяющую встречные потоки шоссе. Одна тут же застряла в вязкой трясине, но другая сумела вырулить на асфальт и рванула к съезду.

Алекс как раз вовремя проскочил через светофор, пересек Вест-стрит и устремился в северном направлении. Справа от себя, метрах в ста пятидесяти, он успел заметить полицейскую машину, застрявшую, несмотря на сигнальные огни и сирену, в густом потоке прочих легковушек. "Прозевали, свиньи!" Он проехал еще сотни две метров и свернул налево.

Пилот Трупера-2 начал материться, забыв, что сзади сидели губернатор с прокурором. Он видел, как фургон въехал на огромную стоянку машин возле гигантского супермаркета "Аннаполис мол", в то время как три полицейские машины еще только втягивались в Вест-стрит.

- Сукин сын! - рявкнул пилот и резко пошел вниз, к стоянке.

Алекс припарковал машину. Как только та остановилась, они распахнули двери и выскочили на асфальт, а потом чинно направились к входу в супермаркет.

Услышав рев вертолета, Алекс удивился и взглянул вверх - тот завис над ними метрах в тридцати. Алекс прижал шляпу к затылку, чтобы не сдуло, и, уже

входя в двери супермаркета, прощально махнул рукой вертолету.

Пилот взглянул на фельдшера - рука того яростно сжимала рукоятку револьвера. Сам-то он ничего не мог поделать - для управления вертолетом нужны обе руки.

- Ушли, - сказал фельдшер в переговорное устройство.

- Что вы имеете в виду, когда говорите "ушли"?! - вскипел губернатор.

Под ними две полицейские машины, взвизгнув тормозами, замерли у входа в супермаркет. Там было порядка трех тысяч покупателей, а как выглядят преступники, никто не знал.

Двое людей из организации Алекса уже поджидали их с сумками в руках в уборной. Они тут же переоделись, смешались с толпой покупателей и потихоньку направились, каждый вроде бы сам по себе, к одному из множества выходов. Они не спешили. Спешить не было оснований.

- Он махнул нам рукой, - сказал губернатор. - Делайте же что-нибудь!

- Что? - сказал пилот. - Что мы можем сделать? Кого будем ловить? Они ушли.

Губернатор все никак не мог взять в толк, что же случилось, но наконец понял и замолчал, тогда как прокурор все еще продолжал сыпать проклятьями. То, что обещало быть всего лишь обычной предвыборной поездкой в Солсбери, обернулось погоней, завершившейся таким разочарованием. На глазах губернатора убили полицейского, и никто ничего не мог поделать. Он выругался. Избиратели, услышь они его, были бы шокированы.

Трупер-1 сел на мост Северн-ривер. Фельдшер и Вевирли, положив женщину с ребенком на носилки, готовились к погрузке их на вертолет. Им помогали двое гражданских, чьи машины стояли тут же, на обочине. Точнее, помогал один из них, оказавшийся пожарником, второй же стоял, побелев лицом, возле полицейской машины, и возле него густела блевотина. К месту происшествия уже приближалась пожарная машина, а двое полицейских ждали момента, когда вертолет поднимется в воздух, чтобы можно было вновь открыть движение. Шоссе было забито машинами уже мили на четыре. Услышав по радио о том, что случилось с их коллегой из машины Джей-19, они молча переглянулись.

Вевирли, разыскав сумочку потерпевшей, извлек оттуда водительские права.

Ему предстояло заполнить массу всяческих форм и уведомить о случившемся родственников потерпевших. Носилки с девочкой в этот момент поставили в задний отсек вертолета, рядом с теми, где уже лежала ее мать. Вот туда же вскарабкался и фельдшер - винт вертолета завертелся все стремительней, и Вевирли обдало тучей пыли. Девочку было безумно жалко. "Ну, ладно, - сказал он себе, - к делу". В кошельке он нашел маленькую записную книжку в красной обложке.

Проверив по правам фамилию, он открыл записную книжку на букве "Р". Там значилось лишь имя: Джек и рядом с ним номер телефона с припиской "работа".

Наверное, ее муж. Кому-то надо поставить его в известность о случившемся.

- Я - Трупер-1, на борту раненые.
- Трупер-1, вас понял. Заходите на посадку, курс три-четыре-семь,
ответил диспетчер аэропорта Балтимор - Вашингтон и тут же связался с
больницей Хопкинса. - Неотложка Хопкинса, тут Трупер-1 - женщина и девочка,
белые, жертвы катастрофы.
- Это Хопкинс. У нас полно, направьте в университетскую больницу.
- Вас понял. Университет, вы готовы?
- Готовы.

- Пушка, это Каммингс; - третьи ворота, - сказал по телефону сержант.
- Что там у тебя, сержант? - спросил Брекенридж.
- Тут какой-то человек... На углу, на той стороне улицы, в дверях,
стоит уже минут сорок пять. Что-то странное тут. Он не на нашей территории,
но какое-то у меня чувство... Вы знаете?..
- Вызвал полицию? - спросил сержант.
- Для чего? Я даже не смогу заявить, что он плюнул на тротуар.
- О'кей, я сейчас подойду.

Брекенридж все равно изнывал от скуки. Надев фуражку, он вышел на
улицу.

До третьих ворот было пять минут ходу, и за эти пять минут он отдал
честь шести офицерам и куда большему числу курсантов. Было зябко - он вообще
не любил холода. Но скоро уже весна.

Каммингс был в будке. Отличный служака этот Каммингс, хоть и молодой
еще.

Типичный представитель нового поколения морских пехотинцев. Сам-то
Брекенридж был из старой гвардии - в духе Джона Вейна: широченные плечи и
внушительный торс. А Каммингс, этот черный парень, поджарый, как марафонец.
Он мог целый день бегать, что Брекенриджу никогда не было под силу. И,
главное, понимал, что требуется от морского пехотинца. Брекенридж
покровительствовал ему, делясь с ним опытом. Сержант знал, что скоро он
станет всего лишь частью прошлого корпуса морской пехоты. А Каммингс был
его, этого корпуса, будущим и, будущее это выглядело вполне прилично, считал
Брекенридж.

- Этот тип еще там? - спросил он.
- Почти с четырех часов. Он там не живет, - сказал Каммингс. - Какое-то
у меня странное чувство.
- Что же, дадим ему еще несколько минут.

- Я терпеть не могу ставить отметки.
- Ну так и будь помягче к своим ребятам, - рассмеялся Робби.
- А сам-то ты как со своими? - спросил Райан.
- У меня дело другое - я же технику преподаю. Это дело серьезное.
- Ну как же - инженеры!.. Умножать умеют, а писать-читать кое-как!..

- Ты чего сегодня такой раздражительный?
- А черт его знает. Зазвонил телефон, и Джек снял трубку.
- Доктор Райан. Да. Кто?.. - лицо его посерьезнело, в голосе появилась настороженность. - Да, верно...
Робби увидел, как Джек выпрямился в кресле и застыл.
- Вы уверены? Где они сейчас? О'кей, ладно... Я... да, спасибо, пробормотал Джек. На другом конце провода уже отключились, а он все смотрел на трубку.
- В чем дело, Джек? - спросил Робби. Райан ответил не сразу.
- Это из полиции. Мои попали в аварию.
- Где они? - вскочил на ноги Робби.
- Их отправили вертолетом в Балтимор. Мне надо сейчас туда... - Райана начало трясти.
- Пошли, я тебя отвезу, - сказал Робби.
- Нет, я сам...
- Заткнись, Джек. - Робби взял свое пальто. - Шевелись! - приказал он Джеку и кинул ему в руки его пальто.
- Они их на вертолете...
- Куда? Куда именно?
- Университетская больница, - сказал Джек.
- Возьми себя в руки, Джек, - Робби схватил его за плечо и потащил к выходу. Его красный "корвет" был запаркован метрах в ста от выхода из здания.

- Все еще там, - доложил охранник, входя в будку.
- О'кей, - сказал Брекенридж и поднялся на ноги. Он взглянул на пистолет в кобуре, лежавший на столе, но решил обойтись без него.

Нэду Кларку это дело с самого начала было не по душе. Син слишком уж страстно к этому относился. Но он этого ему не стал говорить. Ведь это Син в конце концов организовал его побег из тюрьмы. Одного этого достаточно, чтобы быть до конца верным Делу. Но тут он стоял на виду, и это было ему не по душе.

Правда, ему сказали, что охранники здесь - растяпы. К тому же, как ему было видно, они были без оружия. И вообще за пределами территории Академии у них нет никаких прав.

Но все это слишком уж долго тянулось. Его объект запаздывал на тридцать минут. Он не курил, не делал ничего, что могло бы вызвать к нему подозрение, и был уверен, что его трудно заметить тут, в дверях. Тем более что света в подъезде не было - об этом заранее позаботился один из людей Алекса.

"Надо бы сообщить, чтобы отменили эту операцию", - сказал он самому себе.

Но все же не хотелось подводить Сина. Из будки охранников вышли двое -

чертовы морские пехотинцы, такие аккуратные, такие привлекательные без своих пистолетов... Пришить их запросто... Так рука и тянется...

- "Отлично, капитан", - говорит он ему, - громко рассказывал тот, что повыше ростом. - "Забери эту хреновину у моего каптера!"

Второй зашелся смехом.

- Ну, дает!

- Что насчет пары пива? - спросил первый. Они ступили на мостовую, направляясь к Кларку.

- Идет, Пушка. Ты платишь?

- Разве сегодня мой черед? А ну-ка, гляну, есть ли у меня деньги, - сказал высокий и вроде бы полез в карман, но вдруг повернулся к Кларку. - Простите, сэр, чем могу вам помочь?

Кларк среагировал мгновенно, но все же чуть-чуть опоздал. Не успел он двинуть рукой в кармане, как ее словно тисками, зажал Брекенридж.

- Я спрашиваю: чем могу быть вам полезен? - вежливо повторил Брекенридж. Что у вас в руке?

Кларк дернулся, но этот верзила прижал его к стене.

- Не рыпайся, парень, - посоветовал ему сержант. Каммингс прошелся ладонями по карманам Кларка.

- Ага, пистолет, - лаконично сообщил он.

- Не рыпайся, парень. Тебе же лучше, - сказал Брекенридж, левой рукой прихватив Кларка за глотку.

Кларк проклинал себя за глупость: как же это он подпустил их к себе вплотную?! Он скосил глаза вправо, но человек, поджидавший его в машине, был за углом. Он еще не сообразил, что бы такое предпринять, как второй негр уже выкрутил ему руку и вытащил из его кармана пистолет, а потом и нож.

- Ну-ка, расскажи о себе, - сказал Брекенридж и, не дождавшись ответа, надавил на глотку Кларка. - Пожалуйста, расскажите мне о себе, сэр.

- Убери руки, падла! Кто вы тут такие?

- Откуда ты, мальчик? - спросил Брекенридж. На самом деле ему и не надо было никакого ответа. - О'кей, сынок, сейчас мы пойдем вон туда, к воротам, и ты там будешь сидеть себе спокойненько, пай-мальчиком, пока мы вызовем полицию.

Будешь рыпаться, вырву руку и засуну ее тебе в жопу. Пойдем, сынок.

Шофер, поджидавший Кларка, подошел к углу улицы. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что к чему. Он тут же развернулся и направился к своей машине. Минуту спустя его и след простыл.

Каммингс приковал Кларка наручниками к стулу. Брекенридж еще раз прошелся по карманам Кларка и никаких документов, из которых можно было бы узнать, что это за человек, не обнаружил. Впрочем, пистолет говорил сам за себя. Сперва он доложил о задержании своему командиру, а потом позвонил в полицию.

Глава 14

ШОК И ТРАВМА

Если бы Джек когда-либо сомневался в том, что Робби Джексон летчик-истребитель, то теперь он бы излечился от такого рода сомнений. У него был двухлетней давности "шевроле-корвет" красного цвета, и водил он его весьма нахально. Робби вылетел из западных ворот Академии, круто свернул налево и довольно быстро пробился к бульвару Роу. Еще издалека он увидел, что пятидесятая дорога забита в западном направлении, он тут же переориентировался и устремился на восток, в объезд. Через минуту он уже летел по мосту Северн-ривер. Джек был слишком занят своими мыслями, чтобы видеть, что там за окном, но Робби заметил искореженный кузов "порша" на той стороне дороги. И похолодел. Отбросив все посторонние мысли, он сосредоточился на дороге, выжимая из своего "корвета" более восьмидесяти миль в час. На той стороне дороги было слишком много полицейских, чтобы стоило беспокоиться о штрафе. Через минуту он съехал на скоростную дорогу Ричи и устремился по направлению к Балтимору. Час пик был в самом разгаре, хотя все же большая часть машин двигалась в обратном направлении. Он использовал все возможности, то и дело меняя ряды.

Джек сидел справа от него - сидел, устремив глаза вперед и не видя ничего.

Он лишь раз поморщился, когда Робби пришлось притормозить из-за двух, идущих бок о бок грузовиков. Но едва один из них чуть-чуть опередил другой, как Робби стрелой метнулся между ними, совсем впритирку. Гневные вопли гудков тут же остались позади, и Джек вновь погрузился в себя.

Брекенридж считал своего капитана толковым офицером еще и потому, что у того хватало здравого смысла во всем полагаться на своего сержанта. Капитан Майк Питерс умудрился прибыть на несколько минут раньше полицейских достаточное время, чтобы выслушать Брекенриджа и Каммингса.

- Так в чем дело, джентльмены? - спросил полицейский. Капитан Питерс кивнул Брекенриджу, чтобы тот объяснил ситуацию.

- Сэр, сержант Каммингс заметил этого типа на той стороне улицы, и мы стали наблюдать за ним, поскольку на местного он не смахивает. Наконец мы с сержантом подошли к нему и спросили, не можем ли чем-то помочь ему. Он попытался выхватить из кармана вот это вот, - при этих словах Брекенридж осторожно, словно не желая стереть с него отпечатки пальцев, взял со стола пистолет. - Кроме того, в кармане у него был еще и нож. Оружие - это нарушение закона, так что мы задержали его и вызвали вас. У него никаких документов, и он отказался говорить с нами.

- Что это за пистолет? - спросил полицейский.

- Это Эф-эн, девятимиллиметровый, - сказал Брекенридж. - То же что и браунинг повышенной мощности, только другая марка. Обойма - тринадцать пуль.

Пистолет был заряжен, патрон загнан в ствол. Предохранитель спущен. Нож дешевка. Обычная дребедень, с такими хулиганы ходят.

Полицейский улыбнулся. Он знал Брекенриджа как спеца по оружию.

- Могу я узнать ваше имя? - спросил он Имона Кларка. "Подозреваемый" молча смотрел на него. - Сэр, у вас имеются определенные конституционные

права, с которыми я вас сейчас ознакомлю, но при этом вам не позволено скрывать свое имя. Вы обязаны сообщить мне свое имя.

Полицейский выждал какое-то время, не спуская глаз с Кларка. Наконец, пожав плечами, он извлек из планшета карточку с отпечатанным на ней текстом прав подозреваемого.

- Сэр, у вас есть право хранить молчание..., - отчетливо начал он и дочитал всю эту литанию до конца, закончив вопросом:

"Вам понятны ваши права?"

Кларк по-прежнему молчал. Полицейский начал выходить из себя. Взглянув на Питерса, Брекенриджа и Каммингса, он спросил их: "Джентльмены, готовы ли вы засвидетельствовать, что я ознакомил этого человека с его правами?"

- Да, сэр, без всякого сомнения, - ответил капитан Питере.

- Вам бы, - сказал Брекенридж, - не помешало проверить этого парня через ФБР.

- Почему?

- У него странный выговор, - объяснил главный сержант. - Он не здешний.

- Ничего себе - второй такой случай за день.

- В каком смысле? - спросил Брекенридж.

- Только что на пятидесятой дороге обстреляли машину. Похоже, что связано с наркотиками. Та же банда убила полицейского и смылась, - он наклонился вперед и заглянул Кларку в лицо. - Вам, сэр, лучше бы начать говорить. Полиция в этом городе сегодня в плохом настроении. Я вам хочу сказать, парень, что мы тут не намерены канителиться со всяким говном. Понятно?

Кларку не было понятно. В Ирландии иметь оружие без соответствующего на то разрешения - серьезное преступление. В Америке с этим куда легче, поэтому здесь такое количество граждан и имеют его. Стоило Кларку заявить, что он ждал на улице приятеля на улице и взял с собой пистолет из страха, что на него могут напасть, его могли бы отпустить, наведя лишь поверхностные справки о его личности. Но он упорно молчал, чем разозлил полицейского, а это значило, что теперь им займется всерьез.

Капитан Питерс с сержантом Брекенриджем многозначительно переглянулись.

- Я бы очень советовал вам проверить этого человека через ФБР, - сказал капитан полицейскому. - У нас... в общем, несколько недель назад нас предупредили - неформально, правда, - насчет террористов. Это в вашей юрисдикции, поскольку он задержан в черте города, но...

- Я вас понял, капитан, - сказал полицейский. Несколько секунд подумав, он пришел к выводу, что случай этот более серьезен, чем кажется с первого взгляда.

- Если вы проследуете со мной в участок, мы выясним, кто такой на самом деле этот мистер Икс.

Райан буквально ворвался в здание, на дверях которого значилось: "Шок. Травма". В приемной он назвал свое имя, и его направили в комнату ожидания, бесстрастно присовокупив, что сообщат о состоянии его

родственников как только таковое станет известно. Еще минуту назад он что-то делал, мчался по дороге, а теперь надо было просто сидеть ждать - это сводило Джека с ума. В голове у него было пусто, случившееся никак не поддавалось объяснению. Когда Робби, запарковав машину, появился в комнате ожидания, он увидел, что Джек сидит на диване, тупо пролистывая какую-то брошюру, чьи некогда плотные страницы стали мягкими, как замша, - их в этой комнате листало такое количество рук родителей, жен, мужей, детей и друзей пациентов...

В брошюре бюрократическим языком излагалась история мэрилендского Института скорой помощи - первого и самого лучшего учреждения такого рода.

Институт был детищем одного блестящего, энергичного и крайне самонадеянного хирурга, которому для реализации своей мечты о создании Центра скорой помощи двадцать первого века пришлось одолеть неисчислимое множество бюрократических препон. Однако начинание оказалось фантастически успешным. Тут применялась самая современная медицинская технология. Тут не боялись новинок, некоторые из которых похоронили ряд традиционных методов лечения. И хотя основатель Института так и не добился признания своих коллег, ибо оказался почти во всем прав, его преемникам было легче идти уже проторенной дорогой. Под сень Института слетались самые талантливые, способные и готовые дерзать специалисты.

"Но хватит ли их умения в этот раз?" - спрашивал себя Райан.

Он потерял всякое представление о времени, боясь даже взглянуть на часы.

Один, совершенно один в своем закрытом для всех мире, он думал о том, что Господь дал ему жену и ребенка, которых он любит больше самого себя, о том, что первойшей его обязанностью было защищать их от столь враждебного порой мира, чего он не сумел сделать, и вот теперь жизнь их в руках чужих людей. Сейчас все его знания и умения были ни к чему. И это было хуже всего. Шли часы за часами, а он все сидел, уставившись на пол, неспособный даже молиться.

Джексон сидел молча возле Райана, погруженный в свой собственный мир.

Морской летчик, он не раз сталкивался со смертью друзей - смертью в результате какой-нибудь глупой ошибки или технической неисправности. Не так давно он и на своем плече ощутил прикосновение холодной руки смерти. Она не внушала страха ему, человеку, который выбрал столь опасную профессию. Но тут речь шла о молодой женщине и ребенке. И он не знал, что сказать Джеку, где найти слова утешения. Все, что ему оставалось, просто быть рядом с Джеком.

Часа через два Джексон на цыпочках вышел из комнаты ожидания, чтобы позвонить жене и незаметно для Джека справиться в приемной о положении Кэти и Салли. Дежурная сестра, покопавшись в картотеке, кратко сообщила: "Женщина, блондинка, около тридцати лет, травма головы. И ребенок женского пола, блондинка, около четыре лет, травма грудной клетки". Джексон едва справился с искушением придушить эту сестру за равнодушие ее тона. Пригвоздив ее гневным взглядом, он вернулся к Джеку. И снова потекли часы в молчании. За окном пошел дождь - холодный дождь, под стать их настроению.

Специальный агент Шоу только вошел в двери своего дома, как зазвенел телефон. Трубку подняла его младшая дочь, сказала:

"Сейчас" и протянула ее отцу.

- Шоу на проводе.

- Мистер Шоу, это Ник Напитано из полиции Аннаполиса. Мы задержали человека с пистолетом и ножом, но без документов. Он отказывается говорить, но ранее он сказал несколько слов двоим морским пехотинцам, и у него акцент.

- Очень мило, - раздраженно сказал Шоу. - И что же это за акцент?

- Похоже, ирландский, - сказал Напитано. - Его задержали возле ворот Военно-морской академии. У нас тут морской пехотинец, и он говорит, что у них там есть преподаватель по фамилии Райан и что того предупреждали из отдела борьбы с терроризмом.

"Что за чертовщина!" - выругался про себя Шоу и спросил:

- Вам удалось установить его личность?

- Нет, сэр. Мы сняли у него отпечатки пальцев и сфотографировали - то и другое отправлено в Бюро. Он отказывается что-либо говорить. Просто молчит и все, сэр.

- О'кей, - сказал Шоу. - Через полчаса я буду у себя в офисе. Пусть мне пошлют туда копию его фотографии и отпечатков. И разыщите доктора Райана пусть кто-нибудь будет возле него.

- Хорошо.

Шоу положил трубку и набрал номер своего офиса.

- Дейв, это Билл. Позвони в Лондон и передай Дэну Мюррею, Чтобы через полчаса был у себя в кабинете - мне надо поговорить с ним. У нас тут, похоже, что-то происходит.

- Пока, папа, - сказала его дочь. Шоу даже не успел снять пальто.

Через двадцать семь минут он был у себя в кабинете. Прежде всего он позвонил Нику Напитано.

- Что-нибудь новое есть?

- Нет, сэр. Служба безопасности в Аннаполисе никак не может найти этого Райана. Машина его на стоянке в Академии, а самого его нигде нет. Я запросил местную полицию, чтобы они там послали машину к нему домой проверить, не там ли он. Тут у нас малость все наперекосяк идет. Как раз в то время, когда задержали этого мистера Икса, на шоссе обстреляли из автомата машину.

- Это еще что такое, черт побери?

- Этим занимается полиция штата, так что подробностей мы пока не знаем, объяснил Напитано.

- Пошлите туда своего человека, - тут же распорядился Шоу.

В кабинет вошла секретарша и положила на стол папку. Там была фотография задержанного - анфас и в профиль. Секретарша была уже в дверях, когда он остановил ее.

- Минуточку! Перешлите это телефаксом в Лондон.

- Хорошо, сэр.

Шоу набрал номер американского посольства в Лондоне.

- Я только-только завалился спать, а тут... - услышал он голос Мюррея.

- Привет, Дэн. А я собирался поужинать... Жизнь - штука суровая. Я

сейчас послал тебе снимок, - сказал Шоу и пересказал Мюррею все, что знал сам.

- О, Боже! - Мюррей отхлебнул из чашки большой глоток кофе. - Где Райан?

- Мы не знаем. Может, просто шатается где-нибудь поблизости. Я имею в виду, что его машина до сих пор на стоянке в Аннаполисе, в Академии. Ребята из безопасности ищут его. Я думаю, с ним все в порядке, Дэн. Если я верно понимаю ситуацию, этот тип поджидал как раз его.

Фотография Имона Кларка уже пришла в посольство. ФБР использовало для связи ту же сеть спутников, что и разведывательные службы. Работавшие в отделе связи посольства люди были на самом деле служащими Агентства национальной безопасности и дежурили круглосуточно. Фотография пришла с пометкой "Молния", и потому рассыльный, схватив ее, опрометью бросился к кабинету Мюррея.

- Минутку, - сказал Мюррей Шоу. Фотография после всех этих передач по телефаксу была нечеткой, но все же давала какое-то представление об облике задержанного. - Знакомое лицо. Я не могу прямо так сразу назвать его имя, но он из этой сволоты.

- Сколько времени вам понадобится, чтобы опознать его?

- Я сейчас позвоню Джимми Оуинсу. Вы у себя в кабинете?

- Да, - сказал Шоу.

- Я вам перезвоню.

Мюррей набрал домашний номер Оуинса.

- Привет, Джимми. Это Дэн.

- Привет. Вы знаете, сколько сейчас времени? - спросил Оуинс.

- Наши ребята там задержали одного типа. Не исключено, что он вас заинтересует.

- Кто такой?

- У меня есть снимок, но нет имени. Его прихватил в Аннаполисе, возле Академии...

- Райан?

- Возможно.

- Встретимся в Скотленд-Ярде, - сказал Оуинс.

- Выхожу.

Мюррей устремился на улицу, к своей машине. Оуинсу было легче - возле его дома всегда дежурила полицейская машина с двумя детективами. Стоило ему появиться в дверях и махнуть рукой, как "ленд-ровер" подкатил к нему. Он опередил Мюррея на пять минут. Когда тот появился, Оуинс уже проглотил чашку чая и принялся за другую. Увидев коллегу, он достал вторую чашку.

- Знаком ли вам этот парень? - спросил Мюррей, передав снимок.

Глаза Оуинса расширились.

- Имон Кларк, - выдохнул он. - В Америке, говорите?

- То-то я чувствовал, что вроде как знаю его. Его прихватили в Аннаполисе.

- Это один из бежавших из тюрьмы Лонг-Кеш. Очень опасный человек. На его совести несколько убийств. Спасибо, Дэн.

- Это заслуга тех ребят из морской пехоты, Мюррей присосался к чашке -

ему и в самом деле надо было взбодриться. - Можно позвонить от вас?

Через минуту он уже связался с Шоу. Телефон был с микрофоном, так что Оуинс мог слышать их разговор.

- Билл, - сказал Мюррей, - задержанный - Имон Нэд Кларк, убийца, сбежавший в прошлом году из тюрьмы. Когда-то он был спецом по мокрым делам у "Временных".

- У меня плохие новости, Дэн, - сказал ему в ответ Шоу. - Похоже, что на семью этого Райана было покушение. Полиция расследует это дело - там обстреляли из автомата машину доктора Каролины Райан. Преступники были в фургоне, убили полицейского и скрылись.

- Где Джек Райан? - спросил Мюррей.

- До сих пор не знаем. Тут видели, что он уезжал с территории Академии вместе со своим другом. Его ищут.

- Так что с его семьей? - вмешался Оуинс.

- Их вертолетом доставил в Институт скорой помощи в Балтиморе. Местную полицию предупредили, чтобы они наладили там охрану, но это место и без того неплохо охраняется. Как только мы найдем Райана, мы приставим к нему своих людей. О'кей. Что касается этого Кларка, к утру я его переведу в федеральную тюрьму. Я полагаю, что мистер Оуинс захочет заполучить его, не так ли?

- Да, - сказал Оуинс и откинулся на спинку кресла. Как это частенько бывает в работе полиции, плохие новости шли вперемежку с хорошими.

- Мистер Райан? Это был врач. Вероятно, врач. Его халат странного розового цвета весь был забрызган кровью. Ему вряд ли было намного больше тридцати, отметил Райан. Лицо усталое, а к груди приколотая карточка: "Д-р Барри Шапиро, зам.главного хирурга". Райан хотел было встать, но ноги его не слушались.

Доктор протестующе замахал рукой, чтобы он не вставал, и сам сел в кресло рядом с диваном.

"Что ты принес мне?" - подумал Райан. Он и жаждал знать и боялся этого.

- Я - Барри Шапиро. Я оперировал вашу дочь, - быстро заговорил врач с каким-то странным акцентом. - С вашей женой ничего страшного. У нее раздроблено левое предплечье и сильно изрезана голова. Фельдшер, увидев, что у нее ранена голова, а голова всегда сильно кровоточит, - отправил ее сюда просто из перестраховки. Мы сделали все, что нужно, и теперь все будет в порядке.

Небольшое сотрясение мозга, но это не беда. Она быстро поправится.

- Она беременна...

- Это мы заметили, - улыбнулся Шапиро. - На беременности это никак не сказалось.

- Она хирург. И вот, вы говорите, рука... Не скажется ли это на ее профессии?

- Вот как? Я не знал, что она хирург. Нет, с этим тоже не будет никаких осложнений. Рука повреждена, но ничего страшного. Все функции будут восстановлены.

Райан кивал, страхась задать следующий вопрос. Доктор на секунду замолчал.

"Неужели теперь черед плохих новостей?.."

- Положение вашей дочери очень серьезное. Райан чуть не задохнулся, потом железный кулак, сжавший его горло, чуть-чуть ослаб. "Все-таки она жива. Салли жива!"

- Очевидно, предохранительный ремень не был на ней застегнут, и ее очень сильно бросило вперед.

Райан кивнул. Салли всегда играла с пряжкой ремня, и нас это так умиляло, с горечью припомнил он.

- У нее сломаны обе ноги, сломаны все ребра с левой стороны и шесть с правой. Она не может самостоятельно дышать - мы ее подключили к респиратору.

Она поступила с сильным внутренним кровотечением, тяжелыми повреждениями печени и селезенки, а также кишок. Когда ее доставили сюда, у нее остановилось сердце, но мы тут же это дело наладили и сделали ей вливание крови. Так что, продолжал без остановки Шапиро, - это уже позади. Мы с доктором Кинтер занимались ею почти пять часов. Нам пришлось удалить ей селезенку. Это ничего, можно жить и без селезенки, - сказал он, утаив, однако, что селезенка важная часть защитного механизма организма от инфекций. - Печень тоже была сильно повреждена, и нам пришлось удалить четверть ее. Но это тоже ничего.

Печень - это очень важно. Но я надеюсь, мы ее неплохо подлатали, и если функции печени в основном сохраняются, то... все, вероятно, наладится. Повреждение кишок было незначительным, мы удалили всего сантиметров тридцать. Ноги - в гипсе. Мы займемся ими потом. Ребра... Да, это болезненно, но угрозы жизни тут нет.

Повреждения же черепа относительно невелики. Похоже, что основным удар пришелся на грудь. Есть небольшое сотрясение, но без внутреннего кровоизлияния, - Шапиро потер руками свое заросшее густой бородой лицо. - Сейчас главное - печень. Если печень придет в норму, она, вероятно, полностью выздоровеет. Мы ведем за ней наблюдение, и часов через восемь-девять картина станет яснее.

- Не раньше? - лицо Райана перекосило от боли. "Она еще может умереть..."

- подумал он.

- Мистер Райан, - медленно выговорил Шапиро, - я понимаю ваши чувства.

Если бы ее не доставили сюда на вертолете, она бы уже была мертва. На пять минут позже, и мы бы ее не смогли спасти. Видите, как все это было на грани? Но сейчас она жива, и обещаю вам, что мы сделаем все возможное, чтобы она жила. Ею занимаются лучшие в мире врачи. Точка. Лучшие! Если есть хоть какая-то возможность спасти ее, мы ее спасем.

"А если такой возможности нет, то не спасем", - подумал Райан, но не сказал.

- Можно мне к ним?

- Нет, - покачал головой Шапиро. - Обе сейчас в палате для особо тяжелых случаев. Там стерильность, как в операционной. Малейшая инфекция может оказаться роковой. Прошу прощения, но это опасно для них. Мы с них не спускаем глаз, при них постоянно сестра - очень опытная сестра.

- О'кей, - с трудом выговорил Райан. Он прислонился затылком к стене и закрыл глаза. "Еще восемь часов? Но выбора у тебя нет. Надо ждать. Надо

делать то, что они говорят".

Шапиро вышел, и Джексон устремился за ним, нагнав его уже возле лифта.

- Доктор, разрешите Джеку посмотреть на дочку. Она...

- Ни в коем случае, - Шапиро привалился к стене - он так устал, что ноги не держали его. - Слушайте, она сейчас... Как ее звать?

- Салли.

- Так вот, она сейчас в постели, совершенно голая, со всякими там трубками... Голова наполовину обрита. Ноги в гипсе... Все, что вы сможете увидеть, это сплошной кровоподтек, от головы до бедер, - Шапиро поднял глаза на пилота. Он был слишком измотан, чтобы выказывать хоть какие-то эмоции. Слушайте, она может умереть. Я надеюсь, что нет, но гарантий никаких нет. Когда повреждена печень, трудно что-либо сказать, пока анализ крови не покажет, что там делается. А до тех пор - ничего определенного сказать нельзя. Просто нельзя. Если она-таки умрет, разве вам хочется, чтобы у вашего друга она запечатлелась в памяти именно в таком виде? Чтобы он такой вспоминал ее всю жизнь?

- Да, вы правы, - согласился Джексон, в то же время удивившись охватившему его яростному желанию, чтобы Салли обязательно выжила. У них с женой не было детей, и Салли была ему вроде дочери. - Каковы шансы?

- Тут не до подсчета шансов. Да и цифры в таких случаях ничего не значат.

Она, простите, или выживет, или нет. Слушайте, я не втирал очки вашему другу, сказав, что лучшего ухода, чем здесь, она нигде бы не получила, - глаза Шапиро остановились на груди Джексона. Он тронул пальцем нашивку с золотыми крылышками. - Вы - летчик?

- Да. Истребитель.

- "Фантомы"?

- Нет. Эф-14. "Томкэт".

- Я тоже летаю, - улыбнулся Шапиро. - Я был хирургом в ВВС. А в прошлом году я обзавелся планером. Когда мне удастся выбраться из этого сумасшедшего дома, я сразу - в небо. Там так тихо. Ни телефонов, ни суматохи этой... Только облака, - сказал он не столько Джексону, сколько самому себе.

Робби положил ему руку на плечо.

- Послушайте, док, спасите девочку, и я дам вам полетать на любой машине.

Вы когда-нибудь летали на Т-38?

- Это что? - Шапиро был слишком измочален, чтобы припоминать, видел ли он такой самолет раньше.

- Маленький сверхзвуковой. Тренировочный. Двухместный, двойное управление, и летит... как во сне. Я могу выдать вас за одного из наших.

- И мы сможем проделать всю эту воздушную акробатику? - Шапиро заулыбался, как маленький мальчик.

- Конечно, док! - ухмыльнулся в ответ Джексон.

- Ловлю вас на слове. Для нас все пациенты одинаковы, но я ловлю вас на слове. И присматривайте за вашим другом. Он выглядит плохо. Не в себе. Это нормально. Такое часто сильнее сказывается на родных, чем даже на самих больных. Если он не очухается сам, скажите дежурной в приемной. У нас для

таких случаев есть психиатр. Это еще одно наше новшество - помогать родственникам пациентов справиться с потрясением.

- А что с руками Кэти. Она - глазной хирург. Тонкая работа, вы знаете...

Вы уверены, что обойдется?

- Ничего серьезного, - затряс головой Шапиро. - Всего лишь перелом плечевой кости. А пуля прошла навывлет. Ей очень, знаете ли, повезло.

Рука Робби непроизвольно схватила запястье доктора.

- Пуля?!

- А разве я не сказал об этом? Боже, я, наверно, даже больше устал, чем думаю. Это рана от огнестрельного оружия. Но совершенно чистая. Хорошо бы все раны были такими чистыми. Если не ошибаюсь, девятимиллиметровка. Ну ладно, мне пора - надо работать, - сказал он и вошел в лифт.

- Блядство! - выругался Джексон. Сзади него раздались мужские голоса.

Говоривших оказалось двое. Дежурная сестра в приемной сказала им, чтобы они прошли в комнату ожидания. Робби последовал за ними. Тот, что был выше ростом, подошел к Райану и спросил:

- Сэр Джон?

Райан поднял на него глаза.

"Сэр Джон?" - удивился Робби.

- Я - Джефри Беннетт, поверенный в делах посольства Великобритании, - он извлек из кармана конверт и протянул его Райану. - По поручению Ее величества я должен лично вручить вам это и ждать вашего ответа.

Джек какое-то время лишь моргал глазами, потом надорвал конверт и вытащил телеграмму. Текст ее был краток и исполнен тревоги. "Сколько же сейчас там времени? - подумал Райан. - Два ночи? Или три?" Значит, ее разбудили, и она послала ему телеграмму. А теперь ждет ответа. Райан закрыл глаза и сказал себе, что пора возвращаться в мир реальности. Он с силой потер лицо и встал с дивана.

- Передайте, пожалуйста. Ее величеству, что я чрезвычайно благодарен ей за заботу. Врачи считают, что моя жена полностью выздоровеет, но дочь в критическом состоянии, и только через восемь или девять часов ее ситуация прояснится. Пожалуйста, передайте Ее величеству... что я глубоко тронут ее заботой... и что все мы очень ценим ее дружеское расположение.

- Спасибо, сэр Джон, - сказал Беннетт, делая какие-то пометки в-блокноте.

- Я немедленно телеграфирую ваш ответ. Если вы не возражаете, сотрудник нашего посольства останется с вами.

Джек удивился, но возражать не стал. И Беннетт удалился. Робби все это удивило. В голове у него вертелось множество вопросов. "Кто этот парень?" Он представился как Эдвард Уэйсон и сел на стул в углу, лицом к двери. Оглядел Джексона с головы до ног. Глаза их на секунду встретились, оценивая друг друга.

Глаза у Уэйсона были холодными, отрешенными, а в уголках рта таилась усмешка.

Робби осмотрел его повнимательней - под левой подмышкой у того что-то топорщилось. В левой руке была книга, и он делал вид, что читает ее, но

каждые две-три секунды глаза его обращались к двери. Поймав взгляд Робби, он кивнул ему. "Ага, - заключил Робби, - шпион или, по меньшей мере, офицер безопасности.

Так вот в чем тут дело". Понимание смысла случившегося ударило, как кнутом.

Кулаки его сжались при мысли о тех, кто покушался на жизнь женщины и ребенка.

Минут через пять появились наконец полицейские. Минут десять они говорили с Райаном. Робби увидел, как лицо Джека побледнело от гнева, когда он отвечал на какие-то вопросы. Уэйсон не смотрел в ту сторону, но все слышал.

- Вы были правы, Джимми, - сказал Мюррей. Он стоял у окна - на улице только-только начиналось движение.

- Пэдди О'Нил в Бостоне, вероятно, толкует направо и налево, какие чудесные парни они там, в "Шин Фейн", - вслух рассуждал Оуинс. - А наш друг О'Доннелл решил испортить им игру. Мы не могли этого знать, Дэн. Подозрение еще не улика, вы это знаете. Не было оснований давать более серьезное предупреждение, чем мы это сделали. И вы ведь их предупредили, Дэн.

- Она прелестная крошка. Обняла меня и поцеловала на аэродроме, - Мюррей взглянул на часы. - Джимми, бывает порой... Пятнадцать лет назад мы арестовали одного... он охотился за маленькими мальчиками. Я его допрашивал. Он пел, как канарейка, страшно был доволен собой. Он признался в шести случаях, описал самые сокровенные подробности - и все с этой своей грязной ухмылкой. Тогда Верховный суд как раз отменил смертную казнь, так что он знал, что доживет до весьма почтенного возраста. Знаете, как близок я был к тому, чтобы... - он запнулся. - Иногда мы слишком уж цивилизованы, Джимми.

- Альтернатива, Дэн, - стать такими же, как они.

- Я знаю, Джимми. Это правда. Но она мне в данный момент не по вкусу.

Когда Барри Шапиро опять взглянул на часы, было пять утра. "Немудрено, что я так устал, - подумал он. - Двадцать часов на ногах. Я слишком стар для этого". Он был опытным врачом. Об усталости ему надлежало знать все.

Первым признаком переутомления было слишком долгое пребывание в больнице, слишком личностное чувство ответственности, слишком большой интерес к судьбе пациентов. Некоторые из них умирали. Несмотря на все его искусство, несмотря на все старания медиков, они порой умирали. А когда ты так устал, то даже сон не идет. Их раны - и хуже того: их лица - все не уходили из памяти. Врачам надо спать даже больше, чем обычным людям. Устойчивая бессонница - это последний и самый опасный признак переутомления. Это значит, что пора брать отпуск, а иначе может случиться срыв, каковые очень даже часто бывают у сотрудников Института скорой помощи.

Они тут мрачно шутили, что их пациенты, поступавшие с переломанными

костями и израненными телами, большей частью возвращались домой исцеленными, тогда как врачи и сестры, воодушевленные высокими идеями служения людям, зачастую уходили отсюда сломленными духом. Такова ирония этой профессии каждый успех провоцирует ожидание еще большего успеха, тогда как неудача бьет по врачу порой почти столь же тяжело, как и по пациенту.

Шапиро еще раз просмотрел листок с данными анализа крови и передал его медсестре.

- Ее отец там, внизу, - сказал он ей. - Пойдите и скажите ему, как обстоят дела. А я пойду перекурить.

Пройдя по коридору до пожарной лестницы, он медленно поплелся по ней вверх, на крышу. "О, Боже, как я устал. Как я устал". Крыша была плоской, покрытой асфальтом и мелким гравием, тут и там утыканной антеннами и ящиками для кондиционеров. Шапиро закурил сигарету, привычно кляня себя за неспособность бросить курить. Он прикрывал эту слабость утверждением, что есть в этом мире вещи поопасней табака. Большинство его пациентов были слишком молоды, чтобы успеть обзавестись хроническими болезнями. Их травмы были результатом чудес века техники: машин, мотоциклов, огнестрельного оружия и всякой промышленной машинерии.

Подойдя к краю крыши, Шапиро поставил ногу на парапет, затянулся и выпустил струю дыма. Ее тут же унес прозрачный утренний бриз. Он потянулся, разминая затекшие руки и шею. Ночной дождь умыл небо, и в предрассветной полумгле там, наверху были видны звезды.

Своим странным акцентом он был обязан своему детству. Его детство прошло в Нью-Йорке. Дед Шапиро был раввином, позже переехавший с семьей в Южную Каролину. Там Барри ходил в дорогую частную школу, но в результате у него выработался смешанный акцент - нью-йоркская отрывистость тона наложилась на южную тягучесть. А потом добавились еще носовые звуки, свойственные жителям прерий, - это когда он учился в университете в Техасе. Его отец был незаурядным ученым и часто читал лекции в Колумбийском университете в Южной Каролине.

Специалист по американской литературе девятнадцатого века. он был без ума от Эдгара По. Барри же этого По терпеть не мог и называл не иначе, как поэтом смерти и извращений. Он очень удивился, когда узнал, что По умер в Балтиморе, заснув по пьянке в сточной канаве, и что дом его был всего в нескольких кварталах от университетской больницы. Нечто вроде святыни для местных литераторов.

Шапиро казалось, что все, связанное с этим писателем, носит какой-то темный и извращенный характер, всегда исполнено чувством неизбежности смерти смерти от насилия, смерти преждевременной, то есть той смерти, что была личным врагом Шапиро как врача. Эдгар По стал для него олицетворением этого врага, которого порой удавалось побить, а порой нет. Он на эту тему никогда не беседовал со штатным психологом, в чьи обязанности входило наблюдать также и за медперсоналом Института. Но теперь, когда он был совсем один, он смотрел в ту сторону, где был дом Эдгара По.

- Ты - сукин сын. - прошептал он. Себе. Эдгару По. Никому. - Ты - сукин сын. Эту ты оставь. Эту тебе не заполнить.

Он отшвырнул сигарету и проследил взглядом за ее огоньком, полетевшим

вниз, на пустынный асфальт улицы. Потом пошел вниз. Пора было хоть немного вздремнуть.

Глава 15

ПАТРИОТЫ И ИХ ЦЕЛИ

Подобно большинству профессиональных военных, Робби Джексон не видел от прессы большого проку. Ирония состояла в том, что именно Джек, случалось, говорил ему, что он не прав, что пресса не менее важна для охраны американской демократии, чем ВМС. И вот теперь Робби видел, как репортеры досаждали Джеку вопросами, большинство из которых были либо дурацкими, либо оскорбительно бесцеремонными. С какой стати надо сообщать о том, что Джек чувствует в связи с критическим состоянием его дочери? Разве нужно кому-то объяснять, что чувствует любой человек, когда его ребенок на грани жизни и смерти? И откуда Джеку знать, кто стрелял? Если даже полиция этого не знает, то откуда он может знать это?

- А как ваше имя? - добралась одна корреспондентка наконец и до Робби. Он сообщил ей свое имя и звание.

- Что вы тут делаете? - пристала она.

- Мы друзья с Джеком. Я его привез сюда. - "Кретинка", - добавил он мысленно.

- Что вы думаете обо всем этом?

- А как вы полагаете, что я могу думать? Если бы там была дочка вашего друга, что бы вы тогда, черт побери, думали? - взорвался пилот.

- Вы знаете, чья это работа?

- Я - летчик, а не полицейский. Вот их и спрашивайте.

- Они молчат.

Робби ехидно усмехнулся. "Что же, один-ноль в их пользу. И вообще, почему бы вам не оставить этого человека в покое? Если бы с вами случилось такое, как бы вы реагировали на все эти вопросы? Он мой друг, и мне не нравится, что вы его терзаете".

- Мистер Джексон, нам известно, что на его жену и дочь напали террористы...

- Кто вам сказал? - потребовал ответа Джексон.

- А как вы думаете, кто? Считаете нас дураками, что ли? Робби на это ничего не ответил.

- Впервые, - продолжала корреспондентка, - группа террористов из-за границы осуществляет акцию на территории США! Если мы верно понимаем суть дела.

Это важно. Люди имеют право знать, что случилось и почему, - сказала она, и в этом был известный смысл.

"Она права", - признался себе, не без колебаний, Робби. Ему это было не по душе, но она была права, черт возьми!

- Вам будет легче, если я скажу, что у меня есть сын того же возраста? сказала она.

Джексон пытался выискать в ней что-нибудь такое, за что можно было бы

испытать к ней неприязнь.

- Скажите, - спросил он, - будь у вас возможность взять интервью у тех, кто это сделал, пошли бы вы на это?

- Это моя работа. Мы должны знать, кто они и откуда?

- Да они убивают людей просто для забавы! - воскликнул Робби и вспомнил кое-какие сообщения разведки. - Года два тому назад вы бы такого от меня не услышали.

- Не для записи, - серьезно пообещала она.

- Я служил на авианосце, неподалеку от Бейрута. И нам показывали сообщения разведки и фотографии людей, которые прилетали из Европы с террористическими целями. Это были в основном почти дети, наверняка, из хороших семей. Я сужу по одежде. Это все не туфта, это правда, и я видел их фотографии. Они вступали в контакт с какими-то безумцами, получали оружие и начинали устраивать стрельбу и взрывы - в кого попало и где попало. Они стреляли с крыш многоэтажных отелей и вообще откуда попало. Из винтовки можно ведь попасть в человека и за тысячу метров. Просто ради удовольствия. Что-то там шевелится на улице - раз, и нету его. А потом они разъезжались по домам. Они убивали людей для забавы! Может, некоторые из них потом выросли и до настоящих террористов, я не знаю. Это была такая мерзость, но забыть это тоже невозможно. Вот такого рода типы и тут действовали! И мне плевать на их политические взгляды, леди! Когда я был мальчишкой в Алабаме, там было такое же дерьмо - эти ку-клукс-клановцы. И за их взгляды я тоже гроша ломаного не дам. Одно хорошо в этом ку-клукс-клане - все они там сплошь идиоты. Эти-то террористы куда эффективней. Возможно, это делает их действия более законными в ваших глазах. В моих же - нет.

- Эти вещи насчет Бейрута никогда не печатались в газетах, - сказала она.

- Один репортер - я точно знаю - видел эти данные. Может, он решил, что никто этому не поверит. Я и насчет себя-то не уверен, если бы не те фотографии.

Но я их видел, даю вам слово, леди.

- Какого рода снимки это были?

- Вот этого я не знаю. Но они были достаточно четкими, чтобы видеть эти сияющие молодые лица.

Те снимки были сделаны с американских и израильских разведывательных самолетов.

- Ну, хорошо... Так что же с ними делать?

- Если бы вы смогли сделать так, чтобы все эти ублюдки были собраны в одном месте, я думаю, что вместе с морскими пехотинцами мы сумели бы что-нибудь придумать, - высказал Робби желание, типичное для солдат всего мира. - Мы тогда даже пригласили бы вас, газетчиков, на это торжество. А это кто такие? спросил он, увидев, что в зал ожидания вошли двое.

Джек слишком устал, чтобы воспринимать вполне связно происходящее.

Сообщение, что смерть отступила от Салли, словно сняло немыслимой тяжести груз с его плеч, и теперь он ждал, когда ему разрешат повидаться с женой, которую вскоре должны были перевести в обычную палату. Сидевший метрах в двух от него офицер британской службы безопасности Уэйсон смотрел

на репортеров с нескрываемым презрением, и, сколько они ни приставали с нему с вопросом о его имени, он не удостоил их ответом. Полиция не сумела предотвратить проникновение репортеров в Институт, хотя персонал госпиталя категорически воспротивился тому, чтобы сюда притащились еще и из телевидения. Все то и дело возвращались к главному вопросу: кто это сделал? Джек отвечал, что не знает. Хотя он полагал, что знает. Это были, вероятно, те самые люди, относительно которых он решил, что можно уже не волноваться.

"Могло быть куда хуже", - уговаривал он себя. По крайней мере было ясно, что Салли будет жить. Что она не погибла в результате его глупости. В этом было хоть какое-то утешение.

- Мистер Райан? - спросил один из новоприбывших.

- Да, - ответил Джек, даже не поднимая глаз, - настолько он был измучен.

Ему надо было бы выспаться, но нервы были слишком напряжены, чтобы он мог заснуть.

- Я - Эд Донохо, специальный агент бостонского отделения ФБР. Со мной тут человек, и он хочет кое-что сказать вам.

"Никто еще никогда не считал Пэдди О'Нила дураком", - подумал Донохо. Как только по телевидению сообщили о покушении, этот тип из "Шин Фейн" спросил свой "эскорт" из ФБР, не разрешат ли ему побывать в Балтиморе. У него было полное право бывать где угодно в Америке, так что Донохо был вынужден даже вызваться сопровождать его.

- Мистер Райан, - сказал О'Нил голосом, источавшим сочувствие, - мне сказали, что состояние вашей дочери стало лучше. Я надеюсь, что и мои молитвы тоже помогли, и...

Райан не сразу узнал это лицо, которое он видел несколько дней назад на экране телевизора. Он даже рот разинул от изумления. Слова этого типа проникали в его уши, но он как будто не слышал их, словно они выговаривались на каком-то неизвестном языке. Он видел только глотку этого человека, в полутора метрах от себя. "Всего полтора метра", - сказал он себе.

- А-а! - выдохнул Робби в другом конце комнаты. Он видел, как лицо сидевшего на диване Джека сперва налилось кровью, а потом стало бледным как смерть. Джек поджал ноги и наклонился вперед.

Робби кинулся вперед, оттолкнув в сторону агента ФБР, и как раз вовремя:

Джек вскочил с дивана и бросился на О'Нила, норовя вцепиться тому в глотку. Еще бы миг... но тут плечо Джека врезалось в грудь Робби, и тот сжал его, обхватил, тесня назад. Три репортера успели запечатлеть эту сцену на фото пленку. Наконец Робби удалось повалить Джека на диван и, обернувшись, он рявкнул: "Уведите эту скотину отсюда пока я его не придушил!" Ирландец был на десять сантиметров выше Джексона, но тот дышал такой яростью, что все поняли, что ирландцу и вправду не сдобровать. "Уберите отсюда этого ублюдочного террориста!"

Полицейский уже схватил О'Нила за плечо и выталкивал из комнаты. Репортеры ринулись вслед за ирландцем, громко кричавшим, что он ни в чем не виноват.

- Вы что, совсем спятили? - набросился Джексон на агента ФБР.

- Успокойтесь. Я на вашей стороне, ладно? Малость успокойтесь.

Джексон сел рядом с Райаном. Джек дышал, как лошадь после скачек. Донохо пристроился с другой стороны.

- Мистер Райан, я не мог запретить ему приехать сюда. Прошу прощения, но у нас нет таких прав. Он хотел сказать вам... Вот блядство! всю дорогу в самолете он только и твердил, что его организация не имеет к этому никакого отношения, что для нее это чистая катастрофа. Он, полагаю, хотел засвидетельствовать вам свое сочувствие.

Донохо было мерзко выговаривать все эти слова, хотя они были правдой. Еще более он ненавидел себя за то, что он - в ходе минувшей недели - начал даже по-своему как-то симпатизировать Пэдди О'Нилу. У этого "рупора" "Шин Фейн" был свой шарм, он обладал даром убеждать людей в обоснованности своей позиции. Эд Донохо спрашивал себя, почему именно ему дали это задание. "Почему бы им не поручить это какому-нибудь итальянцу?" Конечно, он знал ответ на этот вопрос, но из-за того, что у начальства были свои резоны, - вовсе не значило, что этот ответ должен был быть ему по душе.

- Я приму меры, доктор Райан, чтобы он вам более не докучал.

- Непременно позаботьтесь об этом, - жестко сказал Райан. Донохо вышел в приемный покой. О'Нил разглагольствовал перед репортерами, что Донохо отнюдь не удивило.

- Мистер Райан не в себе, как и всякий в такой ситуации, - вещал О'Нил.

Сперва Донохо относился с неприязнью к этому человеку, а потом начал даже восхищаться его ораторским даром и умением очаровывать людей. Теперь же слова этого типа вызвали у него отвращение. И вдруг в голову ему пришла одна идея. Он не знал, как к этому отнесутся в Бюро, но решил рискнуть. Прежде всего он схватил за руку полицейского и велел тому, чтобы он не отходил от Райана. Потом он отвел в сторону фотографа и кратко переговорил с ним. Затем они вместе с фотографом пошли искать врача.

- Нет, решительно нет, - отрезал тот.

- Эй, док, - сказал фотожурналист. - Моя жена беременна. Это у нас первый ребенок. Если это поможет этому человеку, я "за". И это не попадет в газеты.

Даю слово, док.

- Я думаю, это поможет, - сказал агент ФБР. - Seriously. Минут через десять агент ФБР, прежде чем отвезти О'Нила в аэропорт, позвонил в штаб-квартиру ФБР в Вашингтоне, и двое агентов тут же выехали по направлению к дому Райана.

Сигнализация в его доме не была им помехой.

Джек не спал уже более суток. Будь он в состоянии думать об этом, он бы поразился тому, что бодрствовал так долго и при этом был способен функционировать. Впрочем, насчет последнего многие, видевшие его, усомнились бы. И вот теперь он был один. Робби пришлось куда-то уехать. Куда - Джек не помнил.

В любом случае он в этот момент был один, так как Кэти перевели в

главный корпус больницы, и ему наконец разрешили навестить ее. Он плелся по невзрачному коридору, как приговоренный к смерти. Завернув за угол, он безошибочно признал, где палата Кэти, - возле нее стояли двое полицейских. Они тут же уставились на него, а он - на них, пытаясь углядеть, нет ли в их глазах намек на то, что они знают: случившееся - это его вина. Ведь его жена и дочь едва не погибли только потому, что он решил, что беспокоиться не о чем. Он презирал себя, и полагал, что и весь мир смотрит на него с презрением. "Ты ведь такой ебанный умник!" говорил он себе.

Ему казалось, что не он приближается к двери, а она надвигается на него, становясь все больше и больше. За этой дверью находилась обожаемая им женщина.

Женщина, которая едва не погибла из-за его дурацкой самоуверенности. Что она скажет ему? Он на какое-то мгновение остановился перед дверью. Полицейские старались не таращиться на него. Наверное, они сочувствовали ему, не зная, что он этого сочувствия не заслуживает. Дверная ручка была холодной Кэти лежала на постели. Ее рука была в гипсе. На правой стороне лица был гигантских размеров кровоподтек, половина головы забинтована. Она лежала с открытыми глазами, но в них почти не было проблеска жизни. Джек приблизился к ней, как во сне. Медсестра подвинула к постели стул. Он сел, и взял Кэти за руку, пытаясь что-нибудь сказать. Но ничего не приходило в голову. Она повернулась к нему - в глазах ее появилось какое-то выражение, и они наполнились слезами.

- Прости меня, Джек, - прошептала она.

- Что?

- Я видела, что она возится с ремнем, но я ничего не сделала, потому что спешила. А потом этот грузовик... и мне все было некогда. Если бы я проверила ремень, с ней бы ничего страшного не случилось... Но я так спешила, - она отвела глаза в сторону. - Прости, Джек.

"Господи, она считает, что это она виновата... Что ей сказать?" - думал он, потрясенный услышанным.

- С Салли все будет в порядке, детка, - выговорил он наконец, поднес руку Кэти к губам и поцеловал. - И с тобой тоже. Остальное все неважно.

- Но...

- Никаких но".

Она повернула к нему лицо и попыталась улыбнуться, несмотря на слезы, катившиеся из глаз.

- Я говорила с доктором Эллингстоуном из Хопкинса - он приходил сюда и видел Салли. Он говорит... он говорит, она поправится. И он говорит, что это Шапиро спас ее.

- Я знаю.

- Я даже не видела ее... Я помню только мост, а очнулась я всего два часа назад, и... О Джек!..

Он крепко сжал ее руку и наклонился, чтобы поцеловать ее в губы, но не успел коснуться их, как оба они разрыдались.

- Все будет хорошо, Кэти, - сказал Джек, сам тоже начиная верить, что все придет в норму. Жизнь его еще не кончилась.

"Но кое для кого кончится", - сказал он себе. Эта мысль пришла как бы

со стороны, родилась в той части мозга, что уже заглядывала в будущее. Мысль о том, кто был причиной всего этого, родила в нем холодную ярость, и успокоить ее могла только смерть той сволочи.

Время печали подходило к концу, уносимое в прошлое его собственными слезами. Оно еще не ушло совсем, но голова его уже начала думать о том времени, когда чувства его успокоятся. Почти успокоятся. Но одно чувство все-таки не будет знать покоя. И хотя он может держать его под контролем, тем не менее он будет слушать то, что диктует это чувство. И пока он не избавится от него, ему не суждено вновь обрести радость жизни.

Какова бы ни была ситуация, а бесконечно плакать невозможно. Кэти провела рукой по мокрому от слез лицу мужа. Теперь она по-настоящему улыбалась. Джек давно не брился, и касаться его было все равно, что касаться наждачной бумаги.

- Который час?

- Пол-одиннадцатого, - сказал Джек.

- Тебе надо бы поспать, - сказала Кэти.

- Да, надо бы, - согласился он и потер глаза.

- Привет, Кэти, - сказал, входя в палату, Робби. - Я пришел за ним.

- Хорошо.

- Мы остановимся в "Холидей Инн", неподалеку отсюда.

- Мы? Робби, ты не должен...

- Оставь это, Джек, - сказал Робби. - Как ты, Кэти?

- Голова болит так, что не поверишь.

- Рад снова видеть твою улыбку, - сказал Робби. - Сисси приедет после обеда. Что тебе привезти?

- Пока ничего не надо. Спасибо, Роб.

- Поправляйся, - Робби взял Джека за руку и потянул к двери. - Позже я его опять привезу сюда.

Через двадцать минут они уже были в своем номере. Робби вытащил из кармана таблетки. "Врач сказал, что тебе надо это принять".

- Я не принимаю снотворного.

- Ты примешь одну, вот эту маленькую. Это не просьба, Джек, а приказ. Тебе надо выспаться. Вот.

Робби не спускал с Джека глаз, пока тот наконец не проглотил таблетку.

Через десять минут Джек уже спал. Прежде чем лечь на другую кровать, Джесон проверил запор на двери. Ему приснились те, кто устроил все это. У них был самолет, и он всадил в него четыре ракеты. А потом их тела вываливались из пробоин, и, еще прежде чем они упали в море, он успел ударить по каждому из них из пушки.

Бар "Клуб патриотов" находился напротив станции "Бродвей", в одном из ирландских кварталов Бостона. Название его имело отношение не столько к революции 1770-х годов, сколько выражало представление его владельца о самом себе. Когда-то Джон Донохо служил в Первой дивизии морской пехоты. Дважды раненный, он отказался уйти из своего взвода и проделал с ним весь путь

отступления. С тех пор он прихрамывал, так как на правой ноге у него не хватало четырех пальцев, отмороженных в том походе. Этим он гордился даже больше, чем наградами, помещенными в рамку, которая висела на стене за стойкой бара, под знаменем корпуса морской пехоты. Любой человек в форме морского пехотинца получал здесь первый коктейль или кружку пива бесплатно, а в придачу и истории о Старом корпусе, в котором капрал Джон Донохо оказался по достижении восемнадцати лет.

Кроме того, он осознавал себя истинным ирландцем. Каждый год он отправлялся из бостонского Международного аэропорта Лоуген на родную землю, чтобы убедиться, где его корни, освежить произношение и отведать наилучшие сорта виски, которые по тем или иным причинам никогда не ввозились в Америку в достаточном количестве. Донохо также старался быть в курсе всего, что происходило в "Шести графствах", как он называл Северную Ирландию, дабы не потерять духовной связи с повстанцами, которые мужественно сражались за избавление страны от британского ига. В его баре немало долларов было собрано для помощи тем, на Севере, немало стаканов осушалось за их здоровье и за успех Дела.

- Джонни, привет! - крикнул Пэдди О'Нил еще с порога.

- Добрый вечер, Пэдди! - Донохо уже нацеживал пиво для дорогого гостя, когда увидел, что за О'Нилом в дверях показался и его племянник. Эдди был единственным сыном его любимого брата - славный мальчик, окончивший колледж, где играл в футбольной команде, пока не поступил в ФБР. Это, конечно, не так хорошо, как служить в морской пехоте, зато платят там куда больше. Ему уже говорили, что Эдди повсюду сопровождает О'Нила, но все равно ему стало малость грустно, когда он собственными глазами увидел это. Наверное, рассуждал он, это для охраны О'Нила от британских убийц.

Джон и Пэдди выпили по кружке пива, а потом Пэдди направился в комнату в задней части бара, где его ждала небольшая компания местных ирландцев. Эдди Донохо остался у стойки бара - пил свой кофе и посматривал вокруг. Через какое-то время Джон Донохо направился к племяннику, чтобы поболтать о том о сем.

- Привет, дядюшка, - сказал Эдди.

- Ну что, назначили день? - спросил Джон, подчеркнуто выговаривая слова на ирландский манер. Этот ирландский выговор прорезался у него особенно сильно, когда поблизости находился О'Нил.

- Может, в сентябре, - нехотя ответил Эдди.

- А что сказал бы твой отец, узнай он, что ты уже почти год живешь с этой девушкой? И что вообще сказали бы добрые люди, если бы они?..

- Вероятно, то же самое, что-они говорят тебе по поводу тех денег, что собираются для террористов, - ответил Эдди. Он терпеть не мог, когда его учили, как надо жить.

- Я не хочу слышать таких слов в моем баре.

- Именно этим, дорогой мой дядюшка, и занимается О'Нил.

- Они - борцы за свободу. Я знаю, что иногда они нарушают законы, но нарушение английских законов это не наша с тобой забота, - твердо сказал Джон Донохо.

- Ты смотришь телевизор?

Вопрос был неуместен - на стене бара висел широкоформатный телевизор, чтобы не упустить очередного матча по футболу или бейсболу. Интерес дядюшки Джона к телевизору ограничивался этими сюжетами, политические передачи его не привлекали. Каждые шесть лет он отдавал свой голос за Тедди Кеннеди и считал себя твердым сторонником усиления вооруженных сил страны.

- Тут вот кое-какие фотографии - взгляни, - сказал Эдди и положил первую из них на стойку бара. - Девочку зовут Салли Райан. Она живет в Аннаполисе.

Джон взял фото и заулыбался.

- Моя Катлин когда-то была точно такой же.

- Ее отец преподает в Военно-морской академии, когда-то был лейтенантом морской пехоты. А его отец был полицейским.

- Похоже, что он хороший ирландец. Твой друг?

- Не совсем, - сказал Эдди. - Мы с Пэдди впервые встретились с ним сегодня. А вот как его дочь выглядит сейчас, - он выложил на стойку второй снимок.

- Иисус, Мария и Иосиф!

За всем нагромождением этих медицинских штук трудно было разглядеть, что на постели лежала девочка. Ноги были в гипсе, изо рта торчала широкая пластиковая трубка, и всюду кровоподтеки, ужасный цвет которых фотографу удалось запечатлеть с большим мастерством.

- Ей еще повезло, дядюшка. Ее мать тоже лежит в госпитале - вот она, - на стойку легли еще два снимка.

- А что случилось-то? Авария? И вообще, зачем ты все это показываешь мне?

- Она - хирург, беременна, хотя этого и не видно на снимке. Ее машину вчера обстреляли из автомата около Аннаполиса. Минуту спустя был убит полицейский. Вот он, - еще одна фотография пошла в ход.

- Что? Чья это работа?

- Вот отец, Джек Райан, - это был тот же снимок, что когда-то появился в лондонских газетах: Джек Райан был запечатлен там в форме лейтенанта морской пехоты. Эдди знал, что стоило его дядюшке увидеть эту форму, как он преисполнился гордости.

- Я уже где-то видел его...

- Ну да. Несколько месяцев тому назад он помешал террористам в Лондоне.

Похоже, что они настолько обозлились, что начали охоту на него и его семью здесь. Бюро занимается этим сейчас.

- Кто это сделал?

На стойку бара лег последний снимок: руки Райана были уже готовы сомкнуться на горле Пэдди О'Нила, а сбоку - негр, отталкивающий Райана.

- Кто этот черномазый? - спросил Джон. Племянник его вышел из себя.

- Черт побери! Этот человек - морской летчик!

- А-а! - Джон на секунду смутился. Он не любил черных, хотя те из них, что носили форму морской пехоты, тоже получали в баре первую выпивку бесплатно. В форме - это совсем другое дело, говорил он себе. Всякий, кто служил Америке, как он, был в порядке. "Кое-кто из моих лучших друзей в Корпусе были..." Он помнил, как бомбардировщик морской авиации прикрывал

отход их подразделения к морю, отгоняя китайцев ракетами и напалмом. О'кей, может, этот негр тоже не такой, как все они. Он долго пялился на фотографию и наконец спросил:

- Так ты говоришь, что Пэдди имеет к этому отношение?

- Я тебе который год уже говорю, за кого этот ублюдок. Если не веришь мне, то, может, хочешь спросить у мистера Райана? Мало того, что этот О'Нил оплевывает всю нашу страну всякий раз, как приезжает сюда, теперь его друзья чуть не убили всю эту семью. Одного-то мы уже поймали. Два морских пехотинца из Военно-морской академии схватили его, когда он там поджидал Райана с пистолетом. Его звать Имон Кларк, и мы знаем, что он работал на Временную группировку ИРА - мы знаем это, дядя Джон. Он был осужден за убийство. И вот его заловили с заряженным пистолетом в кармане. И ты все еще считаешь их хорошими парнями? Проклятье, теперь они начали охотиться уже и за американцами!

Если не веришь мне, то поверь хотя бы вот этому! - Эдди Донохо разложил снимки один к одному. - Эта девочка, ее мать и еще не родившийся ребенок едва не были убиты вчера. Этот вот полицейский убит. У него остались жена и ребенок. А этот твой приятель собирает у тебя в баре деньги на покупку оружия. Он связан с теми, кто все это сделал.

- Но почему?

- Потому что, как я уже сказал, отец этой малышки встал на пути убийц в Лондоне. Думаю, что они решили сквитаться с ним - и не только с ним, но и со всей его семьей, - отчетливо выговаривая каждое слово, объяснил агент ФБР.

- Девочка ведь не...

- Черт побери! Вот поэтому-то они и зовутся террористами! - снова не удержался Эдди, но теперь он увидел, что слова его наконец проняли Джона.

- Ты уверен, что Пэдди связан с этим? - спросил тот.

- Сам он, насколько нам известно, никогда оружием не пользовался. Он - их рупор, он приезжает сюда и собирает деньги, чтобы они могли творить такие вот вещи там, дома. Нет, сам он руки кровью не марают. Он слишком умен для этого.

Но собранные им деньги идут на такие вот вещи. В этом у нас нет никаких сомнений. А теперь они начали свои игры и тут.

Агент ФБР Донохо знал, что такие приезды в Америку преследовали прежде всего психологические цели, а не денежные, но в данный момент ему было ни к чему вдаваться во все эти детали. Дядя его все пялился на фотографии маленькой девочки, и на лице его было смущение - признак, что его посетила некая непривычная мысль.

- Ты уверен? Действительно уверен?

- Дядя Джон, над этим делом сейчас работают более тридцати агентов, не считая местной полиции. Еще бы мне не быть уверенным!.. И мы их поймаем.

Директор поклялся насчет этого. Чего бы это нам ни стоило, мы сцапаем этих ублюдков, - решительно заявил Эдвард Майкл Донохо.

Джон Донохо взглянул на своего племянника и впервые увидел, что перед ним настоящий мужчина. Работа Эдди в ФБР была предметом семейной гордости, но только сейчас до него дошло, что тот уже больше не мальчишка. Это был мужчина, который предельно серьезно относится к своему делу. Это

подействовало на Джона даже сильнее, чем фотографии, ибо словам такого мужчины можно было верить.

Джон Донохо вышел из-за стойки бара и направился в заднюю комнату племянник за ним.

- Но наши парни отбиваются, - услышали они слова Пэдди, обращенные к слушателям, которых было человек пятнадцать. - Каждый день они дают бой... О, Джонни, давай присоединяйся!

- Вон, - спокойно произнес Донохо.

- Что?.. Я не понимаю, Джон, - искренне изумился О'Нил.

- Вы, должно быть, думаете, что я полный дурак. По-видимому, я и был им. А теперь убирайтесь, - сказал он громче и без всякого ирландского акцента. - Вон из моего клуба и не вздумайте появляться здесь вновь.

- Но, Джонни, в чем дело?

Донохо ухватил его за ворот, приподнял со стула и, не обращая внимания на его протесты, потащил к дверям и вышвырнул на улицу. Эдди, спеша за своим подопечным, обернулся в дверях и помахал рукой дяде.

- А в чем дело-то? - спросил один из слушателей О'Нила. Другой, оказавшийся репортером из "Бостон глоб", тут же начал записывать в блокнот слова Джона, который с пятого на десятое пересказал им то, что только что узнал.

До этого момента ни одно сыскное агентство еще не заявляло, что к покушению на семью Райан причастна какая-то конкретная организация. Не говорил этого фактически и специальный агент Донохо. Он получил на этот счет инструкции из Вашингтона - сформулированы они были очень осторожно, и он от них не отступил. Однако в передаче Джона Донохо и репортера все акценты - что неудивительно - слегка сместились, и через несколько часов Ассошиэйтед-пресс уже сообщила всему миру, что нападение на Джека Райана и его семью было осуществлено Временной группировкой ирландской республиканской армии.

Так правительственная организация США помогла успешному завершению миссии Сина Миллера.

Миллер со своими людьми был уже дома. Из Вашингтона они полетели в Мехико, потом - на Антильские острова, а уж затем только - в Ирландию. Все, что для этого нужно, это хорошие документы и энное количество денег. Документы, которые могли вызвать подозрение, были уничтожены, а деньги - они пользовались наличными, так чтобы не найти концов. Кевин О'Доннелл сидел за своим столом, а Миллер - напротив.

- А что с Нэдом? - спросил Кевин.

Согласно правилу АОО О'Доннеллу никогда не звонили домой из-за границы.

- Человек Алекса сказал, что Нэда сцапали, - Миллер пожал плечами. - Это был риск, но на него стоило идти. Я остановился на Нэде, потому что он очень мало знает о нас.

Миллер знал, что О'Доннеллу придется согласиться с этим. Кларк был новичком в их организации, и попал он в нее не в результате вербовки, а по стечению случайных обстоятельств, прежде всего потому, что один из его друзей по блоку Эйч захотел вступить в АОО. Это было неплохо, поскольку О'Доннеллу нужны были убийцы, умеющие работать в одиночку. Но Кларк был

туповат. Им двигала не идеология, а эмоции. Фактически он был типичным головорезом из ВГИРА, мало чем отличающимся от таких же типов из Добровольческих сил Ольстера.

Польза от него была не больше, чем от сторожевого пса. Он знал лишь несколько человек из Организации. Погано все-таки, что он завалился. Одно в нем было хорошо - собачья преданность. Он не сломался в Лонг-Кеш, не сломается, вероятно, и теперь. У него нет воображения.

- Отлично, - сказал Кевин после минутного размышления. Кларка запомнят как мученика, провал послужит увековечению его памяти больше, нежели любой успех. А прочее?

- Великолепно. Жена и ребенок погибли, а мы ушли с концами, - Миллер улыбнулся и плеснул себе в стакан виски.

- Они не погибли, Син, - сказал О'Доннелл.

- Как так?

Через два с небольшим часа после акции Миллер уже был в самолете, так что понятия не имел о том, что произошло на самом деле. Он с недоверием выслушал рассказ О'Доннелла.

- Но это неважно, - заключил О'Доннелл. И объяснил почему. Сообщение Ассошиэйтед-пресс было перепечатано дублинской газетой "Айриш таймс". - Это был, в любом случае, отличный план, Син. Несмотря на то что все пошло не совсем так, как нужно, миссия успешно завершена.

Син промолчал. Он считал, что, если две операции подряд провалились, это плохо. До фиаско в Лондоне у него вообще не было провалов. Тогда он списал это на случайную неудачу. Но два провала подряд, это уже не вопрос фортуны. И он знал, что третьего провала Кевин не потерпит. Набрав в грудь воздуха, он приказал себе быть объективным. Он позволил себе рассматривать Райана как личного своего врага. Это была первая его ошибка. Вторая - хотя Кевин не сказал этого - потеря Нэда. Миллер заново окинул мысленным взором основные узлы операции. Охотиться только за женой и ребенком было бы простым убийством, он бы такое никогда не одобрил, ибо это было непрофессионально. Охотиться только за самим Райаном - это не дало бы нужного политического эффекта, а ради него и замышлялась вся операция. Так что без всей этой семейки никак нельзя было обойтись. Значит; в смысле выбора целей все было в норме, но...

- Мне надо было получше подготовиться, не спешить, - выговорил он наконец.

- Я слишком уж напирал на драматический эффект. Нам, вероятно, следовало бы выждать.

- Именно, - сказал босс, довольный тем, что Син понял, в чем его ошибка.

- Если нужна какая-то помощь, - сказал Оуинс, - мы в вашем распоряжении.

Вы это знаете, Дэн.

- Да, это привлекло внимание кое-кого в верхах, - сказал Мюррей, только

что получивший телеграмму от самого директора, Эмиля Джейкобса. - Но в любом случае это был лишь вопрос времени. То, что случилось, должно было случиться рано или поздно. - "И если мы не упрячем в клетку этих гадов, - подумал он, это случится снова. АОО доказала, что террористы вполне могут действовать и на территории США".

Будучи профессионалом, он знал, что это просто везение, что такого рода акция не произошла раньше. Местные террористические группы были неопытны. В свое время они подложили несколько бомб и убили несколько человек, но Бюро сумело быстренько справиться с ними. Никто из них даже не пытался обратиться за поддержкой за границу. А теперь и тут ситуация меняется. Пилот вертолета сказал, что один из террористов негр, а негров в Ирландии немного.

Игра вступала в новую фазу, и при всем своем опыте работы в ФБР Мюррей не был уверен, удастся ли Бюро справиться с этой ситуацией. Директор был прав в одном: это миссия первостепенной важности. Этим делом будет заниматься Билл Шоу, и Мюррей знал, что у Билла голова работает лучше, чем у многих в Бюро. Под начало Шоу выделили тридцать агентов, но число их будет через несколько дней утроено, а потом опять утроено. Единственный способ добиться того, чтобы это не повторилось, - продемонстрировать, что Америка - слишком опасная страна для террористов. В глубине души Мюррей, однако, знал, что это было невозможно: никакая страна не могла быть слишком опасной. Никакая демократическая страна.

Но у ФБР колоссальные возможности, да и не одно оно будет заниматься этим делом.

Глава 16

ВЗАИМНЫЕ УПРЕКИ И РЕШЕНИЯ

Райан проснулся оттого, что Робби водил у него перед носом чашкой кофе. На сей раз Джек спал без всяких снотворных, и пребывание в забытьи столь долгое время подействовало на него поразительно.

- Сисси была у Кэти и говорит, что она выглядит хорошо. И насчет того, чтобы повидать Салли, все устроено. Она будет спать, но повидать ее можно.

- Где она?

- Сисси? Пошла за покупками.

- Побриться бы надо.

- Мне тоже. Она принесет все необходимое. Но сначала я запишу в тебя некоторое количество продуктов, - сказал Робби.

- Я обязан тебе, Робби, - сказал Джек, вставая с кровати.

- Оставь ты, Джек. Именно для этого Господь и дает нам жизнь, как мой родитель говорит. А теперь - ешь! - скомандовал Робби.

Едва Джек сообразил, что уже сутки не ел, у него подвело кишки. Он мигом умял пару яиц, бекон, несколько ломтиков картофеля и четыре куска хлеба, запив все это двумя чашками кофе.

- Жаль, что они не дают тут овсянку, - заметил Робби. В дверь постучали, и тут же в комнату влетела Сисси - в одной руке у нее была сумка с покупками, в другой - портфель Джека.

- Ты бы побрился, Джек, - сказала она. - А то Кэти выглядит лучше тебя.
- Ничего удивительного, - весело ответил Джек, и тут же удивился этой своей веселости.

После душа Джек соскреб бритвой щетину, почистил зубы и вышел из ванной новым человеком.

- Спасибо, ребята, - сказал он.
- Сегодня я отвезу тебя домой, - сказал Робби. - У меня завтра лекция, а у тебя - нет. Я тебе устроил это с начальством.
- О'кей.
Сисси отправилась домой, а Джек с Робби пошли в больницу к Кэти.

- Уж не герой ли наш явился собственной персоной? - произнес Джо Мюллер, отец Кэти.

Он был небольшого роста, смуглый. Кэти цветом волос и сложением пошла в покойную мать. Вице-президент компании "Мерилл Линч", выпускник одного из самых элитарных университетов Новой Англии, он, как и Райан, начинал маклером, и тоже - пусть и недолго - служил в армии, хотя в отличие от Джека давно уже позабыл об этом. Когда-то у него были грандиозные планы насчет Джека, и он до сих пор не мог простить ему ухода из бизнеса. Мюллер был человеком страстным, а кроме того, отлично понимал свое влияние в финансовом сообществе. За три последних года они с Джеком не обменялись ни одним добрым словом. И непохоже было, чтобы ситуация эта изменилась к лучшему.

- Папа, - сказала Кэти, - давай без этого.
- Приветствую вас, Джо, - сказал Райан и протянул руку. Но Джо как бы не заметил этого.

Робби сказал, что ему надо сходить куда-то по делу, и удалился.
- Ты выглядишь лучше, детка, - сказал Джек, поцеловав жену.
- Ну, и что ты теперь скажешь? - требовательно спросил Мюллер.
- Вчера арестовали человека, который намеревался убить меня. Он в ФБР, спокойно сказал Джек и удивился своему спокойствию. По сравнению с жизнью Кэти и Салли, все прочее казалось ерундой.

- Это ведь твоя вина, ты знаешь, - выговорил наконец Мюллер слова, которые репетировал не один час.

- Знаю, - согласился Джек.
- Папа... - попыталась вмешаться Кэти.
- А ты не лезь, - грубо прикрикнул Мюллер.
- Можете говорить мне что угодно, но ее не обижайте, - предупредил Джек.

- Ого, он, видите ли, защищает ее! А где ты был вчера?
- В своем офисе, как и вы в своем.
- Нужно тебе было совать свой нос в чужие дела, а? Тебе хотелось разыграть из себя героя, а семью чуть не убили из-за этого! - выплескивал Мюллер все, что у него накопилось.

Джек говорил себе то же самое уже не раз. Но одно дело терзаться самому, другое - выслушивать упреки от тестя.

- Слушайте, мистер Мюллер, - сказал он, - если вам известна компания, производящая машину времени, тогда - дело другое. Если же нет, то нам не дано переиграть прошлое, не так ли? Все, что мы можем сделать, это помочь властям поймать этих типов.

- Почему же ты, черт бы тебя взял, не подумал об этом раньше?

- Папа, хватит! - вновь вмешалась Кэти.

- Заткнись! Тебя это не касается!

- Если вы еще раз заорете на нее, - рассвирепел Джек, - берегитесь.

- Успокойся, Джек, - сказала Кэти, не понимая, что лишь подливает масла в огонь. И все же Джек через какое-то мгновение взял себя в руки, но Мюллер продолжал кипятиться.

- Ты ведь теперь у нас большой человек, не так ли?

"Давай, давай, Джо..." - сказал себе Райан. Он взглянул на Кэти и, набравшись духу, произнес:

- Если вы пришли сюда, чтобы наорать на меня, то я ничего против этого не имею, но давайте займемся этим как-нибудь с глазу на глаз. А сейчас... Тут ваша дочь, и, возможно, вы ей нужны. Я буду в коридоре, - сказал он Кэти и вышел из палаты.

У дверей все еще стояли двое полицейских, лица их были предельно серьезными. Джек вспомнил, что при нападении погиб их коллега и Кэти единственный человек, который в какой-то мере может рассматриваться как свидетель этого убийства. В вестибюле сидел Робби и, увидев Джека, махнул ему рукой, подзывая.

- Садись, - сказал он.

- Вот уж кто умеет выпроваживать меня!.. - сказал Джек.

- То, что он - мудака, я знаю, но все же не забывай, что он едва не потерял дочь. Терпение, Джек...

- Ты что - философ? - улыбнулся Джек.

- Я - летчик, но зато мой отец был проповедником. Ты и представить себе не можешь, чего я только не наслушался, когда к нему кто-нибудь приходил поговорить о том о сем. А этот... он не столько зол на тебя, сколько перепуган случившимся.

- Я тоже, - сказал Райан.

- Но у тебя было больше времени, чтобы прийти в себя.

- Это верно, - согласился Джек и, помолчав, добавил:

- Все равно я этого сукина сына терпеть не могу.

- Он дал тебе Кэти, а это кое-что.

- Ты уверен, что правильно выбрал профессию? Тебе бы надо было стать священником.

- Я - голос разума в мире хаоса. Если ты отдаешься во власть эмоций, многого ты не достигнешь. Вот почему мы требуем профессионализма во всем. Если хочешь добиться хороших результатов, помни, что эмоции этому только мешают. Ты ведь с ним уже по квитался, не так ли?

- В каком-то смысле... Но спокойно я к нему все равно не могу относиться.

В этот момент из палаты Кэти вышел Мюллер и тут же устремился к Джеку.

- Не уходи, - попросил Джек Робби.

- Ты едва не погубил мою дочь, - с места в карьер начал Мюллер.

Джек промолчал.

- Вы не правы, мистер Мюллер, - вступился за друга Робби.

- А вы кто такой?

- Я его друг, - ответил Робби. Они с Джо были примерно одинакового роста, но Робби был на двадцать лет моложе, и во взгляде, которым Робби окинул отца Кэти, об этом говорилось вполне недвусмысленно. "Голос разума" не любил, когда на него кричали. Насчет того, чтобы выводить людей из себя, у Джо Мюллера был особый талант. На Уолл-стрите это ему сходило с рук, и он вообразил, что может позволить себе такое где угодно.

- Мы все равно не можем изменить того, что уже произошло, - миролюбиво сказал Джек. - Надо лишь стремиться к тому, чтобы такое не повторилось.

- Если бы ты делал, как я тебе говорил, этого никогда не случилось бы!

- Если бы я делал, как вы говорили, я бы каждый день сидел с вами бок о бок, переписывая цифры из колонки А в колонку Б и делая вид, что это ужасно важное занятие, а на самом деле ненавидя все это. И в один прекрасный день я бы наконец полностью превратился в жалкого финансиста. Я доказал, что могу это делать не хуже вас, но однажды я решил, что с меня хватит, и теперь занимаюсь тем, что мне нравится. Мы, по меньшей мере, пытаемся как-то улучшить мир, а не просто делать деньги. Мы с Кэти живем так, как нам нравится.

- Так, как тебе нравится, - съязвил Мюллер, решительно не согласный с мнением, что финансовая деятельность не может приносить удовольствия и не является чем-то самоценным. - Улучшить мир, а?

- Именно. И в частности, я намерен помочь изловить этих ублюдков.

- И как, если не секрет, господин учитель истории намерен это сделать?

- А вот этого, - сказал Джек, улыбаясь самым лучезарным образом, - я вам не могу сказать.

Мюллер выругался и зашагал прочь.

"Помирились, называется", - сказал себе Джек. Он был бы не против, чтобы все было иначе, поскольку Кэти порой очень переживала все эти стычки.

Джек вернулся к Кэти и пробыл у нее минут двадцать, но ее начало клонить ко сну, и он распрощался с ней и пошел в Институт "Шока и травмы".

Здесь его прежде всего заставили тщательно вымыть руки, затем сестра отвела его в палату. То, что он увидел, ужаснуло его. Если бы ему уже не сообщили, что Салли выздоровеет, он бы этого зрелища не перенес. Она была без сознания от всех этих лекарств. Джек стоял и все прислушивался к ритмическим вздохам респиратора, дышавшего вместо нее. Салли кормили при помощи каких-то трубок, воткнутых в вены. Врач объяснил Джеку, что ей на самом деле куда лучше, чем можно судить по ее внешнему виду. Ее печень функционирует нормально относительно, разумеется. А через два-три дня приведут в порядок и ее ноги.

- Она будет хромать? - тихим голосом спросил Джек.

- Нет. Никаких оснований беспокоиться об этом нет. Кости у детей срастаются... как мы говорим, они срастутся, если только все обломки костей находятся в одной комнате. Еще как срастутся. Все выглядит чуточку страшней, чем обстоит на самом деле. С детьми ведь знаете как? Главное - это чтобы

миновал кризис, а там все идет как по маслу. Через месяц, другой она будет прыгать, словно ничего и не было. Это звучит не правдоподобно, но это так. Никто не выздоравливает быстрее ребенка. Сейчас она, конечно, в тяжелом состоянии, но это совсем не то, что было вначале. Кому, как не мне, судить? Я ведь был тут, когда ее привезли.

- Как вас зовут?

- Рич Кинтер. Мы всегда работаем на пару с Барри Шапиро.

Ваша девочка... она была на волоске... На самом краешке! Но мы ее вытащили. Вот так-то. Вытащили! И скоро вы заберете ее домой.

- Спасибо, доктор. Тут любые слова, любая благодарность ничего не отражают. - Джек поперхнулся, не зная, что еще сказать.

- А вы, - сказал Кинтер, - привезите ее сюда, когда она совсем поправится.

У нас каждые несколько месяцев бывает встреча бывших наших пациентов. Для нас нет большего удовольствия, чем видеть, как вчерашние больные детишки резвятся и прыгают.

- Договорились, - сказал Джек.

"Имей этот хирург частную практику, он бы давно уже разбогател", - думал Джек. Он понимал его, понимал, почему тот работал здесь, а вот тестю его это было недоступно. Джек поцеловал Салли в лоб и ушел. Ему теперь стало намного легче, во всех смыслах. Кроме одного. Оставались те, кто так изувечил его дочь.

- У них был номер для инвалидов, - сказала продавщица магазина "7-11", но тот хлыщ за рулем совсем не был калекой.

- Вы помните, как он выглядел? - спросил специальный агент Ник Капитане, который вместе с майором полиции вел опрос свидетелей.

- Ну, такой же черный, как и я. Высокий такой пижон. В темных очках, зеркальные такие. С бородкой. В фургоне всегда еще кто-то был, но я его не видела. Знаю только, что тоже черный.

- А что на нем было?

- Джинсы и коричневая кожаная куртка, вроде бы. Знаете, как рабочий на стройке.

- Туфли или сапоги? - спросил майор.

- Вот этого я не заметила, - сказала продавщица, подумав секунду.

- Как насчет украшений - рубашка с узорами, что-нибудь такое необычное?

- Ничего такого, вроде бы.

- Что он тут покупал?

- Он всегда покупал упаковку кока-колы - шесть банок. Иногда еще какое-нибудь питье, но уж кока-колу всегда.

- Как он говорил? Что-нибудь приметное?

- Не-е, - покачала головой продавщица. - Просто пижон, знаете?

- Думаете, смогли бы узнать его? - спросил Напитано.

- Может быть... У нас тут полно народу бывает. Всегдашние и проезжие...

- Что скажете, если мы вам предложим посмотреть кое-какие фотографии?

- Надо спросить у хозяина. Я в смысле - мне нужна эта работа, но, вы говорите, этот тип пытался убить девочку... Да, конечно, я помогу вам.

- С хозяином мы договоримся, - заверил ее майор. - На вашей работе это не скажется.

- Перчатки, - вдруг сказала она. - Забыла сказать: у него были перчатки.

Кожаные, думаю.

"Перчатки" - записали оба в свои блокноты.

- Спасибо, мэ. Мы позвоним вам вечером. Завтра машина заедет за вами, чтобы вы глянули на кое-какие фотографии, - сказал агент ФБР.

- Машина заедет за мной? - удивилась продавщица.

- А как же?

Майор и Ник вышли. В машине Капитане начал просматривать свои записи.

Неплохо для первого дня. Он вместе с майором и пятнадцатью другими полицейскими весь день расспрашивал продавцов в магазинах и лавках в радиусе пяти миль от скоростной дороги Ричи. Четверо из них полагали, что вроде бы припоминают фургон, но эта продавщица была первой, кто видел преступников и могла хоть какого описать их. Это было не Бог весть что, но для начала неплохо. Кто стрелял, они уже знали. Кэти Райан узнала его - это был Син Миллер. То есть, поправил себя Капитане, она думает, что узнала его. Если это был Миллер, то у него теперь, значит, борода - темно-каштановая и аккуратно подстриженная.

Еще двадцать агентов и детективов провели весь день в трех местных аэропортах, показывая фотографии кассирам и прочим служащим. Ничего интересного им добыть не удалось. Правда, в тот день у них не было фотографии Миллера.

Завтра они сделают еще один заход. Через компьютер проверялись все международные рейсы, благодаря которым можно было как-то добраться до Ирландии.

Проверка эта займет около недели, и шансы на то, что какой-нибудь работник того или иного аэропорта опознает преступников, становились час от часа меньше.

Фургон опознали только через день после покушения. Его похитили за месяц до того в Нью-Йорке, перекрасили - вполне профессионально - и заменили номер.

Бандиты, видно, имели несколько комплектов номеров, поскольку тот, что был на фургоне в день покушения, был похищен за два дня до того с фургона инвалидного дома в Хагерстоуне, Мэриленд, за две сотни миль отсюда. Все - от начала до конца указывало, что работали преступники-профессионалы. Вся операция была великолепно спланирована, а исчезновение в супермаркете было и вовсе блестящим завершением ее. Ник Напитано с майором понимали это. Объективность оценки была им необходима, поскольку именно им предстояло ловить преступников. Речь шла не об обычных головорезах. Эти были профессионалами - во всех смыслах этого слова.

- Вы думаете, они сами раздобыли этот фургон? - спросил Капитане.

- Вряд ли, - проворчал в ответ майор. - В Пенсильвании есть шайка, которая крадет их со всех концов северо-востока, перекрашивает, меняет

интерьер и продает. Ваши парни ведь, вроде, занимаются ими?

- Я кое-что слышал об этом деле, но это не в моей компетенции. Этим, конечно, занимаются. Я-то лично думаю, что они сами украли фургон. Зачем им рисковать, втягивая в дело посторонних?

- Возможно, - согласился после некоторых колебаний майор.

Фургон уже осмотрели эксперты и не нашли никаких отпечатков. Его тщательно вычистили - от кузова до оконных ручек. Теперь все, что пылесосу удалось извлечь из коврика и сидений фургона, тщательно анализировалось в Вашингтоне, но такой анализ приводит к удачным находкам чаще в телевизионных фильмах, нежели на практике. Если преступники настолько умны, чтобы вычистить весь фургон, у них, конечно, достало ума сжечь и всю одежду, в которой они были тогда. Но в любом случае все подлежало проверке, ибо и самые умные люди делают ошибки.

- Есть что-нибудь у экспертов по баллистике? - спросил майор, сворачивая на бульвар Роу.

- Есть, наверное. Но я пока не в курсе.

Всего было найдено почти двадцать гильз, плюс две 9-миллиметровые пули в корпусе "порша" и одна, прошившая насквозь тело полицейского и застрявшая в обшивке его машины. Все это было отправлено на анализ в вашингтонскую лабораторию ФБР. Разумеется, анализ подтвердит то, что и без того известно: стреляли из автомата. Но, возможно, они сумеют выяснить марку автомата. Патроны были бельгийского производства - с оружейного завода в Льеже. Анализ, возможно, даже установит серийный номер патронов, но на том заводе производят их миллионы в год, и они расходятся по всему миру. Так что эта ниточка вряд ли куда приведет. Зачастую грузы с патронами просто исчезают - чаще всего из-за промахов в ведении отчетности, промахов - иногда по небрежности, а кое-когда и умысленных. Поди разберись.

- Известно ли, чтобы какие-то негритянские группы вступали в контакт с этой АОО? Сколько таких групп?

- Ни одной, насколько нам известно, - ответил Напитано. Этим вопросом нам придется заняться вплотную.

- Отлично.

Возле дома Райана уже поджидала полицейская машина, в которой расположился агент ФБР. Райану нечего было сказать о покушении на его семью и на него самого, поскольку он практически ничего об этом не знал.

- Что-нибудь известно, где они? - спросил он агента.

- Мы проверяем аэропорты, - ответил тот. - Эти парни, судя по всему, ребята ушлые, так что, думаю, они уже давно смылись.

- Насчет ушлости это точно, - мрачно согласился Райан. - А что с тем, которого вы поймали?

- Изображает из себя захлопнувшую створки раковину. И удачно, надо сказать. Теперь у него, конечно, есть адвокат, и тот советует ему держать язык за зубами. Насчет этого на адвокатов всегда можно полагаться.

- Откуда взялся этот адвокат?

- Он из общественных защитников. Но это все законно. Вы держите под стражей подозреваемого, а он, в свою очередь, имеет право на адвоката. Впрочем, я думаю, в данном случае это неважно. Он, вероятно, и с адвокатом не говорит.

Мы держим его на основании нарушения закона о ношении оружия и иммиграционных правил. Как только кончится бумажная волокита, его отправят в Великобританию недели через две-три, полагаю. Никогда не знаешь, - продолжал агент, - а вдруг он заговорит? Впрочем, особенно-то на это рассчитывать не приходится. Тем более, что из Англии нам сообщили, что он не самая большая умница на свете. Он - ирландский вариант гангстера, туповатого, хотя и большого мастера пострелять.

- Если он так туп, то как же тогда?..

- Как же тогда он умеет делать свое дело? Много ли ума надо, чтобы убивать? Кларк - личность патологическая в социальном смысле. У него явное нарушение эмоциональной сферы. Есть такие люди. Они не воспринимают окружающих как реальных людей. Для них они лишь объекты для тех или иных действий, и какова судьба этих объектов - им неважно. Однажды я знал одного типа, который пристрелил четверых, просто так, и глазом не моргнув. Но видели бы вы, как он зарыдал, когда ему сказали, что сдохла его кошка. Такого рода люди даже не понимают, за что их отправляют в тюрьму. В самом деле, не понимают. Это, заключил он, - страшная публика.

- Я с вами не согласен, - сказал Райан. - Страшны те, у кого есть мозги, те, кто верит в пользу убийств.

- Таких я еще ни разу не встречал, - признался агент.

- А мне приходилось.

Джек проводил его до дверей. Дом был пуст. Без Салли с ее неугомонной беготней, без Кэти с ее рассказами о больничных делах все тут было мертво. Джек бесцельно бродил по комнатам, словно надеясь встретить их там. Принялся было смешивать коктейль, но передумал, вспомнив, что ему сейчас надо быть трезвым.

Наконец он подошел к телефону и набрал знакомый номер.

- Да, - ответил голос.

- Адмирал, это Джек Райан.

- Насколько мне известно, вашей девочке лучше, - сказал Джеймс Грир. - Я этому рад, сынок.

- Спасибо, сэр. Скажите, Управление занимается этим?

- По этому телефону, Джек, не стоит говорить о таких вещах.

- Мне бы хотелось поговорить с вами, - сказал Райан.

- Приходите завтра утром.

Райан положил трубку и отправился на поиски своего портфеля. Разыскав его, он вытащил браунинг и разобрал его, разложив детали на кухонном столе. Потом спутился в подвал, принес короткостволку и тоже разобрал ее. Следующий час он провел за смазкой и сборкой своего арсенала. А потом зарядил и браунинг и короткостволку.

В Лэнгли Джек выехал в пять часов утра. В это время дороги еще не были забиты машинами, хотя шоссе Джорджа Вашингтона никогда не пустовало, поскольку по нему туда-сюда курсировали машины служащих правительственных

учреждений.

Последние же, как известно, всегда более или менее бодрствуют. Уже войдя в здание ЦРУ, Джек подумал, что сколько бы раз он тут ни был, адмирал всегда был на месте. "Что же, - сказал он себе, - значит, есть в мире нечто, на что можно положиться".

Офицер из службы безопасности проводил его до седьмого этажа.

- Доброе утро, сэр, - сказал Джек, войдя в кабинет.

- Вы выглядите лучше, чем я думал, - приветствовал его Грир.

- Не так хорошо, как хотелось бы... В общем, сэр, прячась от проблем, их не решить. Могу я попросить вас рассказать мне, что происходит?

- Ваши ирландские друзья привлекли к себе большое внимание. Сам президент заинтересовался этим делом. На нашей территории международный терроризм до сих пор не проявлял себя, во всяком случае до сих пор о нем не сообщалось, в прессе, - загадочно сказал Грир. - Так что это дело у нас сейчас первоочередное. И в нашем распоряжении большие ресурсы.

- Я бы хотел поучаствовать в этом, - сказал Джек.

- Если вы думаете, что можете участвовать в операциях...

- Я надеюсь оказаться вам полезным в другой сфере.

- Рад это слышать, сынок, - улыбнулся адмирал. - Я всегда знал, что с мозгами у вас все в порядке. Так чем конкретно вы хотели бы заняться?

- Нам известно, что у них целая сеть. Данные, с которыми вы дали мне ознакомиться, довольно ограничены. Вы, безусловно, будете стараться раздобыть информацию о всех террористических группах, выискивая нить, ведущую к АОО.

Может, я смогу быть полезным вам в этой работе.

- А как с вашим преподаванием?

- Я могу приезжать сюда в свободное время. Тем более, что в данный момент дома меня ничего не удерживает.

- Вообще-то мы полагаем, что нехорошо, когда в расследовании того или иного дела участвует человек, лично заинтересованный в нем, - счел нужным отметить Грир.

- Сэр, я же не прошусь в группу захвата преступников. Я знаю, адмирал, вы хотите, чтобы я работал у вас в качестве полноценного служащего. Если вы действительно хотите этого, то дайте мне для начала заняться тем, что я считаю важным и для себя, и для вас, - Джек помолчал, подыскивая еще какой-то аргумент. - И это, кстати, даст возможность выяснить, подхожу ли я вам.

- Кое-кому это может не понравится.

- Со мной, сэр, частенько происходит такое, что мне не по душе, и, однако, я вынужден мириться с этим. Если я не в состоянии нанести ответный удар по тем, кто на меня посягает, то мне лучше просто сидеть дома. Вы - мой единственный шанс что-то сделать, чтобы защитить свою семью.

Грир повернулся к угловому столику, где стоял кофейник, и налил еще одну чашку кофе. Джек понравился ему с самой первой встречи. Этот молодой человек умеет добиваться своего, и причем без всякой наглости. Это говорит в его пользу: знает, чего он хочет, но при этом не нахрапист. Им не движут амбиции еще одно очко в его пользу. И, наконец, в нем масса талантов,

которые, разумеется, подлежат шлифовке и нуждаются в руководстве. Грир всегда искал таланты. Адмирал вновь повернулся лицом к Джеку.

- О'кей, вы будете зачислены в команду. Координатор информации - Марти, и вы будете работать в прямом контакте с ним. Я надеюсь, что вы не разговариваете во сне, потому что вас ознакомят с такими материалами, которые вам даже во сне не разрешено видеть.

- Сэр, все мои сны теперь только об одном...

Этот месяц был для Денниса Кули крайне хлопотливым. После смерти одного графа в Восточной Англии его наследники были вынуждены распродать его библиотеку, чтобы расплатиться с долгами, оставленными покойным, и Кули пустил в дело практически все свои сбережения, чтобы приобрести двадцать одну книгу.

Но затраты стоили того. Среди приобретенных книг был даже Марло - первое издание его пьес. К тому же покойный граф тщательнейшим образом заботился о сохранности книг - время от времени он их подвергал замораживанию, чтобы уничтожить насекомых, способных обратить в прах эти бесценные сокровища.

Несмотря на водяные подтеки на обложке, оттолкнувшие других, менее опытных покупателей, Марло был в прекрасном состоянии. Кули, склонившись над столом, читал первый акт "Мальтийского еврея", когда в дверях звякнул колокольчик.

- Это то самое издание? - с места в карьер спросил покупатель.

- Да, - улыбнулся Кули, пытаясь справиться с удивлением. Он не ожидал, что этот человек появится так скоро. - Напечатано в шестьсот тридцать третьем году, сорок лет спустя после смерти Марло. Некоторые куски текста, конечно, под вопросом, но эта книга - одна из нескольких, которые сохранились от первого тиража Марло.

- Действительно, подлинник?

- Конечно, - сказал Кули, слегка даже обиженный этим вопросом. - В дополнение к моим скромным знаниям в этом вопросе, имеется и заключение сэра Эдмунда Грея из Британского музея.

- С этим не поспоришь, - согласился покупатель.

- Боюсь, я еще не пришел к выводу, какова должна быть цена. - И про себя добавил: "С какой целью ты явился?"

- Цена меня не волнует. Я понимаю, что вам, вероятно, хочется сохранить Марло для себя, но я должен его приобрести.

Слова эти должны были объяснить Кули, какова цель этого визита.

Покупатель, перегнувшись через плечо Кули, принялся разглядывать книгу.

- Великолепно, - сказал он, незаметно опустив в карман букиниста небольшого формата конверт.

- Может, мы договоримся. Через две-три недели, - согласился Кули и бросил взгляд в окно. На той стороне пассажа, возле витрины ювелирного магазина стоял какой-то человек. Но вот он оторвался от витрины и ушел.

- Я хотел бы пораньше, - сказал покупатель.

Кули вздохнул.

- Приходите на следующей неделе, и мы обсудим это. У меня есть и другие желающие, знаете ли.

- Ну, такой цены, как я, никто не даст. Кули дважды моргнул, что означало согласие. Джеффри Уоткинс еще какое-то время покопался в книгах и остановился на Китсе - тоже из коллекции покойного графа, - за которого выложил шестьсот фунтов наличными. Выйдя из пассажа, он не обратил внимания на молодую даму возле газетного киоска, тем более не мог он видеть еще одну даму, стоявшую в другом конце пассажа. Та, что последовала за ним, была одета так, чтобы привлекать всеобщее внимание - даже волосы у нее были покрашены в оранжевый цвет. Она шла за ним два квартала, но, когда он перешел на другую сторону улицы, продолжала идти в прежнем направлении. Возле Грин-парка за Уоткинсом пристроился офицер полиции.

В тот вечер данные о результатах наружного наблюдения поступили в Скотленд-Ярд и были, как обычно, введены в компьютер. Операция эта осуществлялась совместными силами лондонской полиции и службы безопасности, известной как Эм-ай-5. В отличие от ФБР "пятерка" не имела права производить аресты и должна была, чтобы довести дело до конца, работать вместе с полицией.

Этот "брак" не был счастливым. По условиям его, Джеймс Оуинс должен был тесно сотрудничать с Дэвидом Эшли. И он полностью разделял оценку своего коллеги из ФБР, данную этому молодому человеку: "мерзкий ублюдок".

Прихлебывая чай, Эшли читал распечатку. Они выявили тридцать девять человек, которые знали или могли знать о неожиданной поездке королевского семейства, закончившейся покушением, и о маршруте этапирования Сина Миллера на остров Уайт. Через кого-то из этих тридцати девяти и произошла утечка информации. За каждым из них установили наблюдение. Пока что удалось выявить одного тайного гомосексуалиста, двух мужчин и одну женщину, состоявших между собой в нетипичных сексуальных отношениях, и еще одного мужчину, который оказался завсегдатаем киношек в Сохо, где крутили порнофильмы. Исследование финансовой ситуации всех тридцати девяти ничего интересного не дало, как ничего не дало и наблюдение за повседневным образом их жизни. У многих из них было, как водится, свое хобби, другие увлекались театром, третьи предпочитали сидеть перед телевизором. У некоторых был довольно обширный круг знакомств, а у нескольких вообще не было никаких друзей. Последние невольно вызывали чувство благодарности у детективов, поскольку не надо было проверять еще и их друзей-приятелей. Операция эта была необходима, хотя Оуинсу она и была неприятна. Все равно что подсматривать в замочную скважину. От магнитофонных записей иных телефонных разговоров, особенно между любовниками, он порой ежил. Оуинс считал, что человек имеет право на невмешательство в его личную жизнь. Нельзя так совать нос в чужие дела. Но, говорил он себе, надо найти того человека - вот ради этого и приходится заниматься столь дурнопахнущим делом.

- Я вижу, что мистер Уоткинс побывал сегодня в букинистическом магазине, заметил Оуинс, просматривая свою копию распечатки.

- Да. Он коллекционирует книги. Я тоже, - сказал Эшли. - Я, кстати, тоже бывал в том магазине пару раз. Недавно была распродажа библиотеки

одного графа.

Верно, Кули что-нибудь раздобыл там, а Джеффри хочет заполучить это для себя, сказал Эшли и подумал, что надо бы и ему заглянуть в тот магазин. - Он пробыл там десять минут, - продолжал Эшли, - разговаривал с Деннисом...

- Вы его знаете? - поднял на него глаза Оуинс.

- Он один из лучших букинистов, и у него отлично налаженная торговля, сказал Эшли и улыбнулся этому своему слову - "торговля". Года два назад я купил у него в подарок своей жене Бронте. Этаким маленький толстячок, но свое дело он знает. Джеффри поговорил с ним минут десять, что-то купил и ушел. Интересно, что он купил? - Эшли потер глаза. Он работал по четырнадцать часов в день уже так давно, что и забыл, когда это началось.

- Первое новое лицо, с которым Уоткинс встретился за несколько недель, заметил Оуинс. Он какое-то время раздумывал над этим. Но были и более обещающие ситуации, нежели эта. А людей у него было не так уж и много.

- Итак, можем мы договориться по вопросу об иммиграции? - спросил адвокат.

- Ни в коем разе, - сказал Билл Шоу, сидевший по ту сторону стола, и подумал: "Надеешься, мы предоставим ему политическое убежище?"

- Вы ни в чем не идете нам навстречу, - заметил адвокат. - Могу поспорить, что я опровергну обвинение в незаконном ношении оружия, а доказать участие в заговоре вам никак не удастся.

- Ну и чудесно. Мы можем выпустить его, вручить ему билет на самолет и отправить - под эскортом - домой.

- В тюрьму особо строгого режима, - сказал адвокат, закрывая папку с делом Имона Кларка. - Вы не предлагаете ничего, о чем можно было бы договориться.

- Если он признает себя виновным в незаконном ношении оружия и в участии в заговоре и если он поможет нам, то получит всего несколько лет тюрьмы куда более мягкого режима. Но если вы полагаете, что мы позволим человеку, осужденному за убийство, просто так отделаться от нас, вы, господин хороший, очень сильно заблуждаетесь. А что вы можете предложить со своей стороны?

- Это может оказаться для вас сюрпризом, - сказал адвокат загадочно.

- Вот оно как? Готов поспорить, что и вам он тоже ничего не сказал, поддел Шоу адвоката, а сам не спускал глаз с него, ловя каждую реакцию. Билл Шоу и сам работал когда-то в адвокатуре, хотя в те времена был скорее был озабочен защитой общественных интересов, нежели тем, как избавить от тюрьмы очередного преступника.

- Разговоры между адвокатом и его клиентом - профессиональная тайна, заявил адвокат. Он всего два с половиной года занимался этими делами, и опыт его преимущественно сводился к одному правилу: избавлять своих подзащитных от лап полиции. Сначала он был доволен тем, что Кларк ничего не сказал ни полиции, ни ФБР, но потом его удивило, что и с ним тот не хочет говорить. В конце концов, несмотря на слова этого типа из ФБР, они, может, смогли бы

прийти к какому-то соглашению. Но ему нечего было предложить. Он подождал секунду-другую, но агент ФБР лишь смотрел на него в упор ничего не выражающими глазами. Пришлось адвокату признать поражение - молча, конечно. Ну что же, по совести говоря, он знал, что шансы его на сделку невелики.

- Так я и думал, - сказал Шоу, поднимаясь из-за стола. - Передайте своему клиенту, что, если он не заговорит до послезавтра, он отправится восвояси отбывать пожизненное заключение. Не забудьте передать ему это. Если он захочет поговорить с нами после возвращения домой, мы отправим туда своих людей. Я бы и сам не против слетать туда - там, говорят, отличное пиво.

У ФБР против Кларка было лишь одно оружие - страх. Операция, в которой он участвовал, нанесла вред "Временным", и молодому глуповатому Нэду мог не понравиться прием, который ожидал его в английской тюрьме. В американской тюрьме ему было бы куда безопасней, но Шоу сомневался в том, понимает ли это Кларк, как сомневался он и в том, что тот вообще расколется. Может, когда он вернется в Англию, можно будет там что-нибудь организовать.

Дело подвигалось плохо. Но он и не ожидал иного. Такие дела или удастся раскрыть сразу или приходится возиться с ними месяцами, а то и годами. Те, за кем они охотились, слишком хитры, чтобы подставляться под удар. Оставалось лишь цепляться зубами за каждую улику и разрабатывать ее до предела, всесторонне.

Так примерно и говорилось в учебнике о технике ведения следствия. Шоу это знал достаточно хорошо, поскольку был автором одного из таких учебников.

Глава 17

ОГНИ

Было четыре пополудни, когда Эшли вошел в букинистический магазин.

Истинный библиофил, он чуть задержался на пороге, чтобы вдохнуть аромат старых книг.

- Мистер Кули сегодня тут? - спросил он помощницу Кули.

- Нет, сэр, - ответила Беатриса. - Он за границей, по делам. - Чем могу служить вам?

- Насколько мне известно, у вас есть новые поступления.

- О, да. Вы слышали о первом издании Марло? Беатриса походила на мышшь, особенно цветом волос - серо-коричневым. Лицо у нее было отечным - то ли от переиздания, то ли от пристрастия к спиртному. Глаз не разглядеть за толстыми стеклами очков. Одета в нечто старомодное, словно для того чтобы вполне вписываться в атмосферу магазина. "Жаль, - подумал Эшли. - Немного усилий, и она могла бы стать вполне привлекательной".

- Марло? - спросил он. - Первое, говорите, издание?

- Да, сэр. Из библиотеки покойного графа Крандейла. Как вы знаете, пьесы Марло напечатали только через сорок лет после его смерти, - продолжала Беатриса, демонстрируя знания, которые трудно было в ней предположить, судя по ее убогой внешности. Эшли слушал ее с уважением. Эта мышка знала свое дело не хуже какого-нибудь оксфордского спеца.

- Как вам удастся находить такие редкости? - спросил он, когда Беатриса

кончила экскурс в историю изданий и переизданий Марло.

- У мистера Денниса прямо-таки нюх на раритеты, - улыбнулась она. - Он частенько разъезжает туда-сюда, в постоянном контакте с другими букинистами, со всякими адвокатами и так далее. К примеру, сегодня он в Ирландии. Просто поразительно, какое количество книг он оттуда всякий раз привозит. У той кошмарной публки просто поразительные библиотеки.

- Любопытно, - сказал Эшли, ничем не выдавая, что его действительно заинтересовала эта информация. Внешне он был равнодушен, но в голове у него уже вспыхнула некая сигнальная лампочка. - В литературе ирландцы молодцы, они нам дали несколько действительно хороших писателей. И еще виски у них отличное.

- И бомбы тоже, - заметила Беатриса, не скрывая неодобрительного отношения к ирландцам. - Лично я туда бы ездить не стала.

- А я туда частенько езжу в отпуск. Рыбка там ловится просто сказочно.

- Лорд Маунтбеттен тоже так полагал, - заметила Беатриса.

- И часто Деннис там бывает?

- Раз в месяц, как минимум.

- Могу я взглянуть на Марло?

- Конечно, - сказала она, и, достав с полки книгу, бережно раскрыла ее.

Хотя обложка, как видите, в плохом состоянии, страницы сохранились просто чудесно.

Эшли, склонившись над книгой, забегал глазами по строчкам.

- Да, в самом деле. И сколько вы за нее хотите?

- Мистер Деннис еще не назвал цену. И, насколько мне известно, книгой интересуется еще один покупатель.

- Вы не знаете, кто?

- Нет, сэр, не знаю. А если бы и знала, все равно не могла бы назвать его имя - это не в наших правилах.

- Это понятно. Так оно и должно быть, - согласился Эшли. - Так когда мистер Кули вернется? Я хочу с ним самим поговорить насчет Марло.

- Завтра после обеда.

- Вы завтра тоже будете здесь, - спросил Эшли, и выдал самую чарующую из своих улыбок.

- Нет, завтра я буду на другой работе.

- Очень жаль. В любом случае - спасибо, - откланялся Эшли и направился к дверям.

- Заходите еще, сэр.

Выйдя из пассажа, Эшли повернул направо. Подождав пока схлынул поток машин, он перешел на другую сторону улицы. Ему надо было в Скотленд-Ярд и, решив пройтись пешком, он направился по Сент-Джеймс-стрит, обогнул слева королевский дворец, а затем вышел на Мол.

"Именно здесь это и произошло, - остановился он, припоминая те события. Та машина, что скрылась, повернула как раз тут. А саму засаду устроили в сотне метров от этого вот места".

С личностной точки зрения, офицеры службы безопасности похожи друг на друга во всем мире. Они не верят в совпадения, хотя и верят в случай. Когда дело касается их работы, с чувством юмора у них плохо - преобладает

смертельная серьезность. В основе этого лежит понимание ими того факта, что только самые доверенные люди становятся предателями - и прежде чем предать свою страну, они предают тех, кто оказал им доверие. Эшли более всего на свете ненавидел предателей, он всех подозревал и никому не верил.

Через десять минут он уже был в Скотленд-Ярде, в кабинете Джеймса Оуинса.

- Так вот. Об этом Кули, - сказал он.

- Кули? - не сразу понял Оуинс. - А... тот, кого Уоткинс навестил вчера, букинист. Вы что, побывали у него?

- Прелестный магазинчик. А владелец его сейчас в Ирландии, - сказал Эшли без всякого выражения.

Оуинс задумался. Ситуация, казавшаяся малоинтересной, представилась в несколько ином свете. Эшли вкратце пересказал то, что ему удалось вывести. Это еще не было нужной ниточкой, но все же этим следовало заняться вплотную.

Впрочем, оба они знали массу случаев, когда такие нити все же никуда не приводили, так что особенно-то обольщаться не стоило. Расследование пока ничего реального не дало. Агенты собирали информацию, но толку от нее пока не было.

Этим Кули надо, конечно, всерьез заняться - а вдруг да что-то выйдет.

В одиннадцать утра состоялось координационное совещание между представителями ЦРУ и ФБР. Райана на это совещание не пригласили, поскольку, как объяснил ему Марти Кэнтор, ФБР, возможно, пришлось бы не по душе его присутствие. Джек отнесся к этому спокойно. Все равно после ленча Марти даст ему сводку всей информации, и этого достаточно. Конечно, Кэнтор перескажет ему и всякие соображения тех, кто руководит следствием, но это ему было ни к чему он предпочитал сырой материал, чтобы самому обмозговать его. Оценка материала взглядом человека со стороны уже давала в прошлом неплохие результаты, могло это сработать и теперь. Он, во всяком случае, надеялся на это.

"Да, мир международного терроризма обширен", - думал Джек, просматривая данные, полученные при помощи разведывательных спутников. Данные эти, составлявшие объемистый том, содержали, в частности, и карты - шестнадцать штук. На них маленькими красными треугольниками были обозначены местности в четырех странах, где предположительно размещались тренировочные лагеря террористов. Наблюдение за этими подозрительными местами велось со спутников почти ежедневно. Райана более всего интересовали лагеря, расположенные в Ливии.

Имелось агентурное сообщение из Италии, что Сина Миллера видели, как он сходил на берег в порту Бенгази с грузового судна. Судно это было зарегистрировано на Кипре и формально принадлежало сети корпораций, которые вряд ли знали, как оно использовалось на самом деле. Американский эскадронный миноносец, случайно встретившись с этим судном возле Сицилии, сфотографировал его. Судно было старым, но при этом в поразительно хорошем состоянии, оборудовано всякими техническими новинками, включая и радар.

Выяснилось, что оно совершало регулярные рейсы из портов стран Восточной Европы в Сирию и Ливию, доставляя туда оружие.

Райан нашел данные об изучении ЦРУ и Управлением национальной безопасности ряда лагерей в пустыне Северной Африки. К датированным снимкам этих лагерей прилагались графики, фиксировавшие степень активности в них. Райан искал лагерь, чья активность изменилась в день, когда судно, на борту которого находился Миллер, прибыло в Бенгази. К его разочарованию, получалось, что к числу таковых относятся целых четыре лагеря. Относительно одного из них было известно, что он используется Временной группировкой ИРА. Эти данные были получены в ходе следствия по делу одного, позже приговоренного к заключению, террориста. Относительно трех других ничего не было известно. Судя по фотографиям, там была не только ливийская обслуга и охрана, но и люди со светлой кожей, скорее всего европейцы. К сожалению, лица рассмотреть было невозможно - снимки зафиксировали только цвет кожи да порой, при удачном освещении, цвет волос. Можно было понять также какого типа машины там использовались, но номера их идентификации не поддавались. Четкость сделанных в ночное время снимков была странным образом лучше. Дело в том, догадался Джек, что днем, в жару воздух струится, тогда как ночью там холодно, и он как бы застывает. Лагеря, которыми он интересовался, значились под номерами 11-5-04, 11-5-18 и 11-5-20. Почему они были пронумерованы именно так, а не иначе, он не знал да и не интересовался этим. Лагеря эти мало чем отличались друг от друга разве что расположением жилых и подсобных помещений.

Просидев добрый час над этими снимками, Джек пришел к выводу, что это чудо современной техники давало массу сведений технического свойства и ничего из того, что его действительно интересовало. Кто бы ни был хозяином этих лагерей, они знали о разведывательных спутниках, и, когда те пролетали над лагерями, прятали людей в укрытия. Не прятались лишь от одного спутника, который тоже делал съемки, но об этом никто не знал. Но даже и на снимках, сделанных с этого спутника, число людей в лагерях почти всегда было разным, и, значит, судить о мере реальной активности лагерей приходилось с большой долей неопределенности.

Это обескураживало.

Откинувшись на спинку стула, Райан закурил очередную сигарету. Сигареты да кофе помогали ему взбодриться. Опять он уперся в глухую стену. В голову пришло сравнение с компьютерными играми "Зорк" и "Алтиме", которыми он порой, устав от писаний, забавлялся дома. Анализ разведданных зачастую напоминает эти игры: надо нечто угадать, но что именно - вам никогда до конца не ясно. Надо нащупать некий ключ, который может оказаться весьма своеобразным, ни на что не похожим, и непохожесть эта в одних случаях действительно существенна, а в других ерундовая, случайная.

Два лагеря, относительно которых были подозрения, что они принадлежат АОО, находились в сорока милях от заставы ИРА. "Менее часа езды, - подумал Джек. Если только они знают об этих лагерях". Можно было бы дать знать об этом "Временным", и они бы расправились там с АОО. Британцы, похоже, тоже подумывали о том, как расправиться с АОО руками ВГИРА. "Интересно, - сказал себе Джек, что по поводу этой конкретной ситуации думает мистер Оуинс?"

Прикинув, он пришел к выводу, что Оуинсу, видимо, неизвестно о близости этих лагерей к заставе ВГИРА.

Мысль о том, что теперь он располагает данными, которых нет в распоряжении даже таких опытных спецов, как Оуинс, показалась Джеку странной. Он снова вернулся к изучению фотографий.

На одной, сделанной через неделю после того, как Миллера видели в Бенгази, была зафиксирована машина - по виду, "тойота-ленд круз", - в миле от лагеря 11-5-18. Райан записал дату и время. А минут через десять он наткнулся на другую фотографию - та же машина находилась на следующий день на территории лагеря 11-5-09 - лагерь ВГИРА, находившийся в сорока милях от лагеря номер 11-5-18.

Джек заволновался, но тут же приказал себе успокоиться. Ведь лагерь 11-5-18, возможно, принадлежит не АОО, а западногерманской фракции "Красной армии" или итальянским "Красным бригадам", или еще какой-нибудь организации, с которой ВГИРА сотрудничает. Но в любом случае эти данные подлежали изучению.

Затем он принялся за графики, фиксирующие степень заселенности лагерей.

Графики показывали число помещений, в которых жизнь теплилась или бурлила по ночам. Они охватывали период более чем двухгодичной давности. Он сравнил данные графиков со списком операций АОО и сперва абсолютно ничего не обнаружил.

Периоды, когда число занятых людьми помещений повышалось, никак не соотносились с периодами террористической активности АОО. И все же прослеживалась некая закономерность...

"Какая именно закономерность?" - спросил он сам себя. Примерно каждые три месяца заселенность помещений в этом лагере возрастала на одну единицу.

Независимо от того, сколько людей было в лагере, число используемых помещений возрастало на одну единицу в течение трех дней. Райан выругался, увидев, что эта закономерность все же не была строгой. О чем все это говорит?

"Вы в лабиринте равно запутанных ходов", - пробормотал Джек слова, возникавшие на экране компьютера, когда он запутывался в очередной головоломке одной из игр. В установлении закономерностей он никогда не был особенно силен.

Джек вышел из своего кабинета и отправился за кока-колой, чтобы малость освежиться. Через пять минут он уже снова сидел за своим столом.

Теперь он принялся за графики заселенности двух других лагерей. Надо было бы сделать копии всех этих графиков, но в ЦРУ были слишком строгие правила использования копировальных машин, а терять время на бюрократические хлопоты ему не хотелось. Два эти лагеря вообще не давали оснований для каких-либо обобщений. Отложив графики, Джек опять принялся за изучение фотографий. На одном из снимков лагеря номер 11-5-20 была видна девушка. То есть, судя по купальному костюму, это должна была быть особа женского пола. Какое-то время он пытался разглядеть ее, пока не отвернулся с отвращением: что за извращение, в самом деле, высматривать прелести бабенки, которая, вероятно, террористка! Лиц женского пола в лагерях 11-5-04 и 11-5-18 не наблюдалось, и он задумался над этим, пока не вспомнил, что снимки,

сделанные в дневное время, поступали только с одного спутника.

- Ты так ни к чему и не пришел, - сказал он сам себе вслух.

- Остальные тоже, - сказал Марти Кэнтор. Джек обернулся.

- Как вы здесь оказались? - удивился он.

- Вы, Джек, когда на чем-то сосредоточены, то уж, действительно, ничего, помимо этого, не видите. Я тут уже минут пять стою, - усмехнулся Кэнтор. - Мне по душе ваше горение, но все же мне кажется, вы перегибаете палку.

- Ничего, авось не загнусь.

- Ну, смотрите сами, - с некоторым сомнением сказал Кэнтор. - Как вам наш фотоальбом?

- Если этим заниматься каждый день, можно рехнуться.

- Кое-кто и рехнулся, - огласился Кэнтор.

- Мне надо бы кое-что проверить, - сказал Джек и принялся объяснять свои подозрения насчет лагеря номер восемнадцать.

- Неплохо. Кстати, двадцатый лагерь, похоже, принадлежит "Action-Directe"

- знаете, французская группа, недавно появившаяся на свет Божий? Так, во всяком случае, полагает французская разведка.

- Вот оно что! Тогда, возможно, что-то проясняется с этой девицей на снимке, - Джек отыскал нужную фотографию.

- Иван, слава Богу, не знает, на что способна наша поднебесная птица, кивнул Кэнтор. - Ага... Возможно, нам удастся опознать ее.

- Как? Ведь лица ее не разобрать.

- Но можно определить длину волос, пусть и приблизительно, а также размер ее грудей.

- Что?

- Ребята из отдела анализа фотоснимков, они... в общем, у них техника будь здоров. Они разработали математические схемы для опознания личности по комбинации таких параметров, как цвет и длина волос, размер бюста и так далее.

В "Action-Directe" полно женщин. Наши французские коллеги, возможно, заинтересуются этим фактом. - "Если захотят иметь с нами дело", - подумал он, но не сказал этого вслух.

- А что насчет восемнадцатого лагеря?

- Понятия не имею. В действительности, мы никогда по настоящему не занимались им. А раз там эта машина, то, наверное, он тоже принадлежит ВГИРА.

- Не забывайте, что АОО имеет своих людей во ВГИРА.

- Вы еще не расстались с этой идеей, а? О'кей, это, конечно, не стоит упускать из виду, - согласился Кэнтор. - А что это за закономерность, которую вы нащупали?

- Это пока всего лишь проблеск, не более того, - признался Джек.

- Давайте глянем на график.

Джек разложил его на столе. "Примерно каждые три месяца число занимаемых помещений возрастает".

Кэнтор какое-то время, рассматривал, нахмурившись, график, потом

принялся пролистывать фотографии, пока не остановился на той, сделанной в дневное время, где были видны три людские фигуры, стоявшие возле стрельбища.

- Возможно, в этом что-то есть, - сказал он.

- Что именно? - спросил Райан - этот снимок ничего ему не говорил.

- В чем особенность АОО?"

- Профессионализм, - ответил Райан.

- Помните, в последней своей разработке вы отмечали, что в военном смысле они организованы куда лучше прочих групп? У них каждый, насколько нам известно, мастерски владеет оружием.

- Ну и что?

- Думайте! - насмешливо порекомендовал Кэнтор, но увидев, что Джек все же не может сообразить, что к чему, задал наводящий вопрос:

- Что вы скажете о регулярных тренировках?

Стрельбы, например?

- А ведь верно! Я об этом как-то и не подумал. Как это никому в голову не пришло?..

- Знаете, сколько таких вот снимков поступает сюда? То есть я и сам точно не знаю, сколько, но могу вас заверить, что очень много. И для изучения каждого нужно минимум пять минут. Мы же прежде всего занимаемся Россией - ракеты, военные заводы, передислокация войск, танковые соединения и так далее. Именно на это и брошены наши основные аналитические таланты. И они просто не могут справиться со всем материалом, поступающим со спутников. Так что такими вот снимками занимаются не аналитики, а техники, - Кэнтор замолк на секунду. Восемнадцатый лагерь представляет некоторый интерес, так что надо нам попытаться определить, кто там обитает. В общем, неплохо, Джек.

- Он нарушил правила конспирации, - вместо приветствия сказал О'Доннелл.

Он выговорил это тихим голосом, так что в шуме, царившем в пивной, никто не мог услышать его.

- Может, у него были на то основания, - ответил Кули. - Какие-нибудь инструкции?

- Когда вы возвращаетесь?

- Завтра утром.

О'Доннелл кивнул, допил пиво и вышел на улицу. Через двадцать минут он был у себя дома, а еще через десять минут в его кабинете уже сидели начальник оперативного отдела АОО Син Миллер и начальник разведслужбы Майкл Маккини.

- Син, каково ваше мнение об организации Алекса?

- Они вроде нас - их мало, но они профессионалы. Алекс насчет техники операций очень на уровне, хотя и заносчив. Настоящей выучки у него, правда, нет, но он умен, и даже очень. И жаждет действий.

- Ну что же, возможно, этим летом у него будет шанс отличиться, О'Доннелл помолчал, затем вытащил из кармана письмо, только что доставленное Кули. - Похоже, Его королевское высочество осчастливит посещением Америку.

Этим летом. Выставка королевских сокровищ пользовалась таким успехом, что они намерены устроить еще одну. Чуть ли не девяносто процентов работ Леонардо да Винчи принадлежит королевскому дому, и они отправят все это в Америку, чтобы собрать средства для всяких там благотворительных целей. Выставка начнет работать первого августа, и откроет ее лично принц Уэльский. Объявят об этом только в июле, но у нас уже есть маршрут его поездки и даже сведения о том, какие меры охраны будут предприняты. Пока еще неизвестно, поедет ли вместе с ним его очаровательная супруга, но мы будем исходить из предположения, что поедет.

- А ребенок?

- Скорее всего, что нет, но и это не исключено, - сказал О'Доннелл и передал письмо Майклу Маккини, который тут же погрузился в его изучение.

- Охрана будет очень серьезной, - сказал он наконец. Как и всем разведчикам, противник представлялся ему крайне мощным. - У американцев уже были кое-какие инциденты, и они извлекли из них урок. Но если они примут именно эти меры...

- Именно эти, - сказал О'Доннелл. - Я хочу, чтобы вы вдвоем поработали над этим. Времени у нас достаточно и надо использовать его с толком.

Он взял письмо из рук Маккини и, прежде чем передать его Миллеру, еще раз перечитал. После их ухода он написал письмо с инструкциями своему агенту в Лондоне.

Кули, едва войдя в здание аэропорта, увидел связника. Он направился в кафе, чтобы за чашкой кофе скоротать время до отлета. Но вот объявили посадку на его самолет, он расплатился и направился к выходу. Связник в это время как раз входил в кафе - они едва разминулись в дверях. Письмо незаметно переключалось из рук одного в карман другого - в точном соответствии с наукой, каковую преподают в каждой шпионской школе.

- Он много разъезжает, - заметил Эшли. Детективам Оуинса потребовалось менее часа, чтобы разыскать бюро путешествий, где Кули всегда заказывал билеты.

Теперь перед ними был список всех его поездок за последние три года. Двое других сыщиков собирали биографические данные. Работенка из числа самых заурядных. Оуинс и его люди старались не поддаваться надежде, что эта ниточка выведет их куда надо. Радужные надежды слишком часто мешают сохранять объективность. На счетчике машины Кули, запаркованной возле аэропорта Гатвик, значилось большое число миль, учитывая возраст самой машины. Но это понятно он ведь все время в разъездах, в погоне за редкими книгами. Таковы были сведения, добытые за последние восемнадцать часов. Теперь надо набраться терпения и ждать дополнительных данных.

- Как часто он бывает в Ирландии?

- Довольно часто. Но он ведь скупает там книги, - сказал Эшли.

- А в Америке? - спросил Оуинс.

- Похоже, что раз в год. Думаю, на ежегодной книжной ярмарке. Но я это проверю. Шекспир ведь там не жил и книг своих там не издавал. В Америке не так уж много старых изданий, чтобы привлечь таких знатоков, как Кули. Может, он скупает там книги, что когда-то уплыли от нас за океан, но вероятнее всего, он ищет там покупателей. Нет, как ни верти, Ирландия для него идеальное прикрытие - если, конечно, он занимается тем, чем мы думаем. Мой букинист, "Сэмюэль Пикетт и Сыновья", тоже наведывается туда... хотя и не так часто.

- Может, нам что-то подскажет его биография, - заметил Оуинс.

- Будем надеяться, - сказал Эшли. Ему хотелось, чтобы в конце этого темного туннеля наконец прорезался свет, но пока впереди была лишь сплошная темь.

- Это ничего, Джек, - сказал Кэти.

Он кивнул. Она была права. Когда они пришли навестить Салли, медсестра, рассказывая о том, как стремительно выздоравливает девочка, прямо-таки сияла.

Но одно дело - знать, а другое - видеть, как мучается твой ребенок.

Салли не могла говорить, так как во рту у нее был шланг респиратора, но она пыталась что-то пробормотать, и смысл этого бормотанья был один: "Больно". И все эти кровоподтеки... Он знал, что они исчезнут, но легче от этого знания не было. И боль тоже со временем уйдет... Со временем! Но ведь больно-то ей было именно сейчас. Кэти еще могла говорить о том, что только живое существо испытывает боль, что, несмотря на все страдания, это положительный знак. Он такого сказать не мог, его такие слова не утешали. Кэти и Джек оставались возле Салли, пока она не заснула.

- Ну, как ты? - спросил Джек Кэти, когда они вышли на улицу.

- Лучше. Завтра вечером ты можешь уже забрать меня домой.

Джек как-то даже и не думал об этом. Ему почему-то мерещилось, что Кэти останется здесь, поближе к Салли.

- Без тебя дома пусто, - сказал он минуту спустя.

- И без нее там будет пусто, - сказала Кэти и снова заплакала. - Она такая маленькая...

- Да, - ответил он и снова увидел голубые глаза Салли и кровоподтеки. Она поправится... И я больше не хочу слышать всей этой ерунды: "это моя вина" и так далее.

- Но так ведь оно и есть!

- Нет не так. Ты и знать не знаешь, как мне повезло, что вы обе все-таки живы. Я видел сегодня рапорт ФБР. Если бы ты вовремя не нажала на тормоз, вас обеих изрешетили бы пулями. Ты все правильно сообразила. Это и спасло вам обоим жизнь.

Кэти отреагировала не сразу.

- А откуда ты знаешь об этом рапорте?

- ЦРУ. Они участвуют в разбирательстве вместе с ФБР и полицией. Я

попросил, чтобы меня тоже включили в эту команду.

- Но...

- Над этим сейчас работает много людей. Я - один из них. Единственное, что важно сейчас, - это найти их.

- Ты думаешь, что...

- Да, я так думаю. - "Рано или поздно", - добавил он мысленно.

Билл Шоу был настроен куда менее оптимистично. Потенциально наиболее перспективной была ниточка, ведущая к негру, который вел фургон. От прессы это скрывалось. Из сообщений телевидения и газет следовало, что все преступники были белыми. ФБР не столько лгало прессе, сколько позволило ей сделать ложные выводы на основании тех отрывочных сведений, что были предоставлены в ее распоряжение. Такова была обычная практика. Делалось это для того, чтобы подозреваемый не чувствовал, что за ним идет охота. Единственный, кто видел его вблизи, была продавщица из "7-11". Она провела несколько часов над фотографиями негров, относительно которых были подозрения, что они состояли в тех или иных "революционных" группировках, и наконец остановилась на трех. Двое из них сидели в тюрьме: один за ограбление банка, другой - за доставку взрывчатки из-за границы. Третий скрылся из поля зрения семь лет тому назад. Это была всего лишь фотография. Имя, которое на ней значилось, было вымышленным, отпечатками пальцев этого человека ФБР тоже не располагало. Было известно, что он полностью порвал с прежними своими друзьями - умный ход, поскольку большинство сидело по тюрьмам, - и просто исчез. Вероятнее всего, говорил себе Шоу, он вернулся к нормальной жизни и разве что изредка вспоминает о прошлых делах, Шоу снова пролистал досье. "Константин Дуппенс" - таково было его условное имя. По отзыву информатора, у него хорошо подвешен язык, хотя он и не из болтливых. Вероятно, получил какое-то образование. Был связан с группой, за которой Бюро вело слежку, но реально в ее деятельности никакого участия не принимал. Более того, он вообще не был замешан ни в каких противозаконных действиях, и как только главари этой группы начали толковать о том, чтобы добывать деньги посредством ограбления банков и перевозкой наркотиков, прекратил всякие с ней контакты. "Не исключено, что дилетант, - подумал Шоу, студентик с вывихом в сторону радикализма - посмотрел-посмотрел на этих революционеров да и понял, что они на самом деле всего лишь идиоты, гангстеры, чьи головы забиты ошметками фразеологических клише марксизма или фашизма.

Кое-каким группкам время от времени удавалось подложить где-нибудь бомбу, но это случалось так редко, а результат этих эскапад был столь ничтожным, что широкие слои американской общественности едва ли и слышали о таких актах. Если им удавалось ограбить банк, публика приходила к выводу, что для грабежа банка вовсе не обязательны политические мотивы - достаточно всего лишь алчности.

Число террористических актов достигло пика в 1982 году - пятьдесят один случай, но в 1985 их было уже всего лишь семь. Благодаря хорошо поставленной информационной службе и решительным действиям, ФБР в предыдущем году сумело

расправиться с многими из этих любительских групп и предотвратить более двадцати террористических актов. Чаще всего группки этих безумцев распадались сами, ибо состояли из любителей. В Америке не было идеологически мотивированных террористических групп, по крайней мере в европейском смысле этого понятия.

Были группы армянских террористов, охотившихся за турецкими дипломатами, и группы белых расистов. Но в обоих случаях вся их идеология сводилась к ненависти. - к туркам, неграм, евреям и так далее. Они, конечно, были вредны, но реальной опасности для общества не представляли, поскольку были движимы лишь негативными устремлениями, и у них не было каких-то долговременных политических целей. Самыми опасными террористами всегда, конечно, являются идеалисты, но Америка - не та страна, где можно с легкостью вдохновиться мыслью о преимуществах марксизма или нацизма. Когда даже у тех, кто живет на пособие по бедности, дома цветные телевизоры, кого увлечешь проповедью социалистического благосостояния? Когда в стране нет четко выраженных классовых различий, какую группу населения можно ненавидеть до самозабвения? А потому все эти мелкие банды чувствовали себя партизанами, которые плавают не в море сочувствующего им крестьянства, а в океане всеобщей апатии. И ни одна из этих групп не сумела привлечь к себе общественного внимания. Очень быстро Бюро засылало в их ряды своих людей, а там уж недалеко было и до полного разгрома, причем террористам приходилось убеждаться, что все их манифесты, даже в связи с разгромом их группы, помещались в газетах разве что на одиннадцатой странице да и то петитом. Безликие редакторы полагали, что манифесты эти не представляют интереса для широкой публики. То же и с сообщениями о судебных процессах над террористами.

В этом смысле ФБР пало жертвой собственной эффективности. Ибо успех его в борьбе с терроризмом привел к тому, что возможность терроризма в Америке не стала объектом общественного интереса и беспокойства. Даже к "делу Райана", как оно стало теперь называться, относились, как к всего лишь особо жестокому уголовному преступлению, а не как к предвестнику чего-то нового в Америке. Для самого Шоу оно было и тем и другим. Официальная точка зрения ФБР на терроризм трактовала таковой как уголовное преступление без всякой политической окраски, способной придать ему хоть какую-то респектабельность. И дело тут было не только в семантике. Террористы ведь покушаются на сами основы цивилизованного общества, а следовательно, наделять их даже тенью респектабельности равносильно самоубийству. Но, на самом деле. Бюро понимало, что они - не просто желающие разбогатеть уголовники. Цель их куда опаснее. А посему в отличие от обычных уголовных дел, которыми занималась полиция, террористы были в ведении ФБР.

Шоу вновь принялся изучать фотографию "Константина Дуппенса". Рассчитывать на то, что продавщица действительно запомнила лицо одного из сотен посетителей магазина, причем запомнила настолько, чтобы безошибочно опознать его на снимке, сделанном несколько лет назад, не приходилось. То, что она действительно старалась быть им полезной, это факт. Согласилась она и молчать обо всем этом.

У них было описание одежды "Дуппенса", наверняка, уже сожженной, и был

фургон, разобранный экспертами до последнего винтика. Знали они теперь и тип оружия, из которого велась стрельба. Но это было все. Инспектору Шоу оставалось лишь ждать, что его детективам удастся раздобыть что-нибудь новенькое. Может, платный доносчик подслушает что-нибудь или найдется какой-то новый свидетель, или эксперты раскопают что-нибудь неожиданное в этом фургоне. Шоу призывал себя к терпению. Несмотря на двадцать два года службы в ФБР, терпение давалось ему с большим трудом.

- Твоя борода начинает мне понемногу нравиться.

- Если бы она еще так не зудела! - сказал Александр Константин Доббенс.

Я только и делаю, что чешусь.

- Ага, у меня так же было, - сказал коллега, с которым они делили один кабинет. - Не то что, когда ты молод.

- Говори о себе, дедуля! - рассмеялся Доббенс. - Ты - старый, женатый индюк.

- Тебе, Алекс, тоже пора уже остепениться.

- Слушай, в мире столько всего интересного - делать не переделывать, а я еще ничего не успел. - И про себя добавил: "Это не совсем так".

Он служил инженером в балтиморской электрокомпании и обычно работал по ночам. Ему приходилось много разъезжать, проверяя оборудование и работу обслуживающего персонала. Алекс пользовался уважением на службе - в основном потому, что он не только не брезговал физической работой, но и любил ее, в отличие от большинства других инженеров. Сам себя он называл человеком из народа. Руководство раздражала его активность в профсоюзе, но он все же был хорошим инженером, и притом - негром. Хорошего инженера, человека, пользующегося уважением коллег, и к тому же негра не больно-то уволишь. По его рекомендации в компанию приняли немалое число представителей всяких нацменьшинств. Некоторые из них оказались действительно толковыми работниками.

Правда, кое у кого из них было довольно сомнительное прошлое, но Алекс поручился за них.

Ночные смены были обычно спокойными, так оно было и в тот день. Алекс принялся за "Балтимор сан". Их дело уже перекечало с первых страниц на задворки, в отдел местных происшествий. ФБР и полиция штата, прочитал он, продолжают заниматься этим делом. У него до сих пор все не укладывалось в голове, как эта женщина с ребенком остались в живых. Вероятно, благодаря предохранительным ремням и великолепным качествам кузова "порша". "Ладно, решил он, - это даже хорошо". Убийством ребенка и беременной женщины не больно-то будешь хвастаться. А вот то, что они пустили в расход полицейского, это дело другое. Но ему не давала покоя мысль об аресте этого Кларка. "Ведь говорил же я этому мудаку, что парень будет торчать там у всех на виду! Так нет - ему, видите ли, обязательно надо было расправиться со всем семейством сразу!"

Алекс понимал, почему Миллер этого хотел, но считал, что рвение того перевесило чувство реализма. "Идиоты, начитавшиеся политических книг, они

воображают, что если чего-то очень сильно хочешь, то оно непременно случится". Инженеры куда большие реалисты.

Доббенса успокаивало то, что, судя по газетным отчетам, все подозреваемые были белыми. Он сделал ошибку, помахав рукой вертолету. В революционной деятельности нет места браваде. Слава Богу, что в данном случае все обошлось.

Странно, что, несмотря на все проколы, операция все же завершилась успехом. Эта дешевка из ИРА удрала из Бостона, поджав свой пороссячий хвост. Так или иначе, операция получила политическое звучание. А именно это и есть мера успеха, говорил он себе.

Он полагал, что успех этот должен был послужить ему трамплином. Он и его люди оказали квалифицированное содействие известной группе революционеров, так что теперь он мог рассчитывать на денежную помощь своих африканских друзей. На самом-то деле, они не африканцы, с его точки зрения, но им нравилось так величать себя. Есть много способов нанести вред Америке, много способов привлечь внимание к своей группе так, как это никакой другой революционной группе еще не удавалось. Что если он, к примеру, отключит электричество сразу в пятнадцати штатах? Алекс Доббенс знал, как это сделать. Революционер должен знать, как задеть людей за живое. А что может быть лучше, нежели вселить сомнение в надежность того, что они привыкли рассматривать как символ надежности? Если он сумеет показать, что коррумпированное правительство этой страны не в состоянии дать людям уверенность даже в том, что свет будет гореть по ночам, то потом в эти бараньи головы можно будет заронить и многие другие сомнения. Америка, думал он, - страна, где на первом месте стоят вещи. А что если эти вещи перестанут функционировать? Что тогда начнут думать люди? Он не знал ответа на этот вопрос, но был уверен, что тогда что-то изменится. А именно перемен-то он и желал.

Глава 18

ИСПЫТАНИЯ И ОЦЕНКИ

- Странное он все-таки существо, - заметил Оуинс. Собранное досье было результатом трехнедельной работы. Можно было бы собрать все эти данные и быстрее, но если вы не хотите, чтобы объект вашего интереса что-то заподозрил, надо действовать с оглядкой.

Деннис Кули был уроженцем Белфаста, из семьи среднего достатка. Родители его были католиками, однако церковь не посещали, что было весьма странно для тех мест, где религия определяет границу между жизнью и смертью. Пока Деннис учился в приходской школе он ходил в церковь, но, поступив в университет, более там уже не появлялся. Никаких правонарушений за ним не числилось. Никаких. В университете он поддерживал какие-то отношения с рядом политически активных групп, однако членом их никогда не был, явно предпочитая отдаваться изучению литературы. Университет он окончил с отличием. Несколько курсов марксизма, несколько по экономике - и всегда, отметил Оуинс, у преподавателей с отчетливым уклоном влево. Таких в

лондонском Институте экономики всегда было полным-полно.

За два года после окончания университета, кроме записей об уплате налогов, о нем ничего не было. Он работал в букинистическом магазине отца и, с точки зрения полиции, просто не существовал: всегдашняя проблема с полицией - она обращает внимание только на преступников. Несколько осторожно сделанных изысканий в Белфасте ничего не дали. Магазин посещали самые разные люди, включая и солдат британской армии. Витрину магазина раз-другой разнесли вдребезги бесчинствующие толпы протестантов, но этим дело и ограничилось.

Молодой Деннис не был завсегдатаем пивных, не принадлежал ни к одной церковной организации, ни к какому-либо политическому клубу, ни даже к какой-либо спортивной ассоциации. "Он все время что-нибудь читал", - сказал детективу один из опрошенных. "Великое открытие! - усмехнулся про себя Оуинс. - Владелец книжного магазина, любящий читать книги..."

Потом его родители погибли в результате автомобильной катастрофы. После скромной заупокойной службы в местной церкви Деннис Кули вернулся к прежней размеренной жизни, теперь уже сам став владельцем магазина. Несколько лет спустя он продал магазин и переехал в Лондон. Сперва он открыл торговлю в Найтсбридже, а затем переехал в тот пассаж, где обретался и в данное время.

Согласно отчетам налогового управления, он неплохо зарабатывал. Вместе с тем осмотр его квартиры свидетельствовал, что он жил в рамках своих возможностей.

Коллеги по книжному бизнесу были о нем хорошего мнения. Единственной его служащей, Беатрисе, явно нравилось работать с ним. Друзей у Кули не было, пивные он по-прежнему посещал редко, жил один, никаких сексуальных отклонений за ним замечено не было. Очень много ездил по делам.

- Полный ноль, - сказал Оуинс.

- Да, - согласился Эшли. - Но, по крайней мере, теперь ясно, где Джефф с ним пересекался - он был лейтенантом одного из первых подразделений, отправленных в Белфаст, и, вероятно, как-то раз забрел в магазин Кули. Вы же знаете, как болтлив Джефф Уоткинс. Они, вероятно, начали говорить о книгах - вряд ли о чем-либо другом. Сомневаюсь, чтобы у Кули в то время были какие-либо другие интересы.

- Да, он типичный книжный червь. Или, по меньшей мере, пытается внушить это окружающим. А его родители?

- Они, - улыбнулся Эшли, - были коммунистами. Ничего серьезного, тем более что их большевизм поуял с началом восстания в Венгрии в пятьдесят шестом году.

Венгерские события поохладили их. Они так и остались откровенными леваками, но прекратили какую-либо политическую активность. Их помнят как вполне приятных людей, хотя и со странностями. Приучали местных детишек к книжкам - может, из чисто деловых соображений... Вовремя платили по счетам. Вот и все о них.

- А эта Беатриса?

- Окончила школу. В университете не училась, но занималась самообразованием в области литературы и истории книгопечатания. Живет вместе с престарелым отцом - он сержант в отставке, служил в королевских ВВС.

Никаких друзей-приятелей. По вечерам, вероятно, сидит перед телевизором и потягивает вино. Она довольно откровенно не любит ирландцев, что не мешает ей работать с "мистером Деннисом", поскольку он знаток своего дела. Вот и все, что мы о ней знаем.

- Итак, мы имеем дельца в сфере купли-продажи редких книг, чьи родители были марксистами, сам же он ни в каких связях с подозрительными людьми, не говоря уже о террористических группах, не замечен, - подытожил Оуинс. - Он учился в университете примерно в то же время, что и наш друг О'Доннелл, не так ли?

- Так. Однако никто не помнит, чтобы они встречались друг с другом.

Фактически они жили недалеко друг от друга, но опять же никто не припоминает, чтобы Кевин посещал его магазин, - сказал Эшли. - Не забывайте, что в те годы никто к О'Доннеллу серьезно не присматривался. Если между ними и была какая-то связь в те годы, документально она нигде не зафиксирована. Лекции по экономике они слушали у одного и того же преподавателя. Это могло бы что-то нам дать, но тот помер года два назад. Их сокурсники рассеялись по всему свету, и нам еще предстоит найти кого-нибудь, кто знал их обоих в те годы.

"Парень, так или иначе причастный к марксизму, посещал тот же университет, и в то же время, что и О'Доннелл", - задумался Оуинс. Одного этого достаточно, чтобы приглядеться к нему повнимательней, даже несмотря на отсутствие видимых связей с какой-либо террористической группой. Если им удастся нащупать хоть что-то, свидетельствующее о том, что Кули и О'Доннелл знали друг друга, тогда не исключено, что Кули - как раз тот мост, что связывает Уоткинса с АОО.

- Хорошо, Дэвид, так что вы предполагаете делать?

- Мы, само собой, установим микрофоны у него дома и в магазине и будем фиксировать все его телефонные разговоры. В поездках его будут сопровождать.

Оуинс одобрительно кивнул. Он бы себе такого позволить не мог, но служба безопасности проводит операции согласно одним правилам, а лондонская полиция другим.

- А магазин?

- Это непросто, учитывая его расположение. Но мы попытаемся посадить нашего человека в одну из соседних лавок.

- Кажется, напротив там ювелирный магазин, не так ли?

- "Николас Риммер и сыновья", - сказал Эшли. - Владелец и двое служащих.

Оуинс задумался. "Я могу найти опытного детектива, специалиста по кражам со взломом..."

- Доброе утро, Джек, поздоровался Кэнтор.

- Привет, Марти.

Райан уже неделю назад отложил в сторону снимки, сделанные со спутников, отчаявшись прийти к какому-то заключению. Теперь он изучал сеть террористических групп. Какие группы связаны друг с другом? Откуда они

получают оружие? Где проходят обучение? Кто им помогает с обучением? Кто финансирует их?

Откуда документы для поездок? Какие страны они используют - с ведома местных властей - в качестве транзитных пунктов?

Ответ найти было сложно не из-за недостатка информации, а именно из-за ее избытка. Буквально тысячи оперативных работников и агентов ЦРУ и всех других западных разведслужб прочесывали весь мир в поисках такого рода информации.

Многие из агентов ЦРУ - иностранцев, завербованных Управлением, - писали подробнейшие отчеты о самых незначительных событиях в надежде, что в их нагромождении где-то скрывается то жемчужное зерно истины, что поможет подобрать ключ к организации Абу Нидаля или какой-либо другой столь же значительной террористической группе и принесет автору отчета заслуженное вознаграждение. В результате в ЦРУ поступали тысячи рапортов, большая часть которых никакого интереса не представляла, но в то же время в этой куче чепухи порой попадался и золотник, достойной внимания. Джек только теперь понял всю неохватность, . этой проблемы. Те, к кому поступали эти данные, были людьми знающими, но они буквально тонули в море сырой информации, которую, прежде чем подвергнуть соответствующей аналитической обработке, надо было проверить и перепроверить. И чем меньше террористическая организация, тем труднее собрать о ней нужные данные, а иные из этих организаций состоят всего лишь из членов одной семьи.

- Марти, - сказал Джек, кивнув на груды бумаг на своем столе, - ничего более сложного я в жизни не видел.

- Охотно вам верю. Но я принес вам одну хорошую весть.

- А именно?

- Помните тот снимок девушки в бикини. Французы полагают, что опознали ее:

Франсуаза Теру. Высокая, темноволосая, отлично сложена и была за пределами страны в момент, когда сделано фото. Это подтверждает, что данный лагерь принадлежит "Action-Directe".

- Так кто она такая?

- Убийца, - ответил Марти и протянул Джеку фотографию, сделанную вблизи. И причем опытная. Подозревается в совершении трех убийств: два политика и один промышленник. Все трое убиты из пистолета, вплотную. Вот вообразите, что вы средних лет человек, идете себе по улице, видите хорошенькую девушку, она вам улыбается, спрашивает, как пройти куда-то там и вдруг - в руке ее пистолет. И прощай, мой Чарли.

Джек посмотрел на снимок - девушка вовсе не выглядела опасным существом, она, напротив, казалась воплощением мечты любого мужчины.

- Она, как говорили у нас в колледже, не из тех, кого выталкивают из постели. Боже, в каком мире мы живем, Марти?

- Вам это известно лучше, чем мне. Так или иначе, нас попросили понаблюдать за этим лагерем. Если мы снова засечем ее там, надо будет срочно переслать им снимки.

- Они что, хотят захватить ее?

- Этого они не сказали, но не забывайте, что в Чаде есть французские

части, это где-то в милях четырехстах оттуда. Воздушно-десантные подразделения, с вертолетами и так далее.

Джек вернул ему фотографию и вздохнул:

- Такой товар пропадает.

- Именно, - согласился Кэнтор и спросил:

- Ну, как идут дела с вашими данными?

- Весь стол, как видите, завален, а толку никакого. Те, которые занимаются этим на всю катушку...

- Да, сперва они работали круглые сутки. Пришлось остановить их, а то они прямо-таки таяли на глазах. Закладывали все это в компьютеры - от этого тоже мало толку. Однажды мы получили сведения относительно главы одной группы.

Согласно им, он в один и тот же день был в шести разных аэропортах.

Естественно, мы поняли, что все это чушь. Но в такой чуши бывает и что-то реальное. Так мы упустили того самого парня в марте того же года в пригороде Бейрута. Опоздали всего на полчаса. Всего на каких-то проклятых тридцать минут!

- сказал Кэнтор. - Но со временем привыкаешь к такого рода вещам.

"Тридцать минут, - подумал Джек. - Если бы я ушел с работы на тридцать минут раньше, я был бы покойником. Вряд ли я к такому способен привыкнуть".

- И что бы вы сделали с ним?

- Его конституционные права мы бы зачитывать ему не стали, - ответил Кэнтор. - Ну, так удалось вам установить какие-то связи?

Райан покачал головой.

- Эта АОО чертовски мала. Я нащупал шестнадцать случаев контактов ИРА с другими организациями. Кто-то из связников, возможно, наши парни, но как это знать? В сообщениях нет фотографий, а данные там словесные описания могут подойти к кому угодно. Даже когда у нас есть сообщение о контакте ИРА с какой-то из тех групп, с которой она вроде бы не должна общаться (может, это как раз АОО?), то информация может быть неверной и этот контакт, возможно, всего лишь первый и единственный.

Марти, ну кто способен разобраться во всей этой горе мусора?

- Ну что же, - улыбнулся Кэнтор, - теперь когда кто-нибудь спросит вас о том, как ЦРУ борется с терроризмом, вам нечего будет сказать в ответ. Слушайте, Джек, те, за кем мы гоняемся, - не дураки. Они знают, что с ними будет, если их схватят. Даже если мы не сделаем этого сами, решив не марать рук, мы всегда можем дать информацию о них Израилю. Террористы при всей своей ублюдочности хорошие, стойкие бойцы, но противостоять регулярным частям они не в силах, и знают это. Вот это-то и бесит. Мой шури́н - майор, служит в дивизии "Дельта". Я видел, как они действуют. Они бы в этом лагере за пару минут всех перестреляли, и еще эхо бы не умолкло, а их бы там уже и в помине не было. Они весьма эффективны, но без нужной информации они не знают, где и когда им надлежит быть эффективными. То же самое и с полицией. Думаете, мафия уцелела бы, если бы полиция точно знала, где и когда они орудуют? Сколько ограблений банков увенчалось бы успехом, если грабителей внутри поджидала бы вооруженная засада?

Но надо знать, где эти типы собираются орудовать. Это дело разведки, а

разведка это, оказывается, команда безликих бюрократов, которые копаются во всем этом бумажном мусоре. Добытчики информации поставляют ее нам, мы ее обрабатываем и снабжаем ею группы оперативников. Битва идет и здесь тоже, Джек. Здесь, в этом здании. И ведут ее люди из группы Джи-эс-9 и Джи-эс-10, те самые, которые каждый вечер возвращаются к своим семьям.

"Да, но битву-то эту мы проигрываем, - сказал сам себе Джек. - И ни одного тухлого шанса, что мы ее выиграем".

- Как там в ФБР? - спросил он.

- Ничего нового. Этот негр... Да и вообще толком не известно, был ли он. У них имеется фото изрядной давности, вместо имени - кличка и никаких отпечатков.

Да еще лаконичное описание его, смысл которого в основном сводится к тому, что парень этот умен и умеет держать язык за зубами. Бюро ищет его через посредство бывших членов радикальных групп... Забавно порой узнавать, до какой степени большинство их остепенилось. В общем, пока безрезультатно.

- А что с группой, которая летала туда года два назад? - спросил Райан, имея в виду известный случай, когда члены нескольких радикальных групп Америки побывали в Ливии на встрече с "прогрессивными элементами" стран "третьего мира".

- Вы ведь обратили внимание на то, что из Бенгази у нас нет ни одной фотографии? Наш агент там попался - по случайности, как порой бывает. Нам это стоило фотографий, а ему - головы. К счастью, им не удалось пронюхать, что он работал на нас. Нам известны имена некоторых из тех, кто там был, но не всех.

- А штампы в паспорте?

Кэнтор прислонился к дверному косяку.

- Ну, скажем, мистер Икс летит в Европу. Ведь американцы любят проводить каникулы в Европе - десятки тысяч каждый месяц. Он вступает в контакт с нужными людьми, и они организуют ему поездку в нужную страну - без таможни и паспортного контроля. Это легко. Мы это частенько делаем. Будь у нас его имя, мы могли бы проверить, уезжал ли он из страны как раз в то время. Это уже было бы что-то. Но имени-то его у нас как раз и нет.

- У нас ничего нет!

- Нет, кое-что все-таки есть. Хотя бы вот это, - он махнул рукой в сторону заваленного документами стола. - И ответ на наш вопрос кроется где-то там.

- Вы, в самом деле, верите в это?

- Всякий раз, когда нам удастся добраться до одного из этих типов, мы обнаруживаем, что вся необходимая информация месяцами уже лежала у нас под носом. Комиссии конгресса, контролирующие нашу работу, вечно долбят нас за это.

Вы, Джек, сидите на этой груде материала, и где-то там кроется ключ к загадке.

Статистически это почти аксиома. Но у вас две-три сотни всяких рапортов, и только один из них - тот, что нам нужен.

- Я не ожидал чудес, но на какой-то прогресс я все-таки рассчитывал, - с горечью сказал Джек.

- А он у вас и есть. Вы заметили нечто, ускользнувшее от внимания всех других. Взять хотя бы ту же Франсуазу Теру. И теперь если какой-то французский агент узнает что-то, представляющее интерес для нас, они, возможно, сообщат нам об этом. В разведке ведь как в меновой торговле былых времен. Мы даем им, они дают нам, а иначе мы в другой раз уже никогда ничего им не Дадим. А если они изловят эту девицу, они нам многим будут обязаны. Она пришила близкого друга их президента, и он к вопросу о ее поимке относится весьма серьезно. В общем, адмирал считает, что вы много сделали. И, кстати, он считает, что вы чересчур уж налегаете на работу, что надо бы вам полегче...

- Когда я найду этих ублюдков, тогда можно будет и расслабиться, - сказал Райан.

- Передышка тоже нужна. Вы плохо выглядите. Усталость чревата ошибками, а мы таковых не любим. Джек, больше не засиживайтесь до ночи. Это не только мое пожелание, но и Грира тоже. Не позже шести вечера, - сказал Кэнтон и вышел, не дав Джеку возможности возразить.

Джек вернулся было к своим бумагам, но вместо изучения их какое-то время сидел, уставясь в стенку. Кэнтон был прав. Он засиживался здесь так поздно, что уже не было времени съездить в Балтимор навестить Салли. Конечно, там возле нее Кэти, но все же...

"Итак, - сказал он, обращаясь к стене, - по крайней мере хоть что-то я сумел раскопать". Он помнил, конечно, что это было случайностью и что к верному заключению пришел не он, а Марти. Но правдой было и другое - он сделал то, что и ожидается от аналитика: найти нечто необычное и привлечь к этому чье-то внимание. Так что это была и его заслуга тоже. Он ведь, похоже, нащупал террориста, хотя и не того, которого искал.

"Это начало", - сказал он себе.

Он задумался над тем, как французы обойдутся с этой девицей, если поймут ее, и что он сам будет чувствовать в этой связи. Было бы куда лучше, решил он, если бы террористы были уродливы. Вздохнув, он вернулся к своим бумагам. Где-то тут, в этой груде таилась информация о тех, кто его интересует. Он обязан разыскать ее.

- Привет, Алекс, - сказал Миллер, садясь в машину. На этот раз он прилетел в Мексику, оттуда пересек границу на машине и только потом добрался самолетом до Вашингтона.

- Как поездка? - поинтересовался Алекс. Миллер так и не сбрил бороду. Но ничего, подумал Доббенс, никто ведь его толком не видел.

- Проверка на границе у вас - чистой воды ерунда.

- Тебе что, было бы лучше, будь это по-другому?' - спросил Алекс. - Но давай о деле.

Резкость его тона удивила Миллера. "Неужто ты не гордишься такой операцией?" - мысленно спросил он его.

- У нас есть для тебя еще работенка, - сказал Миллер.

- Вы мне еще и за ту не заплатили.

Миллер протянул ему банковскую расчетную книжку.

- Нумерованный счет, багамский банк. Сумма, надеюсь, выписана верно.

Алекс сунул книжку в карман.

- Так-то лучше. Значит, другая работенка? Надеюсь, не такая спешная, как та?

- У нас впереди несколько месяцев, чтобы подготовиться, - ответил Миллер.

- Слушаю.

Миллер изложил ему план АОО.

- Да вы что, совсем спятили? - разозлился Алекс.

- Насколько трудно будет раздобыть нужную нам информацию?

- Проблема не в этом, Син. Проблема в том, как вы доставите сюда своих людей и потом вывезете их отсюда. Тут я вам ничем не смогу быть полезным.

- Это моя забота.

- Ерунда! Если мои люди участвуют в этом, это и моя забота тоже. Если этот индюк Кларк расколется, то и малина наша погорит, и я сам.

- Но он ведь не раскололся. И не расколется. Именно поэтому мы и выбрали его.

- Слушай, что ты делаешь со своими людьми, мне насрать, но о своих я забочусь. Та игра, что мы разыграли для тебя, Син, была не фонтан.

Миллер только из контекста понял, что это значит - "не фонтан".

- Операция имела политическое значение, - сказал он. - И ты знаешь это.

Или ты забыл, что наши цели всегда имеют политическое значение? И в политическом смысле, та операция была очень успешной.

- Спасибо за науку! - съязвил Алекс. - Ты потерял бойца, потому что ты подошел к этому делу со слишком личных позиций, а это непрофессионально. Я знаю, что ты думаешь. Это была наша первая большая совместная игра, так? Верно, парень. И мы доказали, что можем сварить кашу вместе с вами. Но я же предупреждал тебя, что этот Кларк будет там слишком на виду. Если бы ты послушал меня, они бы не сцапали его. Я знаю, что ты человек опытный, но в здешних делах я разбираюсь лучше.

Миллеру пришлось проглотить и эти слова, и этот уничижительный тон. Лицо его оставалось бесстрастным.

- Алекс, если бы мы были хоть в какой-то мере недовольны тобой, мы бы не обратились к тебе снова. Один раз мы сварили вместе кашу, надо и еще разок ее сварганить, Алекс. - Ему хотелось вместо "Алекс" сказать "паршивый негр", но он сдержался.

- Так, можешь ты добыть нам нужную информацию? - спросил он.

- Конечно. За хорошую цену. Вы хотите, чтобы мы участвовали в операции?

- Этого мы еще не решили, - честно признался Миллер. "Главное для них деньги. Поганые американцы", - раздраженно подумал он.

- Если вы надумаете, я должен участвовать в планировании операции. И прежде всего мне надо знать, как вы въедете в страну. и как выберетесь отсюда.

Возможно, мне придется отвалить вместе с вами. Если вы и в этот раз пошлете меня в жопу с моими советами, я уйду и заберу с собой своих людей.

- Пока еще рановато говорить со всей уверенностью, но план (наш

довольно прост...

- Думаешь, вы сумеете устроить это? - одобрительно кивал головой Алекс. Ловко. Это я вам раздобуду. Ловко!.. Теперь - о цене. Син написал цифру на листе бумаги и передал ее Алексу.

- Справедливо? - спросил он, зная, что такая цифра впечатлит всякого, кто любит деньги.

- Хотел бы я, браток, иметь счет в твоём банке.

- Если операция пройдет нормально, то будешь иметь его.

- Ты серьезно? Миллер кивнул.

- Прямой доступ. Тренаж, помощь насчет документов и так далее. Ты очень профессионально помог нам в прошлый раз, и это привлекло к тебе внимание. Нашим друзьям по душе мысль о создании активной революционной ячейки в Америке. "Если только они и в самом деле захотят иметь дело с тобой. Но это их забота", - добавил он про себя, а вслух спросил:

- Когда ты сможешь раздобыть информацию?

- К концу недели устроит?

- Так быстро и при этом не насторожить никого?

- Оставь эту заботу мне, - улыбнулся в ответ Алекс.

- Есть у вас что-нибудь новое? - спросил Оуинс.

- Не так много, - признался Мюррей. - У нас масса заключений всяких экспертов, но только одна свидетельница, видевшая одного из подозреваемых в лицо, да и то от нее не слишком-то много толку.

- Кто-то из местных?

- Ну да. Его-то мы и пытаемся опознать. С прочими пока ничего не ясно.

Может, они следуют образцу АОО. Никаких манифестов, никаких заявлений о том, что это их работа. Наши люди в кое-каких радикалистских группах - в смысле, в тех, что еще существуют, - пока ничего не могут разузнать. Мы продолжаем работать над этим, уже выбросили на это дело кучу денег, но результат пока неважнецкий. Однако, - сказал, секунду помолчав, Мюррей, - ситуация в конце концов изменится. Билл Шоу - гений, один из умнейших людей в нашем Бюро.

Несколько лет тому назад его перебросили из контрразведки на терроризм, и он добился больших успехов. А что нового у вас?

- Я пока не могу вдаваться в детали, - сказал Оуинс. - Но не исключено, что у нас намечается одна небольшая удача. Сейчас мы как раз думаем над тем, настоящая она или не очень. Это хорошие новости. Плохие же состоят в том, что Его высочество этим летом едет в Америку. И о его маршруте знают довольно многие, включая и тех шестерых, что в нашем списке подозреваемых.

- Как вы могли допустить это, Джимми?

- Со мной никто не советовался, Дэн, - угрюмо ответил Оуинс. - В ряде случаев... если людей не поставить в известность, они решат, что происходит нечто странное. Нельзя же просто так взять и перестать доверять людям, не правда ли? В других случаях это был просто очередной промах. Одна секретарша раздала описание маршрута тем, кому его давать не следовало... Но она

предварительно согласовала этот вопрос со службой безопасности.

В практике обоих это был далеко не первый случай. Всегда найдется человек, который чего-то не поймет или перепутает.

- Чудесно. Так отмените эту поездку. Пусть он простудится или... придумайте что-нибудь, - предложил Мюррей.

- На это Его высочество не пойдет. В таких вопросах он стал непреклонен.

Он не позволит, чтобы угрозы террористов как-то влияли на его жизнь.

Мюррей хмыкнул.

- Трудно не восхищаться выдержкой этого парня, но...

- Совершенно верно, - согласился Оуинс, хотя ему не очень-то было по душе, когда его будущего короля именовали "парнем". Но он давно уже привык к языку американцев. - Нам от этого не легче.

- Насколько точно разработан маршрут? Окончательный он или как? - спросил Мюррей.

- Кое-какие детали - предварительные, конечно, но большая часть маршрута уже окончательно утверждена. Люди из нашей службы безопасности встретятся с вашими в Вашингтоне. Они вылетают на следующей неделе.

- Ну, вы знаете, там вам окажут полную поддержку. И разведслужба, и ФБР, и местная полиция - все. Мы там о нем позаботимся, - заверил его Мюррей. - Они у нас очень популярны. Кстати, возьмут они с собой ребенка?

- Нет. В этом вопросе нам удалось его переубедить.

- О'кей. Я позвоню завтра в Вашингтон, и все покатится, как положено. А что там с нашим другом Нэдом Кларком?

- Пока ничего. Его "коллеги" явно устроили ему тяжелую жизнь, но он слишком туп, чтобы сломаться. Мюррей кивнул. Он знал этот тип людей.

В тот вечер Райан, подчинившись пожеланиям Кэнтора и Грира, ушел раньше обычного. Он решил побывать на одной лекции в Джорджтаунском университете.

Лекция, к сожалению, оказалась неинтересной. Профессор Дэвид Хантер, enfant terrible Колумбийского университета, считался признанным авторитетом по проблемам стран Восточной Европы. Его недавно вышедшая книга "Отсроченная революция" была глубоким исследованием политико-экономических проблем советской империи, и Райан, подобно прочим слушателям, надеялся почерпнуть что-то новое.

Однако лекция профессора свелась практически к пересказу этой книги. А в конце он и вовсе выступил с довольно странным утверждением о том, что страны НАТО должны действовать более напористо в направлении попыток оторвать от Советского Союза страны-сателлиты. Идея показалась Райану безумной, хотя она, разумеется, вызвала оживленную дискуссию.

После лекции Райан поспешил в зал, где давался прием - он в тот день отказался от обеда, чтобы не пропустить лекцию. На длинном столе было множество всяких закусок, он наполнил тарелку и пристроился в углу, возле лифта, где было поспокойнее.

- Прошу прощения, доктор, - вдруг услышал он. Рядом с ним стоял

среднего роста человек с румяным лицом? Костюм на нем был дешевым. В голубых глазах искрилось веселье.

- Как вам лекция? - спросил голубоглазый. Говорил он с заметным акцентом.

- Довольно интересно, - уклончиво сказал Райан.

- Ага. Я вижу, что капиталисты умеют врать не хуже нас, бедных социалистов.

Смеялся этот человек заразительно, но тут Джеку почудилось, что в глазах его искрилось не только веселье, но и что-то другое. Была в них некая оценивающая настороженность. Человек этот ему не нравился.

- Мы с вами где-то встречались?

- Сергей Платонов.

Райану, чтобы пожать протянутую руку, пришлось сперва пристроить свою тарелку на угол стола.

- Я третий секретарь советского посольства. Вероятно, моя фотография в Лэнгли не лучшего качества, раз вы меня не узнали.

"Русский, - подумал Райан, стараясь не показать удивления.

- И при этом знает, что я работаю на ЦРУ". Третий секретарь - это вполне могло означать, что он из КГБ. Не исключено, что специализируется на сборе разведданных среди дипломатов или же он состоит при Иностранном отделе ЦК КПСС.

Впрочем, разницы тут никакой нет. Разведчик с дипломатическим прикрытием. "Что мне теперь делать?" Он знал, что завтра ему придется написать рапорт об этой встрече - о том, как она произошла и о чем они говорили. Не меньше часа работы.

Он сделал усилие, чтобы вежливость не изменила ему.

- Вы, мистер Платонов, вероятно, ошиблись. Я - преподаватель истории и работаю в Военно-морской академии в Аннаполисе.

- Нет, нет, - покачал головой Платонов. - Я узнал вас по фотографии на обложке вашей книги. Прошлым летом я купил их аж десять штук.

- Вот как? - не мог скрыть удивления Джек. - Благодарю вас, сэр. От себя лично и от лица моего издателя.

- Наш военно-морской атташе очень заинтересовался ею. Он полагает, что следует обратить на нее внимание Академии имени Фрунзе и, думаю, Военно-морской академии имени Гречко, в Ленинграде, - сказал Платонов, прямо-таки излучая очарование. Райан знал цену такого рода очарованию, однако... - Честно говоря, - продолжал Платонов, - сам-то я только пролистал книгу. Она отлично составлена. Наш атташе считает, что ваш анализ принятия решений в разгаре сражения чрезвычайно точен.

Райан не знал, что сказать. Слова эти польстили ему. Академия имени Фрунзе готовила офицеров для верхнего эшелона армейского руководства. То же самое и Академия имени Гречко - с той разницей, что последняя была разве что чуть менее престижным заведением.

- Сергей Николаевич, - протрубил знакомый голос, - нехорошо играть на тщеславии молодых авторов.

К ним подошел священник отец Тимоти Райли. Иезуит, он во время оно - когда Райан писал свою докторскую диссертацию - возглавлял в Джорджтаунском

университете исторический факультет. Этот раскормленный коротышка обладал блестящим интеллектом и был автором массы книг, в том числе и двух, посвященных глубинному анализу истории марксизма. У Райана мелькнуло, что вряд ли книги отца Райли имеются в библиотеке Академии имени Фрунзе.

- Как семья, Джек? - спросил Райли.

- Кэти уже вернулась на работу, а Салли наконец перевели в больницу Хопкинса. Если повезет, в начале следующей недели мы ее заберем домой.

- Она полностью выздоровеет? Ваша дочь, я имею в виду, - спросил Платонов.

- Я читал в газетах о нападении на вашу семью.

- Надеемся, что да. Хотя у нее и удалили селезенку, но врачи заверяют, что это не страшно. Поправляется она довольно быстро. Кэти видится с ней каждый день там, в Хопкинсе.

Райан умолчал о том, что Салли сильно изменилась. Дело даже было не в том, что она еще не ходила. Его тревожило, что она уже не искрилась весельем, в глазах ее залегла печаль. Ей пришлось слишком рано усвоить урок о том, что мир - опасная штука, даже если ты окружена заботой родителей. Это страшный урок для ребенка. "Но она все-таки жива, - в который раз повторял себе Джек, - и это главное. Время и любовь способны вылечить все... Только от смерти нет лекарств". Врачи и медсестры в Хопкинсе заботились о Салли, как о собственном ребенке. Это было осязаемое преимущество от жены-врача.

- Страшная вещь, - Платонов покачал головой с выражением отвращения на лице, вроде бы искренним. - Страшная вещь - вот так вот беспричинно покушаться на жизнь невинных людей.

- В самом деле, - пронзительным голосом, так хорошо знакомым Райану, произнес Райли. Об отце Тимоти студенты говорили, что он мог бы, если бы захотел, распилить своим голосом бревно. - Ленин, припоминается, говорил, что цель террора - терроризировать и что чувство жалости столь же противопоказано революционеру, как и трусость на поле боя.

- Тогда были трудные времена, - примирительным тоном сказал Платонов. - Мы не имеем ничего общего с этими безумцами из ИРА. Они - не революционеры, как бы они ни старались выдавать себя за таковых. У них нет революционной этики. То, что они делают, - безумие. Рабочие всех стран вместо того, чтобы убивать друг друга, должны сотрудничать в борьбе с эксплуататорами. Обе стороны конфликта жертвы своих боссов, которые натравливают их друг на друга. Но вместо того, чтобы осознать этот факт, они убивают друг друга, как бешеных собак. Они бандиты, а не революционеры, - заключил Платонов с достоинством, которое, однако, никакого впечатления на его слушателей не произвело.

- Может, и так, но если бы они мне попались, я бы преподавал им урок революционной справедливости, - сказал Джек, чувствуя, какое это облегчение - в открытую высказать свою ненависть.

- Я вижу, у вас обоих нет к ним никакого сочувствия - поддел Платонов.

- В конце концов, оба вы в каком-то смысле тоже жертвы британского империализма.

Разве ваши предки не бежали в свое время в Америку именно поэтому?

Райан разозлился. Даже не верилось, что можно всерьез городить такую

чепуху, но он тут же сообразил, что этот русский нарочно провоцирует его, чтобы посмотреть, как он на такие слова отреагирует.

- А что вы скажете о советском империализме? - спросил он, с вызовом уставясь в глаза Платонову. - У тех двоих в Лондоне были "Калашниковы". И у того, что стрелял в мою жену тоже было оружие советского производства, - солгал он. - Такие штуковины в местных магазинах скобяных изделий не купишь. Одобряете вы их или порицаете, но большинство ирландских террористов исповедуют марксизм.

Это делает их вашими союзниками, а не моими. И вовсе не случайно, что вооружены они советским оружием.

- Знаете ли вы, сколько стран производит оружие советского образца? Так что, увы, неизбежно, что часть такого оружия попадает не в те руки.

- Так или иначе, мое сочувствие их целям никак не распространяется на методы, к которым они прибегают. Невозможно построить правовое государство на базе убийства, - заключил Райан. - Многие уже пытались, и не вышло.

- Было бы прекрасно, если бы на земле вечно царил мир, - сказал Платонов, игнорируя выпад Райана против СССР. - Но это же исторический факт, что рождение всех государств сопровождается кровью. В том числе и рождение вашего государства.

С течением времени государства, взрослея, отказываются от такой методы. Мы ведь все согласны с преимуществами мирного сосуществования. Что касается меня, то я, доктор Райан, вас понимаю. У меня у самого два сына. Была у нас и дочь, Надя, но она умерла, когда ей было семь лет. От лейкемии. Я знаю, что это такое видеть, как мучается твой ребенок. И все же вам в этом смысле повезло больше, чем мне. Ведь ваша дочь жива, - сказал он, подпустив мягкости в голос. - Мы несогласны по многим вопросам, но все мы любим своих детей. А кстати, - сменил он тему, - как вам понравилась лекция профессора Хантера? Должна ли Америка поддерживать контрреволюцию в социалистических странах Европы?

- Почему бы вам не спросить об этом госдепартамент? Это ведь не моя специальность. Я преподаю историю военно-морского флота. Но если вас интересует мое мнение, то скажу: я не вижу, как мы можем поощрять повстанческие настроения, если потом мы будем не в силах оказать восставшим непосредственную помощь, когда ваша страна начнет расправляться с ними при помощи танков.

- Ага, понятно. Значит, вы понимаете, что мы обязаны делать все возможное, дабы оградить наших союзников от агрессии.

Демагог этот Платонов был еще тот - чувствовалось, что у него богатый опыт.

- Я бы, мистер Платонов, не назвал поддержку людей, борющихся за свою свободу, "какой-то формой агрессии". Мне бы хотелось напомнить вам, что ваша страна подавила демократические устремления народов Венгрии и Чехословакии при помощи войск. Именно это я имел в виду, говоря о лекции профессора Хантера: призывать народы, на которые распространяется ваша власть, к восстанию - это все равно что подталкивать их к самоубийству. Это и аморально, и не дает нужных результатов.

- Это ваша позиция. Ну, а как поведет себя ваше правительство?

рассмеялся Платонов.

- Я - историк, а не предсказатель. Тут полно народу из "Вашингтон пост".

Спросите их.

- В общем, - продолжал Платонов, - хочу сказать вам, что наш военно-морской атташе хотел бы встретиться с вами, чтобы поговорить о вашей книге. Двенадцатого числа следующего месяца у нас в посольстве будет прием.

Отец Райли тоже будет там, так что он присмотрит за вашей душой.

Приходите вместе с женой.

- Боюсь, что это невозможно. Мы скоро заберем девочку домой, и мне надо все время быть возле нее.

Но от этого дипломата трудно было отделаться.

- Да, это вполне понятно, - сказал он. - Может, в какое-то другое время?

- Конечно. Как-нибудь позвоните мне летом.

- Отлично. Разрешите откланяться - я хотел бы побеседовать с профессором Хантером.

Платонов пожал обоим руки и двинулся к профессору, вокруг которого теснилась толпа, ловившая каждое его слово.

- Любопытный парень этот Сергей, - сказал Райли. - Любит уязвить человека, чтобы прощупать его реакцию. Интересно, действительно ли он верит в правильность советской системы или только разыгрывает правдоподобность?...

Но Райана интересовало нечто более насущное.

- Чего ему от меня надо? - спросил он Райли.

- Он проверял вас, - рассмеялся тот.

- Зачем?

- Вряд ли вы нуждаетесь в моем ответе. Вы ведь работаете на ЦРУ. Если я верно понимаю ситуацию, адмирал Грир хочет, чтобы вы были при нем. В следующем году Марти Кэнтон уходит - будет работать в Техасском университете, - и вы один из кандидатов на его теперешнюю должность. Я не знаю, осведомлен ли об этом Сергей, но вы попались ему на глаза, и он решил прощупать вас на всякий случай.

Это вполне естественно.

- На место Кэнтон? Но мне об этом никто ничего не говорил!

- Жизнь полна неожиданностей. Они, вероятно, еще не завершили полную проверку вашего прошлого. Я полагаю, что у вас еще маловато нужной вам информации, а? Насчет этих террористов...

- Извините, но я не могу обсуждать этот вопрос.

Священник улыбнулся.

- Понятное дело. Работа, проделанная вами там, произвела впечатление на нужных людей. Если я правильно оцениваю ситуацию, они связывают с вами известные надежды, - Райли отпил глоток шампанского из бокала. - Я знаю Джеймса Грира, и он от вас не откажется просто так. Ваша "Ловушка для канареек" произвела на него сильное впечатление. Да и не только на него.

- Откуда вы все это знаете? - поразился Райан.

- Джек, ну, а как, по-вашему, вы вообще попали туда? В Центре стратегических и международных исследований тоже понравилась ваша работа.

Марти сравнил их оценку с моей и пришел к выводу, что вас следует попробовать. И вы оказались на уровне. В этом городе есть люди, которые считаются с моим мнением.

- Ах, вот оно что, - Райан улыбнулся, хотя и с некоторым усилием. Он позволил себе забыть самое главное об иезуитском ордене: они знают всех, через кого могут разузнать практически что угодно. Время от времени каждый человек нуждается в совете, и многие прибегают к помощи священнослужителей. И нет лучших советчиков, чем иезуиты, прекрасно образованные, хорошо знающие мирские дела и в то же время далекие от них... большую часть времени. Как и все священники, они прекрасные слушатели. Орден иезуитов настолько преуспевает в сборе информации, что однажды госдепартамент поручил своим дешифровальщикам разгадать его код. И когда это удалось, в госдепартаменте очень были удивлены, возможностями иезуитов.

Основав орден, Игнатий Лойола поставил перед ним две задачи: рассылать по всему свету миссионеров и строить школы. И в том, и в другом иезуиты преуспели.

Те, кто окончил иезуитские учебные заведения, несли на себе печать их влияния.

В их колледжах и университетах наравне с обычными науками преподавали философию, теологию и этику, стремясь свести к минимуму все низшие инстинкты и отшлифовать интеллект. Интеллектуальные способности отца Райли были хорошо известны, с его мнением ученого многие считались, а кроме того, у него был и большой моральный авторитет.

- На нас можно положиться, Джек, - кротко выговорил Райли. - Вряд ли вы заподозрите, что среди нас может оказаться коммунистический агент. Итак, заинтересованы ли вы в этой работе?

- Не знаю, - признался Джек, уставясь на свое отражение в окне. - Это значит, что я смогу меньше времени быть со своей семьей. А мы ожидаем второго ребенка этим летом.

- Поздравляю. Это хорошая весть. Я знаю, что вы человек семейный. Эта работа потребует известной жертвенности, но вы для нее подходящий человек.

- Вы так думаете?

- Не все, кто там работает, мне по душе, а вот таких, как вы, там надо бы побольше. Джек, у вас хорошие мозги, вы умеете принимать верные решения. Но еще важнее то, что вы - хороший человек. Я знаю, что вы честолюбивы, но у вас есть моральные Ценности. И я один из тех, кто считает, что таковые все еще кое-что значат в этом мире, как бы мерзко в нем ни обстояли дела.

Секунду помолчав, Райан сказал:

- Мне надо найти этих мерзавцев, отец.

- Насколько вы продвинулись к тому, чтобы поймать их?

- Не то, чтобы очень... - сказал Джек и запнулся, сообразив, что нельзя было этого говорить. - Здорово вы меня...

- У меня этого и в голове не было, - искренне сказал Райан. - Мир стал бы лучше без этой публики. У них что-то не в порядке с мозгами. Трудно понять, как кому-то приходит в голову желание причинить боль ребенку.

- Отец, их совсем не обязательно понимать. Важно знать, где и как их поймать.

- Это дело полиции и суда. На то у нас и законы, Джек, - сказал Райли, и в голосе его прозвучала укоризна.

Райан снова посмотрел на свое отражение в окне, как бы не узнавая себя.

- Вы, отец, хороший человек, но у вас никогда не было детей.

Я, может быть, готов простить тех, кто покушается на меня, но на мою дочь - нет, никогда! Если я их найду... Черт, конечно, я не смогу!.. Но мне очень хотелось бы, - сказал он уже не столько Райли, сколько своему отражению в окне.

И в глазах отражения читалось согласие: "Да".

- Ненависть - плохое чувство. Она может ударить по вас самому, она может привести к перерождению вашей личности.

Райан отвернулся от окна - тот, кого он там увидел, странным образом беспокоил его.

- Не исключено, что это уже произошло, - сказал он.

Глава 19

ДАННЫЕ

Эта магнитофонная запись была особенно скучной. Оуинсу было не привыкать к чтению полицейских рапортов, протоколов допросов и - что было хуже всего документов разведслужбы, но эта магнитофонная запись была скучнее некуда.

Микрофон, установленный службой безопасности в магазине Кули, был очень чувствителен и фиксировал всякий шорох. А тут еще Кули то и дело что-то мурлыкал себе под нос. Детектив, в чьи обязанности входило прослушивать запись еще до подчистки ее, дал своему начальнику послушать ее в первозданном виде, чтобы продемонстрировать, каково ему приходится в этом мире какофонии.

Оуинс услышал, как звякнул дверной колокольчик, потом - скрип колесиков кресла по полу. Одно колесико, видать, ржавое, отметил Оуинс.

- Доброе утро, сэр! - послышался голос Кули.

- Доброе утро, - сказал покупатель. - Ну, как насчет Карло? Вы решили?

- Да, решил.

- Так какова же цена?

Молчание. Эшли объяснил Оуинсу, что владелец магазина никогда не называл цены вслух - он протягивал покупателю карточку с соответствующей цифрой.

Наверное, подумал Оуинс, чтобы не вовлекаться в спор о цене.

- Это, знаете, довольно дорого, - послышался голос Уоткинса.

- Я мог бы запросить и больше, но вы - один из лучших наших клиентов, ответил Кули. Послышался вздох.

- Хорошо. Она стоит того. Зашелестели банкноты.

- Скоро у нас, возможно, будет кое-что новенькое из одной коллекции в Керри, - сказал Кули.

- Вот как? - с интересом откликнулся Уоткинс. - Надо будет посмотреть.

- Само собой, сэр.

- В этот момент, - сказал Оуинс Эшли, - Уоткинс наклонился вперед, и наш человек, наблюдавший за ними из ювелирного магазина, потерял его из виду.

- Возможно, он передал какое-то послание.

- Возможно, - согласился Оуинс и выключил магнитофон - прочее не представляло интереса.

- Во время последней поездки в Ирландию Кули не был в графстве Керри. Он был только в Корке. Навестил трех букинистов, провел ночь в отеле и выпил несколько пинт пива в местной пивной, - сообщил Эшли.

- Пивная?

- Именно. В Лондоне он не пьет, а в Ирландии - да.

- Он с кем-нибудь встречался там?

- Вот на это ответа нет. Наш человек держался вдали - ему было приказано не вызывать подозрений...

Эшли помолчал с минуту, припоминая, что именно насторожило его во время прослушивания магнитофонной записи.

- Мне показалось, что Уоткинс расплатился за книгу наличными.

- Вы правы. И это довольно необычно. Как правило, он пользуется чеками и кредитными карточками. За исключением случаев, когда делает покупки в этом магазине. В его банк чеки из этого магазина никогда не поступали. Временами он берет в банке довольно значительные суммы наличными. Но совпадают ли они с его покупками в этом магазине или нет, сказать невозможно.

- Очень странно, - задумчиво сказал Эшли.

- Может, потому, что на чеках ставится дата? - предположил Оуинс.

- Возможно.

У Эшли за спиной было множество дел такого рода, и он знал, что на все вопросы ответы получить невозможно. Какие-то подробности так и остаются неразгаданными.

- Вчера я еще раз просмотрел послужной список Джеффа, - сказал он. - Вы знаете, что когда он был в Ирландии, в его взводе погибли четыре человека?

- Что? Похоже, мы не зря им интересуемся!

- У меня это тоже мелькнуло, - поддакнул Эшли. - Наш человек в Германии порасспросил одного из сослуживцев Уоткинса. У него был взвод в том же полку, а сейчас он подполковник. Он рассказал, что Джефф гибель своих солдат принял очень близко к сердцу, что он все время кричал, что им тут нечего делать в Ирландии, что они занимаются тут не солдатским делом и потому напрасно теряют людей. Не правда ли, все это придает делу несколько другой поворот?

- Очередной лейтенант со своим пониманием, как решить ирландскую проблему, - презрительно фыркнул Оуинс.

- Именно. Надо уйти, и пусть эти чертовы ирландцы сами разбираются со своими делами. В армии, как вы знаете, многие так думают.

Оуинс знал, что так некоторые думают не только в армии, но и во всей Англии.

- И все же это еще не может рассматриваться как мотив, - сказал он.

- Все-таки лучше, чем ничего. Оуинс кивнул, соглашаясь.

- Что еще рассказал тот подполковник?

- Служба у Джеффа была явно нелегкой. Он и его люди понасмотрелись там на всякое. Он был там, когда католики приветствовали армию и когда ситуация стала обратной. Правда, это для всех было тяжелое время, - прибавил Эшли.

- Да, в общем, у нас пока мало данных. Офицер, которому не по душе служба в Северной Ирландии, покупал редкие книги у местного жителя, который теперь открыл магазин в центре Лондона. Любой адвокат скажет вам, что это чистой воды совпадение. У нас нет ничего, что хоть отдаленно напоминает доказательство.

Биография у того и другого чистенькая - хоть в святые производи.

- Но это именно те, кого мы ищем, - твердо выговорил Эшли.

- Я знаю это, - сказал Оуинс, сам удивившись своим словам.

Профессионализм подсказывал ему, что такое утверждение - ошибка, но инстинкт говорил совсем другое. Такое ощущение не впервые посещало начальника Си-13, и всегда он в таких случаях испытывал беспокойство. Случалось, что инстинкт его подводил, и тогда он делал ложные шаги. Но это было очень редко. - Вы знаете правила игры, и согласно этим правилам у меня нет достаточных оснований, чтобы явиться к Верховному комиссару. Он вышвырнет меня из кабинета коленкой под зад и будет прав. У нас нет ничего, кроме подозрений.

Они какое-то время молча смотрели друг на друга.

- Я никогда не хотел быть полицейским, - улыбаясь и покачивая головой сказал Эшли.

- Я тоже не об этом мечтал. Когда мне было шесть лет, я хотел водить паровозы, но отец сказал, что в нашей семье и без меня хватает машинистов.

Пришлось стать полицейским.

Они рассмеялись. Больше им ничего не оставалось делать.

- Я усилю наблюдение за поездками Кули за границу, - сказал, отсмеявшись, Эшли.

- Надо ждать, когда они совершат какой-то промах. Рано или поздно, вы же знаете, все они делают ошибочный шаг.

- Не будет ли поздно? - Вот в чем был вопрос.

- Все в порядке, - сказал Алекс.

- Как ты раздобыл это? - изумился Миллер.

- Проще простого, парень. Электрические компании регулярно делают аэроснимки своей территории. А вот тут, - он открыл свой портфель и запустил туда руку, - топографическая карта. И вот оно - то местечко, парень, которое тебя интересует, - Алекс протянул ему лупу. Снимок был цветным, сделали его в яркий, солнечный денек. Видны были даже марки машин. Снимали, похоже, прошлым летом - трава только-только скошена...

- Какой высоты утес?

- Приличной. Не завидую тому, кто с него свалится. И коварный к тому же.

Известняк какой-то что ли. В общем, крошится под ногами. Видишь забор вот тут?

Значит, надо держаться подальше от края.

- Дорога только одна, я вижу, - отметил Миллер.

- Да, тут тупик. И это проблема. Тут вот и тут лощины. Обрати внимание на высоковольтную линию - она идет по пересеченной местности, вот от этой дороги.

Похоже, что там когда-то была проселочная дорога, связанная с этой, но потом она заросла травой. Но, может, мы сумеем ею воспользоваться.

- Как?

- Я потом объясню. В пятницу мы с тобой едем ловить рыбу.

- Что? - удивился Миллер.

- Ты ведь хочешь взглянуть на утес, не так ли? Кроме того, сейчас сезон голубой рыбы. Я ее страсть как люблю.

Наконец Брекенридж установил силуэтные мишени. Джек теперь заглядывал сюда регулярно, в основном по утрам, до лекций. Тот инцидент у ворот заставил и морских пехотинцев, и гражданских охранников намного серьезнее относиться к своей службе. Два морских пехотинца и один из гражданских охранников тоже палили по мишеням, ведя счет попаданиям.

- Очень даже неплохо, - сказал Брекенридж, проверив мишень Джека. - Если хотите, можем включить вас в нашу команду на соревнования. Я полагаю, что вы уже вполне созрели для медали.

Джек покачал головой.

- Мне это не для медали нужно, Пушка.

- Когда ваша крошка возвращается домой?

- В следующую среду, надеюсь.

- Чудесно, сэр. А кто будет за ней присматривать?

- Кэти возьмет отпуск на несколько недель.

- Моя жена велела спросить, не нужна ли вам какая-нибудь помощь, - сказал Брекенридж.

- Большое спасибо, Пушка. Очень даже... У нас будет бывать Сисси, жена Джексона.

- Но если что, то... Какие-нибудь сдвиги насчет тех ублюдков?

Ежедневные поездки Райана в штаб-квартиру ЦРУ уже не были большим секретом.

- Пока никаких.

- Доброе утро, Алекс, - сказал управляющий полевыми работами. - Вы сегодня, вижу, задержались. Что-нибудь случилось?

Берт Гриффин всегда приходил на работу рано, но с Доббенсом он редко пересекался, так как тот обычно уходил домой в семь часов.

- Я искал спецификации для этого нового трансформатора "Вестингхауз".

- Что, скучно стало работать ночами? - с улыбкой поинтересовался Гриффин.

Это было самое легкое время года. Летом, когда начнут работать все

кондиционеры, начнется запарка. А весна всегда была временем для обдумывания новых идей.

- Я думаю, пора опробовать его.

- Уже все отладили?

- Более или менее. Так что пора, думаю, провести испытания.

- О'кей, - Гриффин откинулся на спинку стула. - Так что там?

- Меня, сэр, более всего беспокоят старые трансформаторы, когда мы начнем их заменять, дело и того будет хуже.

- Ох, и не говорите, - Гриффин закатил глаза. - Алекс, если вы сумеете наладить эти "вестингхаузы", я вам лично презентую новую машину от имени нашей компании.

- Ну что же, я попробую. Один "вестингхауз" работает за полтора старых трансформатора.

- Будем надеяться... Но там, кажется еще не устранены какие-то неполадки.

- Да нет, в основном уже справились. Так они говорят, по крайней мере. Но все равно надо провести полевые испытания. Что-то у них там вольтаж прыгает.

- И серьезные флуктуации?

- Когда как. Вот гляньте, - Алекс достал из ящика стола таблицы и зачитал цифры. - Судя по всему, это влияние окружающей среды. Похоже, что это происходит только в случае резких перепадов температуры в данной местности.

Если это и вправду так, то мы запросто с этим справимся.

Гриффин подумал с минуту и спросил:

- Где вы хотите проводить испытания?

- В местечке к югу от Аннаполиса.

- Экая даль! Почему именно там?

- Там наша линия заканчивается. Если трансформатор забарахлит, пострадает не так уж много домов. С другой стороны, одна из моих команд всего в двадцати милях от этого места, и я их уже поднатаскал с этим новым оборудованием. Так что в течение первых месяцев они каждый день будут проверять, как работает новый трансформатор. Если он окажется в порядке, то уже осенью можно будет заказать целую партию, а следующей весной начать их установку.

- О'кей. Так где, говорите, это место? Доббенс развернул на столе Гриффина карту.

- Вот.

- Тут живут люди зажиточные, - сказал Гриффин с сомнением.

- Да ладно вам, босс! - рассмеялся Алекс. - Вы представляете, что будет, если газеты пронюхают, что мы экспериментируем только в районах бедняков? Да и вообще, эти защитники природы - богачи!

Доббенс неспроста упомянул о защитниках окружающей среды. Гриффин терпеть не мог этих, как он их величал, "защитников природы с Парк-авеню". У него была маленькая ферма, и он не любил, когда городские жители заводили разговоры о спасении природы.

- О'кей, можете приступать к проверке. Когда вы установите новый

трансформатор?

- Где-то через неделю. Но сперва мне самому надо съездить туда, проверить линию, если вы не против.

Гриффин одобрительно кивнул.

- Я таких инженеров уважаю, - сказал он. - А то нынешние все боятся запачкать руки. Держите меня в курсе дела.

- Есть, сэр.

- Я вас там, наверху, всегда хвалю, так что...

- Благодарю вас, мистер Гриффин.

Менее чем через час Доббенс уже был дома. Син Миллер только-только встал с постели, а теперь пил чай и смотрел телевизор. Алекс удивлялся, как это можно начинать день с чая. Себе он приготовил кофе.

- Ну? - спросил Миллер.

- Никаких проблем, - улыбнулся Алекс. Однако улыбка тут же исчезла с его лица - ему вдруг пришла в голову мысль, что, может, то, чем он занимается в электрической компании, и есть его настоящее призвание. После всех этих, в бытность студентом, разговоров о служении народу... Ведь именно народу он и служит, работая в этой компании. Пусть это служение и не бросается в глаза.

О'кей, решил он, в будущем, когда у него будет власть, надо будет помнить о всех этих скромных служащих - сколь бы они ни были скромны, они все-таки служат народу. - Подробности обговорим в лодке.

Среда была особым днем. Джек в этот день отпросился с работы - они забирали Салли домой.

У Джека в руках был гигантский медведь в шляпе - подарок его курсантов, а Кэти катила кресло с Салли. Полицейский отворил перед ними двери больницы Хопкинса. На улице было прохладно, как всегда в марте, но их машина стояла почти возле самого подъезда. Пока Кэти прощалась с сестрами, Джек взял Салли на руки и, бережно усадив ее на сиденье, застегнул на ней предохранительный ремень. Медведя пришлось пристроить на заднем сиденье.

- Ты готова Салли?

- Да, - прошелестела она в ответ.

Сестры говорили, что она все еще плачет по ночам. Ноги ее наконец зажили, и она могла ходить - с трудом, неуклюже, но все же... Если бы не селезенка, то можно было бы сказать, что она вполне выздоровела. Врачи уверяли, что шрамов со временем почти не будет видно, а ночные кошмары и вовсе скоро прекратятся. Джек погладил ее по голове, и она улыбнулась ему. Но улыбка была не та, что раньше.

В груди у него снова закипела ненависть, и он принялся уговаривать себя, что сейчас не время для этого чувства - Салли сейчас нужен отец, а не мститель.

- Дома тебя ждет сюрприз, - сказал он.

- Какой?

- Если я скажу, это уже будет не сюрприз.

- Ну, папа! - воскликнула она - совсем как в прошлом.
- Портерпи и увидишь.
- О чем речь? - спросила Кэти, садясь в машину.
- О сюрпризе.
- О каком?
- Видишь, - сказал Джек дочери, заводя машину, - даже мама не знает.
- Джек, ты о чем?
- Мы с доктором Шенком беседовали на прошлой неделе, - только и сказал

Райан.

- Я хочу медведя, - попросила Салли.
- Он слишком большой, детка, - не уместится тут, - сказала Кэти.
- Зато ты можешь поносить его шляпу, - Джек протянул руку назад. - Он

говорит, что разрешает тебе носить его шляпу. На вот.

- Ты сказал им спасибо за медведя? - спросила Кэти.
- А как же? - улыбнулся Джек. - Кстати, все как один сдали экзамены.

Только не говори об этом никому.

У Джека была репутация строгого экзаменатора. К следующему семестру репутация эта могла измениться. "К чертям собачьим принципы!" - сказал он себе.

Его курсанты то и дело посылали Салли цветы, игрушки и открытки, а потом и вовсе повадились ходить в больницу, возясь там не только с Салли, но и еще чуть ли не с пятью десятками детишек. Гигантский медведь был венцом этой кампанию.

По словам сестер, он действительно помог Салли поправиться - она не расставалась с ним ни днем, ни ночью.

Джек ехал не спеша, очень осторожно, словно в машине был хрупкий фарфор.

За время работы в ЦРУ он пристрастился к сигаретам, ему и сейчас ужасно хотелось закурить, но он сдерживался, дав себе слово отказаться от этой привычки - во всяком случае, не курить дома, при Кэти. Он ехал так, чтобы миновать то место, где Кэти обстреляли. Стоило ему вспомнить об этом, как руки судорожно сжали руль. Надо перестать все время думать об этом, уговаривал он себя. Он стал просто одержим этой ненавистью... А толку от этого никакого нет и не может быть.

Уже повсюду чувствовалась весна. Начали набухать почки, в полях тут и там разгуливали лошади и коровы, и нос Салли, разглядывавшей их, расплющился о стекло. Жизнь опять брала свое, говорил себе Джек. Вот и последний поворот на дорогу Соколиного гнезда. Джек обратил внимание, что возле поворота все еще стояли грузовики электрокомпании и удивился. Что они тут делают?

- Скип у нас? - спросила Кэти.
- Похоже, что да, - ответил Джек, удержавшись от усмешки.

- Они катят домой, - сказал Алекс.
- Ага, - откликнулся Луис, линейный монтер. Они были на самой верхушке столба, делая вид, что пристраивают там экспериментальный трансформатор.

Знаешь, на следующий день после того дела в газете было фото этой дамы.

Какой-то мальчонка въехал в витрину магазина и изрезал себе все лицо. Это был наш мальчишка, черный. И она спасла ему глаза.

- Я помню, Луис, - сказал Алекс. Он прицелился из фотоаппарата и щелкнул им несколько раз.

- Мне, парень, не по душе вся эта еботня с детишками, - сказал Луис. Полицейский - дело другое, - решительно заключил он, не сочтя нужным объяснять, что под полицейским он имеет в виду отца этой девочки. Это и так было ясно - он все равно что полицейский. Как и у Алекса, у него еще были какие-то остатки совести, и мысль о девочке вызывала в душе неясное беспокойство.

- Ну, она же жива все-таки. Так что в каком-то смысле нам повезло, сказал Алекс. Объективно говоря, Алекс знал, что революционеру такие слова не к лицу. Всякие сантименты только мешают делу. Знал он и то, что табу на причинение какого-либо вреда детям заложено в генетическом коде человека. Со времен Маркса и Ленина, считал он, человечество здорово продвинулось в своем понимании мира и самого себя. Так что он будет избегать необходимости причинять вред детям... если это окажется возможным. Он прикинул, что такая линия послужит усилению его популярности в обществе, за свободу которого он борется.

- Это правда.

- Так что ты там увидел?

- У них служанка. Черная, конечно. Симпатичная, ездит на "чеви". Сейчас у них там еще один какой-то - здоровенный лоб.

Ходит как-то смешно.

- Ясно, - сказал Алекс. Он повторил про себя, чтобы не забыть сказанное о служанке и проигнорировал вторую часть сообщения, рассудив, что это какой-нибудь друг Райанов.

- Полицейские заглядывают сюда минимум каждые два часа. Один из них спросил меня вчера, что мы тут делаем. Они за этим домом присматривают. У них есть там вторая телефонная линия, наверное, от компании по установке сигнализации. Так что у них есть сигнализация, и полиция все время под боком.

- О'кей. Наблюдай за ними, но так, чтобы не привлекать к себе внимания.

- Понятно.

- Ну вот и дома! - сказал Райан. Выйдя из машины, он обошел ее и открыл ту дверь, где сидела Салли. Расстегнув ремень, он взял ее на руки, и как только она прильнула к нему, его обдало волной счастья.

- Добро пожаловать, - сказал Скип, распахнув двери.

- Где мой сюрприз?

- Сюрприз? - удивился захваченный врасплох Тайлер. - Первый раз слышу.

- Папа! - укоризненно уставилась Салли на Джека.

- Входите, - сказал Тайлер.

Миссис Хэкитт тоже была тут. Мать-одиночка с двумя детьми, она тяжело

работала, чтобы вырастить их и поставить на ноги. Поздоровавшись со всеми, она тут же ушла на кухню - готовить ленч.

- Как дети выздоравливают - просто чудо! - воскликнул Скип, наблюдая за тем, как Салли проковыляла на кухню, вслед за Хэкитт. - Однажды я сломал ногу на футбольном поле, так пока она у меня зажила!..

Взяв Райана за локоть, он повлек его на улицу. Сперва он заглянул в машину - посмотреть, что там за медведь такой. "Ничего себе! Действительно, медведь.

Да еще какой!" - восхитился он. Потом они подошли к дереву, к которому и был привязан "сюрприз". Джек отвязал цепочку и взял щенка на руки.

- Спасибо, что привез его сюда, - сказал он Скипу.

- Да ладно тебе!.. Знаешь, я так рад, что Салли наконец дома.

Они вошли в прихожую, и Джек, осторожно заглянув на кухню, увидел, что Салли уже расправлялась с куском булки, намазанным толстым слоем орехового масла.

- Салли, - окликнул он дочь Она обернулась как раз в тот момент, когда он опустил щенка на пол. Это был черной масти Лабрадор, только-только оторванный от материнских сосцов.

Щенок тут же сообразил, кто его настоящий хозяин. Он бочком-бочком заскакал по полу, виляя хвостом. Салли тоже уже была на полу и схватила его, прижав к груди. И щенок тут же принялся ее облизывать.

- Он же слишком маленький! - воскликнула Кэти.

- О'кей, можешь вернуть его мамаше прямо сегодня же, - предложил Джек.

Салли метнула на него гневный взгляд.

- Тогда сам и обучай его!

- Это нетрудно. У него хорошая родословная. Его отец - чемпион Чесакпика Виктор Хьюго Черный. Представляешь? Лабрадоры любят детей, - продолжал Джек. И я уже договорился насчет его обучения.

- Уже? - Кэти была прямо-таки потрясена.

- Эта порода зовется "Лабрадор поисковый", - сообщил Джек.

- Он, верно, здоровым вырастет?

- Килограммов тридцать.

- Ого! Так он будет даже больше Салли.

- Ага. И еще они любят плавать. Так что он будет присматривать за ней в бассейне.

- У нас же нет бассейна.

- Его начнут сооружать через три недели. - снова расплылся в улыбке Джек.

- Доктор Шенк сказал, что для Салли это будет очень полезно.

- Ты, я вижу, не терял времени зря, - улыбнулась Кэти.

- Я хотел было купить ньюфаундленда, но они уж чересчур громадные.

Джек умолчал, что сперва ему хотелось обзавестись собакой именно как можно более крупной, способной оторвать голову любому, кто посягнет на его дочь.

Однако здравый смысл подсказал ему, что это ни к чему.

- Ну, вот тебе и работа есть, - сказала Кэти, указывая на лужицу на полу.

- И это только начало.

Джек нагнулся было, чтобы осушить ее бумажным полотенцем, как на шее у него повисла Салли. Он едва сдержался, чтобы не заплакать. Вот бы Салли удивилась, увидев, что ее отец плачет. Все вернулось, наконец, на свои места.

"Только бы так оно и шло впредь", - подумал он.

- Снимки будут готовы завтра, - сказал Алекс, заканчивая сообщения о проделанной работе.

- А что там с сигнализацией?

Алекс снова открыл блокнот и зачитал свои записи.

- Как, черт побери, ты все это раскопал?

Доббенс хихикнул.

- Проще простого, - сказал он и открыл очередную банку пива. - Если тебе нужны данные о любой системе сигнализации, ты просто звонишь туда, где ее делают, и говоришь, что ты из страховой компании. Называешь им номер страхового полиса - вымышленный, конечно, - и они тебе дают всю необходимую информацию. У Райана система сигнализации расположена по периметру дома, а кроме того есть еще и дублирующая система - "с ключами", - что значит, что у компании, установившей ему сигнализацию, есть запасные ключи от его дома. Где-то на его участке установлена система с инфракрасными лучами. Вероятнее всего, на подъезде к дому, там, где деревья. Этот парень не дурак.

- Это неважно.

- О'кей, я просто ставлю тебя в известность. И еще одно.

- Да?

- На этот раз - чтобы ни ребенок, ни жена не пострадали...

Если это в принципе возможно.

- В наши намерения это не входит, - заверил его Миллер.

"Тухлый слизняк, - выругался он про себя. - Тоже мне, революционер!.."

- Это пожелание моих людей, - продолжал Алекс, отчасти приврав. - Ты должен понимать, что когда что-то случается с ребенком... тут на это смотрят очень плохо. Это не та репутация, которая нам нужна. Сечешь?

- Так ты идешь с нами на это дело? Доббенс кивнул.

- Без этого, похоже, не обойтись.

- Я думаю, мы можем избежать этого. Если... Ведь мы обязаны уничтожить всех, кто видел нас.

"Ты... кровожадный хуесос", - подумал Доббенс, хотя про себя и признал, что в этих словах была правда. Мертвые молчат.

- О'кей. Наша задача теперь - придумать, как хоть чуть-чуть ослабить бдительность охраны, - сказал ирландец. - Мне бы хотелось избежать необходимости прибегать к грубой силе.

- Я все время думаю об этом, - сказал Алекс и помолчал, прежде чем продолжить. - Как выигрывают сражение армии?

- Что ты имеешь в виду? - спросил Миллер.

- Я имею в виду стратегический план - настоящий стратегический план

сражения. Он срабатывает потому, что ты демонстрируешь противнику то, что он ожидает увидеть, не так ли? Надо заставить его клюнуть на фальшивку. Но фальшивка эта должна быть действительно на уровне. Мы должны сбить их с толку.

- Да, но как этого добиться? - спросил Миллер. Воцарилось молчание, и минуты через две Миллер кивнул:

- Ага, ясно.

Вскоре Алекс ушел к себе в спальню, а Миллер остался сидеть возле телевизора, еще раз просматривая все материалы. В целом, поездка оказалась очень полезной. План уже начал оформляться. Реализация его потребует массы людей, но в этом ничего удивительного не было.

Забавно, что он теперь стал куда меньше уважать Алекса. Парень он, конечно, компетентный, мозги у него работают будь здоров... Но эта дурацкая сентиментальность! Не то чтобы Миллеру доставляла удовольствие мысль об убийстве детей, но если революция этого требует, надо быть готовым заплатить эту цену. А кроме того, такие акты приковывают к себе внимание людей. Это говорит обществу, что ты и твоя организация - штука серьезная. Пока Алекс не преодолеет в себе этих сентиментов, ему нечего рассчитывать на успех. Но это не его, Миллера, дело. Первая часть операции уже была ясна ему. Вторая часть тоже понемногу вырисовывалась. Однажды она уже провалилась... "Но в этот раз я ее доведу до конца", - пообещал себе Миллер.

На следующий день Алекс вручил ему фотографии и подбросил до ближайшей станции вашингтонского метро. Оттуда Миллер сам добрался до аэропорта - ему надо было срочно вернуться домой.

Было уже около одиннадцати, когда Джек зашел в спальню Салли. Собака, которую дочь назвала Эрни, спала в углу, свернувшись чуть видимым клубочком.

Более умного шага он в жизни не совершал: Салли была без ума от собаки, и у нее почти не оставалось времени помнить о своей болезни. Она ковыляла за щенком изо всех сил. За это Джек прощал собаке и изжеванные ботинки, и все эти лужицы на полу. Еще несколько недель и Салли совсем придет в норму. Поправив одеяло, Джек тихонько вышел и направился в свою спальню. Кэти уже была в постели.

- Ну, как она?

- Спит ангельским сном, - ответил Джек и скользнул под одеяло.

- А Эрни?

- В углу. Его почти не видать. Только слышно, как хвостом по стенке колотит.

Он обнял Кэти. Прижиматься к ней, как прежде. Теперь надо было с оглядкой.

Он положил руку ей на живот - там, в глубине, угадывался ребенок. "Как он там?"

- спросил он.

- Успокоился, наконец. Такой шустрый... Не разбуди его. Джеку показалось до смешного абсурдным, что можно разбудить еще не рожденного

ребенка. Но с врачом не поспоришь.

- Его? - спросил он.
- Так утверждает Медж.
- А что она говорит о тебе?
- Со мной все в порядке. Не беспокойся.
- Хорошо, - выдохнул он и поцеловал ее.
- И это все? - спросила она.
- Думаешь, тебе не повредит?
- Мне ведь завтра не надо на работу, - напомнила она.
- Но я-то иду, - запротестовал он, но вскоре почувствовал, что это не имеет значения.

Глава 20

ПЛАНЫ

- Дотошный парень, - заметил О'Доннелл.

Миллер привез с собой сделанные Доббенсом копии аэроснимков, топографические карты, снимки дома Райана и запись результатов наблюдения, которое велось людьми Алекса.

- К сожалению, - холодно сказал Миллер, - он не умеет отделять личные чувства от дела.

- А сам ты, Син? - усмехнулся О'Доннелл.
- Это было в первый и последний раз, - заверил его Миллер.
- Чудесно. Насчет ошибок важно то, что мы учимся на них. Ну ладно, давай-ка обсудим операцию.

Син расстелил на столе две карты и в течение двадцати минут излагал О'Доннеллу свои соображения, завершив их идеей Доббенса об отвлекающем маневре.

- Очень неплохо, - сказал Кевин. - А что ты думаешь, Майкл? - повернулся он к шефу разведки.

- Охрана будет очень серьезной, конечно. Но в плане это тоже предусмотрено. Единственное, что меня тревожит, это то, что нам придется задействовать в этой операции почти всех наших.

- Без этого не обойтись, - сказал Миллер. - И трудность не столько в том, как выйти на цель, сколько в том, как потом оттуда убраться. Тут крайне важен точный расчет времени.

- А когда расчет времени стоит в центре внимания, то необходима максимальная простота операции, - заметил О'Доннелл. - Есть еще что-то, к чему может прибегнуть противник?

- Вроде бы все предусмотрено, - сказал Маккини. - Мы и так исходим из наихудшего варианта.

- Вертолеты, - сказал Миллер. - Они нас в последний раз чуть-чуть не прикончили. Надо принять это во внимание.

- Отлично, - сказал О'Доннелл. - А что со второй частью операции?

- Ясно, что нам надо знать, где будут находиться все ее объекты, - сказал Маккини. - Когда мне надо задействовать наших людей?

По приказу О'Доннелла, агентура Маккини вот уже несколько недель сидела притаившись, ничего не предпринимая.

- Пока еще рано, - сказал, секунду подумав, О'Доннелл. - Опять это вопрос расчета времени.

- Думаю, - сказал Миллер, - надо подождать, пока вся операция не будет разработана до последней детали.

- Да, в прошлый раз это хорошо сработало, - согласился О'Доннелл. Сколько людей тебе понадобится?

- Не меньше пятнадцати. Плюс трое опытных людей Алекса, включая и его самого. Можно бы и больше попросить у него, но не надо, чтобы его доля участия была слишком значительной.

- Согласен, - сказал Маккини.

- А подготовка? - спросил О'Доннелл.

- Более серьезная, чем когда-либо.

- Когда приступаем?

- За месяц до начала, - сказал Миллер. - Раньше не стоит - это пустая трата ресурсов. И мне еще надо проделать подготовительную работу, а это - будь здоров сколько.

- Вот они, планы, - сказал Мюррей. - Они могут остановиться или в вашем посольстве или в Блэрхаузе, прямо напротив президента.

- При всем уважении к вашим парням из службы безопасности... - начальник группы охраны дипломатического корпуса замолчал - продолжать не было нужды.

Забота об их безопасности лежала на нем, и он не собирался передоверять ее кому бы то ни было без крайней на то необходимости.

- Понятное дело. Они получают подробную информацию от службы безопасности.

ФБР выделит связников, ну и обычная помощь со стороны местной полиции. Само собой, что будут задействованы две спецгруппы - одна в Вашингтоне, другая в Куантико.

- Сколько народу знает об этом? - спросил Эшли.

- Полную информацию получила только служба безопасности и Бюро. Местная полиция будет поставлена в известность только в самый последний момент.

- Вы сказали, что большинство мест уже обследованы, но почему не все? спросил Оуинс.

- Вы хотите, чтобы мы проверили и те места, о посещении которых еще не объявлено?

- Нет, - покачал головой шеф группы охраны дипломатов. - Чем позже кто бы то ни было узнает о всех деталях маршрута, тем лучше. Неожиданность - лучшая форма защиты.

Оуинс посмотрел на своего коллегу, но ничего не сказал. Начальник группы охраны дипломатов был в его списке подозреваемых. Сам-то Оуинс полагал, что на это нет оснований, однако детективы обнаружили кое-что необычное в его личной жизни, каким-то образом ускользнувшее от их внимания

раньше. До тех пор пока это дело не прояснится, нельзя, чтобы он знал, что кто-то из числящихся в списке подозреваемых видел маршрут.

- Я думаю, вы, джентльмены, слишком уж перестраховываетесь. Но это ваше дело, - сказал, поднявшись со стула, Мюррей. - Ваши люди летят туда завтра?

- Да.

- Хорошо. Чак Звери из службы безопасности встретит их в аэропорту.

Скажите им, чтобы не стеснялись задавать вопросы. Полное сотрудничество вам гарантировано, - сказал он, провожая их до двери.

Пять минут спустя Оуинс вновь вошел в его кабинет, что отнюдь его не удивило.

- Да, Джимми? - сказал Мюррей.

- Есть что-нибудь новое о тех, кто обстрелял Райанов?

- За последние две недели - ничего, - сказал Мюррей. - А у вас?

- Мы нащупали возможного связника. Точнее - мы подозреваем, что нащупали возможного связника.

Мюррей ухмыльнулся.

- Да, я знаю, как это бывает. И кто же это?

- Джеффри Уоткинс.

- Этот - из иностранного отдела? Черт! Есть еще кто-нибудь в вашем списке из тех, кого я знаю?

- Тот, с которым мы только что говорили. Люди Эшли выяснили, что он изменяет своей жене.

- Мальчики или девочки?

Оуинс только хмыкнул в ответ, но так, что Мюррей все понял.

- Итак, насколько я могу понять, он не знает, что о маршруте, возможно, осведомлены и подозреваемые люди? - спросил Мюррей.

- Именно. И Уоткинс среди них.

- Прелестно! Не исключена утечка информации, но вы не можете сообщить об этом сотруднику службы безопасности, поскольку он сам числится в подозреваемых... Просто прелесть!

- Насчет него это очень маловероятно, но мы не можем исключить этого.

- Отмените поездку, Джимми. Отмените, если даже ради этого надо сломать ногу Его высочества.

- Это невозможно. Он не откажется от поездки. Я беседовал с Его высочеством позавчера и объяснил ситуацию. Он не хочет, чтобы его жизнь подчинялась такого рода обстоятельствам.

- Зачем вы все это говорите мне? - Мюррей в упор посмотрел на Оуинса.

- Мне надо кому-то сказать это, Дэн. Если я не могу рассказать об этом своим людям, то... - Оуинс развел руками.

- Вы хотите, чтобы мы отменили эту поездку? - настойчиво домогался Мюррей.

Он знал, что Оуинс не мог ответить на этот вопрос. - Давайте, Джимми, проясним этот вопрос. Вы хотите, чтобы наши люди осознали всю серьезность возможности нападения и того, что один из тех, кому вы здесь доверяете, может оказаться сволочью.

- Точно.

- Это наших людей вовсе не обрадует.

- Я тоже не в восторге, Дэн, - сказал Оуинс.

- Ну что же, придется Биллу Шоу и над этим поломать голову.

Лучше всего было бы придумать способ, как отменить поездку и таким образом отфутболить эту головоломку назад - Оуинсу и Эшли. Но для этого надо привлекать государственный департамент. А ребята из этого учреждения отвергнут эту идею. В этом Мюррей не сомневался. Немыслимо отменить приглашение будущего короля только потому, что ФБР и служба безопасности считают, что есть шанс, что они не сумеют гарантировать его безопасность. Репутация органов правопорядка сильно пострадает в результате этого, скажут они. Скажут, и не раз, поскольку не госдепартамент несет ответственность за безопасность важных персон.

- А что конкретно у вас есть об Уоткинсе? - спросил он через какое-то время. Оуинс пересказал Мюррею имеющиеся в его распоряжении улики.

- И это все?

- Мы продолжаем копать, но пока ничего более существенного не нашли. Конечно, все это может оказаться и совпадением...

- Нет, мне кажется, что ваши подозрения обоснованы, - сказал Мюррей. Он тоже не верил в совпадения. - А не думали ли вы о том, чтобы перетасовать всю колоду?

- Вы хотите сказать, изменить весь маршрут и расписание? Да, думали. Но что потом? Если Уоткинс после этого пойдет в книжный магазин, мы можем арестовать их обоих... Но сумеем ли мы доказать, что они являются теми, за кого мы их принимаем? А главное, это значит, что мы потеряем единственную ниточку, ведущую к АОО. Сейчас мы не спускаем глаз с Кули. Он все еще разъезжает. Если мы выясним, с кем он в контакте, тогда не исключено, что мы можем прихлопнуть их всех. То, что вы предлагаете, - это одна из возможностей, и не лучшая. У нас пока еще есть время. Несколько месяцев. Если к тому времени нам ничего иного не удастся, то, может, придется прибегнуть и к такой мере.

Мюррей кивнул, не столько в знак согласия, сколько в знак понимания.

Надежда на обнаружение и ликвидацию группы О'Доннелла преследовала Скотленд-Ярд. Арест Кули означал бы конец этой надежде. На такое они просто так не пойдут. Он знал, что Бюро в аналогичной ситуации поступило бы так же.

- Джек, пойдете со мной, - сказал Марти Кэнтор. - И ничего не спрашивайте.

- А что такое? - спросил Джек и был награжден укоризненным взглядом. Хорошо, хорошо.

Сунув папки в шкаф, он запер его и двинулся вслед за Кэнтором. Они спустились на лифте на первый этаж и направились в здание, примыкавшее к штаб-квартире. Там им пришлось пройти через пять контрольно-пропускных пунктов. Через десять минут они были в какой-то комнате на четвертом этаже. На ее двери ничего не значилось, кроме номера.

- Джек, это Жан-Клод, наш французский коллега. Райан протянул руку.

Жан-Клод был старше его лет на двадцать, лицо его было живым воплощением

ироничности.

- Профессор Райан, - сказа Жан-Клод, - Мне сообщили, что именно вас нам следует поблагодарить.

- За что?.. Ах, да..

Француз, взяв его под руку, подвел к телеэкрану.

- Джек, вы этого еще не видели, - сказал Кэнтор, пока на экране постепенно вырисовывалась какая-то фотография, а за ней другая-третья и так далее. Конечно же съемка, сделанная со спутника, догадался Райан.

- Когда сделана? - спросил он.

- Вчера ночью - около трех часов, по местному времени.

- Верно, - сказал Жан-Клод, не спуская глаз с экрана. "Это лагерь номер двадцать, - подумал Райан. - Тот самый, что принадлежит "Action-Directe".

Расположение строений было знакомым. Съемка, сделанная при помощи инфракрасных лучей, показывала, что в трех помещениях работала отопительная система. К югу от лагеря, за грядой дюн, стояли две машины - то ли джипы, то ли небольших размеров грузовики. Приглядевшись, он различил силуэты нескольких человек.

Похоже, что солдаты. Восемь человек, по четыре в каждой группе. Возле одного из строений свет был ярче, чем возле других. Вроде бы там стоял какой-то человек.

Наверное, охранник курил на посту, отгоняя предутреннюю дремоту. Это было нарушением правил. Райан знал, что это запрещено - когда прикуриваешь, то потом на какое-то время как бы слепнешь.

- Сейчас... - сказал Жан-Клод.

Высветилась вспышка огня - кто-то из тех восьми выстрелил. Сигарета охранника описала дугу и упала на землю - самого его видно не было. "Это убийство, - сказал сам себе Райан. - Или что это?" Восемь бледно очерченных силуэтов приблизились к лагерю. Сперва они вошли в помещение для охраны, а через минуту они его уже покинули. Опять разбившись на две группы, они направились к тому помещению, где работало отопление.

- Кто это? - спросил Джек.

- Парашютисты, - ответил Жан-Клод.

Через какое-то время они вышли и Райан отметил, что теперь людей: в этих группах было больше. Двое, кажется, что-то несли. Потом появилось нечто непонятное, излучавшее яркий свет, исказивший часть снимков. Ага, - вертолет! И еще два. Один приземлился возле джипов, и те вкатились в его чрево. Вертолет поднялся в воздух, а два других заскользили над самой поверхностью земли, стирая воздушным потоком от своих винтов следы машин. Но вот и они взмыли вверх. Вся операция заняла менее десяти минут.

- Быстро и чисто, - восхищенно сказал Марти.

- Вы ее поймали? - не мог не спросить Джек.

- Да, - ответил Жак-Клод. - И еще пятерых. Живыми взяли четверых.

Охранники, увы, погибли.

Сожаление это было не более чем данью условностям. Лицо француза выражало совсем иные чувства.

- Кто-нибудь из ваших людей пострадал? - спросил Кэнтор.

Француз даже удивился.

- Нет. Видите ли, в лагере все спали. Возле одного был пистолет, и он сделал ошибку, потянувшись к нему.

- Вы всех забрали, даже трупы охранников?

- Конечно. Они все в Чаде теперь. Живых допрашивают.

- Как вы организовали эти съемки со спутника? Прямо в нужное время...

- Счастливое совпадение! - пожал плечами Жан-Клод.

"Верно, - подумал Джек. - Просто совпадение. Мне только что продемонстрировали снимки, на которых запечатлена смерть троих или четверых человек. Террористов, - поправил он себя. - Кроме охранников, которые только помогали террористам. Съемки, произведенные именно в тот момент, не могут быть простым совпадением. Французы дают нам знать, что они и в самом деле предпринимают антитеррористические операции".

- А почему вы показали мне все это?

- Но именно благодаря вам нам и удалось все это проверить, - сказал Жан-Клод. - И примите благодарность от имени моей страны.

- Что будет с теми, кого вы захватили? - спросил Джек.

- Вы знаете, скольких они убили? И они ответят за эти преступления.

Справедливое возмездие - вот что ждет их.

- Вы хотели видеть успешный результат своих трудов Джек, - сказал Кэнтор.

- Вы получили эту возможность.

Джек задумался. Тот факт, что все тела были увезены из лагеря, подсказывал ему; каков будет конец всего этого дела! Никто не должен был узнать, что там случилось. Конечно, там остались какие-то следы от пуль, два-три кровавых пятна, но тел никаких. Так что от этой операции можно отречься. Десантники в буквальном смысле слова замели все следы. Так что там нет ничего, что может указать на французов. В этом смысле операция была совершена мастерски. Но если так много усилий приложено к тому, чтобы замести все следы, тогда нет оснований ожидать, что террористы предстанут перед судом. "Вы, месье, не пошли бы на все эти хлопоты ради того, чтобы потом все это стало достоянием широкой публики во время суда, - сказал себе Райан. - Прощай, Франсуаза Теру... А ведь это я приговорил их к смерти", - осознал он наконец.

- Она убила по меньшей мере троих, - сказал Кэнтор, словно прочитав его мысли.

- Профессор Райан, эта девица бессердечна. Никаких эмоций.

Ее лицо пусть не вводит вас в заблуждение, - сказал Жан-Клод. - Не могут же они все походить на Гитлера.

"Это верно, да не совсем, - подумал Райан. - Как бы то ни было, она была человеком, чья жизнь вот-вот должна была оборваться. Как она сама обрывала жизнь других", - подсказал сам себе Джек. И тут же отметил, что будь на ее месте Син Миллер, никаких угрызений совести у него не возникло бы.

- Прошу прощения, - сказал он. - У меня некоторый романтизм разыграл.

- Это понятно, - с готовностью откликнулся француз. - Все это достойно сожаления, профессор, но эти люди сами выбрали свой путь. Вы помогли отомстить за смерть многих невинных людей и спасли жизнь многим другим,

которые никогда об этом даже не узнают. Вы получите официальное письмо с благодарностью.

Конечно, секретное.

- Всегда рады содействовать, полковник, - сказал Кэнтор. Распрощавшись с Жан-Клодом, они вышли в коридор.

- Сомневаюсь, что захотел бы еще раз увидеть подобное, - сказал Райан.

- В том смысле, что я не хочу видеть их лица. В том смысле... Черт, я не знаю, в каком смысле! Может... в общем, совсем другое дело, когда ты не знаешь их в лицо. Это было, словно смотришь футбол по телевизору, но это был вовсе не футбол. Кто этот человек, кстати?

- Жан-Клод, он из французской службы безопасности. Всего полтора дня назад мы получили новые снимки лагеря, сделанные в дневное время. Они уже были готовы к операции, и он за шесть часов сумел все это проверить. Производит впечатление, не так ли?

- Похоже, они как раз этого и хотели. Ведь вряд ли они будут их судить, как думаете?

- Да, сомневаюсь в этом. Помните, как оно было, когда судили в последний раз людей из "Action-Directe"? Присяжным начали звонить по ночам с угрозами, и все дело провалилось. Вряд ли они вновь пойдут на такой скандал, - сказал, нахмурившись Кэнтор. - Ну, это не наше дело. Их система все-таки отличается от нашей. Все, что мы сделали, это передали информацию нашему союзнику.

- В американском суде это назвали бы соучастием в убийстве.

- Возможно, - согласился Кэнтор. - Но лично я предпочитаю определение, которое дал Жан-Клод: справедливое возмездие.

- Тогда почему вы уходите в августе? - спросил Райан.

- Может, однажды вы это узнаете, Джек, - ответил Кэнтор, даже не повернувшись к нему.

Райан вернулся в свой кабинет. Он все никак не мог отделаться от мысли, что, может, прямо сейчас, за тысячи миль отсюда, агенты французской службы безопасности допрашивают ту девушку. Если судить по кино, техника таких допросов свирепая. Как оно в реальной жизни, ему даже не хотелось знать. Он все повторял сам себе, что террористы сами в этом виноваты. Во-первых, они сознательно выбрали свой жизненный путь. Во-вторых, подрывая правовую систему Франции, они дали основание своим противникам поставить их вне закона... Но было ли это настоящим основанием? "Как бы мой отец отреагировал на это?" подумал он. И вдруг другая мысль пронзила его. Он набрал номер Кэнтора.

- Кэнтор слушает.

- Марти, зачем?

- Что "зачем", Джек?

- Зачем вы дали мне просмотреть это?

- Жан-Клод хотел встретиться с вами. И кроме того, он хотел, чтобы вы посмотрели, что им удалось сделать благодаря вам.

- Это чушь, Марти! Вы дали мне просмотреть съемки со спутника. Не так уж много людей имеют доступ к таким материалам. Вы ведь могли бы сказать ему, что у меня нет доступа.

- О'кей, у вас уже было время обдумать все это. Ну и что вы думаете?

- Мне это не нравится.

- Почему? - спросил Кэнтор.

- Это - нарушение закона.

- Не нашего. Как я уже говорил вам, все, что мы сделали, это снабдили информацией дружественную нам державу.

- Но они использовали ее для убийства людей.

- А для чего же, по вашему, развединформация, Джек? Что же им надо было делать? Нет, вы мне сперва ответьте на такой вопрос: что если бы они были гражданами другой страны, убившими французов в... скажем, в Лихтенштейне, и потом снова укrywшимися на этой своей базе?

- Это не то же самое. Это больше... больше походило бы на акт войны. Но они ведь французы и совершили преступление против своих соотечественников, на территории своей страны, а значит, они должны предстать перед французским судом.

- А если бы это случилось в другом лагере? Что если бы те десантники сделали работу для нас или англичан и захватили бы ваших друзей из АОО?

- Это другое дело! - отрезал Джек. И тут же спросил самого себя: "А почему - другое?" - Это - личное. Вы не можете ожидать от меня, чтобы я к этому относился так же.

- Не могу? - спросил Кэнтор и повесил трубку. Джек задумался: что это Кэнтор имел в виду? Мысленно он опять прошелся по всей цепи событий, пытаясь прийти к какому-то заключению, нащупать в них некий смысл. Но был ли там какой-то смысл? Какой смысл политическим инакомыслящим прибегать к языку бомб и автоматов? Какой смысл малым государствам прибегать к оружию террора, дабы изменить политику больших государств? Конечно, усмехнулся Райан, это зависит от того, на чьей ты стороне. Во всяком случае, есть люди, которые во всем этом находят некий смысл. Есть ли во всем этом что-то, чего не было в истории?

Поощряемый государством терроризм в форме пиратства был первым испытанием, выпавшим на долю американского народа. Неприателем тогда двигала примитивная алчность. Эти государства требовали от плававших под американским флагом судов выкупа за право пользоваться международными водами, но в какой-то момент с этой практикой было покончено. Покончено при помощи орудий американского флота, вошедшего в воды Средиземного моря.

"А ведь это произошло как раз там же", - подумал Джек. "К берегам Триполи"

- поется в гимне морской пехоты. Именно там лейтенант Пресли О'Бэннон (морская пехота США) атаковал форт Дерне. Интересно, подумал Джек, сохранилось ли то место? Трудно сказать. Но, что проблема сохранилась, это точно.

Насилие по-прежнему царит в мире. Изменились лишь правила реагирования на него больших государств. Два столетия тому назад, если малое государство причиняло ущерб большому, конфликт решался с помощью кораблей и войск. Теперь такая метода уже не работает. Малые страны в наше время располагают арсеналами новейшего оружия, которое сделало отправку карательных экспедиций слишком дорогим удовольствием для тех государств, которые дорожат жизнью

своих граждан.

Одного полка сегодня для урегулирования конфликта недостаточно, а отправка целой армии стала слишком сложным делом. Понимая это, малые страны или сами наносят удары или поощряют к этому других (так, чтобы от этого можно было отречься), дабы подвинуть своего неприятеля к шагам в выгодном для них направлении. Причем они даже не очень спешат. Угли таких конфликтов могут тлеть годами, ибо они не требуют от террористических государств больших ресурсов, а отношение к ценности человеческой жизни - других ли народов, своего ли - весьма разнится от такового в правовых государствах.

Таким образом, насилие не новинка в этом мире. Новое в другом. В том, что страны, практикующие насилие, чувствуют себя в полной безопасности. И пока это не изменится, убийства не прекратятся.

На международном уровне терроризм стал формой войны, которая даже не ведет к прекращению обычных дипломатических отношений между воюющими сторонами. Даже Америка до сих пор имеет посольства в ряде стран, ведущих против нее террористическую войну. Более того, в цивилизованных странах терроризм рассматривается как уголовное преступление. Ведь и Сина Миллера судил не военный трибунал, вспомнил Райан. "Они могут вести против нас свою войну, но мы не можем признать ее в качестве таковой, не поступившись при этом интересами нашего общества, - сформулировал он для себя с некоторым удивлением. - Если мы будем обращаться с террористами как с людьми, действующими из политических побуждений, мы окажем им честь, которой они не заслуживают. Если мы будем считать их солдатами и убивать их в качестве таковых, это будет означать легитимизацию терроризма и в то же время нарушение наших собственных законов".

Единственное слабое место террористов - их негативизм. Это политическое движение, у которого за душой нет ничего, кроме убеждения, что общество, в котором они живут, устроено несправедливо. И пока большинство данного общества считает иначе, именно террористы, а не кто-либо другой, отчуждены от этого общества. Равным образом и демократия, столь облегчающая активность террористов, в то же время является их злейшим врагом. Следовательно, первейшая цель террористов в разрушении демократии, в превращении справедливости в несправедливость, чтобы члены данного социума преисполнились сочувствием к террористам.

Концепция эта была обескураживающе проста и элегантна. Террористы могут вести свою войну и при этом рассчитывать на защиту со стороны правового механизма демократических стран, с которыми они воюют. Если устранить эти правовые механизмы, террористы добьются политической поддержки, но пока эти механизмы работают, террористам довольно трудно проиграть это сражение. Они могут разъезжать по всему свету, пользуясь свободами демократических стран и при этом получая от государств, им враждебных или просто недружественных, всю необходимую помощь в борьбе с демократиями.

Единственное решение проблемы - международное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Террористов надо отрезать от источников снабжения. Когда они будут вынуждены пользоваться только своими ресурсами, они превратятся всего лишь в разновидность уголовной организации... Но демократические страны ограничиваются риторикой и, вместо того чтобы объединиться и нанести

решительный удар по тем, кто стоит за террористами, предпочитают действовать в одиночку, пытаюсь противостоять терроризму лишь в пределах собственной территории. Разве что в последнее время наметились какие-то сдвиги. Ведь вот же ЦРУ поделилось информацией о террористах с Францией, и это привело к определенным результатам.

Так что намечается какой-то сдвиг в верном направлении. Но... в результате этого сдвига...

Кэнтон вошел в кабинет адмирала Грира.

- Ну? - спросил замдиректора ЦРУ.

- Еще не вполне ясно, какой урок он из всего этого извлечет.

- Совесть заела? - спросил Грир.

- Именно.

- Ну что же, пора ему понять, чего все это стоит. Через это всем приходится пройти. Он останется у нас, - сказал Грир.

- Вероятно.

Пикап попытался было припарковаться возле Института Гувера, но охранник велел ему проваливать. Водитель не знал, что делать, раздираемый противоречивыми чувствами, - злостью и растерянностью. А тут еще движение на улицах такое, что не больно-то развернешься. Наконец, он двинулся в объезд владений Гувера, покружилась малость и въехал на стоянку. Служащий, увидев пикап, состроил презрительную мину - он привык иметь дело с машинами куда более шикарными. Но водителю и его сыну было на это плевать. До дверей они дошли пешком.

Агент, дежуривший у входа, увидел, как в дверь вошли двое - одеты во что попало. У старшего под мышкой какой-то предмет, завернутый в кожаную куртку.

Агент насторожился и поманил их к себе левой рукой, поскольку правая легла на сигнальную кнопку под столом.

- Чем могу служить, джентльмены? - спросил он.

- Привет, - сказал старший. - Я тут принес кое-что для вас. С этими словами он извлек из-под куртки автомат. И тут же понял, что это вовсе не лучший способ завоевать расположение агента ФБР, - тот, подбледнев, тут же одной рукой выхватил у него автомат, а другой уже доставал из кобуры револьвер.

По сигналу тревоги явились еще двое агентов. И только тут дежурный увидел, что затвора в автомате нет, как и магазина.

- Это я нашел его! - с гордостью сообщил мальчик.

- А я подумал, что надо принести его сюда, - сказал отец.

- Что за чертовщина? - недоуменно сказал один из агентов. Из дежурной комнаты появился старший по смене.

- Ну-ка, дайте взглянуть, - сказал он.

Это оказался "узи" - израильский автомат, известный своим удобством и надежностью. Автомат был покрыт ржавчиной, из ствольной коробки капала вода.

Старший по смене открыл затвор и обследовал ствол. Из автомата

стреляли, а потом его не почистили. Но когда именно стреляли, трудно было определить сходу, тем более что в ФБР мало было дел, связанных с этим типом оружия.

- Где вы его нашли, сэр?

- В каменоломне. Это миль тридцать отсюда.

- Это я его нашел! - уточнил мальчик.

- Точно, это он нашел, - подтвердил отец. - Я решил, что именно сюда надо его принести.

- Правильно вы решили, сэр. Давайте пройдем вместе со мной.

Дежурный выдал им временные пропуска. Они поднялись на лифте на верхний этаж. Встречавшиеся им в коридоре люди невольно косили глазом на автомат. Но в ФБР не принято слишком-то удивляться чему бы то ни было. Впрочем, когда дежурный вошел в предбанник одного из кабинетов, секретарша встrepенулась.

- Билл у себя? - спросил агент.

- Да... - глаза ее все никак не могли оторваться от автомата. Агент Ричард Элден открыл дверь кабинета Шоу и, пригласив отца с сыном следовать за ним, направился к столу Шоу и положил на него автомат.

- Что это, Ричи? - Шоу переводил глаза с агента на автомат.

- Билл, вот эти двое только что пришли к нам, прямо с улицы, и принесли вот эту штуковину. Я решил, что вам это, возможно, будет интересно.

Шоу, окинув взглядом отца с сыном, предложил им располагаться на диване у стены. Затем по телефону он распорядился, чтобы к нему пришли еще двое агентов и эксперт из лаборатории баллистики. Пока длилась вся эта организационная суета, секретарша принесла отцу чашку кофе, а сыну стакан лимонада.

- Как вас звать-величать? - спросил Шоу.

- Я - Роберт Ньютон, а это мой сын Леон, - сказал отец и тут же, не дожидаясь вопроса, назвал свой адрес и номер телефона.

- И где вы нашли автомат?

- Это называется "Каменоломня Джонса". Я могу показать вам на карте.

- Я ловил рыбу. Это я его нашел, - напомнил им Леон.

- Я пошел туда за дровами, - пояснил отец.

- В это время года?

- Лучше, чем летом, когда жара, - рассудительно заметил мистер Ньютон. Самого я строитель, работаю по железу, а сейчас с работой не очень-то, вот я и поехал за дровами. У парня сегодня нет школы, так я взял его с собой. Пока я колю дрова, он себе ловит рыбу. Там пруды и ловится неплохо... Большие бывают, - сказал он, подмигнув.

- О'кей, - усмехнулся Шоу. - Леон, ты сегодня поймал что-нибудь?

- Нет... Но одна чуть-чуть не клюнула, - сообщил мальчик.

- Ну, а дальше что?

- Рассказывай, - велел мистер Ньютон сыну.

- Крючок зацепился за что-то тяжелое, знаете... Я тянул, тянул... Оно немножко подалось, но все равно я не мог... Я позвал папу.

- Я вытащил, - сказал мистер Ньютон. - А когда увидел, что это автомат, то чуть не обосрался. Крючок-то как раз ведь за курок зацепился. А что это за автомат, кстати?

- "Узи". Делают в основном в Израиле, - сказал эксперт по баллистике. - Он пролежал в воде не меньше месяца.

При этих словах Шоу переглянулся с одним из агентов.

- Боюсь, я его зацапал руками, - сказал Ньютон. - Надеюсь, я не стер отпечатки.

- Вряд ли там есть отпечатки после воды-то, - сказал Шоу. - И вы поехали с ним прямо сюда?

- Да. Мы его нашли всего... - он взглянул на свои часы, - часа полтора назад. Мы с ним ничего не делали - как он был, так и есть. Без магазина...

- Вы разбираетесь в оружии? - спросил эксперт по баллистике.

- Я провел год во Вьетнаме. В 173-м воздушно-десантном. Прилично знаю Эм-16, - улыбнулся Ньютон. - А кроме того я хожу на охоту. В основном - на птицу да зайца.

- Расскажите нам об этой каменоломне, - попросил Шоу.

- Это, думаю, с три четверти мили от основной дороги. По краю лесок. Там я и разживаюсь дровишками. Есть ли у нее хозяин, понятия не имею. Там полно машин бывает. Знаете, молодежь туда ездит по субботам... Такое вот место.

- Не доводилось вам слышать, чтобы там стреляли? Нет. Только в охотничий сезон. Там белки. Полно белок. Так что с этим автоматом? Дает он вам что-то?

- Не исключено. Из такого типа оружия был убит один полицейский и...

- Ах, да! Та леди с ребенком около Аннаполиса, да? - он помолчал немного и выдохнул:

- Вот черт!

Шоу взглянул на мальчика. Ему было лет девять, глаза смышленные - так и шарят по сторонам.

- Мистер Ньютон, - сказал Шоу, - вы нам очень услужили.

- Да? - обрадовался Леон. - А что вы будете делать с автоматом?

- Сначала, - ответил ему эксперт по баллистике, - мы его вычистим, а потом постреляем из него. Вы, - сказал он, обращаясь к Шоу, - можете забыть о прочих экспертизах. Вода в каменоломне была, видимо, с химическими примесями. Коррозия металла очень значительная. Если, сынок, - снова обернулся он к Леону, - ты поймаешь там рыбу, то не ешь ее, пока папа не разрешит тебе.

- О'кей, - пообещал Леон.

- Кстати, - сказал эксперт по баллистике, продолжавший изучать автомат, эта игрушка прибыла из Сингапура. А значит, автомат довольно новый. Израиль всего полтора года тому назад выдал им лицензию на производство "узи". Это то же предприятие, что делает Эм-16 по лицензии от "Кольта". А вот и серийный номер, - он прочитал его вслух, а один из агентов записал, чтобы тут же сообщить сотруднику ФБР в Сингапуре. - Я хочу заняться этой штуковиной прямо сейчас.

- Можно я посмотрю? - спросил Леон. - Я не буду мешать.

- Я тебе вот что скажу, - предложил ему Шоу. - Мне надо еще поговорить с твоим отцом. Как насчет того, чтобы посмотреть наш музей? Тебя кто-нибудь проводит туда. Посмотришь там, как мы ловили в старые времена разных

нехороших людей. Ты подожди за дверью, а я пошлю кого-нибудь проводить тебя туда. Идет?

- Идет!

- Нам не следует болтать об этом, верно? - спросил мистер Ньютон, когда сын его вышел из кабинета.

- Совершенно верно, сэр, - сказал Шоу. - И на то есть две причины.

Во-первых, мы не хотим, чтобы преступники знали, что мы что-то нащупали. А это может оказаться очень серьезным, сэр. Вы очень помогли нам... А во-вторых, это важно с точки зрения безопасности вашей семьи. Причастные к этому делу люди очень опасны. Вы же сами знаете, что они пытались убить беременную женщину и ребенка.

Роберт Ньютон сделался серьезным - у него было пятеро детей.

- Теперь скажите, видели ли вы когда-либо каких-то людей в каменоломне или около?

- Что вы имеете в виду?

- Любых людей.

- Ну, там бывают еще двое-трое - тоже за дровами приезжают. Я знаю, как их зовут. Но только по именам. Знаете как оно бывает?.. И, как я уже сказал, там молодежь любит бывать. Как-то раз, - рассмеялся он, - я даже помог одному.

Дорога там не ахти, и он увяз в грязи... - Ньютон вдруг замолчал, лицо его вытянулось. - Это было во вторник... У нас сломался кран, и я не работал. А дома сидеть не люблю, ну и поехал за дровами. А там как раз этот фургон застрял в грязи. Я, наверно, минут десять ждал - он заблокировал проезд и все буксовал и буксовал...

- Что за фургон?

- Темного цвета. С откатывающейся дверью, а окна затемненные, знаете?

"В самую точку!" - воскликнул про себя Шоу.

- Видели вы водителя или еще кого-нибудь там внутри? Ньютон задумался.

- Да... пижон такой, черный. И он... да, он орал, как будто... Я имею в виду: я не слышал, как он орал, но было видно... Вы знаете? У него была борода и кожаная куртка, вроде той, что я ношу на работе.

- Что-нибудь еще помните о фургоне?

- Мотор очень ревел - сдвоенный, похоже. Надо иметь денежки, чтобы купить такой фургон.

Шоу взглянул на своих людей, которые записывали каждое слово, хотел что-то сказать им, но передумал.

- В газетах говорили, что все те гады были белые, - сказал Ньютон.

- Газеты не всегда правы, - заметил Шоу.

- Вы хотите сказать, что тот ублюдок, который убил полицейского, был черным? - огорчился Ньютон. Такой уж человек он был. - И потом еще стрелял в женщину с ребенком?... Вот блядство!

- Мистер Ньютон, это секрет. Вы понимаете? Не говорите об этом никому, даже своему сыну. Кстати, он тогда был с вами?

- Не-е, он был в школе.

- О'кей, никому не говорите об этом. Это ради вас и вашей семьи. Это очень опасные люди.

- О'кей, - сказал Ньютон и, помолчав некоторое время, спросил:
- Вы хотите сказать, что у нас тут бегают с автоматами, убивают людей?.. У нас? Не в каком-нибудь там Ливане, а у нас?
- Бывает и такое.
- Эй, парень, я не для того торчал во Вьетнаме, чтобы это говно тут безобразничало.

Несколькими этажами ниже два эксперта-оружейника уже разобрали "узи".
Маленьким пылесосом они прошлись по всем частям автомата в надежде обнаружить волокна материи, которые могли бы оказаться идентичны тем, что были обнаружены в фургоне. Все детали были подвергнуты тщательному осмотру. Начальник лаборатории сам смазал все части и собрал автомат - просто чтобы показать своим подчиненным, что он еще не забыл, как это делается.

- Порядок, - наконец сказал он, достал из шкафа магазин "уэи" и загнал в него двадцать патронов. - Пока я вымою руки, вы отстреляйте их, - распорядился он.

Через минуту перед ним лежала коллекция пуль, только что выпущенных из "узи". Он извлек из ящика с уликами пулю, что прошила тело полицейского. "Такая малюсенькая штучка, - подумал он, - а вот же - раз, и нет человека".
Теперь в ход пошел микроскоп - с одной стороны эта пуля, с другой одна из только что отстрелянных. Они были... очень похожи. Надо было пропустить через микроскоп все двадцать отстрелянных пуль, так как при всей их одинаковости, они все чем-то отличаются друг от друга, поскольку дуло автомата расширяется при стрельбе. Вторая пуля еще больше походила на ту, убившую полицейского.

Третья... четвертая... Вот она!
- Совпадают, - констатировал он и жестом пригласил к микроскопу одного из техников убедиться в том, что он не ошибается.
- Да, совпадают. На сто процентов, - подтвердил тот.
- Шоу слушает.
- Это тот же самый автомат. На сто процентов. Совпадает с пулей, которой убит полицейский. Сейчас мы проверяем с той, что извлекли из "порша".
- Отлично, Пол!
- О'кей. Я буду у вас через пять минут.
Шоу положил трубку и окинул взглядом своих людей.
- Джентльмены, в "деле Райана" наконец-то есть сдвиг.

Глава 21

ПРОЦЕДУРЫ

В каменоломню агенты отправились вместе с Робертом Ньютоном в тот же вечер. С раннего утра следующего дня целая команда судебных экспертов "окупировала" каменоломню. В темных водах пруда работали два водолаза, в лесочке притаился десяток агентов. Другая группа агентов, разыскав тех, кто, подобно Ньютону, ездил в эти места за дровами, расспрашивала их о том, что они здесь видели и слышали. Не обошли вниманием и фермеров, живших

поблизости.

Взяли образцы почвы, чтобы сравнить их с теми пылинками, что были добыты из фургона при помощи насоса. Сфотографировали следы, оставленные колесами машин, чтобы потом подвергнуть их соответствующему анализу.

Эксперты по баллистике уже пришли к выводу, что патроны, отстрелянные из "узи" совпадают с той пулей, которой был убит полицейский, и с той, что была извлечена из "порша". Из Сингапура пришло подтверждение того, что автомат с таким серийным номером местного производства, и теперь выясняли, в какой партии и когда этот автомат был отправлен. Имена всех на свете торговцев оружием значились в компьютере ФБР.

ФБР достаточно было одной серьезной зацепки, чтобы, ухватившись за нее, начать разматывать весь клубок. Но исключить возможность, что кто-то увидит их за этим делом, они не могли. Алекс Доббенс каждый день, отправляясь на работу, проезжал мимо каменоломни. Он увидел, как две машины вырываются на шоссе с покрытой грязным гравием проселочной дороги, ведущей от каменоломни. И хотя на них не было никаких знаков, указывающих на их принадлежность ФБР, номера их свидетельствовали, что они из парка федеральных властей. Этого было достаточно.

Доббенс не был из числа нервных. Он был достаточно профессионален, чтобы смотреть на мир как на собрание малых проблем, каждая из которых поддается решению. И если ты способен решить изрядное число малых проблем, тогда - в свое время - придет решение и больших. Кроме того, он был большой педант. Все, что он делал, было частью чего-то большего. Его людям понимание этого далось с трудом, однако с успехом не поспоришь, а все, что он делал, оборачивалось успехом. Этим он заслужил уважение тех, кто сперва слишком уж нервно относился к тому, что именно Доббенс определял их жизненный путь.

Это необычно, подумал Доббенс, чтобы сразу две машины оказались на той дороге. И уж совсем маловероятным казалось такое совпадение, чтобы обе машины принадлежали федеральным властям. Следовательно, заключил он, власти как-то пронюхали, что он использовал каменоломню под стрельбище. Но как они это узнали? Может, охотник? Один из этих деревенских, что охотятся тут на белок и птиц? Или кто-то из тех, что заготавливают тут дрова? Или какой-нибудь мальчишка с ближайшей фермы? Насколько серьезно все это?

Стрелять они туда ездили всего четыре раза. Последний раз, когда этот ирландец приехал. "Та-ак, о чем это говорит? - спросил он себя. - Это было несколько недель тому назад". Стреляли они утром, когда на дороге сплошная стена шума от потока машин. Маловероятно, чтобы кто-либо слышал их. "О'кей".

После стрельбы Алекс следил за тем, чтобы все гильзы были собраны. Так что там никаких следов, даже окурков сигарет нет. Конечно, со следами от машины, ничего не сделаешь... Но он именно потому и выбрал это место, что по субботам-воскресеньям сюда съезжается молодняк и следов от машин там не счесть.

И тут он вспомнил, что они бросили в воду автомат. Но найти его невозможно. Глубина - метров двадцать. Он сам проверял. Да еще вода чуть ли не черная от грязи. Вряд ли там кто будет купаться. Они утопили автомат, из которого тогда стреляли, и, как это ни невероятно, похоже, что его нашли. Как именно это случилось, в данный момент значения не имело. "Ну что же,

придется теперь и от других избавиться, - сказал он себе. - Ничего, новые раздобыть - не проблема. Что, в конце концов, может раскопать полиция?" - спрашивал он себя. О том, как работает полиция, он был хорошо осведомлен. Врага надо знать, и у Алекса было полно всяких учебников по технике ведения расследования:

"Расследование убийств", "Библия охраны правопорядка" и т.п. По этим учебникам полицейские осваивали свои премудрости. Не только сам он, но и его люди ревностно штудировали эти книги.

На автомате не могло остаться отпечатков пальцев. Да и сам он, пролежав столько дней в воде, насквозь проржавел. Значит, волноваться не о чем.

С фургоном тоже все чисто. Он был краденый, потом один из людей Алекса перекрасил его. Номера на нем то и дело меняли - их было четыре набора. А теперь они зарыты под столбом телефонной сети под Аннаполисом. Сам фургон полностью обработали, уничтожили все следы. Частицы почвы, идентичные с той, что в каменоломне... Над этим стоило подумать. Но так или иначе фургон приведет полицию в тупик. В нем нет ничего, что какого-то связано с их группой.

Может, кто-то из его людей начал болтать? Может, у кого-то совесть заговорила из-за того, что чуть не погиб ребенок? Но тогда его бы уже одним прекрасным утром разбудили, приставив к носу полицейский револьвер. Так что это отпадает. Вероятно отпадает. Но все же надо будет еще раз потолковать с людьми и внушить, чтобы не вздумали хоть кому-то болтнуть о том деле.

Мог ли кто-то видеть его лицо? Алекс снова чертыхнулся, вспомнив свою дурацкую бравату - то, как он махнул рукой вертолету. Но на нем тогда была шляпа, темные очки... Да к тому же тогда он был без бороды. Всех этих вещей уже нет, включая и куртку с джинсами и сапогами. Остались только рабочие перчатки, но это не улика - в каждой скобяной лавке можно купить такие. "Ну и выбрось их, жопа, и купи другие! - сказал он себе - Чтобы были того же цвета. Да сохрани квитанцию о покупке".

Он снова и снова перебирал все детали, пока не сказал себе, что, наверное, чересчур серьезно все это воспринимает. Ведь не исключено, что те полицейские машины ездили туда в связи с каким-то другим делом, не имеющим к ним никакого отношения. И все же было бы глупо не предпринять особых мер предосторожности.

Надо будет, сказал он себе, составить список всего, что может представить собой потенциальную опасность, и устранить все улики. В каменоломню они теперь, конечно, не вернутся. У полицейских свои правила и процедуры, а у него - свои.

Он их выработал после того, как насмотрелся на крах тех радикальных группировок, с которыми поддерживал контакты в студенческие годы. Они погибали из-за самоуверенности и глупости, а также из-за недооценки возможностей своего врага. "Победа приходит лишь к тому, кто способен добиться ее", - подумал Алекс. Он даже не стал поздравлять себя с тем, что засек эти две полицейские машины. В конце концов, это был результат всего лишь трезвого расчета, а не гениальной прозорливости. Он специально ездил на работу этой дорогой, чтобы приглядывать за каменоломней. А стрельбище... Он уже присмотрел другое местечко.

- Эрик Мартенс, - вздохнул Райан. - Опять мы встретились. Все собранные ФБР данные тут же пересылались в ЦРУ, где попадали в руки рабочей группы. Этот "узи" (как только они его раскопали?) изготовлен в Сингапуре, на том же самом заводе, выпускавшем многие другие разновидности оружия для продажи его странам "третьего мира"... и другим заинтересованным сторонам. Еще во время прошлогодней работы в ЦРУ Джек узнал о существовании энног количества такого рода заводов. Сделки по продаже оружия осуществлялись через дельцов, репутация которых была, как правило, весьма сомнительна, но которые, в то же время, были людьми со связями в различных правительственных кругах.

Как раз таков был и этот мистер Мартенс. Большой спец в своем деле, человек с большими связями. Мартенс когда-то был в контакте с повстанческим движением "Унита" в Анголе, которое пользовалось поддержкой ЦРУ. Позже, когда ЦРУ наладило более регулярные контакты с повстанцами, надобность в услугах Мартенса отпала. Основная ценность его была, однако, в умении добывать то, что было нужно правительству Южной Африки. В последний раз он отличился тем, что сумел раздобыть для южно-африканцев инструментарий, необходимый для производства итальянских противотанковых ракет, которые не могли быть проданы Южной Африке по условиям эмбарго. У него ушло на это три месяца, зато благодаря его изобретательности, южно-африканцы теперь будут сами изготавливать эти ракеты.

Услуги его, без сомнения, были щедро оплачены, хотя ЦРУ и не сумело выяснить, в какой цифре выразилась эта щедрость. У Мартенса был собственный реактивный самолет. Он летал по всему свету, поставляя оружие разным странам - от африканских до южно-американских, умея завязывать деловые отношения чуть ли не с кем угодно.

Сингапурские "узи" шли через него. От этих "узи" все без ума. Даже чехи пытались скопировать "узи", но без большого коммерческого успеха. Израильяне продавали большие партии их, но всегда - или почти всегда - с соблюдением правил, на которых настояли в свое время США. Согласно документам, с которыми ознакомился Райан, энное число изготовленных в Израиле "узи" поступало и в Южную Африку, пока введенное западными странами эмбарго не затруднило такого рода поставки. "Не потому ли они в конце концов разрешили кому-то другому изготавливать "узи" по лицензии? - подумал Райан. - Пусть кто-то другой расширяет для вас рынок, а вы себе только отсчитывайте прибыли..."

Эта закупленная Мартенсом партия состояла из пяти тысяч единиц оружия... порядка двух миллионов долларов. Не так уж и много - всего лишь и хватит, чтобы вооружить полицию какого-нибудь средних масштабов города или полк парашютистов.

То есть довольно много, чтобы принести изрядный доход мистеру Мартенсу, но не так уж и много, чтобы привлечь к этой сделке слишком большое внимание. Один грузовик - ну, может, два. Ящики с оружием запихнут в угол какого-нибудь склада, формально принадлежащего правительству, а в реальности являющегося владением Мартенса...

"Об этом мне и говорил сэр Безил Чарльстон на приеме, - напомнил себе

Райан. - Что я, мол, не обращаю должного внимания на этого южно-африканского парня... Значит, британцы полагают, что он связан с террористами?.. Неужели напрямую? Нет, вряд ли. Этого американское правительство не потерпело бы.

Вероятно, не потерпело бы, - поправил он себя. Значит, скорее всего, тут действует какой-то посредник". Райан принялся разыскивать нужную папку - на это у него ушло почти полчаса. Но сведения, содержащиеся в ней, ясности в вопрос не внесли. У Мартенса было восемь точно установленных посредников и еще пятнадцать предполагаемых. Райан позвонил Кэнтору.

- Я догадываюсь, что мы никогда не говорили с Мартенсом? - сказал он.

- За последние несколько лет - нет. Он отправлял для нас кое-какое оружие в Анголу, но нам не нравилось, как он это делал.

- А что так?

- Он отчасти мошенник, - сказал Кэнтор. - Это обычно в такого рода бизнесе, но мы все же стараемся избегать контактов с мошенниками. После того как Конгресс снял возражения насчет тех операций, мы разработали другой способ поставок в Анголу.

- Я нашел тут двадцать три имени, - сказал Райан.

- Да, я знаком с этой папкой. Мы было заподозрили, что в прошлом ноябре он поставил партию оружия одной проиранской группе, но потом оказалось, что он там был ни при чем. Нам потребовалось два месяца, чтобы разобраться в этом. Если бы мы могли потолковать с ним, было бы куда легче.

- А что британцы? - спросил Джек.

- Каменная стена, - сказал Марти. - Каждый раз, когда они пытаются потолковать с ним, кто-то из важных африканеров говорит им "нет". И я их, право, не могу винить за это. Если Запад обращается с ними, как с париями, то они, конечно, вынуждены действовать, как парии. Но следует при этом помнить, что парии держатся друг за друга.

- Значит, нам неизвестно то, что должно было бы быть известно об этом парне, и мы даже не собираемся раздобыть эти сведения.

- Этого я не говорил.

- Значит, мы все-таки работаем над этим? - с надеждой поинтересовался Райан.

- Этого я тоже не говорил.

- Черт побери, Марти!

- Джек, у вас нет допуска к сведениям о наших полевых операциях. Может, вы не обратили внимание на одну деталь, так я вам скажу: в тех досье, что поступают к вам, ничего не сообщается о том, как мы получаем информацию.

Райан и сам заметил это. Ни имен информаторов, ни мест встречи агентов, ни способов передачи информации.

- О'кей, - сказал он. - Могу я с достаточной долей уверенности предположить, что какими-то, мне не известными путями мы получим больше данных об этом джентльмене?

- Вы можете вполне серьезно предполагать, что такая возможность рассматривается.

- Он может оказаться самой лучшей ниточкой, ведущей куда надо, - заметил Джек.

- Я знаю.

- Все это, Марти, способно ввергнуть прямо-таки в депрессию, - вырвалось у Райана.

- Вы мне говорите! - усмехнулся Марти. - Подождите, пока вам придется иметь дело с чем-то действительно серьезным. Вы знаете, что я имею в виду. Что, например, действительно думают в Политбюро? Насколько точны и мощны их ракеты?

Или есть ли их люди в этом вот здании?

- Не все сразу. Сперва одна проблема, потом другая...

- Да, это была бы красивая жизнь - если бы не все сразу.

- Когда я могу надеяться получить что-то о Мартенсе? - спросил Райан.

- Как только у нас что-то появится, вы узнаете об этом, - пообещал Кэнтон.

- Пока.

- Прекрасно.

Следующие два дня Джек провел над изучением списка лиц, с которыми Мартене имел дело. И наконец нащупал нечто, что могло оказаться интересным: тот тип мотора, что был на катере "Зодиак", использованный АОО, судя по некоторым данным, поступал на рынок через одного дельца с Мальты. А Мартене имел с ним кое-какие деловые отношения.

Эрни быстро усваивал науку приличного поведения. Уже через две недели он научился справлять нужду на дворе, что избавило Джека от необходимости прибегать к помощи половой тряпки при очередном возгласе Салли: "Папа, у нас одна маленькая про-бле-ма..." И тут же следовал неизбежный вопрос жены:

"Кейфуешь, Джек?" На самом же деле, даже Кэти не отрицала, что с собакой все было придумано здорово. Эрни можно было оттащить от Салли только силой. Он теперь спал в ее постели, вылезая из нее лишь для того, чтобы - каждые два-три часа - побегать по дому, обнюхивая все углы. Сперва они даже вздрагивали, когда эта пушистая, чернее ночи, масса шерсти выныривала из-за какого-нибудь угла, чтобы, сунувшись к самому вашему носу, как бы сообщить, что все, дескать, в порядке, и теперь он может вернуться в комнату Салли подремать еще пару часиков. Он все еще был щенком с немыслимо длинными лапами и с привычкой жевать всякие вещи. Когда он принимался жевать ногу любимой куклы Салли и получал изрядный от нее нагоняй, тогда - в знак признания своей вины - он принимался лизать лицо своей владычицы.

Салли наконец совсем поправилась. Ноги ее зажили, и она теперь носилась, как и прежде, подчас ломая посуду. Но Джек с Кэти были слишком рады ее выздоровлению, чтобы ругать ее за это. Они то и дело тискали девочку в объятьях. Почему? Она никак не могла этого взять в толк. Ну, она болела, а теперь выздоровела. Так и что? Джек не сразу сообразил, что она так и не догадалась, что оказалась в больнице в результате нападения. Когда она вспоминала о своей болезни, то всегда говорила: "Тогда, когда сломалась машина". Каждые две-три недели ей еще надо было бывать в больнице. Она ненавидела и боялась этих визитов, но дети свыкаются с новыми обстоятельствами куда скорее взрослых.

Одним из таких новых обстоятельств была и ее мать. Объем ее живота становился все больше - Кэти, такая хрупкая, казалось, не была предназначена для такой тяжести. Каждое утро после душа она рассматривала себя в зеркале со смесью гордости и печали.

- Будет еще хуже, - утешил ее Джек в то утро, входя в ванную.

- Спасибо, Джек, - ответила она. - Это так приятно слышать.

- Ты хоть ноги-то свои видишь?

- Нет. Зато я их чувствую. Распухли. И ступни, и лодыжки.

- Что касается меня, то ты выглядишь великолепно, - сказал он, обнимая ее сзади так, чтобы руки пришились на ее живот.

- Тебе-то что!

Ему показалось, что она чуть улыбнулась. Приглашение. Он сместил руки чуть повыше, чтобы проверить, так ли это.

- Ой! - поежилась она. - Тут слишком чувствительно.

- Извини, - чуть отпрянул он. - Уже какие-то перемены там?

- Ты только что заметил? - улыбнулась она. - Извини, что...

- А я что? Разве я жалуюсь? Ты всегда на отлично. Ну, сейчас, может чуть-чуть не совсем, да и то только в одном смысле.

- Ох уж мне этот профессор! - улыбнулась Кэти.

- Ты сегодня как-то особенно хороша. Прямо сияешь вся.

- Сияй не сияй, а надо на работу, Джек, - сказала она. Но Джек объятий не ослабил. - Надо одеваться... Не сейчас - ты, старый развратник!..

- Почему?

- Потому что через три часа у меня операция, а тебе пора в твой шпионский город.

И все же она стояла, не в силах уйти. Не так уж часто им удавалось побыть наедине.

- Сегодня мне туда не надо. У меня семинар в Академии. Я думаю, в Академии отчасти сердиты на меня, - сказал он, глядя на отражение Кэти в зеркале. Глаза ее были закрыты. - К черту Академию!.. Боже, как я люблю тебя!

- Вечером, Джек.

- Обещаешь?

- О'кей, ты меня поймал на слове. А теперь... - она взяла его за руки и сместила их ниже, прижав к животу. Ребенок там, во тьме своей темной и тесной клетки, лягался и ворочался.

- Ого, - сказал Джек. - И как ты все это выносишь?

- Нормально. Кроме ночей, когда он не дает мне заснуть или когда начинает лягаться во время больничных процедур.

- Салли тоже так безобразничала?

- Нет, она была поспокойней... Ну, ладно - пора одеваться.

- О'кей, - он поцеловал ее в шею.

За завтраком она увидела, что лицо его как-то посерьезнело.

- Тебя что-то беспокоит? - спросила она, догадываясь, что мысли его уже далеко. - Могу я чем-то помочь?

- Мне, по правде сказать, нельзя говорить об этих вещах. - Это, конечно, надо было сделать, но удовольствия от этого мало.

- Те, которые?..

- Нет, не они. Если бы это были они... - взглянул он ей в глаза. - Если бы это были они, я был бы сплошной улыбкой. Но в общем-то, у нас есть сдвиг.

ФБР... Я не должен бы говорить этого, и пусть это останется между нами... Они нашли автомат. Это может оказаться важным, хотя полной уверенности у нас еще нет. И еще... Нет, извини, я не могу говорить об этом. Хотелось бы рассказать тебе, да нельзя. Извини.

- Ты не сделал ничего такого, что тебя мучает? Лицо его изменилось при этом вопросе.

- Нет. То есть сперва мне показалось, что да... Помнишь тот случай, когда тебе пришлось удалить одной пациентке глаз? Это было необходимо, но все равно на душе у тебя было тяжело. То же самое и у меня.

- Джек, я верю в тебя. Я уверена, что все, что ты делаешь, правильно.

- Спасибо. А то порой меня одолевают сомнения. Он обнял ее, а в голове крутилась мысль, что в это время где-то в Чаде, на одной из французских военных баз другую женщину никто не обнимает. "Но кто в этом виноват? И уж одно-то точно: она совсем не то, что моя жена". Для них - тех, кто тренируется в таких лагерях, Кэти и все, вроде нее, - абстракция. А они не абстракция - они живые существа. Террористы сами исключили себя из рамок цивилизованного общества и потому за ними охотятся всеми возможными средствами. "Если можно нейтрализовать их способами, согласующимися с нормами цивилизованного мира, - отлично. Но если нет, то все равно надо их нейтрализовать, хотя и прислушиваясь к голосу совести, чтобы не перейти границ морали". Он поцеловал Кэти в шею.

- О'кей, дорогуша, уже двенадцать.

Вслед за семинаром надвинулись две решающие недели лекций накануне экзаменов, после которых курсантам предстояла практика во флоте и в корпусе морской пехоты. Кампус затих, так как курсанты ненадолго разъехались по домам перед выходом в море. Райан все последние дни был очень занят, утонув в гряде бумаг, - теперь ни Академия, ни ЦРУ не были в восторге от него. Попытку служить двум хозяевам сразу трудно было назвать во всех смыслах успешной. И та и другая работы в некотором смысле страдали от его раздвоенности, и он понимал, что ему надо остановиться на чем-то одном, но все оттягивал момент, когда надо будет принять окончательное решение.

- Привет, Джек, - вошел к нему в кабинет Робби.

- Садись, Робби. Как с полетами?

- Жалоб нет. Я снова на коне, - сказал он, усаживаясь. - Вот бы тебе слетать разок со мной... Я опять в форме. На прошлой неделе я схлестнулся с одним парнем в воздухе... Ну, знаешь, - военная игра. Да, испортил я ему тот денек. Чудесно было, - он осклабился в широкой усмешке, словно лев, оглядывающий стадо искалеченных антилоп.

- Когда уезжаешь?

- Вернуться на службу мне надо пятого августа. Так что, думаю, первого отваливаю.

- Не раньше чем вы с Сисси придете к нам на обед, - Джек пролистал календарь. - Тринадцатого, это пятница. В семь. Идет?

- Есть, сэр.

- А чем Сисси будет заниматься в Норфолке?

- Там есть небольшой симфонический оркестр. Она будет с ним играть. Ну и еще будет преподавать.

- А чего вы не заведете ребенка?

- Кэти уже говорила об этом с Сисси. Мы подумываем об этом, но... У Сисси было много разочарований в этой связи, ты знаешь...

- Хочешь, чтобы Кэти потолковала с ней об этом поподробней?

Робби на секунду задумался.

- Да, Кэти знает, как потолковать. О'кей. А как она справляется?

- Сильно переживает по поводу фигуры, - усмехнулся Джек. - Они все комплексуют, когда беременны, не понимая особой своей привлекательности в эти месяцы.

- Это точно, - согласился Робби, прикидывая, будет ли Сисси привлекательна с огромным-то животом.

- Между прочим, - сменил тему Джек, чувствуя, что задел больную струну, что там с кораблями? Вся верфь ими забита...

- Там решили поменять сваи на морской базе. Месяца два займет. Старые забарахлили. Обычная штука с этими правительственными субподрядчиками. Но ничего особенного. К началу следующего учебного года закончат. Меня-то это не колышет. К тому времени я уже буду что ни день парить на высоте двадцати пяти тысяч футов. А какие у тебя планы?

- В каком смысле?

- В смысле - останешься тут или переберешься в Лэнгли? Райан уставился в окно.

- Будь я проклят, если я знаю. У нас ребенок на подходе, и еще куча всяких проблем...

- Вы их еще не разыскали? Джек покачал головой.

- Одно время казалось, что что-то нащупали, но это не сработало. Эти парни - профессионалы, Робби.

- Дерьмо они! - вдруг взорвался Джексон. - Профессионалы не стреляют в детей. Когда они стреляют в солдата или в полицейского - О'кей, это я еще могу понять... У солдата и полицейского есть оружие, они люди обученные. Так что они по-своему равны: на одной стороне неожиданность, на другой тренированность. Но охотиться за гражданскими?! Да они просто гангстеры, Джек. Может, они и умны, но уж никак не профессионалы!

Джек несогласно покачал головой. Робби был не прав, но он не находил слов, чтобы переубедить его. Он жил в рамках воинского понятия о чести, где правило номер один гласило: не причини вреда беззащитному. Порой это случается непреднамеренно, и это очень плохо. Но уж умышленно наносить вред беззащитному - это трусость, достойная всяческого презрения. И виновные в этом заслуживают только смерти. Они вне закона.

- Они затеяли дьявольскую игру, Джек, - продолжал Робби. - Об этом даже песня есть - я ее слышал как-то в день святого Патрика. "Мой идеал - герои. Стремясь им подражать, хочу я в игры патриотов тоже поиграть". Что-то в этом роде, - Джексон с отвращением покачал головой. - Война - не игра, а профессия.

Они играют в свои маленькие игры и считают себя патриотами, убивая

детей.

Ублюдки! Джек, мы у себя в небе играем наши игры с русскими. Я не шибко-то люблю их, этих русских, но они знают свое дело. Мы знаем свое дело, они свое, и мы уважаем друг друга. Есть правила, и мы играем по правилам. Так оно и должно быть.

- Но мир не так-то прост, Робби, - спокойно сказал Джек.

- А я бы его упростил! - воскликнул Джексон, удивив Райана страстностью своего тона. - Ты скажи там этим, в ЦРУ: пусть найдут их, дадут команду, а я ударю по ним.

- Ладно... Но сначала, - улыбнулся Джек, - не забудь про обед у нас дома.

- О'кей. При парадной форме?

- Робби, ты знаешь, что у нас всегда запросто...

- Я сказал им, чтобы приходили запросто, - сказал Джек.

- Правильно, - согласилась Кэти.

- Я так и знал, что ты согласишься. Ты при этом лунном свете прямо-таки излучаешь сияние какое-то...

- Я тебе не верю...

- Не шевелись. Сиди, как сидишь, - сказал он обнимая ее.

- Я вовсе не чувствую себя привлекательной сейчас.

- Кэти, ты споришь со специалистом, - нарочно скучным голосом прогундосил Джек. - Я единственный человек в этом доме, который способен дать объективную оценку любого женского существа, живого или мертвого, и я утверждаю, что ты прекрасна.

Конец дискуссии.

Кэти была о себе иного мнения. Ее живот был обезображен, груди вспухли и воспалились, щиколотки и ступни раздулись...

- Джек, ты - дурак.

- Она никогда не слушает то, что ей говорят, - сказал он, обратив лицо к потолку.

Кэти хотела была опять съязвить, но вдруг ойкнула.

- Опять он проснулся! Брыкается...

Глава 22

ДВИЖЕНИЕ

- Мы получили их прошлой ночью, - сказал эксперт, выкладывая на стол фотографии. В волосах его уже пробивалась седина, на носу сидели очки без оправы, галстук он носил бабочкой. Похож на заурядного конторского служащего.

Марти стоял в углу и молчал как рыба. - Мы полагаем, что это один из тех трех лагерей, верно?

- Да, остальные уже идентифицированы, - кивнул Райан.

Эксперт фыркнул в ответ.

- Вы так думаете, мой друг?

- О'кей, эти два функционируют...

- А что с лагерем "Action-Directe"? - спросил Кэнтор.

- Мертв после операции французов. Я видел снимки, - восхищенно улыбнулся эксперт. - Во всяком случае - вот, смотрите.

Это была одна из редких фотографий, сделанных в дневное время. Даже цветная. На лагерном стрельбище стояли - в одну линию - шесть человек. Угол съемки не позволял рассмотреть, было ли у них у руках оружие.

- Стреляют, что ли? - спросил Райан.

- Или стреляют или нарочно выставились, чтобы мы знали, сколько их там, сострил эксперт.

- Минутку. Вы ведь сказали, что получили это вчера ночью.

- Посмотрите сами на то, под каким углом солнце, - с насмешкой сказал эксперт.

- Ага. Раннее утро.

- Что означает около полуночи у нас, - заключил эксперт, подумав про себя:

"Дилетанты. Каждый считает, что может запросто расшифровать аэрофотоснимки!" Оружия не видно, но обратите внимание на эти вот блески света тут. Не исключено, что это отсвет от использованных гильз. О'кей, у нас тут шесть человек. Вероятно, они европейцы, северяне, судя по цвету кожи. Один из них видите? - обгорел на солнце. Рука у него розовая. Все вроде бы мужчины, судя по длине волос и одежде. Теперь вопрос: кто они?

- Они не из "Action-Directe", - сказал Марти.

- Откуда вы знаете?

- Тех, кого захватили, уже нет в живых. Военный трибунал приговорил их к смертной казни - приговор приведен в исполнение две недели тому назад.

- О, Боже! - Райан отвернулся к окну. - Я не хотел бы этого знать, Марти.

- Те из них, кто попросил, причастились перед смертью. Очень порядочно со стороны наших коллег, - Марти помолчал, потом продолжал:

- Оказывается, французский закон разрешает прибегать к помощи такого трибунала при особых обстоятельствах. Так что, несмотря на все наши с вами, Джек, опасения, все было сделано в соответствии с буквой закона. Вам теперь легче?

- Отчасти, - согласился, подумав, Райан. Террористам, вероятно, это было все равно, но все же формальности были соблюдены, а именно в этом и состоит одно из достижений цивилизации.

- Хорошо. Двое из них перед смертью начали петь, как канарейки. В результате, французы сцапали еще двоих из этой шайки. Возле Парижа. До газет это еще не дошло... Плюс склад оружия и взрывчатки. Так что эта группа если и не полностью уничтожена, то во всяком случае сильно пострадала.

- Точно, - подтвердил эксперт. - А это, - кивнул он в сторону Райана, - и есть тот парень, что помог нам с этим делом?

- Все потому, что он любит разглядывать женские груди с высоты трех тысяч миль, - сказал Кэнтор.

- Как случилось, что никто раньше не обратил на это внимание? - спросил Джек, вовсе не в восторге от похвалы. Он предпочел бы, чтобы кто-то другой, а не он, продемонстрировал тогда наблюдательность.

- Потому что в моем отделе мало людей. Я только-только получил разрешение набрать еще десятерых. И я уже их нашел. Они демобилизуются из ВВС.

Профессионалы.

- О'кей. Что с другим лагерем?

- Вот, - ткнул тот пальцем в другой снимок. - Довольно похоже. Здесь видны двое...

- Одна из них - женщина, - сразу сказал Райан.

- Волосы до плеч, - сказал эксперт. - Но это вовсе не обязательно значит, что это женщина.

Джек, присмотревшись к позе и фигуре обсуждаемого субъекта, признал возможную справедливость этого уточнения.

- А если мы предположим, что это женщина, что это нам дает? - спросил он Марти.

- Это я вас должен спрашивать.

- Мы не располагаем сведениями, что в рядах АОО есть женщины. Зато во ВГИРА они есть. Тогда, это их лагерь... Помните джип, который побывал в одном лагере, а потом оказался в Другом? Он ведь как раз в этом лагере позже запарковался... Минутку! - Джек схватил снимок, где была зафиксирована та шестерка. - Это лагерь АОО.

- Откуда вы это взяли? - спросил эксперт по снимкам.

- Считайте, что это интуиция, - ответил Райан.

- Прекрасно. Следующий раз, когда я пойду на скачки, я спрошу вас, на какую лошадь мне ставить. Послушайте, все дело в том, вы не можете углядеть на этих снимках большего, чем там запечатлено. Если вы начнете слишком многое предполагать, вы не избежите ошибок. Причем серьезных. Все, что мы имеем тут, это шесть человек, которые, по-видимому, стреляют. И это все.

- Что-нибудь еще? - спросил Кэнтор.

- В десять вечера по местному времени там пройдет спутник. Как только я получу снимки, дам вам знать.

- Отлично. Спасибо, - сказал Кэнтор.

- Таких, - сказал Райан, когда эксперт вышел, - зовут ведь у вас эмпириками?

Кэнтор усмехнулся.

- Что-то вроде этого. Он этим делом занимается еще с тех времен, когда наши У-2 летали над Россией. Он настоящий специалист. Что в нем хорошо, так это то, что он никогда ничего не утверждает, не будучи действительно уверен. И он прав - всегда есть соблазн усмотреть на снимках больше, чем там есть на самом деле.

- О'кей. Но вы ведь согласны со мной?

- Да, - сказал Кэнтор и принялся изучать снимок через лупу.

Очертания фигур этой шестерки были неясными - даже ранним утром там уже было жарко, и дрожание воздуха, как в знойный день над шоссе, искажало все линии. Можно было безошибочно разглядеть лишь цвет их волос да одежду -

бежевые рубашки с короткими рукавами и брюки. У одного из них поблескивало что-то на запястье - то ли часы, то ли браслет. Лицо другого было светлее, чем у остальных, но запястья были темными. Вероятно, у него была борода...

"У Миллера теперь борода", - вспомнил Райан.

- Черт, будь снимок хоть чуточку почетче...

- Да-а, - согласился Марти. - Но даже ради такого качества нам понадобилось тридцать лет трудов и куча денег. В местах с холодным климатом снимки получаются лучше, но лиц все равно нельзя разглядеть.

- Это лагерь АОО, Марти. Нам надо раздобыть что-то, что подтверждает это.

- Где раздобыть-то? Наши французские коллеги спрашивали тех, захваченных.

Ответ один: лагерь полностью изолированы друг от друга. Если группы и встречаются, то только на нейтральной территории. Они даже не были вполне уверены, что там вообще был какой-то лагерь.

- Это кое о чем говорит!

- А машины... Это мог быть кто-нибудь из армии. Может, начальник охраны.

Не обязательно один из террористов, разъезжающий из этого лагеря в другой, принадлежащий "Временным". Ведь они строго блюдут правило об изолированности лагерей. Эти ребята понимают важность проблемы безопасности, а если они это подзабыли, то операция французов освежила им память.

Райан об этом как-то даже не подумал. Французский рейд ведь должен был оказать определенное воздействие на поведение других террористов.

- Вы хотите сказать, что мы сами себе навредили?

- Нет. Мы послали им сигнал, который стоило послать. Насколько нам известно, никто толком не знает, что же именно там произошло. У нас есть основания предполагать, что они думают, будто это было какое-то сведение внутренних счетов. Не все ведь эти группы любят друг друга. Так что мы, как минимум, укрепили у них чувство взаимной подозрительности, а также подозрительности по отношению к ним их хозяев. Это, возможно, даст нам со временем кое-какую информацию, хотя и не скоро.

- О'кей, но теперь, когда мы знаем, что это, вероятно, лагерь АОО, что мы намерены делать?

- Мы занимаемся этим. Большого я пока сказать не могу.

- Хорошо, Марти. Хотите кофе?

- Спасибо. С кофе я завязал.

Кэнтон не сказал Райану, что было принято решение о проведении серьезной операции. Таково было правило - только очень малое число даже из тех, кто должен был участвовать в операции, заранее получали о ней информацию. Через несколько дней авианосец "Саратога" с подразделением десантников на борту должен был направиться к западным берегам Средиземного моря и пройти через залив Сидра. Как водится, один из советских траулеров, занимающийся не ловлей макрели, а радиотехнической разведкой, засечет этот маневр, и информация об этом поступит к ливийцам. В полночь, когда авианосец окажется прямо напротив Триполи и находящиеся на нем самолеты приступят к ночным полетам, французский агент прервет электроснабжение ряда радарных

установок. Сам командир авианосца не будет ни о чем догадываться - для него это будут обычные ночные полеты.

Предполагалось, что французские десантники, так отличившиеся недавно, сумеют осуществить налет и на лагерь номер восемнадцать. Кэнтон не мог сказать Райану, что готовность французов помочь американцам свидетельствовала о том, как высоко они оценили помощь последних в разгроме "Action-Directe". Хотя это не было первым случаем международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, операция оказалась одной из трех увенчавшихся успехом. ЦРУ помогло отомстить за смерть друга французского президента. И, каково бы ни было отличие одной страны от другой, долг чести подлежал полной оплате. Кэнтону это казалось самым собой разумеющимся, но в ЦРУ об этом знали разве что два десятка человек. Операция должна была начаться через четыре дня. Один из офицеров Оперативного управления уже работал с французами, которые, как он сообщал, исполнены желания еще раз продемонстрировать свое мастерство. Если повезет, то группа террористов, имевшая наглость совершать убийства в США и Великобритании, понесет серьезные потери от подразделения, принадлежащего третьей стране. Если операция окажется удачной, она станет серьезным шагом в деле борьбы с терроризмом.

Дэннис Кули сидел над своей конторской книгой. Было рано, и магазин еще не работал - самое время, чтобы проверить счета. Кули что-то мурлыкал себе под нос, понятия не имея о том, как это раздражает того, кто, благодаря спрятанному за одной из его книжных полок микрофону, подслушивает все, что происходит в магазине. И вдруг он замолчал, оторвав голову от конторской книги. Что случилось?..

Кули соскочил со стула, учуяв едкий запах дыма. Повертев головой туда-сюда, он наконец догадался взглянуть вверх - дым шел от люстры. Он ринулся к стене и хлопнул ладонью по выключателю. Из стены полыхнуло голубым, и его шарахнуло током. Он дернулся, потом пошевелил пальцами, проверяя, работают ли они. Из выключателя тоже потянулась струйка дыма. Тогда Кули ринулся в заднюю комнату, где был огнетушитель. Вытащив предохранитель, он направил пенистую струю на выключатель. Затем он встал на стул и нацелился было на люстру, но люстра уже не дымилась. Кули постоял на стуле с минуту, принюхиваясь к остаткам запаха дыма и не зная, что же делать. Позвать пожарников? Но огня ведь уже не было... Все его драгоценные книги!.. Он многому учился, но не пожарному делу. Стул под ним покачивался, руки дрожали, он тяжело дышал, понемногу приходя в себя. Повернувшись к окну, он увидел, что с той стороны к нему прилипли трое любопытных прохожих.

Смутившись, он опустил огнетушитель и слез со стула. Света не было.

Выключатель не работал. Надо было вызвать электрика. Кули открыл дверь, чтобы рассказать владельцам соседних магазинов о том, что случилось. Один из них сказал, что проводка в этих домах давно уже на ладан дышит. Это было нечто такое, о чем Кули никогда даже и не задумывался. Электричество есть электричество. Вы щелкаете выключателем - и становится светло. Раздражала мысль, что нечто столь надежное оказалось ненадежным. Затем он позвонил и

вызвал электрика. Ему обещали, что тот приедет через полчаса.

Электрик появился через сорок минут. Он постоял с минуту, приняв себя, потом сказал:

- Судя по запаху, загорелась проводка. Вам повезло, сэр. Это частенько кончается пожаром.

- Большая работа?

- Придется менять всю проводку. Это надо было бы сделать еще года два назад. Это старый дом... Проводку тут делали, когда меня еще и на свете не было, - улыбнулся он.

Кули провел электрика в заднюю комнату, где был щиток с пробками, и он приступил к работе. Прежде всего он посмотрел на дату последней проверки электросети. Там значился 1919 год. Монтер покачал головой. Почти семьдесят лет! Надо было где-то расковырять стену, чтобы добраться до проводки. Он осмотрел кусок стены возле щитка и удивился, увидев в одном месте, что там штукатурка была недавнего происхождения. Ему было все равно откуда начинать.

Почему бы и не отсюда? Ударив молотком несколько раз по долоту, он, врубившись в штукатурку, дошел до провода... Но это был не тот провод, который он искал.

Этот был с изоляцией из пластика, а не из гуттаперчи, какими пользовались во времена его дедушки. Кроме того, провод вообще был не совсем там, где следовало. "Странно", - подумал он и потянул провод на себя, и тот легко поддался.

- Мистер Кули! - крикнул он. Владелец магазина показался в двери. - Вы в курсе, что это такое?

- Черт побери! - ругнулся детектив, сидевший в комнате наверху. - Вот блядство! - он обернулся к своему напарнику. - Звони Оуинсу!

- Я никогда такого не видел, - сказал монтер. Отрезав кусок провода, он протянул его Кули. Тот побледнел.

Кули тоже никогда такого не видел, но он знал, что это. Провод этот никуда не вел, но на конце его была какая-то крошечная штучка, и Кули понял, что это микрофон. Кули собрал все силы, чтобы скрыть смущение.

- Я не знаю, что это такое, - сказал он хриплым голосом. - Продолжайте.

- О'кей.

Монтер опять приступил к работе, а Кули бросился к телефону.

- Беатриса?

- Доброе утро, мистер Дэннис. Как дела?

- Скажите, не могли бы вы сегодня поработать в магазине? У меня тут одно срочное дельце...

- Конечно. Буду минут через пятнадцать.

- Спасибо, Беатриса. Вы просто прелесть.

Голова Кули лихорадочно работала. Ни в магазине, ни дома не было ничего, что можно было бы предъявить в качестве улики. Он было снова взялся за телефон, но заколебался. Согласно инструкции, он в таком случае должен был позвонить по одному номеру. Но если в магазине оказался микрофон, то его телефон... Да и домашний телефон... Кули покрылся холодным потом. Секунду-другую подумав, он велел себе успокоиться. Он ведь никогда ничего такого по телефону не говорил.

Несмотря на многолетнюю работу, Кули никогда еще не попадал в такую переделку.

Он сосредоточился, припоминая все детали инструкции. Вроде бы он ни разу ее не нарушил. Ни в чем. Ни разу. Он был уверен в этом. К тому моменту, когда он окончательно взял себя в руки, в дверях звякнул колокольчик. Это пришла Беатриса. Кули схватил с вешалки пальто.

- Вы вернетесь сегодня? - спросила она.

- Не знаю. Я вам позвоню, - сказал он на бегу. Беатриса удивленно посмотрела ему вслед.

Понадобилось десять минут, чтобы разыскать Оуинса. Тот распорядился следовать за Кули по пятам, и арестовать его, если выяснится, что он намерен покинуть страну. Двое агентов уже расположились неподалеку от машины Кули, готовые повсюду следовать за ней, еще двое были посланы к его магазину и подъехали к нему как раз в тот момент, когда Кули вышел на улицу. Один агент, выскочив из машины, устремился за ним, полагая, что Кули направляется в свое бюро путешествий и потому свернет на Беркли-стрит. Однако Кули нырнул в метро, а тут навстречу агенту высыпала толпа из только что прибывшего поезда, и пока он сквозь нее продирался. Кули и след простыл.

Выскочив на улицу, агент по радио связался со своим начальством, чтобы оно предупредило полицию аэропорта Хитроу, где заканчивалась эта линия метро, а также направило машины ко всем станциям метро этой линии. Вот для последнего-то времени как раз и не было.

Кули поступил согласно инструкции - вышел на следующей остановке. Там, взяв такси, он поехал на станцию Ватерлоо. Но прежде чем сесть в поезд, он позвонил по телефону.

- Пять-пять-два-девять, - ответил ему мужской голос.

- Ах, простите, я набирал шесть-шесть-три-ноль. Извините. На том конце провода на секунду воцарилось молчание, затем Кули услышал: "Ага... Ничего, все в порядке". Однако, судя по тону, слова Кули посеяли на том конце провода замешательство.

Повесив трубку. Кули зашагал к поезду, с трудом подавляя в себе желание оглянуться.

- Джеффри Уоткинс слушает.

- Ах, прошу прощения, - сказал мужской голос. - Мне нужен мистер Титус. Это шесть-два-девять-один?

Это значило: "Все контакты прекращены до последующего оповещения. Не исключено, что вы в опасности. Буду вас информировать по мере возможности".

- Нет. Это шесть-два-один-девять, - ответил Уоткинс. Положив трубку, он выглянул в окно. В желудке появилось ощущение, словно там оказался холодный кусок свинца. До самого ленча он все никак не мог сосредоточиться на бумагах Иностранного отдела, которые ему надлежало изучить. Только за ленчем, выпив

несколько порций виски, он отчасти пришел в себя.

В полдень Кули был уже в Дувре. Сидя в углу на верхней палубе парома, он поглядывал из-за газеты по сторонам, выискивая что-нибудь подозрительное. Он было сел на паром, направлявшийся в Кале, но в последний момент передумал. До Кале было Дороже, чем до Дюнкерка, а наличных у него было в обрез - пришлось бы давать чек и, следовательно, оставлять за собой какой-то след. Плыть в конце концов нужно было всего два часа с четвертью. Во Франции он мог добраться поездом до Парижа, а уж там можно и самолетом воспользоваться. На минуту в него вселилось чувство безопасности, но это было коварное чувство, и он тут же подавил его. Кули такого страха прежде никогда не испытывал, и теперь, когда чуть-чуть отпустило, его начала снедать копившаяся годами ненависть. Они вынудили его бежать. Они шпионили за ним! Он всегда был предельно осторожен, всегда пунктуально соблюдал все инструкции, а потому всерьез как-то не представлял себе, что однажды его могут нащупать. Он считал себя слишком искусным, чтобы попасться. То, что он оказался не прав, разъярило его, и впервые в жизни он принялся поносить себя последними словами. Теперь пропало любимое дело, пропали все его книги - и все из-за этих проклятых британцев!

Паром уже вышел в воды Ла-Манша. Кули аккуратно свернул газету, положил ее себе на колени и принялся смотреть на игру волн за бортом. Лицо его напоминало лицо человека, умиротворенно созерцающего красоты своего сада, на самом же деле в голове его вихрем проносились кровавые сцены.

В состоянии такой ярости Оуинса никто прежде не видел. Слежка за Кули была делом легким, но это вовсе не оправдание, заявил он своим людям. Этот такой безвредный с виду маленький "педрила", как называл его Эшли, ускользнул от филеров с ловкостью матерого агента, прошедшего обучение где-нибудь в самой Москве. Во всех международных аэропортах уже находились агенты с фотокарточкой Кули в руках. Если бы он воспользовался своей кредитной карточкой для покупки любого билета, компьютеры тут же передали бы эти данные в Скотленд-Ярд... Но Оуинсом владело тошнотворное предчувствие, что этот "педрила" уже за пределами страны. Отпустив своих людей, начальник Си-13 и Эшли, тоже бывший тут, обменялись взглядами, в которых были гнев и отчаяние.

Оуинс уже имел магнитофонную запись телефонного звонка Джеффри Уоткинсу, который последовал вскоре после исчезновения Кули.

Теперь он дал ее прослушать Эшли. Разговор продолжался двадцать секунд. И это не был голос Кули. Будь это его голос, они бы тут же арестовали Уоткинса.

Несмотря на все старания, у них до сих пор не было ни одной весомой улики против него.

- Там действительно есть некий мистер Титус. И голос назвал верный

номер номер этого Титуса. Строго говоря, это вполне могла бы быть и обычная ошибка.

- Но это, конечно же, была не ошибка.

- Именно так это и делается, как вы знаете. Вы передаете кодовую фразу, внешне звучащую вполне невинно. Этих парней неплохо натаскали. А что в магазине? - спросил Эшли.

- Эта Беатриса абсолютно ничего не знает. Наши люди сейчас обыскивают магазин, но там нет ничего, кроме этих проклятых книг. То же самое и в его квартире. Монтер... - с горечью выговорил Оуинс. - Месяцы работы полетели к чертям собачьим только из-за того, что он наткнулся не на тот провод.

- Он проявится. Вряд ли он успел захватить с собой достаточно денег. Ему придется воспользоваться кредитной карточкой.

- Он уже за пределами страны. И не спорьте об этом!

- Да, - кивнул Эшли. - Не всегда выигрываешь, Джеймс.

- Приятно слышать! - огрызнулся Оуинс. - Эти ублюдки все время опережают нас на один ход. Верховный комиссар спросит меня, почему получается, что вечно мы оказываемся с носом, и мне нечего будет сказать ему в ответ.

- Так каков же наш следующий шаг?

- Как минимум, у нас есть его снимки. Надо будет обо всем поставить в известность американцев. Сегодня вечером у меня встреча с Мюрреем. Он намекнул, что у них что-то готовится, но не захотел говорить об этом по телефону.

Несомненно, какая-то операция ЦРУ.

- Идет. Вы встречаетесь с ним тут или у него?

- У него. Тут... все мне тут противно, глаза бы мои не смотрели...

- Ну-ну... Успехов у вас не меньше, чем неудач, - сказал Эшли. - За многие годы у нас не было на этом посту такого толкового человека, как вы.

Оуинс что-то проворчал себе под нос. Он знал, что это правда. При нем удалось нанести ряд чувствительных ударов по "Временным". Но в таком деле, как и во многих других, начальство вечно задает всегда один и тот же вопрос: "А чего вы достигли сегодня?" Вчерашние успехи не идут в счет, они уходят в область преданий.

- Человек, который, как мы подозреваем, был связником Уоткинса, скрылся, сообщил он тремя часами позже.

- Что случилось? - спросил Мюррей. Пока Оуинс рассказывал, он сидел, закрыв глаза и печально покачивая головой.

- У нас такое тоже недавно стряслось, - сказал он, когда Оуинс замолчал. Один тип из ЦРУ продался Москве. Мы следили за его домом... Так наладили слежку, что это стало простым делом, совершенно необременительным, и потом раз! Он провел филеров, а неделю спустя вынырнул в Москве. Такое, Джимми, случается порой.

- Не со мной! - чуть ли не взревел Оуинс. - До этого случая со мной такого не было.

- Как он выглядит?

Оуинс выложил на стол пачку фотографий. Мюррей перебрал их одну за другой.

- Этаким маленький мерзкий мышонок... Почти лысый, - заметил он и, подняв телефонную трубку, набрал четыре цифры:

- Фред? Это Дэн. Не зайдете ли ко мне на минутку?

Минуту спустя в кабинет его вошел Фред. Мюррей не сказал Оуинсу, что он из ЦРУ, да Оуинс и не спрашивал, он и без того все понял. Мюррей протянул Фреду по два экземпляра каждой фотографии Кули.

- Кто это такой? - спросил Фред.

Вкратце объяснив, что и как, Оуинс заключил словами:

- Он, вероятно, уже за границей.

- Если он окажется в поле зрения наших людей, мы дадим вам знать, пообещал Фред и вышел из кабинета.

- Вы в курсе: что они там замышляют? - спросил Оуинс.

- Нет. Я знаю только, что что-то готовится. ФБР и ЦРУ создали объединенную оперативную группу, но они действуют втайне, и мне ни к чему знать их дела.

- Ваши парни участвовали в рейде на лагерь "Action-Directe"?

- Понятия не имею, о чем вы говорите, - удивился Мюррей и внутренне преисполнился особого уважения к Оуинсу. "Как, черт побери, вы разнюхали это, Джимми?"

- Догадываюсь, что "да", - сказал Оуинс, чертыхнувшись про себя: "Ох уж эта секретность!" - Дэн, мы озабочены вопросом личной безопасности некоторых...

Мюррей всплеснул руками.

- Я знаю, знаю. И вы правы. Мы должны ввести ваших людей в это дело. Я сам позвоню директору. - Тут зазвонил телефон.

Мюррей поднял трубку. - Это вас, - сказал он.

- Да? - какое-то время начальник Си-13 слушал молча, потом, сказав:

"Спасибо", - положил трубку. "Дэн, - вздохнул он, - этот Кули уже на материке.

Три часа назад он купил по кредитной карточке билет на поезд Дюнкерк - Париж.

- Французы сцапали его?

- Слишком поздно. Поезд пришел двадцать минут назад. А кроме того, на каком основании мы его арестуем?

- И Уоткинс, как вы говорите, уже предупрежден.

- Если только это и вправду не был звонок по ошибке. Я в этом сильно сомневаюсь, но для суда это не доказательство.

- Это точно.

Судьи не признают за кем-либо право на чутье. Только за собой.

- И не говорите мне, что невозможно все время одерживать победы! Именно за это мне и платят - сказал Оуинс, уставясь на пол. Потом, секунду спустя, он добавил:

- Простите меня, Дэн.

- Да ладно вам! - отмахнулся Мюррей. - Вам ведь и раньше случалось переживать тяжкие времена. Мне тоже. Это часть нашей работы. В такие моменты человек более всего нуждается в кружке пива. Пойдемте вниз - я ставлю.

- Когда вы позвоните своему директору?

- Сейчас там время ленча. У него во время ленча всегда какие-нибудь деловые встречи. Позвоню часа через два.

В этот день Райан завтракал вместе с Кэнтором в кафетерии ЦРУ. Кафетерий этот ничем не отличался от подобного рода заведений в любом правительственном учреждении. Еда тоже была так себе. Джек взял лазанью, а Марти - фруктовый салат и пирожное. Прежде чем приступить к еде, Марти проглотил какую-то таблетку, запив ее молоком.

- Язва, Марти?

- Как вы догадались?

- У меня жена - врач. И кроме того, вы только что проглотили "тагамет".

Так что...

- Тут поработаешь, неизбежно получишь язву, - сказал Кэнтор. - Мой желудок забарахлил в прошлом году. У нас в семье рано или поздно все обзаводятся язвой.

Плохая наследственность, наверное. Лекарства помогают, но не очень. Врачи говорят, что надо сменить обстановку. Поменьше стрессов, мол... - улыбнулся он.

- Вы и в самом деле работаете допоздна, - заметил Райан.

- Так или иначе, моей жене предложили работу в Техасском университете. Она математик. И чтобы она согласилась, мне тоже предложили место на кафедре политологии. И жалование, кстати, повыше, чем здесь. Я ведь тут уже двенадцать лет, - сказал он тихо. - Немало.

- Так что же тут плохого? Преподавать - отличное дело. Я это очень люблю.

И у вас это прекрасно будет получаться. Да и время, чтобы смотреть футбол, появится.

- Гм, ну да... Жена уже уехала, а я вслед за ней - через несколько недель.

Я буду скучать по этой работе.

- Пройдет со временем. Вообразите, как приятно появляться на работе и при этом не получать на то специальное разрешение от компьютера. Кстати, я ведь ушел со своей работы в Академии.

- И каковы ваши планы на будущее?

- Спросите меня об этом после того, как у нас родится ребенок, - уклонился от ответа Райан.

- Управлению нужны такие люди, как вы, Джек. У вас есть необходимое в таком деле чутье. Вы думаете и действуете, как надо. Не как бюрократ. И говорите то, что думаете. Не все тут способны на это, и потому адмирал вас любит.

- Черт побери, я ведь не виделся с ним с...

- Он знает, чем вы занимаетесь, - улыбнулся Кэнтор.

- Ага, вот оно что?

- Именно. Старик в самом деле хочет заполучить вас, Джек. Вы ведь до сих пор не понимаете, насколько важной оказалась для нас та ваша догадка - с

фотографией.

- Все, что я сделал, это показал ее вам, Марти, - запротестовал Райан.

Это именно вы пришли к верному выводу.

- Да, но вы сделали как раз то, что нужно, что и положено делать аналитику. У вас талант к такого рода делам. Если вы этого не понимаете, то я-то понимаю. - Кэнтор глянул на лазанью и соорудил кислую мину:

- Как можно поглощать эту жирную отраву?.. Года через два вы могли бы занять мой пост.

- Не все сразу, Марти.

Больше они к этой теме не возвращались. Но час спустя, когда Райан сидел в своем кабинете, к нему опять пришел Кэнтор.

- Что-нибудь новенькое? - спросил Джек.

- Вот снимок одного типа. Подозревается в членстве в АОО. Снимок сделан всего неделю "назад. Мы его получили из Лондона пару часов назад.

- Деннис Кули, - прочитал Райан и, посмотрев на фотографию, рассмеялся.

С виду - прямо какой-то слизняк. Что за история?

Кэнтор рассказал, заключив:

- Британцам не повезло, но, может, это обернется удачей для нас.

Гляньте на снимок и скажите мне что-то этакое весомое.

- Вы имеете в виду?.. Ага, он же почти лысый! Если он появится в одном из лагерей, мы сумеем опознать его. Там ведь других лысых нет.

- Вы правы. И босс только что дал вам допуск к кое-чему. Готовится операция. И цель ее - лагерь номер восемнадцать.

- Какого рода операция?

- Того же, что и французы недавно провернули. Вас все еще это тревожит?

- Уже нет. Точнее - не очень. - И подумал: "Скорее меня тревожит то, что меня это уже более не тревожит. Может, это плохо..."

- Во всяком случае, не по поводу этих ублюдков, - сказал он. - А когда?

- Этого я сказать вам не могу. Но - скоро.

- Так зачем же тогда вы вообще мне сказали об этом? Не слишком тонко это, Марти... Адмирал хочет, чтобы я все еще занимался этим лагерем?

- Само собой.

Через час к нему пришел эксперт по дешифровке аэрофотоснимков. Еще один спутник пролетел над изучаемым лагерем в 22.08 по местному времени. На снимке были зафиксированы восемь человек на стрельбище. Это были ночные учения. Итак, их там теперь восемь человек.

- Что стряслось? - спросил О'Доннелл. Он встретил Кули в аэропорту.

Связник сообщил ему, что Кули бежал, но причина этого еще не была известна.

- В моем магазине была подслушка.

- Точно?

Кули достал из кармана кусок провода. О'Доннелл, съехав на обочину, остановил машину. Так и сяк повертев в руках провод, он сказал: "Ясно. Очень чувствительная штука. Сколько времени, думаете, это было у вас?"

Кули не мог припомнить, чтобы кто-то заходил в заднюю комнату его магазина.

- Понятия не имею, - признался он. О'Доннел дал газ. Проехав с милю, он свернул в сторону пустыни. Что-то пошло в их деле наперекосяк. Но где?..

- Замечали ли вы за собой когда-нибудь слежку?

- Никогда.

- Вы уверены?

Кули заколебался, и О'Доннелл расценил это как ответ на свой вопрос.

- Как ваш бизнес? Никаких незаконных сделок?

- Нет, Кевин, Ни в коем случае. Не верю, чтобы они засекли Уоткинса. Я ведь уже несколько недель не пересекался с ним.

- С последней вашей поездки в Корк, - сказал О'Доннелл, щурясь, - солнце так и било в глаза.

- Именно. Ваш человек ведь подстраховывал меня там... Заметил ли он слежку?

- Если там и был филер, он был дьявольски хитер... И близко к вам он не мог бы подойти.

О'Доннелл не мог исключить и другой возможности - того, что Кули стал предателем. "Но будь это так, он бы сюда не явился, не так ли? - рассуждал глава АОО. - Он знает меня, знает, где я живу, знает Маккини, знает Сина Миллера, знает насчет рыболовной флотилии в Дандолке. Нет, - решил О'Доннелл, стань он стукачом, он бы сюда не явился. - На лбу Кули выступили капли пота. И О'Доннелл подумал: Для таких рискованных ситуаций, кишка у него тонковата".

- Так как нам теперь быть с тобой, Дэннис? Сердце Кули забилося с усиленной частотой, однако голос его был исполнен решимости:

- Я хочу участвовать в следующей операции.

- Что? - удивился О'Доннелл, поворачиваясь к нему.

- Эти ебанные британцы!.. Они, Кевин, охотятся за мной!

- Но это требует мастерства. И - дело рискованное...

- Я говорю серьезно, - настаивал Кули. "Лишний человек нам не помешает..."

- подумал О'Доннелл. Он уже принял решение:

- Тогда приступайте к тренировкам прямо сегодня же.

- А что я должен делать? О'Доннелл объяснил.

- Похоже, доктор Райан, ваше предположение подтверждается, - сказал на следующий день сослуживец Райана. - Гляньте-ка на этот снимок.

Возле одного из строений стоял маленький человечек - лысина его ярко сияла на солнце. Это был лагерь номер 18.

- Отлично, - заметил Кэнтон. - Наши британские друзья хоть на этом выиграли. Спасибо, - поблагодарил он эксперта.

- Когда операция? - спросил Райан, после того как за экспертом закрылась дверь.

- Послезавтра, рано утром. По нашему времени, это в восемь вечера.

- Смогу я наблюдать за ее ходом?
- Может быть.
- Это тайна, которую трудно держать в секрете, - сказал Джек.
- Так оно почти со всеми настоящими тайнами, - согласился Марти. -

Но...

- Да, я знаю, - сказал Джек, заперев ящик с папками и надевая пиджак. Скажите адмиралу, что я его должник.

По дороге домой Райан все пытался представить, как будут развиваться события. Он поймал себя на том, что предвкушает этот момент, как... наступления Рождества? Нет, это сравнение не годилось. Он раздумывал о том, что чувствовал его отец в канун ареста преступника, за которым долго охотился. Он его об этом никогда не спрашивал. Уже на подъезде к дому Райан приказал себе выбросить все это из головы, как это и положено было по инструкциям - забыть обо всем, что он видел и слышал в Лэнгли.

Возле котлована для бассейна стояла какая-то машина. Он пригляделся - у нее был дипломатический номер. Райан вошел в дом - там трое неизвестных разговаривали с его женой. Правда, один из них показался Джеку знакомым, но имени его он вспомнить не мог.

- Здравствуйте, доктор Райан. Я - Джеффри Беннет из британского посольства. Мы с вами встречались в...

- Да, да. Я помню. Чем мы можем быть полезны?

- Через несколько недель Их королевские высочества посетят с визитом Америку. Насколько я понимаю, вы в свое время предложили им свое гостеприимство, и они хотят знать, остается ли в силе ваше приглашение.

- Вы шутите?

- Они не шутят, Джек, - сказала Кэти. - И я уже сказала "Да".

- Конечно. Пожалуйста, передайте им, что мы сочтем за честь... Они останутся тут на ночь?

- Вероятнее всего, что нет. Они надеются посетить вас вечером.

- Чудесно. Когда?

- В пятницу, тридцатого июля.

- Договорились.

- Чудесно. Надеюсь, вы не будете возражать, если наши люди из службы безопасности - вместе с вашими, из секретной службы - побывают тут на следующей неделе?

- Мне надо быть для этого дома?

- Я ведь буду дома, Джек. Ты забыл, что я теперь в отпуске?

- О, да. Конечно, - сказал Беннет - Когда вы ждете ребенка?

- В первую неделю августа... Да, это может испортить наши планы - с опозданием сообразила Кэти.

- Если случится что-то непредвиденное, можете быть уверены, что Их высочества поймут это. И еще одно. Это - частный визит, он не предназначен для общественного внимания. Мы просим вас держать это в полной тайне.

- Конечно. Я понимаю, - сказал Райан.

- Если они будут обедать у нас, есть ли нечто такое, что не следует подавать к столу? - спросила Кэти.

- Что вы имеет в виду? - спросил Беннет.

- Ну, знаете, у некоторых людей, например, аллергия к рыбе.
- А, понятно. Нет, вроде ничего такого нет.
- О'кей, значит - обычный обед семьи Райанов. - Но... э-э-э...
- В чем дело? - спросил Беннет.
- Но у нас приглашены гости на этот день.
- Да, - кивнула Кэти. - Робби и Сисси.
- Это нельзя отменить?
- Нет, это прощальный вечер. Робби - летчик-истребитель. Мы с ним вместе преподавали в Академии. А сейчас он возвращается во флот. Он морской летчик.

Как они на это смотрят?

- Доктор Райан, Его высочества...
- Его высочество - отличный парень, И Робби - тоже. Он мой друг. Я не могу сказать ему, что, мол, не приходи. И уверяю вас, что Его высочеству он понравится. Он ведь тоже летал на истребителях, не так ли?
- Да, но...
- Вы помните тот вечер в больнице? Без Робби я бы, возможно, не перенес всего этого. Послушайте, он - лейтенант ВМС США, он летает на истребителе, который стоит сорок миллионов долларов. С точки зрения службы безопасности, он вне подозрений. Его жена - пианистка, - частил Райан, видя, что его доводы не убеждают Беннета. - Мистер Беннет, проверьте Робби по своим каналам и спросите Его высочество, не возражает ли он.

- А если он будет возражать?

- Он не будет. Я же встречался с ним. Возможно, что он куда лучше, чем вы думаете.

"Не будет он возражать, дурак ты этакий... Это охрана будет возражать, а не он".

- Хорошо, - неожиданно сдался Беннет. - Я не могу требовать от вас отказа от дружбы. Я передам вашу просьбу Его высочеству. Но я все же настаиваю, чтобы вы ничего не говорили мистеру Джексону.

- Даю слово, - сказал Джек, едва не расхохотавшись: он вообразил, какая физия будет у Робби в тот вечер. Вот тогда-то он с ним и посчитается за проигрыш в кендо.

- Схватки усиливаются, - сказал Джек - В ожидании дня родов Кэти училась правильно дышать. Это было делом серьезным, как бы смешно это ни выглядело со стороны. Кэти делала вдохи-выдохи, а Джек проверял число их по часам. - Схватки кончились. Глубокий, очищающий выдох. Я думаю, мы подадим стейки, печеный картофель, кукурузу и салат.

- Это слишком уж просто, - запротестовала Кэти.

- Тут везде, где они появятся, их будут пичкать этой французской ерундой.

Кто-то ведь должен накормить их обычной американской едой. Я сделаю отличный стейк, а твой салат из шпината... Ты же славись своими салатами!

- О'кей, - рассмеялась Кэти. - Но учти, что через несколько минут у плиты меня начнет тошнить.

- Да, видно, трудная это штука - беременность.

- Тебе бы самому попробовать, знал бы.

- Это трудная штука, конечно, - продолжал Джек, - но это единственная трудная вещь в жизни женщины.

- Что?! - вытаращила глаза Кэти.

- Ты историю знаешь? Кто должен был охотиться на бизонов? Мужчина. Кто тащил бизона домой? Мужчина. Кто отгонял от пещеры медведя? Мужчина. На нашу долю выпадает все самое трудное. И еще я каждый вечер должен выносить мусор.

Разве я жалуюсь на это?

Она опять рассмеялась.

- Я бы врезала тебе бейсбольной клюшкой по голове, но жалко клюшку.

- А кроме того, - продолжал Райан, - я ведь присутствовал при первых родах, и мне это не показалось таким уж трудным.

- Если бы я могла двигаться, я бы убила тебя за эти слова, Джек!

- Ладно, сдаюсь, - сказал он, придвигаясь к ней. - Я хочу, чтобы ты представила себе картину.

- Картину чего?

- Каково будет лицо у Робби, когда он явится к нам на обед.

- Спорим, Сисси справится с этим сюрпризом куда лучше, чем Робби.

- На сколько?

- На двадцадку.

- Идет.

Он взглянул на часы.

- Итак, начинаются схватки. Глубокий вдох. Джек и не заметил, как какое-то время спустя начал дышать в унисон с Кэти. Они зашлись хохотом.

Глава 23

СВЯЗИ

В день рейда на восемнадцатый лагерь снимков со спутника получить не удалось. В тот момент, когда он пролетал над ним, там бушевала гроза. Райан нервничал в ожидании новостей. Тщательный анализ имевшихся у него фотографий показал, что в лагере было, не считая охраны, от двенадцати до шестнадцати человек. Если их там было действительно человек шестнадцать, то это составляло более половины общей численности АОО - при условии, опять же, что эти сведения были верными. Шестнадцать... Если французы отправили туда всего восемь десантников... Но потом ему вспомнились времена пребывания в морской пехоте.

Они нападут в три часа утра. На их стороне будет преимущество внезапности. А те будут спать. Отборные командос, плюс элемент внезапности - это, как торнадо, все сокрушающий на своем пути.

"Сейчас они в вертолетах, - думал Райан, и ему вспоминалось, как он чувствовал себя в этих ненадежных хлипких сооружениях. - Сидишь там, все упаковано, смазано-вычищено, оружие наготове, и все равно ты беззащитен, как дитя во чреве матери. Интересно, - подумал он, - что за парни эти парашютисты?

Вряд ли они чем-то особенно отличаются от морских пехотинцев. Тоже, конечно, добровольцы. Они идут туда частично из-за добавочного жалованья,

частично из-за возможности гордиться принадлежностью к отборным силам, но более всего из-за понимания особой важности того, что им предстоит делать в составе этого подразделения. Профессиональный солдат презирует террористов и мечтает о том, чтобы встретиться с ними в открытом бою. Мечта о рыцарском поединке никогда не покидает подлинного профессионала. Именно там торжествует доблесть, мастерство и мужество. В сущности настоящий профессиональный солдат - всегда романтик, человек, искренне верящий в игру по правилам. Некоторые нервничают, ерзают на сиденьях, но стыдятся этого. Другие демонстративно осматривают оружие. Третьи острят. Лица склонившихся над картой офицера и сержанта спокойны - им надо подавать пример. Но все они нервничают, и все тайно ненавидят этот вертолет, эту ловушку... - На какой-то момент Джек почувствовал себя вместе с ними. Удачи вам, ребята", - прошептал он обращаясь к стене.

Время ползло медленно. Райану казалось, что стрелки на часах вообще разучились двигаться. Ему было не до работы сегодня - мысли то и дело убегали не в ту сторону. Рука его время от времени непроизвольно тянулась к снимкам лагеря, глаза все пересчитывали фигурки людей, и он прикидывал, как лучше всего подкрасться к лагерю. "Интересно, - думал он, - а что если они получили приказ захватить террористов живьем? С точки зрения законности, это вряд ли имело какое-либо значение. Поскольку терроризм - современное проявление пиратства, АОО могла стать добычей вооруженных сил любой страны. С другой стороны, захватив их, можно было устроить открытый суд. Психологическое воздействие такого суда на аналогичные группы могло бы оказаться существенным. Если это и не внушит им страх перед Богом, то, как минимум, заставит бояться суда людей, ибо они поймут, что даже самые надежные их убежища не так уж и надежны. Кое-кто из них, возможно, отойдет от терроризма, а кое-кто, глядишь, расколется".

Теперь-то Райан понимал, что это не такая уж сложная работа - накрыть их. Все, что для этого нужно, - это узнать, где расположен лагерь. В кабинет вошел Марти.

- Ну, что - пойдём посмотрим? Хотите?
- Ещё бы, черт побери!
- Вы обедали?
- Нет. Может, попозже.

Коридоры были почти безлюдны в этот час. В основном ЦРУ работало, как и все другие учреждения. В пять вечера большинство служащих отправлялись по домам - к своим семьям и телевизорам.

- О'кей, Джек, - сказал Кэнтон, и Райан обратил внимание на то, что у него усталый вид. - Только помните, что говорить об этом с кем бы то ни было нельзя.

- Марти, если операция удастся, я скажу жене, что АОО больше не существует. Она имеет право знать это.

- Я понимаю вас. Но при условии, что она не узнает, как это случилось.
- Об этом она даже не спросит, - заверил его Джек.
- Добрый вечер, - приветствовал их Жан-Клод, когда они вошли в комнату, где стоял телевизионный монитор.
- Как идет операция?

- Сейчас они соблюдают радиомолчание. - пояснил полковник французской службы безопасности.

- Чего я не понимаю, так это того, как они могут дважды проверить одну и ту же операцию, - сказал Райан.

- Риск в этом есть, конечно. Но в дело пошла кое-какая дезинформация, загадочно произнес Жан-Клод. - А кроме того, все их внимание сосредоточено сейчас на вашем авианосце.

- На "Саратог" сейчас полная боевая тревога, - пояснил Марти. - В воздухе две эскадрильи истребителей и три - штурмовиков, плюс радиопомехи, плюс выведенные из строя радары. Они как раз сейчас патрулируют так называемую "Линию смерти". Согласно данным радиоразведки, ливийцы слегка ошалели от всего этого.

- Спутник появится из-за горизонта через двадцать четыре минуты, - доложил старший техник. - Гроза прошла, погода приличная. Так что снимки должны получиться вполне четкими.

Райана тянуло закурить. С сигаретой легче дается ожидание, но Кэти, узнав о том, что он опять курил, каждый раз закатывала дикий скандал. Как раз сейчас десантники, наверное, ползут по песку, одолевая последнюю тысячу метров. Райану и самому когда-то приходилось ползать по-пластунски. Он знал, что это такое.

После все руки и колени в крови, а раны саднит от набившегося в них песка. Это и вообще-то трудно, а тем более когда надо незаметно подобраться к вооруженным часовым. Надо рассчитывать каждое движение и продвигаться вперед лишь тогда, когда часовой отвернется. У десантников с собой, наверное, лишь минимум снаряжения: личное оружие, несколько гранат, пара радиопередатчиков... Они крадутся по пустыне, словно тигры, готовые к прыжку, - настороженные, все замечающие. Собравшиеся перед телевизором сидели, уставившись на его экран; там было пусто. Но в воображении каждого из них разыгрывались самые драматические картины.

- О'кей, - сказал техник. - Через девяносто секунд... Экран высветился, и на нем появилось изображение лагеря. Райан чуть не закричал от негодования: изображение было инфракрасным. Он совсем забыл об этом и настроился на иное. В лагере не было видно никакого движения. Техник нахмурился и увеличил поле обзора. Ничего, кроме лагеря... Даже вертолетов там не было.

Угол съемок постепенно менялся. Как-то не верилось, что разведывательный спутник несется над этой территорией со СКОРОСТЬЮ, превышающей восемнадцать тысяч миль в час. Наконец стали видны все лагерные постройки. Райан замигал от волнения.

Только одно из них светилось. "Черт! Только одно... Только в одном отопление! - лихорадочно соображал он. - Там, где охрана. Что это значит? Они смылись... И десантников тоже нет".

- Что-то стряслось, - вырвалось у него. Те же слова вертелись на языке у всех присутствующих.

- Когда они смогут сообщить нам, в чем дело? - спросил Кэнтор.

- Только через несколько часов. Они не могут нарушить радиомолчание.

Следующие два часа они провели в кабинете Марти. Туда им принесли ужин, который явно разочаровал Жан-Клода, хотя он ничего и не сказал по этому

поводу.

Кэнтор вообще не притронулся к еде. Зазвонил телефон. Жан-Клод поднял трубку.

Минут пять он с кем-то говорил по-французски.

- В сотне километров от лагеря наша группа наткнулась на армейское подразделение, - сказал он, положив трубку. - Похоже, что механизированная часть на маневрах. Это не было предусмотрено. Наши шли на низкой высоте и вдруг наткнулись на них. Те открыли огонь по вертолетам. Эффект неожиданности был утрачен, и им пришлось вернуться, - сказал Жан-Клод. Объяснять присутствующим, что такого рода операции разве что в половине случаев бывают успешными, не было нужды.

- Вот этого я и боялся, - сказал Джек, уставясь в пол. Ему было ясно, что третьей попытки не будет. Достаточно рискованным было уже пытаться провести того же рода операцию дважды. - Никто из ваших людей не пострадал?

- Нет. Один вертолет подбит, но все же он дотянул до базы.

- Поблагодарите ваших людей за службу, полковник, - сказал Кэнтор.

Извинившись, он поспешным шагом направился в примыкавший к его кабинету туалет.

Снова разыгралась его язва. Сперва его вырвало, а потом он и вовсе потерял сознание - упал, ударившись головой о дверь.

Услышав звук удара, Джек пошел посмотреть, в чем там дело. Дверь не сразу подалась, пришлось приналечь плечом. Увидев на полу Марти, Джек сперва хотел было крикнуть Жан-Клоду, чтобы тот позвал врача, но он понятия не имел, есть ли тут медслужба. С помощью Джека Марти кое-как поднялся на ноги и доковылял до своего кресла.

- Что случилось? - удивился Жан-Клод.

- Вырвало кровью... Как это у них зовется, - сказал Райан и набрал номер адмирала.

- Марти плохо. Нужен врач.

- Я вызову. Буду у вас через несколько минут, - ответил адмирал.

Джек принес из уборной стакан воды и туалетную бумагу. Обтерев Марти рот, он поднес к его губам стакан.

- Прополощите рот.

- Я уже пришел в себя, спасибо, - запротестовал тот.

- Я вижу, как вы пришли! - разозлился Джек. - Все оттого, что вы работали сверхурочно, норовя закончить дела в лучшем виде перед тем, как уволиться...

- Я должен был...

- Единственное, что вы должны, Марти, это выбраться отсюда, прежде чем эта штука дожует вас до конца.

Марти снова потянуло на рвоту.

"Марти не шутил, - подумал Джек. - Здесь тоже идет война, здесь тоже не обходится без потерь. Ты, Марти, переживал за эту операцию не меньше, чем я".

- Что за черт! - появился Грир. На лице его даже были признаки некоторой растерянности.

- У него открылась язва, - объяснил Джек. - Рвота с кровью.

- О Господи, Марти! - воскликнул адмирал.

Наконец пришел фельдшер. Наскоро осмотрев Марти, он с помощью одного из охранников усадил его в кресло на колесах и укатил в медчасть.

- Как часто умирают от язвы желудка? - спросил Джек жену. Дело было уже к полуночи, когда он наконец добрался до дому.

- А сколько ему лет? - спросила она. Джек сказал. Кэти подумала секунду. Может, конечно, случиться, но вряд ли. Кто-то на службе?

- Мой начальник в Лэнгли. Он давно уже сидит на "тагамете", а сегодня его вырвало кровью.

- Может, он пытался обойтись без лекарств. Это бывает. Ты прописываешь человеку лекарство, а он, как только ему становится получше, перестает его принимать. Даже и с умными людьми такое бывает, - заметила Кэти. - Скажи, там такое напряжение?

- Для него, думаю, да.

- Прелестно. - Обычно после такого рода ремарки Кэти поворачивалась к нему спиной, но сейчас это было ей слишком трудно. - Он, вероятно, выздоровеет, сказала она. - Чтобы в наши дни так серьезно страдать от язвы, надо очень и очень стараться. Ты уверен, что хочешь работать там?

- Нет. Они-то меня хотят заполучить туда, но я не намерен ничего решать до тех пор, пока ты малость не похудеешь.

- Ты лучше будь где-нибудь поблизости, когда я лягу в больницу.

- В нужный момент я там буду, около тебя.

- Чуть не накрыли их, - сказал Мюррей.

- Та же команда, что ударила по "Action-Directe", не так ли? Да, я слышал, что они это здорово провернули. А что случилось в этот раз? - спросил Оуинс.

- Их засекли в милях семидесяти от цели. Пришлось им возвращаться. Но, судя по снимкам, похоже, что к тому моменту наши друзья уже убрались из лагеря.

- Чудесно. Я вижу, удача прямо-таки преследует нас по пятам. И куда же они, по-вашему, ушли?

- Приходится лишь гадать, - проворчал в ответ Мюррей.

- Увы, это так, - Оуинс подошел к окну. До восхода солнца было уже недалеко. - Кстати, мы, завершив проверку, выложили начальнику группы охраны дипломатов все бумаги в его досье.

- Ну и как он к этому отнесся?

- Он тут же подал в отставку, но мы с комиссаром уговорили его отказаться от этой затеи. У нас у всех свои причуды, - добродушно заключил Оуинс. А в своем деле он дока. Вам приятно будет узнать, что он предложил точно то же, что и вы. Он сказал, что надо сделать так, чтобы Его высочество, упав с лошади, сломал ногу. Только не надо, пожалуйста, цитировать меня!

- Да, трусов охранять куда как легче. А вот храбрые, те осложняют нашу жизнь. Знаете что? Он будет хорошим королем. Если он, - добавил Мюррей,

проживет долго. Невозможно не восхищаться этим парнем. А его жена - настоящий динамит. Что же касается мер безопасности в Штатах, то они будут на уровне. Мы будем охранять их, как нашего президента.

"И он думает, что это способно меня утешить? - удивился про себя Оуинс. Разве он не помнит об убийстве Джона Кеннеди или о том, что жизнь нескольких их президентов висела на волоске из-за всяких сумасшедших". Не исключено, конечно, что АОО вернулась в свое логово, но инстинкт подсказывала ему иное. Он с уважением относился к работе американской службы безопасности. И все же охрана жизни Их высочеств - дело Скотленд-Ярда, и ему было не по душе. что теперь это дело в значительной мере возложено на американцев. Когда во время последнего визита американского президента в Великобританию американская служба безопасности сделала все возможное, чтобы оттеснить местные силы, он как профессионал почувствовал себя оскорбленным. Теперь он отчасти стал понимать их.

- Сколько в месяц? - спросил Доббенс.
- Четыреста пятьдесят. Меблированный, - ответил агент по продаже недвижимости.

Мебель была дешевая, но это не имело значения.

- Когда мой кузен может перебраться сюда?

- Разве это не для вас?

- Нет, это для моего кузена, - объяснил Алекс. - Он тут новичок.

Квартплату я беру на себя, конечно. Залог за три месяца вперед, вы говорите?

- Да.

- Наличными пойдет? - спросил Доббенс.

- Конечно. Сейчас поедem в офис и оформим все бумаги.

- Вообще-то я опаздываю. Разве у вас нет при себе контракта?

- Ладно, давайте прямо тут все оформим, - кивнул агент и направился к своей машине. Через минуту он вернулся с планшетом и контрактом на аренду дома.

Агент не знал, что обрек себя на смерть. Никто из его офиса, кроме него самого, не видел этого клиента.

- Письма мне приходят на почтовый ящик, я их забираю по дороге на работу, - сказал Алекс, чтобы избежать вопроса об адресе.

- Что за работа у вас, вы говорите?

- Я работаю в лаборатории прикладной физики. Инженером-электриком. Боюсь, что подробней не могу ничего сказать. Мы, видите ли, работаем также и для правительства.

Алекс испытывал некое смутное чувство жалости к этому человеку. Он был вполне услужлив и не крутил мозги, как это часто бывает с агентами по недвижимости. Жалко, конечно. Но такова уж жизнь.

- Вы всегда платите наличными?

- А как иначе уверовать самому, что у тебя водятся кое-какие деньжишки?
рассмеялся Алекс.

- Подпишите здесь, пожалуйста.

Алекс достал свою ручку и расписался левой рукой.

- Вот, - сказал он, достав из кармана портмоне, - тысяча триста пятьдесят.

- Держите ключи от дома и квитанцию.

- Спасибо, сэр, - пожал ему Алекс руку. - Он, вероятно, въедет на следующей неделе или, самое позднее, - через неделю.

Прощавшись, они разошлись - каждый к своей машине. Алекс записал номер машины агента, чтобы его люди не перепутали и не убили кого-то другого. Он был рад, что это хотя бы не женщина. Он знал, что рано или поздно ему надо будет перешагнуть через этот предрассудок, но... хорошо, что не сейчас. Несколько кварталов он следовал за машиной агента, потом развернулся и направился к дому, который только что снял.

Этот дом вполне подходил для дела. Три спальни, просторная кухня и не менее просторная гостиная. Самое главное, что тут был гараж и около края земли, огороженной от прочего мира живой изгородью. Как это частенько бывает в пригородных рабочих районах, дома тут отстояли друг от друга метров на пятнадцать, что давало дополнительный плюс. Дом собирались использовать как убежище.

Покончив с этим делом, Алекс отправился в вашингтонский аэропорт и взял билет до Майами. Там, прождав три часа, пересел на самолет до Мехико, где в одном из отелей, его ждал Миллер.

- Привет, Син.

- Привет, Алекс. Выпьешь?

- А что у тебя есть?

- Я прихватил с собой бутылку приличного виски. Или ты предпочитаешь что-нибудь местное? Может, пиво?

Алекс открыл банку пива и приложился к ней, не озабочаясь поисками стакана.

Вроде полегчало. Все время вести игру - от этого устаешь. А тут можно было расслабиться.

- С убежищем все в норме. Я организовал его сегодня утром.

А где твои люди?

- Они уже в пути. Прибудут, как запланировано. Алекс кивнул одобрительно и открыл еще одну банку.

- Ну, что же, давай потолкуем насчет операции.

- Алекс, ты истинный ее вдохновитель, - сказал Миллер. Но Алекс даже не улыбнулся в ответ - он не любил, когда его гладили по головке. Миллер открыл портфель и, достав оттуда карты и схемы, разложил их на кофейном столике и принялся объяснять Алексу что и как.

- Неплохо, - выслушав его, одобрил Алекс. - Но кое-что надо бы изменить.

- Что именно? - спросил Миллер, чувствуя, как его захлестывает волна неприязни от этого тона.

- Смотри, парень, вот тут, - ткнул Алекс пальцем в карту, - будет по меньшей мере пятнадцать человек из службы безопасности. И ты намерен справиться с ними раз-два? Это тебе не уличные полицейские. Они люди

обученные и хорошо вооруженные. И при этом не такие уж дураки. Если ты хочешь, чтобы все это сработало, надо чтобы первый удар был мощней.

- Но они же будут не в том месте, - как можно бесстрашней возразил Миллер.

- А ты хочешь, чтобы они через какое-то время включились в дело? Нет, так не годится! Надо думать о том, как их вырубить из игры в первые же десять секунд. Эй, смотри на них, как на солдат! Это тебе не гоп-стоп. Мы тут имеем дело с боевой ситуацией.

- Но если меры безопасности будут такими жесткими, как ты говоришь...

- Я могу с этим справиться. Я могу расставить твоих стрелков в нужных местах.

- И как ты, черт побери, намерен устроить это? - взорвался Миллер. Этот Алекс раздражал его до невозможности.

- Легче легкого, парень, - улыбнулся Доббенс, наслаждаясь возможностью продемонстрировать этому позеру высший класс. - Все, что вам надо будет сделать, это...

- И ты в самом деле думаешь, что мы можем так вот запросто пройти мимо них? - спросил Миллер, выслушав Алекса.

- Запросто. Не забывай, что я сам выписываю себе рабочие разнарядки.

Миллер с трудом подавил раздражение, сказав себе, что ради пользы дела надо объективно отнестись к идее Алекса. А она, как ни неприятно ему было признать это, имела смысл. Этот чернокожий дилетант учил его, профессионала, и тот факт, что идея его была толковой, вызывал еще большее чувство неприязни.

- Эй, парень, это ведь не только лучше, но и легче осуществить, - сказал Алеке, стараясь звучать подобродушней. Белым при всей их заносчивости надо тоже порой отдавать должное. Этот парень привык все делать по-своему. Толковый парень, сообразительный, признался самому себе Доббенс, но ему не хватает гибкости. Если уж уцепится за какую-нибудь идею, в сторону его не свернешь.

Хорошего инженера из него бы не вышло. - Помнишь последнее дело, что мы провернули для вас? Поверь мне. Я ведь оказался прав тогда, не так ли?

При всех своих прочих достоинствах, Алекс, что касается умения обращаться с людьми, особым искусством не отличался. При этих словах Миллер опять едва не взорвался. Ему стоило огромного усилия воли сохранить хотя бы видимость спокойствия. "Теперь я понимаю, - подумал он, - почему янки так сильно любят этих нигеров".

- Дай мне обдумать это, - сказал он, уткнувшись в карту.

- Конечно. Вот что - я малость посплю, а ты можешь сидеть тут над картой сколько влезет.

- Кто еще там будет, кроме охраны и... этих? Алекс потянулся.

- Может, они собираются потчевать их обедом. Черт их знает... Думаю, там будет прислуга. Я хочу сказать: ведь не собирают же такую компанию и чтобы при этом не было прислуги? Ее тоже надо какого обойти. Она наша сестра, и при этом - привлекательная женщина. И помни, что я сказал насчет дамы и ребенка. Если без этого никак, я переживу, но если твои люди, Син, шлепнут их просто так, ты мне ответишь за это. Давайте вести себя в этом

вопросе как профессионалы. У нас три фигуры политического значения, и этого достаточно. Прочие... Мы можем использовать их, чтобы продемонстрировать наше человеколюбие. Для тебя, парень, это, может, и неважно, а для меня - очень. Усек?

- Хорошо, Алекс, - согласился Миллер, уже твердо решив, что этот нигер до конца операции не доживет. Это будет несложно устроить. С этой своей абсурдной сентиментальностью из него революционера не выйдет. "Ты падешь смертью храбрых."

И мы, по крайней мере, сделаем из тебя мученика".

Их было трое, во главе с Чаком Эвири из службы безопасности.

- Прошу прощения - мы запоздали, - сказал Чак, протягивая Райану руку. Это Берт Лонгли и Майк Китон, наши британские коллеги.

- Приветствую вас, мистер Лонгли, - сказала, появившись в дверях, Кэти.

Лонгли, увидев ее, вытаращил глаза.

- Боже мой, уж не понадобится ли нам врач? Я и понятия не имел, что у вас дело зашло так далеко.

- Этот будет наполовину англичанином, - сказал Джек.

- Мистер Лонгли побеспокоился о том, чтобы у меня была охрана, когда ты был в больнице, - объяснила Кэти мужу. - Рада снова встретиться с вами.

- Как вы себя чувствуете? - спросил Лонгли.

- Немного устала, но вообще-то все в порядке, - ответила Кэти.

- Насчет Робби вы выяснили? - спросил Джек.

- Да, выяснили. Пожалуйста, извините мистера Беннета. Боюсь, он отнесся к данным ему инструкциям слишком буквально. У нас нет никаких возражений против вашего друга. Более того. Его высочество с удовольствием повидается с ним.

Итак, можем мы осмотреть ваши владения?

- Если не возражаете, я хотел бы глянуть на этот ваш утес, - сказал Эвири.

- Тогда за мной, джентльмены, - сказал Джек и провел гостей на террасу, выходящую на Чесапикский залив.

- Великолепно! - заметил Лонгли.

- Одно мы плохо рассчитали - то, что гостиная не отделена от столовой.

Зато из всех этих окон открывается прекрасный вид, не так ли?

- Действительно. И для наших ребят видимость тоже отличная, - заметил, озираясь вокруг, Китон.

"Не говоря уже о хорошем секторе обстрела", - подул Райан.

- Сколько ваших людей будет тут? - спросил Джек.

- Об этом, боюсь, нам не положено говорить, - Лонгли.

- Больше двадцати? - на сдавался Джек. - Мне же надо организовать кофе и бутерброды для ваших людей. Не беспокойтесь. Я даже Робби ничего не сказал.

- Если сделаете для двадцати, это будет более чем достаточно, - сказал Эвири. - Да и вообще, хватит одного кофе.

- О'кей, давайте посмотрим, что там с утесом, - Джек спустился с террасы на газон. Но будьте тут осторожны. Эрозия. Утес из какой-то мягкой породы, песчаник, я полагаю. Чтобы как-то укрепить почву, я посадил тут чертову кудзу.

Китон переступил через низенький заборчик.

- Дальше не ходите, - посоветовал Джек. - Года два назад я видел, как тут обвалился кусок величиной с грузовик. Поэтому я и посадил тут вьюн. Думаете, тут может кто-нибудь вскарабкаться по утесу?

- Не исключено, - сказал Лонгли.

- Но это не так-то просто. Сколько-нибудь серьезного веса он не выдержит.

Разве что белка может тут взобраться, но не человек.

- Какая тут высота? - спросил Эвири.

- Там метров тринадцать, а тут почти пятнадцать. А из-за кудзы тут и вовсе трудно продрасться. Эту чертову лозу ничем не изничтожить, но если вы ухватитесь за нее, вас ждет большой сюрприз. Как я уже сказал, если хотите проверить, то попробуйте подняться сюда снизу, - предложил Райан.

- Непременно попробуем, - сказал Эвири.

- Подъездная дорога к дому что-то порядка трехсот метров? - спросил Китон.

- Около четырехсот, считая с поворотами.

- А что это за рабочие у бассейна? - поинтересовался Китон.

- Они должны закончить работу в следующую среду. Эвири с Китоном зашли с северной стороны дома. Там, метрах в двадцати, была небольшая рощица. Вдоль границы участка тянулся длинный ряд кустов.

- Выглядит вполне надежно, - сказал Эвири. - Около двухсот метров открытого пространства от дороги до деревьев, и потом еще открытое пространство от бассейна до дома.

- Верно, - усмехнулся Райан. - Вы можете поставить пулеметы возле деревьев, а минометы - около бассейна.

- Доктор Райан, мы к этому относимся вполне серьезно, - осадил его Лонгли.

- Я ничуть в этом не сомневаюсь. Но ведь о том, что они приедут сюда, публично не сообщали, не так ли? Они не могут... - сказал Джек и запнулся, увидев выражение лиц англичан.

- Мы, - сказал Эвири, - всегда исходим из предположения, что другая сторона знает о наших намерениях.

- Вот оно что.

"И это все? Или есть и что-то другое?" Спрашивать - он это знал - не имело смысла.

- Как бывший морской пехотинец скажу, что я бы отказался от мысли что-то устраивать тут. Я малость знаком с тем, какую подготовку проходят ваши парни, и связываться с ними не стал бы.

- Стараемся, - сказал Эвири, все еще изучая местность. Он прикинул, что на подъездной дороге можно поставить машину связи, и она блокирует дорогу. Он вновь перебрал в уме наличный состав: десять человек из его службы, шесть британцев офицер связи из ФБР, а на шоссе - два-три полицейских из

транспортного контроля. Каждый будет вооружен револьвером и автоматом. В стрельбе они практикуются по меньшей мере раз в неделю.

"Нет, - думал Эвири, - вряд ли следует ожидать нападения какой-то террористической группы. Так или иначе во всех аэропортах был усилен состав филеров, все местные полицейские формирования предупреждены. Тут всего-навсего одна дорога. Подходы к дому трудные. Здесь и взводу солдат не справиться. А уж внимание они наверняка к себе привлекут. Да и террористы не та публика, чтобы идти на настоящий бой. Это им не Лондон, тут те, за кем они охотятся, не разъезжают беспечно в сопровождении всего лишь одного охранника.

- Спасибо, доктор Райан. Мы еще глянем на утес со стороны моря. Если увидите катер береговой охраны, это мы.

Агент по продаже недвижимости вышел из своей конторы около десяти вечера.

В его портфеле был конверт с чеками и несколько контрактов, которые он намеревался просмотреть следующим утром, до работы. Положив портфель на соседнее сиденье, он завел машину. Сзади вспыхнули фары, и какая-то машина пристроилась рядом с ним.

- Можно вас на минутку? - раздался из темноты голос. Агент повернулся, но ничего, кроме темного силуэта, направлявшегося к нему, не разглядел.

- Мы уже закрылись сегодня. Приходите завтра... - он замолчал, увидев нацеленный на него пистолет.

- Деньги, парень. Не дергайся, и все будет в порядке, - сказал террорист.

Незачем было пугать этого бедолагу. Еще выкинет что-нибудь и, глядишь, сумеет удрать.

- Но у меня нет...

- Портфель и бумажник. Спокойно и тихо, и тогда через полчаса ты будешь дома.

Сначала он полез за бумажником - руки его дрожали, и кнопка на заднем брючном кармане никак не хотела поддаваться. Потом он протянул портфель.

- Там только чеки. Наличных нет.

- Вы все так говорите. Ложись на сиденье и считай до ста. Не поднимай головы, пока не кончишь, и все будет просто прекрасно. Считай вслух, чтобы я слышал тебя.

Ага, сердце у него, значит, с этой стороны", - соображал террорист. Он просунул руку с пистолетом в окно машины. Агент посчитал до семи. Звук выстрела был почти не слышен - во-первых, помог глушитель, а во-вторых, он ведь прозвучал внутри машины. Тело дернулось несколько раз и затихло. Террорист открыл дверь и поднял стекло. Затем он выключил мотор, и погасил фары. Сев в свою машину, он выехал на дорогу и минут десять ехал, старательно соблюдая все правила движения. Затем, подрулив к какому-то магазину, он опорожнил портфель и бумажник и швырнул их в ящик для мусора. Выехав на шоссе, он устремился в обратном направлении - надо было поставить машину на место. Владелец ее был в отпуске - пусть так и пребывает в неведении относительно того, что его машиной кто-то воспользовался. Собственная его машина была в двух кварталах оттуда.

"Алекс оказался, как всегда, прав, - думал он. - Если ты все спланировал, все рассчитал и - самое главное - умеешь не оставлять следов, то можешь убить кого угодно. И еще одно: надо уметь держать язык за зубами".

- Привет, Эрни, - шепотом сказал Джек. Собаку было едва видно - просто темный комочек на светлом ковре. Было четыре часа утра. Эрни, спавший в комнате Салли, услышал шум в гостиной и вышел посмотреть, что там происходит. Собаки спят не как люди. Эрни завилял хвостом, ожидая когда его погладят, а дождавшись, удалился в комнату Салли.

"Итак, они, что же, снова тут появятся?" - спросил он, обращаясь к ночи.

За окном мерцало звездное небо. В заливе виднелись огни кораблей и барж - одни тянулись к балтиморскому порту, другие от него.

Уже две недели как сведения о приезде в США высоких гостей из Англии стали достоянием общественности, а ведь АОО уже продемонстрировала способность действовать и на территории США. "И мы приглашаем тех, за кем они охотятся в наш дом! Очень, Джек, умно с твоей стороны!" Оглядываясь назад, он теперь поражался. Они с Кэти согласились на посещение этих гостей сразу, без оглядки... И даже когда люди из службы безопасности были здесь, он продолжал дурачки острить. "Ну и жопа же ты!" - обругал он себя.

Вспомнив былые времена, он постарался посмотреть на свой дом с военной точки зрения. Успешно атаковать его было трудно. С востока к нему не подобраться - утес там опаснее минного поля. С севера и юга лесные заросли были слишком густыми, чтобы через них можно было пробраться, не произведя шума. А приобрести необходимые навыки они там, в своей пустыне, конечно же, не могли.

Значит, им остается только запад - оттуда они и придут. "Сколько, Эвири сказал, у них людей? Хотя нет, он именно этого не сказал, но, кажется, человек двадцать". Двадцать хорошо вооруженных и обученных людей. Пришли на память дни, когда он был в Куантико. Двадцатидвухлетний, непобедимый и бессмертный, поглощавший невообразимое количество пива во всех местных барах. А как-то вечером на командном пункте - там еще был портрет Паттона на стене - он разговорился с двумя инструкторами из академии ФБР, которая была рядом с базой морской пехоты. Они были ничуть не менее горды, чем морские пехотинцы. Им даже в голову не приходило говорить: "Мы самые лучшие". Они просто верили в то, что все это и так знают. Точь в точь, как пехотинцы". На другой день он пришел к ним на полигон пострелять на пари. Удовольствие это обошлось ему в десять долларов. Тот, с кем он спорил, оказался инструктором по стрельбе. "Еще неизвестно, смог бы Бреккенридж побить его!" - подумал Джек. - Парни из службы безопасности, которых пришлют сюда, вряд ли будут хуже. Я бы с ними связываться никому не рекомендовал. Нет! А если эти типы из АОО действительно так толковы, как это кажется... Но о посещении нашего дома никому неизвестно... Так что они тоже не узнают. А если и узнают, то тут такая охрана... Они слишком умны, чтобы идти против такой охраны... Тогда, никакой опасности, выходит?"

Однако слово "безопасность" давно и навсегда утратило для него свой смысл.

Джек направился к комнате Салли. Она спала, Эрни - тоже, свернувшись клубком у нее в ногах. Едва Джек вошел, собака подняла голову, как бы спрашивая: "В чем дело?" Он поправил одеяло и, погладив Эрни, вышел.

Джек задумался о положении тех общественных деятелей, которые всегда живут в таком вот страхе. Вспомнилось, как он с похвалой отозвался о принце за то, что тот не позволяет, чтобы такого рода угрозы оказывали влияние на стиль его жизни. "Молодец, старина! Пусть знают! В тебя целятся, а ты себе стой, не вздрагивай!" Легко другого похваливать, печально усмехнулся Райан, а когда самого-то коснулось, иначе запел. Ходишь, напуская на себя храбрость, блюдешь инструкции и присматриваешься к каждой машине - не сидит ли там некое существо с автоматом, намеренное использовать твою смерть для какой-то там политической декларации. Днем, когда ты занят работой, еще можно как-то отвлечься от таких мыслей, но не ночами, когда тебя посещают всякие страхи и кошмары не дают уснуть...

И главное - ты всегда во власти двойственных чувств. С одной стороны, нельзя заикливаться на этих страхах, а с другой - нельзя забывать о них.

Нельзя позволить, чтобы твоя жизнь шла под знаком страха, но и чувство безопасности тебе не дано. Вот если бы он был фаталистом... Но Райан был из тех, кто полагал, что он хозяин своей судьбы. Иного он ни за что не принял бы.

"Ведь мы чуть-чуть их не накрыли!" - едва не вырвалось у него.

Чуть-чуть. Не говоря уже о той помощи французам. Он мог наносить ответные удары, и они, он знал, были бы куда существеннее, согласись он полностью посвятить себя работе в Лэнгли. Конечно, это не то, чем ему хотелось бы заниматься, но... Итак, решено. Те, с автоматами, будут делать свое дело, а он, за своим столом, будет делать свое. Придется расстаться с Академией, расстаться с этими славными ребятами-курсантами, но такова цена, если он хочет сыграть свою роль в этой игре.

"Лето первокурсников" началось согласно расписанию. Джек с вялым сочувствием наблюдал за тем, как вчерашних школьников приобщали к трудностям военной жизни. Процесс был сознательно ориентирован на отсеб слабых в самом начале. И занимались этим старшекурсники, которые и сами не так уж давно прошли через эту процедуру. Новички были полностью в руках старшекурсников, и те гоняли их почему зря.

- Привет, Джек! - подошел к нему Робби.

- Да, Роб, в Бостонском колледже такого не водилось.

- Это еще что! - фыркнул Робби. - Посмотрел бы ты, как нас в свое время гоняли.

- Могу поспорить, что так говорят все, кто уже прошел через это.

- Может быть.

Группа салажат протопала мимо них, как стадо бизонов, - рты у всех разинуты, хватают воздух... А на дворе душно и влажно.

- И все же мы лучше держали строй, - заметил Робби.
- Прямо в первый день?
- Да, первые несколько дней ты как в тумане, - согласился Джексон.
- Укладываетесь? Джексон кивнул.
- Почти все уже упаковали. Мне надо только оформить тут увольнение.
- Мне тоже.
- Ты уходишь отсюда? - удивился Робби.
- Я сказал адмиралу Гриру, что хочу поработать у него.
- Адмирал?.. А, этот, из ЦРУ. Так, значит, ты согласился? А как твой факультет к этому отнесся?
- Можно сказать, что им удалось не расплакаться. Босс не очень-то был доволен моими пропусками в последний год. Так что мы расстанемся друг с другом при взаимном удовлетворении.
- Мы ужинаем в пятницу?
- Именно. Можете вы приехать в начале девятого?
- Ладно. Можно не при параде, запросто?
- Конечно, - улыбнулся Джек. "Давай-давай, Робби!" - ехидно подумал.

Самолет Ви-си-10 Королевских воздушных сил приземлился в восемь вечера на военной базе Эндрюс и подкатил к тому же терминалу, который использовался для самолета президента США. Репортеры отметили, что охрана была многократно усилена - помимо полицейских, кругом были агенты службы безопасности в штатском. Наконец из самолета появились принц и принцесса. Помахав рукой находившимся в отдалении зрителям, они бодро, несмотря на занемевшие в полете ноги, спустились по трапу. Внизу им отсалютовал почетный караул, состоявший из американских и английских офицеров, а представительница госдепартамента сделала реверанс. В утреннем выпуске "Вашингтон пост" ее за этот реверанс отчитал специалист по дипломатическому протоколу. Шестилетняя малышка - внучка командующего базой - вручила Ее высочеству букет желтых роз. Защелкали фотоаппараты, и Их высочества, одаривая будущих читателей газет дежурными улыбками, в то же время успевали сказать что-нибудь приятное каждому из встречающих. Принц пошутил с морским офицером, который когда-то был его командиром, а принцесса сказала что-то насчет душно-влажной погоды, которая к вечеру все хуже и хуже. Жена посла Великобритании заметила, что климат в Вашингтоне столь плох, что одно время пребывание здесь приравнивалось к службе, сопряженной с риском для здоровья. Малярийных комаров тут давно уже нет, однако сам климат ничуть не изменился." К счастью, тут все имеют кондиционеры.

Репортеры зафиксировали цвет, стиль и покрой туалета принцессы, особенно отметив "смелость" фасона ее шляпки. Осанка у принцессы была, как у профессиональной манекенщицы, а принц смахивал на техасского ковбоя: одна рука в кармане, на лице беззаботная ухмылка. Всем американцам эта манера держаться пришлась по душе, а мужчины, разумеется, влюбились в принцессу, присоединившись в этом к мужскому населению всей Западной Европы.

Однако людям из службы безопасности было не до того. Они стояли спиной

к главным действующим лицам, глаза их шарили по толпе, физиономии - сама серьезность, а в голове у каждого только одна мысль: "Боже, только не в мое дежурство!"

Наконец Их высочества двинулись к посольскому "роллс-ройсу", позади которого уже выстроился эскорт машин. На базе было несколько ворот, и только час тому назад было решено, через какие из них проедут почетные гости. Дорога в город кишела полицейскими машинами - с надлежащими знаками и без таковых. В процессии участвовали еще два "роллс-ройса", такой же модели и окраски, и каждый со своим эскортом. В небе за происходящим наблюдал вертолет. Если бы кто-то взялся подсчитать количество единиц огнестрельного оружия, задействованного в этой операции, ему бы пришлось считать не меньше чем до ста.

Время приезда высоких гостей было рассчитано таким образом, чтобы как можно быстрее проскочить через Вашингтон - и не прошло и получаса, как они подкатали к зданию британского посольства. Здесь Их высочества были в безопасности.

Большинство агентов службы безопасности разошлись - кто домой, кто еще куда, но возле здания посольства остались десять человек, притаившись в машинах. По тротуарам расхаживали полицейские - числом втрое больше обычного.

- Америка - страна невероятных возможностей, - сказал О'Доннелл, не отрываясь от телевизора, где в программе новостей показывали церемонию встречи Их высочеств в аэропорту.

- Чем, думаешь, они сейчас занимаются? - спросил Миллер.

- Разминают ноги после полета, полагаю, - ответил О'Доннелл. - Готовятся к тому, чтобы как следует отоспаться. Ну так что, там все готово?

- Да. Убежище уже подготовлено, Алекс со своими людьми на месте, поправки в план внесены.

- Поправки Алекс предложил?

- Да. И если я еще услышу хоть одно замечание от этого наглого ублюдка...

Он - один из наших братьев по оружию, - заметил Кевин с улыбкой. - Но я понимаю тебя.

- А где Майк?

- В Белфасте. Он отвечает за вторую фазу операции.

- Время рассчитано?

- А как же? Оба командира бригад и весь армейский совет. Мы сможем накрыть всех их...

И О'Доннелл наконец-то полностью рассказал о своем плане. Агенты Маккини проникли в окружение практически всего руководства ВГИРА. По команде О'Доннелла они должны были их перебить, таким образом разом ликвидировав все военное руководство "Временных". Руководить организацией будет некому... кроме одного, того, кто следующим мастерским ходом вновь завоюет уважение в глазах ее рядового состава. С такими заложниками он, О'Доннелл, сумеет

добиться освобождения всех, кто "томится в узилище". Всех. Англичане пойдут на уступки, ибо английские короли уже несколько столетий не смотрели смерти в глаза, а ореол мученичества - в отличие от революционеров - утратил для них свой смысл.

Им придется вступить в переговоры. Ради спасения жизни наследника трона. Размах этой операции исполнит новой энергией Движение, и Кевин Джозеф О'Доннелл возглавит революцию, возродившуюся в крови и отваге...

- Итак, Джек, смена караула? - сказал Марти. Он уже упаковал свое хозяйство в картонную коробку.

- Как самочувствие?

- Лучше.

- Принимаете эти свои пилюли? - спросил Райан.

- Я теперь не расстанусь с ними, как с любимой женщиной, - пошутил Марти.

- О наших друзьях, я вижу, нет ничего нового.

- Увы. Они нырнули во тьму своей норы... ФБР, конечно, беспокоится, как бы они не объявились тут, но на это нет никаких намеков. Правда, с этими ублюдками как только расслабишься, то так и жди, что они схватят тебя за задницу. В общем все силы в состоянии готовности, кроме частей "Дельта". Если они действительно здесь, то стоит им высунуть нос, на них обрушится весь свет. Так мы говорили во Вьетнаме: "Зови на подмогу весь свет", - усмехнулся Кэнтор. - Джек, я не прощаюсь с вами, потому что еще появлюсь тут в понедельник и во вторник.

Отдохните в выходные.

- И вы тоже, Марти.

Райан вышел на улицу, закинув пиджак на плечо. Парило, а в его "фольксвагене" не было кондиционера. Шоссе было забито машинами, устремлявшимися к океану, чтобы спастись от проклятья жары. "Но всех нас ждет сюрприз", - подумал Джек, услышав по радио, что с севера наплывают холода.

- Полиция графства Ховард, - сказал дежурный сержант. - Чем могу вам помочь?

- Это девятьсот одиннадцать? - спросил мужской голос.

- Да, сэр. В чем дело?

- Слушай... Жена говорит, чтобы я не совался не в свое дело, но, знаешь...

- Можете вы назвать ваше имя и дать номер телефона?

- Нет, это не пойдет... Слушай, этот дом... Там люди с пулеметами, понял?

С пулеметами.

- Повторите, пожалуйста, - глаза сержанта сузились.

- Пулемет... Пулемет, а не говно какое-нибудь. Я видел М-60, точь-точь как в армии... Знаешь, тридцатый калибр, с патронной лентой, тяжелый, настоящий пулемет. И другое оружие тоже.

- Где?

Голос зачастил:

- Одиннадцать-шестнадцать, переулок Грин Коттедж. Их там, похоже...

Короче, я видел четверых - один черный и три белых. Они выгружали оружие из фургона. Это было в три утра, мне приспичило в уборную, ну я и выглянул из окошка... Дверь гаража была открыта, там горел свет, и когда они передавали внутрь оружие... в общем, клянусь, это был М-60. Эй ты, слушай, у меня такой был в армии! Я-то знаю. В общем, так-то, парень. Если вы там хотите что-то делать - это ваша забота. - Голос умолк, в трубке щелкнуло. Сержант тут же вызвал своего начальника, капитана и протянул ему блокнот, где вкратце зафиксировал только что состоявшийся разговор.

- Что такое?! Пулемет?! М-60?

- Он сказал... он сказал, что тридцатый калибр, с патронной лентой. Это М-60. Это предупреждение, что мы получили из ФБР...

- Да-а...

Капитан уже предвкушал грядущее продвижение по службе, но предвкушение это омрачала мысль о том, как его люди справятся с этой бандой, столь хорошо вооруженной.

- Пошли туда машину. Но скажи, чтобы они там не маячили и ничего не предпринимали. Я пока свяжусь с ФБР.

Менее чем через минуту полицейская машина устремилась в указанный район.

Сидевший в ней полицейский уже шесть лет служил в полиции, и ему очень даже хотелось, чтобы этот год не оказался последним в его жизни. Минут через десять он добрался до места. Он оставил машину за квартал до нужного дома - отсюда можно было наблюдать за домом и при этом ничем не обнаружить себя. В потных руках он судорожно сжимал винтовку. Спустя четыре минуты подъехала еще одна машина, и к нему присоединились двое других полицейских. А потом и в самом деле, казалось, нагрянул "весь свет". Сперва - патрульный сержант, потом лейтенант, затем - два капитана, и, наконец, - два агента из балтиморского отделения ФБР. Первый полицейский теперь оказался на положении рядового индейца в племени, где больше вождей, нежели бойцов.

Начальник балтиморского отделения ФБР находился в постоянном радиоконтакте со своей штаб-квартирой в Вашингтоне, однако осуществление операции оставил на усмотрение сил местной полиции. Как и большинство полицейских формирований различных административных единиц, местная полиция располагала своей антитеррористической группой, и та тут же приступила к делу. Прежде всего надо было эвакуировать жителей близлежащих домов. Ко всеобщему облегчению, в каждом из этих домов был черный ход - вот им-то и воспользовались для эвакуации, и тут же всех опросили. Да, они видели людей в том доме. Да, они были белыми, но по крайней мере один из них - черный. Оружие? Нет, этого они не видели. Одна женщина сказала, что у них, вроде бы есть фургон, но, если она не ошибается, он все время стоит в гараже. Расспросы еще продолжались, а штурмовой отряд АТГ уже исследовал соседние дома - все они были более или менее на один лад, и это давало возможность сообразить, какова планировка интересовавшего их здания.

Другое подразделение антитеррористической группы из ближайшего к цели

дома вела - через оптическое устройство винтовок - наблюдение за окнами.

АТГ могла бы и не спешить, но чем дольше все это тянулось, тем больше был риск, что там, в доме, что-то заподозрят. Они понемногу начали подтягиваться к дому - осторожно, используя каждое прикрытие, - пока не оказались в пятнадцати метрах от него. Глаза их настороженно шарили по окнам, но те были мертвы.

"Неужели все спят?" Командир группы стремглав одолел дворик и скрючился под окном с револьвером наготове. Он прикрепил к окну микрофон и надел наушники.

Через мгновение он сообщил по радио: "Телевизор включен. Голосов не слышно.

Что-то там еще - не могу определить". Знаком он приказал своей группе подтянуться к дому. Короткими, стремительными перебежками, один за другим, они пересекали дворик и скапливались возле стен дома. Через три минуты группа была готова к штурму.

- Командир группы, - затрещало радио. - Это лейтенант Хабер. У нас тут один говорит, что фургон выехал отсюда что-то без четверти пять. Как раз когда в полицию поступило сообщение, и она начала радиопереговоры.

Командир группы махнул рукой, давая знать, что понял сообщение, и в то же время продолжал действовать так, словно никакого сообщения не было. По его сигналу одновременно раздались два выстрела - дверь слетела с петель. Но она еще не успела грохнуться на землю, как командир был уже внутри дома - с револьвером наготове. Никого. Пригнувшись, на полусогнутых ногах, словно исполняя некий зловещий танец, группа рассыпалась по дому. Все это заняло не более минуты. И вот по радио прозвучало сообщение: "В доме пусто".

Командир группы появился в дверном проеме, стянул с лица черную маску и просигналил обеими руками отбой. Лейтенант и старший агент ФБР бросились через улицу.

- Ну?

- Вам это понравится, - сказал командир, отирая пот с лица.

- Входите.

На столе в гостиной стоял портативный цветной телевизор.

Пола почти не было видно из-за бесчисленного числа коробок, в которые в Мак-Дональде пакует еду, а в раковине на кухне были аккуратно составлены бумажные стаканчики - штук пятьдесят, не меньше. Одна из спален была превращена в арсенал. Тут был американский пулемет М-60 с двумя ящиками патронов - по двести пятьдесят штук в каждом, - дюжина штурмовых винтовок АК-47 (три из них разобраны для чистки) и винтовка со скользящим затвором и оптическим прицелом.

На дубовом комодe стояло радио со сканирующим устройством - один из его индикаторов был настроен на волну полиции графства Ховард. В отличие от ФБР, полиция не зашифровывала свои радиопереговоры. Агент ФБР вышел на улицу и направился к своей машине. Связавшись по радио с Биллом Шоу, он доложил ему обстановку.

- Значит, они прослушивали переговоры полиции и, как только... Смылись, значит, - подытожил Шоу.

- Похоже на то. Местные тут дали описание фургона. Одно утешение - они

так спешили смыться, что оставили тут кучу оружия. Они, вероятно, в панике теперь.

Есть у вас что-нибудь новое?

- Ничего хорошего.

Шоу находился в комнате номер 5005, где располагался командный центр "срочного реагирования". Он знал о попытке французов ликвидировать тренировочный лагерь АОО. "Итак, опять им удалось улизнуть. Везет же им..." подумал он.

- О'кей, - сказал он агенту. - Я переговорю с полицейским управлением.

Эксперты уже выехали к вам. Оставайтесь и действуйте в контакте с местной полицией.

- Вас понял. Отбой.

Работники службы безопасности были уже на месте. Джек увидел несколько машин возле бассейна, в который налили воду всего два дня назад, а возле подъездной дороги стоял фургон - судя по всему, с аппаратурой связи. Джек насчитал восемь человек, двое из них с "узи". Был ли еще кто-то в укрытии, он не знал. У дома его уже поджидал Эвири.

- Сначала хорошие новости, а потом - плохие.

- Слушаю вас, - сказал Райан.

- Кто-то позвонил в полицию и сообщил, что видел людей с оружием.

Полиция тут же нагрянула, но те бежали - они прослушивали радиопереговоры. Зато захвачена куча оружия. Похоже, что это было убежище наших друзей. Мы знаем какая у них машина, полиция полностью перекрыла весь район, а мы начали прочесывать весь штат. Губернатор даже дал разрешение использовать для поисков вертолеты национальной гвардии.

- Где они были?

- Графство Ховард, маленький поселок на юге Колумбии. Мы опоздали всего минут на пять, но зато теперь мы вынудили их к игре в открытую. Так что теперь это лишь вопрос времени.

- Я надеюсь, что полиция будет настороже, - сказал Райан.

- Само собой.

- У вас тут все в порядке?

- Все отлично. Ваши гости прибудут около восьми. Что на обед? - спросил Эвири.

- Да вот, по пути домой я купил свежей кукурузы. Стейки уже на жаровне...

Потом - жареная картошка и салат из шпината. Пусть отведают простой американской кухни, - сказал Джек и, открыв багажник, извлек оттуда большой пакет с кукурузой. Эвири осклабился в улыбке.

- У меня слюнки текут.

- В половине седьмого приедет прислуга - она приготовит для ваших людей кофе и бутерброды. Бдительность притупляется, когда человек голоден.

- Хорошо. Там будет видно. В общем, спасибо. Кстати, я попробовал включить свет возле бассейна, но он не работает.

- Я знаю. Последние пару дней электричество у нас что-то барахлит.

Компания говорит, что у них новый трансформатор и что-то там у них не ладится, - пожал плечами Райан. - Но вы ведь не собираетесь купаться?

- Нет, конечно. Но мы хотели воспользоваться одной из розеток там, а она тоже не работает.

- Очень жаль. Ну ладно, мне надо идти - дел еще по горло.

Эвири еще раз мысленно проверил всю систему охраны. Две полицейские машины за несколько сотен метров от дома будут останавливать и проверять всех, кто направляется сюда. Большая часть его людей будут следить за дорогой. Двое будут наблюдать за открытым пространством перед домом - со стороны леса вряд ли стоит чего-то опасаться, но все же они и на него будут поглядывать. Все это задача Первой команды. Вторая состоит из шести человек. Трое из нее будут находиться в самом доме, двое в машине связи и один - в рощице возле бассейна.

О том, что этот отрезок семидесятой дороги используется полицией для засады на тех, кто превышает скорость, было хорошо известно. Об этом и в местной газете писали. Но жители других штатов газеты этой, конечно, не читали. Полицейский встал сразу за небольшим холмом - машины, разогнавшись, проносились мимо него, не успев заметить засаду. Улов всегда был настолько богатым, что он даже не обращал внимания на тех, кто ехал со скоростью шестьдесят пять миль. Превышение на пять миль было сущей ерундой по сравнению с теми, кто гнал со скоростью восемьдесят. И по крайней мере двоих таких он ловил каждый вечер.

- Следите за черным фургоном, марка и год неизвестны, - поступило сообщение за несколько минут до того, как полицейский расположился в засаде. Он подумал, что в штате Мэриленд таких фургонов по крайней мере тысяч пять, и все они будут на дороге вечером в пятницу. Об этом фургоне надо бы кому-то другому позаботиться, тем более что в сообщении говорилось: "Приближаться с крайней осторожностью".

На радаре обозначилась цифра 83 - полицейская машина тут же рванула с места. Вот и подвернулось дельце. Полицейский наддал, понемногу сокращая расстояние до машины нарушителя и только тут увидел, что это был фургон черного цвета. "Приближаться с крайней осторожностью... Они не сообщили номера", промелькнуло у него в голове.

- Хагерстаун, это одиннадцатый. Преследую черный фургон, идет на восьмидесяти трех милях. Я иду на запад по семидесятой, около трех миль к востоку от тридцать пятого съезда.

- Одиннадцатый - засеките номер фургона, но не пытайтесь его задержать.

Повторяю: не пытайтесь задерживать. Засеките номер, отстаньте и держитесь на расстоянии, но не теряйте из виду. Шлем подмогу.

- Ясно. Подхожу ближе, - отрапортовал он и про себя добавил: "Черт бы вас побрал!"

Его спидометр показывал девяносто. Фургон чуть сбросил скорость. До него теперь было метров двести. Полицейский прищурился, стараясь разглядеть номер.

Но увидел его только с расстояния в пятьдесят метров. Это был номер для инвалидов. Полицейский уже взялся за микрофон, чтобы сообщить номер, как

задняя дверь фургона распахнулась.

"Вот, значит, как убили Ларри Фонтана!" - мелькнуло у него в голове. Он нажал на тормоз и попытался бросить машину в сторону, но ему мешал шнур микрофона, прихвативший руку. Полицейский съезжился и скользнул под приборную доску. В этот момент из двери фургона выплеснулось белое пламя. Лопнула левая шина и взорвался радиатор - вверх взметнулась струя пара. Несколько пуль прошили капот с правой стороны. Машину несколько секунд бросало из стороны в сторону. Но наконец она замерла. Полицейский поднял голову - фургон стремительно уходил по шоссе. Он схватил передатчик, но связи не было. Он все еще не верил, что остался жив. Через несколько минут к нему подъехала другая полицейская машина.

Его колотило, и микрофон пришлось держать обеими руками.

- Хагерстаун, эти сволочи обстреляли мою машину! Это "форд", похоже, что восемьдесят четвертого года, инвалидный номер - Нэнси 2-2-9-1. Идет на запад по семидесятой, к востоку от тридцать пятого съезда.

- Вы ранены?

- Нет, Но машина вдребезги. Из пулемета врезали! Полиция немедленно известила ФБР и выслала вертолеты в Район Хагерстауна. Впервые вертолеты укомплектовали полицейскими с автоматами. В Аннаполисе губернатор прикидывал, не пустить ли в ход вертолеты национальной гвардии. Пехотным Частям он уже отдал приказ о боевой готовности. Охота началась. По радио и телевидению прозвучало сообщение об опасности.

Глава 24

ПРИЕМ

Они прибыли точно. Две полицейские машины остались сзади, на дороге, а три другие с людьми из службы безопасности подкатили вслед за "роллс-ройсом" к самому дому Райанов. Шофер выскочил из машины и открыл заднюю дверь. Его высочество вышел первым и подал руку жене. Джек направился к высоким гостям.

- Добро пожаловать, - сказал он.

- Здравствуйте, Джек! - протянул руку принц. - Вы выглядите просто великолепно.

- Вы тоже, сэр. - Джек повернулся к принцессе. - Ваше высочество, мы рады оказать вам гостеприимство. Это большое удовольствие.

- Для нас тоже, доктор Райан.

Джек повел гостей к дому.

- Как ваша поездка?

- Ужасная жара, - сказал принц. - У вас всегда так летом?

- Последние две недели просто кошмар, - согласился Джек.

- Но обещают, что завтра будет полегче.

Кэти ждала их в доме. Там же была и Салли. Для Кэти в ее положении жара была особенно тяжким испытанием. Она пожала руки гостям, зато Салли, наученная пребыванием в Англии, сделала изящный реверанс и тут же рассмеялась от смущения.

- Как вы себя чувствуете? - спросила Ее высочество у Кэти.

- Спасибо, хорошо. Только жара вот донимает. Если бы не кондиционер, то беда.

- Давайте я вам покажу наш дом, - сказал Джек. Они вошли в гостиную, которая ничем не была отгорожена от столовой.

- Вид просто чудесный, - заметил принц.

- Между прочим, у нас дома никто не носит пиджаков, сказал Райан.

- Отличная идея, - сказал принц и тут же избавился от своего пиджака - Джек повесил его в шкафу в прихожей. Свой пристроил там же. Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что все уже расселись.

- Когда вы ждете маленького? - спросила принцесса.

- Что-нибудь дней через восемь, но со вторым это ведь может случиться в любой момент.

- Мне это тоже предстоит испытать - через семь месяцев.

- В самом деле? Поздравляю!

Обе женщины были очень довольны друг другом.

- Так и нужно действовать, - заметил Райан.

- Спасибо, Джек. А как ваши дела?

- Я думаю, вы в курсе работы, которой я занимаюсь?

- Да, я слышал. Мне сообщили, что вы сумели нащупать один лагерь террористов, который затем был... нейтрализован, - сказал принц.

Райан кивнул.

- Боюсь, мне нельзя говорить на эту тему.

- Понятно. А как маленькая девочка после...

- Салли? - Джек повернулся к дочери.

- Я не маленькая, я большая, - с нажимом выговорила Салли.

- А как вам кажется? - спросил Джек принца.

- Я думаю, вам чертовски повезло, - ответил тот. Услышав, что к дому подкатила машина, Джек поднялся и пошел к дверям. Робби и Сисси, выбравшись из машины, удивленно оглядывались.

- Что тут происходит? - спросил Робби, поднимаясь на крыльцо. - Ты принимаешь президента?

Судя по всему, Кэти все-таки как-то намекнула им, сообразил Джек. Сисси выглядела очень нарядно в своем голубом платье, а Робби нацепил галстук. Жаль.

- Входите, - хитро ухмыльнулся Джек.

Робби взглянул на двоих у бассейна (пиджаки у них были расстегнуты), окинул Джека недоумевающим взглядом, но подчинился. Войдя в гостиную, он вытаращил глаза.

- Мистер Джексон, если не ошибаюсь? - поднялся ему навстречу принц.

- Джек, - прошептал тот, - я тебя убью! Как поживаете, сэр? - сказал он громко. Познакомьтесь, это моя жена, Сесилия.

Как обычно, все тут же разбились на две группы - мужчины отдельно, женщины отдельно.

- Вы ведь морской летчик, не так ли?

- Да, сэр. Я как раз сейчас возвращаюсь в свой эскадрон. Я летаю на Ф-14, - сказал Робби, стараясь, чтобы голос его не выдал волнения.

- Да, да - "томкэт". А я летал на "фантомах". Вам приходилось?

- Я на них налетал сто двадцать часов, сэр, и только начал привыкать, как их забрали. А вы, сэр... вы тоже морской офицер?

- Да. Я - капитан, - ответил принц.

- Спасибо, капитан. Теперь я знаю, как мне к вам обращаться, - с видимым облегчением сказал Робби. - Это ничего, если я буду обращаться к вам "капитан"?

- Конечно. Знаете, когда люди вокруг тебя чувствуют себя скованно, это так утомляет... А ваш друг Джек несколько месяцев назад просто отчитал меня за это.

Робби наконец-то заулыбался.

- Вы знаете морских пехотинцев, сэр. Длинный язык и маленький мозг.

Джек понял, что теперь все пойдет как по маслу.

- Дамы и господа, - сказал он, - а не выпить ли нам чего-нибудь?

- У меня завтра полет, - сказал Робби и посмотрел на часы. - Я на двенадцатичасовом запрете.

- Вы в самом деле так серьезно к этому относитесь? - спросил принц.

- Конечно, капитан. Ведь моя птичка стоит около сорока миллионов. Если вы ее грохнете, то уж лучше по какой угодно причине, но не по пьянке. Тем более, что мне уже случалось бывать в переделках.

- Ого! Как это произошло?

- Мотор загорелся. Пришлось выброситься с парашютом. И еще у меня был случай. Так что, право, с меня хватит.

Джек отправился на кухню за чаем со льдом. Там сидели двое охранников американец и англичанин.

- Все в порядке? - спросил Райан.

- Ага. Похоже, что наших друзей нащупали возле Хагерстауна. Они обстреляли полицейскую машину и удрали. Полицейский в порядке, в этот раз они промазали. В общем, куда-то на запад подались, - сообщил американец с видимым удовольствием.

Джек выглянул в окно - на террасе стоял еще один охранник.

- Вы уверены, что это были именно они? - спросил Райан.

- Это был фургон. И номер опять инвалидный. Они частенько идут накатанной дорожкой, - объяснил охранник, - но рано или поздно на этом попадают. Весь этот район окружен. Так что мы их, конечно, возьмем.

- Отлично, - сказал Джек, нагружая поднос стаканами с чаем.

Когда он вернулся в гостиную, Робби обсуждал с принцем всякие летные штуковины, насколько можно было понять по тому, как оба они жестикулировали, изображая воздушные виражи.

- Так что, если вы выстрелили в пределах этого радиуса, ему уже не уйти.

Ракета сплошь и рядом куда точнее попадает, чем пилот, - заключил Джексон.

- Ну, конечно. И со "спэрроу" ведь так же.

- Точно, капитан. Но у него радиус меньше, - глаза у Робби сияли. - Вы когда-нибудь летали на "томкэте"?

- Нет. Хотя и очень хотелось бы.

Ну, не велика проблема! С нами даже гражданские иногда летают. То есть,

конечно, надо получить разрешение и прочее... Но мы возили даже актеров из Голливуда. Так что для вас получить разрешение - ерунда! Я в том смысле, что уж вам-то допуск дадут к нашим секретам, - расхохотался Робби и ухватил с подноса стакан чая. - Спасибо, Джек. Так что, капитан, если у вас есть время, то моя птичка в вашем распоряжении.

- Очень бы хотелось. Но наше расписание...

- Я вижу, вы нашли общий язык, - сказал Джек.

- Нашли. Я давно уже хотел поговорить с пилотом Ф-14, - сказал принц и повернулся опять к Робби, но Джек прервал их.

- Давайте я покажу вам дом. "Всегда вот так, - подумал он, - хлопчешь, чтобы гостям не было скучно, а потом сам оказываешься лишним".

- Сколько лет дому, Джек?

- Мы въехали в него незадолго до рождения Салли.

- Это библиотека внизу?

- Да, сэр. Мы специально так спроектировали, чтобы ее видно было из гостиной. Но давайте сперва наверх.

Над библиотекой размещалась спальня. В стене ее было ромбовидное окно, так что можно было видеть все, что делается в гостиной. Однако Джек загородил его картиной, которая, впрочем, держалась на железном стержне и легко сдвигалась в сторону. Потом Джек повел гостей в библиотеку. Ее окно выходило на залив, и все повосхищались открывавшимся из него видом.

- Обходитесь без прислуги, Джек? - полюбопытствовал принц.

- Да, сэр. Кэти хотела бы взять няньку, но я пока сопротивляюсь. Но не пора ли нам за стол?

В ответ вырвалось дружное "да".

Картошка была уже в печке, и Кэти готова была заняться кукурузой. Джек извлек из холодильника бифштексы и повел гостей на террасу.

- Вам это понравится, капитан, - сказал Робби. - У Джека это отлично получается.

- Весь секрет в том, какой у вас уголь, - объяснил Джек. - Ну и качество мяса тоже кое-что значит.

- Вид - не оторваться, - сказал принц.

- Я люблю смотреть, как проплывают лодки, яхты, - сказал Джек. - Хотя сегодня их что-то не очень много.

- Сегодня ночью обещали шторм... - заметил Робби.

- Я не слыхал.

- Тебе-то что, а у меня завтра полет, так что я должен знать прогноз.

Штормяга будет здоровый, сюда доберется часам к десяти.

- И часто у вас такое бывает? - спросил принц.

- Увы, капитан. Не то чтобы торнадо, но тоже грохочет-рычит что надо.

Год... нет, два года назад я как-то возвращался из Мемфиса, и такие воздушные ямы были, что я с трудом сохранял контроль над своей птичкой.

- Потом надо будет чуть остудить это дело, - сказал Джек, переворачивая бифштексы на решетке гриля.

- В известном смысле сегодня вполне нормальный шторм. По-настоящему серьезные бывают раза три-четыре в год. Деревья выворачивает. Но если вы не в воздухе или не в маленькой лодке в открытом море, то не велика беда.

Как-то раз мне надо было сесть на палубу авианосца. Ночью, в шторм. Я тогда чуть не обмочился, чего со мной не случилось с двухлетнего возраста.

- Ваше высочество, - рассмеялся Джек, - мне никогда бы не извлечь из Робби таких подробностей, если бы не вы. Я знаю его более года, но он ни разу не признавался, что хоть изредка нервничает там, в небе.

- Я не хотел разрушать образ, - объяснил Робби. - Заставить Джека подняться на борт самолета можно только под дулом пистолета. Так что я не хотел пугать его - он и без того паникует.

- Ну что же, один-ноль в пользу Робби.

Терраса теперь была в тени, а с севера задувал бриз. В заливе было совсем мало судов, да и те в большинстве своем, направлялись в гавань. Джек возился над жаровней и чуть не подпрыгнул, когда над самым утесом вдруг проревел реактивный истребитель.

- Робби, какого черта они тут шныряют? Вот уже две недели, как от них покоя нет.

Джексон, проследив взглядом за самолетом, пояснил:

- Проверяют новое оборудование. Это Ф-18. Чем они тебе мешают?

- Шумом - вот чем, - сказал Джек, переворачивая бифштексы.

Робби рассмеялся.

- Это не шум, Джек. Это зов свободы.

- Не слабо сказано! - похвалил принц.

- О'кей, а как насчет обеденного зова? Желающие, подходите с тарелками.

- Джек, свет что-то снова барахлит, - сообщила Кэти. - Я уж думала, что кукуруза так и не сварится вовремя.

Фургону пришлось остановиться - посреди дороги стоял агент секретной службы.

- Да, сэр? - сказал водитель.

- Что вы тут делаете?

Пиджак агента был расстегнут. Оружия не было видно, но водитель знал, что оно есть. Метрах в десяти от агента он насчитал шестерых других, чуть подальше стояли еще четверо.

- Эй, я ведь только что объяснился с полицейским, - он махнул рукой назад.

Две полицейские машины стояли на дороге в двухстах метрах от агента.

- Ну а теперь, будьте добры, объяснитесь и со мной.

- Там проблема с трансформатором, в конце дороги. Вы что же не видите, что это фургон электрокомпании?

- Подождите секунду.

- Ладно, - сказал водитель и обменялся взглядами со своим товарищем.

Через секунду агент вернулся, но не один. Рядом с ним был другой агент, в руках у него была рация.

- В чем дело? - спросил он. Водитель вздохнул.

- В третий раз объясняю. Там, в конце дороги трансформатор. Что-то с ним неладно, барахлит. Жаловались тут люди на электричество?

- Да, - сказал Эвири. Это был он. - Я тоже обратил на это внимание. А в чем там дело?

Сидевший справа от водителя, пояснил:

- У нас на этой линии новый трансформатор. Экспериментальный. Я - Алекс Доббенс, выездной инженер. Там установлен проверочный монитор, и он шлет нам какие-то странные сигналы, словно вот-вот выйдет из строя. Вот мы и приехали проверить.

- Есть у вас какие-то документы?

- Конечно, - Алекс вылез из фургона и, обойдя его сзади, подошел к Эвири и протянул удостоверение личности, из коего следовало, что он работает в балтиморской компании "Газ-электричество". - А что тут происходит-то?

- Не могу сказать, - Эвири проверил удостоверение и вернул его Алексу.

- У вас есть разнарядка?

- Эй, - насмешливо сказал Алекс, - если сомневаетесь, можете позвонить в наш офис в Балтиморе. Спросите мистера Гриффина. Тут вот телефон, - протянул он Эвири свой планшет. - На первой странице, вверх.

Эвири продиктовал по передатчику номер телефона, приказав позвонить в этот офис, а потом спросил Алекса:

- Вы не против, если мы посмотрим, что в фургоне?

- Пожалуйста, - сказал Доббенс и направился к задней двери фургона - двое агентов двинулись за ним. Он заметил, что четверо других тоже не спускали с него глаз - они стояли не группой, а рассредоточились полукругом, держа руки полусогнутыми, наготове. И еще несколько агентов тут и там виднелись во Дворе.

Он распахнул дверь фургона. Там валялась груда инструментов, кабелей и каких-то приборов. Один из агентов принялся ворошить эту кучу.

- Вы не могли бы отложить это до другого раза? - спросил Эвири.

- Трансформатор же может полететь. Мне-то что, но те, кто живет тут, будут недовольны, если погаснет свет. Вы же знаете людей. А кто вы сами-то, если не секрет?

- Секретная служба, - протянул свое удостоверение Эвири.

Доббенс удивился.

- Ого! Неужели тут президент?

- Не могу сказать, - ответил Эвири. - А что за проблема с трансформатором?

Вы же сказали, что он новый.

- Новый-то новый, да это ведь экспериментальная модель. Я уже два месяца вожусь с этим трансформатором. Обычно я посылал сюда своих людей, а сегодня босс велел мне отправиться самому, - пожал он плечами. - Потому что это мой проект.

Агент, обыскивавший фургон, вылез из кузова и отрицательно покачал головой. Эвири кивнул в ответ. Тем временем проверка личности Доббенса была закончена. В офисе электрокомпании подтвердили, что это их служащий, выехавший на место неполадки трансформатора.

- Хотите, чтобы ваш человек наблюдал за нашей работой? - спросил Доббенс.

- Это ни к чему. Сколько времени это займет? - спросил Эвири.

- Хотел бы я знать!.. Вероятно, ерунда какая-нибудь, но, с другой стороны, кто его знает. Бывает, что с ерундой больше проваландаешься, чем с чем-нибудь сложным.

- Надвигается шторм. Если он застигнет вас на столбе, я вам не завидую, заметил второй агент.

- Это точно. Но пока мы тут стоим, работа-то не движется. Ну что, все в порядке теперь?

- Да, можете двигать.

- Вы, в самом деле, не можете сказать мне, кого вы тут охраняете?

- Увы, нет, - улыбнулся Эвири.

- Ну что же, я все равно не голосовал за него, - рассмеялся Доббенс.

- Подождите! - остановил его второй агент.

- В чем дело?

- Левая передняя шина, - ткнул он пальцем. - Она же у вас еле дышит.

- Луис, черт побери! - рявкнул Доббенс на водителя.

- Эй, босс, я тут ни при чем! Они должны были заменить ее утром. Я жаловался еще в среду, - запротестовал водитель. - У меня даже и наряд тут, с собой.

- Ну ладно, ладно. Только давай поосторожней. Спасибо, парень, поблагодарил Доббенс агента.

- А чего бы вам не сменить ее?

- У нас домкрата нет. Кто-то украл. Это вечная проблема с нашими фургонами - всегда чего-нибудь не хватает. Ну ничего, все будет в порядке. - Алекс взобрался в кабину фургона и махнул рукой агенту. - Пока.

- Пронесло, Луис.

Тот ухмыльнулся в ответ.

- Я насчитал четырнадцать.

- Верно. Трое в роще. Думаю, что еще четверо в доме. Но это не наша забота. - Он помолчал, вглядываясь в тучи на горизонте.

- Надеюсь, что у Эда и Вилли все в порядке.

- А почему бы и нет? Им, правда, пришлось вдарить по машине одного полицейского пса и сменить свою тачку. А тут псы оказались не такими уж бдительными. Я ожидал иного, - признался Луис.

- А чего им нервничать? Они думают: мы в каком-то другом месте, - Алекс открыл ящик для инструментов и извлек оттуда радиопередатчик. Агент, делавший обыск, видел его, однако никаких вопросов не задал. В фургоне не было оружия, но в данном случае радиопередатчик был куда опаснее. Алекс сообщил по радио все, что им удалось узнать. Получив подтверждение о приеме сообщения, он улыбнулся. Агентов не заинтересовали также и две лестницы, прикрепленные к крыше фургона. Алекс посмотрел на часы. Прием гостей должен был состояться через девяносто минут...

- Проблема в том, что иным - более культурным, так сказать, - образом кукурузу в початке есть невозможно, - заметила Кэти. - Не говоря уж о том, что ее ведь надо мазать маслом.

- Очень вкусно, - сказал принц. - С местной фермы, Джек?

- Сорваны этим утром, - похвалился он. - Когда она свежая - вкуснее не бывает.

- Джек, Кэти, - угощение на славу! Спасибо, - сказал принц.

- И без застольных речей, - поддакнула его жена.

- Могу себе представить, как надоедают все эти формальности, - сказал Робби. Это, правда, было не совсем то, что он хотел сказать. На самом деле ему хотелось спросить: каково это - быть принцем?

- Будь эти речи оригинальными, еще куда ни шло, но мне приходится годами выслушивать все то же! - желчно пожаловался принц. - Впрочем, прошу прощения.

Такое нельзя говорить даже в кругу друзей.

- Это мало чем отличается от речей на собраниях исторического факультета, - утешил его Джек.

В Куантико зазвонил телефон. Группа спасения заложников располагала собственным зданием на дальнем краю стрельбища, которое было тренировочным центром ФБР. Позади этого здания стоял Ди-си-4, на котором отрабатывалась техника штурма захваченного террористами самолета. Ниже, у подножия холма, размещался так называемый "Дом заложников" и возле него - всякие хитроумные приспособления для шлифовки мастерства членов группы. Телефонную трубку поднял специальный агент Гас Вернер.

- Привет, Гас, - сказал Билл Шоу.

- Ну, нашли их, в конце концов? - спросил Вернер. Ему было тридцать пять лет, роста он был небольшого, но при этом жилист. Он носил пушистые усы, которые были бы просто немыслимы во времена Гувера.

- Нет. Но все же сколотите команду и пусть готовится к вылету. Если что-то не заладится, нам, возможно, придется пустить вас в ход.

- Мы вполне готовы. А куда надо лететь?

- Хагерстаун, казармы полиции штата.

- О'кей. Я возьму шестерых. Мы двинемся минут через тридцать-сорок - как только прибудет вертолет. Звоните, если что.

- Ладно. Пока.

После этого Вернер позвонил вертолетчикам и направился в класс, где шли занятия. Те пятеро, которых он наметил для операции, тоже сидели там, склонившись над книгами. Они уже в течение нескольких дней пребывали в ожидании этого момента. Тренировались больше обычного, но главным было другое - умение преодолеть томительное ожидание решительного часа. Они вовсе не походили на киношных агентов ФБР. На них были мешковатые комбинезоны парашютистов с массой карманов. Это были опытные бойцы и отличные стрелки.

- Внимание, - сказал Вернер. - Они хотят, чтобы мы заранее прибыли в Хагерстаун. Вертолет будет здесь через полчаса.

- Объявили, что ожидается шторм.

- Так прихватите пилюли от тошноты, - посоветовал Вернер.

- Они их уже нащупали?

- Пока нет, но люди там начинают нервничать.
- Нормальное дело, - сказал снайпер, баскетбольного роста детина. Его сделанная на заказ винтовка была уже упакована в чехол с мягкой подкладкой.

Снаряжение группы уместилось в дюжине рюкзаков. Одни принялись застегивать комбинезоны, другие направились в туалет - облегчиться перед полетом.

Особенно-то никто не взволновался. Им куда больше приходилось ждать, чем действовать. Группа спасения заложников была создана уже несколько лет назад, но до сих пор им ни одного заложника освобождать не доводилось. Вместо этого группа использовалась в составе антитеррористических команд, в результате чего заслужила себе довольно устрашающую репутацию. Впрочем, таковая была известна лишь среди тех, кто служил закону и порядку.

- Ого! - воскликнул Робби. - Вот он, надвигается. Красотища!
За считанные минуты на смену мягкому бризу пришли резкие порывы ветра, от которых шел гул по всему дому.
- Это была мрачная, штормовая ночь... Так, кажется, пишут в романах? сказал Джек, направляясь на кухню, где трое охранников уписывали бутерброды.

- Надеюсь, у вас есть плащи? - спросил Джек.
- К дождям мы привычные.
- Это хотя бы будет теплый дождь, - сказал англичанин. - Спасибо вам за еду и кофе.

В воздухе прогремел первый отдаленный раскат грома.
- Не стойте под деревьями, - посоветовал Джек. - Молния может испортить вам весь сегодняшний день.

Он вернулся в гостиную. Все общество оживленно о чем-то беседовало.
- Привыкнуть к этому невозможно, - говорил Робби принцу, рассказывая о катапультировании. - Вот ты в состоянии неподвижности и вдруг - через какую-то секунду - летишь со скоростью ста пятидесяти узлов.

- А если что-то не так? - спросил принц.
- Тогда придется поплавать в море.
- Мистер Эвири, - проквашал передатчик.
- Да.
- На линии Вашингтон.
- О'кей, я буду на связи через минуту.

Эвири зашагал к машине с аппаратурой. Лонгли, начальник британского отряда, потащился за ним. Вспышки молнии, сперва сверкавшие вдали, теперь все стремительней приближались.

- Ну и погода, - сказал Лонгли.
- Я надеялся, что чаша сия минует нас, но увы... По ним снова хлестнул порыв ветра, обдав их тучей пыли. Они миновали двоих охранников, нагруженных тарелками с бутербродами. За ними трусил черный щенок в надежде, что они уронят хоть один бутерброд.

- Этот Райан - приятный парень.
- А девочка у него - просто прелесть. По ребенку многое можно сказать о

человеке, - вслух подумал Эвири. Они уже подходили к фургону, как замолотили по земле первые капли дождя.

- Слушаю, - сказал Эвири в микрофон.

- Чак, это Билл Шоу. Мне только что позвонили насчет расследования в графстве Ховард.

- Ну и?..

Шоу хмуро разглядывал карту.

- В общем, там никаких отпечатков пальцев. В доме оружие амуниция и так далее, но отпечатков нет. Даже на обертке от еды.

Что-то тут не то.

- А что насчет машины, из которой стреляли?

- Ничего, абсолютно ничего. Как сквозь землю провалились. Большого Шоу не мог сказать, да в этом и не было необходимости. Чак Эвири всю свою сознательную жизнь работал в секретной службе, а в последние годы - преимущественно в группе охраны президента. Он мыслил исключительно в терминах опасности. Таково неизбежное следствие этого типа работы. Он охранял одних людей от других - от тех, что хотели убить первых. В результате у него выработался довольно узкий, с оттенком паранойи взгляд на жизнь. Он сразу понял смысл сообщения Шоу.

"Враг исключительно хитер..."

- Спасибо за информацию,"Билл. Мы будем смотреть в оба. Эвири натянул на себя плащ и сказал в радиопередатчик:

"Первая группа, это Эвири. Внимание. Всем собраться у въезда. Не исключена угроза".

- В чем дело? - спросил Лонгли.

- В доме не оказалось настоящих улик, даже отпечатки пальцев не обнаружены.

Лонгли тоже мгновенно оценил смысл этого сообщения.

- Времени, чтобы уничтожить отпечатки, у них не могло быть, - сказал он. Так что все это, возможно, инсценировка.

- Вот именно. Давай пойдем потолкуем с ребятами. Прежде всего надо распределиться чуть подальше от дома. Потом надо связаться с полицией, чтобы они обеспечили подкрепление. Ого, - сказал он, прислушиваясь к дробному стуку дождя по крыше фургона. - Похоже, мы промокнем насквозь.

- Мне нужно бы еще парочку человек в самом доме, - сказал Лонгли.

- Согласен. Но сперва давай проинформируем людей, - он распахнул дверь фургона, и они нырнули в пелену дождя.

Агенты, несшие внешнюю охрану, сошлись у того места, где подъездная дорога выходила на шоссе. Они были начеку, хотя это и невозможно было понять по их лицам, тем паче что по ним теперь хлестали струи дождя. Кое-кто еще дожевывал бутерброды. Старший группы, пересчитав наличный состав, обнаружил, что один человек отсутствует. Возможно у него вышел из строя передатчик. Он послал за ним одного из агентов.

- Может, переместимся в гостиную? - предложила Кэти. - А я пока уберу

посуду со стола.

- Сиди, я этим займусь, - сказала Сисси. Она пошла на кухню за фартуком.

Теперь-то Джеку было яснее ясного, что Кэти все-таки предупредила Джексон. Он отметил, что платье на Сисси было дорогим и красивым. Все встали из-за стола и перешли в гостиную, а Робби направился в уборную.

- Пора, - сказал Алекс. Он сидел за рулем. - Все готовы?

- Пошли! - командовал О'Доннелл. Как и Алекс, он хотел быть на передовой, вместе со своими бойцами. - Погодка выдалась на славу.

- Точно, - согласился Алекс и включил дальний свет. Фары высветили из штормовой мглы две группы охранников, стоявших в нескольких метрах одна от другой.

Охранники видели приближающиеся к ним огни, и хотя они знали, кто это такие, они, будучи людьми опытными, не спускали глаз с фургона. Метрах в тридцати от них вдруг что-то полыхнуло и треснуло, как взрыв. Охранники инстинктивно схватились за оружие, но тут же вздохнули с облегчением - это лопнула левая передняя шина. Фургон понесло влево, и водитель бешено крутил баранку, пытаясь справиться с машиной. Она остановилась прямо у начала подъездной дороги. Как никто до того не обратил внимания на лестницы на крыше фургона, так и сейчас никто не заметил их отсутствия. Водитель вылез из фургона и, взглянув на колесо, выругался: "Вот блядство!"

Эвири, находившийся метрах в двухстах от того места, увидев замерший на дороге фургон, почувствовал неладное и пустился бегом.

Дверь фургона скользнула в сторону. В дверном проеме стояли четверо с автоматами.

Агенты отреагировали моментально, но было уже поздно. Как только дверь скользнула в сторону, раздалась первая очередь из автомата. Звук выстрелов почти не был слышен благодаря глушителю, но белые языки пламени так и метались, отчетливо видные в темноте. Пятерых в первую же секунду сразило наповал. Тут же включились другие автоматы, и вся группа охранников была смята, прежде чем они успели дать хоть один ответный выстрел. Террористы, прыгнув на землю, атаковали вторую группу. На этот раз ответная очередь из "узи" уложила одного из террористов, но стрелявший тут же рухнул на землю, сраженный пулей. Тут же упал и другой агент. Четверо оставшихся залегли и открыли ответный огонь.

- Что за чертовщина? - спросил Райан. Сквозь шум дождя и раскаты грома вроде как доносились звуки выстрелов. Все находившиеся в доме насторожились, прислушиваясь. Британский агент службы безопасности на кухне и двое агентов секретной службы, находившиеся на террасе, вскочили на ноги.

У Эвири револьвер был уже в руке. В качестве главы группы он не утруждал себя другим оружием. К тому же вторая его рука все равно была занята рацией.

- Сообщите в Вашингтон - нас атаковали! Нужна помощь. Немедленно, черт побери! Неизвестные лица - с западной стороны дома. Есть убитые. Срочно

пришлите помощь!

Алекс ринулся к фургону и извлек оттуда реактивный гранатомет РПГ-7. Надо было вывести из строя две полицейские машины на шоссе, в двух сотнях метров отсюда. Полицейских невозможно было разглядеть, но они должны были быть там. Он прицелился из гранатомета и нажал на курок - грохот выстрела слился с очередным ударом грома. Граната не долетела до цели метра на два, но осколки пробили бензобак одной из машин, она взорвалась, а за ней полыхнула бензиновым факелом и другая.

- Ага! - взревел Алекс.

Теперь террористы обходили охранников с обоих флангов. Они вывели из строя обе группы и лишь один агент продолжал еще отстреливаться. Подкравшись к нему поближе, террористы дружно ударили по нему из всех стволов.

Эвири видел, как погиб последний охранник из этой группы. "Боже мой!" выдохнул он. Они с Лонгли обменялись взглядами, и каждый знал, что в этот момент подумал другой. Оба решили стоять на смерть.

- Шоу слушает.

В радиотелефоне потрескивали разряды статического электричества.

- Нас атакуют. У нас большие потери, - раздалось по стенному громкоговорителю. - Сколько их - непонятно. Это прямо настоящая война! Нужна помощь. Немедленно!

- Будьте на телефоне, помощь сейчас организуем. Сперва Шоу связался с ближайшими к дому Райанов полицейскими участками, потом приказал, чтобы задействовали вашингтонскую группу спасения заложников, а под конец позвонил в Куантико.

- Вертолет только что приземлился, - доложил ему Гас Вернер.

- Вы знаете, где дом Райанов? - спросил Шоу.

- Да, он отмечен на карте. Там ведь сейчас наши гости, верно?

- Он атакован. Через какое время вы сумеете добраться туда?

- Какова там ситуация? - спросил Вернер, следя за тем, как его люди грузят амуницию в вертолет.

- Ситуация непонятная. Мы организуем поддержку отсюда, но вы, наверное, раньше всех туда доберетесь. Нам только что сообщили оттуда, что они атакованы.

Много убитых.

- Если будет что-то дополнительное, тут же сообщите нам. Мы поднимемся в воздух через две минуты.

Вернер выскочил на улицу и помчался к вертолету. Из-за рева винта приходилось орать, чтобы быть услышанным. Затем он бегом вернулся в штаб и приказал дежурному офицеру собрать остальную часть группы. И опять помчался к вертолету. Десантники были готовы к действию. Оружие вынуто из чехлов. Вертолет оторвался от земли и устремился в шторм.

Британец, выскочив из кухни, рысцой промчался на террасу и, быстро переговорив с двумя охранниками, устремился назад, но полыхнула серия автоматных очередей. Один из охранников, повернувшись в сторону сада,

нацелил в темноту автомат, но тут же рухнул навзничь. Позади него со звоном разбилось стекло. Второй охранник тут же упал возле своего товарища. Британец влетел в гостиную и крикнул, "Ложись! Все на пол!" Джек не успел еще как следует испугаться, как вдребезги разлетелось еще одно окно, и британца прошла автоматная очередь. На террасе появились четверо вооруженных людей в масках. Их черная одежда была заляпана грязью. Тот, что был впереди, стащил с лица маску.

Это был Син Миллер.

Эвири и Лонгли лежали посреди двора. Им было видно, как террористы, повозившись возле тел убитых охранников, разбились на две группы и двинулись к дому.

- Мы тут слишком на виду, - прошептал Лонгли. - Надо перебраться к роще.

Здесь нам вообще ничего не удастся сделать.

- Сперва ты, я - за тобой, - сказал Эвири. Он держал револьвер обеими руками, целясь в одну из черных фигур - ее видно было лишь при вспышках молнии.

До цели было метров сто - слишком далеко для револьвера. Вот опять полыхнула молния, и Эвири выстрелил - он промазал, и вызвал на себя шквал огня. Пули зашлепали по грязи совсем рядом с ним. Потом огонь переместился резко в сторону. Вероятно, они засекли Лонгли, перемещавшегося перебежками в сторону деревьев. Эвири вновь прицелился и выстрелил - на этот раз террорист упал, схватившись за ногу. И опять серия автоматных очередей - еще ближе к нему.

Эвири снова и снова нажимал на курок, пока не расстрелял все патроны. Ему показалось, что он сразил еще одного террориста. Это была последняя его мысль.

Потом все для него кончилось.

Лонгли, добежав до рощи, оглянулся. Отсюда ему был виден Эвири, лежавший ничком, - он не двигался, хотя двое террористов были уже совсем недалеко от него. Выругавшись, Лонгли начал звать оставшихся в живых. Их было всего пятеро, не считая самого Лонгли. У агента ФБР был только револьвер, у троих британцев пистолеты, у агента секретной службы - "узи" с двумя запасными обоймами.

Защищать им уже было некого, но и бежать тоже некуда.

- Итак, мы снова встретились, - сказал Миллер. В руках у него был "узи".

Увидев, что возле убитого агента британской службы безопасности валяется автомат, он поднял его. С террасы в гостиную вошли еще пятеро и тут же распределились по гостинной полукругом, наставив оружие на заложников. - Встать!

- скомандовал Миллер.

Джек поднялся, рядом с ним - принц, потом встала Кэти, держа на руках Салли, последней поднялась с пола принцесса. Вдруг распахнулась, стукнув о

стену, дверь кухни, и в проеме появилась Сисси с горкой тарелок в руках. Один из террористов схватил ее за руку - тарелки рухнули на пол.

"У них же прислуга, - вспомнил Миллер, увидев фартук Сисси. - Черная, симпатичная..." Он заулыбался.

- Давай туда, к остальным, - распорядился он.

- Какого черта...

- А ну, шевелись, черномазая! - рявкнул коротышка, стоявший рядом с Миллером, и грубо толкнул ее.

Джек скользнул по коротышке глазами, напрягаясь вспомнить, где он видел это лицо.

- Ах ты - падаль! - рванулась к коротышке Сисси - глаза ее гневно сверкали.

- Спокойней, эй ты там! - прикрикнул на нее Миллер. - Надо было раньше думать, когда нанималась в прислуги. Хозяев надо лучше выбирать... Шевелись! наставил он на нее автомат.

- Что вы собираетесь делать? - спросил Райан.

- Ну зачем же портить сюрприз?

Робби был в туалете, в дальнем конце дома. Он мыл руки, не обращая внимания на раскаты грома, как вдруг до него донеслись звуки автоматных очередей. Выскользнув из туалета, он выглянул в коридор, ведущий в гостиную, но ничего не увидел. Однако сомнений быть не могло - он не ослышался. Тогда он на цыпочках поднялся на второй этаж, в спальню. Первым его побуждением было броситься к телефону и вызвать полицию. Но в трубке была мертвая тишина. Голова Робби лихорадочно работала: что же делать? что же делать? Если бы он был за штурвалом истребителя - другое дело. А тут... "У Джека ведь есть оружие... вспомнил он. - Но где?.." В спальне было темно, но зажечь свет Робби боялся.

Террористы, растянувшись цепью, двинулись в сторону рощи. Лонгли приказал своим людям подпустить их поближе. Он давно уже порастерял навыки, когда-то усвоенные в армии, а работа в службе безопасности никогда не была связана с такого рода действиями. И все же он принял верное решение. Людей он распределил так, чтобы сектор обстрела был как можно шире. Тому, что с автоматом, он велел держаться слева от себя. Деревья прикрывали их от пуль.

- ФБР, мы приближаемся к реке Патуксент, квадрат четыре-ноль-один-девять.

Конец.

Пилот вертолета вглядывался в карту. Он знал, как нужно им место выглядит на снимке, но снимок-то делался в дневное время. А ночью все выглядит иначе, да тут еще этот чертов шторм. Он шел со скоростью сорок узлов при боковом ветре, и погодные условия становились хуже с каждой милей. Позади него, группа десантников, чертыхаясь, напяливала на себя маскировочное облачение.

Наконец он услышал команду:

- Возьмите левей - ноль-два-четыре. Высота та же. Предупреждаю: вы

входите в район шторма. Рекомендую не превышать тысячи футов.

- Вас понял, - отрапортовал пилот, состроив гримасу. Стало ясно, что шторм даже сильнее, чем он предполагал. Он до предела опустил сиденье, затянул потуже ремни и включил штормовые огни. Это все, что он мог сделать. Теперь оставалось только глядеть в оба да потеть за штурвалом. - Эй, вы там, сзади! Привяжитесь покрепче!

О'Доннелл приказал своим людям остановиться. До рожицы было около ста метров, и он знал, что там притаилась опасность. Одна группа пошла в обход справа, другая - слева. Им предстояло передвигаться по очереди - одни поливают огнем рожицу, другие продвигаются вперед, потом наоборот. Все его люди были вооружены автоматами, кроме одного, что тащился сзади, отстав на несколько метров. О'Доннелл пожалел, что у них нет чего-нибудь посолидней автоматов.

Работы предстояло еще много. К тому же надо было что-то делать с двумя ранеными. Убит был пока только один человек. Но сперва надо очистить эту рожицу. Он отдал приказ первой группе начать движение.

Справа от О'Доннелла агент секретной службы привалился грудью к дереву и прижал к плечу "узи". Отступить ему было некуда. Полыхнула молния, высветив зелень травы и несколько фигур в черном. Агент прицелился и дал короткую очередь, но промазал. Обе группы атакующих открыли ответный огонь - он сжался за деревом, в ствол которого впилося с полдюжины пуль.

Все вокруг ожило, озаренное вспышками выстрелов. Агент снова высунулся из-за дерева и нажал на курок. Группа террористов, надвигавшаяся прямо на него, метнулась влево, в кусты, обходя его с фланга. Но едва они приблизились к кустам, как кто-то открыл по ним огонь. Террористы в растерянности отступили.

Потребовалось какое-то время, прежде чем О'Доннелл сумел оценить ситуацию и начал отдавать приказы.

Райана распирала ярость. Террористы знали свое дело, и шансы предпринять что-то равнялись нулю. На них были нацелены шесть автоматов, и шесть пар глаз следили за каждым их движением. Справа от него стояла Кэти. Даже Салли притихла, прижавшись к бедру матери.

- Син, это Кевин, - протрещал радиопередатчик. - Мы наткнулись на сопротивление в роще. Ты взял их?

- Да, Кевин. Все под контролем.

- Мне нужна тут помощь.

- Идем.

Миллер сунул рацию в карман и скомандовал: "Вы трое остаетесь тут. Если начнут брыкаться - всех убить. Вы двое - за мной". Они вышли на террасу и растворились во тьме.

- Душно, - сказал один из оставшихся террористов, и все они, словно по

команде, сняли маски. Один из них оказался блондином, другой - негром, третий коротышка - был почти лыс. "Я тебя знаю. Но откуда?" - подумал Джек. Коротышка был самым злобным. Лицо его искажала гримаса ненависти. Блондин бросил коротышке связку веревок, чтоб тот связал заложников.

"Робби, где ты, черт побери?" - недоумевал Джек и, взглянув на Сисси, понял, что она думает о том же. Она незаметно кивнула ему. В глазах ее еще была надежда. И коротышка заметил это.

- Не волнуйся, - сказал он. - Вы тут все получите сполна. Он положил автомат на стол и двинулся к пленникам - двое других прикрывали его. Дэннис Кули начал с принца. Завернув ему руки за спину, он связал их.

- Ага! - шепотом воскликнул Робби. Короткостволка оказалась на верхней полке в чулане, там же лежала и коробка с патронами. Когда он доставал то и другое, на пол шлепнулся пистолет в кобуре. Робби вздрогнул, испугавшись, что шум привлечет внимание террористов. Но все вроде бы было спокойно. Он сунул пистолет за пояс, потом проверил короткостволку - она была заряжена. "О'кей", прошептал он. Набив карманы патронами, Робби вернулся в спальню. "А что теперь?" Это не то что в Ф-14, с его радаром, способным нащупать цель за сотни миль от тебя, да еще с ведомым, что прикрывает тебя сзади.

"Картина..." - вспомнил он. Но, чтобы увидеть, что делается внизу, надо было стать коленями на кровать. "И какого черта Джек так расставил мебель?" злился Джексон. Положив короткостволку на кровать, он осторожно взялся обеими руками за картину и сдвинул ее в сторону сантиметра на два. "Сколько их?.. Раз, два... три. Это все или есть еще? А что если один уцелеет?.."

Он увидел, что руки принца были связаны, и низкорослый террорист занимался Джеком. Связав Джека, он толкнул его на диван и повернулся к Сисси.

- Что вы собираетесь сделать с нами? - спросила она.

- Заткнись, черномазая! - сказал коротышка.

Хотя Робби понимал, что сейчас не до каких-то там тривиальных расистских выпадов, все же он вскипел, увидев, как обращается с его женой этот...

"Недоносок, белое дерьмо! - прорычал он. - Спокойно, спокойно, - сказал он себе. - Не суетись. Второй попытки тут не будет - надо с первого разу... Не горячись, Робби".

У Лонгли забрезжила надежда. Откуда-то слева пришла поддержка. "Может, это те, что были в доме" - подумал он. По меньшей мере один из них располагал автоматом. Судя по всему, трое террористов были убиты - во всяком случае, они лежали на траве и не подавали признаков жизни. Лонгли расстрелял пять патронов и ни разу не попал - в темноте для револьвера расстояние было слишком большим.

Но это по крайней мере задержало террористов. Вот-вот придет помощь. Должна прийти. В машине связи уже никого не было, но справа от него притаился агент ФБР. "Еще несколько минут, несколько минут", - думал Лонгли.

- Вижу вспышки внизу, - сказал пилот. - Я ... На мгновение молния

выхватила из темноты дом. Людей там, внизу, они рассмотреть не могли, но это был тот самый дом, и вспышки огня - это перестрелка... Большого сквозь пелену дождя увидеть было невозможно. Все эти лампочки на приборной доске и вспышки молнии слепили пилота, перед глазами мелькали голубые и зеленые пятна.

- Боже, - сказал Гас Вернер в переговорное устройство, - куда мы попали?

- Во Вьетнаме, - спокойно ответил пилот, - мы называли это высадкой в пекло. "И там я тоже страшно боялся", - прибавил он про себя.

- Вызови Вашингтон.

Второй пилот переключил радио на другую частоту и махнул рукой Вернеру, сидевшему сзади.

- Это Вернер, - немедленно начал передачу Вернер.

- Гас, это Билл Шоу. Где вы?

- Дом уже в пределах видимости, и там настоящая война. Вы в контакте с нашими людьми?

- Связи нет. Вашингтонской команде до вас еще полчаса ходу. Люди из полиции на подходе, но движение затруднено - шторм вырывает деревья с корнями, кое-где завалило дороги. Так что, Гас, придется вам... Давай, приступайте к действиям.

Обычно перед группой спасения заложников ставили следующие задачи: оценить наличную ситуацию, взять ее под контроль и освободить заложников, по возможности, без применения силы. Если же это невозможно, то с применением таковой. Но они не были десантниками, они были специальными агентами ФБР.

Однако сейчас там, внизу, были их собратья по оружию, их коллеги.

- О'кей. Будем стараться держать вас в курсе.

- Ладно. Будьте осторожны, Гас.

- Иди на посадку, - сказал Вернер пилоту.

- О'кей. Я обогну дом и сяду с подветренной стороны. Я не смогу высадить вас вплотную к дому. Уж больно сильный ветер, меня может занести.

- Давай, - сказал Вернер и окинул взглядом своих людей. У каждого пистолет, у четверых, как и у него самого, пулеметы МП-5. Верзила-снайпер и наводчик выскочат первыми. - Садимся, - объявил он. Один из агентов выставил вперед кулак с поднятым большим пальцем. Это выглядело лихо, но не совсем отвечало тому, что они все чувствовали.

Вертолет резко пошел вниз, но тут по нему, словно молотом, ударил порыв ветра. Пилот с трудом вырвался вверх и завис над рощей. До дома было всего несколько сотен метров. Потом вертолет прошел над просекой, совсем низко, чтобы каждый успел рассмотреть, что там внизу, и оценить положение.

- Между домом и утесом вполне хватает места, - сказал пилот и прибавил скорость, развернувшись против ветра.

- Вертолет! - проорал кто-то справа от О'Доннелла. Он взглянул вверх точно! Но О'Доннелл к этому был готов. Один из его людей, затаившихся возле дороги, снял чехол с ракетной установки "Редай".

- Придется включить посадочные огни, - сказал пилот в переговорное устройство. Он повернул на запад и отошел от дома на полмили. Он хотел пройти прямо над домом, потом нырнуть вниз, развернуться и сесть с

подветренной стороны. "Боже, - думал он, - ну точно, как во Вьетнаме". Пилот включил посадочные огни. Это был риск, но иначе он не мог посадить вертолет. "Зато хоть что-то видно", - пробормотал он себе под нос. Сквозь мерцающую сетку дождя теперь виднелась земля. Он еще успел подумать, что шторм усиливается... как навстречу ему рванулся поток огня, и он понял, что это ракета класса "земля-воздух". Следующие две секунды длились, казалось, целый час - ракета прошла через крылья несущего винта и исчезла вверх. Пилот попытался вновь вздернуть машину вверх, но было уже поздно. Вертолет плюхнулся посреди вспаханного поля, в четырех сотнях метров от дома Райана. Он уже отлетал свое.

Это было чудо, что никто не погиб. Раненых было двое, в том числе Вернер.

Ощущение было такое, словно ему в спину всадили пулю. Первыми спрыгнули на землю снайпер и наводчик, за ними остальные.

Принцесса была выше Кули и, когда он подошел к ней, окинула его взглядом, который трудно было назвать всего лишь презрительным. Кули грубо рванул ее, повернул к себе спиной и принялся связывать ей руки.

- У нас особые на вас виды, - сказал он, закончив работу.

- Подонок. И сам, уверена, не знаешь, какой ты подонок, - сказала Сисси.

Кули злобно оскалился и влепил ей пощечину. Робби и это стерпел, выжидая момент, когда можно будет лучше прицелиться в блондина. Наконец блондин шагнул в сторону...

Глава 25

ГОЛОС СВОБОДЫ

Дробь короткостволки ложится в цель кучно. За окном полыхнула очередная молния, и Райан вздрогнул от тут же ухнувшего грома, но мгновение спустя сообразил, что это не гром, - слишком уж быстро он грохнул. Заряд дроби прошел всего в каком-нибудь метре мимо его головы - он еще не понял, что это такое, как увидел, что голова блондина дернулась назад и лопнула, взметнув вверх красное облачко. Тело его рухнуло навзничь, ударившись о ножку стола. Негр в это время смотрел в угловое окно, когда он повернулся, товарищ его уже был на полу - почему и как, непонятно. Глаза его безумно заматались по гостиной, и вдруг вся грудь окрасилась красным и его отбросило к стене. Кули в это время связывал Кэти и был слишком занят своим делом. Первый выстрел он принял за гром, когда прозвучал второй, он понял, что это такое, но было уже поздно.

Принц прыгнул на него, выставив вперед плечо и, прежде чем самому рухнуть на пол, сбил его с ног. Джек перемахнул через кофейный столик и со всего маху врезал ногой по голове Кули, сам же, потеряв равновесие, упал. Кули на мгновение потерял сознание, но тут же очухался, поднялся на ноги и

бросился к столу, где лежал его автомат. Однако и Райан тоже успел подняться с пола и кинулся Кули под ноги. Кули бешено забрыкался и успел еще ударить принца, тоже вставшего с пола, но в ту же секунду в нос ему уперлось дуло короткостволки, еще теплое.

- Не дергайся, говнюк, или я разнесу твой череп. Кэти уже выпросталась из веревок и первым делом развязала руки Джеку. Он склонился над блондином. Тело еще подергивалось, лицо стало кровавой массой. Джек разжал пальцы его правой руки, сжимавшие приклад "узи", и подобрал с пола запасной магазин. Принц завладел автоматом негра.

- Робби, - сказал Джек, осматривая автомат, - надо отсюда смываться.

- Согласен. Но куда? - ответил Джексон и дулом пригнул голову коротышки к полу. Кули скосился на дуло короткостволки - вид у него был комичный. - Я думаю, этот тип знает кое-что полезное для нас, - сказал Робби и, повернувшись к Кули, спросил:

- Как вы собирались скрыться отсюда, ну?

- Не знаю, - выдавил тот из себя, с ужасом поняв, что такая работа, в конце концов, не для него.

- Ах, не знаешь? - злым, хриплым голосом сказал Робби. - Слушай меня, парень. Вот та вот дама, которую ты назвал черномазой, она - моя жена. Я видел, как ты ее ударил. Уже за одно это я готов пришить тебя. Усек? - Робби злобно оскалился и приставил дуло короткостволки к паху Коротышки. - Но я убивать тебя не буду. Я тебе кое-что другое устрою. Я из тебя, пидор, девочку сделаю. А ну, отвечай!

Джек прямо диву дался - ему и в голову не могло прийти, чтобы Робби мог так вот заговорить. Но он не сомневался, что Робби вполне мог осуществить свою угрозу.

Кули тоже не сомневался в этом. "Лодки... лодки у подножья утеса", выговорил он наконец.

- Придумал бы что-нибудь поумней! Ну, можешь попрощаться со своим хозяйством, парень, - ствол чуть наклонился, нащупывая верный угол.

- Две моторные лодки у подножья утеса. Там есть лестница...

- Сколько людей их охраняют? - наседал Робби.

- Один. Всего один человек. Робби взглянул на Райана.

- Ну, Джек?

- Я предлагаю захватить лодки. Судя по стрельбе, террористы приближаются к дому.

Джек выбежал в коридор и вернулся с плащами для всех. Робби он протянул свою старую куртку.

- Набрось ее на себя, а то твоя белая рубашка слишком заметна.

- Я нашел еще коробку патронов для короткостволки, - сказал Робби и принялся извлекать патроны из брючных карманов, перекладывая их в карманы куртки. Затем, забросив за спину автомат коротышки, он тихо выговорил:

- Мы ведь оставляем тех, кто умирает за нас. Райан тоже не был в востроге от этого.

- Я знаю, но, если они захватят принца, - они выиграли. И кроме того, у нас на руках женщины и ребенок.

- О'кей, ты морской пехотинец, тебе лучше знать, - кивнул Робби.

- Давай выбираться отсюда. Я пойду гляну, что там и как, а ты, Роб, стереги этого типа. Принц, на вас забота о женщинах. А ты, - Джек нагнулся и схватил Дэниса Кули за глотку, - если дернешься, считай, что ты покойник.

Робби, не церемонься с ним.

- Само собой, - сказал Джексон и отступил на шаг от террориста. - А ну, вставай, мразь!

Джек вывел их через разбитые стеклянные двери на террасу. Там лежали, скорчившись, тела двух агентов. Надо было бы хоть посмотреть, что с ними, но Райан, мысленно горько упрекнув себя, все же прошагал мимо. Все заложенное в него в годы службы в морской пехоте теперь всплыло в памяти. Он был на поле боя.

Джек спустился с террасы, и тут же дождь обрушил на него свои потоки.

Подкравшись к углу дома, он осторожно выглянул.

Лонгли и его люди были слишком заняты тем, чтобы отразить фронтową атаку, и забыли про свой тыл. Британский агент службы безопасности выпустил четыре пули по надвигавшейся на него черной фигуре и ухмыльнулся удовлетворенно, увидев, как та дернулась и склонилась к земле. В тот же миг сокрушительной силы удар отбросил его к дереву. Он еще успел обернуться и увидел двоих в черном.

Снова прозвучала автоматная очередь, и через несколько секунд в лесу все стихло.

- О, Боже, - пробормотал снайпер, перепрыгнув через труп еще одного агента. Это был уже пятый. Он бежал, низко пригнувшись к земле. Остановиться хоть на секунду не было никакой возможности. Добежав до ближайшего куста он плюхнулся на землю, через мгновение наводчик оказался возле него. Включив прибор ночного видения, он навел его на рощу, что была от него в нескольких сотнях метров, - к ней приближались фигуры в черном.

- Я насчитал одиннадцать, - сказал наводчик.

- Похоже, - согласился снайпер. Он мог за двести метров с первого раза попасть в цель величиной не более семи сантиметров. Но сейчас в его задачу входил всего лишь сбор разведданных. Прежде чем действовать, командир группы должен знать, что тут делается.

- Вернер, это Паульсон. Я насчитал одиннадцать, движутся по направлению к роще, что между нами и домом. Вооружены, похоже, автоматами. У них убито - он туда-сюда поводил, словно указкой, винтовкой - что-то человек шесть. И наших полно лежит... Боже мой! Надеюсь, хоть санитарные-то машины идут сюда?

- Видишь кого-нибудь из наших?

- Нет. Советую вам двигаться с другой стороны. Можете прислать мне сюда подмогу?

- Только одного. Когда он подойдет, начинайте осторожно продвигаться вперед. Не спешите, Паульсон.

- Хорошо.

Вернер, отдав этот приказ, двинулся вместе с двумя своими людьми вдоль линии деревьев. Светло-зеленая раскраска их маскировочных халатов - плод расчетов компьютера - делала их почти невидимыми даже при вспышках молнии.

Джек видел, как там вдруг полыхнули вспышки автоматных очередей, и потом все стихло. Вопреки сказанному Робби, ему было вовсе не по душе покидать поле боя. Но разве мог он поступить иначе? Их было всего трое, и надо было спасать женщин и Салли, а сколько там террористов, никто не знал. Выругавшись, он вернулся к своим.

- Где тут спуск? - спросил Райан, прижав дуло автомата к груди Кули.

- Вот там, - ткнул Кули пальцем в темноту.

Райан выругался. Кули показывал в сторону утеса. Все время он только о том и заботился, чтобы держаться подальше от края утеса и тем более не подпускать к нему Салли. Утес был высокий, и вид, открывавшийся из окон дома, был великолепен, но это значило также, что внизу простиралось неизвестное ему пространство - обширная зона, которая из дома не просматривалась. Вот ее-то террористы и использовали для подхода с моря. И захватили с собой раздвижную лестницу, чтобы подняться по утесу. Подход к лестнице был отмечен согласно правилу, общему во всех руководствах, палками, обмотанными белой марлей.

- О'кей, - сказал Райан, глядя в темноту. - Мы с этим типом идем первыми, вы, Ваше высочество, и женщины - следом, ты, Робби, держись в десяти метрах от нас и прикрывай тыл.

- Джек, я хорошо стреляю, - сказал принц.

- Нет, - мотнул головой Джек, - если они вас заполучат - они выиграли. На вас лежит забота о женщинах и о моей дочери. В случае чего направляйтесь к югу.

Где-то через полмили наткнетесь на глубокий овраг, он вас выведет к проселочной дороге и тогда шуруйте по ней. Робби, стреляй по всему, что шевелится.

- А если это...

- Никаких "если", черт побери! Все, что движется, - враг. Джек последний раз огляделся вокруг. "Мне бы пяток обученных людей, таких как Бреккенридж"... подумал он.

- О'кей, Коротышка, ты идешь впереди. Если что, если хоть чуть-чуть что, я тебя из автомата пополам перережу. Понял?

- Понял.

- Тогда двигай.

Кули начал спускаться по лестнице, за ним, почти наступая ему на руки, Райан. Алюминиевые перекладины были скользкими от дождя, зато тут, за утесом, почти не было ветра. Лестница прогибалась, качалась. "Как они ее, суки, доставили сюда?" - думал Джек. Он не спускал глаз с Кули и раз чуть не соскользнул с лестницы. Он уже одолел полдороги, когда начала спускаться вторая группа. Принцесса подстраховывала Салли, готовая в любой момент прижать ее своим телом к лестнице. И все равно девочка плакала от страха. Джек старался не слышать этого. Ему сейчас было не до гнева и не до жалости. Сверкнула молния и высветила две лодки - чуть в стороне от спуска. До них было метров сто. Был там кто-то или нет - не разглядеть. Наконец он спустился на землю. Кули был уже в двух метрах от лестницы, и Джек прыжком настиг его, выставив вперед автомат.

- Стоп! - шепотом приказал он. - Замри!

Потом появился принц, за ним женщины. Теперь пришла очередь спускаться Робби. В куртке морского пехотинца он был почти невидим на черном фоне неба.

- Когда я начал спускаться, - сказал Робби, - они вошли в дом. Может, - он помахал в воздухе обмотанными марлей палками, - это их отчасти задержит. Им трудней будет найти спуск.

- Молодец, Робби, - сказал Джек, всматриваясь в море. Лодки были где-то тут, но разглядеть их в такой тьме было невозможно. Коротышка сказал, что охраняет их всего один человек. "А что если он врет? - подумал Джек. - Готов ли он умереть за свое дело? Способен ли заорать, чтобы дать сигнал тревоги, и умереть? Впрочем, какая разница? У нас ведь все равно нет выбора!"

- Давай вперед, - ткнул он Кули автоматом в спину. - Только помни, кто умрет первым.

Был прилив, и вода плескалась всего метрах в двух от подножия утеса. Песок был мокрым и твердым - ноги не вязли. "Сколько до лодок? Сотня метров?" Они шли, держась как можно ближе к покрытому щетиной кустов утесу. Вряд ли их можно было увидеть из лодок.

Ударом молнии расщепило дерево на вершине утеса. Тьма на секунду рассеялась, и Джек увидел лодки - в каждой из них было по человеку. "Так, говоришь, всего лишь один человек?" - злобно прошипел он Кули. На секунду Кули остановился. Теперь, после молнии, Джек вообще ничего не видел, но он тут же сообразил, что ничего не видят и все другие. Джек припомнил, что стоявший в ближней к ним лодке человек вроде бы держал в руках оружие - то ли автомат, то ли винтовку. Во всяком случае, не пистолет. Его распирала ненависть к Кули.

- Какой пароль?

- Никакого, - ответил Кули дрожащим голосом, прикидывая свое положение. Он оказался в прямом смысле меж двух огней - обе стороны были готовы в любой момент открыть стрельбу.

"Врет или нет" - думал Райан.

- Шагай, - приказал он Кули.

В темноте обрисовалось что-то черное, а потом чуть обозначились контуры лодки. До нее было метров пятьдесят. Райан взмолился, чтобы только не полыхнула молния. Тогда те, что в лодках смогут разглядеть их лица, а если они увидят, что впереди идет коротышка...

"Что же теперь делать?.. Можно быть или полицейским или солдатом, но никак не тем и другим сразу", - припомнились ему слова Джо Эванса из лондонского Тауэра. И вовремя - теперь он знал, как ему действовать.

Еще сорок метров. На каждом шагу попадались камни, и надо было глядеть в оба, чтобы не споткнуться. Вытянув вперед левую руку, он свинтил с дула массивный глушитель и сунул его за пояс. Теперь автомат стало удобней держать.

Тридцать метров. Джек спустил предохранитель и прижал железный приклад к подмышке, готовый в любой момент вскинуть его к плечу. "Еще несколько секунд..." - подумал он.

Двадцать пять метров. Теперь лодка уже хорошо была видна - длиной метров в шесть, с тупым носом... И за ней вторая, метрах в двадцати - точно

такая же.

Возле левого борта первой лодки стоял человек. Он вглядывался в темноту, пытаясь угадать, кто идет. Джек нащупал пальцем курок. Из "узи" ему случалось стрелять лишь однажды, в Куантико. Автомат был невелик, но в руке лежал надежно. Однако в такой тьме толку от прицельной планки практически никакого, так что придется...

Двадцать метров. "Джек, ты должен уложить его сразу."

Джек сделал полшага вправо, встал на колено, прицелился, взяв чуть вниз и влево, и нажал на курок. Автомат дернулся вверх и вправо - короткая очередь пошла по диагонали. Тот, на борту лодки, тут же упал. А Райан на миг ослеп - на этот раз от вспышки, вырвавшейся из дула автомата. Кули, едва прозвучала очередь, плюхнулся на песок.

- Вставай! - Райан схватил его за шиворот, поставил на ноги и подтолкнул вперед.

Это отвлекло Джека, он споткнулся и чуть не упал. Кули воспользовался моментом и, подняв голову, Джек увидел, что он мчится по направлению к лодке.

"А там ведь автомат, и он откроет стрельбу по нам!" - с ужасом подумал он. Кули что-то выкрикивал на бегу.

Джек бросился за ним, но Кули уже был возле самой лодки, уже повис на ее борту. И тут со второй лодки прозвучала длинная очередь. Голова Кули дернулась, и он рухнул, как куль с картошкой, на дно лодки. Джек прицелился и дал ответную очередь. Человек в лодке упал. Попал он или нет, Джек не знал. "Совсем как на учениях в Куантико", - мелькнуло у него: полный хаос, и выигрывает тот, кто делает меньше ошибок.

Он прыгнул в лодку и крикнул своим: "Давай сюда!" Выпрямившись во весь рост и держа автомат наготове, он не спускал глаз со второй лодки. Не оглядываясь, он слышал, как остальные карабкались на борт. Сверкнула молния, и Джек увидел труп убитого им террориста - в груди у того были три кровавых отверстия, в глазах застыло удивление. Кули валялся рядом в луже крови, половины черепа у него как не бывало. Наконец и Робби прыгнул в лодку. Над бортом второй лодки появилась голова, и Джек нажал на курок.

- Робби, быстро! - крикнул Джек и на карачках пробрался к другому борту, проверяя на ходу, все ли лежат, прижав голову к палубе.

Джексон уселся за руль. Ключ зажигания был на месте. Он повернул его, и мотор закашлял, заводясь, как вдруг со второй лодки опять заработал автомат.

Пули застучали по обшивке. Джек дал ответную очередь.

- Люди на утесе! - крикнул принц.

О'Доннелл был уверен, что все агенты убиты, но тот вертолет, похоже, все-таки сел где-то на поле. Если бы ракета попала в него, был бы взрыв...

- Спасибо за помощь, Син Они оказались лучше, чем я ожидал. Ты захватил их?

- А как же? Я оставил там Дэниса и еще двоих. Думаю, пора нам уходить.

- Самое время! - подал голос Алекс. - Сдается мне, - махнул он рукой в

сторону поля, - оттуда идет еще свора псов.

- Син, - распорядился О'Доннелл, - возвращайся в дом и гони их на утес.

Миллер и еще двое бросились к дому. Алекс с ними. Парадная Дверь была открыта. Войдя в гостиную, Миллер застыл от удивления и ужаса.

Паульсон, а за ним наводчик бежали вдоль опушки - туда, где подъездная дорога сворачивала к дому. Там Паульсон плюхнулся на землю и установил винтовку на двуногу. Вдали слышно было завывание сирен, и он мысленно обругал эту чертову полицию, которой все не было и не было. Настроив прибор ночного видения, он увидел несколько человек, бегом огибавших дом с северной стороны.

- Что-то тут не то, - сказал он.

- Ясно, что по дороге они не собираются отходить, - сказал наводчик. - Но другого-то пути у них ведь вроде бы нет?..

- Да, задача... - пробормотал Паульсон и включил радиопередатчик.

Вернер старался не обращать внимания на боль в спине. Он и двое его людей бежали, пригнувшись, по направлению к дому. Выслушав донесение Паульсона, он приказал своим людям продвигаться с удвоенной осторожностью.

- Так где же они? - спросил Алекс.

Миллер озираясь вокруг, все еще не придя в себя от изумления. Двое его людей были убиты... Их автоматы исчезли... "Эти" - тоже...

- Так где же они, черт побери? - снова спросил Алекс.

- Обыскать дом! - заорал Миллер.

Трое террористов бросились наверх, а Алекс даже не шелохнулся. Он смотрел на Миллера с нескрываемой ненавистью.

- Столько работы, - выдавил он из себя, - и опять ты все просрал.

Обшарив весь дом, террористы доложили, что никого нет. Миллер и сам уже понял, что случилось что-то непредвиденное. Он выбежал из дома. Остальные за ним.

Паульсон перебежал на новое место и опять установил винтовку. Сперва он насчитал двенадцать террористов, потом из дома выскочили еще человек пять. Судя по беспорядочной жестикуляции, у них там что-то случилось. Но что именно, Паульсон понять не мог.

- Они смылись, - опередил Миллера Алекс. О'Доннелл просто не мог поверить этому Син наскоро объяснил ситуацию. Голос его прерывался от волнения.

- Ваш мальчик все просрал, - сказал Доббенс. Это было уж слишком. Миллер заученным движением сдернул с плеча "узи" и дал очередь по Алексу - с расстояния в какой-нибудь метр. Луис, увидев, что его босс свалился на

землю, схватился за пистолет, но Миллер опередил его, полоснув из автомата.

- Что за черт? - воскликнул наводчик.

Паульсон снял предохранитель и прицелился в того, кто только что убил двоих. Но кого он убил? Он мог стрелять только для того, чтобы спасти жизнь своих, а те, кого только что убили, были, почти наверняка, террористами.

Насколько он мог судить, в этой группе не было заложников. "Так где же, черт возьми, заложники?" На краю утеса обозначилась фигура террориста, и он вроде бы что-то кричал - все бросились к нему. Паульсон не знал, что делать - то ли стрелять, то ли нет.

- Давай, давай, бэби, - уговаривал Джексон мотор. Он еще не разогрелся и работал с перебоями. Робби включил заднюю скорость. Лодка медленно заскользила назад, удаляясь от берега. Райан не спускал глаз с другой лодки, держа "узи" наготове. Вот над бортом ее снова появилась голова, и Джек выпустил очередь. Но она оказалась слишком короткой - всего три пули. Кончился магазин.

Чертыхнувшись, Джек перезарядил автомат и опять ударил по той лодке.

- Люди на утесе, - снова предупредил принц. Наверху появились вспышки и в ту же секунду пули замолотили по воде. Две из них угодили в саму лодку. Сисси вскрикнула и дернулась. Тут принц вскинул короткостволку и дал ответный залп.

Робби отплыл от берега метров на тридцать, резко крутанул штурвал и дал полный вперед. Мотор опять закашлял и уже казалось, что он вот-вот заглохнет, но потом взревел мощно, и лодка рванулась вперед.

- Порядок! - проорал Робби. - Джек, куда правим? Как насчет Аннаполиса?

- Давай! - крикнул в ответ Джек. Он оглянулся: на лестнице чернели фигуры - все ближе, ближе к земле... Сверху, с утеса, по лодке все еще вели стрельбу, но опасности она уже не представляла. Джек отвернулся и только тут увидел, что Сисси сидит согнувшись, обхватив обеими руками левую лодыжку.

- Кэти, поищите - нет ли тут пакета первой помощи, - сказал принц. Он все еще стоял на корме с короткостволкой в руках, не спуская глаз с берега. Джек увидел под сиденьем рулевого белую пластиковую коробку, дотянулся до нее ногой и отфутболил ее Кэти.

- Робби, Сисси ранена в ногу, - сказал он.

- Это ничего, Роб, - сказала Сисси. Однако, судя по голосу, чувствовала она себя неважно.

- Как ты? - придвинулась к ней Кэти. - Сейчас я тебя перевяжу.

- Больно, но терпеть можно, - сквозь зубы ответила Сисси и попыталась улыбнуться.

- Тебе правда не очень плохо? - спросил, обернувшись, Робби.

- Да... - выдохнула она. - Жми, Робби!

- Робби, может, мне встать за штурвал? - спросил принц.

- О'кей, капитан, - согласился Робби и передал штурвал принцу. - Курс ноль-три-шесть. Учтите: как только утес не будет нас прикрывать, волны будут посерьезней.

- Учту. Значит - в Аннаполис? А как я его узнаю?

- Когда увидите мосты при входе в залив - на них должны гореть лампы, крикните мне. Я знаю эту гавань.

Принц кивнул головой и сбросил скорость - волны достигали уже полутора метров. Джексон подошел к Сисси.

Лодка, на которой они плыли, была обычной моторкой, которой пользовались местные рыбаки. Она развивала приличную скорость в штиль, и ей нипочем было мелководье. Но в непогоду она была ненадежна. Тупой ее нос плохо справлялся с волнами, они то и дело перехлестывали через него. Спасало лишь защитное стекло рулевой будки - оно рикошетом отбивало воду.

Джек начал понемногу приходить в себя. Они ушли, и теперь их судьба снова была в их собственных руках.

- За нами погоня, - сообщил Робби и загнал в короткостволку два патрона. Метрах в трехстах. Я их засек, когда ударила молния. Но они нас потеряют - при таком-то дожде... если нам повезет.

- Какая сейчас, по-твоему, видимость?

- Ну, если не считать молний... - Робби пожал плечами. - От силы, метров сто. А куда мы идем, они не знают. Да, - помолчав добавил он, - чего нам не хватает, так это радиосвязи. Мы могли бы вызвать Береговую охрану и устроить им отличную ловушку.

Джек взглянул на Салли - она спала на коленях у принцессы. "Хорошо быть ребенком", - подумал он.

- Да, повезло нам, Робби.

- Еще как! Вовремя мне приспичило в сортир. Райан хохотнул в ответ.

- А я и не знал, что ты такой мастак стрелять.

- Давно, когда я еще был мальчишкой, у Ку-клукс-клана было одно хобби.

Они напивались по вторникам и поджигали негритянские церкви. Просто чтобы мы знали свое место, понимаешь? И вот однажды дошла очередь до церкви моего отца. Но нас предупредил владелец винной лавки - не все ведь у нас там были говнюками. В общем, мы с отцом устроили им засаду. Убить мы никого не убили, но напугали их до смерти. А машину я одному там искорежил будь здоров, - зашелся смехом Робби.

- Полиция никого не арестовала, но больше поджогов в нашем городе не было. Так что они этот урок хорошо усвоили. Ты знаешь, Джек, - сказал он, посерьезнев, сегодня я впервые убил человека.

И странно - никаких особенных переживаний в связи с этим.

Совсем никаких.

- Подожди до завтра. - у Робби взглянул на него.

- Ты думаешь?

Райан, не выпуская из рук "узи", всматривался в темноту, но ничего не было видно. Все было объято бесформенным, серым месивом. Дождь хлестал по лицу, заставляя щуриться. Лодку бросало с волны на волну, и Джек подумал, что в другое время он от такой качки давно бы уже блевал. Сверкнула молния, но и при ее свете он ничего не разглядел.

Они ушли. После того как снайпер сообщил, что террористы скрылись, люди Вернера обыскали весь дом - там никого, кроме двоих убитых, не нашли. Тут прибыла вторая группа спасения, более двух десятков полицейских и целая толпа пожарников и фельдшеров. Прочесав всю местность, они обнаружили четверых раненых: троих агентов секретной службы и одного террориста. Их тут же отправили в госпиталь. Таким образом, всего погибло семнадцать охранников и шестеро террористов, двое из которых были, очевидно, убиты своими же.

- Они погрузились в лодку и отплыли, - сказал Паульсон. - Я мог бы снять парочку, но совершенно невозможно было различить, кто есть кто.

Он был прав. Он знал это, как и Вернер. Нельзя стрелять в кого попало.

- Так что же, черт побери, теперь делать? - спросил капитан полиции.

Вопрос был риторическим - ответа на него пока никто дать не мог.

- Так вы полагаете, что наши ушли? - спросил Паульсон. - Я не видел никого, кто походил бы на наших. А террористы вели себя так... В общем, видно было, что что-то у них пошло наперекосяк.

"Да, что-то пошло наперекосяк, это так, - подумал Вернер. - Прямо настоящая война. Более двадцати человек убито".

- Давайте исходить из того, что наши каким-то образом бежали... Нет, давайте лучше исходить из того, что террористы ушли на лодке. Так куда они могут направиться? - спросил Вернер.

- Знаете, сколько здесь лодочных пристаней? - спросил капитан полиции.

- А домов со своими эллингами и вообще не счесть! Сотни! Все их проверить нам не под силу.

- Но надо же что-то делать, - обрезал его Вернер. Злость так и бурлила в нем, а тут еще эта боль в спине...

К ним подбежала черная собака. Вид у нее, как и у всех тут, был растерянный.

- Похоже, они потеряли нас.

- Не исключено, - ответил Джексон. Опять полыхнула молния, но ничего подозрительного не высветила. - Залив ведь большой, а видимость - хуже некуда.

Но дождь косой, бьет сзади - нам в глаза, когда стоишь на корме, а им нет. Так что у них видимость лучше - метров на двадцать. А эта малость может оказаться решающей.

- А что если нам забрать подальше к востоку? - спросил Джек.

- Там ходят большие суда. А сегодня пятница - их там будет полно, из Балтиморы. И идут они со скоростью десять-двенадцать узлов - причем, вслепую, как и мы. Не-ет, - покачал головой Робби, - не для того мы спаслись от террористов, чтобы нас потопила какая-нибудь ржавая греческая посудина. Это было бы совсем ни к чему.

- Впереди огни, - доложил принц.

- Мы дома, Джек! - Робби рванул вперёд. Вдали мерцали огни на двух мостах - ошибки быть не могло, это были мосты Чесакпикского залива. Принц уступил Джексону место у штурвала. Джексон взял западнее. Вблизи гавани

волны слегка улеглись, но дождь лил как из ведра, и Робби вел лодку, больше полагаясь на память, нежели на глаза. В какой-то момент он едва не наткнулся на буй, но в самый последний миг сумел вильнуть в сторону. Наконец показалась бетонная стена, к которой были пришвартованы серые катера патрульной службы. Робби сманеврировал и причалил к стене.

- Эй, там, отваливай отсюда! - появился на причале морской пехотинец. Тут нельзя швартоваться.

- Я - лейтенант Джексон, - ответил Робби. - Я тут работаю. Джек, займись канатом там, в носовой части.

Джек подождал, пока Робби развернет лодку, прижав ее бортом к причалу, а потом выпрыгнул и закрепил канат за кнехты. Принц тоже выскочил на причал и закрепил кормовой канат. Робби заглушил мотор и выбрался на причал вслед за ними.

- Узнаешь меня, старина? - спросил он морского пехотинца. Тот отдал честь.

- Прошу прощения, лейтенант, но... - он направил луч фонаря на лодку. Боже мой!

Единственная польза от дождя была в том, что он смыл почти всю лужу крови.

Морской пехотинец разинул рот от изумления, увидев двух убитых, трех женщин, одна из которых была ранена, и спящего ребенка. Только тут он заметил, что на плече у Райана висит автомат. Скучный дождливый вечер обернулся для него зловещим приключением.

- Радиопередатчик есть? - спросил Робби. Пехотинец протянул ему радиотелефон.

Алло, это лейтенант Джексон.

- Лейтенант? Я - сержант Брекенридж. Я не знал, что вы сегодня на дежурстве. Чем могу служить? Джексон вздохнул с облегчением.

- Хорошо, что это вы. Пушка. Слушайте внимательно: вызовите дежурного офицера. Потом пошлите сюда несколько морских пехотинцев. Немедленно. И с оружием. Мы на причале для яхт. У нас тут крупная рыба. Так что давайте на подмогу!

- Есть, сэр!

- Как тебя звать, старина? - спросил Робби морского пехотинца.

- Младший капрал Грин, сэр!

- О'кей, Грин, помоги нам с женщинами - надо их как-то на берег...

Грин спрыгнул в лодку и помог выбраться на причал сперва Сисси, потом Кэти и принцессе, на руках которой мирно спала Салли.

- А что с этими, сэр? - ткнул рукой в сторону убитых Грин.

- Эти могут и подождать.

Пехотинец еще раз бросил взгляд на тела и пробормотал:

"Подождать так подождать..."

- Что тут происходит? - раздался женский голос. - А, это вы, лейтенант!

- А вы что тут делаете, шеф?

- А то вы не знаете? Я ведь должна присматривать за лодками, сэр. А то ветер расколотит их в щепки о причал, - сказала Мэри Знамировски, начальник причала. Оглядев всех, она спросила удивленно:

- А что, черт побери, случилось.

- Шеф, - прервал ее Робби, - будьте добры - отведите женщин куда-нибудь под крышу. Объяснения потом.

Тут подкатил пикап. Из кабины выскочил Брекенридж, за ним - еще трое.

Бросив быстрый взгляд на женщин, сержант повернулся к Джексону и тоже спросил:

- Что, черт побери, происходит?

Робби махнул рукой в сторону лодки. Брекенридж, окинув ее взглядом, тихо воскликнул:

- Боже мой!

- Мы ужинали у Джека, - объяснил Робби. - И кое-кто испортил нам вечеринку. Они охотились за ним, - Джексон кивнул на принца Уэльского. - Принц улыбнулся Брекенриджу. Сержант вытаращил глаза от изумления - он узнал принца.

Рот его приоткрылся на мгновение, но он тут же захлопнул его и отдал честь, как обычно поступают морские пехотинцы, когда не знают, что им делать. - Они, продолжал Робби, - убили кучу охранников. А нам повезло. Они планировали бежать на лодках. Но на одной бежали мы, а вторая гналась за нами.

- Чем они вооружены? - спросил Брекенридж.

- Вот этим, Пушка, - показал Райан на свой "узи". Сержант кивнул и извлек из-под плаща рацию.

- Вахта? Это Брекенридж. Объявите боевую тревогу номер один. Поднять всех людей. Вызовите капитана Петерса. Чтобы через пять минут тут было отделение с оружием. Живо!

- Вас понял. Тревога номер один.

- Можете вы куда-нибудь убрать отсюда женщин? - спросил Райан.

- Не сейчас, сэр, - ответил Брекенридж и огляделся, оценивая обстановку. Надо прежде всего позаботиться о безопасности. Наши друзья, возможно, высадились выше по реке и могут притопать сюда по суше. Я бы на их месте именно так сделал. Через пять минут сюда прибудет отделение морской пехоты, через десять - взвод начнет прочесывать местность. Если только они не перепились, прибавил он тихо, и Райан вспомнил, что сегодня ведь пятница, а в Аннаполисе полно баров. - Каммингс и Фостер, присмотрите за женщинами. Мендоза, давай-ка в одну из этих лодок и следи за морем. Вы слышали, что тут произошло, так что не зевайте!

Брекенридж прошелся туда-сюда по причалу, прикидывая возможный сектор обстрела. "Кольт" казался игрушечным в его руке. По его лицу можно было понять, что ситуация ему не по душе, и он не успокоится, пока не подойдет подкрепление, а женщин не уведут в безопасное место. Он направился к ним.

- У вас все в порядке, леди?.. Ах, простите, миссис Джексон. Потерпите малость - скоро мы вас отправим в госпиталь.

- Нельзя ли выключить все эти лампы? - спросил Райан.

- Понятия не имею. Мне тоже не слишком нравится быть на свету. Давайте прикинем обстановку, лейтенант. Позади нас открытое пространство, так что оттуда незаметно к нам подобраться нельзя. Как только прибудет подмога, мы отправим женщин в госпиталь и приставим к ним охрану. Как, кстати, вам

удалось бежать?

- Нам, как говорит Робби, повезло. Он прикончил двоих из короткостволки, а я уложил одного в лодке. Четвертого пристрелил свой же, - Райан передернулся. В какой-то момент было жутковато.

- Могу себе представить. Эти типы чего-то стоят?

- Террористы? Еще бы! Они умеют нападать неожиданно, и это дает им массу преимуществ.

- Ну, здесь у них это не пройдет, - сказал Брекенридж.

- Лодка! - крикнул Мендоза.

- О'кей, ребята, - сказал Брекенридж, вскинув "кольт". - Нам надо продержаться всего пару минут, пока не подойдет подкрепление.

- Подходят, но медленно, - доложил Мендоза. Брекенридж приказал всем рассредоточиться, используя в качестве прикрытия бетонный парапет причала.

Присев возле Райана, он сказал:

- Они метрах в восьмидесяти. Идут то влево, то вправо - пытаются оценить ситуацию. Дайте мне только несколько минут.

- Да-а, - поддакнул Джек и спустил предохранитель автомата. Чуть приподняв над парапетом голову, он пытался разглядеть лодку. Вот она, приглушенно рокоча мотором, еще покрутилась на одном месте и направилась к тому же причалу, где только недавно пришвартовалась лодка с беглецами.

"Это они дали промах", - подумал Джек.

- Отлично, - сказал Брекенридж и прицелился из "кольта".

- О'кей, джентльмены. Раз уж пришли, то милости просим...

Тут подкатил пикап. Фары у него были потушены. Из него выскочили восемь человек. Двое морских пехотинцев вбежали на причал и попали в полосу света от одной из ламп. С лодки ударили из автоматов - пехотинцы залегли. Пули забарабанили по парапету и яхтам.

- Огонь! - взревел Брекенридж.

Все потонуло в грохоте стрельбы. Райан целился не спеша и жал на курок как можно более плавно. Но уже после второй очереди автомат его замолчал кончились патроны. Он выругался, не зная, что делать, но тут вспомнил, что у него за поясом пистолет. Он выхватил его и нажал курок, но тут же сообразил, что лодка уже исчезла из поля зрения. Только слышен был неистовый рев мотора.

- Прекратить огонь! Прекратить огонь! Они уходят! - крикнул Брекенридж. Есть раненые?

- Есть, - отозвался кто-то справа.

Сержант направился на голос. Райан за ним. Ранены были те двое морских пехотинца - один легко, в мякоть плеча, другой серьезнее - в бедро. Кэти склонилась над ним, чтобы осмотреть рану, но едва она дотронулась до нее, как он пронзительно вскрикнул.

- Мендоза, что там? - крикнул Брекенридж.

- Они уходят... Погодите... Да, идут на восток!

- Ничего, ничего, - успокаивала в это время Кэти раненого.

- Заживет. Это больно, я знаю, но - заживет.

Брекенридж нагнулся и поднял с земли лежавшую возле раненого винтовку.

- Держи, - сказал он сержанту Каммингсу и кинул винтовку ему.

- Кто здесь командует? - требовательным тоном спросил капитан Майк Петерс.

- Вроде бы, я, - сказал Робби.

- Боже, Робби, что здесь происходит?

Подъехал еще один пикап с шестью морскими пехотинцами.

- Так в чем дело, Робби? - вскричал не в себе капитан.

- Террористы. Они попытались накрыть нас у Джека дома. Хотели захватить...

Видите?..

- Добрый вечер, капитан, - поздоровался принц. - Попали мы хоть в кого-то?

Мне ни разу не удалось толком прицелиться, - разочарованно сказал он.

- Не знаю, сэр, - ответил Брекенридж. - С такого расстояния. в темноте...

Трудно сказать. А из пистолета тем более.

Блеснули одна за другой несколько молний, осветив залив.

- Я их вижу! - крикнул Мендоза. - Уходят в залив!

- Черт! - прорычал Брекенридж. - Вы, четверо, доставьте женщин в медчасть.

- Он наклонился, помогая принцессе подняться на ноги. - Мадам, может, лучше если девочку возьмет кто-то из солдат?

- Робби! - окликнул Джексона Райан, глядя на один из патрульных катеров, пришвартованных у причала.

- Да?

- Есть на этом катере радар?

- А как же, - сказала Мэри Замировски. - На всех этих катерах есть радары.

Один из морских пехотинцев, откинув задний борт пикапа, помог Сисси залезть в кузов.

- Что ты предлагаешь, Джек? - спросил Робби.

- Какая скорость у патрульных катеров?

- Узлов тринадцать... Так себе скорость. Мэри Замировски, окинув взглядом ряд катеров, вдруг сказала:

- При такой погоде я, клянусь, могла бы нащупать даже и такую малышку, махнула она в сторону похищенной у террористов лодки. - Но мне нужен кто-то, кто умеет работать с радаром. Своего оператора у меня сейчас нет.

- Я могу с этим справиться, - предложил принц. Ему надоело быть всего лишь мишенью. - С большим удовольствием.

- Робби, ты у нас старший тут, - сказал Джек.

- Как насчет... как это с точки зрения законности? - спросил капитан Петерс.

- Послушайте, - быстро заговорил Робби, - иностранные подданные только что совершили вооруженное нападение на собственность правительства США. Это акт войны, и нам надлежит действовать соответственно. Есть у вас готовый к выходу в море катер? - повернулся он к Замировски.

- Есть. Мы можем взять семьдесят шестой.

- Заводи! Капитан Петерс, нам нужно несколько морских пехотинцев.

- Сержант Брекенридж, обеспечьте охрану и приведите сюда десять человек.

Брекенридж тут же подозвал к себе сержанта Каммингса.

- Сержант, позаботьтесь о гражданских - отвезите их в госпиталь и приставьте к ним охрану. Учтите, их безопасность на вашей ответственности. Это приказ, и только я могу отменить его. Ясно?

- Ясно, Пушка.

Райан помог Кэти взобраться в кузов пикапа.

- Мы отправляемся в погоню.

- Будь осторожней, Джек. Прошу тебя.

- Буду. Но уж теперь-то мы их сцапаем! - заверил он ее и поцеловал.

Выражение лица ее показалось ему несколько странным. - У тебя все в порядке?

- Да, да. Береги себя, Джек. Будь осторожен!

- Само собой, детка. Я скоро вернусь. - "А они - нет!" - сказал он про себя. Еще раз поцеловав жену, он направился к лодке. Из рубки трап вел на капитанский мостик - туда он и поднялся.

Мэри Замировски совсем не походила на командира - скорее уж на юнгу. Но вела она себя по-командирски.

- Задний ход, - скомандовала она. - Лево руля!

- Есть лево руля! - отозвался матрос. Через несколько секунд причал начал стремительно удаляться от них.

- Полный вперед! - крикнула Замировски. - Курс один-три-пять. Как с радаром? - обернулась она к принцу.

Принц все еще возился с радаром - эта система была ему незнакома.

- Ага! - наконец выдохнул он, разобравшись со всеми этими кнопками на щитке управления. - Цель - один-один-восемь, расстояние - тысяча триста, курс северо-восток, скорость... около восьми узлов.

- Ясно, - сказала Замировски и подумала: "Волны дальше могут оказаться посерьезней".

- Какова наша задача, лейтенант? - спросила она Робби.

- Можем мы догнать их?

- Еще бы! - воскликнула Мэри. - Они стреляли по моим катерам. Да я из них лепешку сделаю, сэр! Мы можем делать тринадцать узлов. А они при такой погоде вряд ли смогут выжать больше десяти.

- О'кей. Желательно максимально приблизиться к ним, но так, чтобы они нас не засекли.

Замировски оценивающе окинула взглядом воды залива и сказала:

- Мы можем подойти к ним метров на триста. Есть еще какие-то распоряжения?

- Пока давайте нагоним их, а там посмотрим, - ответил Робби.

- Как бы нам угадать, куда они идут? - спросил Джек. - Тогда бы мы могли вызвать подмогу.

- В этом что-то есть. Если они попытаются высадиться на берег... О Боже, я ведь летчик, а не полицейский! - воскликнул Робби и взялся за микрофон: Морская база - Аннаполис. Это патрульный катер номер семьдесят шесть. Вы меня слышите? Перехожу на прием.

Ему пришлось дважды повторить вызов, прежде чем пришло подтверждение.

- Аннаполис, свяжите меня с адмиралом Рейнольдсом.

- Сэр, он только что звонил нам. Ждите. Через минуту по радио раздался голос:

- Адмирал Рейнольдс слушает.

- Это лейтенант Джексон, сэр. Патрульный катер семьдесят шесть. Мы преследуем лодку, из которой обстреляли наш причал. Мы в миле от дока, на юго-востоке.

- Вот оно что! Хорошо. Кто у вас на борту?

- Замировски, моряк из ее команды, капитан Петерс, несколько морских пехотинцев, доктор Райан и... гм, капитан Уэльский, сэр... из... капитан Королевского флота, - отпраповал Робби.

- Так вот он где! У меня тут ФБР на другом телефоне... О Господи, Робби!

О'кей, гражданские уже в госпитале, под присмотром, ФБР и полиция на подходе.

Еще раз доложите ситуацию и сообщите о своих намерениях.

- Сэр, мы преследуем лодку с террористами. Мы намерены приблизиться к ней, определить при помощи радара ее курс и затем вызвать на помощь силы правопорядка, - доложил Робби и ухмыльнулся этим словам. - Сейчас я намерен связаться с балтиморской береговой охраной, сэр. Похоже, что в данный момент они движутся как раз в сторону Балтимора.

- Вас понял. Действуйте. Но помните, что безопасность... э-э, капитана Королевского флота полностью на вашей ответственности. Никакого ненужного риска. Повторяю: никакого! Вы меня поняли?

- Есть, сэр. Без необходимости не рисковать, - повторил Робби и, повернувшись к Джеку, добавил:

- Ну что же, мы получили вотум доверия.

- Мыс Гринбери по курсу. Пятнадцать градусов левее, - приказала Замировски. - Курс - ноль-два-ноль.

- Цель по курсу ноль-один-четыре, расстояние - тысяча четыреста, скорость прежняя - восемь узлов, - доложил принц. - Они тут, - ткнул он пальцем в карту, - срезали угол.

- Это ерунда, - сказала Замировски. - Зато теперь мы вышли на глубокую воду.

- Есть тут кофе? - спросил Джек.

- В камбузе есть кофейник, но кто этим займется? - спросила Замировски.

- Я сам займусь, - вызвался Джек. Спустившись по трапу вниз, он добрался до камбуза, нашел внушительных размеров кофейник и включил его. Поднявшись на палубу, Райан увидел, что Бреккенридж раздает всем спасательные пояса.

- Через десять минут будет кофе, - сообщил Джек.

- Береговая охрана! - надрывался в микрофон Робби. - Плохо слышу вас! Повторите!

- Семьдесят шесть, это береговая охрана. Балтимор. Вы нас слышите?

Перехожу на прием.

- Теперь лучше.

- Что там у вас?

- Мы преследуем лодку, метров шести в длину, с террористами... Их человек десять, возможно, и больше...

- Вас понял. Повторяю: лодка с вооруженными негодяями на борту. Вы не ошибаетесь? Перехожу на прием.

- Никаких сомнений, сынок. А теперь - хватит трепаться. К делу.

- Вас понял, - прозвучало с явной обидой в голосе. - Сейчас отчаливает катер, двенадцати метров, а минут через десять - еще один, десяти метров. Это патрульные катера, оперирующие в пределах гавани. У них нет экипировки для боевых действий.

- У нас на борту десять морских пехотинцев, - ответил Джексон. - Вы запросили о помощи?

- О, черт!.. Да... У меня на телефоне полиция и ФБР. Они направляются в ваш район.

- О'кей. Пусть ваша двенадцатиметровка свяжется с нами, когда покинет док.

Пусть она идет у них перед носом, а мы будем висеть сзади. Если мы поймем, куда террористы идут, я свяжусь с вами, а вы - с полицией.

- Это мы сделаем. Дайте мне тут все наладить... Подождите минуту.

- А что если какое-нибудь судно? - спросил принц.

- Этого можно ожидать, - сказал Райан. - Так вот они выручили эту суку Миллера из тюрьмы... Робби, можешь ты связаться с береговой охраной? Пусть дадут нам список кораблей в заливе.

Обе группы спасения заложников были уже в пути. Вернер все ломал себе голову над тем, что же произошло в доме. В данный момент он и обе группы спасения, разместившись по полицейским машинам, мчались по направлению к Военно-морской академии, чтобы взять под свою охрану тех, кого немного ранее они намеревались спасти из рук террористов. "Если бы только можно было воспользоваться вертолетами", - думал он... Но погода была слишком кошмарной для вертолетов.

- Вот список кораблей в порту, - сказал по радио лейтенант береговой охраны. - Многие ушли вечером в пятницу, так что список короткий. Я начинаю с морского терминала Дандэлк. "Ниссан Курьер", японец, порт приписки - Иокогама, доставил груз легковых машин и грузовиков. "Вильгельм Шернер", немец, порт приписки - Бремен, сухогруз. "Костанца", киприот, порт приписки - Валлетта, Мальта...

- То самое! - сказал Райан.

- ... по расписанию, уходит через пять часов. "Джордж Макреди", американец, порт приписки - Орегон...

- Что у вас есть еще о "Костанце"? - спросил Робби.

- Отплывает до рассвета, груз - сельскохозяйственное оборудование,

направляется в Валлетту.

- Это, вероятно, то самое.. - тихо сказал Джек.

- Береговая, обождите, - сказал Робби и повернулся к Джеку. - Откуда ты знаешь, Джек?

- Я не знаю, но у меня есть все основания предполагать это. Когда эти ублюдки устроили побег Миллеру, их, вероятно, подобрало судно, зарегистрированное на Кипре. Далее: мы считаем, что они получают оружие через одного мальтийского дельца, который сотрудничает с южно-африканским правительством. И вообще, через Мальту проходит много террористов. Тамашнее правительство состоит в дружеских отношениях с одной южной страной. Сами мальтийцы рук не пачкают, но когда дело касается барышей, они умеют на многое смотреть сквозь пальцы.

Робби кивнул понимающе и снова взялся за микрофон. "Береговая, вы в контакте с местной полицией?"

- Так точно.

- Сообщите им: у нас есть основания предполагать, что террористы идут на "Констанцу".

- Вас понял. Мы пошлем к "Констанце" патрульный катер - понаблюдать... И сейчас я свяжусь с полицией.

- Только чтобы они не засекли катер, береговая!

- Понял. Это мы устроим. Подождите... Катер, двенадцатиметровка, сообщает, что видит вас и цель на радаре. Он сейчас огибает мыс Бодкин. Все верно?

Перехожу на прием.

- Верно, береговая. Скажите вашему катеру, чтобы держался за пятьсот метров от лодки, впереди нее. Подтвердите.

- Понял. Пятьсот метров.

- Им конец, - сказал Райан не столько Робби, сколько себе.

- Минутку, лейтенант. Стойте спокойно, сэр, - подошел к нему Брекенридж.

Он протянул руку и вытащил у Райана из-за пояса "браунинг". Джек поразился, увидев, что предохранитель спущен. Брекенридж поставил его на место и снова сунул за пояс Джеку. - Давайте, не будем небрежничать, сэр. О'кей? А не то вы можете потерять кое-что стоящее. Райан смутился.

- Спасибо, Пушка.

- Кто-то ведь должен заботиться о лейтенантах, - усмехнулся Брекенридж.

- Вы приставили кого-нибудь к принцу? - спросил Джек.

- Еще до того как адмирал потребовал этого, - Брекенридж махнул рукой в сторону капрала, стоявшего с винтовкой в руках в метре от принца. - Ему приказано прикрывать принца от огня. Даже собственным телом.

Пять минут спустя три полицейские машины подкатили к Шестому причалу терминала Дандэлк. Фары на машинах были выключены, они остановились под одним из портовых кранов. Пятеро полицейских направились к трапу судна. Матрос, дежуривший у трапа, попытался остановить их, но через секунду руки у него оказались в наручниках, и ему пришлось проследовать на судно вслед за полицейскими. Старший группы, одолев три трапа, оказался наконец на капитанском мостике.

- В чем дело?

- А вы кто такой? - спросил полицейский, выставив вперед винтовку.

- Я капитан судна! - заявил Николай Френза.

- Я - сержант Уильям Пауэрс, полиция штата Мэриленд. Я должен задать вам кое-какие вопросы.

- Ваша власть на территорию моего судна не распространяется! - ответил Френза. Он говорил с греческим и еще каким-то акцентом. - Я готов к вопросам береговой охраны, и только.

- Сейчас я вам все объясню, - сказал Пауэрс и придвинулся к капитану, крепче сжав в руке винтовку. - Вы пришвартованы к берегу, который принадлежит штату Мэриленд, а вот эта вот винтовка свидетельствует, что у меня достаточно власти. Мы располагаем информацией, что сюда идет лодка, набитая террористами.

Они убили кучу народу, - с этими словами он уткнул дуло винтовки в грудь капитана. - Так что, если они и вправду идут сюда, то не вздумайте выкинуть какую-то штуку... Вы окажетесь в таком дерьме, капитан, какое вам и не снилось.

Вы меня поняли?

Капитан сник. "Итак, информация правильная. Отлично", - констатировал про себя Пауэрс.

- Я вам советую оказать нам содействие, поскольку сейчас тут будет столько полицейских, сколько вы за всю свою жизнь не видели. Вам вскоре может понадобиться дружеская помощь, мистер. Если вы хотите что-то сказать, то я вас слушаю.

Френза колебался, глаза его бегали. Он оказался в трудном положении: уплаченные ему деньги не стоили несчастья, которое могло на него обрушиться.

- У нас их четверо на борту. Они в носовой части судна. Мы не знали...

- Выключи, - велел сержант капралу, державшему в руке портативный приемопередатчик. - Что делает команда?

- Команда внизу, готовится к отплытию.

- Сержант, береговая сообщает, что они в трех милях отсюда и направляются сюда.

- Отлично.

Пауэрс извлек из-за пояса связку наручников. При помощи других полицейских он заковал в наручники четверых матросов, стоявших на вахте на верхней палубе.

- Капитан, имейте в виду, если вы или ваши люди начнут шуметь, я сюда вернусь и размажу вас по палубе. Я не шучу.

Пауэрс направился со своими людьми на нижнюю палубу, а оттуда - в носовую часть судна, которая вся была заставлена контейнерами, каждый размером с хороший грузовик. Между контейнерами были узкие - менее метра шириной - проходы, что позволило полицейским передвигаться незаметно. У сержанта не было опыта, которым располагали штурмовые группы, но у всех его людей были винтовки, и кое-что о тактике ведения боя ему было все же известно.

Они продвигались между нагроможденными друг на друга контейнерами, как по узким городским улицам. С той разницей, что дома тут были из ржавого

железа.

Дождь чуть поутих наконец, но не прекратился и шумно колотил по железным бокам контейнеров. Дойдя до последнего контейнера, они увидели, что носовая часть судна была ничем не загромождена - там высился лишь грузовой кран. Пауэрс выглянул из-за контейнера и увидел двоих мужчин, стоявших в дальнем конце палубы, у правого борта. Они вглядывались в море, куда-то на юго-восток, где был вход в гавань. Полицейские, пригнувшись, направились к ним. Они уже одолели полдороги, когда один из террористов обернулся.

- Кто вы такие?

- Полиция! - крикнул Пауэрс и вскинул винтовку, но, к несчастью, споткнулся и пуля ушла в сторону. Террорист выхватил пистолет, выстрелил и тоже промазал. Оба террориста нырнули за контейнер. Один из полицейских, подкравшись с другой стороны палубы, пальнул из винтовки в угол контейнера, чтобы не дать террористам высунуться. До Пауэрса донесся пулеметный обмен репликами, а затем - топот ног. Он набрал воздуха в грудь и ринулся к правому борту.

Никого. И никаких тебе веревок, чтобы, скажем, спуститься в море. Валялся лишь кем-то оброненный радиопередатчик.

- Вот блядство!

С тактической точки зрения ситуация была вшивой. У него под боком были вооруженные преступники - но где? И через минуту, другую подойдет лодка с их товарищами. Одного полицейского он поставил по правому борту, другого по левому - следить за тем, чтобы никто не мог незаметно пришвартоваться к судну. Затем связался с береговой охраной. Береговая заверила, что подкрепление вот-вот подойдет. Пауэрс решил держать ухо востро и, если подвернется подходящая возможность, не упускать ее. Он знал Ларри Фонтана и помогал выносить из церкви его гроб, и будь он проклят, если упустит теперь шанс поквитаться с теми, кто убил Ларри.

Они мчались через мост. Ведущей была полицейская машина. Еще немного, и они свернут на дорогу, ведущую к морскому терминалу. Полиция уверяла, что знает короткий путь. В этот самый момент под мостом проплывала лодка длиной в шесть метров.

Цель проходит справа, похоже, что направляется к судну, пришвартованному к набережной, курс три-пять-два, - отрапортовал принц.

- Так оно и оказалось, - сказал Райан. - Мы их сцапали.

- Давайте поближе к ним, - сказал Робби, обращаясь к Замировски.

- Они могут засечь нас, сэр. Дождь затихает. Они идут к тому судну...

Хотите, чтобы мы перехватили их как раз когда они доберутся до него? - спросила Замировски.

- Именно.

- О'кей. Я поставлю кого-нибудь к прожектору. Капитан Петерс, отправьте ваших ребят на правый борт. Будьте готовы к десанту.

Согласно флотским правилам, Мэри Замировски не могла служить на военном корабле, но теперь, похоже, она докажет свое право быть военным моряком.

- Есть, - козырнул Петерс и отдал соответствующее распоряжение Брекенриджу.

Райан спустился на палубу и двинулся на корму. Он уже решил, что ему

делать. Ему предстояла встреча с Сином Миллером.

- Слышу мотор лодки, - тихо сказал один из полицейских.

- Отлично, - Пауэрс загнал патрон в ствол. Оглянувшись, он увидел на корме троих человек с оружием в руках и в полицейской форме - они направлялись к нему.

- Кто здесь командует? - спросил капрал.

- Я, - ответил Пауэрс. - Вы оставайтесь тут, а вы, двое, давайте на корму.

Если из-за контейнера высунется голова, бейте по ней, чтобы мозги разлетелись к черту.

- Вижу лодку! - крикнул полицейский. Пауэрс тоже увидел ее. Белого цвета лодка появилась в сотне метров от судна и медленно направилась к нему.

- О Господи!

Лодка была битком набита людьми с автоматами. Бессознательно Пауэрс пощупал стальную обшивку судна, прикидывая, достаточно ли это надежная защита от пуль. Большинство полицейских носили пулестойкие жилеты, но Пауэрс их не любил.

Он спустил предохранитель. И вовремя.

Лодка приближалась к корабельному трапу. Вот она ткнулась носом в нижнюю перекладину, и стоявший на носу парень закрепил канат. Двое террористов вылезли из лодки и остановились на узкой нижней платформе трапа. Протянув руки, они помогли выбраться из лодки своему товарищу и понесли его вверх по трапу. Пауэрс подождал, когда они добрались до середины.

- Ни с места! Полиция! - он и другие полицейские нацелили винтовки на лодку. - Только шевельнитесь - и вам конец, - добавил он и тут же пожалел об этом: прозвучало слишком уж по-киношному.

Пауэрс увидел, как задрались вверх головы, а руки автоматически потянулись к оружию. Но тут со стороны моря ослепительно засиял, ударив в лодку, мощный прожектор. Это сильно облегчило положение. Пауэрс видел, как головы в лодке сперва дернулись в сторону моря, а потом опять задрались вверх, по направлению к нему. Теперь он мог разглядеть выражение их лиц.

Они попались, и понимали это.

- Эй, на лодке! - разнесся над водой женский голос, усиленный громкоговорителем. - Ни с места! У меня тут десять морских пехотинцев. Если шевельнетесь, они из вас котлету сделают.

Сержант Пауэрс скривился от этих слов.

Вспыхнул второй прожектор.

И снова над морем прозвучали слова:

- Говорит береговая охрана. Капитан "Констанцы", ваше судно и пришвартованная к вам лодка арестованы.

- Ничего себе! - заорал Пауэрс. - Это я поймал их! Большой, серого цвета патрульный катер подошел вплотную к лодке, и Пауэрс увидел, как на террористов нацелился десяток винтовок.

- Бросить оружие! По одному - наверх, - приказал Пауэрс.

Позади него раздался выстрел из пистолета и тут же - ответный залп из винтовки. Пауэре вздрогнул, но не обернулся, не спуская глаз с лодки.

- Я видел одного! - сказал полицейский. - Метрах в тридцати.

- Не давай ему высунуться, - приказал Пауэре. - О'кей, эй вы там, внизу давай по одному сюда и ложитесь на палубу, лицом вниз.

Поднялись первые двое террористов - они несли третьего, раненного в грудь.

По приказу Пауэрс, они легли ничком на палубу. За ними последовали остальные.

По одному. Всего он насчитал двенадцать человек, некоторые были ранены. В лодке осталась груда оружия и тело убитого.

- Эй, на лодке, - крикнул Пауэре, - тут нужна помощь! Райан только и ждал этого - он тут же прыгнул на палубу лодки террористов. За ним последовал Брекенридж. Они осмотрели тело, оставленное террористами. Во лбу его зияла дыра сантиметра полтора в диаметре.

- Я чувствовал, что разок неплохо всади, - с удовлетворением сказал Брекенридж. - Давайте, лейтенант, - махнул он рукой в сторону трапа. Райан начал подниматься вверх, держа в одной руке пистолет. Сзади что-то кричал капитан Петерс, но ему было плевать.

- Осторожно, - предупредил его Пауэрс. - Тут меж контейнерами прячется еще один тип из этой компании.

Джек увидел, что на палубе лежали лицом вниз более десятка людей. Руки они держали на затылке. Над ними возвышались двое полицейских с винтовками. Еще шестеро морских пехотинцев появились на борту, а с ними и капитан Петерс. Он подошел к сержанту Пауэрс, и тот доложил:

- Капитан, двое, а может, и четверо террористов прячутся между контейнерами.

- Хотите, поможем выкурить их оттуда?

- Да, надо бы заняться ими, - усмехнулся Пауэрс. Он собрал своих людей, оставив охрану террористов на Брекенриджа и троих морских пехотинцев. Райан пошел вдоль ряда лежащих людей, вглядываясь в их лица.

Миллер, лежа на палубе, поглядывал по сторонам, все еще надеясь выискать возможность побега. Он повернул голову влево и увидел, что к нему приближается Райан. Они мгновенно узнали друг друга, и тут Миллер увидел в глазах Райана то выражение, право на которое всегда оставлял только за собой. Он понял, что это его смерть.

Райану казалось, что тело его стало сплошным куском льда. Пальцы заледенели на рукоятке пистолета, глаза застыли на лице Миллера. Он подошел к нему и, пнув в бок, жестом приказал встать. Слова тут были неуместны. "Со змеей не разговаривают. Змею убивают", - подумал он.

- Лейтенант!.. - заспешил к нему Брекенридж.

Джек, ухватив Миллера рукой за глотку, прижал его спиной к контейнеру. Это было непередаваемое чувство - сжимать горло врага. "Эта падаль чуть не убила моих близких", - думал он. Но лицо его было абсолютно бесстрастно. Миллер смотрел ему в глаза и видел... пустоту. И впервые в своей жизни Син Миллер испугался. Он ощутил дыхание смерти, и ему вспомнилась католическая школа, и то, что ему вдалбливали там, и стало страшно, что те слова могут

оказаться правдой. Холодный пот прошиб его. Ему показалось, что все, что он слышал о вечных муках в аду, - правда.

Райан понял, что происходило в душе Миллера.

- Прощай, Син. Надеюсь, тебе там придется по нраву...

- Лейтенант!

Джек знал, что времени у него в обрез. Он поднял пистолет и силой втолкнул его в рот Миллера. Плавнo нажал на курок... но выстрела не последовало. На руку его легла тяжелая лапа Брекен-риджа.

- Он не стоит того, лейтенант, просто не стоит, - Брекенридж с силой потянул руку Джека на себя, и только тут Райан увидел, что пистолет его стоит на предохранителе.

Джек сглотнул слюну и перевел дыхание. Теперь Миллер уже не казался ему таким чудовищем. Страх изменил выражение его лица, в нем проглядывало что-то человеческое. Миллер судорожно хватал ртом воздух - рука Джека все еще сжимала его горло. Райан разжал пальцы, и Миллер упал на палубу.

- Я знаю... - сказал Брекенридж, положив руку на плечо Райану. - Он искалечил вашу дочь... Я знаю... Но все равно не стоит. Я мог бы заявить полиции, что вы пристрелили его при попытке к бегству. И мои люди подтвердили бы это. Так что до суда бы не дошло, но все равно не стоит... Вы не убийца, мягко подытожил Брекенридж.

Джек молча кивал, словно лишившись дара речи. Миллер так и лежал ничком, страшась поднять голову, чтобы не встретиться глазами с Райаном. Джек почувствовал, что волна ненависти отпускает его. "Я победил, - повторял он про себя. - Я победил. Я уничтожил его и при этом не сломался сам". Рука его, судорожно сжимавшая пистолет, расслабилась наконец.

- Спасибо, Пушка. Если бы не вы...

- Если бы вы действительно хотели шлепнуть его, вы не забыли бы спустить предохранитель. Я вас, лейтенант, давно уже знаю, так что... - Брекенридж кивнул, чтобы подчеркнуть смысл сказанного. - А ты, - приказал он Миллеру, давай перемещайся к своим.

Миллер, с трудом поднявшись на ноги, сделал несколько шагов и снова растянулся на палубе, возле остальных террористов.

- Если кто-то из вас решит, что ему подвернулся удачный случай бежать, пусть прежде подумает. Я изрешечу его из этой вот штуки, - объявил Брекенридж.

- Вы совершили убийство в штате, где есть смертная казнь. Так что снисхождения от меня не ждите. Запомните это.

Потом прибыла группа спасения заложников. В это время цепочка морских пехотинцев и полицейских, прочесывая проходы между контейнерами, продвигалась по направлению к корме. Но оставшихся четверых членов АОО нигде не было видно, они успели перебраться куда-то в надпалубные сооружения. Вернер принял командование на себя.

К причалу подкатили три фургона с телевизионщиками и включили осветительные лампы - стало еще светлей, почти как днем. Полиция не подпускала телевидение к судну, тем не менее телезрители всего мира уже получили свою порцию новостей о происходящем. Полковник полиции сделал заявление для прессы, смысл которого сводился к тому, что ситуация под

контролем - отчасти благодаря некоторому везению, но в основном вследствие блестящей работы полиции.

Все террористы были уже подвергнуты обыску. Агенты ФБР зачитали им параграфы о их конституционных правах. На палубе появился принц в сопровождении многочисленной охраны. Он подошел к группе сидевших на палубе террористов, постоял, разглядывая их, и отошел в сторону, так и не вымолвив ни слова. Слова тут были не нужны.

- Мы закупорили все входы и выходы, - сказал десантник из группы спасения заложников. Четверо террористов - так говорит команда - прячутся на судне. Надо их найти и попытаться уговорить сдаться. Вряд ли это будет трудно, и у нас в запасе бездна времени.

- А если они откажутся, то как вы их будете выкуривать? - спросил Пауэрс.

- Мы еще не решили, но прежде всего надо убрать отсюда всех гражданских. И мы предпочли бы, чтобы вы увели своих людей тоже. К морским пехотинцам это тоже относится, - обернулся он к капитану Петерсу. - И спасибо за помощь, капитан.

- Надеюсь, мы ничего не напортачили? Пауэрс покачал головой.

- Вы действовали в соответствии с законом. А кроме того, у нас все необходимые улики налицо.

- О'кей, тогда мы возвращаемся в Аннаполис.

- Отлично. Там вас расспросят агенты ФБР.

- Сержант, распорядитесь.

- О'кей. Морская пехота, по коням! - рявкнул Брекенридж.

Две минуты спустя патрульный катер вышел в море. Дождь наконец прекратился, и небо прояснилось. Морские пехотинцы тут же вскарабкались на койки. А остальные набились в камбуз, где их ждал кофе.

- Денек сегодня оказался долгим, - сказал Джексон, взглянув на часы. - Мне через несколько часов положено было бы быть в небе.

- Похоже, что мы выиграли этот раунд, - заметил капитан Петерс.

- Довольно дорогой ценой, - сказал Райан.

- Такое, сэр, всегда дорого обходится, - заключил, помолчав, Брекенридж.

Катер вдруг наддал, задрожав от работавших на полную мощность моторов. Джексон потянулся к телефонной трубке - спросить, в чем дело. Услышав ответ, он заулыбался во весь рот, но никому ничего не сказал.

Райан поднялся наверх. Ему не хотелось сидеть в помещении. Свежий ветер дул ему в лицо и, казалось, что обуревавшие его чувства и мысли наконец-то улягутся. Увидев забытые кем-то сигареты, он жадно закурил. Балтиморская гавань уже была еле видна, и катер шел по направлению к Аннаполису, выжимая все свои тринадцать узлов. Дым от сигареты стремительно таял в воздухе. "Прав ли Брекенридж, остановив меня? - спросил он себя. - В одном-то он точно прав: убийцей мне быть не дано".

- Устали, Джек? - спросил принц. Джек и не заметил, когда он подошел.

- Вроде бы должен, но не чувствую - верно, перевозбужден.

- Еще бы. Я, - тихо сказал принц, - хотел спросить их: почему? Когда я подошел к ним, я хотел...

- Да-а, - Райан сделал последнюю затяжку и швырнул окурок за борт. - Вы могли бы спросить, но сомневаюсь, чтобы ответ их был вразумителен.

- Тогда как же нам решать эту проблему?

"Мою-то проблему мы уже решили, - подумал Джек. - Ни за мной, ни за моей семьей они уже охотиться не будут. Но вы ведь, принц, ждете не такого ответа, не так ли?"

- Я думаю, - сказал он, - все сводится к понятию справедливости. Если люди верят в справедливость общества, в котором живут, они не нарушают законов. Но фокус состоит в том, как сделать, чтобы они верили в это. Справедливость далеко не всегда легко дается. У каждой проблемы есть свое решение, если только вы всерьез его ищете. У вас там вполне хорошая система. Надо только, чтобы плюсы ее распространялись на всех, и тогда люди уверуют в нее. Это трудно, но, думаю, это все же возможно. Рано или поздно, цивилизация все равно берет верх над варварством. Я, во всяком случае, на это надеюсь.

Принц Уэльский помолчал, потом произнес:

- Джек, вы очень хороший человек.

- Вы - тоже, дружище. Поэтому мы и победим.

Вид был ужасный, но никто из присутствовавших чувства жалости не испытывал. Тело Джеффри Уоткинса еще не остыло, а кровь еще капала с потолка.

Когда фотограф кончил съемку, один из детективов вынул из руки Уоткинса пистолет. Телевидение продолжало работать. В программе "Доброе утро, Британия" шли репортажи из Америки. Все террористы были уже в тюрьме.

"Вот это его, верно, и прикончило", - подумал Мюррей.

- Кретин, - сказал Оуинс. - У нас против него никаких существенных улик не было.

- Зато теперь есть, - сказал один из детективов. В руке у него было три листа бумаги. - Это, я вам скажу, то еще письмо, - усмехнулся он и вложил листы в пластиковый конверт.

Сержант Боб Хайленд тоже был тут. Он лишь недавно начал понемногу ходить, нога его еще была в гипсе, в руках - трость. Он молча смотрел на тело человека, из-за которого его дети едва не осиротели.

- Итак, Джимми, дело закрыто, - заметил Мюррей.

- Не совсем так, как мне этого хотелось бы, - ответил Оуинс.

- Но в данный момент мистер Уоткинс, полагаю, держит ответ перед более высоким судом.

Катер добрался до Аннаполиса через сорок минут. Райан удивился, что Мэри Замировски направила катер к больничному причалу. Она мастерски пришвартовалась, и все, кроме команды катера, выбрались на берег. Там их поджидали двое морских пехотинцев.

- Все в порядке, - доложил Брекенриджу сержант Каммингс.
- У нас тут миллион полицейских и прочих. Все пребывают в отличном настроении.
- Отлично. Вы свободны.
- Доктор Райан, - сказал Каммингс, - не пройдет ли вы со мной. Нам надо поспешить, - и он пустился почти рысцой. Райан едва поспевал за ним - ноги не больно-то слушались его от усталости. Наконец они добрались до госпиталя.

- Минутку! - остановил их стоявший у входа агент ФБР и вытащил из-за пояса Райана пистолет. - Верну, когда будете уходить. Не возражаете?

- Прошу прощения, - смутился Джек.
- Ничего, ничего... Проходите. В холле никого не было.
- А где же все? - спросил Джек Каммингса.
- Сэр, ваша жена сейчас в родильной палате, - обернулся тот, улыбаясь.
- Почему же мне никто не сказал? - встревожился Джек.
- Она просила не говорить, чтобы не волновать вас, сэр. Через минуту они были уже на нужном этаже.

- Вот там, - ткнул Каммингс пальцем в дальний конец коридора.
Джек кинулся бегом. У дверей палаты его остановил санитар и направил в раздевалку - облачиться в больничный халат. От усталости и возбуждения у Джека дрожали руки, и тесемки халата никак не завязывались. Наконец он кое-как справился с ними и вошел в приемный покой. Все друзья были в сборе. Он махнул им рукой и проследовал за санитаром в родильную.

- Давненько я этим делом не занимался, - услышал он голос врача.
- Я тоже. Последний раз - несколько лет тому назад, - ответила Кэти и снова сделала глубокий вдох, чтобы умерить боль, а потом прибавила:
- Вы ведь должны стараться внушить пациенту доверие к себе.
- Привет, милая, - схватил ее руку Джек.
- Идет как по расписанию, - заметил врач.
- Могло бы и чуть поскорей - не повредило бы, - сказала Кэти. - У тебя все в порядке?

Лицо ее, мокрое от пота и измученное, было прекрасно.
- Все кончено. Все кончено, - сказал Джек. - Как ты?
- Воды отошли два часа тому назад, - сообщил врач. - Она вполне могла бы уже родить, если бы не ждала вашего появления. В общем, все в норме, - бодро заключил он, хотя на самом деле нервничал даже больше, чем роженица. - Вы готовы сделать еще одно усилие? - спросил он Кэти.

- Да!
Кэти сжала руку Джека, закрыла глаза и напряглась изо всех сил.
- Показалась голова. Все прекрасно. Еще чуть-чуть и все! - сказал врач.
И тут же раздался крик новорожденного. И это тоже, - подумал Джек, - голос свободы".

- Мальчик, - сказал жене и поцеловал ее Джон Патрик Райан-старший.
Медсестра помогла врачу перерезать пуповину, затем запеленала ребенка в белое одеяльце и отошла в сторону. Послед отошел без особых усилий.
- Небольшие разрывы, - сообщил врач. - Сейчас введем обезболивающее и зашьем.

- Как он? - спросила, морщась от боли, Кэти.

- Все в порядке, - сказала сестра. - Ровно восемь фунтов, и все на своих местах. Легкие работают, и сердечко колотится отлично.

Джек взял сверток в руки - маленький крикливый комочек красной плоти с крохотной кнопкой вместо носа.

- Добро пожаловать, - тихо сказал он. - Я твой отец. - "И твой отец не убийца, - подумал он. - Это куда важнее, чем многие думают". Он прижал ребенка к груди и побаюкал его с минуту, думая в это время, что Бог все-таки есть на небесах.

- Хочешь посмотреть на сына? - спросил он Кэти.

- Боюсь, он испугается меня - я еле жива.

- Не бойся, - сказал Джек сыну. - Она у нас красавица. Как ты? - опять спросил он Кэти, передавая ей ребенка.

- Только Салли мне не хватает, а так все хорошо.

- Закончено, - сказал врач. - Я не штатный гинеколог, но зашил, по-моему, прекрасно.

Медсестра унесла Джона Патрика Райана младшего в детскую.

Джек видел, что глаза Кэти смыкаются от усталости. Он взглянул на часы двадцать три часа она была на ногах. Ей нужен был сон. И ему тоже, хотя сейчас было и не до этого. Еще раз поцеловав Кэти, он вышел в приемный покой, чтобы сообщить всем о рождении сына, прекрасного мальчугана, у которого будут две такие разные пары крестных родителей.

6

5

Обращений с начала месяца: 197, Last-modified: Thu, 27 Sep 2001 17:57:33 GMT
Оцените этот текст: Не читал 10987654321 Прогноз